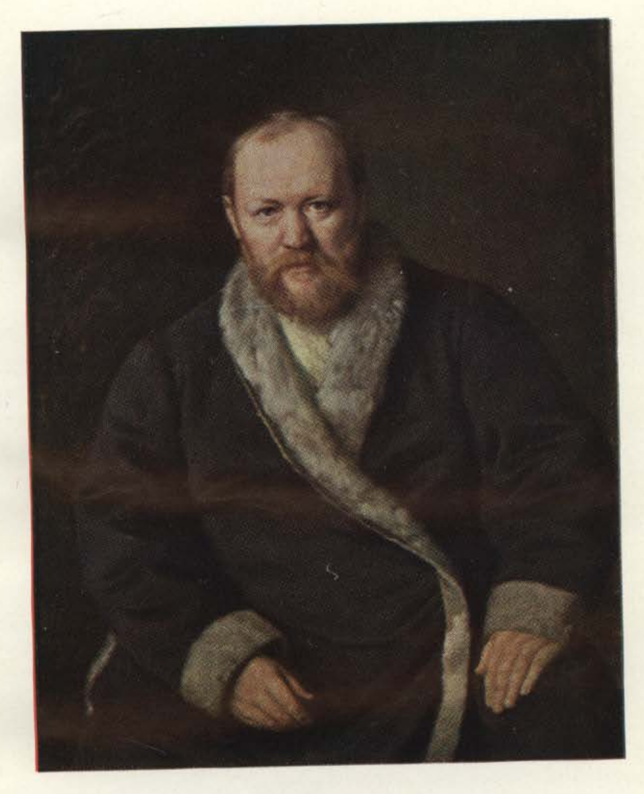
А.Н.ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

1

А.Н.ОСТРОВСКИЙ ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ 1



А. Н. Островский
Портрет работы В. Г. Перова

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

Под общей редакцией

Г. И. Владыкина
И. В. Ильинского
В. Я. Лакшина
В. И. Маликова
П. А. Маркова
А. Д. Салынского
Н. Л. Степанова
Е. Г. Холодова

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1973

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

1

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА
ПЬЕСЫ
(1843 — 1854)

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1973

Р1
О-77

Подготовка текста
и комментарий
Э. Л. Ефременко
Е. И. Прохорова
Л. Н. Смирновой

Редактор тома
В. Я. Лакшин

Оформление
Л. И. Орловой
А. М. Юликова

В оформлении переплета использованы
иллюстрации П. М. Боклевского
к произведениям А. Н. Островского

ОТ РЕДАКЦИИ

Полное собрание сочинений А. Н. Островского, выпускаемое в связи со 150-летием со дня рождения великого драматурга, является наиболее полным из всех выходивших до сих пор изданий произведений писателя. В него впервые включены пьесы Островского, являющиеся переделками комедий иностранных авторов («Пока», «Добрый барин» и др.), неопубликованная рукопись «Замечательные русские простонародные рассказы...», неизвестные ранее заметки о театре. Переписку пополнят более чем двести писем драматурга к жене — М. В. Островской, а также вновь найденные письма к Н. А. Некрасову, А. Н. Серову и другим лицам, что составляет примерно пятую часть всего доныне известного эпистолярного наследия писателя.

В «Приложениях» к томам даются другие редакции и варианты пьес, если они имеют самостоятельный художественный или историко-литературный интерес (вторые редакции пьес «Воевода», «Козьма Захарьич Минин-Сухорук», варианты подцензурной редакции комедии «Свои люди — сочтемся!», первоначальные варианты пьес «Бедная невеста», «Последняя жертва» и др.).

В тома 1—5-й входят драматические сочинения и проза Островского, в тома 6-й и 7-й — пьесы в стихах и другие стихотворные произведения. Том 8-й заключает в себе пьесы, написанные Островским в соавторстве с другими драматургами, том 9-й — драматические переводы и переделки, том 10-й — статьи, записки, речи, дневники. 11-й и 12-й тома посвящены письмам Островского.

При подготовке настоящего издания в целях установления точного авторского текста специалистами-текстологами были изучены все рукописные и печатные источники. Сличение их позволило выявить значительное число искажений, проникших в публикации Сочинений Островского еще при жизни автора и с тех пор переходивших из издания в издание.

История текстов Островского имеет свою специфику, связанную с тем жанром, в котором он по преимуществу работал. Писатель-драматург, Островский создавал свои произведения прежде всего не для чтения, а для сценического воплощения их, и поэтому истинной первой публикацией произведения для него являлась обычно премьера спектакля, в подготовке которой он принимал активное участие, а не само по себе опубликование пьесы в каком-либо печатном органе. Как правило, отослав пьесу в журнал и в лучшем случае (но не всегда) прочитав корректуру этой первой публикации, автор обычно устранялся от участия в работе над последующими переизданиями своих произведений. Нельзя не учитывать также, что в журналы попадала чаще всего писарская копия. Из писем Островского известно, что по окончании работы он, как правило, с по-

мощью писцов переписывал текст в нескольких экземплярах (для цензуры, московского и петербургского театров и для печати); писцы вносили в текст мелкие искажения, автор при беглом просмотре копий их не замечал, в типографском наборе появлялись новые ошибки — и, даже когда Островский сам читал корректуры, он порою незаметно для себя авторизовал стихийно возникшие искажения, что становится очевидным при обращении к черновым авторским рукописям (см. в Комментарии к томам списки исправлений, внесенных в текст данного издания).

Собрания сочинений А. Н. Островского начали выходить еще при его жизни. Но бесспорно установлено, что лишь для первого такого издания — Сочинения в 2-х томах, Спб., изд. Г. А. Кушелева-Безбородко, 1859 — Островский специально пересмотрел и исправил тексты своих ранних пьес (причем текст пьесы «Свои люди — сочтемся!» — вопреки своей воле, под давлением цензуры). Вслед за этим при жизни Островского появились следующие издания: Сочинения в 5-ти томах, Спб., изд. Д. Е. Кожанчикова, 1867—1870; Собрание сочинений в 8-ми томах, Спб., изд. А. А. Краевского и Н. А. Некрасова, 1874, дополнительно: т. 9 — Спб., изд. Ф. И. Салаева, 1878, т. 10, Спб., изд. Е. П. Кехрибарджи, 1884; Полное собрание сочинений в 8-ми томах, Спб., изд. Н. Г. Мартынова, 1885, дополнительно: «Драматические переводы» в 2-х томах, 2 т., Спб., изд. Н. Г. Мартынова, 1886. Во всех этих изданиях автор практически участия не принимал, ограничиваясь выражением согласия на их выпуск. Вместе с тем по просьбе автора этими изданиями нередко занимались его друзья — С. В. Максимов, И. Ф. Горбунов и другие, которые читали корректуры и вносили порой в текст те или иные мелкие изменения в репликах и ремарках, руководствуясь, по-видимому, театральной практикой и традицией постановки. Эти изменения, авторизация которых сомнительна, дошли до нас в прижизненных изданиях. После смерти драматурга вышли в свет два издания Собрания сочинений А. Н. Островского в 10-ти томах (Спб., изд. В. Думнова, 1890 и 1896) и Полное собрание сочинений в 10-ти томах под ред. М. И. Писарева (Спб., изд. «Просвещение», 1904—1905), дополненное двумя томами «Драматических сочинений А.Н. Островского, Н. Я. Соловьева и П. М. Невежина» (Спб., изд. «Просвещение», 1909).

Собрание сочинений под редакцией М. И. Писарева было значительным этапом в издании произведений А. Н. Островского, поскольку редактор впервые внес в печатные тексты ряд исправлений по рукописям и первым журнальным публикациям.

После Великой Октябрьской социалистической революции помимо огромного числа отдельных изданий пьес драматурга было выпущено три многотомных собрания его произведений: Сочинения

в 11-ти томах под ред. Н. Долгова (тт. 1—10) и Б. Томашевского (т. 11), Пб.—Л., 1919—1926; Полное собрание сочинений в 16-ти томах (М., Гослитиздат, 1949—1953), Собрание сочинений в 10-ти томах под ред. А. И. Ревякина, Г. И. Владыкина и В. А. Филиппова (М., Гослитиздат, 1959—1960). Для первого из этих изданий работа по выверке текстов Островского не проводилась, зато для второго и третьего изданий тексты готовились специально. Достоинством Полного собрания сочинений (1949—1953) является то, что в состав его вошло все известное к тому времени наследие драматурга, однако сейчас это собрание не во всех отношениях удовлетворяет требованиям научной текстологии.

Последующее издание (1959—1960) исправило некоторые текстологические промахи предыдущего Полного собрания сочинений, однако эта работа не была проведена в нем систематически и до конца, без достаточных оснований редакция избрала основным источником текста последнее прижизненное издание (Н. Г. Мартынова), над которым драматург фактически не работал.

При подготовке нынешнего, второго Полного собрания сочинений был учтен опыт предшествующих изданий произведений Островского. В каждом отдельном случае изучалась история всех прижизненных публикаций пьес и в первую очередь устанавливался факт участия или неучастия в издании самого автора. На основании этого выбирался источник основного текста, в котором отразился последний этап авторской работы. Этот источник сличался со всеми рукописями и печатными изданиями, каждое из выявленных искажений обсуждалось текстологической комиссией и лишь после этого исправления вносились в текст.

Тексты печатаются по современным правилам орфографии и пунктуации с сохранением всех лексических, морфологических и орфоэпических особенностей языка Островского; сохраняются также те особенности пунктуации, которые имеют интонационный характер или объясняются своеобразием речи персонажа.

В текстах Островского, печатаемых по рукописям, все пропущенные автором и вставленные редакцией по смыслу слова заключены в угловые скобки; слова, зачеркнутые автором, но необходимые по смыслу, заключены в квадратные скобки. Согласно сложившейся в предшествующих изданиях традиции в публикации прозы Островского, слова, сокращенные автором в неопубликованных при жизни произведениях, дописаны без специальных оговорок.

В Комментарии даны сведения по истории текста каждой пьесы, отзывы современной Островскому литературной критики, а также краткая сценическая история прижизненных постановок пьесы и отзывы театральных рецензентов.

А. Н. ОСТРОВСКИЙ В НАШИ ДНИ

В первые послереволюционные годы до некоторой степени неожиданно для драматургов, для артистов и режиссеров только еще зарождавшегося советского театра прозвучал лозунг Анатолия Васильевича Луначарского: «Назад, к Островскому!». Зарождался новый в своих социальных, философских принципах театр — театр Великой Революции, а в это время нарком просвещения выдвигает такого рода лозунг...

На первый взгляд это могло показаться странным. Советский театр уже ставил первые пьесы, посвященные революции и гражданской войне. Пьесы эти были пронизаны ощущением борьбы. Во весь голос, иногда открытыми лозунгами, утверждали они новую правду жизни. Владимир Маяковский в своей «Мистерии-буфф» выразил не только революционную мысль, он дал образец оригинальнейшего строительства новой драматургической формы. Со страниц критических статей звучали в то время не только голоса разума; раздавались и крики о ниспровержении классики, о разрыве с традициями. Тем более неожиданным казался призыв Луначарского «Назад, к Островскому!».

Почему же этот выдающийся критик-марксист, как драматург выступавший с пьесами героического плана, первым обратил внимание на животворную силу традиций Островского? Очевидно, Луначарский уже тогда, в первые годы строительства советского театра, в первых же пьесах нашей драматургии, в первых спектаклях, при всем том положительном, что в них содержалось, обнаружил недостаточную психологическую глубину, эскизность характеров.

Обращаясь к традициям классической драматургии, нарком просвещения революционной России призывал, «подобно Островскому, чутко наблюдать окружающую нас жизнь». В своей статье «Об Александре Николаевиче Островском и по поводу его» Луначарский говорил, что драматург интересен «не столько сам по себе,— хотя и сам по себе он чрезвычайно интересен,— сколько по ряду вопросов, касающихся театра и драматургии, необычайно живых, страшно важных для роста нашей новой культуры...».

С тех пор прошло уже более пятидесяти лет, а брошенный Луначарским лозунг не потерял своей актуальности. И для наших дней и для нашей драматургии традиции Островского имеют огромное значение. Ведь до сих пор еще не развеяно когда-то пущенное в обиход мнение о том, что-де, мол, Островский — прежде всего живописец купеческого быта. Мнение это высказано было еще при жизни Островского теми критиками, которые не понимали всего величия таланта гениального русского драматурга.

Для всех времен Островский дорог не только поразительно сильным изображением персонажей, в которых типизировано «темное царство», он дорог нам потому, что создал живые человеческие портреты героев положительного действия, отстаивавших на путях своих нелегких судеб лучшие человеческие идеалы. Несчастливцев в «Лесе», Катерина в «Грозе», Лариса в «Бесприданнице»... Можно назвать еще много-много лиц, героев драм и комедий Островского, которым он щедро дарил свои симпатии.

Великий драматург шел той же исторически значительной дорогой творчества, которой шли великие прозаики и критики, философы и поэты,— дорогой общественного служения своему народу. Защита интересов народа, боль и тревога за его судьбу определяли до конца дней направление творчества Островского.

Интересно отметить, как совпадают устремления героев крупнейших русских писателей, как близки, например, друг другу своими представлениями об идеалах жизни Александр Адуев из «Обыкновенной истории» Гончарова и Жадов из «Доходного места».

«— Вы, дядюшка, удивительный человек! для вас не существует постоянства, нет святости обещаний...—говорит Александр Адуев.— Жизнь так хороша, так полна прелести, неги: она как гладкое, прекрасное озеро.

— На котором растут желтые цветы, что ли? — перебил дядя.

— Как озеро,— продолжал Александр,— она полна чего-то таинственного, заманчивого, скрывающего в себе так много...

— Тины, любезный.

— Зачем же вы, дядюшка, черпаете тину, зачем так разрушаете и уничтожаете все радости, надежды, блага... смотрите с черной стороны?

— Я смотрю с настоящей,— и тебе тоже советую: в дураках не будешь».

Александр Адуев, еще полный надежд, наивно декларирует свои понятия о жизни, еще не предполагая, какие удары обрушит она на него в ближайшем будущем.

Василий Жадов говорит в своем монологе:

«Не хочу верить и тому, что общество так развратно! Это обыкновенная манера стариков разочаровывать молодых людей: представлять им все в черном свете... Людям старого века завидно, что мы так весело и с такой надеждой смотрим на жизнь».

Испытав тяжелые удары судьбы и успев во многом разочароваться, Жадов в конце концов в самую тяжелую для себя минуту окончательно прозревает, чтобы никогда уже не сдаваться, не сгибать спину под тяжестью жизни...

«Обыкновенная история» вышла в том же самом 1847 году, когда в газете «Московский городской листок» были напечатаны

две сцены из первой комедии Островского — «Несостоятельный должник» (будущий «Банкрот», или «Свои люди — сочтемся!»).

Добролюбов называл пьесы Островского «пьесами жизни». И, поскольку жизнь бесконечна, пьесы Островского вливаются в нее, как реки в океан.

Вопреки гегелевской философии, утверждавшей смирение человека перед могуществом существующих условий, Островский всей силой своего таланта обрушивается на эти объективно существующие и могущественные условия. Его драматургия — драматургия протеста. Замоскворецкий быт драматург показывает как поле широчайшей жизненной битвы. Именно поэтому Добролюбов, давая оценку быту «темного царства», говорит: «Тут все в войне...»

В одной из своих ранних статей Островский писал, что обличение — характерная русская черта. «Чем произведение изящнее, чем оно народнее, тем больше в нем обличительного элемента». Публика, по его мнению, ждет от литературы не произведений с сентенциями и нравственными изречениями, а «облечения в живую, изящную форму своего суда над жизнью, ждет соединения в полные образы подмеченных у века современных пороков и недостатков...».

Эта острая гражданственная позиция многое определяла в творчестве писателя. Если бы он во все периоды своего творчества последовательно держался этой позиции, может быть, и не возникло то представление о нем, которое дошло до нас в статьях славянофильской критики. Друзья Островского по журналу «Москвитянин» щедро награждали его своим вниманием, своими симпатиями, вместе с тем, я бы сказал, обузили значение драматурга, привязывая его творчество преимущественно к патриархальным основам русской жизни. Да и сам писатель подался им навстречу. Вот как выражает он в письме к Погодину в начале 1850-х годов свои мысли о творчестве, навеянные славянофильскими тенденциями: «... пусть лучше русский человек радуется, видя себя на сцене, чем тоскует. Исправители найдутся и без нас». Эти слова уместно сравнить с тем, что драматург говорил тремя годами ранее об обличительной силе русской литературы.

Искать доброе в человеке, показывать возвышенные мотивы его поступков и таким образом возвышать его самого, конечно, занятие благородное. Но оно перестает быть серьезным делом, как только писатель перестает замечать вокруг себя все то, что лишено возвышенного содержания. Налет ложной тенденции заметен в его пьесах «Не так живи, как хочется», «Бедность не порок», «Не в свои сани не садись». Однако и здесь мы видим глубокие характеры (например, Любим Торцов), находим живописный, богатейший язык, атмосферу особой доверительности, присущую всей драматургии Островского.

Творчество великого драматурга привлекало и привлекает исследователей, о нем написано много книг и неисчислимое количество статей. Я не теоретик и не претендую на исследовательскую глубину своих суждений. Однако мне хотелось бы коснуться еще одной стороны творчества Островского. Известно, что на протяжении своей жизни он не раз мечтал писать прозу. Природа таланта и жизненные обстоятельства каждый раз обращали его к драматургическому жанру — и снова и снова он писал пьесы... Но все же именно в складе его таланта таятся такие черты, которые, может быть, и независимо от намерений автора выявляли в драматурге прозаика.

Обратим внимание на, так сказать, «романность» пьес Островского. Эта особенность его творчества не сразу бросается в глаза. В пьесах Островского нет широко развернутых ремарок с длинными описаниями места действия и характеристиками действующих лиц, как это мы видим, например, у Бернарда Шоу, который, в зрелом возрасте перестав писать романы, все же вкладывал страсть прозаика в свои необыкновенно емкие, ироничные, подчас многословные ремарки, казалось бы, не столь уж и обязательные для будущих постановщиков пьес. Островский гораздо скромнее в ремарках. Однако эпический строй его пьес, могучая и неторопливая ритмика напоминают читателю о том, что почти в каждой пьесе заложен большой роман.

«Общественный сад на высоком берегу Волги; за Волгой сельский вид; на сцене две скамейки и несколько кустов». Это первая ремарка «Грозы». Краткая, предельно лаконичная.

Но вот Кулигин поет: «Среди долины ровныя, на гладкой высоте...» А потом перестает петь и говорит: «Чудеса, истинно надобно сказать, что чудеса! ⟨...⟩ Вот, братец ты мой, пятьдесят лет я каждый день гляжу за Волгу и все наглядеться не могу».

Вот и начинается роман. Впрочем, нет. Роман в его действии, в его конфликте начался раньше; в каждой пьесе Островского, при кажущейся плавности ее начала, ощущаешь с первого же акта предысторию отношений — сложных, иногда трагедийных и даже в комедиях — драматичных. Кулигин произносит свои слова о том, что он каждый день глядит за Волгу и все наглядеться не может, — и вместе с ним мы глядим за Волгу, и каждый как бы видит свое. Вот, между прочим, существенное преимущество драматического письма над прозой; проза приковывает внимание читателя к определенной картине, и, если даже читатель видит ее по-своему, ассоциативно, все равно эта картина достаточно определенна; драма же полностью высвобождает фантазию читателя, она как бы берет его в соавторы живописи... Кудряш, в согласии со своим характером, сбивает восторженный тон Кулигина: «Нештó!» Кулигин же настаивает на

своем: «Пригляделись вы, либо не понимаете, какая красота в природе разлита».

Драматург словно приглашает нас напрячь свою фантазию.

Можно напомнить и многие другие пьесы Островского, где легко увидеть как бы зашифрованный через диалог пейзаж. То перед нами берег Волги, то осенний сад, то уголок усадьбы, а то и просто комнаты, да такие комнаты, где из каждого угла глядит несчастье или смехом подавляемое страдание.

Если бы сконцентрировать в романах Достоевского одни лишь диалоги, отбросив описания, мы с наслаждением читали бы сильнейшие психологические драмы. Если бы пьесы Островского оснастить описаниями, столь же сильными художественно, как его диалоги, мы бы наслаждались превосходными романами. В самом деле, достаточно проследить мысленно хотя бы канву «Бесприданницы».

Не живет, а как бы представительствует в жизни, явно завышая себя перед другими, Карандышев. Вожеватов, озабоченный размахом своих коммерческих дел, спорит, плывет ли по Волге «Ласточка» или «Самолет»: «Разберешь ты кожухи за семь верст!» Ему возражает Иван: «За десять разобрать можно-с. Да и ходко идет, сейчас видно, что с хозяином». Вожеватов: «А далеко?» Иван отвечает: «Из-за острова вышел. Так и выстилает, так и выстилает».

Едет Сергей Сергеич Паратов, и мы видим, как мчится его «Ласточка». Картину приближения «Ласточки» к пристани уже довольно подробно набросали нам второстепенные персонажи, Гаврило и Иван. Нам остается только попытаться дорисовать своим воображением красавец пароход, волны за его кормой... Всматриваясь в пейзаж, вы одновременно приближаете к себе, разумеется, и характеры драмы.

Вожеватов со злорадным наслаждением представляет нам портрет Карандышева; как тот оделся на костюмированном вечере разбойником и расхаживал с топором в руке и бросал свирепые взгляды на Паратова, как отняли у него топор... Мы узнаем, какой выезд приобрел себе Карандышев, как выглядит его коляска, его кучер, маленький, в кафтане с чужого плеча.

Вот в глубине сцены появляется Лариса, садится на скамейку у решетки и смотрит в бинокль за Волгу. А вокруг нее уже такое заварилось! Дело тут не в последовательности картин романа-драмы, а в ином — в широте захвата жизни, медленном, но чрезвычайно напряженном движении событий. И когда вы, явление за явлением, мысленно вообразите все многоплановое полотно «Бесприданницы», ваш внутренний взор будет захвачен к концу не только трагической развязкой — гибелью Ларисы, вы будете потрясены и всем тем, что дорисовали попутно.

Может быть, пьесы Островского потому так и хороши для чтения, что, читая их, вы как бы осваиваете не пьесу, а роман. Особенно это можно отнести к «Грозе», которая в своем течении медлительнее «Бесприданницы». Язык Островского в «Грозе» еще более эпичен. Явления в пьесе напоминают сконденсированные, спрессованные главы. И опять эта просторность, эта свобода действия, широкое течение событий, глубина человеческих отношений.

Бывали и бывают, конечно, сильные и яркие пьесы, которые не обладают этим свойством «романности». Пусть они имеют кроме первого еще и второй план, пусть они также свободно построены и психологичны, однако же нет в них этой бесконечной перспективы, эпической мощи, свойственной подлинному роману.

Исследователи обращают внимание на психологизм Чехова, отдавая должное тонкости чеховского письма. Но почему Чехов восхищался «Пучиной»? И так ли уж трудно обнаружить истоки «Чайки» в «Бесприданнице»? Да, Островский еще не достиг тех глубин подтекста, которые свойственны были драмам Чехова. Однако он предугадал и эту грань драматического творчества. Вот Карандышев уже осмеян, оскорблен пренебрежением к оружию, висящему у него на стене. Стремясь как-то поднять себя в глазах Паратова, Вожеватова и Кнурова, он предлагает им сигары. И вся сцена, начиная с того момента, как Паратов иронически оценивает сигары Карандышева, и кончая репликой Робинзона: «А потому, что если их закурить в порядочном доме, так, пожалуй, и прибьют, чего я терпеть не могу»,— вся эта сцена содержит глубокий подтекст. Сила подтекста выявляется по мере того, как все больше и больше оскорбляется Карандышев, предлагающий сигары прежде Паратову, потом Кнурову, Вожеватову и, наконец, Робинзону. И так во многих сценах пьес Островского. Бальзаминов, например, долго, длинно говорит с маменькой, и за длинной вязью его слов все время ощущается подтекст.

Все это стало заметно для критики, с годами все ближе подходившей к глубинам драматургии Островского. При жизни он так и не был вполне понят. «Бешеные деньги» расценили как упадок таланта. Оценивая «Лес», говорили, что драматург исписался...

Сегодня Островский бесконечно близок нам своей народностью, и, может быть, в этом для нас — самая сильная сторона традиции Островского.

В критике всегда бывали любители прямолинейных построений: ведя разговор о преемственности драматургии, они выстраивали классиков в стройный ряд. Гоголь, Чехов, Горький — да, тут все впрямую подтверждает прямолинейный тезис, ровно, по заведенной схеме. От Гоголя идет традиция сатиры. Помянешь бессмертного «Ревизора» — и все ясно. Чехов дал традицию особой

естественности, тонкого изображения жизни, души человеческой, ввел в драматургию понятие подтекста. Горький — прямой наш предтеча — первый обратился к образу рабочего человека, написал Нила в своих «Мещанах», заложил традиции революционного отношения к действительности. А что же Островский? Какую можно провести прямую линию от него? Если, вспоминая Гоголя, Чехова, Горького, прямолинейный критик тут же бойко подклеивает к ним имена ныне живущих драматических писателей, то в обращении с Островским не заметно такой же легкости и определенности. Разве что какого-либо драматурга, умеющего с грехом пополам изображать быт, «подверстают» к его имени.

Да, влияние Пушкина, Гоголя, Шекспира, Чехова, Горького на современную драматургию трудно переоценить. И дело не в том, чтобы ставить Островского в начале еще одной линии драматургии, породившей свою традицию. Нет, речь идет о более важном. Огромность этого художника надо рассматривать, как рассматривается само мироздание, имеющее множество небесных тел и своих космических орбит.

Да, наша драматургия по преимуществу своему не бытовая. Да, конечно, при всем внимании к сатире советский театр не так уж много ставит сатирических пьес. Но как раз именно для советской драматургии Островский подает высокий пример многоплановостью своего творчества. Сказать о нем, что он лишь сатирик, было бы узко. Версию о его бытописательстве мы отвергаем решительно. Исследователи Островского, занимающиеся его драматургией, в последние годы все ближе подходят к той истине, что Островский столь же полифоничен, как Шекспир, что он во многих жанрах оставил непревзойденные художественные образцы. Мало того, уже прозвучала совершенно верная мысль о том, что именно Островский первый в русской драматургии сломал каноны жанров, смело, новаторски перемешал бытовую драму с лирикой, трагедийные элементы с комедией, прорвался к символу и гротеску. Драматург собирательного плана, он объединил в своих пьесах, казалось бы, противостоящие друг другу жанровые признаки. «Многие условные правила исчезли,— говорил Островский,— исчезнут и еще некоторые. Теперь драматические произведения есть не что иное, как драматизированная жизнь. Жизнь вообще производит на разных людей различные впечатления, а драматическое произведение должно производить одно. Этого оно достигает ясностью, единством мысли и стройностью формы».

Важно заметить, что все это мы говорим о великом драматурге, драматурге, как принято выражаться, «милостью божьей».

Даже когда речь идет о «романности» произведений Островского, никак нельзя забывать, что в первую очередь он был драматур-

гом, Драматургом с большой буквы, по призванию, по вдохновению. Островский видел жизнь остроконфликтно, мыслил столкновениями, думал противоречиями, понимал характеры в сшибке. Особенность взгляда Островского на мир именно в том и состояла, что он постигал его в движении к конфликтной ситуации. И описательная интонация, и бережное перенесение родного пейзажа на полотно пьесы, и эпический размах повествования — все это нужно было Островскому для того, чтобы написать драму. Драма — вот плацдарм Островского, драма — вот поле его деятельности, приложения его творческих сил. И даже когда та или иная пьеса Островского начинается спокойно, не с высокой ноты,— она неизбежно влечется к драме, к конфликтному взрыву.

Ничто не предвещает поначалу тяжкой драмы, например, в пьесе «Шутники». Небогатый чиновник Оброшенов все же перебивается кое-как, у него две хорошие, любящие дочери, Анна и Верочка. У Верочки уже и жених есть — скромный, честный, непьющий молодой человек. Казалось бы, конфликт не прощупывается сразу, не с кем враждовать Оброшенову, да и незачем. Однако движется действие, и напряжение нарастает.

Мы узнаем, что жених Верочки растратил казенные деньги на лечение больной матери и теперь может угодить под суд. Оброшенов пытается помочь ему, но неожиданно попадает в беду сам. Богатый сосед — купец хочет взять на содержание приглянувшуюся ему дочь Оброшенова Аннушку. Потрясенный отец выгоняет из дома обидчика. А это значит — полная бедность, завтра же надо платить многочисленные долги, купец теперь ждать не будет. К довершению беды богатые шалопаи издеваются над растерявшимся стариком, над будущим его зятем. В ужасе Анна Оброшенова—унизили ее человеческое достоинство; на пороге тюрьмы жених Верочки; перед страшной Ямой, куда сажают неисправных должников,— старик Оброшенов. Казалось бы, спасение — нашел старик на дороге деньги. Но это лишь злобная шутка богатых бездельников — пустую подкинули бумажку.

«Почему над нами все шутят?» — звучит к финалу пьесы трагический вопрос униженных и оскорбленных. И вспоминается гоголевский Акакий Акакиевич со своим жалобным вопросом к человечеству: «Зачем вы меня обижаете?» Но Акакий Акакиевич — лицо из повести. Оброшенов же идет к финалу как персонаж драмы, хотя происшествия, с ним случающиеся, быть может, даже менее странны, нежели зигзаги судьбы Акакия Акакиевича. Почему? Да потому, что судьба Башмачкина теснейшим образом сплетена с атмосферой туманного Петербурга, сырой мансарды, департамента, она зависит от капризов портного Петровича и от многих других мельчайших житейских подробностей, которые Гоголь сумел уместить на мини-

мальной площадке своей гениальной повести. Судьба Оброшенова решается только в столкновении с обстоятельствами, никто и ничто особенно не влияет на его дела, на его настроение, и, лишь когда назревает и прорывается конфликт, история бедного старика определяется вполне: это история драматическая.

Гоголь и Островский шли к одной и той же цели — они пробуждали в обществе сострадание и гнев за разбитые жизни обездоленных. Но пути их в данном случае были разными: Гоголь оснащал повесть элементами описательными, лишь временами взрывая эпическое предвестием трагедии, Островский погружал своих тихих героев в пучину острых конфликтов.

К иным решениям вело Островского само его драматургическое мышление. Если прозаики даже такого неоглядного масштаба, как Гоголь и Достоевский, рисовали покорную судьбу своих «маленьких людей» — безгласно умирал Акакий Акакиевич, тихо и робко принимали свои несчастья «униженные» Достоевского,— то у Островского «маленькие люди» бунтуют. Они бунтуют и потому перестают быть маленькими. Ставя в один ряд гоголевского Башмачкина и забитых, запуганных персонажей Островского, мы подчас не ощущаем этой идейной, эстетической перемены. Однако именно в том-то и состоит принципиальное новаторство Островского, драматургичность его мышления, что его забитые герои освобождаются от страха, выступая против обидчиков. А если человек освобождается от страха, он уже человек не маленький, он уже личность. Продолжая гоголевские традиции, то есть не обходя «униженных» своим вниманием, Островский как бы изменил психологический климат их душ, готовя тем самым совершенно новый облик героя, за которым будущее в произведениях Горького, в произведениях драматургии социалистического реализма.

Маленький приказчик Платон Зыбкин из комедии «Правда — хорошо, а счастье лучше» бросает в лицо своим обидчикам слова, исполненные такого презрения, такой насмешки, что отступают обидчики и торжествует незаметный Зыбкин.

И тогда он уже не маленький человек, тогда он уже герой, тот же «луч света в темном царстве», как и Катерина. Примечательно, что в годы Великой Отечественной войны, когда вместе с советским народом против фашизма воевали все лучшие художники мира, Малый театр ставил «Правду — хорошо, а счастье лучше», где героем, обличителем темных сил зла и фанатизма становился маленький приказчик, большая человеческая личность — Платон Зыбкин.

По-своему борется со злом скромная девушка Параша из комедии «Горячее сердце». Девушка, которой и появляться раньше зазорно было одной на улице, поднимает свой голос против «темного

царства» градобоевых и курослеповых. И тогда Параша перестает быть тихой, незаметной, маленькой, она по праву входит в галерею героических персонажей, становясь в один ряд и с Катериной Кабановой и с Еленой Стаховой из «Накануне» Тургенева — с женщинами, разрывающими оковы домашнего гнета, смело вступающими в новую жизнь. Параша Островского в известном смысле человек даже более мужественный и цельный, нежели сама Катерина. Параша находит в себе силы не только пойти против чужого мнения, но и против собственного сердца, против своей же собственной любви. Вырывая из своей души любовь к жалкому человечку Васе, ставшему подхалимом у богатого купца, Параша приносит, быть может, самую трудную жертву — свою любовь ради чувства человеческого достоинства, ради нравственной справедливости.

Казалось бы, на что уж ничтожен, труслив, робок приказчик Ипполит из комедии «Не все коту масленица», но и он постепенно набирается духу, поднимается на богатого самодура, отстаивает свои человеческие права. Интересно, что противопоставляет Ипполит богатому купцу Ахову, у которого служит? В чем видит он свои права? Свои деловые качества, умение работать, трудовую честность. Именно свою гордость труженика противопоставляет Ипполит безделью богатых. В пьесе Островского, и в образе Ипполита в частности, начинает исподволь звучать гордость за трудового человека, уважение к честному труду, заслуживающему внимания и доброты.

В неравную борьбу с богатой барыней Гурмыжской вступает бедная девочка Аксюша, взятая из жалости на воспитание. Можно ли себе представить, чтобы не имеющая ни копейки денег, никакого положения в обществе девушка бросила в лицо властной самодурке слова насмешки и гнева. Но именно так происходит в комедии «Лес». Аксюша не только вступает в борьбу с Гурмыжской, но и нравственно побеждает ее. Гурмыжская тушуется под напором дерзких, звонких обличений своей бедной воспитанницы.

Когда-то Грибоедова упрекали за образ Лизы в «Горе от ума», полагая, что он придал этой русской служанке черты разбитной французской субретки. Действительно, трудно было представить себе, чтобы покорная крепостная девушка могла столь дерзко, бойко, бесстрашно отвечать своему господину. Но то, что еще казалось неправдоподобным у Грибоедова, вполне завоевало у Островского право на жизнь. Нынешняя Лиза — Аксюша (ведь именно на положении служанки находится Аксюша у Гурмыжской) способна начать борьбу с диким барством.

Драматург Островский всю любовь свою, все надежды свои связал с русским актерством. Он писал в расчете на актеров, постоянно памятуя об их дарованиях, думая о них, нежно любя их.

Замечательны в этом смысле образы актеров, созданные Островским. Многоликая актерская семья живет в его комедиях и драмах. И какими бы ни были эти актеры — интриганами ли, как Коринкина и Миловзоров, «светскими» пустышками, как Смельская, опустившимися на дно жизни, как Робинзон, Счастливцев и Шмага, — писатель и у них найдет светлые стороны души, пожалеет их, покажет в них человеческое.

Поразительна в этом смысле история Аркашки Счастливцева. Вроде бы только о деньгах, о своем желудке, о своих удовольствиях и своих несчастьях думает этот маленький человечишка. Нет в нем ни гордости, ни чувства собственного достоинства, ни истинного товарищества, ни рыцарства. И вот повезло — устроился к богатому дяде на хлеба. Всего вдоволь, и кормят, и поят, и не надо работать, исполнилась, как кажется, мечта провинциального актеришки. Но проснулся однажды утром Аркашка да и подумал: «А не удавиться ли мне?» Подумал и ушел от богатого дяди, чтобы снова скитаться голодным и оборванным из Керчи в Вологду. Даже в Аркашке разглядел Островский святую любовь к искусству, извечно присущую пусть самому непритязательному служителю муз.

Ну а что говорить о таких замечательных романтических фигурах, как Кручинина, Негина, Несчастливцев, Нароков, Незнамов... Это им, таким, как Несчастливцев и Кручинина, отдал писатель горячие свои симпатии, и не только потому, что они были прекрасными актерами, но потому прежде всего, что они были прекрасными людьми. На помощь бедной Аксюше поспешил Несчастливцев, отдал ей последние свои деньги, пожертвовал единственной возможностью спокойно устроить жизнь. Еще не зная, что молодой провинциальный актер — ее сын, Кручинина уже многое сделала для Незнамова, считая своим долгом поддерживать трудно живущее провинциальное актерство.

Островский писал для актеров прекраснейшие роли, именно роли, и на это мне, как драматургу, хочется обратить особое внимание. Мы подчас, когда создаем пьесу, думаем об ее идее, о сюжете, о языке, о композиции — словом, обо всем, о чем нельзя не думать. Но иногда забываем о таком понятии, как роль. А ведь роль, по существу, является строительным материалом драмы, кирпичами всей постройки. Это прекрасно понимал Островский, в его пьесах нет ни одной роли, беремся сказать это смело, «без ниточки».

Это старое выражение обозначало у актеров, получавших тетрадку с ролью, что роль всего на страницу, так что даже не надо ее сшивать с другими страницами. Реальный смысл этой фразы постепенно утратился, и понятие «без ниточки» стало обозначать, что в роли нет изюминки, нет главного. Островский всегда писал роли «с ниточкой».

Вот, скажем, «Бесприданница» открывается диалогом слуг Ивана и Гаврилы. Слуги рассказывают о людях, приходящих в кофейную, о том, кто живет в этом городе. Что, казалось бы, играть здесь актерам? Где здесь живинка, изюминка? Но Островский подумал об актерах, которые должны были играть Ивана и Гаврилу. Он вложил им в уста не только сюжетную информацию, но и дал возможность завязать будущие характеры участников драмы, как бы предопределить ход будущих событий, наметить основные черты психологии тех персонажей, которые вот-вот войдут в действие.

Иван и Гаврило не просто объявляют зрителям, что по бульвару гуляет Кнуров, но называют его «идолом», говорят о том, что ему разговаривать здесь не с кем, потому что у него миллион. Так уже начато раскрытие характера пока еще неизвестного нам Кнурова. И о Вожеватове ими сказано кое-что существенное. Пока, мол, прост, доступен, а «в лета войдет, такой же идол будет». И про Паратова мы узнаем кое-что важное для последующих событий именно от Ивана и Гаврилы. Они у Островского не только вестники событий, но и отгадчики судеб, но и предсказатели характеров, а значит, сами они — художественные образы; создавая их, драматург создавал роли для актеров.

Островский знал, любил, понимал и умел писать быт своего времени. Казалось бы, мы вступаем здесь в противоречие с тем, что было сказано выше. Но противоречия здесь нет. Есть разница между мелким натуралистическим бытовизмом, к которому иногда сводят произведения Островского, и тем поэтическим осмыслением быта как народной жизни, в котором был так неповторим Островский. Драматург не может существовать, не зная всех тонкостей, всех частностей, всех пластов жизни своего времени, привычек разных сословий, речений разной среды.

Драматургия, конфликт, сшибка могут рождаться именно на основе выяснения всех житейских обстоятельств дела. Говорят, будто может существовать драма абстрактная, абсурдная, символическая, надбытовая, сюрреалистическая, экзистенциалистская и т. д. и т. д. Возможно. Но какой бы она ни была, все равно писатель, если он действительно писатель, не может обойтись без быта своего времени. Даже если быт показан намеком, зашифрованно, он все равно проступит в характере, в языке, в самой авторской идее. Островского не надо расшифровывать, быт его пьес — это во многом поэзия народной жизни, она близка нам и сегодня.

Островский остро чувствовал театральность. Его реализм не есть нечто неподвижное, облеченное в одни и те же устоявшиеся формы. Именно Островский, создавший «пьесы жизни», в то же время решительно разрушал иллюзию жизни, если это было нужно для усиления впечатления, если того требовала бурная, яркая теат-

ральность. Именно у Островского встречаем мы и сатирическую заостренность, и слом четвертой стены, и свободное обращение в зрительный зал.

Таковы вольнодумные речи Жадова, обращенные не только к юсовым и вышневским, но к человечеству, такова песня Параши перед уходом из дома, песня, не вызванная никакими бытовыми обстоятельствами, никак психологически не подготовленная, но поднимающая обычный поступок до уровня героического воспевания. Таков лирический монолог Катерины. Обычно скупая на слова, застенчивая, робкая, она выражает здесь себя в звонкой, открытой поэзии. Таково разрывающее сюжетную нить обращение Рисположенского и Подхалюзина в зрительный зал, смело нарушающее правдоподобный фон действия.

У Островского много именно таких образов, сцен, моментов, которые выполнены не в обычной реалистической манере, а приемами гротеска, как правило, не связывающегося с именем автора «Грозы». Режиссерам нашим стоит зорче вглядеться в своеобразные «гротески» Островского, чтобы точнее передать истинно реалистическую основу его произведений.

Стоит, например, обратить внимание, что художник Петр Боклевский, решительно и сильно зарекомендовавший себя рисунками к гоголевским «Мертвым душам», органически перешел к иллюстрированию пьес Островского, находя в его типажах ту же меру сочности и гиперболы, которая привлекала его в гоголевском творчестве. Интересно задуматься над тем обстоятельством, что один и тот же карандаш Петра Боклевского схватывал гротесковые преувеличения «Мертвых душ» и новую бытовую фактуру персонажей Островского. Всматриваясь в рисунки Боклевского, изображающего, скажем, дуэт Большова и Подхалюзина, можно увидеть глазами художника нечто и доселе еще скрытое от нашей сцены: гротеск Гоголя и драматургия Островского во многом родственны. Быт, изображаемый Островским, не неподвижен. В изгибах подхалюзинского лакейского туловища, как изобразил его Боклевский, чудится нечто и хлестаковско-осиповское; Подхалюзин извивается перед сильными до той минуты, пока маленький лакей не ощутит в себе крупного хама.

Островский постоянно думает о лирическом подтексте. И режиссеру, размышляющему, например, о пьесе «Гроза», стоит вспомнить совсем будто бы и не относящуюся сюда другую пьесу Островского — «Снегурочку». Именно в «Снегурочке» Островский свободно и вольно, не сдерживаемый границами четкой реальности, выявил свое ощущение жизни как праздника, как радости, и только злые силы, силы несправедливые, насилие над человеческой природой могут помешать этому ощущению. Но в «Снегурочке» как раз и ска-

зало о том, что истинная любовь скорее пойдет на смерть, нежели подчинится бесчеловечным законам.

Снегурочка и Катерина — казалось бы, странно даже ставить рядом эти имена; прозрачная, наивная девочка, только начинающая жить, и купеческая жена, изведавшая всю боль безрадостной судьбы. Но есть внутренняя, лирическая связь между этими образами, и ее нужно услышать для того, чтобы роль Катерины наполнилась тем же острым ощущением естественности, справедливости. Снегурочка тает из-за любви, Катерина бросается в воду, им обеим нет места среди тех, кто не умеет слышать живого голоса сердца.

Пройдут века, но навсегда с человечеством останутся «Бесприданница», «На всякого мудреца довольно простоты», «Таланты и поклонники» и вершина творчества Островского, его завещание потомкам, огромная школа идейности и мастерства для драматургии будущего — драма «Гроза». В этой пьесе Островский поднимается до высоты монументальных обобщений, реализм Островского обогащается символом, символом реалистическим. Гроза не только гром и молния, разразившиеся с калиновского неба, но и нравственная гроза, прошедшая в душах людей. Для Кабанихи и Дикого она прошла бесследно, они так ничего и не поняли в страшной трагедии Катерины, совершившейся рядом с ними. Для Катерины она стала последней в жизни, но сердце Тихона она опалила, заставив проснуться от тупого и жуткого сна.

Прошла гроза и осветила своими молниями самые потайные уголки «темного царства», потрясла своими громами самые крепкие его устои. Оно пошатнулось, но осталось стоять, а жертва его, Катерина, погибла. Однако гибель Катерины — не безысходный аккорд пьесы. Катерина своим уходом из жизни утверждает жизнь; разрывая цепи, она утверждает право человека на свободу и свободное чувство.

В «Грозе» сильно и прекрасно прозвучали лучшие тенденции драматургии Островского. В «Грозе» Островский пришел к решающему для всего его творчества выводу о несовместимости глубокого человеческого чувства и естественной жизни с законами и нормами эксплуататорского общества.

Раскрывая трагедию Катерины, Островский говорил о трагедии русской женщины, женщины с любящим и чистым сердцем, терпеливой мученицы, умеющей мечтать и любить, думать и верить. Ни у одного драматурга нет таких нежных и трогательных красок для изображения русской женщины, как у Островского. Он вдохновенно воспевает ее духовную красоту и силу, ее борьбу за свободную любовь, как за свободную жизнь. Катерина и Лариса, Юлия Тугина и Негина — прекрасные русские женщины, даже смертью, даже отречением от своих идеалов утверждающие жизнь.

...Могучим усилием своего таланта Островский, по выражению И. А. Гончарова, достроил русский театр. Да, именно достроил. Величественное здание русского театра, заложенное почти триста лет назад, возводившееся Фонвизиным, Пушкиным, Грибоедовым, Гоголем, Островский великолепно достроил. Значение его как архитектора русского театра переоценить невозможно. Я не знаю, как сложилась бы драматургия Чехова, если бы Чехову не предшествовало творчество Островского. Ведь в пьесах Островского собраны все стили современной ему эпохи и уже проложен путь в будущее, к Чехову, Горькому.

В 1880 году в известной речи о Пушкине Островский сказал: «Отчего с таким нетерпением ждется каждое новое произведение от великого поэта? Оттого, что всякому хочется возвышенно мыслить и чувствовать вместе с ним, всякий ждет, что вот он скажет мне что-то прекрасное, новое, чего нет у меня, чего недостает мне: но он скажет, и это сейчас же сделается моим. Вот отчего и любовь, и поклонение великим поэтам; вот отчего и великая скорбь при их утрате; образуется пустота, умственное сиротство: не кем думать, не кем чувствовать».

Островский оставил человечеству свой театр и одарил всех, кто жил, живет и будет жить после него, возможностью мыслить и чувствовать возвышенно, переживая судьбы героев его бессмертных пьес.

Афанасий Салынский

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА

СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ ПУСКАЛСЯ В ПЛЯС, ИЛИ ОТ ВЕЛИКОГО ДО СМЕШНОГО ТОЛЬКО ОДИН ШАГ

В одном из грязных переулков, которых так много между Мясницкой и Сретенкой, есть домик очень непривлекательной наружности; три маленькие окошечка смиренно смотрят на улицу, а дощатая кровля во многих местах поросла мохом. Рядом с домом — будка с белыми колоннами. Этот домик, со множеством прочих близ стоящих, принадлежит одной почтенной персоне, которая была где-то секретарем, чуть ли не у крепостных дел, но по причине слабости здоровья и трясения рук вышла в отставку; вот [эта-то персона], чтобы иметь всегда хлеб насущный, и скупила весь квартал, а пустопорожние места застроила новыми лачужками и отдает внаймы по уголкам. Так вот, в описанном-то домике живут два рода жильцов: во-первых, квартальный надзиратель Ерофеев с женой и, во-вторых, Зверобоев, чиновник.

Первую, лучшую половину (два окошка на улицу) занимал квартальный. Его нечего описывать, он не имел ничего особенного, был обыкновенный квартальный надзиратель, форменный, поседевший и растолстевший на службе царю и отечеству. Жена его — это дело другого роду, нельзя не описать, не из дюжинных; она довольно хороша собой, лет с небольшим двадцать, личико беленькое, румяненькое, волосы черные, бровки колесом, говорят, будто она их подкрашивает, ну да это грех невелик,— и по-французскому знает. Она слывет в околодке дамой образованной. С ней, брат, не сговоришь, одним словом ограничит, говорит Иван Иванович Зверобоев, сосед их. И на фортепьяне забавляется, поет «Безумную» и «Ты не поверишь» без нот и половину романса «Талисман» по нотам; когда ее просят спеть другую половину, она говорит, что еще разыгрывает (вот уже года четыре). Она недавно вышла замуж больше из интересу, а говорит, что из любви, но вы не верьте ей. Она немного кокетничает, как говорит Иван Иванович Зверобоев, мигая одним глазом, и особенно не

может равнодушно смотреть, когда по переулку едет офицер с черным или белым пером. Зовут ее Анисьей Павловной.

Другую, худшую половину (одно окошко на улицу и притом верхнее стекло открывается в виде форточки) занимает Иван Иванович Зверобоев. Он ходит в серых брюках, в белом пикетовом жилете летом, а зимой в форменном и во фраке с светлыми пуговицами. Шляпа у него прежде была горохового цвету, а теперь, говорят, купил черную,— все это может быть. Служит он хорошо, забыл только в каком месте (кажется, в сиротском суде), имеет знак беспорочной службы и уж чуть-чуть не титулярный. От роду ему лет сорок, росту небольшого, немножко рябоват. Лицо цвету светлокоричневого с красными крапинками, волосы заметно редеют, особенно на висках и на маковке; впрочем, он хочет казаться молодым человеком. Он имеет претензию на ум и с особенною важностию и смелостию повторяет суждения, вычитанные из журналов, об наших писателях. Особенно он пленяется Пушкиным,— он купил у Сухаревой башни один том сочинений Пушкина, который и лежит у него всегда на столе. Говорят, будто он и сам писал стихи, и поэтому приходил к нему А. П. Славин просить оных для помещения в «Литературный кабинет», но он из скромности не дал, и поэтому публика не знает ничего об этих грехах его. Говорят также, что он жил на Зацепе, на квартире у одной купчихи третьей гильдии, и, чего злые люди не навыдумают, будто бы так, не платя за квартиру. Когда заговорят с ним об этом, то он всегда сморщит лицо свое и с важностию говорит, что точно жил на Зацепе, но, по разным сплетням, а более потому, что там нет хорошего общества, переехал сюда. Итак, это дело темное, может быть последствия откроют. Теперь приступим к повести.

Была осень. Таинственный полусвет вечера воцарялся над Москвой. Солнце гасло, утопая в розовом море зари. Грустно смотреть, как догорает день осенью. Только одно солнце и живит умирающую природу, и оно гаснет, как гаснет последний румянец на щеках умирающего. Иван Иванович сидел в своей комнате у окошка и наслаждался картиной вечера. Последние лучи солнца отражались на его стеклах, против него в почтительном отдалении сидел пожилой человек в драповом сюртуке, остриженный в скоб-

ку. Это был один купец соседний, которого мучила жажда просвещения, и он ходил к Ивану Ивановичу за книжками.

— Ну что, батюшка, читали книжку-то? — сказал Иван Иванович.

— Читал, да только не всю.

— А почему же не всю? — спросил Иван Иванович с удивлением.

— Да так-с, занятного-то ничего нету-с.

— Ах, что вы говорите, Пушкин был величайший поэт, он, так сказать, облагородил русский стих, он первый, так сказать, приучил нас читать легкую поэзию.

— Оно, может быть, что другое и хорошо. А тут такое, что порядочному человеку совестно читать-с.

— Да вы что читали-то?

— А вот как какой-то граф к помещице в спальню пришел. Ей-богу, не благопристойно-с.

— Это, батюшка, значит, что вы отстали от веку, который беспрестанно подвигается и быстрыми шагами идет вперед.

— Вы это про кого говорить изволите, я что-то не понял-с. А вот послушайте лучше мое глупое слово.

— Что такое вы хотите сказать?

— Да вот-с в «Библиотеке для чтения», я брал ее у приятеля недавно, там под статьею «Гиморой» сказано — статья не для дам; ну, так и тут бы оговорку сделать — статья, дескать, не для дам, там пускай себе читают, да сочинитель-то по крайности прав, не так ли-с?

— И, да разве вы не видите, что это каламбур. Бар Бар уж такой писатель, что вечно каламбуры пишет.

Тут почтеннейший гость раскланялся и ушел домой. Иван Иванович принялся в десятый раз с громкими восклицаниями читать «Нулина». Потом поужинал и лег спать, как и все порядочные чиновники, в десятом часу.

Вы думаете, что и конец; нет, это еще только начало. Иван Иванович долго лежал, устремивши взоры в потолок, и думал о чем-то, потом погасил свечку и завернулся в одеяло. Но сколько он ни старался, уснуть никак не мог. Воображение его, настроенное чтением «Нулина», и соседство хорошенькой жены квартального рисовало ему разные курьезные вещи, и вместе с тем что-то тяжелое давило ему сердце. Вот он встал с постели, высек огню, закурил трубку и сел под окошко.

На улице было грязно и темно, хоть глаз выколи; по расчетам полиции, должен был светить месяц, потому и не

зажигали фонарей, а почему месяца не оказалось, неизвестно. Только один фонарь подле будки изливал тусклое сияние, и лучи его падали прямо на окошко. Ивану Ивановичу было душно, он опять походил по комнате, подошел к окну и открыл форточку, но это не помогало, какое-то неизвестное томленье тревожило его душу. Вот он встал на колени на окошко и положил свою голову в форточку, свежий ветер дул ему прямо в лицо, крупные капли дождя капали с крыши прямо ему на нос — это его немного освежило. Он взглянул на будку — хохол будочник сидел на скамейке и что-то мурлыкал. Меланхолия отражалась на его лице и во всех движениях. Вот подошел к нему другой будочник, гораздо ⟨1 нрзб⟩.

1. Що, Трохиме, а який час?

2. Та вже часов дисять е.

1. Еге, а где ты був?

2. Та с фартальным ходили.

1. А где ж вин дивався?

2. Та где,— у Браилови.

1. Еге — а що там?

2. Та що, яки-то немци гуляют.

1. Еге.

2. И музыка грае и якого-то вальца танцуют.

1. Еге, а горилку пьют? — сказал, делая горлом, как будто что глотает.

2. Та як пьют, без усякой лепорции.

1. Ну, а вин що?

2. Пив, пив и горилку, и пиво, и усе, та як у пляс пустится, так у во всей официи, бида.

1. Еге.

2. Я ну швыдче от биди втикати.

В голове Ивана Ивановича родилась ужасная мысль. Квартального нет дома, Анисья Павловна одна, подумал Иван Иванович, и граф Нулин пришел ему на память. «Авось»,— сказал Иван Иванович с глубоким вздохом. Тут он слез с окна, надел халат и начал ходить по комнате, собираясь с духом; душа его вертелась между страхом и надеждою. Вот он подошел к двери, взялся за скобку, подумал немного и опять назад. Тут он начал гадать, зажмурил глаза, хоть в комнате было так темно, как в царстве Плутона, повертел пальцем кругом пальца и начал медленно сводить; первый раз сошлись, второй — нет и третий сошлись, в четвертый — нет. Потом раза три он подходил к двери, наконец решился. Дверь скрипнула.

Анисья Павловна лежала на постели и читала что-то, вдруг она опустила книгу и устремила свои огненные взоры на Ивана Ивановича: он сконфузился решительно.

— Я так-с, я, ей-богу, ничего-с, не нарочно погасил свечку-с,— пробормотал Иван Иванович и, остановившись у дверей, целомудренно запахнул руками халат свой кругом шеи.

— Взойдите, Иван Иванович,— сказала Анисья Павловна, наивно улыбаясь.

Иван Иванович нерешительными шагами подошел к кровати.

— Как это вам не стыдно, Иван Иванович, ходить к даме в спальню,— сказала Анисья Павловна шутливым тоном.

Иван Иванович хотел что-то сказать, но запутался в словах.

— Сядьте, Иван Иванович, что вы стоите.

Иван Иванович сел на стул подле кровати. Молчание.

— Ах, вы не поверите, как мне бывает скучно, Иван Иванович,— сказала Анисья Павловна, повысивши голос на два тона и прищурив глазки. По коже Ивана Ивановича пробежал мороз с головы до пяток и обратно.

— Муж редко бывает дома, все одна да одна, да вот до которой поры нейдет, ужасная скука.

— Да они, я думаю, и не придут-с,— сказал Иван Иванович с пленительной улыбкой, потом покраснел и замолчал.

— Ах, Иван Иванович, что это вы так конфузитесь? — сказала Анисья Павловна тоном откровенности.— Вот я знаю одного студента, такой молодой, с черными усиками, тот гораздо развязнее.

— Вы читали «Графа Нулина»? — сказал Иван Иванович ободрясь.

— Так что же, вы боитесь такой же развязки; может быть, я буду не так строга.

Но оставим их и посмотрим, что делается на улице.

Женщина немолодых лет, покрытая красным платком по голове и в коричневом драдедамовом салопе, подошла к будке.

— Служивой!

— Що тоби?

— Не знаешь ли, голубчик, где тут живет чиновник Зверобоев? Ах, батюшки мои, замучилась, с самых вечерен ищу, с Зацепы шла.

Будочник. Та бог его знае. как его знать, чего не знаешь.

— Да скажи, пожалуйста, батюшка, уж так и быть, пятачка не пожалею, только бы найти бездельника.

Будочник. Та а бог его знае.

— Чай, ведь видишь поутру, в присутствие-то ходят, такой маленький, плешивенький.

Будочник. Та как его знать, чего не знаешь.

— В серых штанах ходит.

Будочник. Да много их тут в серых штанах ходит. Как его знать, чего не знаешь.

— И в белой пуховой шляпе. Одна в Москве.

Будочник. Такого видал.

— Скажи же, голубчик, сделай милость, развяжи меня, с вечерен ищу, с Зацепы шла.

Будочник, почесывая затылок.— Шляпа-то важная.

— Да говори же скорей, измаялась, вся душа изныла.— Толкает его под бок.

Будочник. Та що ты дерешься; не в указные часы по вулицам шатается, та еще и дерется, та еще, може, так, потаскуша якая.

— Нет не потаскуша, а купчиха московская, мой муж-то две медали имел.

⟨Будочник⟩. Видали-ста мы вашего брата. Вот его фатера,— сказал он, с пренебрежением показывая на дом,— ступай соби.

Вдруг сильные удары посыпались в окошко.

— Не муж ли это, посмотрите, Иван Иванович,— сказала Анисья Павловна. Иван Иванович приподнял занавеску, взглянул в окно и начал уничтожаться, даже заметно было, как он уменьшается,— в продолжение одной минуты он уменьшился в полтора раза.

— Что там? — сказала Анисья Павловна.

— Так, ничего, пьяный какой-то ломится.

Вот стук начал утихать. Иван Иванович несколько успокоился. Вдруг дверь растворяется настежь, и московская купчиха является в передней. Иван Иванович прыгнул туда же, захлопнул за собою дверь и заслонил своей персоной.

— Так-то ты, бездельник, делаешь, так-то ты за мою хлеб-соль да за доброе сердце благодаришь, и глаз не кажешь, и не видать тебя, с вечерен ищу, с Зацепы шла,— и она прослезилась. Иван Иванович хотел говорить, но язык прильнул к гортани.

— Так ты меня совсем покинуть хочешь, нет, не позволю, не дам себя в обиду, чтобы ты надо мною, над беззащитной вдовой, насмеялся, до енарала пойду.

— Ах, какой вы непостоянный кавалер, Иван Иванович,— послышался голос Анисьи Павловны из другой комнаты.

— Это еще ⟨кто⟩ там у тебя, пусти меня, варвар, уж и обзавестись успел, пусти, я там крамболя наделаю.

Иван Иванович защитил собою дверь. Анисья Павловна находилась в осажденном положении, дама в красном платке уже начала приступ, как вдруг является квартальный надзиратель, поддерживаемый будочниками. Тут началась ужасная сцена: одна бросилась на квартального с упреками за распутство, другая на Ивана Ивановича с упреками за неверность. Мое перо не в состоянии достойно описать этого. Впрочем, я после справлялся, и мне сказали, что скоро все утихло и кончилось мировой.

1843 г. Декабря 15

ЗАПИСКИ ЗАМОСКВОРЕЦКОГО ЖИТЕЛЯ

К ЧИТАТЕЛЯМ

Милостивые государи и государыни, спешу поделиться с вами моим открытием. 1847 года, апреля 1 дня, я нашел рукопись. Рукопись эта проливает свет на страну, никому до сего времени в подробности неизвестную и никем еще из путешественников неописанную. До сих пор известно было только положение и имя этой страны; что же касается до обитателей ее, то есть образ жизни их, язык, нравы, обычаи, степень образованности,— все это было покрыто мраком неизвестности.

Страна эта, по официальным известиям, лежит прямо против Кремля, по ту сторону Москвы-реки, отчего, вероятно, и называется Замоскворечье. Впрочем, о производстве этого слова ученые еще спорят. Некоторые производят Замоскворечье от скворца; они основывают свое производство на известной привязанности обитателей предместьев к этой птице. Привязанность эта выражается тем, что для скворцов делают особого рода гнезда, называемые скворечниками. Их вот как делают: сколотят из досок ящичек, совсем закрытый, только с дырочкой такой величины, чтобы могла пролезть в нее птица, потом привяжут к шесту и поставят в саду либо в огороде. Которое из этих словопроизводств справедливее, утвердительно сказать не могу. Полагаю так, что скворечник и Москва-река равно могли послужить поводом к наименованию этой страны Замоскворечьем, и принимать что-нибудь одно, значит — впасть в односторонность.

Итак, имя и положение этой стороны были нам известны; все же остальное, как я сказал, покрыто было непроницаемой завесой. Остановится ли путник на высоте кремлевской, привлеченный неописанной красотой Москвы — и он глядит на Замоскворечье, как на волшебный мир, населенный сказочными героями тысячи и одной ночи. Таинственность, как туман, расстилалась над Замоскворечьем; сквозь этот туман, правда, доносились до нас коекакие слухи об этом Замоскворечье, но они так сбивчивы,

неясны и, можно сказать, неправдоподобны, что ни один еще благомыслящий человек не мог из них составить себе сколько-нибудь удовлетворительного понятия о Замоскворечье. Эти слухи такого рода, что многие пришли в недоумение, верить им или нет. (Вот здесь-то заслуга моего открытия.) Например, я недавно слышал, как один почтенный и во всех отношениях заслуживающий уважения человек рассказывал, что за Москвой-рекой есть дом, каменный и каменным забором обнесен; только кто в нем живет, этого никто в мире не знает. А потому, видите ли, не знают, что ворота железные и уж несколько лет заперты; а что люди живут в этом доме, на это есть ясные признаки: и шум слышен, и собаки лают, и по ночам огонь виден. Еще рассказывают, что там есть такие места, что и жить страшно.— Отчего же страшно? спросите вы.— А вот отчего, скажут вам: там есть место, называемое Болвановка.— А почему она Болвановка? — Потому, что там стоял татарский бог; по-нашему сказать идол, а по-татарски—болван. Вот и извольте жить на этом месте! На таких местах хозяева от своих домов отказываются, никто не нанимает, не покупает, да и самим жить жутко. Или вот, не очень давно, один молодой человек уверял, что за Москвой-рекой есть улицы верст по двенадцати длины, и это показание одна дама почтенных лет и солидной наружности подтвердила следующими словами: «Что мудреного, батюшка, я как-то ездила в Царицыно, так проезжала это Замоскворечье — ехали, ехали, и конца ему нет!» Так вот что говорят про Замоскворечье! Но вы, почтенные читатели и читательницы, этим слухам не верьте. Это все пустяки. Благодаря счастливому стечению обстоятельств, мы можем теперь черпать сведения о Замоскворечье из чистого источника. Источник этот — найденная мною рукопись; она носит заглавие: «Записки замоскворецкого жителя». После первых порывов радости и возблагодарив судьбу за эту находку, я стал ее рассматривать. И вот что оказалось: рукопись эта писана на серой бумаге в четвертку, по-русски и кудрявым почерком; имени автора нигде не видно. Подозревать, что это перевод какой-нибудь древней, например, греческой рукописи, было бы с моей стороны очень смело, тем более что я совсем не знаю по-гречески; да и самое содержание показывает, что это, должно быть, оригинальная русская рукопись. Как далеко ни ездил Геродот, а в Замоскворечье все-таки не был. Впрочем, мы от этого ничего не теряем. Наш неизвестный

автор с такой же наивной правдивостью рассказывает о Замоскворечье, как Геродот о Египте или Вавилоне. Тут все— и сплетни замоскворецкие, и анекдоты, и жизнеописания. Автор описывает Замоскворечье в праздник и в будни, в горе и в радости, описывает, что творится по большим, длинным улицам и по мелким, частым переулочкам. Вот уж это, почтенные читатели, сущая правда; это не слухи какие-нибудь, а рассказы очевидца. Уж сейчас видно, коли человек говорит правду.

Сведения, сообщенные этой рукописью, я поверил на месте и дополнил своими примечаниями. Из этих источников я составил замоскворецкие очерки, и на первый раз вот вам:

1

ИВАН ЕРОФЕИЧ

Иван Ерофеич, приказный, сын бедных, но благородных родителей, живет на Зацепе, имеет жену и четырех детей. Наружность Ивана Ерофеича... но... позвольте, почтенные читатели, я боюсь и за себя и за Ивана Ерофеича; боюсь, что вы, поглядев на лицо и на костюм Ивана Ерофеича, не захотите выслушать моего рассказа, отвернетесь от Ивана Ерофеича и не захотите выслушать его оправдания, как не слушают оправдания вора, пойманного с поличным. Итак, я не покажу вам Ивана Ерофеича. Но Иван Ерофеич просится в свет; у него есть своя гордость — гордость унижения, гордость мученика. Он молит меня неотступно из своего Замоскворечья: покажите, говорит, меня публике; покажите, какой я горький, какой я несчастный! Покажите меня во всем моем безобразии, да скажите им, что я такой же человек, как и они, что у меня сердце доброе, душа теплая. А гибну я оттого, что не знал я счастия семейной жизни, что не нашел я за Москвой-рекой женщины, которая бы любила меня так, как я мог любить. Оттого я гибну, что не знал я великого влияния женщины, этой росы небесной. Я бы и сам пошел в моем рубище по всем дворам, пошел бы к вельможам и к знатным людям и сказал бы им то же, что вам говорю; да человек-то я маленький, и ходу мне никакого нет.

Бедный Иван Ерофеич! И жаль мне тебя, да делать нечего. И показал бы тебя, да боюсь. Ты не знаешь, какое у нас деликатное общество, и показаться мне с таким прия-

телем mauvais genre[1] будет очень совестно. Оттого совестно, что все — люди как люди, а ты, Иван Ерофеич, такой неопрятный, такой небритый; оттого, что ты, Иван Ерофеич, никогда путем не причешешься, не умоешься, и вицмундир твой всегда чем-нибудь выпачкан. Неужели ты не видишь, Иван Ерофеич, как над тобой смеются замоскворецкие барышни, когда ты проходишь в присутствие? Неужели ты не слышишь, как беспощадно шутят над тобой товарищи? — Нет, ты все слышишь; да ты на все рукой махнул, ты давно притерпелся ко всему этому. Ах, Иван Ерофеич! Иван Ерофеич! Не хорошо, братец, так запускать себя! Хоть бы ты шинель-то переменил, а то ведь срам сказать, ходишь ты зиму и лето в своей допотопной шинели. Ну, погляди ты на себя хорошенько: бархатный воротник у твоей шинели сложен совершенно как хомут, капишон у тебя со складками и всегда как-то раздут, так что сверху он шире, чем внизу. А еще как увидит тебя какой-нибудь юмористический писатель, да опишет тебя всего, и физиономию твою опишет, и вицмундир твой, и походку твою, и табакерку твою опишет, да еще и нарисуют тебя в твоей шинели в разных положениях, тогда уж вовсе беда — засмеют тебя совсем. Уж я, право, не знаю, что мне с тобой делать. Нет, уж как ты ни проси, а я тебя не покажу. Мне на первых-то порах не хочется, чтоб меня обвинили в незнании приличий. А лучше я выпишу целиком из рукописи, что рассказывал о тебе сослуживец твой, Иван Яковлич, неизвестному автору «Записок о Замоскворечье». И тебе не обидно, и мое дело сторона.

РАССКАЗ ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА
(из найденной рукописи)

... Посмотрели бы вы на Ивана Ерофеича лет десяток тому назад,— начал Иван Яковлич,— такой ли он был, как теперь. Какой был бойкий, с какими способностями! Кажется, как бы дать этому человеку образование порядочное, так быть бы ему оберпрокурором. Один в нем недостаток — характер слабенек очень; вот отчего он и погибает. Батюшка-то его был человек небогатый, поучил его, что называется, на медные деньги, да и определил к нам в суд. А определивши-то, сам умер скоропостижно. Поживи его отец еще лет пять, может быть и не было бы того, что

1 Дурного тона *(франц)*.

теперь. А то остался Иван Ерофеич без всякой поддержки; мать старуха была женщина слабая, точно запуганная какая: покойник-то, правду сказать, был крутенек, особенно хмельной. В сыне своем она души не чаяла, звала его Ванечкой, умником. У нее только и слов было, что про Ванечку: «Какой он у меня умник, какой деловой, как меня любит, как покоит». А Ванечка начал пошаливать. Деньжонки-то, что остались после отца, были у него в руках; ну, известно дело, человек молодой, воли-то прежде не имел, где уж ему быть хозяином! Тут он стал носить жилеты модные и галстухи всякие разноцветные, ходил из суда в трактир завтракать, начал ездить домой на лихих извозчиках. А у нас народ, знаете, какой: те же самые, которые хвалили его в глаза и ходили с ним завтракать на его счет, соберутся в кучку, да и подсмеиваются над ним; жаль, дескать, малова-то, глуп еще. А особенно один много ему зла сделал. Был у нас чиновник, аристократа из себя корчил, вот он и привязался к Ивану Ерофеичу: глуп еще, говорит, надо ему свет показать. И показал ему свет. Раз приходит ко мне Петр Иваныч, сосед. Слышал, говорит, как Иван-то Ерофеич гулять начал? — А что? я говорю.— Вот недавно, говорит, у цыганок в один вечер рублей триста оставили.— Да от кого же ты слышал? говорю я ему.— Как от кого? говорит: да мой Гриша был с ним. Приехал, говорит, домой-то пьянехонек. Я было на него, знаешь ли, прикрикнул: как, мол, ты смеешь в таком виде домой являться.— Да что же, говорит, тятенька, ведь я не на свои пил, Иван Ерофеич угощал. И то сказать, человек молодой, отчего не выпить, коли кто попотчует: позови меня, и я бы поехал. Я вижу, дело плохо; рассказал все матери, чтобы она как-нибудь его останавливала. Уж мне и жаль было старуху-то, да нечего делать. Вот она поплакала, поплакала, да и задумала его женить, авось, дескать, остепенится, и невесту было нашла.

Так вот-с, задумала мать женить Ивана Ерофеича. Да тут опять беда вышла: как-то угораздило его в цыганку влюбиться. А уж этот народ, знаете, какой! Оберут до ниточки. Мы было думали, что тут наш Иван Ерофеич совсем пропадет; и от службы было отстал. Да, слава богу, недолго у них это продолжалось. А надо правду сказать, такая была хорошенькая, и цыганского-то в ней мало было, такая была беленькая, а глаза черные, и ресницы такие длинные. Надей звали-с. Ну, уж до женитьбы ли тут ему было? Так у них это дело с невестой-то и разошлось. Знать,

уж судьба такая. А старухе-то больно хотелось его женить. Потом и с цыганкой-то он порасстроился. Он было ей и часики купил золотые, и сережки, и то, другое; да ведь уж как хотите, а выше лба глаза не бывают. Он бы то подумал: что он такое, так, мальчишка, можно сказать, ничего не значущий; ни орловских, ни подмосковных отчин у него нет; ломбардных билетов тоже не бывало. Так уж где тут! Знаете пословицу: хороши, да не наши. А вот как посватался один секретарь, да купил Наде-то домик тысяч в двадцать пять, так дело-то вышло почище. Тут Иван Ерофеич начал тосковать очень, даже хотел на Кавказ служить ехать; да мать уговорила. Да он бы и не поехал; это он так, с горя задумал. Словно ребенок был, ничего в нем постоянного-то не было.

Скоро потом умерла у него и мать. В Замоскворечье говорили, что от огорченья, а по правде сказать, так от старости. Иван Ерофеич остался круглым сиротой. Деньжонок-то, которые ему отец оставил, стало не надолго. Тут он начал трудиться. Стал входить в дело. А способности-то у него на это были. Года три он денно и нощно занимался делом, то в присутствии, то дома. Все эти три года он совершенно отдалился ото всех. Бывало, сидит в своей каморке за делом, и ни за что его не вытащишь оттуда. А квартира у него была такая грязная, дрянная. Как-то он, знаете ли, совсем перестал заниматься собой; такой стал неопрятный, только об одном деле и думает. Тут он стал и водочки придерживаться, да ведь и нельзя без этого, сидишь, сидишь над делом-то, голова закружится; надобно чем-нибудь развлечься, а как выпьешь-то, все как будто повеселее. Ну, да и компания-то такая, все народ пьющий; соберутся человек пяток, как не выпить лишнего! Через три года его сделали столоначальником; завелись у него лишние деньжонки. Но уж в это время Иван Ерофеич привык к неряшеству, так это в нем и осталось; а лишние деньги-то при первом удобном случае пропивал с товарищами, а иногда и один — и этот грех за ним водился.

В это время с ним случилось одно происшествие. Переезжая с квартиры, из угла в угол, он попал на Зацепу, в дом мещанки Мавры Гурьевны (по простонародному произношению Агуревны) Козырной. Это уж его и доконало совсем. Мавра Агуревна была вдова, и бедовая такая была баба. Ну, да уж я вам расскажу про нее сначала. Мавра Агуревна была сирота купеческого роду и жила за

Москвой-рекой на опеке у дяди купца, русака. Дядя ее был человек очень богатый, а жил просто, ел деревянной ложкой из деревянной чашки, сам мел двор и носил ключи на поясе. Было у Мавры Агуревны денег тысяч десять положено на ее имя в Опекунский совет, да дядя обещал еще дать за ней тысячек пять. За этой Маврой Агуревной много народу волочилось, только она никому не поддалась, а вышла замуж по любви за мещанина Козырнова. Этот Козырной имел за Москвой-рекой две табачные лавочки, ходил в синем казакине и плисовых шароварах, играл отлично на торбане и был гуляка страшный. Он несколько раз посягал на приданое Мавры Агуревны, и всегда она ему, как говорится, подавала карету. Мавра Агуревна не только не давала ему своих денег, но обирала часто и у него. Особенная способность была у Мавры Агуревны прятать деньги; бывало, Козырной с похмелья перероет все мышьи норки в доме и не найдет ни одного гривенника. Но Козырной не унывал: он имел случай всегда быть пьяным. Оттого имел случай, что любили его купеческие детки да приказчики. Бывало, разгуляются где-нибудь, сердечные, сейчас и шлют за ним, чтобы он им сыграл венгерку на торбане. Так уж тут он чужого вина не жалел. А как это случалось очень часто, так он и спился совсем, да, должно быть, от этого и помер. Мавра Агуревна была баба не промах, она, овдовевши-то, устроила свои делишки как нельзя лучше. Приведя все в наличные деньги, она отдавала их по мелочи, по пятьдесят, по сто, по двести рублей, под верные залоги и зажила припеваючи. Домик ее был завален и заставлен вещами всякого рода: там были и фортепьяны, и столы, и комоды, на столах часы разных форм; по углам под простынями висели салопы, шинели теплые и холодные, в шкапах серебро, белье столовое и, словом, все, что может в нужде заложить человек. И все это редко возвращалось хозяевам, а большею частию переходило на толкучий в руки торговок, приятельниц Мавры Агуревны. А сама-то она была белая, да румяная, да такая проворная. Ходила она по-русски, в платочке; бывало, повяжет платочек с бантиком, да как-то немножко на сторону, наденет шелковую шубку да синие чулки со стрелками — загляденье просто! Идет, бывало, словно лебедь плывет. Сюда-то и переехал Иван Ерофеич. Мало-помалу Мавра Агуревна прибрала его к рукам. Да это и не мудрено было сделать: она была такая бойкая, а он такой вялый, что без няньки и жить не мог.

Правда в пословице-то говорится, что человек предполагает, а бог располагает. Бывало, Иван Ерофеич строит воздушные замки: вот и так-то буду жить, и этак-то. Спросишь, бывало, у него, что, мол, ты, Иван Ерофеич, все за делом сидишь; человек ты не интересан, что, дескать, убивать-то себя понапрасну.— Как! говорит, понапрасну! Ну что, говорит, моя теперь за служба, пропадешь совсем. А вот, говорит, я узнаю дело хорошенько, так могу занять место повиднее. Потом, говорит, женюсь. Ты знаешь, говорит, что мне нельзя жить без женщины: видишь, какой я неряха, никакого у меня порядку нет. Некому меня ни остановить, ни приласкать. Иногда приходят такие мысли, для чего, мол, я живу на свете-то. А будь у меня жена-то молодая, стал бы я ее любить, лелеять, старался бы ей всякое удовольствие сделать. Да и о себе-то бы лишний раз вспомнил, почаще бы в зеркало взглядывал. Стал бы деньги копить, завели бы знакомство, стали бы ездить с женой в театр, на гулянье. Ах, говорит, Иван Яковлич, как бы полюбила меня порядочная женщина, бог знает, чего бы я не сделал для нее. А теперь как-то ни на что глядеть не хочется. Сидишь дома в халате да потягиваешь; а ведь этак дальше да дальше, да, пожалуй, и пропадешь совсем. Хорошо задумывал Иван Ерофеич, да не так бывает у нас за Москвой-рекой. У нас молодые чиновники не женятся, потому что нечем содержать жену, потому что никто не отдает порядочной невесты за младшего помощника столоначальника.

Так вот-с, с одной стороны, жизнь Ивана Ерофеича улучшилась. В комнате его было чисто, манишку всегда носил белую, стол был хороший, мундир вычищен... Да зато с другой стороны, нельзя сказать, чтобы ему было хорошо. Мавра Агуревна так им командовала, что чудо. Бывало, пошлет его в лавочку за чем-нибудь, а он идет, не смеет ослушаться. Право, такой вялый стал. А Мавра Агуревна привыкла на чужие вещи смотреть, как на свою собственность, так и обращалась с ним, как будто его заложил ей кто-нибудь. Деньги у него обирала, говоря ему, что это для его же пользы делается, что он пропьет же их. К товарищам пускала его очень редко, и то на срок, и делала ему страшные выговоры, когда он опаздывал. Водки давала ему известную порцию и больше ни под каким видом. Раза два или три в год позволяла она ему пригласить товарищей, и тогда скрывалась куда-нибудь, либо уходила со двора. Иногда вечером взгрустнется Ивану

Ерофеичу, и он начнет издали разными намеками объяснять Мавре Агуревне, что такой-то, дескать, чиновник именинник, что он у него давно не был, что истратит он на извозчика не больше полтинника и придет в своем виде и не позже десятого часу. На это Мавра Агуревна обыкновенно отвечала ему, что если ему делать нечего, так лучше послать за соседкой да поиграть вечер-то в дурачки, чем пьянствовать. Ведь и правду сказать-с: точно лучше в дурачки играть, чем пьянствовать. И с этой стороны Мавра Агуревна была совершенно права перед ним. А все-таки неприятно. Вы представьте себя на месте Ивана Ерофеича: ведь чиновник-с, до тридцати лет дожил, не мальчик какой-нибудь, и ни в чем не иметь воли! И то, подумаешь, ведь не крепостной какой-нибудь. Да что же с ним будешь делать, уж такого был слабого характеру. Любил, что ли, он ее очень, или так уж потерялся совсем, право не знаю. Бывало так, что, выходя из присутствия, позовешь его обедать в трактир, а он должен отказаться, потому что боится опоздать и чтобы не забранила его Мавра Агуревна очень.

Как ни тяжела казалась ему эта неволя, но все еще, скрепя сердце, можно было снести ее. Да вот беда: товарищи его начали подсмеиваться над ним. Какой-то досужий чиновник сочинил картинку, в которой представил, как Мавра Агуревна дерет Ивана Ерофеича за хохол и приговаривает: «Ах ты, соня! а еще чиновник называешься!», а он, стоя на коленях, говорит: «Виноват! не буду!» Над этой картинкой смеялись все; она переходила в суде из стола в стол и даже удостоилась милостивой улыбки секретаря. Ну, уж это совсем сконфузило Ивана Ерофеича, и такая жизнь ему опротивела, а вырваться как-нибудь из этой беды не было у него сил. Вот он стал задумываться все дальше да дальше, больше да больше — стал такой грустный. Наконец вот что случилось. Это было летом. В одно утро Мавра Агуревна, поручив Ивана Ерофеича попечениям кухарки, пошла к Троице. Иван Ерофеич стал как-то веселее обыкновенного; он шутил с товарищами, острил, смеялся, чего прежде с ним не было; мы думали, думали, что это сделалось с Иваном Ерофеичем; насилу-то дознались от него, что Мавра Агуревна ушла к Троице. Вот однажды отправился он с нами обедать в Малый московский[1]. Тут мы, признаться сказать, выпили как водит-

[1] Трактир против присутственных мест.— *Прим. автора.*

ся. Пошел у нас крупный разговор, начали смеяться над Иваном Ерофеичем, что он не умеет с бабой справиться, что он башмак и прочее. А уж и он-то был хмелен.— Нет, говорит, господа, не хочу больше жить за Москвой-рекой, нынче же вечером, говорит, перееду; я, говорит, своему слову господин.— Да переезжай, Иван Ерофеич, ко мне, говорю я ему.— Изволь, брат, говорит, нынче же перееду. Вы еще, говорит, не знаете, каков я; я себе сказал: «Полно, Ванька, дурачиться, перестань, говорю, ну и полно, и... будет». Ведь в самом деле он сдержал свое слово. Возвратясь домой в вечерни, он отослал куда-то кухарку, уложил на извозчика свое имущество и отправился ко мне. А я тогда жил у Харитонья в Огородниках. Он мне после-то сказывал, что всю дорогу он дрожал, как в лихорадке, что боялся оглянуться на Замоскворечье, словно сделал там какое-нибудь душегубство. Он поминутно погонял извозчика; ему так и мерещилось, что вот из Замоскворечья долетают до него слова: «Иван Ерофеич, Иван Ерофеич, а куда это ты едешь, любезный?» Наконец кое-как добрался он до моей квартиры. А у меня вечеринка была, то есть не то чтобы бал какой, а так, по случаю пятницы. Завтра, дескать, суббота, день неприсутственный, так и можно и тово... Молодые чиновники играли в преферанс по копейке серебром; а мы, постарше-то, за пуншем сидели. Вдруг входит Иван Ерофеич.— Вот и я здесь, говорит, да так бойко, так весело. Сам себя обманывал. Начались шутки, и Иван Ерофеич не отставал от прочих. А все-таки можно было заметить, что у него эта веселость была поддельная и что на сердце у него было очень не покойно. Карты были брошены; началась круговая; забренчала гитара, и Иван Ерофеич первый затянул: «При долинушке стояла». Потом пошла плясовая, и Иван Ерофеич первый и плясать пошел. Я вам говорю, что сам себя обманывал. Наконец и в самом деле стал он как будто попокойнее сердцем. Вот, думал он: выпью хорошенько, авось пройдет! Но это средство обмануло его; все, что он прятал на сердце, полилось во всеуслышание.

— Посудите, люди добрые, посудите,— заговорил он.— Что ж это такое в самом деле. Я не крепостной какой-нибудь, кажется. Я, говорит, чиновник и, кроме своего начальства, никому не подвластен. Вот и все тут. Да я и знать никого не хочу! Я благородный человек. Что она мне? Я, говорит, ее знать не хочу. Она не жена моя, чтоб надо мной командовать.— Известное дело, не жена, говорю

я ему, ну и брось ты ее, Иван Ерофеич, ну и плюнь на нее; много этой дряни-то.— Нет, ты постой, говорит, Иван Яковлич, ты вот послушай, что я тебе скажу: то есть не жена она мне; ну и положим, что не жена, а, брат, лучше жены. Куда жена! Мать родная того для меня не сделает, что она для меня делала! А как, говорит, я против нее поступил! Ну-ка скажи, говорит, как я против нее поступил! Нешто благородные люди так делают? Ан нет, говорит, не делают! Сапожник какой-нибудь так сделает; подлец какой-нибудь. Вот и выходит, что я, говорит, подлец против нее. Мы начали над ним смеяться, что он баба, что Мавра Агуревна ему наперстками водку отмеривает. Стали ему говорить, что мы теперь уж его не пустим к Мавре Агуревне, как он ни плачь. Один у нас чудак такой был, начал передразнивать Ивана Ерофеича, развесил губы, заплакал. «Прощай, говорит, Мавра Агуревна! Прощай, голубушка ты моя!» Тут было Иван Ерофеич опять расхорохорился.— Я, говорит, никого не боюсь; я, говорит, сам себе господин. А потом, знаете ли, как-то у него вдруг это сделается, и опять за свое.— И не останавливать, говорит, нашего брата нельзя; что ж, говорит, и сопьешься, и смотаешься, и ни на что не похоже. Вот они, говорит, у Иверских ворот стоят, посмотрите на них. Не скоро разберешь: свинья или человек. А сам, знаете ли, в слезы. Даже жалко было смотреть на него. Насилу мы его уложили. И во сне-то все говорил: я чиновник, а не крепостной; а все больше Мавру Агуревну вспоминал. Так он у меня и остался; и субботу пробыл и воскресенье. Тосковал было немножко, да уж я все развлекал его как-нибудь. То в карточки поиграем, то погулять пойдем. В воскресенье-то вечером у нас беда и случилась.

Иван Ерофеич лежал на диване, а я сидел у окошка; вечер такой был чудесный, где-то вдали музыка играла; начал месяц всходить, вот я и засмотрелся. А уж было поздно. Вдруг слышу разговор у будки. А рядом с нами была будка-с. Будочник был хохол, да такой чудак, что у него ни спроси, ничего не знает. Такая уж у него была и поговорка: «А как его знать, чего не знаешь». Право, словно философ какой, стоит на одном, что ничего не знает и знать ему нельзя; а если что и знает, так уж это как-нибудь нечаянно. Бывало, спросишь у него в шутку: да как же ты, братец, пятнадцать лет здесь стоишь, а ничего не знаешь. А он посмотрит на тебя, да еще улыб-

нется: экой, дескать, ты, барин, глупый; да как же его знать, чего не знаешь.

Вот я смотрю, что за разговор у будки. Вижу, женщина какая-то спрашивает у будочника: — Где тут живет Иван Яковлич? — А, дескать, это про меня, думаю я себе, послушаю, что дальше будет. У будочника один ответ: — Та бог его знае, как его знать, чего не знаешь.— Чай, ведь видишь, говорит она ему, поутру в присутствие ходит. Мундир на нем такой зеленый с светлыми пуговицами.— А как, говорит, его знать; много, говорит, их тут в мундирах ходит. Кто его знае! — Скажи, говорит, кавалер, сделай милость, развяжи ты меня, с вечерен ищу, с Зацепы шла.

Я вижу, что будочник будет говорить одно и то же, крикнул ей из окошка: — Я, мол, Иван Яковлич, что вам угодно? — Не прошло, сударь ты мой, одной минуты, как она очутилась у нас в комнате. Я глядь, а это Мавра Агуревна. Иван Ерофеич так и обмер: ни жив ни мертв, без языка человек совсем.— Так-то ты, начала она, за мою хлеб-соль, да за доброе сердце со мной поступаешь. Ишь куда тебя нелегкая-то занесла! с вечерен ищу, с Зацепы шла! И полились у нее слезы в три ручья. Иван Ерофеич хотел что-то сказать, да язык у него не ворочался.— Скажи, говорит, варвар, ты меня совсем, что ли, покинуть хочешь? Так нет, говорит, не позволю, не дам себя в обиду. Чтоб ты надо мной, над беззащитной вдовой, насмеялся после! Ты думал, говорит, что ты дуру нашел! Нет, говорит, погоди, не на такую напал. Ты дешево со мной не разделаешься. А хочешь ты, я, говорит, завтра к вашему енаралу пойду? Что ж вы тут станете делать; уж такая женщина была. Так и увела Ивана Ерофеича на Зацепу. Потом, в наказание за побег, заставила его жениться на ней. Тут уж он совсем потерялся, стал пить запоем, дела запустил. Зато Мавра Агуревна нос подняла. Я, говорит, чиновница. У меня, говорит, муж благородный. Стала ходить в чепчиках; у обедни дает мужу свой салоп держать; денег Ивану Ерофеичу уж совсем не дает. Каждое первое число сама ходит в суд и стоит в приемной, дожидается, чтобы, как получит Иван Ерофеич жалованье, тут же, не выпуская из суда, и отобрать у него. Да, к несчастию, еще у них детей человека четыре. А Иван Ерофеич уж больно плох стал, крепко стал придерживаться к пенничку. Так вот, батюшка, вам и Иван Ерофеич, тот самый, что ходит по Замоскворечью в такой странной шинели.

Примечание нашедшего рукопись. Таких шинелей осталось три за Москвой-рекой: одна у Ивана Ерофеича, другая у одного купца, который жил до сорока лет порядочно, то есть по обычаю праотцев, а на сорок первом загулял. Обрил бороду, нашил себе модного в то время платья, между которым и эту шинель, стал ездить в театр и прочее... Потом он опять остепенился, отрастил бороду и уже лет десять живет опять мирно и чинно; о проступке его давно позабыли бы за Москвой-рекой, если бы не уличала его шинель, которую он носит. Третья шинель у баса каких-то замоскворецких певчих.

⟨2⟩

КУЗЬМА САМСОНЫЧ

(из найденной рукописи)

Рождение Кузьмы Самсоныча было обильно благими предзнаменованиями. Он родился в середу на масленице, в ту самую минуту, как первый блин, ворча и подпрыгивая на раскаленной сковороде, вылезал из печи. По этому случаю отец Кузьмы Самсоныча сказал новорожденному такое приветствие: будешь ты и толст и богат, да и жить будешь весело, коли угораздило тебя родиться на масленице. В ночь накануне этого дня бабушка Кузьмы Самсоныча видела сон, будто она во пиру была и захмелела очень. И в ту же ночь у кухарки квашня ушла. Все это, по решению семейного совета, предвещало новорожденному изобилие благ земных. И точно, предзнаменования не обманули. Кузя, как русский богатырь, рос и толстел не по дням, а по часам, на радость родителей и удивление Замоскворечья.

Здесь я нелишним считаю сказать нечто о виновниках бытия Кузьмы Самсоныча. Отец его, Самсон Савич, богатый купец, был в большом почете и уважении за Москвой-рекой. Как он сделался богатым, этого решительно никто не знает. Самсон Савич, по замоскворецким преданиям, был простым набойщиком в то время, как начали заводиться у нас ситцевые фабрики; и вот в несколько лет он миллионщик, растолстел, выстроил каменные хоромы, расписал их удивительнейшим образом, ездит на орловских жеребцах и — словом — катается, как сыр в масле. Маменька Кузьмы Самсоныча, то есть супруга Самсона Савича, по имени Акулина, по отчеству Климовна, была

взята из-за ткацкого станка из Покровского или Преображенского, уж не помню. В девстве своем она отличалась необыкновенно сильным и звонким голосом и изумительной плотностью тела, чем и прельстила Самсона Савича. Бывало, как выдет она в праздник в хоровод, только и слышно кругом нее: «Господи! Да что ж это за девка здоровенная, словно она на наковальне молотками сколочена». Теперь уж немного таких женщин осталось, как Акулина Климовна.

Кузьма Самсоныч был единственный сын у своих родителей, и потому он безраздельно пользовался всеми плодами родительской нежности. Не было на свете таких булок и ватрушек, которыми бы не питали его. Вот уж можно сказать, что для своего Кузиньки они ничего не жалели. И вырос Кузя среди пирожного и творожного, как телец упитанный. Физическое воспитание было кончено, надобно было подумать о нравственном. И думали-думали долго, года два, наконец положили поручить воспитание его дьячку того прихода, в котором жили. Этот дьячок занимался за Москвой-рекой первоначальным образованием юношества; он был человек пожилой, солидный, ходил с косой, в длиннополом сертуке и в шляпе с широкими полями, в руках носил толстую суковатую палку. А чтобы наука пошла впрок малолетнему, присудили на семейном совете отслужить в день пророка Наума[1] молебен и с того же дня начать азы. К тому же времени Максимке велено было выточить из лучинки указку, а он был художник на эти вещи. Максимка был сирота, дальний родственник Тупорыловых, и жил у них для посылок и для разного домашнего обиходу. С самых ранних лет предоставленный себе самому и судьбе, Максимка рос в чужой семье. Не было человека в доме, от хозяина до последней кухарки, который не щелкнул бы Максимку хоть один раз в день под предлогом нравоучения; дескать, для твоей же, дурак, пользы, после сам благодарить будешь, что тебя, дурака, уму-разуму учили. Хозяин, имея в виду сделать из Максимки для себя конторщика, отдал его сначала в приходское училище, а потом в уездное. И умудрил же бог этого Максимку. В уездном училище он был первым учеником; первым шалуном был между товарищами, то есть во всяком

---

[1] 1-го декабря. Наше простонародие, осмысля по-своему имя пророка (наводит на ум), с этого дня начинает ученье малых ребят.— *Прим. автора.*

деле коноводом и зачинщиком; знал все породы голубей; никто лучше его не умел пустить змея с трещоткой. Деятельность его была изумительна, он не знал ни минуты покоя: то в училище, то в город, то на соседний пустырь в бабки поиграть с приятелями, то на Москву-реку рыбу ловить, то где-нибудь свадьбу смотреть, а то где-нибудь случится за Москвой-рекой храмовой праздник, так ему нужно поспеть и ко всенощной и к обедне, потому что ни один приход не обходится без мальчиков, которые добровольно прислуживают при богослужении, а ему все эти мальчики за Москвой-рекой были короткие приятели. И нельзя ж ему было не побывать у них на празднике и не пособить им. В своем приходе он с приличной важностью ходит с кружкой по церкви за старостой, то раздувает кадило, то вдруг бросится на колокольню перезваниваться, и все это живо и аккуратно. Подойдут ли зимние праздники, рождество, например, опять для него работа. Сначала [возьмет] себе в адъютанты двух или трех мальчишек и пойдет по знакомым купцам Христа славить. Взойдут в дом, прямо к образам, запоют — Христос рождается,— а потом станет рацею сказывать. Какие рацеи сказывал! Как говорил! С чувством, с декламацией! Потом на святках наряжаться станет, то медведем, то гусем, а то заломит шапку на сторону, привесит кузовок и запоет:

Ах, патока, патока!
Пареная патока!
Пришел дядюшка Ераст,
Он плясать очень горазд!
и прочее.

Либо оденется степным мужиком, сделает из лычек себе бороду, подпояшется туго-претуго, приложит руку к щеке и затянет, ломая язык, на степной манер:

Сидит моя женка,
Ровно перепелка,
Я за то ее люблю,
За то поцитаю,
Што цопорно ходит,
Хорошо гуляет.

Либо:

[Зима, зимушка, зима,
Студяна больно была,—
и прочее.]

А как плясал! Все русские пляски знал. Все песни, все поговорки и пословицы. На всякий спрос у него был бой-

кий ответ. Максимка за словом в карман не полезет, говорили в доме. Он был наделен от природы здоровьем сверхъестественным: перемены температуры не имели на него никакого влияния. Он это доказывал самым ощутительным образом: например, в трескучие морозы выскакивал из горячей бани и валялся в снегу. Падал и с качелей, и с яблонь, и с голубятни, и с колокольни, и оставался невредим. И никого он в доме не боялся, и ничем его нельзя было удивить. Он каким-то чутьем понимал самые тонкие отношения между лицами того семейства, в котором жил; он очень хорошо подмечал слабости окружающих его лиц и умел ими пользоваться. Он знал, чем пугнуть приказчика, что припомнить ключнице; знал, чем подслужиться хозяйке и какую сплетню рассказать бабушке Кузьмы Самсоныча. Одним словом, этот Максимка был сорвиголова.

Наконец день пророка Наума приближился, азбука была куплена; Максимка выточил указку; все было готово, оставалось приступить к науке. Для первого урока дьячок был приглашен на дом. Тут составилась трогательная картина: помолившись богу, усадили Кузиньку за стол и дали в руку указку, причем Кузя так горько и жалостно плакал, что возбудил сострадание во всех окружающих; посадивши верхом на нос очки, которых каждое стекло было немного меньше каретного колеса, поместился подле Кузи дьячок, кругом стола обступили мать, бабушка и Максимка, из дверей выглядывали домочадцы. Так началось ученье Кузиньки. Продолжалось оно не так торжественно. Каждое утро Кузя, надев сумку, наполненную книгами и булками, ходил к дьячку в сопровождении Максимки. Так ходил он ровно два года; а через два года кончил курс ученья, преподаваемого дьячком, то есть выучил азбуку, что называется от доски до доски, потом прочел часослов, а наконец, псалтырь; тем и дело кончилось. Азбука, которую Кузя выучил наизусть и с которой замоскворецкое юношество обыкновенно начинает свое образование, книга очень замечательная и за Москвой-рекой в большом почете; потому я нелишним считаю рассказать ее содержание. Сначала в этой азбуке буквы разных форм и размеров, потом всевозможные склады, потом целые слова; далее необходимые для жизни правила, как то: будь благочестив, уповай на бога, люби его всем сердцем; далее четыре стихии, пять чувств и наконец: «Помни последняя твоя — смерть, суд и геенну огненную». По окончании этого курса образо-

вания родители стали заботиться о дальнейшем образовании Кузиньки. И для этого нашелся человек.

По замоскворецким улицам ходил молодой человек. Ходил он степенно, мерным шагом, повеся голову и нахмурив брови, отчего лицо его принимало какое-то грозно-задумчивое выражение. Его звали за Москвой-рекой ученым. Он и точно занимался уроками; но в учености его еще более убеждала его физиономия и одежда. Он ходил в очках, носил длинные волосы, только очень странно их причесывал, напомадивши чем-то. Он устроивал их на каждом виске в виде локона, а на лбу делал хохол, или а ля кок, как говорят у нас за Москвой-рекой. Прическу эту вы можете видеть почти у каждой цирульни на вывеске, а также на модных картинках журналов двадцатых годов. Сверх партикулярного платья этот ученый носил гимназическую шинель, воротник которой отворачивал наподобие штатской. Звали его Петр Иваныч Смирнов. Сделался он замоскворецким ученым следующим образом: смолоду он был отдан родителями в гимназию, но, дошедши в восемь лет только до пятого класса, он был исключен за неспособность. Странный был человек этот Петр Иваныч; поглядеть на него, так малый хоть куда: и видный, и, как кажется, неглупый, а придет в гимназию, так никуда не годится, просто дрянь. Посмотрите на него, когда он дома: вы увидите мужчину лет двадцати, который сидит, задумавшись, над тетрадью, в этой тетради собрано множество разного рода стихотворений, от од Ломоносова до водевильных куплетов; вдруг он начинает их читать с жаром и трагической декламацией, либо сам примется писать стихи или повесть и напишет нисколько не хуже известного нашего автора ⟨нрзб.⟩, однако и не лучше. Зато посмотрите на него в гимназии: он сидит на последней лавке в самом углу подле печки, устроив лицо и всю фигуру свою самым робким и бессмысленным образом. Он никак не может совладать ни с алгеброй, ни с логикой, ни с правописанием, ни с новыми языками, тогда как какой-нибудь двенадцатилетний мальчишка, который играет дома в бабки или ездит верхом на палочке, постигает одним взглядом, без всякого труда, и алгебру, и все премудрости гимназические, и учится бойко, как будто шутя,— на удивление учителей и всего начальства. Это какая-то штука, которой я вам объяснить не умею. А есть такие люди, ей-богу, есть. В восемь лет Смирнов не выучился ничему в гимназии, кроме греческих спряжений, которые он знал в со-

вершенстве. На девятый год его исключили, тут-то он и сделался ученым. Он думал так: «Если я в восемь лет не выучился сам учиться, так нагляделся по крайней мере, как других учат». И стал он учить ребят за Москвой-рекой; это ему посчастливилось, уроков у него было много, и прослыл он ученым, иначе его и не звали за Москвой-рекой. Репутация его была составлена. Только барышни замоскворецкие подсмеивались над ним из-за коленкоровых занавесочек, когда он, наморщив брови, с учительской важностью проходил по улице. Эти барышни распустили про него молву, будто он доискивается, на чем свет стоит. Такие проказницы! А уж какие насмешницы, не приведи господи!

Для дальнейшего образования Кузиньки пригласили Смирнова. Он обязался его учить священной истории, первым правилам арифметики и русской грамматике и взял за это рубль ассигнациями за урок. С приличной важностью принялся наш ученый за свое дело; он перенял все приемы у своих учителей, чем много выигрывал в купеческих домах. Он очень любил давать уроки при большом обществе, особенно когда соберутся пожилые женщины. С таинственной важностью рассказывал он тут, каким трудным наукам их учили в гимназии и какие большие уроки задавали. Купчихи только ахали: «Господи, дескать, каких-каких наук нет на свете». И выучил Кузю учитель священной истории и арифметике, а грамматике по непредвиденным обстоятельствам не успел. (Об этом после Кузя, когда сбирался писать драму, очень жалел, да уж было поздно.) Обстоятельство, которое помешало Кузе выучиться грамматике, было следующего роду. Маменька Кузи после обеда имела обыкновение наливать из стоящей на окне бутыли в чайник какой-то влаги, а из чайника наливала она в чашку и, присутствуя при уроке Кузи, очень часто к ней прикладывалась. Учитель, как человек любознательный, пожелал испробовать этот напиток, Акулина Климовна охотно позволила. Ученый попробовал, и напиток этот ему очень понравился. Уроки пошли веселее и занимательнее. Только вот странная вещь: к концу каждого урока между учителем и Акулиной Климовной начиналось какое-то очень фамильярное обращение. Это в доме заметили, и кончилось тем, что ученого прогнали, а Кузя остался без грамматики. Тут Кузя узнал свободу. «Будет учиться,— сказал Самсон Савич,— ну его к лешему, это ученье, давай, Кузя, в город ездить, пора привыкать». И начал

возить с собой по утрам Кузю в город, а по вечерам Кузя, под руководством Максимки, испытывал всю прелесть путешествия по заборам и крышам.

Теперь поговорим об Кузе, потому что теперь только начал развиваться его природный характер. Время ученья в истории его жизни было каким-то эпизодом, который никак не вяжется с целым. Кузя был очень бойкий мальчик и очень красивой наружности. У него были темнорусые волосы, карие глаза, только нос немножко портил: будь этот нос подлиннее, был бы совсем другой вид: вообще физиономия его была как будто не кончена. Таков был и характер Кузи, энергический, когда он затевал что-нибудь, и слабый в исполнении, любознательный, но боящийся труда, сопряженного с наукой. С таким характером Кузя, естественно, должен был находиться под влиянием двух сил: одна сила внутренняя, движущая вперед, другая сила внешняя, замоскворецкая, сила косности, онемелости, так сказать, стреноживающая человека. Я не без основания назвал эту силу замоскворецкой: там, за Москвой-рекой, ее царство, там ее трон. Она-то загоняет человека в каменный дом и запирает за ним железные ворота; она одевает человека ваточным халатом, она ставит от злого духа крест на воротах, а от злых людей пускает собак по двору. Она расставляет бутыли по окнам, закупает годовые пропорции рыбы, меду, капусты и солит впрок солонину. Она утучняет человека и заботливой рукой отгоняет ото лба его всякую тревожную мысль, так точно, как мать отгоняет мух от заснувшего ребенка. Она обманщица, она всегда прикидывается «семейным счастием», и неопытный человек не скоро узнает ее и, пожалуй, позавидует ей. Она изменница: она холит, холит человека, да вдруг так пристукнет, что тот и перекреститься не успеет. Еще была одна черта в характере Кузи — это стремление к самоулучшению; но в этом стремлении ему не на что было опереться. Мы видели, как он был образован, а с таким образованием часто кажется лучшим то, что только ново, а совсем не хорошо. При таких обстоятельствах Кузя всегда находился под чужим влиянием; он не надеялся на себя и искал руководителя. Иногда он попадал удачно на человека, а иногда ошибался. Хотя какой-то инстинкт вел его всегда прогрессивно, от одного влияния к другому, лучшему, но выбраться из-под этой опеки он никогда не мог. Много было преград ему на пути к улучшению себя, к очеловечению: и лень, и необразованность, и Замоскворечье с своей при-

тягательной силой. Как он боролся с своими врагами и кто победил, мы увидим из его жизни.

Когда прогнали учителя, Кузе было четырнадцать лет, а Максимке лет пятнадцать. С этого дня Кузя совершенно подчинился Максимке. Максимка посвятил Кузю во все свои таинства, ввел его в свое общество. Кузя со всем ребяческим восторгом бросился вслед за Максимкой во все шалости. Они вдвоем выделывали такие проказы, что удивляли весь околодок. Они изобрели машину доставать из чужого сада яблоки. Ловили чужих голубей, а чтобы приучить их к себе, подстригали им крылья. Пока отрастали у бедного голубя крылья, он привыкал к своему новому жилищу и уж после не расставался с ним. Они ставили для птиц западни и скворечники. Но Кузя как-то не удовлетворялся этим, ему хотелось завести у себя все эти затеи в большем размере. Они составляли с Максимкой разные планы и проекты, что и как завести у себя. Но для осуществления этих планов требовались деньги, а их ни у Кузи, ни у Максимки не было. Впрочем, и это препятствие скоро устранилось. Однажды Максимка притащил под полой пару козырных и докладывал Кузе, что за голубей просят целковый, что это очень дешево и упускать случая не надобно. Кузя отвечал, что у него нет ни копейки. Тут Максимка отвел его в сторону и пошептал ему что-то на ухо. После этого Кузя куда-то сбегал, и голуби были куплены. Потом недели через две из этой пары расплодилось у них пар до ста; как они расплодились, знал только Кузя да Максимка. С этих пор они нашли средство приводить все свои затеи, чего бы они ни стоили, в действительность. Целое лето провели они в таких невинных удовольствиях и достигли совершенства: турманы их одноплекие взлетали выше всех голубей замоскворецких и едва заметными серебряными точками чертили круги на голубом небе. Покажется ли на горизонте громовая туча и поплывет на Замоскворечье, из рук Кузи вырывается бумажный змей, взвивается высоко-высоко, уставляет на тучу свои нарисованные глаза и, извивая кольцами хвост свой, страшно ворчит на нее, как будто он хочет испугать тучу и заставить ее воротиться назад.

Так прошло лето, и Кузе стали надоедать эти невинные забавы первых лет. Наступила скучная осень, и летние удовольствия сменились однообразием купеческой жизни. Поутру Кузя с отцом ездили в город и бывали там до вечерен; потом приезжали домой, пили чай, часов до шести, а

в восемь часов ужинали туго-на́туго и ложились спать. Между чаем и ужином папенька и маменька Кузи молча сидели по углам и вздыхали о своих прегрешениях — другого занятия у них не было. А как Кузе вздыхать еще было не о чем, то он и скучал невыносимо. Между тем во флигеле, где жили приказчики, время шло гораздо веселее. Кузя недолго думал, он решился пристать к их обществу. Приказчики Тупорылова были народ веселый, они умели разнообразить время. Один из них был мастер играть на гитаре, другой — петь цыганские песни, третий был очень искусен доставать где-то мадеру, а Максимка плясал за всех. Как только погасали огни в хозяйском доме, так у приказчиков начинался пир горой. Кузя в скором времени сделался душой этого общества: он очень ловко пел «За Уралом, за рекой», а венгерку танцовал в совершенстве. Был еще у Тупорылова приказчик, который смотрел на все эти потехи очень равнодушно и большею частию засыпал, как только они начинались. Он был пожилой человек, довольно полный, с порядочной лысинкой, одевался прилично и скромно и смотрел очень солидно. Его очень уважали в доме, и хозяин имел к нему полное доверие. Купцы в городе все были о нем хорошего мнения и ставили его в пример своим детям и приказчикам. Звали его Тихоном Иванычем. Много маменек с нежностью посматривали на Тихона Иваныча как на жениха, лучше которого, по их понятиям, нельзя было и выдумать. «Это ли не жених,— говорили они,— и смирный, и непьющий, и ничего такого не слышно». Только маменьки замоскворецкие ошибались немножко, они не знали за Тихоном Иванычем одного художества; да и знать было трудно, он так умел это скрывать ото всех. Под покровом ночи, когда спит Замоскворечье, проносился он на лихом извозчике в цыганский табор и обратно. Знали это только верный его извозчик да те из приказчиков Тупорылова, которых он иногда брал с собой. Расчетливый и деловой, Тихон Иваныч во время этих секретных отлучек не жалел денег. Как только он появлялся к цыганам, старые и молодые цыганки встречали его с восторгом и криком: «А, батюшка, а, Тихон Иваныч, от тебя только и пожить»,— полдюжины шампанского на стол, и начиналось разливанное море.

Кузя обратился к Тихону Иванычу с просьбой показать ему в натуре то, что до сих пор он видел в приказчицком флигеле только в копии. «Коли есть деньги,— сказал Тихон Иваныч,— так поедем хоть нынче, только смотри

никому не сказывай».— «Что вы это, Тихон Иваныч, как можно, да вот дай бог провалиться на этом месте, дай бог с места не сойти, если я кому скажу»,— говорил Кузя, прыгая от радости, и отправился с Максимкой свидетельствовать свою кассу. Кузя с той поры, как купил первую пару голубей, завел у себя сохранную казну. На чердаке, подле трубы, вырыл он ямку и прятал туда деньги, которые неосторожно попадались ему под руки: тут были и ассигнации, и монеты всякого рода. По освидетельствовании донесли Тихону Иванычу, что денег вот столько-то, а коли, мол, мало, так можно еще достать. «Достаточно,— сказал Тихон Иваныч,— раза на три хватит». И с этого дня Кузя начал с Тихоном Иванычем посещать тихие места по ночам. Они забирались куда-нибудь подальше, где бы глаз человеческий не мог их видеть, например в Перово, на Конную, в Грузины, одним словом в тишину, как они говорили. В эту зиму Кузя объездил все места, знакомые Тихону Иванычу. Летом разъезжали они по рощам, и Кузя узнал все притоны, все углы, куда забивается разгульная русская молодость от надзору родителей. Много в это время из ящиков и сундуков Самсона Савича перешло денег сначала на чердак, а потом к торбанистам и цыганкам и всякого рода досужим людям. Наконец это стало надоедать Кузе. Кузя с самого начала чувствовал, что есть удовольствия чище этого, и стал искать их.

В это время судьба свела его с одним молодым купцом, с Савой Титычем Агурешниковым. Что это за лицо! Боже мой! О, Сава Титыч, где я возьму краски, чтобы нарисовать тебя! Вы Саву Титыча наверно видали: он бывает во всех публичных местах. Издали он очень похож на льва, а рассмотрите поближе, так увидите, что это за зверь.

Сава Титыч — сын богатого русского купца и воспитан точно так же, как Кузьма Самсоныч, если не хуже. Разница между ними только в том, что Сава Титыч во время неопытной юности попал в руки одному актеру, который за неисчислимое количество бутылок шампанского образовал его по-своему, то есть одел его во фрак, отучил от тривиальных привычек и слов, вроде следующих: оттéлева, отсéлева, áхтер, каплимéнт, э́вося, э́втот, намня́сь и прочее. Образованный таким образом, Сава Титыч стал с презрением смотреть на своих собратов. Но вот что беда: после такого образования он сделался совершенно формой без содержания.

И сделалась моя Матрена
Ни пава, ни ворона,—

как говорит Крылов. Он отверг все старое, все наследство предков и умственное и нравственное, а из нового-то взял только один фрак. И стал Сава Титыч ничем, так, нуль во фраке. Дома, в семействе, ему нечего делать, там оскорбляют его и кучерской костюм отца, и простонародные ласки матери, и запах щей, и все. Общество свое он считает необразованным. Да и что ему делать дома, он человек светский и без общества жить не может. Он почти каждый день бывает в театре, он занимается литературой, он трется кругом образованных людей, бывает во всех собраниях и на всех публичных балах. Хотя драматическое искусство на него не действует, а если действует — так усыпительно; хотя из толстой книги журнала, которую подает ему мальчик в кофейной, он не понимает ни одной фразы; хотя в образованном обществе ему так же неловко и дико, как во французском театре,— да ему что за дело, он бывает в обществе затем только, чтобы людей посмотреть да себя показать. Может быть, вы скажете, что, живя таким образом, без всякого дела, не думая и не чувствуя, пропадешь с тоски. Не бойтесь за Саву Титыча, у него есть работа. Единственный труд и забота его состоят в том, чтобы смотреть на людей, по его мнению достойных подражания, да потрафлять у себя точь-в-точь, как у них. Моделью ему служат в иных случаях аристократия, а иногда французские актеры и приказчики модных магазинов. Он неутомимо преследует таких людей, подглядывает, как шпион, что они делают в такой-то час дня, что едят, как одеваются, как говорят, какие принимают позы, какое вино пьют и какие курят сигары — все это он перенимает и воспроизводит довольно карикатурно. Все чувства у него превратились в одно зрение. Свой собственный ум и вкус, как предметы необразованные, Сава Титыч старался заморить поскорее, он давно перестал им верить и изгнал из головы своей вместе с суеверными рассказами бабушки. Никакого следа развития, никаких признаков собственной мысли не рассмотрите вы у Савы Титыча в самый сильный микроскоп. Отсутствие внутренней жизни и совершенная безличность — вот отличительные черты Савы Титыча. Он как будто не живой человек, а модная картинка, бежавшая из последней книжки парижского журнала. Так вот каков Сава Титыч, ни больше ни меньше, а посмотрите, как он горд: он считает себя представителем молодого купеческого

поколения. И, к несчастью, это почти правда: «Bourgeois gentilhomme»[1] Мольера у нас современная пьеса. Только Мольеров мещанин перед нашими очень миниатюрен; русский человек меры не знает.

Как только попал Кузя в руки к Саве Титычу, так началась переделка. Густые шелковистые волосы Кузи, которыми он так ловко потряхивал, пали под ножницами Дени; вместо длинного сертука Винтерфельд сшил такой фрак, каких и в самом Париже немного. В этом костюме Кузя был очень неловок, он не знал, куда деть руки, как держать голову, все движения его были как-то судорожны. Он чрезвычайно конфузился, а если случалось ему взглянуть в зеркало, то он опускал голову с видом совершенного отчаяния. Варвары, дескать, варвары, что вы со мной сделали! Погубили малова ни зá што ни прóшто. Но Сава Титыч скоро вывел его из этого отчаянного положения, он выучил его, как держать себя: грудь вперед, голову кверху, руки по швам. Так разгуливали они по Сокольникам и по Парку, выступая, как гуси, и поводя глазами, как восковые фигуры с механикой. С наступлением зимы Сава Титыч стал возить Кузю в театр и в собрания. В театр Кузя ездил с охотой, эта забава ему очень нравилась, и он всегда сетовал на Саву Титыча за то, что тот, одевшись совсем и надевши даже белые перчатки, дожидался девятого часу, чтобы приехать в половине спектакля, и за то, что Сава Титыч уезжал всегда в начале последнего акта. Иначе Сава Титыч не делал единственно потому, что хотел казаться львом. Саву Титыча очень беспокоили внезапные восторги, которые находили на Кузю во время спектакля. Он долго и со тщанием поучал Кузю, что восхищаются только в райке и что в первый ряд кресел ездят совсем не за этим, а затем, чтобы видели, что ты сидишь в первом ряду, и сидишь чинно и ничему не удивляешься; да и удивляться-то нечему, потому что это только так — «представление» и больше ничего. Но как ни бился Сава Титыч, а не мог отучить Кузю от дурной привычки восхищаться. В собрании Сава Титыч с Кузей расхаживали таким же гусиным шагом, как и на гуляньях, молча и не обращая ни на что внимания, и путешествовали так до первой встречи с каким-нибудь любителем шампанского из артистов. Тут они садились, выпивали бутылку шампанского и опять отправлялись показывать себя до новой встречи. Так они

[1] «Мещанин во дворянстве» *(франц).*

проводили вечера, а день в кофейной, где собиралось своего роду общество. Общество это делилось на две половины: одна половина постоянно говорила и сыпала остротами, а другая половина слушала и смеялась. Замечательно еще то, что в эту кофейную постоянно ходили одни и те же люди, остроты были постоянно одни и те же, и им постоянно смеялись. Года два Кузя пробыл под опекой Савы Титыча; в эти два года он очень переменился как внутренним, так и внешним образом: на румяном и беззаботном лице его стали показываться признаки раздумья. Он стал чувствовать всю пустоту той жизни, в которую увлек его Сава Титыч; он лучше Савы Титыча понимал людей и скоро заметил, что порядочные люди или смеются над ними, или жалеют их. Сава Титыч был счастливый человек и не замечал, что был смешон до крайности, а Кузя был не таков, он это очень хорошо чувствовал. Положение его стало невыносимо, а выходу из него не было. С одной стороны, было перед ним образованное общество, он чувствовал, что связь, соединяющая это общество, прекрасна, что ему, человеку независимому и у которого впереди огромный капитал, был бы рай в этом обществе; но между ним и этим обществом была бездна. С другой стороны, перед ним было общество его собратов, подкрашенное воспоминаниями детства; но между ним и этим обществом был фрак. А надевши фрак, трудно переменить его на кафтан.

Из этого положения вывело его новое знакомство. Жил за Москвой-рекой один молодой человек, он кончил курс в университете и жил учителем в одном богатом доме. Чуден казался этот человек среди Замоскворечья. За Москвой-рекой не живут своим умом, там на все есть правило и обычай, и каждый человек соображает свои действия с действиями других. К уму Замоскворечье очень мало имеет доверия, а чтит предания и уповает на обряды и формы. На науку там тоже смотрят с своей точки зрения, там науку понимают как специальное изучение чего-нибудь с практической целью. Научиться медицине — наука; научиться сапоги шить — тоже наука, а разница между ними только та, что одно занятие благородное, а другое нет. Науку как науку, без видимой цели, они не понимают. И потому если вы встретите ученого, который станет вам доказывать материальную пользу своего предмета или станет хвалить свой предмет, понося прочие, так знайте, что этот ученый или родился за Москвой-рекой, или жил там довольно долго. Если вы встретите студента, который

рассуждает так: «Все наука да наука, нужна нам очень в жизни эта наука; нам бы только как-нибудь четыре года промаяться да чин получить — вот и вся наука»,— так знайте, что это студент замоскворецкий, а если он приезжий, так, верно, квартирует за Москвой-рекой. Итак, за обилием преданий и обычаев, ум был для Замоскворечья вещь не только не нужная, но иногда и опасная, а наука — вроде крепостного человека, который платит барину оброк. От этого-то и чуден казался для Замоскворечья Х. Х., которому наука взошла в кровь, который, кроме ума, не признавал над собой владыки. Он не имел никакого сообщения с Замоскворечьем и никакого знакомства, он заключился в маленькой комнатке, обложил себя книгами и жил в мире мечтательном, любимым автором его был Жорж Санд. Он читал его и перечитывал и, бродя без цели по улицам Замоскворечья, мечтал о героях и героинях его романов. Он заглядывал в окна, думая встретить ⟨...⟩ [1]. Он не знал Замоскворечья, и ему позволительно было так думать. А Замоскворечье знало его и думало о нем по-своему. Замоскворецкие Лелии жалели его, как человека погибшего, или презирали его, как басурмана, который не ходит в баню по субботам и по постам ест скоромное.

Примечание нашедшего рукопись. Эту безмятежную и однообразную тишину, в которой пребывает Кузьма Самсоныч, нарушает изредка только старинный знакомый его, а именно Максим Ферапонтыч (бывший Максимка). Это лицо автор замоскворецких записок упустил из виду; но я случайно напал на след и скоро отыскал Максимку. Вот вкратце его история: Максимка из мальчишек сделался приказчиком Тупорылова, бойкостью и аккуратностью взошел в доверенность и за старостию лет Тупорылова управлял почти всей его торговлей, потом, как говорит один мой знакомый купец, дерзнул против хозяина тысяч на десять и пожелал быть сам хозяином. Теперь он подрядчик, берется за всевозможные дела и всюду дорогу знает. Товарищи его не любят за то, что он очень сбивает цену. Приезжает он иногда к Кузе затем, чтобы перехватить деньжонок на какую-нибудь аферу. За такое одолже-

---

[1] В рукописи пропущено место для вставки, видимо имени кого-то из героев Жорж Санд.— *Ред.*

ние он делает могарычи, то есть великолепнейшие обеды и пиры, большею частию где-нибудь за городом, и тут с компанией гуляют напропалую. Компанию эту составляют всё деловые люди.

‹3›
ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ В ПРАЗДНИК

Когда у нас за Москвой-рекой праздник, так уж это сейчас видно. И откуда бы ты ни пришел, человек, сейчас узнаешь, что у нас праздник. Во-первых, потому узнаешь, что услышишь густой и непрерывный звон во всем Замоскворечье. Во-вторых, потому узнаешь, что по всему Замоскворечью пахнет пирогами [1].

Но я, благодаря удобному случаю, опишу праздничный день с начала до конца по порядку. У нас праздник начинается с четырех часов утра: в четыре часа все порядочные люди, восстав от сна, идут к обедне. Посетители ранних обеден здесь резко отличаются от посетителей поздних. Первые большею частию солидные люди: купцы, пожилые чиновники, старухи купчихи и простой народ. Вообще все старшие в семействе ходят к ранней обедне. И здесь вы не увидите ни разноцветных нарядов, ни карикатурного подражания высшему обществу, а напротив того — истинная и смиренная набожность равняет все звания и даже физиономии. Тут нет для почетных лиц почетных мест, где кто стал, там и молится. Вот пришел купец, миллионщик, лицо почетное, помолился, ему все кланяются; вот входит его последний работник, которому задний двор всегдашнее пребывание,— пришел, поклонился три раза, встряхнул кудри и стал кланяться на все стороны, и ему все кланяются. И как торжественно в тишине и полусвете ранней обедни текут от алтаря громкие возгласы вечной истины.

Но вот отходит обедня, народ выходит из церкви, начинаются поздравления, собираются в кучки, толки о том, о сем, и житейская суета начинается. От обедни все идут домой чай пить, и пьют часов до девяти. Потом купцы

---

[1] Здесь надобно заметить, что нигде нет таких больших и громогласных колоколов, как у нас за Москвой-рекой, и нигде в другом месте не пекут таких пирогов, запах которых распространяется по целому кварталу. С этой стороны похожа на Замоскворечье только Таганка.— *Прим. автора.*

едут в город тоже чай пить, а чиновники идут в суды приводить в порядок сработанное в неделю. Дельная часть Замоскворечья отправилась в город: Замоскворечье принимает другой вид. Начинаются приготовления к поздней обедне: франты идут в цирульни завиваться или мучаются перед зеркалом, повязывая галстух; дамы рядятся. Что это у нас за франты за Москвой-рекой, как одеваются; вот уж можно сказать, что со вкусом. У нас никогда по моде не одеваются, это даже считается неблагопристойным. Мода — постоянный, неистощимый предмет насмешек, а солидные люди при виде человека, одетого в современный костюм, покачивают головой с улыбкой сожаления; это значит: человек потерянный. Будь лучше пьяница, да не одевайся по моде. Не только у нас за Москвой-рекой, да и в остальной-то части Москвы не все понимают, что мода есть тот же прогресс, хотя чисто фактический, бессознательный, а все-таки прогресс. А попробуйте убедить в этом, так вас сочтут за вольнодумца и безбожника. А у нас за Москвой-рекой понятия о моде совершенно враждебные. У нас говорят: «С чего это вы взяли, чтобы я стал себя уродовать,— талия черт знает где; что я за паяц, чтобы стал подражать моде. Надо уметь одеться к лицу, что кому пристало». И одеваются к лицу. В костюмы своего изобретения. Например, зеленый плащ и белая фуражка без козырька или узенький фрак, до бесконечности широкие шаровары и соломенная шляпа. И с какой торжественной улыбкой, с каким гордым взглядом ходит по Замоскворечью человек, одетый к лицу; тогда как в душе человека, который надевает модный фрак или сертук, совершается драма; он раз пять подходит к зеркалу поглядеть, не смешон ли он; если идет куда, то крадется сторонкой, точно контрабандист; а взгляните на него попристальней, так он переконфузится до смерти. Но об моде когда-нибудь в другой раз, а теперь о празднике. Но виноват, позвольте, надобно что-нибудь сказать о дамских нарядах. Вы увидите часто купца в костюме времен Грозного и рядом с ним супругу его, одетую по последней парижской картинке. Впрочем, этого нельзя сказать обо всех, и есть великолепные исключения. Некоторые дамы имеют обыкновение изменять модным костюмам, прибавляя что-нибудь своего изобретения. Это обыкновенно так делается: приезжают в магазин, выбирают себе шляпку, чепчик или мантилию, по нескольку раз примеривают, разглядывают со всех сторон и говорят, что это очень просто, и велят при себе

прибавить что-нибудь — цветочков или ленточек, чтобы было понаряднее. А понаряднее значит у нас поразноцветнее. Нелишним считаю сказать, что некоторые дамы имеют к иным цветам особую привязанность, одна любит три цвета, другая четыре; и что бы они ни надели, все любимые цвета непременно присутствуют на их костюме. Барышни относительно цветов разделяются на две половины: одни любят голубой цвет, а другие розовый. Молодые люди также не совсем равнодушны к голубому цвету, и на редком вы не встретите что-нибудь голубенькое. Причины этому, я полагаю, следующие: первая, голубой цвет — цвет небесный, а душа в невинном состоянии находится с лазурью небесною в дружественном отношении; вторая, голубой цвет значит верность. Впрочем, я это только полагаю, а наверное сказать не смею. Так вот-с, начинаются поздние обедни — там вы увидите и франта, одетого к лицу, и купчиху mille colorum[1]. Обедни продолжаются часу до двенадцатого. Потом все идут обедать: к этому времени чиновники и купцы возвращаются из городу. С первого часа по четвертый улицы пустеют и тишина водворяется; в это время все обедают и потом отдыхают до вечерен, то есть до четырех часов. В четыре часа по всему Замоскворечью слышен ропот самоваров; Замоскворечье просыпается и потягивается. Если это летом, то в домах открываются все окна для прохлады, у открытого окна вокруг кипящего самовара составляются семейные картины. Идя по улице в этот час дня, вы можете любоваться этими картинами направо и налево. Вот направо, у широко распахнутого окна, купец с окладистой бородой, в красной рубашке для легкости, с невозмутимым хладнокровием уничтожает кипящую влагу, изредка поглаживая свой корпус в разных направлениях: это значит по душе пошло, то есть по всем жилкам. А вот налево чиновник, полузакрытый ераныо, в татарском халате, с трубкой Жукова табаку — то хлебнет чаю, то затянется и пустит дым колечками. Потом и чай убирают, а пившие оный остаются у окон прохладиться и подышать свежим воздухом. Чиновник за ераныо берет гитару и запевает: «Кто мог любить так страстно», а купец в красной рубашке берет в руки камень либо гирю фунтов двенадцати. Что вы испугались? Как же не испугаться: да зачем же у него камень-то в руках,— ведь это шутки плохие. Нет, ничего, не беспо-

[1] Пестро одетую *(франц.)*.

койтесь! Он гражданин мирный. Вот посмотрите: подле него, на окне, в холстинном мешочке, фунтов восемь орехов. Он их пощелкивает, то по одному, то вдруг по два да по три,— пощелкивает себе, да и знать никого не хочет. Нет, вы, пожалуйста, не беспокойтесь. После вечерен люди богатые (то есть имеющие своих лошадей) едут на гулянье в Парк или Сокольники, а не имеющие своих лошадей целыми семействами отправляются куда-нибудь пешком; прежде ходили в Нескучное, а теперь на Даниловское кладбище. А если праздник зимой, так проводят время в семействе. Общества совершенно нет, в театр не ездят. Разве только на святках да на масленице, и тогда берут ложу и приглашают с собой всех родных и знакомых. Смотреть ездят: Русалку, Пилюли, Аскольдову могилу и прочее. Вот что еще замечательно, что водевиль, дающийся после пьесы, считается продолжением ее. Ложатся спать в девятом часу, и в девять часов все Замоскворечье спит. По улице нет никого, кроме собак. Извозчика и не ищите.

ПЬЕСЫ

СЕМЕЙНАЯ КАРТИНА

ЛИЦА:

АНТИП АНТИПЫЧ ПУЗАТОВ
купец, 35 лет.

МАТРЕНА САВИШНА
жена его, 25 лет.

МАРЬЯ АНТИПОВНА
сестра Пузатова, девица, 19 лет.

СТЕПАНИДА ТРОФИМОВНА
мать Пузатова, 60 лет.

ПАРАМОН ФЕРАПОНТЫЧ ШИРЯЛОВ
купец, 60 лет.

ДАРЬЯ
горничная Пузатовых.

Комната в доме Пузатова, меблированная без вкуса; над диваном портреты, на потолке райские птицы, на окнах разноцветное драпри и бутылки с настойкой. У окна, за пяльцами, сидит М а р ь я А н т и п о в н а.

М а р ь я А н т и п о в н а *(шьет и поет вполголоса)*.

Черный цвет, мрачный цвет,
Ты мне мил завсегда!

(Задумывается и оставляет работу.) Вот уж и лето проходит, и сентябрь на дворе, а ты сиди в четырех стенах, как монашенка какая-нибудь, и к окошку не подходи. Куда как антиресно! *(Молчание.)* Что ж, пожалуй, не пускайте! запирайте на замок! тиранствуйте! А мы с сестрицей отпросимся ко всенощной в монастырь, разоденемся, а сами в Парк отличимся либо в Сокольники. Надо как-нибудь на хитрости подыматься. *(Работает. Молчание.)* Что ж это нынче Василий Гаврилыч ни разу мимо не прошел?.. *(Смотрит в окно.)* Сестрица! сестрица! офицер едет!.. поскорей, сестрица!.. с белым пером!

М а т р е н а С а в и ш н а *(вбегает)*. Где, Маша, где?

М а р ь я А н т и п о в н а. Вот, посмотрите.

Смотрят обе.

Кланяется. Ах, какой!

Прячутся за окно.

М а т р е н а С а в и ш н а. Какой хорошенький!

М а р ь я А н т и п о в н а. Сестрица, посидимте здесь: может быть, назад поедет.

М а т р е н а С а в и ш н а. И, что ты, Маша! Приучишь его, он и будет каждый день по пяти раз мимо ездить. После с ним и не развяжешься. Уж я этих военных-то

знаю. Вон Анна Марковна приучила гусара: он ездит мимо, а она поглядывает да улыбается. Что ж, сударыня моя: он в сени верхом и въехал.

Марья Антиповна. Ах, страм какой!

Матрена Савишна. То-то и есть! Ничего такого не было, а слава-то по всей Москве пошла... *(Смотрит в окно.)* Ну, Маша, Дарья идет. Что-то она скажет?

Марья Антиповна. Ах, сестрица, как бы она маменьке не попалась!

Вбегает Дарья.

Дарья. Ну, матушка Матрена Савишна, совсем было попалась! Бегу я, сударыня, на лестницу, а Степанида Трофимовна прямехонько так-таки тут и была. Ну, за шелком, мол, в лавочку бегала. А то ведь она у нас до всего доходит. Вот вчерась приказчик Петруша...

Марья Антиповна. Да они-то что ж?

Дарья. Да! кланяться приказали. Вот, сударыня, прихожу я к ним: Иван Петрович на диване лежит, а Василий Гаврилыч на постели... или, бишь, Василий Гаврилыч на диване. Табаком накурили, сударыня,— не продохнешь просто.

Матрена Савишна. Да что говорили-то?

Дарья. А говорили-то, сударыня ты моя, чтобы непременно, говорит, нынче в Останкино приезжали, этак в вечерни, говорит. Да ты, говорит, Дарья, скажи, чтобы беспременно приезжали, хоть и дождик будет, все бы приезжали.

Марья Антиповна. Что ж, сестрица, поедемте!

Матрена Савишна. Ну, так ты, Дарья, беги опять да скажи, что, мол, приедут.

Дарья. Слушаю-с. Больше ничего-с?

Марья Антиповна. Да скажи, Даша, что принесите, мол, каких-нибудь книжечек почитать; дескать, барышня просит.

Дарья. Слушаю-с. Больше ничего?.. Ах, сударыня! я было и забыла совсем. Иван-то Петрович приказывал: да скажи, говорит, чтобы мадеры привезли; хорошо, говорит, на вольном воздухе.

Матрена Савишна. Хорошо, хорошо, привезем!

Дарья *(подходит к Матрене Савишне и говорит вполголоса)*. Да еще, Матрена Савишна, Василий-то Гав-

рилыч говорит Ивану Петровичу: конечно, говорит, твое дело другое и, говорит, Матрена Савишна женщина замужняя... ну, и все такое... А Марья-то Антиповна, говорит, девушка... не то, чтобы что либо што. А это, говорит, полагать надо, баластво одно. И, говорит, того и гляди, что за бородача за какого-нибудь выдадут. А выходит, говорит, хлопотать не из чего. Не то что насчет чего... ну, сами понимаете... А я, говорит, человек бедный... Кабы жениться, я, говорит, не прочь. Да, говорит, не с нашим рылом да в калачный ряд. Это Василий-то Гаврилыч Ивану Петровичу говорит. Твое, говорит, дело другое. Матрена Савишна женщина замужняя... с чиновником все может случиться... зима, говорит... ну, и шуба енотовая. Как ни на есть...

Матрена Савишна. Ах ты, дура! а ты бы сказала, что, мол...

Дарья *(прислушиваясь)*. Никак, матушка, сам приехал... *(Подходит к окну.)* Так и есть. На крыльцо лезет.

Матрена Савишна. Ну, так ты ужо сбегай, когда будем чай пить.

Дарья. Слушаю-с.

Голос из передней: «Жена! а, жена! Матрена Савишна!»

Матрена Савишна. Что там?

Антип Антипыч *(входит)*. Здравствуй!.. А ты думала, бог знает что!

Целуются.

Поцелуй еще... *(Заигрывает.)*

Матрена Савишна *(жмется)*. Полно дурачиться-то, Антип Антипыч! перестань! Э! как тебе не стыдно!

Антип Антипыч. Да поцелуй!

Матрена Савишна. Ах, отстань ради бога!

Антип Антипыч. Уважь!

Целуются.

Ай да жена! Вот люблю! Ай да Матрена Савишна! *(Садится на диван.)* А знаешь ли что, Матрена Савишна?

Матрена Савишна. Что еще?

Антип Антипыч. Хорошо бы теперь чайку выпить-с. *(Смотрит в потолок и отдувается.)*

Матрена Савишна. Дарья!

Входит Дарья.

Давай самовар, да спроси ключи у Степаниды Трофимовны.

Дарья уходит. Молчание. Марья Антиповна сидит за пяльцами; Матрена Савишна подле нее. Антип Антипыч смотрит по углам и изредка вздыхает.

Антип Антипыч *(грозно)*. Жена! поди сюда!

Матрена Савишна. Что еще?

Антип Антипыч. Поди сюда, говорят тебе! *(Ударяет по столу кулаком.)*

Матрена Савишна. Да что ты, очумел, что ли?

Антип Антипыч. Что я с тобой иcделаю! *(Стучит по столу.)*

Матрена Савишна. Да что с тобой? *(Робко.)* Антип Антипыч!

Антип Антипыч. А! испугалась! *(Смеется.)* Нет, Матрена Савишна, это я так — шутки шучу. *(Вздыхает.)* Что ж чайку-то-с?

Матрена Савишна. Сейчас! Ах, батюшки, авось, не умрешь!

Антип Антипыч. Да что ж так-то сидеть! скука возьмет.

Входит Степанида Трофимовна. Дарья несет самовар.

Степанида Трофимовна. Вот пострел! Прости господи! Эка угорелая девка! Ну, что ты бежишь-то сломя голову! Ведь над нами не каплет. Да уж и ты-то, отец мой, никак с ума спятил: который ты раз чай-то пить принимаешься! Дома два раза пил да, чай, в городе-то нахлебался! *(Наливает чай.)*

Антип Антипыч. Что ж! Ничего! Что за важность! Не хмельное! Пили-с. Вот с Брюховым ходили, ходил с Савой Савичем. Что ж! Отчего с хорошим человеком чайку не попить? А я нынче, матушка, Брюхова-то рублев на тысячу оплел. *(Берет чашку.)*

Степанида Трофимовна. Уж где тебе, дитятко! Самого-то, чай, кругом обманывают. За приказчиками ты не смотришь, торговлей не занимаешься. Уж какая это, Антипушка, торговля! С утра до вечера в трактире сидите, брюхо наливаете. Ох! пи-

какого-то, как посмотрю я, у вас порядку нету. Уж вы и меня-то с пути сбили. Поутру самовар со стола не сходит до одиннадцати часов: сначала молодцов [1] напоишь, в город отпустишь; потом ты, родимый, подымаешься: тебя-то скоро ли ублаготворишь; потом барыня-то твоя. Не то что к обедне сходить, вы и лба-то перекрестить на дадите, прости господи! Как бы жил ты, Антипушка, по старине-то, как порядочные люди-то живут: встал бы ты в четыре часа, за порядком бы посмотрел, на дворе поглядел бы, и все такое, и все как следственно, к обедне бы сходил, голубчик, да и хозяюшку-то свою поднял бы: «вставай, мол, полно нежиться-то! пора за хозяйство приниматься». Да-таки и хорошенько бы. Что смотришь-то на меня? правду говорю, Матрена Савишна, правду.

Матрена Савишна. Уж вы теперь начнете!

Степанида Трофимовна. Ах, мать моя; да ведь мной только дом-то и держится. Уж не тебе ли хозяйкой быть, сударыня! Нет, погоди, матушка, молода еще, мелко плаваешь! Ну, сама ты посуди: встаешь ты — стыдно сказать, а грех утаить — в одиннадцатом часу; а я-то тебя за самоваром изволь дожидать... а я, сударыня, постарше тебя — так-то-с. Больно барственно, Матрена Савишна, больно барственно! Уж как ни финти, а барыней не бывать, голубушка ты моя — все-таки купчиха. Эко, сударь ты мой, разрядится, мантилии да билиндрясы разные навешает на себя, растопырится, прости господи, распустит хвост-то, как павлин... фу ты, прочь поди... так и шумит! А уж ты, Матрена Савишна, как ни крахмалься, а все-таки не барыня... тех же щей, да пожиже влей!

Матрена Савишна. Что ж, не в платочке же мне ходить, и то сказать!

Степанида Трофимовна. А ты, сударыня, своим званием не гнушайся.

Антип Антипыч. Отчего ж и не рядиться, коли есть во что? Ничего! Можно! Что за важность? Да она у меня как разрядится-то, так лучше всякой барыни, вальяжнее, ей-богу! Ведь те всё мелочь; с позволения сказать, взглянуть не на что нашему брату.

---

[1] Молодцов — приказчиков.— *Прим. автора.*

А она-то у меня таки тово... То есть я... насчет телесного сложения. Ну, и все такое!

Матрена Савишна. Уж ты, Антип Антипыч, заврался, кажется.

Марья Антиповна. Как вам, братец, не стыдно? всегда конфузите.

Антип Антипыч. Что же такое? Нешто я что дурное сказал? Что за важность! Иногда и не то скажешь, да с рук сходит. Я как-то вот при генерале такое словечко ухнул, что самому страшно стало: да что ж делать-то! не схватишь, да опять не спрячешь. А это я супротив той точки речь веду, что понаряднее все-таки лучше; то есть хоть и не барыня, а все-таки... то есть, на линии... Что за важность!

Степанида Трофимовна. Знаю, голубчик, знаю. Да вот как с тобой вместе-то выедет она куда-нибудь, разоденется-то, знаешь ли, да перо-то на сажень распустит, то-то, чай, она, бедная, думает: «эко, дескать, горе мое: муж-то у меня пузастый да бородастый какой, а не фертик, дескать, какой-нибудь раздушенный да распомаженный!»

Антип Антипыч. Чтоб она меня, молодца такого, да променяла на кого-нибудь, красавца-то этакого! *(Разглаживает усы.)* Ну-ка, Матрена Савишна, поцелуйте-с!

Матрена Савишна целует его с притворною нежностью.

Степанида Трофимовна. Эх, дитятко, враг-то силен! Мы с покойником жили не вам чета: гораздо-таки полюбовнее, да все-таки он меня в страхе держал, царство ему небесное! Как ни любил, как ни голубил, а в спальне, на гвоздике, плетка висела про всякий случай.

Матрена Савишна. Уж вы меня всегда с мужем расстроиваете: что я вам за злодейка такая!

Степанида Трофимовна. А ты, матушка, молчи лучше!

Матрена Савишна. Как же! стану я молчать!.. дожидайтесь!.. Я, слава богу, купчиха первой гильдии: никому не уступлю!

Степанида Трофимовна. Великая важность!— купчиха ты! Видали и почище вас. Я и сама от семи собак отгрызусь...

Матрена Савишна. А все-таки молчать не заставите! Не родился тот человек на свет, чтобы меня молчать заставил.

Степанида Трофимовна. А ты думаешь, мне очень нужно! А бог с вами; живите, как знаете: свой разум есть. А уж к слову придется, так не утерплю: такой характер. Не переделаться мне для тебя...

Молчание. Все сидят надувшись.

Да вы у меня и Машутку-то вот избаловали совсем.

Антип Антипыч. А что, Маша, хочешь, я тебе жениха найду?

Степанида Трофимовна. Давно бы тебе пора хватиться-то: ты, кажется, и забыл, что у тебя сестра девка на возрасте.

Марья Антиповна. Что вы, маменька! всё «на возрасте да на возрасте!» Мне ведь не бог знает сколько.

Степанида Трофимовна. Полно модничать-то, сударыня! Я по четырнадцатому году замуж шла; а тебе ведь — стыдно при людях сказать — двадцать лет.

Антип Антипыч. Хочешь, Маша, Косолапова посватаю?

Марья Антиповна. Ах, братец, да от него и в мясоед всегда луком пахнет, а в пост-то так просто ужасть.

Антип Антипыч. Ну, Перепяткина: чем не жених? *(Смеется.)*

Марья Антиповна. Да вы, братец, это нарочно мне все уродов навязываете.

Антип Антипыч. Что ж. Ничего. Хорошие женихи, Маша, хорошие! *(Смеется.)* Важные женихи!

Марья Антиповна. Да вы это все насмех! *(Чуть не плачет.)*

Степанида Трофимовна. Да ты полно зубы-то скалить! Я дело говорю, Антип Антипыч! Что балясничать-то! А ты, сударыня, не бойся; женихи найдутся, любова выбирай: ты у нас ведь не голь саратовская, невеста с приданым. Только за благородного не отдам... ты и не думай, и не воображай себе.

Антип Антипыч. Уж будто, матушка, промежду

благородных-то и путных нет совсем. Нет, что ж, бывают. *(Смеется.)*

Степанида Трофимовна. Как, батюшка, не быть: во всяком сословии есть. Да уж всякому свое. Отцы-то наши не хуже нас были, да в дворяне не лезли.

Антип Антипыч. Что же, отчего за благородного не отдать? Ничего. Можно. Что за важность!

Степанида Трофимовна. Эх, голубчик! хороший-то, который постепеннее, не возьмет: тому надо мало-мало сотню тысяч, а то две, либо три; ну, а другие, так хоть бы их и не было совсем. Только что чванится собой да благородством своим похваляется: «я-де благородный, а вы мужики»; а сам-то ведь голь какая-нибудь, так, выжига, прости господи! Знаю я их. Вот Лопатиха за благородного отдала, не спросясь добрых-то людей. А я еще тогда самой-то говорила: «Эх, Максимовна, не садись, мол, не в свои сани: вспомянешь ты меня, да поздно будет». Так что ж? — «Я, говорит, детищу своему не враг; хочу, говорит, как все к лучшему; все-таки, говорит, благородный, а не купец; может и дослужиться, и в чины произойти». Да вот теперь, хвать-похвать, ан дыра в горсти. И близко локоть-то, да не укусишь. Деньжонки-то, что дали, которые пропил, которые в картишки проиграл, сердешный! *(Вздыхает.)* Я и на свадьбе-то была: банкет такой сделали, упаси господи! Покажите, говорю, жениха-то. Что ж, сударь ты мой, вот как теперь гляжу: маленький да гнусненький такой, да фрачишко-то на нем этот натянут коротхвостый, весь как облизанный. Да вертится, прости господи, как бес какой, на месте не посидит. И на жениха-то не похож; чужой человек и не узнает, ей-богу, не узнает. Только фалдочки трясутся. Тут же я и подумала: знать, мол, вы, сердешные, хуже-то не нашли!

Смеются все.

Да нечего и говорить: всякий знает. Ну, положим так: не все же пьяницы, попадается и трезвый человек... так он тебя табачищем одним из дома выкурит, либо — грешное дело — по постам скоромное лопает. *(Плюет.)* Фу ты, мерзость какая, прости господи!..

Там кто их знает, может, они по службе-то своей, у должности, и хорошие люди, дельные, да нам-то, сударь ты мой, дело неподходящее. То ли дело, Маша, купец-то хороший!

Антип Антипыч. Знаешь ли, Маша, гладкий да румяный, вот как я. Уж и любить-то есть что, не то что стракулист чахлый. Так ли, Маша, а?

Марья Антиповна. Да что вы, да я не знаю... *(Потупляет глаза.)*

Антип Антипыч. Пора бы знать! Ну, вот Матрена Савишна знает... Правду я говорю, Матрена Савишна, ведь купец лучше, а?

Матрена Савишна. Уж ты наладишь одно и то же!

Степанида Трофимовна. Что ж, Маша, известное дело: уж и приласкать есть кого.

Марья Антиповна. Ах, маменька! Да что вы, ей-богу! Я уйду. Пойдемте, сестрица! *(Убегает, за ней Матрена Савишна.)*

Антип Антипыч. Так-с. Да уж ведь не отбегаешься.

Степанида Трофимовна. Стыдно стало, Антипушка: дело девичье.

Антип Антипыч. Что ж! и за купца можно. Отчего не отдать? Дело хорошее!

Степанида Трофимовна *(подвигается и говорит вполголоса)*. А вот, Антипушка, мне кума Терентьевна сказывала, Парамон Ферапонтыч жениться задумал, невесту ищет. Вот упускать-то, Антипушка, не надо. Что ж, признаться сказать, он хоть и старенек, и вдовый, да денег-то, Антипушка, больно много — куры не клюют. Ну, да и человек-то степенный, набожный, примерный купец, в уважении.

Антип Антипыч. Только, матушка, уж больно плут.

Степанида Трофимовна. Ах, батюшки мои! Да чем же он плут, скажи пожалуйста? Каждый праздник он в церковь ходит, да придет-то раньше всех; посты держит; великим постом и чаю не пьет с сахаром — все с медом либо с изюмом. Так-то, голубчик! Не то, что ты. А если и обманет кого, так что за беда! не он первый, не он последний: человек коммерческий. Тем, Антипушка, и торговля-то держится. Не помимо пословица-то говорится: «не обмануть — не продать».

Антип Антипыч. Что говорить! Отчего не надуть приятеля, коли рука подойдет. Ничего. Можно. Да уж, матушка, ведь иногда и совесть зазрит. *(Чешет затылок.)* Право слово! И смертный час вспомнишь. *(Молчание.)* Я и сам, коли где трафится, так не хуже его мину-то подведу. Да ведь я и скажу потом: вот, мол, я тебя так и так, помазал маненько. Вот в прошлом году Саву Савича при расчете рубликов на пятьсот поддел. Да ведь я после сказал ему: вот, мол, Сава Савич, промигал ты полтысячки, да уж теперь, брат, поздно, говорю, а ты, мол, не зевай. Посердился немножко, да и опять приятели. Что за важность!.. Да недавно немца Карла Иваныча рубликов на триста погрел. Вот смеху было! Матрена Савишна тряпья разного у него из магазину забирала, а он мне счетец и выписал тысячи в две.

Степанида Трофимовна. Что ты говоришь! какова!

Антип Антипыч. Что ж! Ничего. Пусть щеголяет! А вот я думаю: неужли, мол, немцу все деньги отдать. Как же, мол, не так! нет-с, жирно будет. Вот и недодал ему рублей триста с небольшим. Остальные, говорю, мусье, после. Хорошо, говорит, хорошо, как и путный. Да потом, сударыня ты моя, и начал он приставать. Как встретится, так только и слов у него: а что ж деньги? Надоел до смерти. Как-то под сердитую руку подвернулся этот немец. Что ж, говорит, деньги? Какие, говорю, деньги? я тебе, брат, отдал давно, и отстань ты от меня, христа-ради. Вот и взбеленился мой немец. Это, говорит, купцу нехорошо; это, говорит, фальшь; у меня, говорит, в книге записано. А я говорю: да ты черт знает что там в книге-то напишешь — тебе все и плати! Так, говорит, русский купец делает, немец никогда; я, говорит, в суд пойду. Вот и толкуй с ним, словно больной с подлекарем!

Смеются.

Поди, я говорю,— немного возьмешь! Потащил в суд. Что ж, матушка! ведь отперся, право, отперся. Говорю: знать не знаю, я ему заплатил. Что ж такое, что за важность!.. Уж что с этим немцем смеху было — беда! Так и таращится, это, говорит, бесчестно! А я ему после-то и говорю: я бы тебе и отдал,

Карл Иваныч, да деньги, говорю, брат, нужны. Наши-то рядские животики надорвали со смеху.

Смеются.

А то все ему и отдать? да за что это? Нет, уж опосля честь будет. Они там ломят цену, какую хотят, а им сдуру-то и верят. И в другой раз то же сделаю, коли векселя не возьмет. Так я, матушка, вот как. А Ширялов-то — да это словно жид какой: отца родного обманет. Право! Так вот в глаза и смотрит всякому. А ведь святошей прикидывается.

Ширялов входит.

А! Парамон Ферапонтыч! здравствуйте, почтеннейший!

Ширялов. Здравствуйте, любезные! *(Кланяется.)* Антип Антипыч! Здравствуй, голубчик!

Целуются.

Матушка Степанида Трофимовна, здравствуйте.

Целуются.

Антип Антипыч. Садись, Парамон Ферапонтыч!

Степанида Трофимовна. Садитесь, батюшка!

Ширялов *(садится)*. Как, матушка Степанида Трофимовна, поживаете?

Степанида Трофимовна. Плохо, батюшка! старость приходит. Вас как бог милует?

Ширялов. Что, матушка Степанида Трофимовна! На прошлой неделе притча сделалась: так схватило, что боже упаси. Испугался шибко, больно перепугался. Этак, сударыня ты моя, лом в костях сделался; вот так тебе каждую косточку больно, каждый суставчик; коробит, сударыня ты моя, да и на́ поди. За грехи, матушка, господь человека наказывает, испытание посылает. А пуще, мать ты моя, поясницу схватило.

Степанида Трофимовна. Дело не молодое, батюшка!

Ширялов. Я туда-сюда, так-сяк — нет, сударыня ты моя: отпустит этак немножко, да опять схватит. Даже под сердце подкатило.

Степанида Трофимовна. А, батюшки!

А н т и п А н т и п ы ч. Да ты, Парамон Ферапонтыч, не хватил ли где этак через силу с приятелями?

Ш и р я л о в. Нет, отец ты мой, больше месяца ничего не пил, в рот не брал, Степанида Трофимовна! То есть не то чтобы я бросил совсем; а так, погожу, мол, маненько. А зароку не давал. Нельзя, матушка: человек слаб есть, сказано.

С т е п а н и д а Т р о ф и м о в н а. Что говорить, батюшка!

Ш и р я л о в. А я так, любезные, думаю: простудился, мол, я; как-нибудь на улицу, что ли, раздевшись вышел либо в саду гуляешь в рубашке вечером.

С т е п а н и д а Т р о ф и м о в н а. Долго ли до греха, батюшка, долго ли! Чайку не хотите ли, Парамон Ферапонтыч?

Ш и р я л о в. Покорно благодарствуйте. *(Кланяется.)* Сейчас пил, матушка, сейчас пил.

С т е п а н и д а Т р о ф и м о в н а. Э, батюшка, выкушайте... что за счеты!

А н т и п А н т и п ы ч. С нами-то за компанию.

Ш и р я л о в. Плошечку пропустить можно-с.

Степанида Трофимовна наливает. Ширялов берет чашку, пьет и продолжает.

Что ж, сударыня ты моя, какое я средствие избрал. Что, думаю себе, михстуры эти — просто дрянь, даром деньги берут. Да и никогда я, матушка, этими михстурами не лечился; этого греха на душу не брал. Дай-ка, думаю, я в баню схожу. Вот и пошел, сударь ты мой, да винца послал купить полштофчика, да, мать ты моя, знаешь ли, красного перцу стручкового два стручка. Вот добрым порядком составили эту специю. Половину-то выпили, а то велел себя вытереть. Да приехамши-то домой, пунштику выпил. Ночью-то, сударыня ты моя, меня в пот и ударило. Так пòтом и прошло.

С т е п а н и д а Т р о ф и м о в н а. Что ж, батюшка, бывает. Вот у меня Антипушка все пунштом лечится.

А н т и п А н т и п ы ч. Это, брат, ото всякой болезни прибежище — запомни ты мое слово.

Ширялов ставит чашку.

С т е п а н и д а Т р о ф и м о в н а. Выкушайте еще чашечку!

Ш и р я л о в. Нет, увольте. *(Кланяется.)* Много доволен, Степанида Трофимовна, много доволен.

С т е п а н и д а Т р о ф и м о в н а. Э, батюшка, без церемонии... *(Наливает.)* Как делишки?

Ш и р я л о в *(берет чашку)*. Слава богу, Степанида Трофимовна, помаленьку. Одно у меня горе: Сенька совсем от рук отбился. Что ты будешь делать? Ума не приложу. То есть истинное наказание божеское.

А н т и п А н т и п ы ч. Что, закутил?

Ш и р я л о в. Нет, хуже, Антип Антипыч. хуже. Как бы запивал, так бы еще не велика беда, сударь ты мой: много ли он пропьет? А то мотает не в свою голову. Вот, матушка Степанида Трофимовна, детки-то нынче!

С т е п а н и д а Т р о ф и м о в н а. А сам ты, Парамон Ферапонтыч, виноват; избаловали вы мальчишку так ни за копейку. Вы бы ему с малолетствия волито не давали, а уж теперь поздно. Пусть бы с молодцами в город бегал, приглядывался да руку бы набивал, так бы лучше было.

Ш и р я л о в. Ах, матушка Степанида Трофимовна! Ведь он у меня один. И то подумаешь: надо малого в люди вывести. Нынче, матушка, не то время, как мы бывало: играешь до осьмнадцати лет в бабки, а там тебя женят, да и торгуй. Нынче неученого-то дураком зовут. Ишь ты. все умны стали. Да и то. Степанида Трофимовна, ведь у нас состояньице порядочное, бог благословил. Что хорошего станут говорить, что от этакого. мол, капиталу одного сына воспитать не мог? Да и хуже-то других быть не хочется. Послышишь: тот сына в пиньсион отдал, другой отдал, тот в Коммерческую акедемию. Вот и свезли Сеньку в пиньсион. За год вперед деньги отдал. А он месяца через три, сударыня ты моя, убёг аттедава. Стали дома учить, учителя нанял дешевенького. Учитель какой-то оглашенный попался, вовсе не путный, сударыня ты моя! Сенька-то выпросит у матери деньжонок, да с учителем-то либо в трактир. либо к цыганкам в Марьину рощу и закатятся... Прогнал учителя, прогнал. да вот теперь и маюсь с Сенькой-то. То есть господи! господи! что это нынче за люди стали. так, какие-то развращенные!

А н т и п А н т и п ы ч. Выучил на свою голову. *(Смеется.)*

Ширялов. Да что! поминутно плачу за него, поминутно: тому сотню, тому две; портному тысячу рублей недавно заплатил. Легко ли дело! да я в десять лет на тысячу-то рублей не изношу! А у него фрак — не фрак, жилет — не жилет. То есть истинно по грехам бог наказывает! *(Почти шепотом.)* Однех перчаток прошлую зиму на триста рублей забрал — ей-богу, на триста!

Степанида Трофимовна. А! батюшки!

Антип Антипыч. Вот голова-то!

Ширялов. Да ведь вот что: везде ему верят,— знают, что заплачу. В трактире в каком-то тысячи четыре должен. Тут никакого капитала не хватит... *(Пьет чай молча.)* Что, Антип Антипыч, сказывал я тебе или нет?

Антип Антипыч. Про что?

Ширялов. Про армянина.

Антип Антипыч. Нет; а что?

Ширялов. Комедия, сударь ты мой! *(Смеется, подвигается и говорит шепотом.)* Вот наехал, сударь ты мой, в прошлом году этот армянин. Продал шелк; завертелся туды-сюды, вот не плоше Сеньки моего. Стали в городе поговаривать, что, мол, того. А у меня, сударь ты мой, векселей его тысяч на пятнадцать. Вижу, дело плохо. Уж в городе, брат, не сбудешь: нет, сметили. Вот приезжает наш фабрикант. У него фабрика-то на городу где-то [1]. Я поскорее к нему, пока не прослышал. Что ж, сударь ты мой! все и спустил без обороту.

Антип Антипыч. Ну, что ж? как же?

Ширялов. Да двадцать пять копеек! *(Смеется.)*

Антип Антипыч. Что ты! Вот важно! *(Смеется.)*

Ширялов. А вот Сенька не таков... нет, сударь ты мой, не таков, не таков... Уж истинно бог в наказание послал. Компанию водит бог знает с кем, так, с людьми, нестоящими внимания *(ставит чашку на стол)*, внимания нестоящими...

Степанида Трофимовна. Выкушайте еще.

Ширялов. Нет, матушка, не могу; увольте, Степанида Трофимовна!

Степанида Трофимовна. Без церемонии.

---

[1] На городу — значит где-нибудь в уездном городе.— *Прим. автора.*

Ширялов. Нет, матушка, не могу, право, не могу. *(Кланяется.)*

Степанида Трофимовна. Ну, как хотите. А можно бы еще.

Ширялов. Право, не могу. *(Встает и кланяется.)*

Степанида Трофимовна. Дарья! убирай чай.

Входит Дарья и убирает чай.

Прощайте, батюшка, Парамон Ферапонтыч!

Ширялов. Прощайте, матушка.

Целуются.

Степанида Трофимовна. Заходите почаще, не забывайте.

Ширялов. Ваши гости, матушка Степанида Трофимовна, ваши гости.

Антип Антипыч. Да вы, маменька, велели бы нам водочки, што ли, да закусочки, ну да там мадерцы, што ли. Что ж, брат, выпьем. Что за важность!

Ширялов. Ох, не лишнее ли это будет, Антип Антипыч? не лишнее ли?

Антип Антипыч. Что за лишнее! Ничего. Что за важность!

Степанида Трофимовна уходит.

Ширялов. Так вот, сударь ты мой, дома не живет, в городе не бывает. Что ему город! Он, сударь, и знать не хочет, каково отцу деньги-то достаются. Пора бы на старости мне и покой знать; а расположиться, сударь ты мой, не на кого. Вот недавно сам в лавку сел, а уж лет пятнадцать не сидел. Дай-ка, думаю, покажу разиням-то своим, как торговать-то следует. Что ж, сударь ты мой... *(Подвигается.)*

Приносят вина.

Антип Антипыч. Ну-ко, выпьем, брат!

Пьют.

Ширялов. Завалялась у нас штука материи. Еще в третьем году цена-то ей была два рубля сорок за аршин. А в нынешнем-то поставили восемь гривен. Вот, сударь ты мой, сижу я в лавке. Идут две барыни. Нет ли у вас, говорят, материи нам на блузы,

дома ходить? Как, мол, не быть, сударыня. Доставь-ка, говорю, Митя, модную-то. Вот, говорю, хорошая материя. А как, говорит, цена? Говорю, два с полтиной себе, а барыша, что пожалуете. А вы, говорит, возьмите рубль восемь гривен. Слышишь, Антип Антипыч, рубль восемь гривен? Помилуйте, говорю, да таких и цен нет. Стали торговаться: два рубля дают. Слышишь, Антип Антипыч, два рубля! *(Смеется.)* Да вам, говорю, много ли нужно? Да, говорит, аршин двадцать пять. Нет, говорю, сударыня, несходно. Извольте всю штуку брать, так уж так и быть, по два рублика, говорю, возьму. А я, сударь ты мой Антип Антипыч, боюсь шевелить-то ее *(смеется)*, шевелить-то боюсь. Кто ее знает, что там в середке-то! может быть, сгнила давно. Что ж, мои барыни потолковали, да и взяли всю штуку. Молодцы-то мои так и ахнули. *(Смеется.)*

А н т и п А н т и п ы ч. Молодец, Парамон Ферапонтыч! Вот молодец! Ну-ко, брат, выпьем.

Пьют.

Ш и р я л о в. А вот Сенька-то не таков, не таков, сударь ты мой *(вздыхает)*, вовсе не таков. Это повадился в театр, то есть каждый день, сударь ты мой! Всех-то он там знает, со всеми знаком, всякая сволочь к нему таскается. Да что! Прихожу я как-то к Остолопову. Отдай, говорит, деньги. Какие, мол, деньги? А за шаль, говорит. За какую шаль? Да, говорит, намедни твой сын взял. Я думаю себе, на что ему шаль, ума не приложу. Уж известно, от него не добьешься; стал сторонкой расспрашивать. Что ж, сударь ты мой! какая-то там ахтриса у него.

А н т и п А н т и п ы ч. Что ты!

Ш и р я л о в. Вот поди с ним! Уж это, примерно, последний конец, Антип Антипыч! Не зови своим.

А н т и п А н т и п ы ч. Это, Парамон Ферапонтыч, значит, пора женить; вот что, брат! малого-то женить пора.

Ш и р я л о в. Нет, Антип Антипыч, погоди. Ты вот что скажи: ведь уж это, брат, последний конец. Ведь это, словно как решето. Вот теперь шаль, а там скажет — салоп соболий, а там квартиру, мебель всякую, а там лошадей пару, то, другое. Яма бездонная!

А н т и п А н т и п ы ч. Уж известное дело.

Ш и р я л о в. А уж человек-то, Антип Антипыч, кругом них как слепой сделается. Этот народ, Антип Антипыч, *соблаз* просто.

А н т и п А н т и п ы ч. Что говорить! сам не свой человек сделается. Одно, брат, средство: женить поскорей.

Ш и р я л о в. Легко сказать, Антип Антипыч, женить, да как ты его женишь-то?

А н т и п А н т и п ы ч. Как женить! Уж известно, не связать же. А вот невесту подыскать с капитальцем, знаешь ли, так небось не откажется. Отчего не жениться? Всякому лестно. Что за важность!

Ш и р я л о в. Да какая за него пойдет! какая сумасшедшая пойдет за него, за такого беспутного!

А н т и п А н т и п ы ч. А что ты думаешь, побрезгают? Нет, ничего, право слово, ничего. Да у нас, брат, холостые-то сплошь да рядом такие. Помнишь, каков я-то был холостой: и пьяница-то, и гуляка-то, и на всякие художества; батюшка-покойник так и рукой махнул. Да ведь мы театров-то, друг, не знали: у нас закатился в Марьину либо к цыганам в Грузины, да и пьянствуешь недели две беспросыпу. Меня в Преображенском за девку фабричные было до смерти убили. Вся Москва знала. Да вот отдали же за меня Матрену-то Савишну. Нет, это, брат, ничего, нужды нет.

Ш и р я л о в. Да, отец родной, что ты говоришь: женить, да невесту с капиталом. Да, голубчик ты мой, он теперь и без денег-то вертится как угорелый; а попадись ему деньги-то, так он такой кранболь сделает — только пшик, да и все тут, как порох.

А н т и п А н т и п ы ч. В оборот пустит! *(Смеется.)*

Ш и р я л о в. Нет, а уж я думаю, сударь ты мой, его в газете опубликовать. Вот, дескать, сыну моему от меня никакого доверия нет, долгов за него не плачу и впредь не намерен. Да и подпишу: мануфактур-советник и временно московский первой гильдии купец Парамон Ферапонтов сын Ширялов.

А н т и п А н т и п ы ч. Что ж. Ничего. Можно.

Ш и р я л о в. Да уж чтоб ему, беспутному, и после-то меня не доставалось, сам я, Антип Антипыч, жениться задумал.

А н т и п А н т и п ы ч. Что ж! Ничего! дело хорошее! Отчего ж не жениться.

Ш и р я л о в. Ведь, может быть, за наши молитвы, Антип Антипыч, бог и потомка даст — утешение на старости. Вот тому все и оставлю. А уж этот мне словно как и не родной, сударь ты мой, и сердце к нему не лежит. Что ж, думаю, оставь ему, пожалуй, да что проку? развезет денежки-то твои кровные по портным да по ахтрисам. Сам посуди!

А н т и п А н т и п ы ч. Что ж, женись, Парамон Ферапонтыч! что за важность! ничего. А на примете есть?

Ш и р я л о в. То-то и горе, что нет, Антип Антипыч!

А н т и п А н т и п ы ч. Хочешь, посватаю? Ну-ко выпьем сперва.

Пьют.

Ш и р я л о в. Да ты вправду?

А н т и п А н т и п ы ч. Вправду. Что ж, отчего не посватать?

Ш и р я л о в. Обманешь! *(Смотрит Пузатову в глаза.)*

А н т и п А н т и п ы ч. Вот! из чего мне обманывать? У меня, брат, не далеко ходить: сестра невеста.

Ш и р я л о в. Ой ли! Что ты говоришь?

А н т и п А н т и п ы ч. А ты не знал? Скажи пожалуйста, какой ты простой!

Ш и р я л о в. Ах, голубчик, как не знать! *(Потупляет глаза.)* Да ведь она, чай, не пойдет за меня.

А н т и п А н т и п ы ч. Вот! отчего не пойти? Ничего, пойдет.

Ш и р я л о в *(потупляет глаза еще больше)*. Скажет, стар.

А н т и п А н т и п ы ч. Стар? что за важность! ничего! Нет, ничего, пойдет. Да и матушка тебя любит. Что ж, известное дело, человек хороший, степенный: отчего не пойти?.. во хмелю смирный. Ведь ты смирный во хмелю? не дерешься?

Ш и р я л о в. Вовсе смирный, Антип Антипыч, как дитя малое. Как пьян, так сейчас в сон, знаешь ли, ударит, а не то чтобы буйство какое.

А н т и п А н т и п ы ч. Ведь с женой-покойницей не дрался?

Ш и р я л о в. Видит бог, никогда.

А н т и п А н т и п ы ч. Что ж, отчего за хорошего человека не пойти? Ничего, пойдет. Присылай сваху... Ну-ко, выпьем на радости.

Пьют.

Ш и р я л о в. Да ты просто благодетель мой, Антип Антипыч! А знаешь ли что? вот мы, брат, здесь пить-то начали, так пойдем ко мне допивать. У меня, брат, просторнее, баб-то нет, да фабричных песенку спеть заставим.

А н т и п А н т и п ы ч. Ходит! Ну, ступай, распоряжайся; а я только шапку возьму.

Ш и р я л о в уходит.

(Один. Мигает глазом.) Экий вор мужик-то! Тонкая бестия. Ведь каким Лазарем прикинется! Вишь ты, Сенька виноват. А уж что, брат, толковать: просто на старости блажь пришла. Что ж, мы с нашим удовольствием! Ничего, можно-с! Только, Парамон Ферапонтыч, насчет приданого-то, кто кого обманет — дело темное-с! Мы тоже с матушкой-то на свою руку охулки не положим... *(Уходит.)*

М а т р е н а С а в и ш н а *(входит разряженная; за ней Дарья)*. Что, ушел Антип Антипыч?

Д а р ь я. Ушел-с.

М а т р е н а С а в и ш н а. Ну, загулял теперь! Экое наказание! теперь пропадет дня на три.

М а р ь я А н т и п о в н а *(входит разодетая)*. Ну, сестрица, поедемте. Знаете ли, куда я отпросилась?

М а т р е н а С а в и ш н а. Куда?

М а р ь я А н т и п о в н а. В Симонов к вечерне!

Хохочут и уходят.

Комедия
в четырех
действиях

СВОИ ЛЮДИ — СОЧТЕМСЯ!

ЛИЦА:

САМСОН СИЛЫЧ БОЛЬШОВ
купец.

АГРАФЕНА КОНДРАТЬЕВНА
его жена.

ОЛИМПИАДА САМСОНОВНА (ЛИПОЧКА)
их дочь.

ЛАЗАРЬ ЕЛИЗАРЫЧ ПОДХАЛЮЗИН
приказчик.

УСТИНЬЯ НАУМОВНА
сваха.

СЫСОЙ ПСОИЧ РИСПОЛОЖЕНСКИЙ
стряпчий.

ФОМИНИШНА
ключница

ТИШКА
мальчик

} *в доме Большова.*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная в доме Большова.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Липочка *(сидит у окна с книгой)*. Какое приятное занятие эти танцы! Ведь уж как хорошо! Что может быть восхитительнее? Приедешь в Собранье али к кому на свадьбу, сидишь, натурально,— вся в цветах, разодета, как игрушка али картинка журнальная,— вдруг подлетает кавалер: «Удостойте счастия, сударыня!» Ну, видишь: если человек с понятием али армейской какой — возьмешь да и прищуришься, отвечаешь: «Извольте, с удовольствием!» Ах! *(с жаром)* оча-ро-ва-тель-но! Это просто уму непостижимо! *(Вздыхает.)* Больше всего не люблю я танцевать с студентами да с приказными. То ли дело отличаться с военными! Ах, прелесть! восхищение! И усы, и эполеты, и мундир, а у иных даже шпоры с колокольчиками. Одно убийственно, что сабли нет! И для чего они ее отвязывают? Странно, ей-богу! Сами не понимают, как блеснуть очаровательнее! Ведь посмотрели бы на шпоры, как они звенят, особливо, если улан али полковник какой разрисовывает — чудо! Любоваться — мило-дорого! Ну, а прицепи-ко он еще саблю: просто ничего не увидишь любопытнее, одного грома лучше музыки наслушаешься. Уж какое же есть сравнение: военный или штатский? Военный — уж это сейчас видно: и ловкость, и все, а штатский что? Так какой-то неодушевленный! *(Молчание.)* Удивляюсь, отчего это многие дамы, поджавши ножки, сидят? Формально нет никакой трудности выучиться! Вот уж я на что совестилась учителя, а в двадцать уроков всё решительно поняла. Отчего это не учиться танцевать! Это одно только суеверие! Вот маменька, бывало, сердится, что учитель все за коленки хватает. Все это от необразования! Что за важность! Он танцмейстер, а не кто-нибудь другой. *(Задумывается.)* Воображаю я себе: вдруг за меня посватается военный, вдруг у нас парадный сговор: горят везде

свечки, ходят официанты в белых перчатках; я, натурально, в тюлевом либо в газовом платье, тут вдруг заиграют вальс. А ну как я перед ним оконфужусь! Ах, страм какой! Куда тогда деваться-то? Что он подумает? Вот, скажет, дура необразованная! Да нет, как это можно! Однако я вот уж полтора года не танцевала! Попробую-ко теперь на досуге. *(Дурно вальсируя.)* Раз... два... три... раз... два... три...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Липочка и Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна *(входя)*. Так, так, бесстыдница! Как будто сердце чувствовало: ни свет ни заря, не поемши хлеба божьего, да уж и за пляску тотчас!

Липочка. Как, маменька, я и чай пила, и вотрушку скушала. Посмотрите-ко, хорошо? Раз, два, три... раз... два...

Аграфена Кондратьевна *(преследуя ее)*. Так что ж, что ты скушала? Нужно мне очень смотреть, как ты греховодничаешь!.. Говорю тебе, не вертись!..

Липочка. Что за грех такой! Нынче все этим развлекаются.— Раз... два...

Аграфена Кондратьевна. Лучше об стол лбом стучи, да ногами не озорничай! *(Бегает за ней.)* Да что ж ты, с чего ж ты взяла не слушаться!

Липочка. Как не слушаться, кто вам сказал! Не мешайте, дайте кончить, как надобно! Раз... два... три...

Аграфена Кондратьевна. Долго ль же мне бегать-то за тобой на старости лет! Ух, замучила, варварка! Слышишь, перестань! Отцу пожалуюсь!

Липочка. Сейчас, сейчас, маменька! Последний кружок! Вас на то и бог создал, чтоб жаловаться. Сами-то вы не очень для меня значительны! Раз, два...

Аграфена Кондратьевна. Как! ты еще пляшешь, да еще ругаешься! Сию минуту брось! Тебе ж будет хуже: поймаю за юбку, весь хвост оторву.

Липочка. Ну, да рвите на здоровье! Вам же зашивать придется! Вот и будет! *(Садится.)* Фу... фу... как упаточилась, словно воз везла! Ух! Дайте, маменька, платочка пот обтереть.

Аграфена Кондратьевна. Постой, уж я сама

оботру! Ишь, уморилась! А ведь и то сказать, будто неволили. Коли уж матери не почитаешь, так стен-то бы посовестилась! Отец, голубчик, через великую силу ноги двигает, а ты тут скачешь, как юла какая!

Липочка. Подите вы с своими советами! Что ж мне делать, по-вашему! Самой, что ли, хворать прикажете? Вот другой манер, кабы я была докторша! Ух! Что это у вас за отвратительные понятия! Ах! какие вы, маменька, ей-богу! Право, мне иногда краснеть приходится от ваших глупостей!

Аграфена Кондратьевна. Каково детище-то ненаглядное! Прошу подумать, как она мать-то честит! Ах ты, болтушка бестолковая! Да разве можно такими речами поносить родителей? Да неужто я затем тебя на свет родила, учила да берегла пуще соломинки?

Липочка. Не вы учили — посторонние; полноте, пожалуйста; вы и сами-то, признаться сказать, ничему не воспитаны. Ну, что ж? Родили вы — я была тогда что? Ребенок, дитя без понятия, не смыслила обращения. А выросла да посмотрела на светский тон, так и вижу, что я гораздо других образованнее. Что ж мне, потакать вашим глупостям! Как же! Есть оказия.

Аграфена Кондратьевна. Уймись, эй, уймись, бесстыдница! Выведешь ты меня из терпения, прямо к отцу пойду, так в ноги и брякнусь, житья, скажу, нет от дочери, Самсонушко!

Липочка. Да, вам житья нет! Воображаю.— А мне есть от вас житье? Зачем вы отказали жениху? Чем не бесподобная партия? Чем не капидон? Что вы нашли в нем легковерного?

Аграфена Кондратьевна. А то и легковерного, что зубоскал! Приехал, ломался, ломался, вертелся, вертелся. Эка невидаль!

Липочка. Да, много вы знаете! Известно, он благородный человек, так и действует по-деликатному. В ихнем кругу всегда так делают.— Да как еще вы смеете порочить таких людей, которых вы и понятия не знаете? Он ведь не купчишка какой-нибудь. *(Шепчет в сторону.)* Душка, милашка!

Аграфена Кондратьевна. Да, хорош душка! Скажите, пожалуйста! Жалко, что не отдали тебя за шута за горохового. Ведь ишь ты, блажь-то какая в тебе; ведь это ты назло матери под нос-то шепчешь.

Липочка. Видимый резон, что не хотите моего счастия. Вам с тятенькой только кляузы строить да тиранничать.

Аграфена Кондратьевна. Ну, как ты хочешь, там думай. Господь тебе судья! А никто так не заботится о своем детище, как материнская утроба! Ты вот тут хохришься да разные глупости выколупываешь, а мы с отцом-то денно и нощно заботимся, как бы тебе хорошего человека найти да пристроить тебя поскорее.

Липочка. Да, легко вам разговаривать, а позвольте спросить, каково мне-то?

Аграфена Кондратьевна. Разве мне тебя не жаль, ты думаешь? Да что делать-то! Потерпи малость, уж коли много лет ждала. Ведь нельзя же тебе вдруг жениха найти: скоро-то только кошки мышей ловят.

Липочка. Что мне до ваших кошек! Мне мужа надобно! Что это такое! Страм встречаться с знакомыми, в целой Москве не могли выбрать жениха — всё другим да другим. Кого не заденет за живое: все подруги с мужьями давно, а я словно сирота какая! Отыскался вот один, так и тому отказали. Слышите, найдите мне жениха, беспременно найдите!.. Вперед вам говорю, беспременно сыщите, а то для вас же будет хуже: нарочно, вам назло, по секрету заведу обожателя, с гусаром убегу, да и обвенчаемся потихоньку.

Аграфена Кондратьевна. Что, что, беспутная! Кто вбил в тебя такие скверности! Владыко милосердый, не могу с духом собраться... Ах ты, собачий огрызок! Ну, нечего делать! Видно, придется отца позвать.

Липочка. Только и ладите, что отца да отца; бойки вы при нем разговаривать-то, а попробуйте-ко сами!

Аграфена Кондратьевна. Так что же, я дура, по-твоему, что ли? Какие у тебя там гусары, бесстыжий твой нос! Тьфу ты, дьявольское наваждение! Али ты думаешь, что я не властна над тобой приказывать? Говори, бесстыжие твои глаза, с чего у тебя взгляд-то такой завистливый? Что ты прытче матери хочешь быть! У меня ведь недолго, я и на кухню горшки парить пошлю. Ишь ты! Ишь ты! А!.. Ах матушки вы мои! Посконный сарафан сошью

да вот на голову тебе и надену! С поросятами тебя, вместо родителей-то, посажу!

Л и п о ч к а. Как же! Позволю я над собой командовать! Вот еще новости!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Молчи, молчи, таранта Егоровна! Уступи верх матери! Эко семя противное! Словечко пикнешь, так язык ниже пяток пришью. Вот послал господь утешение! Девчонка хабальная! Мальчишка ты, шельмец, и на уме-то у тебя все не женское! Готова, чай, вот на лошадь по-солдатски вскочить!

Л и п о ч к а. Вы, я воображаю, приплетете скоро всех буточников. Уж молчали бы лучше, коли не так воспитаны. Все я скверна, а сами-то вы каковы после этого! Что, вам угодно спровадить меня на тот свет прежде времени, извести своими капризами? *(Плачет.)* Что ж, пожалуй, я уж и так, как муха какая, кашляю. *(Плачет.)*

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а *(стоит и смотрит на нее)*. Ну, полно, полно!

Липочка плачет громче и потом рыдает.

Ну, полно ты, полно! Говорят тебе, перестань! Ну, я виновата, перестань только, я виновата.

Липочка плачет.

Липочка! Липа! Ну, будет! Ну, перестань! *(Сквозь слезы.)* Ну, не сердись ты на меня *(плачет)*... бабу глупую... неученую... *(Плачут обе вместе.)* Ну, прости ты меня... сережки куплю.

Л и п о ч к а *(плача)*. На что мне сережки ваши, у меня и так полон туалет. А вы купите браслеты с изумрудами.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Куплю, куплю, только ты плакать-то перестань!

Л и п о ч к а *(сквозь слезы)*. Тогда и перестану, как замуж выду. *(Плачет.)*

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Выдешь, выдешь, голубчик ты мой! Ну, поцелуй меня!

Целуются.

Ну, Христос с тобой! Ну, дай я тебе слезки оботру. *(Обтирает.)* Вот нынче хотела Устинья Наумовна прийти, мы и потолкуем.

Л и п о ч к а *(голосом, еще не успокоившимся)*. Ах! кабы она поскорей пришла!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Т е ж е и Ф о м и н и ш н а.

Ф о м и н и ш н а. Угадайте-ко, матушка Аграфена Кондратьевна, кто к нам изволит жаловать?

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Не умею сказать. Да что я тебе, бабка-угадка, что ли, Фоминишна?

Л и п о ч к а. Отчего ж ты у меня не спросишь, что я, глупее, что ли, вас с маменькой?

Ф о м и н и ш н а. Уж и не знаю, как сказать; на словах-то ты у нас больно прытка, а на деле-то вот и нет тебя. Просила, просила, не токмо чтобы что такое, подари хоть платок, валяются у тебя вороха два без призрения, так все нет, все чужим да чужим.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Вот уж этого, Фоминишна, я до скончания не разберу.

Л и п о ч к а. Ишь она! Знать, пивца хлебнула после завтрака, налепила тут чудеса в решете.

Ф о м и н и ш н а. Вестимо так; что смеяться-то? Каково скончание, Аграфена Кондратьевна, бывает и начало хуже конца.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. С тобой не разъедешься! Ты коли уж начнешь толковать, так только ушами хлопай. Кто ж такой там пришел-то?

Л и п о ч к а. Мужчина али женщина?

Ф о м и н и ш н а. У тебя все мужчины в глазах-то прыгают. Да где ж это-таки видано, что мужчина ходит в чепчике? Вдовье дело — как следует назвать?

Л и п о ч к а. Натурально, незамужняя, вдова.

Ф о м и н и ш н а. Стало быть, моя правда? И выходит, что женщина!

Л и п о ч к а. Эка бестолковая! Да кто женщина-то?

Ф о м и н и ш н а. То-то вот, умна, да не догадлива: некому другому и быть, как не Устинье Наумовне.

Л и п о ч к а. Ах, маменька, как это кстати!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Где ж она до сих пор? Веди ее скорей, Фоминишна.

Ф о м и н и ш н а. Сама в секунту явится: остановилась на дворе, с дворником бранится: не скоро калитку отпер.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна *(входя)*. Уф, фа, фа! Что это у вас, серебряные, лестница-то какая крутая: лезешь, лезешь, насилу вползешь.

Липочка. Ах, да вот и она! Здравствуй, Устинья Наумовна!

Устинья Наумовна. Не больно спеши! Есть и постарше тебя. Вот с маменькой-то покалякаем прежде. *(Целуясь.)* Здравствуй, Аграфена Кондратьевна, как встала-ночевала, все ли жива, бралиянтовая?

Аграфена Кондратьевна. Слава создателю! Живу —хлеб жую; целое утро вот с дочкой балясничала.

Устинья Наумовна. Чай, об нарядах все. *(Целуясь с Липочкой.)* Вот и до тебя очередь дошла. Что это ты словно потолстела, изумрудная? Пошли, творец! Чего ж лучше, как не красотой цвести!

Фоминишна. Тьфу ты, греховодница! Еще сглазишь, пожалуй.

Липочка. Ах, какой вздор! Это тебе так показалось, Устинья Наумовна. Я все хирею: то колики, то сердце бьется, как маятник; все как словно тебя подмывает али плывешь по морю, так вот и рябит меланхолия в глазах.

Устинья Наумовна *(Фоминишне)*. Ну, и с тобой, божья старушка, поцелуемся уж кстати. Правда, на дворе ведь здоровались, серебряная, стало быть и губы трепать нечего.

Фоминишна. Как знаешь. Известно, мы не хозяева, лыком шитая мелкота; а и в нас тоже душа, а не пар!

Аграфена Кондратьевна *(садясь)*. Садись, садись, Устинья Наумовна, что как пушка на колесах стоишь! Поди-ко вели нам, Фоминишна, самоварчик согреть.

Устинья Наумовна. Пила, пила, жемчужная; провалиться на месте — пила и забежала-то так, на минуточку.

Аграфена Кондратьевна. Что ж ты, Фоминишна, проклажаешься? Беги, мать моя, проворнее.

Липочка. Позвольте, маменька, я поскорей сбегаю; видите, какая она неповоротливая.

Ф о м и н и ш н а. Уж не финти. где не спрашивают! А я, матушка Аграфена Кондратьевна, вот что думаю: не пригожее ли будет подать бальсанцу с селедочкой.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Ну, бальсан бальсаном, а самовар самоваром. Аль тебе жалко чужого добра? Да как поспеет, вели сюда принести.

Ф о м и н и ш н а. Как же уж! Слушаю! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Т е ж е б е з Ф о м и н и ш н ы.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Ну что, новенького нет ли чего, Устинья Наумовна? Ишь, у меня девка-то стосковалась совсем.

Л и п о ч к а. И в самом деле, Устинья Наумовна, ты ходишь, ходишь, а толку нет никакого.

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Да ишь ты, с вами не скоро сообразишь, бралиянтовые. Тятенька-то твой ладит за богатого: мне, говорит, хоть Федот от проходных ворот, лишь бы денежки водились, да приданого поменьше ломил. Маменька-то вот, Аграфена Кондратьевна, тоже норовит в свое удовольствие: подавай ты ей беспременно купца, да чтобы был жалованный, да лошадей бы хороших держал, да и лоб-то крестил бы по-старинному. У тебя тоже свое на уме. Как на вас угодишь?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Т е ж е и Ф о м и н и ш н а, входит, ставит на стол водку с закуской.

Л и п о ч к а. Не пойду я за купца, ни за что не пойду.— За тем разве я так воспитана: училась и по-французски, и на фортепьянах, и танцевать! Нет, нет! Где хочешь возьми, а достань благородного.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Вот ты и толкуй с ней.

Ф о м и н и ш н а. Да что тебе дались эти благородные? Что в них за особенный скус? Голый на голом, да и христианства-то никакого нет: ни в баню не ходит, ни пирогов по праздникам не печет; а ведь хошь и замужем будешь, а надоест тебе соус-то с подливкой.

Л и п о ч к а. Ты, Фоминишна, родилась между мужиков и ноги протянешь мужичкой. Что мне в твоем купце! Какой он может иметь вес? Где у него амбиция? Мочалка-то его, что ли, мне нужна?

Ф о м и н и ш н а. Не мочалка, а божий волос, сударыня. так-то-сь!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Ведь и тятенька твой не оболваненный какой, и борода-то тоже не обшарканная, да целуешь же ты его как-нибудь.

Л и п о ч к а. Одно дело тятенька, а другое дело — муж. Да что вы пристали, маменька? Уж сказала, что не пойду за купца, так и не пойду! Лучше умру сейчас, до конца всю жизнь выплачу: слез недостанет, перцу наемся.

Ф о м и н и ш н а. Никак ты плакать сбираешься? И думать не моги! И тебе как в охоту дразнить, Аграфена Кондратьевна!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. А кто ее дразнит? Сама привередничает.

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Пожалуй, уж коли тебе такой апекит, найдем тебе и благородного. Какого тебе: посолидней али поподжаристей?

Л и п о ч к а. Ничего и потолще, был бы собою не мал. Конечно, лучше уж рослого, чем какого-нибудь мухортика. И пуще всего, Устинья Наумовна, чтобы не курносого, беспременно чтобы был бы брюнет; ну, понятное дело, чтоб и одет был по-журнальному. *(Смотрит в зеркало.)* Ах, господи! а сама-то я нынче вся, как веник, растрепана.

У с т и н ь я Н а у м о в н а. А есть у меня теперь жених, вот точно такой, как ты, бралиянтовая, расписываешь: и благородный, и рослый, и брюле.

Л и п о ч к а. Ах, Устинья Наумовна! Совсем не брюле, а брюнет.

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Да, очень мне нужно, на старости лет, язык-то ломать по-твоему: как сказалось, так и живет. И крестьяне есть, и орген на шее; ты вот поди оденься, а мы с маменькой-то потолкуем об этом деле.

Л и п о ч к а. Ах, голубушка, Устинья Наумовна, зайди ужо ко мне в комнату: мне нужно поговорить с тобой. Пойдем, Фоминишна.

Ф о м и н и ш н а. Ох, уж ты мне, егоза!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Аграфена Кондратьевна и Устинья Наумовна.

Аграфена Кондратьевна. Не выпить ли нам перед чаем-то бальсанцу, Устинья Наумовна?

Устинья Наумовна. Можно, бралиянтовая, можно.

Аграфена Кондратьевна *(наливает)*. Кушай-ко на здоровье!

Устинья Наумовна. Да ты бы сама-то прежде, яхонтовая. *(Пьет.)*

Аграфена Кондратьевна. Еще поспею!

Устинья Наумовна. Уах! фу! Где это вы берете зелье этакое?

Аграфена Кондратьевна. Из винной конторы. *(Пьет.)*

Устинья Наумовна. Ведрами, чай?

Аграфена Кондратьевна. Ведрами. Что уж по малости-то, напасешься ль? У нас ведь расход большой.

Устинья Наумовна. Что говорить, матушка, что говорить! Ну, уж хлопотала, хлопотала я для тебя, Аграфена Кондратьевна, гранила, гранила мостовую-то, да уж и выкопала жениха: ахнете, бралиянтовые, да и только.

Аграфена Кондратьевна. Насилу-то умное словцо вымолвила.

Устинья Наумовна. Благородного происхождения и значительный человек; такой вельможа, что вы и во сне не видывали.

Аграфена Кондратьевна. Видно, уж попросить у Самсона Силыча тебе парочку арабчиков.

Устинья Наумовна. Ничего, жемчужная, возьму. И крестьяне есть, и орген на шее, а умен как, просто тебе истукан золотой.

Аграфена Кондратьевна. Ты бы, Устинья Наумовна, вперед доложила, что за дочерью-то у нас не горы, мол, золотые.

Устинья Наумовна. Да у него своих девать некуды.

Аграфена Кондратьевна. Хорошо бы это, уж и больно хорошо; только вот что, Устинья Наумовна, сама ты, мать, посуди, что я буду с благород-

ным-то зятем делать! Я и слова-то сказать с ним не умею, словно в лесу.

Устинья Наумовна. Оно точно, жемчужная, дико сначала-то, ну, а потом привыкнешь, обойдетесь как-нибудь. Да вот с Самсон Силычем надо потолковать, может, он его и знает, этого человека-то.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Рисположенский.

Рисположенский *(входя)*. А я к вам, матушка Аграфена Кондратьевна. Толконулся было к Самсону Силычу, да занят, вижу; так я думаю: зайду, мол, я к Аграфене Кондратьевне. Что это, водочка у вас? Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшко, на здоровье! Садиться милости просим; как живете-можете?

Рисположенский. Какое уж наше житье! Так, небо коптим, Аграфена Кондратьевна! Сами знаете: семейство большое, делишки маленькие. А не ропщу, роптать грех, Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна. Уж это, батюшко, последнее дело.

Рисположенский. Кто ропщет, значит, тот богу противится, Аграфена Кондратьевна. Вот какая была история...

Аграфена Кондратьевна. Как тебя звать-то, батюшко? Я все позабываю.

Рисположенский. Сысой Псоич. матушка Аграфена Кондратьевна.

Устинья Наумовна. Как же это так: Псович, серебряный? По-каковски же это?

Рисположенский. Не умею вам сказать доподлинно; отца звали Псой — ну, стало быть, я Псоич и выхожу.

Устинья Наумовна. А Псович, так Псович; что ж, это ничего, и хуже бывает, брллиянтовый.

Аграфена Кондратьевна. Так какую же ты, Сысой Псович, историю-то хотел рассказать?

Рисположенский. Так вот, матушка Аграфена Кондратьевна, была история: не то чтобы притча али сказка какая, а истинное происшествие. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшко, кушай.

Рисположенский (*садится*). Жил старец, маститый старец... Вот уж я, матушка, забыл где, а только в стороне такой... необитаемой. Было у него, сударыня ты моя, двенадцать дочерей — мал мала меньше. Сам работать не в силах, жена тоже старуха старая, дети еще малые, а пить-есть надобно. Что было добра, под старость все прожили, поить, кормить некому! Куда деться с малыми ребятами? Вот он так думать, эдак думать — нет, сударыня моя, ничего уж тут не придумаешь. «Пойду, говорит, я на распутие: не будет ли чего от доброхотных дателей». День сидит — бог подаст, другой сидит — бог подаст; вот он, матушка, и возроптал.

Аграфена Кондратьевна. А, батюшки!

Рисположенский. Господи, говорит, не мздоимец я, не лихоимец я... лучше, говорит, на себя руки наложить.

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшко мой!

Рисположенский. И бысть ему, сударыня ты моя, сон в нощи...

Входит Большов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Большов.

Большов. А! и ты, барин, здесь! Что это ты тут проповедуешь?

Рисположенский (*кланяется*). Всё ли здоровы, Самсон Силыч?

Устинья Наумовна. Что это ты, яхонтовый, похудел словно? Аль увечье какое напало?

Большов (*садясь*). Простудился, должно быть, либо геморой, что ли, расходился...

Аграфена Кондратьевна. Ну, так, Сысой Псович, что ж ему дальше-то было?

Рисположенский. После, Аграфена Кондратьевна, после доскажу, на свободе как-нибудь забегу в сумеречки и расскажу.

Большов. Что это ты, али за святость взялся! Ха, ха, ха! Пора очувствоваться.

Аграфена Кондратьевна. Ну, уж ты начнешь! Не дашь по душе потолковать.

Большов. По душе!.. Ха, ха, ха... А ты спроси-ко, как у него из суда дело пропало; вот эту историю-то он тебе лучше расскажет.

Рисположенский. Ан нет же, и не пропало! Вот и неправда, Самсон Силыч!

Большов. А за что ж тебя оттедова выгнали?

Рисположенский. А вот за что, матушка Аграфена Кондратьевна. Взял я одно дело из суда домой, да дорогой-то с товарищем и завернули, человек слаб, ну, понимаете... с позволенья сказать, хошь бы в погребок... там я его оставил, да хмельной-то, должно быть, и забыл. Что ж, со всяким может случиться. Потом, сударыня моя, в суде и хватились этого дела-то: искали, искали, я и на дом-то ездил два раза с экзекутором — нет как нет! Хотели меня суду предать, а тут я и вспомни, что, должно быть, мол, я его в погребке забыл. Поехали с экзекутором — оно там и есть.

Аграфена Кондратьевна. Что ж! Не токмо что с пьющим, и с непьющим бывает. Что ж за беда такая!

Большов. Как же тебя в Камчатку не сослали?

Рисположенский. Уж и в Камчатку! А за что, позвольте вас спросить, за что в Камчатку-то сослать?

Большов. За что! За безобразие! Так неужели ж вам потакать? Этак вы с кругу сопьетесь.

Рисположенский. Ан вот простили. Вот, матушка Аграфена Кондратьевна, хотели меня суду предать за это за самое. Я сейчас к генералу к нашему, бух ему в ноги. Ваше, говорю, превосходительство! Не погубите! Жена, говорю, дети маленькие! Ну, говорит, бог с тобой, лежачего не бьют, подавай, говорит, в отставку, чтоб я и не видал тебя здесь. Так и простил. Что ж! Дай бог ему здоровья! Он меня и теперь не забывает; иногда забежишь к нему на празднике: что, говорит, ты, Сысой Псоич? С праздником, мол, ваше превосходительство, поздравить пришел. Вот к Троице ходил недавно, просвирку ему принес. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшко,

на здоровье! А мы с тобой, Устинья Наумовна, пойдем-ко. чай, уж самовар готов; да покажу я тебе. есть у нас кой-что из приданого новенького.

Устинья Наумовна. У вас, чай. и так вороха наготовлены, бралиянтовая.

Аграфена Кондратьевна. Что делать-то! Матерни новые вышли, а нам будто не стать за них деньги платить.

Устинья Наумовна. Что говорить, жемчужная! Свой магазин, все равно что в саду растет.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Большов и Рисположенский.

Большов. А что, Сысой Псоич, чай, ты с этим крючкотворством на своем веку много чернил извел?

Рисположенский. Хе, хе... Самсон Силыч, материал не дорогой. А я вот забежал понаведаться, как ваши делишки.

Большов. Забежал ты! А тебе больно знать нужно! То-то вот вы подлый народ такой, кровопийцы какие-то: только б вам пронюхать что-нибудь эдакое, так уж вы и вьетесь тут с вашим дьявольским наущением.

Рисположенский. Какое же может произойти, Самсон Силыч, от меня наущение? Да и что я за учитель такой, когда вы сами, может быть, в десять раз меня умнее? Меня что попросят, я сделаю. Что ж не сделать! Я бы свинья был, когда б не сделал, потому что я, можно сказать, облагодетельствован вами и с ребятишками. А я еще довольно глуп, чтобы вам советовать: вы свое дело сами лучше всякого знаете.

Большов. Сами знаете! То-то вот и беда, что наш брат, купец, дурак, ничего он не понимает, а таким пиявкам, как ты, это и наруку. Ведь вот ты теперь все пороги у меня обобьешь таскамшись-то.

Рисположенский. Как же мне не таскаться-то! Кабы я вас не любил, я бы к вам и не таскался. Разве я не чувствую? Что ж я, в самом деле, скот, что ли, какой бессловесный?

Большов. Знаю я, что ты любишь,— все вы нас любите; только путного от вас ничего не добьешься.

Вот я теперь маюсь, маюсь с делом, так измучился, поверишь ли ты, мнением только этим одним. Уж хоть бы поскорей, что ли, да из головы вон.

Рисположенский. Что ж, Самсон Силыч, не вы первый, не вы последний; нешто другие-то не делают?

Большов. Как не делать, брат, и другие делают. Да еще как делают-то: без стыда, без совести! На лежачих лесорах ездят, в трехэтажных домах живут; другой такой бельведер с колоннами выведет, что ему с своей образиной и войти-то туда совестно; а там и капут, и взять с него нечего. Коляски эти разъедутся неизвестно куда, дома все заложены, останется ль, нет ли кредиторам-то старых сапогов пары три. Вот тебе вся недолга. Да еще и обманет-то кого: так, бедняков каких-нибудь пустит в одной рубашке по миру. А у меня кредиторы все люди богатые, что им сделается!

Рисположенский. Известное дело. Что ж, Самсон Силыч, все это в наших руках.

Большов. Знаю, что в наших руках, да сумеешь ли ты это дело сделать-то? Ведь вы народец тоже! Я уж вас знаю! На словах-то вы прытки, а там и пошел блудить.

Рисположенский. Да что вы, Самсон Силыч, помилуйте, нешто мне в первый раз! Уж еще этого-то не знать! хе, хе, хе... Да такие ли я дела делал... да с рук сходило. Другого-то за такие штуки уж заслали бы давно, куда Макар телят не гонял.

Большов. Ой ли? Так какую ж ты механику подсмолишь?

Рисположенский. А там, глядя по обстоятельствам. Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью... *(Пьет.)* Вот, первое дело, Самсон Силыч, надобно дом да лавки заложить либо продать. Это уж первое дело.

Большов. Да, это точно надобно сделать заблаговременно. На кого бы только эту обузу свалить? Да вот разве на жену?

Рисположенский. Незаконно, Самсон Силыч! Это незаконно! В законах изображено, что таковые продажи недействительны. Оно ведь сделать-то недолго, да чтоб крючков после не вышло. Уж делать, так надо, Самсон Силыч, прочней.

Большов. И то дело, чтоб оглядок не было.

Рисположенский. Как на чужого-то закрепишь,

так уж и придраться-то не к чему. Спорь после, поди, против подлинных-то бумаг.

Б о л ь ш о в. Только вот что беда-то: как закрепишь на чужого дом-то, а он, пожалуй, там и застрянет, как блоха на войне.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Уж вы ищите, Самсон Силыч, такого человека, чтобы он совесть знал.

Б о л ь ш о в. А где ты его найдешь нынче? Нынче всякий норовит, как тебя за ворот ухватить, а ты совести захотел.

Р и с п о л о ж е н с к и й. А я вот как мекаю, Самсон Силыч, хотите вы меня слушайте, хотите вы — нет: каков человек у вас приказчик?

Б о л ь ш о в. Который? Лазарь, что ли?

Р и с п о л о ж е н с к и й. Да, Лазарь Елизарыч.

Б о л ь ш о в. Ну, а на Лазаря, так и пускай на него; он малый с понятием, да и капиталец есть.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Что же прикажете, Самсон Силыч: закладную или купчую?

Б о л ь ш о в. А с чего процентов меньше, то и варгань. Как сделаешь все в акурате, такой тебе, Сысой Псоич, могарыч поставлю, просто сказать, угоришь.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Уж будьте покойны, Самсон Силыч, мы свое дело знаем. А вы Лазарю-то Елизарычу говорили об этом деле или нет? Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Б о л ь ш о в. Нет еще. Вот нынче потолкуем. Он у меня парень-то дельный, ему только мигни, он и понимает. А уж сделает-то что, так пальца не подсунешь.— Ну, заложим мы дом, а потом что?

Р и с п о л о ж е н с к и й. А потом напишем реестрик, что вот, мол, так и так, по двадцати пяти копеек за рубль: ну, и ступайте по кредиторам. Коли кто больно заартачится, так можно и прибавить, а другому сердитому и все заплатить... Вы ему заплатите, а он — чтобы писал, что по сделке получил по двадцати пяти копеек, так, для видимости, чтобы другим показать. Вот, мол, так и так, ну, и другие, глядя на них, согласятся.

Б о л ь ш о в. Это точно, поторговаться не мешает: не возьмут по двадцати пяти, так полтину возьмут; а если полтины не возьмут, так за семь гривен обеими руками ухватятся. Все-таки барыш. Там что хошь говори, а у меня дочь невеста, хоть сейчас из полы

в полу да с двора долой. Да и самому-то, братец ты мой, отдохнуть пора; проклажались бы мы лежа на боку, и торговлю всю эту к черту. Да вот и Лазарь идет.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Подхалюзин (входит).

Большов. Что скажешь, Лазарь? Ты из городу, что ль? Как у вас там?

Подхалюзин. Слава богу-с, идет помаленьку. Сысою Псоичу! *(Кланяется.)*

Рисположенский. Здравствуйте, батюшка Лазарь Елизарыч! *(Кланяется.)*

Большов. А идет, так и пусть идет. *(Помолчав.)* А вот ты бы, Лазарь, когда на досуге баланц для меня исделал, учел бы розничную по панской-то части, ну и остальное, что там еще. А то торгуем, торгуем, братец, а пользы ни на грош. Али сидельцы, что ли, грешат, таскают родным да любовницам; их бы маленичко усовещевал. Что так, без барыша-то, небо коптить? Аль сноровки не знают? Пора бы, кажется.

Подхалюзин. Как же это можно, Самсон Силыч, чтобы сноровки не знать? Кажется, сам завсегда в городе бываю-с, и завсегда толкуешь им-с.

Большов. Да что же ты толкуешь-то?

Подхалюзин. Известное дело-с, стараюсь, чтобы все было в порядке и как следует-с. Вы, говорю, ребята, не зевайте: видишь чуть дело подходящее, покупатель, что ли, тумак какой подвернулся, али цвет с узором какой барышне понравился, взял, говорю, да и накинул рубль али два на аршин.

Большов. Чай, брат, знаешь, как немцы в магазинах наших бар обирают. Положим, что мы не немцы, а христиане православные, да тоже пироги-то с начинкой едим. Так ли, а?

Рисположенский смеется.

Подхалюзин. Дело понятное-с. И мерять-то, говорю, надо тоже поестественнее: тяни да потягивай, только, только чтоб, боже сохрани, как не лопнуло, ведь не нам, говорю, после носить. Ну, а зазеваются, так никто виноват, можно, говорю, и просто через руку лишний аршин раз шмыгануть.

Б о л ь ш о в. Все единственно: ведь портной украдет же. А? Украдет ведь?

Р и с п о л о ж е н с к и й. Украдет, Самсон Силыч, беспременно, мошенник, украдет; уж я этих портных знаю.

Б о л ь ш о в. То-то вот; все они кругом мошенники, а на нас слава.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Это точно, Самсон Силыч, это вы правду говорить изволите.

Б о л ь ш о в. Эх, Лазарь, плохи нынче барыши: не прежние времена. *(Помолчав.)* Что, «Ведомости» принес?

П о д х а л ю з и н *(вынимая из кармана и подавая)*. Извольте получить-с.

Б о л ь ш о в. Дава-ко-сь, посмотрим. *(Надевает очки и просматривает.)*

Р и с п о л о ж е н с к и й. Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью. *(Пьет, потом надевает очки, садится подле Большова и смотрит в газеты.)*

Б о л ь ш о в *(читает вслух)*. «Объявления казенные и разных обществ: 1, 2, 3, 4, 5 и 6, от Воспитательного дома». Это не по нашей части, нам крестьян не покупать. «7 и 8 от Московского новерситета, от Губернских правлений, от Приказов общественного призрения». Ну, и это мимо. «От Городской шестигласной думы». А ну-тко-сь, нет ли чего! *(Читает.)* «От Московской городской шестигласной думы сим объявляется: не пожелают ли кто взять в содержание нижеозначенные оброчные статьи». Не наше дело: залоги надоть представлять. «Контора Вдовьего дома сим приглашает...» Пускай приглашает, а мы не пойдем. «От Сиротского суда». У самих ни отца, ни матери. *(Просматривает дальше.)* Эге! Вон оно куды пошло! Слушай-ко, Лазарь! «Такого-то года, сентября такого-то дня, по определению Коммерческого суда, первой гильдии купец Федот Селиверстов Плешков объявлен несостоятельным должником; вследствие чего...» Что тут толковать! Известно, что вследствие бывает. Вот-те и Федот Селиверстыч! Каков был туз, а в трубу вылетел. А что, Лазарь, не должен ли он нам?

П о д х а л ю з и н. Малость должен-с. Сахару для дому брали пудов никак тридцать, не то сорок.

Б о л ь ш о в. Плохо дело, Лазарь. Ну, да мне-то он сполна отдаст по-приятельски.

П о д х а л ю з и н. Сумнительно-с.

Б о л ь ш о в. Сочтемся как-нибудь. *(Читает.)* «Московский первой гильдии купец Антип Сысоев Енотов объявлен несостоятельным должником». За этим ничего нет?

П о д х а л ю з и н. За масло постное-с, об великом посту брали бочонка с три-с.

Б о л ь ш о в. Вот сухоядцы-то, постники! И богу-то угодить на чужой счет норовят. Ты, брат, степенству-то этому не верь! Этот народ одной рукой крестится, а другой в чужую пазуху лезет! Вот и третий: «Московский второй гильдии купец Ефрем Лукин Полуаршинников объявлен несостоятельным должником». Ну, а этот как?

П о д х а л ю з и н. Вексель есть-с!

Б о л ь ш о в. Протестован?

П о д х а л ю з и н. Протестован-с. Сам-то скрывается-с.

Б о л ь ш о в. Ну! И четвертый тут, Самопалов. Да что они, сговорились, что ли?

П о д х а л ю з и н. Уж такой располлеющий народ-с.

Б о л ь ш о в *(ворочая листы)*. Да тут их не перечитаешь до завтрашнего числа. Возьми прочь!

П о д х а л ю з и н *(берет газету)*. Газету-то только пакостят. На все купечество мораль эдакая.

Молчание.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Прощайте, Самсон Силыч, я теперь домой побегу: делишки есть кой-какие.

Б о л ь ш о в. Да ты бы посидел немножко.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Нет, ей-богу, Самсон Силыч, не время. Я уж к вам завтра пораньше зайду.

Б о л ь ш о в. Ну, как знаешь!

Р и с п о л о ж е н с к и й. Прощайте! Прощайте, Лазарь Елизарыч! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Б о л ь ш о в и П о д х а л ю з и н.

Б о л ь ш о в. Вот ты и знай, Лазарь, какова торговля-то! Ты думаешь, что! Так вот даром и бери деньги. Как не деньги, скажет, видал, как лягушки прыгают. На-ко, говорит, вексель. А по векселю-то с иных что возьмешь! Вот у меня есть заваляших тысяч на сто,

и с протестами; только и дела, что каждый год подкладывай. Хошь за полтину серебра все отдам! Должников-то по ним, чай, и с собаками не сыщешь: которые повымерли, а которые поразбежались, некого и в яму посадить. А и посадишь-то, Лазарь, так сам не рад: другой так обдержится, что его оттедова куревом не выкуришь. Мне, говорит, и здесь хорошо, а ты проваливай. Так ли, Лазарь?

П о д х а л ю з и н. Уж это как и водится.

Б о л ь ш о в. Все вексель да вексель! А что такое это вексель? Так, бумага, да и все тут. И на дисконту отдашь, так проценты слупят, что в животе забурчит, да еще после своим добром отвечай. *(Помолчав.)* С городовыми лучше не связывайся: всё в долг да в долг; а привезет ли, нет ли, так слепой мелочью да арабчиками, поглядишь — ни ног, ни головы, а на мелочи никакого звания давно уж нет. А вот ты тут, как хошь! Здешним торговцам лучше не показывай: в любой анбар взойдет, только и дела, что нюхает, нюхает, поковыряет, поковыряет, да и прочь пойдет. Уж диви бы товару не было,— каким еще рожном торговать. Одна лавка москательная, другая красная, третья с бакалеей; так нет, ничто не везет. На торги хошь не являйся: сбивают цены пуще черт знает чего; а наденешь хомут, да еще и вязку подай, да могарычи, да угощения, да разные там недочеты с провесами. Вон оно что! Чувствуешь ли ты это?

П о д х а л ю з и н. Кажется, должен чувствовать-с.

Б о л ь ш о в. Вот какова торговля-то, вот тут и торгуй! *(Помолчав.)* Что, Лазарь, как ты думаешь?

П о д х а л ю з и н. Да как думать-с! Уж это как вам угодно. Наше дело подначальное.

Б о л ь ш о в. Что тут подначальное: ты говори по душе. Я у тебя про дело спрашиваю.

П о д х а л ю з и н. Это опять-таки, Самсон Силыч, как вам угодно-с.

Б о л ь ш о в. Наладил одно: как вам угодно. Да ты-то как?

П о д х а л ю з и н. Это я не могу знать-с.

Б о л ь ш о в (*помолчав*). Скажи, Лазарь, по совести, любишь ты меня? *(Молчание.)* Любишь, что ли? Что ж ты молчишь? *(Молчание.)* Поил, кормил, в люди вывел, кажется.

П о д х а л ю з и н. Эх, Самсон Силыч! Да что тут раз-

говаривать-то-с, Уж вы во мне-то не сумневайтесь! Уж одно слово: вот как есть, весь тут.

Б о л ь ш о в. Да что ж, что ты весь-то?

П о д х а л ю з и н. Уж коли того, а либо что, так останетесь довольны: себя не пожалею.

Б о л ь ш о в. Ну, так и разговаривать нечего. По мне, Лазарь, теперь самое настоящее время: денег наличных у нас довольно, векселям всем сроки подошли. Чего ж ждать-то? Дождешься, пожалуй, что какой-нибудь свой же брат, собачий сын, оберет тебя дочиста, а там, глядишь, сделает сделку по гривне за рубль, да и сидит в миллионе, и плевать на тебя не хочет. А ты, честный-то торговец, и смотри да казнись, хлопай глазами-то. Вот я и думаю, Лазарь, предложить кредиторам-то такую статью: не возьмут ли они у меня копеек по двадцати пяти за рубль. Как ты думаешь?

П о д х а л ю з и н. А уж по мне, Самсон Силыч, коли платить по двадцати пяти, так пристойнее совсем не платить.

Б о л ь ш о в. А что? Ведь и правда. Храбростью-то никого не удивишь, а лучше тихим-то манером дельцо обделать. Там после суди владыко на втором пришествии. Хлопот-то только куча. Дом-то и лавки я на тебя заложу.

П о д х а л ю з и н. Нельзя ж без хлопот-с. Вот векселя надо за что-нибудь сбыть-с, товар перевезти куда подальше. Станем хлопотать-с!

Б о л ь ш о в. Оно так. Да старенек уж я становлюсь хлопотать-то. А ты помогать станешь?

П о д х а л ю з и н. Помилуйте, Самсон Силыч, в огонь и в воду полезу-с.

Б о л ь ш о в. Эдак-то лучше! Черта ли там по грошам-то наживать! Махнул сразу, да и шабаш. Только напусти бог смелости. Спасибо тебе, Лазарь. Удружил! *(Встает.)* Ну, хлопочи! *(Подходит к нему и треплет по плечу.)* Сделаешь дело аккуратно, так мы с тобой барышами-то поделимся. Награжу на всю жизнь. *(Идет к двери.)*

П о д х а л ю з и н. Мне, Самсон Силыч, окромя вашего спокойствия, ничего не нужно-с. Как жимши у вас с малолетства и видемши все ваши благодеяния, можно сказать, мальчишкой взят-с лавки подметать, следовательно, должен я чувствовать.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Контора в доме Большова. Прямо дверь, на левой стороне лестница наверх.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Т и ш к а *(со щеткой на авансцене)*. Эх, житье, житье! Вот чем свет тут ты полы мети! А мое ли дело полы мести! У нас все не как у людей! У других-то хозяев коли уж мальчишка, так и живет в мальчиках — стало быть при лавке присутствует. А у нас то туда, то сюда, целый день шаркай по мостовой как угорелый. Скоро руку набьешь, держи карман-то. У добрых-то людей для разгонки держат дворника, а у нас он с котятами на печке лежит либо с кухаркой прохлаждается, а на тебе спросится. У других все-таки вольготность есть; иным часом проштрафишься што либо-óшто, по малолетствию тебе спускается; а у нас — коли не тот, так другой, коли не сам, так сама задаст вытрепку; а то вот приказчик Лазарь, а то вот Фоминишна, а то вот... всякая шваль над тобой командует. Вот она жисть-то какая анафемская! А уж это чтобы урваться когда из дому, с приятелями в три листика, али в пристенок сразиться — и не думай лучше! Да уж и в голове-то, правда, не то! *(Лезет на стул коленками и смотрит в зеркало.)* Здравствуйте, Тихон Савостьяныч! Как вы поживаете? Всё ли вы слава богу?.. А ну, Тишка, выкинь коленце. *(Делает гримасу.)* Вот оно что! *(Другую.)* Эвось оно как... *(Хохочет.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т и ш к а и П о д х а л ю з и н (крадется и хватает его за ворот).

П о д х а л ю з и н. А это ты, чертенок, что делаешь?

Т и ш к а. Что? известно что! пыль стирал.

П о д х а л ю з и н. Языком-то стирал! Что ты за пыль на зеркале нашел! Покажу я тебе пыль! Ишь, ломается! А вот я тебе заклею подзатыльника, так ты и будешь знать.

Т и ш к а. Будешь знать! Да было бы еще за что?

П о д х а л ю з и н. А за то, что за что! Поговоришь, так и увидишь, за что! Вот пикни еще!

Т и ш к а. Да, пикни еще! Я ведь и хозяину скажу, не чтó возьмешь!

П о д х а л ю з и н. Хозяину скажу!.. Что мне твой хозяин... Я, коли на то пошло... хозяин мне твой!.. На то ты и мальчишка, чтоб тебя учить, а ты думал что! Вас, пострелят, не бить, так и добра не видать. Прахтика-то эта известная. Я, брат, и сам огни, и воды, и медные трубы прошел.

Т и ш к а. Знаем, что прошел.

П о д х а л ю з и н. Цыц, дьяволенок! *(Замахивается.)*

Т и ш к а. Накось, попробуй! Нешто не скажу, ей-богу, скажу!

П о д х а л ю з и н. Да что ты скажешь-то, чертова перечница!

Т и ш к а. Что скажу? А то, что лаешься!

П о д х а л ю з и н. Важное кушанье! Ишь ты, барин какой! Поди-тко-сь! Был Сысой Псоич?

Т и ш к а. Известно, был.

П о д х а л ю з и н. Да ты, чертенок, говори толком! Зайти, что ль, хотел?

Т и ш к а. Зайти хотел!

П о д х а л ю з и н. Ну, так ты сбегай на досуге.

Т и ш к а. Рябиновки, что ли?

П о д х а л ю з и н. Да, рябиновки. Надо Сысоя Псоича попотчевать. *(Дает деньги.)* Купи полштофа, а сдачу возьми уж себе на пряники. Только ты, смотри, проворней, чтобы не хватились!

Т и ш к а. Стриженая девка косы не заплетет. Так начну порхать — живым манером.

Т и ш к а уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

П о д х а л ю з и н *(один)*. Вот беда-то! Вот она где беда-то пришла на нас! Что теперь делать-то? Ну, плохо дело! Не миновать теперь несостоятельным объявиться! Ну, положим, хозяину что-нибудь и останется, а я-то при чем буду? Мне-то куда деться? В проходном ряду пылью торговать! Служил, служил лет двадцать, а там ступай мостовую грани. Как теперь это дело рассудить надо? Товаром, что ли? Вот векселя велел продать *(вынимает и считает)*, тут, должно быть, попользоваться будет мож-

но. *(Ходит по комнате.)* Говорят, надо совесть знать! Да, известное дело. надо совесть знать, да в каком это смысле понимать нужно? Против хорошего человека у всякого есть совесть; а коли он сам других обманывает, так какая же тут совесть! Самсон Силыч купец богатейший, и теперича все это дело, можно сказать, так. для препровождения времени затеял. А я человек бедный! Если и попользуюсь в этом деле чем-нибудь лишним, так и греха нет никакого; потому он сам несправедливо поступает, против закона идет. А мне что его жалеть? Вышла линия, ну и не плошай: он свою политику ведет, а ты свою статью гони. Еще то ли бы я с ним сделал, да не приходится. Хм! Ведь залезет эдакая фантазия в голову человеку! Конечно, Алимпияда Самсоновна барышня образованная, и, можно сказать, каких в свете нет, а ведь этот жених ее теперича не возьмет, скажет, денег дай! А денег где взять? И уж не быть ей теперь за благородным, потому денег нет. Рано ли, поздно ли, а придется за купца отдавать! *(Ходит молча.)* А попабравши деньжонок, да поклониться Самсону Силычу: дескать я, Самсон Силыч, в таких летах, что должен подумать о продолжении потомства, и я, мол, Самсон Силыч, для вашего спокойствия пота-крови не жалел. Конечно, мол, Алимпияда Самсоновна барышня образованная, да ведь и я, Самсон Силыч, не лыком шит, сами изволите видеть, имею капиталец и могу кругом себя ограничить на этот предмет.— Отчего не отдать за меня? Чем я не человек? Ни в чем не замечен, к старшим почтителен! Да при всем том, как заложили мне Самсон Силыч дом и лавки, так и закладной-то можно пугнуть. А знамши-то характер Самсона Силыча, каков он есть,— это и очень может случиться. У них такое заведение: коли им что попало в голову, уж ничем не выбьешь оттедова. Все равно как в четвертом году захотели бороду обрить: сколько ни просили Аграфена Кондратьевна, сколько ни плакали,— нет, говорит, после опять отпущу, а теперь поставлю на своем, взяли да и обрили. Так вот и это дело: потрафь я по них, или так взойди им в голову — завтра же под венец, и баста, и разговаривать не смей. Да от эдакого удовольствия с Ивана Великого спрыгнуть можно!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Подхалюзин и Тишка.

Тишка *(входит со штофом)*. Вот он я пришел!

Подхалюзин. Послушай, Тишка, Устинья Наумовна здесь?

Тишка. Там наверху. Да и стракулист идет.

Подхалюзин. Так ты поставь водку-то на стол да и закусочки достань.

Тишка ставит водку и достает закуски, потом уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Подхалюзин и Рисположенский.

Подхалюзин. А, наше вам-с!

Рисположенский. К вам, батюшка Лазарь Елизарыч, к вам! Право. Думаю, мол, мало ли что, может, что и нужно. Это водочка у вас? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью. Что-то руки стали трястись по утрам, особенно вот правая; как писать что, Лазарь Елизарыч, так все левой придерживаю. Ей-богу! А выпьешь водочки, словно лучше. *(Пьет.)*

Подхалюзин. Отчего же это у вас руки трясутся?

Рисположенский *(садится к столу)*. От заботы, Лазарь Елизарыч, от заботы, батюшка.

Подхалюзин. Так-с! А я так полагаю от того, что больно народ грабите. За неправду бог наказывает.

Рисположенский. Эх, хе, хе... Лазарь Елизарыч! Где нам грабить! Делишки наши маленькие. Мы, как птицы небесные, по зернышку клюем.

Подхалюзин. Вы, стало быть, больше по мелочам?

Рисположенский. Будешь и по мелочам, как взять-то негде. Ну еще нешто, кабы один, а то ведь у меня жена да четверо ребятишек. Все есть просят, голубчики. Тот говорит — тятенька, дай, другой говорит — тятенька, дай. Одного вот в гимназию определил: мундирчик надобно, то, другое. А домишко-то эвоно где!.. Что сапогов одних истреплешь, ходимши к Воскресенским воротам с Бутырок-то.

Подхалюзин. Это точно-с.

Рисположенский. А зачем ходишь-то: кому просьбишку изобразишь, кого в мещане припишешь. Иной день и полтины серебром домой не принесешь.

Ей-богу, не лгу. Чем тут жить? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью. (*Пьет.*) А я думаю: забегу, мол, я к Лазарь Елизарычу, не даст ли он мне деньжонок что-нибудь.

Подхалюзин. А за какие же это провинности-с?

Рисположенский. Как за какие провинности! Вот уж грех, Лазарь Елизарыч! Нешто я вам не служу? По гроб слуга, что хотите заставьте. А закладную-то вам выхлопотал.

Подхалюзин. Ведь уж вам заплачено! И толковать-то вам об одном и том же не приходится!

Рисположенский. Это точно, Лазарь Елизарыч, заплачено. Это точно! Эх, Лазарь Елизарыч, бедность-то меня одолела.

Подхалюзин. Бедность одолела! Это бывает-с. (*Подходит и садится к столу.*) А у нас вот лишние есть-с: девать некуда. (*Кладет бумажник на стол.*)

Рисположенский. Что вы, Лазарь Елизарыч, неужто лишние? Небось, шутите?

Подхалюзин. Окромя всяких шуток-с.

Рисположенский. А коли лишние, так отчего же бедному человеку не помочь. Вам бог пошлет за это.

Подхалюзин. А много ли вам требуется?

Рисположенский. Дайте три целковеньких.

Подхалюзин. Что так мало-с?

Рисположенский. Ну, дайте пять.

Подхалюзин. А вы просите больше.

Рисположенский. Ну, уж коли милость будет, дайте десять.

Подхалюзин. Десять-с! Так, задаром?

Рисположенский. Как задаром! Заслужу, Лазарь Елизарыч, когда-нибудь сквитаемся.

Подхалюзин. Все это буки-с. Улита едет, да когда-то она будет. А мы теперь с вами вот какую материю заведем: много ли вам Самсон Силыч обещали за всю эту механику?

Рисположенский. Стыдно сказать, Лазарь Елизарыч: тысячу рублей да старую шубу енотовую. Уж меньше меня никто не возьмет, ей-богу, вот хоть прицените с подите.

Подхалюзин. Ну, так вот что, Сысой Псоич, я вам дам две тысячи-с... за этот же самый предмет-с.

Рисположенский. Благодетель вы мой, Лазарь Елизарыч! С женой и с детьми в кабалу пойду.

Подхалюзин. Сто серебром теперь же-с, а остальные после, по окончании всего этого происшествия-с.

Рисположенский. Ну вот, как за эдаких людей богу не молить! Только какая-нибудь свинья необразованная может не чувствовать этого. Я вам в ножки поклонюсь, Лазарь Елизарыч!

Подхалюзин. Это уж на что-же-с! Только, Сысой Псоич, уж хвостом не вертеть туда и сюда, а ходи в акурате,— попал на эту точку и вертись на этой линии. Понимаете-с?

Рисположенский. Как не понимать! Что вы, Лазарь Елизарыч, маленький, что ли, я! Пора понимать!

Подхалюзин. Да что вы понимаете-то? Вот дела-то какие-с. Вы прежде выслушайте. Приезжаем мы с Самсоном Силычем в город, и эрестрик этот привезли, как следует. Вот он пошел по кредиторам: тот не согласен, другой не согласен; да так ни один-таки и нейдет на эту штуку. Вот она какая статья-то.

Рисположенский. Что вы это говорите, Лазарь Елизарыч! А! Вот поди ж ты! Вот народ-то!

Подхалюзин. Как бы нам теперича с эстим делом не опростоволоситься! Понимаете вы меня али нет?

Рисположенский. То есть насчет несостоятельности, Лазарь Елизарыч?

Подхалюзин. Несостоятельность там сама по себе, а насчет моих-то делов.

Рисположенский. Хе, хе, хе.., то есть дом-то с лавками... эдак... дом-то... хе, хе, хе...

Подхалюзин. Что-о-с?

Рисположенский. Нет-с, это я так, Лазарь Елизарыч, по глупости, как будто для шутки.

Подхалюзин. То-то для шутки! А вы этим не шутите-с! Тут не то что дом, у меня теперь такая фантазия в голове об этом предмете, что надо с вами обширно потолковать-с! Пойдемте ко мне-с. Тишка!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Тишка.

Подхалюзин. Прибери тут все это! Ну, пойдемте, Сысой Псоич!

Тишка хочет убирать водку.

Рисположенский. Постой, постой! Эх, братец,

какой ты глупый! Видишь, что хотят пить, ты и подожди. Ты и подожди. Ты еще мал, ну так ты будь учтив и снисходителен. Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью.

Подхалюзин. Пейте, да только поскоренча, того гляди, сам приедет.

Ризположенский. Сейчас, батюшка Лазарь Елизарыч, сейчас! *(Пьет и закусывает.)* Да уж мы лучше ее с собой возьмем.

Уходят. Тишка прибирает кое-что; сверху сходят Устинья Наумовна и Фоминишна. Тишка уходит.

Фоминишна. Уж пореши ты ее нужду, Устинья Наумовна! Ишь ты, девка-то измаялась совсем, да ведь уж и время, матушка. Молодость-то не бездонный горшок, да и тот, говорят, опоражнивается. Я уж это по себе знаю. Я по тринадцатому году замуж шла, а ей вот через месяц девятнадцатый годок минет. Что томить-то ее понапрасну. Другие в ее пору давно уж детей повывели. То-то, мать моя, что ж ее томить-то.

Устинья Наумовна. Сама все это разумею, серебряная, да нешто за мной дело стало; у меня женихов-то, что кобелей борзых. Да ишь ты, разборчивы очень они с маменькой-то.

Фоминишна. Да что их разбирать-то! Ну, известное дело, чтоб были люди свежие, не плешивые, чтоб не пахло ничем, а там какого ни возьми — все человек.

Устинья Наумовна *(садясь)*. Присесть, серебряная. Измучилась я нынче день-то деньской, с раннего утра словно отымалка какая мычуся. А ведь и проминовать ничего нельзя, везде, стало быть, необходимый человек. Известное дело, серебряная, всякий человек — живая тварь; тому невеста понадобилась, той жениха хоть роди, да подай, а там где-нибудь и вовсе свадьба. А кто сочинит — все я же. Отдувайся одна за всех Устинья Наумовна. А отчего отдувайся? Оттого, что так уж видно устроено,— от начала мира этакое колесо заведено. Точно, надо правду сказать, не обходят и нас за труды: кто на платье тебе материи, кто шаль с бахромой, кто тебе чепчик состряпает, а где и золотой, где и побольше перевалится,— известно, что чего стоит, глядя по силе возможности.

Фоминишна. Что говорить, матушка, что говорить!

Устинья Наумовна. Садись, Фоминишна.— ноги-то старые, ломаные.

Фоминишна. И, мать! некогда. Ведь какой грех-то: сам-то что-то из городу не едет, все под страхом ходим; того и гляди, пьяный приедет. А уж какой благой-то, господи! Зародится же ведь эдакой озорник!

Устинья Наумовна. Известное дело: с богатым мужиком, что с чертом, не скоро сообразишь.

Фоминишна. Уж мы от него страсти-то видали. Вот на прошлой неделе, ночью, пьяный приехал: развоевался так, что на́ поди. Страсти да и только: посуду колотит... «У! — говорит,— такие вы и эдакие, убью сразу!»

Устинья Наумовна. Необразование.

Фоминишна. Уж и правда, матушка! А я побегу, родная, наверх-то — Аграфена-то Кондратьевна у меня там одна. Ты, как пойдешь домой-то, так заверни ко мне,— я тебе окорочек завяжу. *(Идет на лестницу.)*

Устинья Наумовна. Зайду, серебряная, зайду.

Подхалюзин входит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Устинья Наумовна и Подхалюзин.

Подхалюзин. А! Устинья Наумовна! Сколько лет, сколько зим-с!

Устинья Наумовна. Здравствуй, живая душа, каково попрыгиваешь?

Подхалюзин. Что нам делается-с. *(Садится.)*

Устинья Наумовна. Мамзельку, коли хочешь, высватаю!

Подхалюзин. Покорно благодарствуйте,— нам пока не требуется.

Устинья Наумовна. Сам, серебряный, не хочешь,— приятелю удружу. У тебя ведь, чай, знакомых-то по городу, что собак.

Подхалюзин. Да, есть-таки около того-с.

Устинья Наумовна. Ну, а коли есть, так и слава тебе господи! Чуть мало-мальски жених, холостой ли он, неженатый ли, вдовец ли какой,— прямо и тащи ко мне.

Подхалюзин. Так вы его и жените?

Устинья Наумовна. Так и женю. Отчего ж не женить, и не взвидишь, как женю.

Подхалюзин. Это дело хорошее-с. А вот теперича я у вас спрошу, Устинья Наумовна, зачем это вы к нам больно часто повадились?

Устинья Наумовна. А тебе что за печаль! Зачем бы я ни ходила. Я ведь не краденая какая, не овца без имени. Ты что за спрос?

Подхалюзин. Да так-с, не напрасно ли ходите-то?

Устинья Наумовна. Как напрасно? С чего это ты, серебряный, выдумал! Посмотри-ко, какого жениха нашла.— Благородный, крестьяне есть, и из себя молодец.

Подхалюзин. За чем же дело стало-с?

Устинья Наумовна. Ни за чем не стало! Хотел завтра приехать да обзнакомиться. А там обвертим, да и вся недолга.

Подхалюзин. Обвертите, попробуйте,— задаст он вам после копоти.

Устинья Наумовна. Что ты, здоров ли, яхонтовый?

Подхалюзин. Вот вы увидите!

Устинья Наумовна. До вечера не дожить; ты, алмазный, либо пьян, либо вовсе с ума свихнул.

Подхалюзин. Уж об этом-то вы не извольте беспокоиться, вы об себе-то подумайте, а мы знаем, что знаем.

Устинья Наумовна. Да что ты знаешь-то?

Подхалюзин. Мало ли что знаем-с.

Устинья Наумовна. А коли что знаешь, так и нам скажи; авось язык-то не отвалится.

Подхалюзин. В том-то и сила, что сказать-то нельзя.

Устинья Наумовна. Отчего ж нельзя, меня, что ль, совестишься, бралиянтовый, ничего, говори,— нужды нет.

Подхалюзин. Тут не об совести дело. А вам скажи, вы, пожалуй, и разболтаете.

Устинья Наумовна. Анафема хочу быть, коли скажу — руку даю на отсечение.

Подхалюзин. То-то же-с. Уговор лучше денег-с.

Устинья Наумовна. Известное дело. Ну, что же ты знаешь-то?

Подхалюзин. А вот что-с, Устинья Наумовна: нельзя ли как этому вашему жениху отказать-с!

Устинья Наумовна. Да что ты, белены, что ль, объелся?

Подхалюзин. Ничего не объелся-с! А если вам угодно говорить по душе, по совести-с, так это вот какого рода дело-с: у меня есть один знакомый купец из русских, и они оченно влюблены в Алимпияду Самсоновну-с. Что, говорит, ни дать, только бы жениться; ничего, говорит, не пожалею.

Устинья Наумовна. Что ж ты мне прежде-то, алмазный, не сказал?

Подхалюзин. Сказать-то было нечего, по тому самому, что я и сам-то недавно узнал-с.

Устинья Наумовна Уж теперь поздно, бралиянтовый!

Подхалюзин. Уж какой жених-то, Устинья Наумовна! Да он вас с ног до головы золотом осыплет-с, из живых соболей шубу сошьет.

Устинья Наумовна. Да, голубчик, нельзя! Рада бы я радостью, да уж я слово дала.

Подхалюзин. Ну, как угодно-с! А за этого высватаете, так беды наживете, что после и не расхлебаете.

Устинья Наумовна. Ну, ты сам рассуди, с каким я рылом покажусь к Самсону-то Силычу? Наговорила им с три короба, что и богат-то, и красавец-то, и влюблен-то так, что и жить не может, а теперь что скажу? Ведь ты сам знаешь, каково у вас чадочко Самсон-то Силыч, ведь он, неровён час, и чепчик помнет.

Подхалюзин. Ничего не помнет-с.

Устинья Наумовна. Да и девку-то раздразнила, на дню два раза присылает: что жених, да как жених?

Подхалюзин. А вы, Устинья Наумовна, не бегайте от своего счастия-с. Хотите две тысячи рублей и шубу соболью, чтобы только свадьбу эту расстроить-с? А за сватовство у нас особый уговор будет-с. Я вам говорю-с, что жених такой, что вы сроду и не видывали, только вот одно-с: происхождения не благородного.

Устинья Наумовна. А они-то разве благородные? То-то и беда, яхонтовый! Нынче заведение такое пошло, что всякая тебе лапотница в дворянство норовит. Вот хоть бы и Алимпияда-то Самсоновна, конечно, дай ей бог доброго здоровья, жалует по-княжески, а происхождения-то небось хуже нашего.

Отец-то, Самсон Силыч, голицами торговал на Балчуге; добрые люди Самсошкою звали, подзатыльниками кормили. Да и матушка-то Аграфена Кондратьевна чуть-чуть не панёвница — из Преображенского взята. А нажили капитал да в купцы вылезли, так и дочка в прынцессы норовит. А все это денежки. Вот я, чем хуже ее, а за ее же хвостом наблюдай. Воспитанья-то тоже не бог знает какого: пишет-то, как слон брюхом ползает, по-французскому али на фортопьянах тоже сям, тям, да и нет ничего; ну а танец-то отколоть — я и сама пыли в нос пущу.

Подхалюзин. Ну вот видите ли — за купцом-то быть ей гораздо пристойнее.

Устинья Наумовна. Да как же мне с женихом-то быть, серебряный? Я его-то уж больно уверила, что такая Алимпияда Самсоновна красавица, что настоящий тебе патрет, и образованная, говорю, и по-французскому, и на разные манеры знает. Что ж я ему теперь-то скажу?

Подхалюзин. Да вы и теперь то же ему скажите, что, мол, и красавица, и образованная, и на всякие манеры, только, мол, они деньгами порасстроились, так он сам откажется!

Устинья Наумовна. А что, ведь и правда, бралиянтовый! Да нет, постой! Как же! Ведь я ему сказывала, что у Самсона Силыча денег куры не клюют.

Подхалюзин. То-то вот, прытки вы очень рассказывать-то. А почем вы знаете, сколько у Самсона Силыча денег-то, нешто вы считали?

Устинья Наумовна. Да уж это кого ни спроси, всякий знает, что Самсон Силыч купец богатейший.

Подхалюзин. Да! Много вы знаете! А что после того будет, как высватаете значительного человека, а Самсон Силыч денег-то не даст? А он после всего этого вступится да скажет: я, дескать, не купец, что меня можно приданым обманывать! Да еще, как значительный-то человек, подаст жалобу в суд, потому что значительному человеку везде ход есть-с: мы-то с Самсон Силычем попались, да и вам-то не уйти. Ведь вы сами знаете — можно обмануть приданым нашего брата, с рук сойдет, а значительного человека обмани-ко поди, так после и не уйдешь.

Устинья Наумовна. Уж полно тебе пугать-то меня! Сбил с толку совсем.

Подхалюзин. А вы вот возьмите задаточку сто серебра, да и по рукам-с.

Устинья Наумовна. Так ты, яхонтовый, говоришь, что две тысячи рублей да шубу соболью?

Подхалюзин. Точно так-с. Уж будьте покойны! — А надемши-то шубу соболью, Устинья Наумовна, да по гулянью пройдетесь,— другой подумает, генеральша какая.

Устинья Наумовна. А что ты думаешь, да и в самом деле! Как надену соболью шубу-то, поприбодрюсь, да руки-то в боки, так ваша братья, бородастые, рты разинете. Разахаются так, что пожарной трубой не зальешь; жены-то с ревности вам все носы пооборвут.

Подхалюзин. Это точно-с!

Устинья Наумовна. Давай задаток! Была не была!

Подхалюзин. А вы, Устинья Наумовна, вольным духом, не робейте!

Устинья Наумовна. Чего робеть-то? Только смотри: две тысячи рублей да соболью шубу.

Подхалюзин. Говорю вам, из живых сошьем. Уж что толковать!

Устинья Наумовна. Ну, прощай, изумрудный! Побегу теперь к жениху. Завтра увидимся, так я тебе все отлепартую.

Подхалюзин. Погодите! Куда бежать-то! Зайдите ко мне — водочки выпьем-с. Тишка! Тишка!

Входит Тишка.

Ты смотри, коли хозяин приедет, так ты в те поры прибеги за мной.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Тишка *(садится к столу и вынимает из кармана деньги)*. Полтина серебром — это нынче Лазарь дал. Да намедни, как с колокольни упал, Аграфена Кондратьевна гривенник дали, да четвертак в орлянку выиграл, да третёвось хозяин забыл на прилавке целковый. Эвось, что денег-то! *(Считает про себя.)*

Голос Фоминишны за сценой: «Тишка, а Тишка! Долго ль мне кричать-то?»

Тишка. Что там еще?

«Дома, что ли-ча, Лазарь?»

Был, да весь вышел!

«Да куда ж он делся-то, господи?»

А я почем знаю; нешто он у меня спрашивается! Вот кабы спрашивался,— я бы знал.

Фоминишна сходит с лестницы.

Да что там у вас?

Фоминишна. Да ведь Самсон Силыч приехал, да никак хмельной.

Тишка. Фю! попались!

Фоминишна. Беги, Тишка, за Лазарем, голубчик, беги скорей!

Тишка бежит.

Аграфена Кондратьевна *(показывается на лестнице)*. Что, Фоминишна, матушка, куда он идет-то?

Фоминишна. Да никак, матушка, сюда! Ох, запру я двери-то, ей-богу, запру; пускай его кверху идет, а ты уж, голубушка, здесь посиди.

Стук в двери и голос Самсона Силыча: «Эй, отоприте, кто там?» Аграфена Кондратьевна скрывается.

Поди, батюшка, поди усни, Христос с тобой!

Большов *(за дверями)*. Да что ты, старая карга, с ума, что ли, сошла?

Фоминишна. Ах, голубчик ты мой! Ах, я мымра слепая! А ведь покажись мне сдуру-то, что ты хмельной приехал. Уж извини меня, глуха стала на старости лет.

Самсон Силыч входит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Фоминишна и Большов.

Большов. Стряпчий был?

Фоминишна. А стряпали, батюшка, щи с солониной, гусь жареный, драчёна.

Большов. Да ты белены, что ль, объелась, старая дура!

Ф о м и н и ш н а. Нет, батюшка! Сама кухарке наказывала.

Б о л ь ш о в. Пошла вон! *(Садится.)*

Фоминишна идет в двери; П о д х а л ю з и н и Т и ш к а входят.

Ф о м и н и ш н а *(возвращаясь)*. Ах, я дура, дура! Уж не взыщи на плохой памяти.— Холодной-то поросенок совсем из ума выскочил.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

П о д х а л ю з и н, Б о л ь ш о в и Т и ш к а.

Б о л ь ш о в. Убирайся к свиньям!

Ф о м и н и ш н а уходит.

(К Тишке.) Что ты рот-то разинул! Аль тебе дела нет?

П о д х а л ю з и н *(к Тишке)*. Говорили тебе, кажется!

Т и ш к а уходит.

Б о л ь ш о в. Стряпчий был?

П о д х а л ю з и н. Был-с!

Б о л ь ш о в. Говорил ты с ним?

П о д х а л ю з и н. Да что, Самсон Силыч, разве он чувствует? Известно, чернильная душа-с! Одно ладит — объявиться несостоятельным.

Б о л ь ш о в. Что ж, объявиться, так объявиться — один конец.

П о д х а л ю з и н. Ах, Самсон Силыч, что это вы изволите говорить!

Б о л ь ш о в. Что ж, деньги заплатить? Да с чего же ты это взял? Да я лучше всё огнем сожгу, а уж им ни копейки не дам. Перевози товар, продавай векселя, пусть тащут, воруют кто хочет, а уж я им не плательщик.

П о д х а л ю з и н. Помилуйте, Самсон Силыч, заведение было у нас такое превосходное, и теперь должно все в расстройство прийти.

Б о л ь ш о в. А тебе что за дело? Не твое было. Ты старайся только — от меня забыт не будешь.

П о д х а л ю з и н. Не нуждаюсь я ни в чем после вашего благодеяния. И напрасно вы такой сюжет обо

мне имеете. Я теперича готов всю душу отдать за вас, а не то чтобы какой фальш сделать. Вы подвигаетесь к старости, Аграфена Кондратьевна дама изнеженная, Алимпияда Самсоновна барышня образованная и в таких годах; надобно и об ней заботливость приложить-с. А теперь такие обстоятельства: мало ли что может произойти из всего этого.

Большов. А что такое произойти может? Я один в ответе.

Подхалюзин. Что об вас-то толковать! Вы, Самсон Силыч, отжили свой век, слава богу, пожили, а Алимпияда-то Самсоновна, известное дело, барышня, каких в свете нет. Я вам, Самсон Силыч, по совести говорю, то есть как это все по моим чувствам: если я теперича стараюсь для вас и все мои усердия, можно сказать, не жалея пота-крови, прилагаю — так это все больше потому самому, что жаль мне вашего семейства.

Большов. Полно, так ли?

Подхалюзин. Позвольте-с: ну, положим, что это все благополучно кончится-с, хорошо-с. Останется у вас чем пристроить Алимпияду Самсоновну. Ну, об этом и толковать нечего-с; были бы деньги, а женихи найдутся-с. Ну, а грех какой, сохрани господи! Как придерутся, да начнут по судам таскать, да на все семейство эдакая мораль пойдет, а еще, пожалуй, и имение-то все отнимут: должны будут они-с голод и холод терпеть и без всякого призрения, как птенцы какие беззащитные. Да это сохрани господи! Это что ж будет тогда? *(Плачет.)*

Большов. Да об чем же ты плачешь-то?

Подхалюзин. Конечно, Самсон Силыч, я это к примеру говорю — в добрый час молвить, в худой промолчать, от слова не станется; а ведь враг-то силен — горами шатает.

Большов. Что ж делать-то, братец, уж, знать, такая воля божия, против ее не пойдешь.

Подхалюзин. Это точно, Самсон Силыч! А все-таки, по моему глупому рассуждению, пристроить бы до поры до времени Алимпияду Самсоновну за хорошего человека, так уж тогда будет она, по крайности, как за каменной стеной-с. Да главное, чтобы была душа у человека, так он будет чувствовать. А то вон, что сватался за Алимпияду Самсоновну, благородный-то,— и оглобли назад поворотил.

Б о л ь ш о в. Как назад? Да с чего это ты выдумал?

П о д х а л ю з и н. Я, Самсон Силыч, не выдумал,— вы спросите Устинью Наумовну. Должно быть, что-нибудь прослышал, кто его знает.

Б о л ь ш о в. А ну его! По моим делам теперь не такого нужно.

П о д х а л ю з и н. Вы, Самсон Силыч, возьмите в рассуждение: я посторонний человек, не родной,— а для вашего благополучия ни дня, ни ночи себе покою не знаю, да и сердце-то у меня все изныло; а за него отдают барышню, можно сказать, красоту неописанную; да и денег еще дают-с, а он ломается да важничает,— ну есть ли в нем душа после всего этого?

Б о л ь ш о в. Ну, а не хочет, так и не надо, не заплачем!

П о д х а л ю з и н. Нет, вы, Самсон Силыч, рассудите об этом: есть ли душа у человека? Я вот посторонний совсем, да не могу же без слез видеть всего этого. Поймите вы это, Самсон Силыч! Другой бы и внимания не взял так убиваться из-за чужого дела-с; а ведь меня теперь вы хоть гоните, хоть бейте, а я уж вас не оставлю; потому не могу — сердце у меня не такое.

Б о л ь ш о в. Да как же тебе оставить-то меня: только ведь и надежды-то теперь, что ты. Сам я стар, дела подошли тесные. Погоди: может, еще такое дело сделаем, что ты и не ожидаешь.

П о д х а л ю з и н. Да не могу же я этого сделать, Самсон Силыч. Поймите вы из этого: не такой я совсем человек! Другому, Самсон Силыч, конечно, это все равно-с, ему хоть трава не расти, а уж я не могу-с, сами изволите видеть-с, хлопочу я али нет-с. Как черт какой, убиваюсь я теперича из-за вашего дела-с, потому что не такой я человек-с. Жалеючи вас это делается, и не столько вас, сколько семейство ваше. Сами изволите знать, Аграфена Кондратьевна дама изнеженная, Алимпияда Самсоновна барышня, каких в свете нет-с...

Б о л ь ш о в. Неужто и в свете нет? Уж ты, брат, не того ли?..

П о д х а л ю з и н. Чего-с?.. Нет, я ничего-с!..

Б о л ь ш о в. То-то, брат, ты уж лучше откровенно говори. Влюблен ты, что ли, в Алимпияду Самсоновну?

П о д х а л ю з и н. Вы, Самсон Силыч, может, шутить изволите.

Б о л ь ш о в. Что за шутка! Я тебя без шуток спрашиваю.

П о д х а л ю з и н. Помилуйте, Самсон Силыч, смею ли я это подумать-с.

Б о л ь ш о в. А что ж бы такое не сметь-то? Что она, княжна, что ли, какая?

П о д х а л ю з и н. Хотя и не княжна, да как бымши вы моим благодетелем и вместо отца родного... Да нет, Самсон Силыч, помилуйте, как же это можно-с, неужли же я этого не чувствую!

Б о л ь ш о в. Так ты, стало быть, ее не любишь?

П о д х а л ю з и н. Как же не любить-с, помилуйте, кажется, больше всего на свете. Да нет-с, Самсон Силыч, как же это можно-с.

Б о л ь ш о в. Ты бы так и говорил, что люблю, мол, больше всего на свете.

П о д х а л ю з и н. Да как же не любить-с! Сами извольте рассудить: день думаю, ночь думаю... то бишь, известное дело, Алимпияда Самсоновна барышня, каких в свете нет... Да нет, этого нельзя-с. Где же нам-с!..

Б о л ь ш о в. Да чего же нельзя-то, дура-голова?

П о д х а л ю з и н. Да как же можно, Самсон Силыч? Как знамши я вас, как отца родного, и Алимпияду Самсоновну-с, и опять знамши себя, что я такое значу,— где же мне с суконным-то рылом-с?

Б о л ь ш о в. Ничего не суконное. Рыло как рыло. Был бы ум в голове,— а тебе ума-то не занимать стать, этим добром бог наградил. Так что же, Лазарь, посватать тебе Алимпияду-то Самсоновну, а?

П о д х а л ю з и н. Да помилуйте, смею ли я? Алимпияда-то Самсоновна, может быть, на меня глядеть-то не захотят-с!

Б о л ь ш о в. Важное дело! Не плясать же мне по ее дудочке на старости лет. За кого велю, за того и пойдет. Мое детище: хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю.— Ты со мной-то толкуй.

П о д х а л ю з и н. Не смею я, Самсон Силыч, об этом с вами говорить-с. Не хочу быть подлецом против вас.

Б о л ь ш о в. Экой ты, братец, глупый! Кабы я тебя не любил, нешто бы я так с тобой разговаривал? Понимаешь ли ты, что я могу на всю жизнь тебя счастливым сделать!

П о д х а л ю з и н. А нешто я вас не люблю, Самсон Силыч, больше отца родного? Да накажи меня бог!.. Да что я за скотина!

Б о л ь ш о в. Ну, а дочь любишь?

П о д х а л ю з и н. Изныл весь-с! Вся душа-то у меня перевернулась давно-с!

Б о л ь ш о в. Ну, а коли душа перевернулась, так мы тебя поправим. Владей, Фаддей, нашей Маланьей.

П о д х а л ю з и н. Тятенька, за что жалуете? Не стою я этого, не стою! И физиономия у меня совсем не такая.

Б о л ь ш о в. Ну ее, физиономию! А вот я на тебя все имение переведу, так после кредиторы-то и пожалеют, что по двадцати пяти копеек не взяли.

П о д х а л ю з и н. Еще как пожалеют-то-с!

Б о л ь ш о в. Ну, ты ступай теперь в город, а ужотко заходи к невесте: мы над ними шутку подшутим.

П о д х а л ю з и н. Слушаю, тятенька-с! *(Уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Декорация первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Б о л ь ш о в *(входит и садится на кресло; несколько времени смотрит по углам и зевает)*. Вот она, жизнь-то; истинно сказано: суета сует и всяческая суета. Черт знает, и сам не разберешь, чего хочется. Вот бы и закусил что-нибудь, да обед испортишь, а и так-то сидеть одурь возьмет. Али чайком бы, что ль, побаловать. *(Молчание.)* Вот так-то и всё: жил, жил человек, да вдруг и помер — так все прахом и пойдет. Ох, господи, господи! *(Зевает и смотрит по углам.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а и Л и п о ч к а (разряженная).

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Ступай, ступай, моя крошечка; дверь-то побережнее, не зацепи. Посмотри-ко, Самсон Силыч, полюбуйся, сударь ты мой, как я дочку-то вырядила! Фу ты, прочь поди! Что твой розан пионовый! *(К ней.)* Ах ты, моя ангелика, царевна, херуимчик ты мой! *(К нему.)* Что,

Самсон Силыч, правда, что ли? Только бы ей в карете ездить шестерней.

Большов. Проедет и парочкой — не великого полета помещица!

Аграфена Кондратьевна. Уж известно, не енаральская дочь, а всё, как есть, красавица!.. Да приголубь ребенка-то, что как медведь бурчишь.

Большов. А как мне еще приголубливать-то? Ручки, что ль, лизать, в ножки кланяться? Во какая невидаль! Видали мы и понаряднее.

Аграфена Кондратьевна. Да ты что видал-то? Так что-нибудь, а ведь это дочь твоя, дитя кровная, каменный ты человек.

Большов. Что ж что дочь? Слава богу — обута, одета, накормлена; чего ей еще хочется?

Аграфена Кондратьевна. Чего хочется! Да ты, Самсон Силыч, очумел, что ли? Накормлена! Мало ли что накормлена! По христианскому закону всякого накормить следствует; и чужих призирают, не токмо что своих,— а ведь это и в люди сказать грех: как ни на есть, родная детища!

Большов. Знаем, что родная, да чего ж ей еще? Что ты мне притчи эти растолковываешь? Не в рамку же ее вделать! Понимаем, что отец.

Аграфена Кондратьевна. Да коли уж ты, батюшка, отец, так не будь свекором! Пора, кажется, в чувство прийти: расставаться скоро приходится, а ты и доброго слова не вымолвишь; должен бы на пользу посоветовать что-нибудь такое житейское. Нет в тебе никакого обычаю родительского!

Большов. А нет, так что ж за беда; стало быть, так бог создал.

Аграфена Кондратьевна. Бог создал! Да сам-то ты что? Ведь и она, кажется, создания божеская, али нет? Не животная какая-нибудь, прости господи!.. Да спроси у нее что-нибудь.

Большов. А что я за спрос? Гусь свинье не товарищ: как хотите, так и делайте.

Аграфена Кондратьевна. Да на деле-то уж не спросим, ты покедова-то вот. Человек приедет чужой-посторонний, все-таки, как хочешь, примеривай, а мужчина — не женщина — в первый-то раз наедет, не видамши-то его.

Большов. Сказано, что отстань.

Аграфена Кондратьевна. Отец ты эдакой, а еще родной называешься! Ах ты, дитятко моя заброшенная, стоишь, словно какая сиротинушка, приклонивши головушку. Отступились от тебя, да и знать не хотят. Присядь, Липочка, присядь, душечка, ненаглядная моя сокровища! *(Усаживает.)*

Липочка. Ах, отстаньте, маменька! Измяли совсем.

Аграфена Кондратьевна. Ну, так я на тебя издальки посмотрю!

Липочка. Пожалуй, смотрите, да только не фантазируйте! Фи, маменька, нельзя одеться порядочно: вы тотчас расчувствоваетесь.

Аграфена Кондратьевна. Так, так, дитятко! Да как взгляну-то на тебя, так ведь эта жалости подобно.

Липочка. Что ж, надо ведь когда-нибудь.

Аграфена Кондратьевна. Все-таки жалко, дурочка: растили, растили, да и вырастили — да ни с того ни с сего в чужие люди отдаем, словно ты надоела нам да наскучила глупым малым ребячеством, своим кротким поведением. Вот выживем тебя из дому, словно ворога из города, а там схватимся да спохватимся, да и негде взять. Посудите, люди добрые, каково жить в чужой дальней стороне, чужим куском давишься, кулаком слезы утираючи! Да, помилуй бог, неровнюшка выйдется, неровен дурак навяжется аль дурак какой — дурацкий сын! *(Плачет.)*

Липочка. Вот вы вдруг и расплакались! Право, как не стыдно, маменька! Что там за дурак?

Аграфена Кондратьевна *(плача)*. Да уж это так говорится,— к слову пришлось.

Большов. А об чем бы ты это, слышно, разрюмилась? Вот спросить тебя, так сама не знаешь.

Аграфена Кондратьевна. Не знаю, батюшка, ох, не знаю: такой стих нашел.

Большов. То-то вот сдуру. Слезы у вас дешевы.

Аграфена Кондратьевна. Ох, дешевы, батюшка, дешевы; и сама знаю, что дешевы, да что ж делать-то?

Липочка. Фи, маменька, как вы вдруг! Полноте! Ну, вдруг приедет — что хорошего!

Аграфена Кондратьевна. Перестану, дитятко, перестану; сейчас перестану!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна *(входя)*. Здравствуйте, золотые! Что вы невеселы — носы повесили?

Целуются.

Аграфена Кондратьевна. А уж мы заждались тебя.

Липочка. Что, Устинья Наумовна, скоро приедет?

Устинья Наумовна. Виновата, сейчас провалиться, виновата! А дела-то наши, серебряные, не очень хороши!

Липочка. Как? Что такое за новости?

Аграфена Кондратьевна. Что ты еще там выдумала?

Устинья Наумовна. А то, бралиянтовые, что жених-то наш что-то мнется.

Большов. Ха, ха, ха! А еще сваха! Где тебе сосватать!

Устинья Наумовна. Уперся, как лошадь,— ни тпру, ни ну; слова от него не добьешься путного.

Липочка. Да что ж это, Устинья Наумовна? Да как же это ты, право!

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшки! Да как же это быть-то?

Липочка. Да давно ль ты его видела?

Устинья Наумовна. Нынче утром была. Вышел как есть в одном шлафорке; а уж употчевал — можно чести приписать. И кофию велел, и ромку-то, а уж сухарей навалил — видимо-невидимо. Кушайте, говорит, Устинья Наумовна! Я было об деле-то, знаешь ли,— надо, мол, чем-нибудь порешить; ты, говорю, нынче хотел ехать обзнакомиться-то; а он мне на это ничего путного не сказал.— Вот, говорит, подумамши, да посоветамшись, а сам только что опояску подергивает.

Липочка. Что ж он там спустя рукава-то сантиментальничает? Право, уж тошно смотреть, как все это продолжается.

Аграфена Кондратьевна. И в самом деле, что он ломается-то? Мы разве хуже его?

Устинья Наумовна. А, лягушка его заклюй, нешто мы другого не найдем?

Б о л ь ш о в. Ну, уж ты другого-то не ищи, а то опять то же будет. Уж другого-то я вам сам найду.

А г р а ф е н а   К о н д р а т ь е в н а. Да, найдешь, на печи-то сидя; ты уж и забыл, кажется, что у тебя дочь-то есть.

Б о л ь ш о в. А вот увидишь!

А г р а ф е н а   К о н д р а т ь е в н а. Что увидать-то! Увидать-то нечего! Уж не говори ты мне, пожалуйста, не расстроивай ты меня. *(Садится.)*

Большов хохочет. Устинья Наумовна отходит с Липочкой на другую сторону сцены. Устинья Наумовна рассматривает ее платье.

У с т и н ь я   Н а у м о в н а. Ишь ты, как вырядилась,— платьице-то на тебе какое авантажное. Уж не сама ль смастерила?

Л и п о ч к а. Вот ужасно нужно самой! Что мы, нищие, что ли, по-твоему? А мадамы-то на что?

У с т и н ь я   Н а у м о в н а. Фу ты, уж и нищие! Кто тебе говорит такие глупости? Тут рассуждают об хозяйстве, что не сама ль, дескать, шила,— а то, известное дело, и платье-то твое дрянь.

Л и п о ч к а. Что ты, что ты! Никак с ума сошла? Где у тебя глаза-то? С чего это ты конфузить вздумала?

У с т и н ь я   Н а у м о в н а. Что это ты так разъерепенилась?

Л и п о ч к а. Вот оказия! Стану я терпеть такую напраслину. Да что я, девчонка, что ли, какая необразованная!

У с т и н ь я   Н а у м о в н а. С чего это ты взяла? Откуда нашел на тебя эдакой каприз? Разве я хулю твое платье? Чем не платье — и всякий скажет, что платье. Да тебе-то оно не годится, по красоте-то твоей совсем не такое надобно,— исчезни душа, коли лгу. Для тебя золотого мало: подавай нам шитое жемчугом. — Вот и улыбнулась, изумрудная! Я ведь знаю, что говорю!

Т и ш к а *(входит)*. Сысой Псович приказали спросить, можно ли, дескать, взойти. Они тамотка, у Лазаря Елизарыча.

Б о л ь ш о в. Пошел, зови его сюда, и с Лазарем.

Т и ш к а уходит.

А г р а ф е н а   К о н д р а т ь е в н а. Что ж, недаром

же закуска-то приготовлена — вот и закусим. А уж тебе, чай, Устинья Наумовна, давно водочки хочется?

Устинья Наумовна. Известное дело — адмиральский час — самое настоящее время.

Аграфена Кондратьевна. Ну, Самсон Силыч, трогайся с места-то, что так-то сидеть.

Большов. Погоди, вот те подойдут — еще успеешь.

Липочка. Я, маменька, пойду разденусь.

Аграфена Кондратьевна. Поди, дитятко, поди.

Большов. Погоди раздеваться-то,— жених приедет.

Аграфена Кондратьевна. Какой там еще жених,— полно дурачиться-то.

Большов. Погоди, Липа, жених приедет.

Липочка. Кто же это, тятенька? Знаю я его или нет?

Большов. А вот увидишь, так, может, и узнаешь.

Аграфена Кондратьевна. Что ты его слушаешь, какой там еще шут приедет! Так язык чешет.

Большов. Говорят тебе, что приедет, так уж я, стало быть, знаю, что говорю.

Аграфена Кондратьевна. Коли кто в самом деле приедет, так уж ты бы путем говорил, а то приедет, приедет, а бог знает, кто приедет. Вот всегда так.

Липочка. Ну, так я, маменька, останусь. *(Подходит к зеркалу и смотрится, потом к отцу.)* Тятенька!

Большов. Что тебе?

Липочка. Стыдно сказать, тятенька!

Аграфена Кондратьевна. Что за стыд, дурочка! Говори, коли что нужно.

Устинья Наумовна. Стыд не дым — глаза не выест.

Липочка. Нет, ей-богу, стыдно!

Большов. Ну закройся, коли стыдно.

Аграфена Кондратьевна. Шляпку, что ли, новую хочется?

Липочка. Вот и не угадали, вовсе не шляпку.

Большов. Так чего ж тебе?

Липочка. Выдти замуж за военного!

Большов. Эк ведь что вывезла!

Аграфена Кондратьевна. Акстись, беспутная! Христос с тобой!

Липочка. Что ж,— ведь другие выходят же.

Б о л ь ш о в. Ну и пускай их выходят, а ты сиди у моря да жди погодки.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Да ты у меня и заикаться не смей! Я тебе и родительского благословенья не дам.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Лазарь, Рисположенский и Фоминишна (у дверей).

Р и с п о л о ж е н с к и й. Здравствуйте, батюшка Самсон Силыч! Здравствуйте, матушка Аграфена Кондратьевна! Олимпиада Самсоновна, здравствуйте!

Б о л ь ш о в. Здравствуй, братец, здравствуй! Садиться милости просим! Садись и ты, Лазарь!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Закусить не угодно ли? А у меня закусочка приготовлена.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Отчего ж, матушка, не закусить; я бы теперь рюмочку выпил.

Б о л ь ш о в. А вот сейчас пойдем все вместе, а теперь пока побеседуем маненько.

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Отчего ж и не побеседовать! Вот, золотые мои, слышала я, будто в газете напечатано, правда ли, нет ли, что другой Бонапарт народился, и будто бы, золотые мои...

Б о л ь ш о в. Бонапарт Бонапартом, а мы пуще всего надеемся на милосердие божие; да и не об том теперь речь.

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Так об чем же, яхонтовый?

Б о л ь ш о в. А о том, что лета наши подвигаются преклонные, здоровье тоже ежеминутно прерывается, и один создатель только ведает, что будет вперед: то и положили мы еще при жизни своей отдать в замужество единственную дочь нашу, и в рассуждении приданого тоже можем надеяться, что она не острамит нашего капитала и происхождения, а равномерно и перед другими прочими.

У с т и н ь я Н а у м о в н а. Ишь ведь, как сладко рассказывает, бралиянтовый.

Б о л ь ш о в. А так как теперь дочь наша здесь налицо, и при всем том, будучи уверены в честном поведении и достаточности нашего будущего зятя, что для нас оченно чувствительно, в рассуждении божеского

благословения, то и назначаем его теперича в общем лицезрении.— Липа, поди сюда.

Липочка. Что вам, тятенька, угодно?

Большов. Поди ко мне, не укушу,— небось. Ну, теперь ты, Лазарь, ползи.

Подхалюзин. Давно готов-с!

Большов. Ну, Липа, давай руку!

Липочка. Как, что это за вздор? С чего это вы выдумали?

Большов. Хуже, как силой возьму!

Устинья Наумовна. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Аграфена Кондратьевна. Господи, да что ж это такое?

Липочка. Не хочу, не хочу! Не пойду я за такого противного!

Фоминишна. С нами крестная сила!

Подхалюзин. Видно, тятенька, не видать мне счастия на этом свете! Видно, не бывать-с по вашему желанию!

Большов *(берет Липочку насильно за руку и Лазаря)*. Как же не бывать, коли я того хочу? На что ж я и отец, коли не приказывать? Даром, что ли, я ее кормил?

Аграфена Кондратьевна. Что ты! Что ты! Опомнись!

Большов. Знай сверчок свой шесток! Не твое дело! Ну, Липа! Вот тебе жених! Прошу любить да жаловать! Садитесь рядком да потолкуйте ладком — а там честным пирком да за свадебку.

Липочка. Как же,— нужно мне очень с неучем сидеть! Вот оказия!

Большов. А не сядешь, так насильно посажу да заставлю жеманиться.

Липочка. Где это видано, чтобы воспитанные барышни выходили за своих работников?

Большов. Молчи лучше! Велю, так и за дворника выдешь. *(Молчание.)*

Устинья Наумовна. Вразуми, Аграфена Кондратьевна, что это за беда такая.

Аграфена Кондратьевна. Сама, родная, затмилась, ровно чулан какой. И понять не могу,— откуда это такое взялось?

Фоминишна. Господи! Семой десяток живу, сколько

свадьб праздновала, а такой скверности не видывала.

Аграфена Кондратьевна. За что ж вы это, душэгубцы, девку-то опозорили?

Большов. Да, очень мне нужно слушать вашу фанаберию. Захотел выдать дочь за приказчика, и поставлю на своем, и разговаривать не смей; я и знать никого не хочу. Вот теперь закусить пойдемте, а они пусть побалясничают, может быть и поладят как-нибудь.

Рисположенский. Пойдемте, Самсон Силыч, и я с вами для компании рюмочку выпью. А уж это, Аграфена Кондратьевна, первый долг, чтобы дети слушались родителей. Это не нами заведено, не нами и кончится.

Встают и уходят все, кроме Липочки, Подхалюзина и Аграфены Кондратьевны.

Липочка. Да что же это, маменька, такое? Что я им, кухарка, что ли, досталась? *(Плачет.)*

Подхалюзин. Маменька-с! Вам зятя такого, который бы вас уважал и, значит, старость вашу покоил,— окромя меня, не найтить-с.

Аграфена Кондратьевна. Да как это ты, батюшко?

Подхалюзин. Маменька-с! В меня бог вложил такое намерение, потому самому-с, что другой вас, маменька-с, и знать не захочет, а я по гроб моей жизни *(плачет)* должен чувствовать-с.

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшко! Да как же это быть?

Большов *(из двери)*. Жена, поди сюда!

Аграфена Кондратьевна. Сейчас, батюшко, сейчас!

Подхалюзин. Вы, маменька, вспомните это слово, что я сейчас сказал.

Аграфена Кондратьевна уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Липочка и Подхалюзин.
Молчание.

Подхалюзин. Алимпияда Самсоновна-с! Алимпияда Самсоновна! Но, кажется, вы мною гнушаетесь?

Скажите хоть одно слово-с! Позвольте вашу ручку поцеловать.

Л и п о ч к а. Вы дурак необразованный!

П о д х а л ю з и н. За что вы, Алимпияда Самсоновна, обижать изволите-с?

Л и п о ч к а. Я вам один раз навсегда скажу, что не пойду я за вас,— не пойду.

П о д х а л ю з и н. Это как вам будет угодно-с! Насильно мил не будешь. Только я вам вот что доложу-с...

Л и п о ч к а. Я вас слушать не хочу, отстаньте от меня! Как бы вы были учтивый кавалер: вы видите, что я ни за какие сокровища не хочу за вас идти,— вы бы должны отказаться.

П о д х а л ю з и н. Вот вы, Алимпияда Самсоновна, изволите говорить: отказаться. Только если я откажусь, что потом будет-с?

Л и п о ч к а. А то и будет, что я выйду за благородного.

П о д х а л ю з и н. За благородного-с! Благородный-то без приданого не возьмет.

Л и п о ч к а. Как без приданого? Что вы городите-то! Посмотрите-ко, какое у меня приданое-то,— в нос бросится.

П о д х а л ю з и н. Тряпки-то-с! Благородный тряпок-то не возьмет. Благородному-то деньги нужны-с.

Л и п о ч к а. Что ж! Тятенька и денег даст!

П о д х а л ю з и н. Хорошо, как даст-с! А как дать-то нечего? Вы дел-то тятенькиных не знаете, а я их очень хорошо знаю: тятенька-то ваш банкрут-с.

Л и п о ч к а. Как банкрут? А дом-то, а лавки?

П о д х а л ю з и н. А дом-то и лавки — мои-с!

Л и п о ч к а. Ваши?! Подите вы! Что вы меня дурачить хотите? Глупее себя нашли!

П о д х а л ю з и н. А вот у нас законные документы есть! *(Вынимает.)*

Л и п о ч к а. Так вы купили у тятеньки?

П о д х а л ю з и н. Купил-с!

Л и п о ч к а. Где же вы денег взяли?

П о д х а л ю з и н. Денег! У нас, слава богу, денег-то побольше, чем у какого благородного.

Л и п о ч к а. Что ж это такое со мной делают? Воспитывали, воспитывали, потом и обанкрутились!

Молчание.

Подхалюзин. Ну, положим, Алимпияда Самсоновна, что вы выйдете и за благородного — да что ж в этом будет толку-с? Только одна слава, что барыня, а приятности никакой нет-с. Вы извольте рассудить-с: барыни-то часто сами на рынок пешком ходят-с. А если и выедут-то куда, так только слава, что четверня-то, а хуже одной-с купеческой-то. Ей-богу, хуже-с. Одеваются тоже не больно пышно-с. А если за меня-то вы, Алимпияда Самсоновна, выйдете-с,— так первое слово: вы и дома-то будете в шелковых платьях ходить-с, а в гости али в театр-с — окромя бархатных, и надевать не станем. В рассуждении шляпок или салопов — не будем смотреть на разные дворянские приличия, а наденем какую чудней! Лошадей заведем орловских. *(Молчание.)* Если вы насчет физиономии сумневаетесь, так это, как вам будет угодно-с, мы также и фрак наденем да бороду обреем, либо так подстрижем, по моде-с, это для нас все одно-с.

Липочка. Да вы все перед свадьбой так говорите, а там и обманете.

Подхалюзин. С места не сойти, Алимпияда Самсоновна! Анафемой хочу быть, коли лгу! Да это что-с, Алимпияда Самсоновна! Нешто мы в эдаком доме будем жить? В Каретном ряду купим-с, распишем как: на потолках это райских птиц нарисуем, сиренов, капидонов разных — поглядеть только будут деньги давать.

Липочка. Нынче уж капидонов-то не рисуют.

Подхалюзин. Ну, так мы пукетами пустим. *(Молчание.)* Было бы только с вашей стороны согласие, а то мне в жизни ничего не надобно. *(Молчание.)* Как я несчастлив в своей жизни, что не могу никаких комплиментов говорить.

Липочка. Для чего вы, Лазарь Елизарыч, по-французски не говорите?

Подхалюзин. А для того, что нам не для чего. *(Молчание.)* Осчастливьте, Алимпияда Самсоновна, окажите эдакое благоволение-с. *(Молчание.)* Прикажите на колени стать.

Липочка. Станьте!

Подхалюзин становится.

Вот у вас какая жилетка скверная!

Подхалюзин. Эту я Тишке подарю-с, а себе на Кузнецком мосту закажу, только не погубите! *(Молчание.)* Что же, Алимпияда Самсоновна-с?

Липочка. Дайте подумать.

Подхалюзин. Да об чем же думать-с?

Липочка. Как же можно не думать?

Подхалюзин. Да вы не думамши.

Липочка. Знаете что, Лазарь Елизарыч!

Подхалюзин. Что прикажете-с?

Липочка. Увезите меня потихоньку.

Подхалюзин. Да зачем же потихоньку-с, когда так тятенька с маменькой согласны?

Липочка. Да так делают. Ну, а коли не хотите увезти,— так уж, пожалуй, и так.

Подхалюзин. Алимпияда Самсоновна! Позвольте ручку поцеловать! *(Целует, потом вскакивает и подбегает к двери.)* Тятенька-с!..

Липочка. Лазарь Елизарыч, Лазарь Елизарыч! Подите сюда!

Подхалюзин. Что вам угодно-с?

Липочка. Ах, если бы вы знали, Лазарь Елизарыч, какое мне житье здесь! У маменьки семь пятниц на неделе; тятенька как не пьян, так молчит, а как пьян, так прибьет того и гляди. Каково это терпеть образованной барышне! Вот как бы я вышла за благородного, так я бы и уехала из дому и забыла бы обо всем этом. А теперь все опять пойдет по-старому.

Подхалюзин. Нет-с, Алимпияда Самсоновна, не будет этого! Мы, Алимпияда Самсоновна, как только сыграем свадьбу, так перейдем в свой дом-с. А уж мы им-то командовать не дадим-с. Нет, уж теперь кончено-с! Будет-с с них — почудили на своем веку, теперь нам пора!

Липочка. Да вы такие робкие, Лазарь Елизарыч, вы не посмеете тятеньке ничего сказать, а с благородным-то они немного наговорили бы.

Подхалюзин. Оттого и робкий-с, что было дело подначальное — нельзя-с. Прекословить не смею. А как заживем своим домом, так никто нам не указ. А вот вы все про благородных говорите. Да будет ли вас так любить благородный, как я буду любить? Благородный-то поутру на службе, а вечером по клубам шатается, а жена должна одна дома без всякого удовольствия сидеть. А смею ли я так посту-

пать? Я всю жизнь должен стараться, как вам всякое удовольствие доставить.

Л и п о ч к а. Так смотрите же, Лазарь Елизарыч, мы будем жить сами по себе, а они сами по себе. Мы заведем все по моде, а они — как хотят.

П о д х а л ю з и н. Уж это как и водится-с.

Л и п о ч к а. Ну, теперь зовите тятеньку. *(Встает и охорашивается перед зеркалом.)*

П о д х а л ю з и н. Тятенька-с! Тятенька-с! Маменька-с!..

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Т е ж е, Б о л ь ш о в и А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а.

П о д х а л ю з и н *(идет навстречу Самсону Силычу и бросается к нему в объятия)*. Алимпияда Самсоновна согласны-с!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Бегу, батюшко, бегу.

Б о л ь ш о в. Ну, вот и дело! То-то же. Я знаю, что делаю, уж не вам меня учить.

П о д х а л ю з и н *(к Аграфене Кондратьевне)*. Маменька-с! Позвольте ручку поцеловать.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Целуй, батюшко, обе чистые. Ах ты, дитятко, да как же это давеча-то так, а? Ей-богу! Что ж это такое? А уж я и не знала, как это дело и рассудить-то. Ах, ненаглядная ты моя!

Л и п о ч к а. Я совсем, маменька, не воображала, что Лазарь Елизарыч такой учтивый кавалер! А теперь вдруг вижу, что он гораздо почтительнее других.

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Вот то-то же, дурочка! Уж отец тебе худа не пожелает. Ах ты, голубушка моя! Эка ведь притча-то, а? Ах, матушки вы мои! Что ж это такое? Фоминишна! Фоминишна!

Ф о м и н и ш н а. Бегу, бегу, матушка, бегу. *(Входит.)*

Б о л ь ш о в. Постой ты, таранта! Вот вы садитесь рядом,— а мы на вас посмотрим. Да подай-ко ты нам бутылочку шипучки.

Подхалюзин и Липочка садятся.

Ф о м и н и ш н а. Сейчас, батюшка, сейчас! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, Устинья Наумовна и Ристоположенский.

Аграфена Кондратьевна. Поздравь жениха-то с невестой, Устинья Наумовна! Вот бог привел на старости лет, дожили до радости.

Устинья Наумовна. Да чем же поздравить-то вас, изумрудные? Сухая ложка рот дерет.

Большов. А вот мы тебе горлышко промочим.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, Фоминишна и Тишка (с вином на подносе).

Устинья Наумовна. Вот это дело другого рода. Ну, дай вам бог жить да молодеть, толстеть да богатеть. *(Пьет.)* Горько, бралиянтовые!

Липочка и Лазарь целуются.

Большов. Дай-ко я поздравлю. *(Берет бокал.)*

Липочка и Лазарь встают.

Живите, как знаете, — свой разум есть. А чтоб вам жить-то было не скучно, так вот тебе, Лазарь, дом и лавки пойдут вместо приданого, да из наличного отсчитаем.

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, я и так вами много доволен.

Большов. Что тут миловать-то! Свое добро, сам нажил. Кому хочу — тому и даю. Наливай еще!

Тишка наливает.

Да что тут разговаривать-то. На милость суда нет. Бери все, только нас со старухой корми да кредиторам заплати копеек по десяти.

Подхалюзин. Стоит ли, тятенька, об этом говорить-с. Нешто я не чувствую? Свои люди — сочтемся!

Большов. Говорят тебе, бери все, да и кончено дело. И никто мне не указ! Заплати только кредиторам. Заплатишь?

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, первый долг-с!

Большов. Только ты смотри — им много-то не давай. А то ты, чай, рад сдуру-то все отдать.

Подхалюзин. Да уж там, тятенька, как-нибудь сочтемся. Помилуйте, свои люди.

Большов. То-то же! Ты им больше десяти копеек не давай. Будет с них... Ну, поцелуйтеся!

Липочка и Лазарь целуются.

Аграфена Кондратьевна. Ах, голубчики вы мои! Да как же это так? Совсем вот как полоумная.

Устинья Наумовна.

Уж и где же это видано,
Уж и где же это слыхано,
Чтобы курочка бычка родила,
Поросеночек яичко снес!

Наливает вина и подходит к Рисположенскому. Рисположенский кланяется и отказывается.

Большов. Выпей, Сысой Псоич, на радости!

Рисположенский. Не могу, Самсон Силыч,— претит.

Большов. Полно ты! Выпей на радости.

Устинья Наумовна. Еще туда же, ломается!

Рисположенский. Претит, Самсон Силыч! Ей-богу, претит. Вот я водочки рюмочку выпью! А это натура не принимает. Уж такая слабая комплекция.

Устинья Наумовна. Ах ты, проволочная шея! Ишь ты — у него натура не принимает! Да давайте я ему за шиворот вылью, коли не выпьет.

Рисположенский. Неприлично, Устинья Наумовна! Даме это неприлично. Самсон Силыч! Не могу-с! Разве бы я стал отказываться? Хе, хе, хе, да что ж я за дурак, чтобы я такое невежество сделал; видали мы людей-то, знаем, как жить; вот я от водочки никогда не откажусь, пожалуй, хоть теперь рюмочку выпью! А этого не могу — потому претит. А вы, Самсон Силыч, бесчинства не допускайте, обидеть недолго, а не хорошо.

Большов. Хорошенько его, Устинья Наумовна, хорошенько!

Рисположенский бежит от нее.

Устинья Наумовна *(ставит вино на стол)*. Врешь, купоросная душа, не уйдешь! *(Прижимает его в угол и хватает за шиворот.)*

Рисположенский. Караул!!

Все хохочут.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

В доме Подхалюзина богато меблированная гостиная.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Олимпиада Самсоновна сидит у окна в роскошном положении; на ней шелковая блуза, чепчик последнего фасона. Подхалюзин в модном сертуке стоит перед зеркалом. Тишка за ним обдергивает и охорашивает.

Тишка. Ишь ты, как оно пригнато, в самый раз!

Подхалюзин. А что, Тишка, похож я на француза? а? Да издали погляди!

Тишка. Две капли воды.

Подхалюзин. То-то, дурак! Вот ты теперь и смотри на нас! *(Ходит по комнате.)* Так-то-с, Алимпияда Самсоновна! А вы хотели за офицера идтить-с. Чем же мы не молодцы? Вот сертучок новенький взяли да и надели.

Олимпиада Самсоновна. Да вы, Лазарь Елизарыч, танцевать не умеете.

Подхалюзин. Что ж, нешто не выучимся; еще как выучимся-то — важнейшим манером. Зимой в Купеческое собрание будем ездить-с. Вот и знай наших-с! Польку станем танцевать.

Олимпиада Самсоновна. Уж вы, Лазарь Елизарыч, купите ту коляску-то, что смотрели у Арбатского.

Подхалюзин. Как же, Алимпияда Самсоновна-с! Надать купить, надать-с.

Олимпиада Самсоновна. А мне новую мантелью принесли, вот мы бы с вами в пятницу и поехали в Сокольники.

Подхалюзин. Как же-с, непременно поедем-с; и в Парк поедем-с в воскресенье. Ведь коляска-то тысячу целковых стоит, да и лошади-то тысячу целковых и сбруя накладного серебра,— так пущай их смотрят. Тишка! трубку!

Тишка уходит.

(Садится подле Олимпиады Самсоновны.) Так-то-с, Алимпияда Самсоновна! Пущай себе смотрят.

Молчание.

Олимпиада Самсоновна. Что это вы, Лазарь Елизарыч, меня не поцелуете?

Подхалюзин. Как же! Помилуйте-с! С нашим удовольствием! Пожалуйте ручку-с! *(Целует. Молчание.)* Скажите, Алимпияда Самсоновна, мне что-нибудь на французском диалекте-с.

Олимпиада Самсоновна. Да что же вам сказать?

Подхалюзин. Да что-нибудь скажите — так, малость самую-с. Мне все равно-с!

Олимпиада Самсоновна. Ком ву зет жоли.

Подхалюзин. А это что такое-с?

Олимпиада Самсоновна. Как вы милы!

Подхалюзин *(вскакивает со стула)*. Вот она у нас жена-то какая-с! Ай да Алимпияда Самсоновна! Уважили! Пожалуйте ручку!

Входит Тишка с трубкой.

Тишка. Устинья Наумовна пришла.

Подхалюзин. Зачем ее еще черт принес!

Тишка уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна. Как живете-можете, бралиянтовые?

Подхалюзин. Вашими молитвами, Устинья Наумовна, вашими молитвами.

Устинья Наумовна *(целуясь)*. Что это ты, как будто похорошела, поприпухла?

Олимпиада Самсоновна. Ах, какой ты вздор городишь, Устинья Наумовна! Ну с чего это ты взяла?

Устинья Наумовна. Что за вздор, золотая; уж к тому дело идет. Рада не рада — нечего делать!.. Люби кататься, люби и саночки возить!.. Что ж это вы меня позабыли совсем, бралиянтовые? Али еще осмотреться не успели? Все, чай, друг на друга любуетесь да миндальничаете.

Подхалюзин. Есть тот грех, Устинья Наумовна, есть тот грех!

Устинья Наумовна. То-то же: какую я тебе сударушку подсдобила!

Подхалюзин. Много довольны, Устинья Наумовна, много довольны.

Устинья Наумовна. Еще б не доволен, золотой! Чего ж тебе! Вы теперь, чай, все об нарядах хлопочете. Много еще модного-то напроказила?

Олимпиада Самсоновна. Не так чтобы много Да и то больше оттого, что новые материи вышли.

Устинья Наумовна. Известное дело, жемчужная, нельзя ж комиссару без штанов: хоть худенькие, да голубенькие. А каких же больше настряпала — шерстяных али шелковых?

Олимпиада Самсоновна. Разных — и шерстяных и шелковых; да вот недавно креповое с золотом сшила.

Устинья Наумовна. Сколько ж всего-то-навсегс у тебя, изумрудная?

Олимпиада Самсоновна. А вот считай: подвенечное блондовое на атласном чахле да три бархатных — это будет четыре; два газовых да креповое, шитое золотом, — это семь; три атласных да три грогроновых — это тринадцать; гроденаплевых да гродафриковых семь — это двадцать; три марселиновых, два муслинделиновых, два шинероялевых — много ли это? — три да четыре семь, да двадцать — двадцать семь; крепрашелевых четыре — это тридцать одно. Ну там еще кисейных, буфмуслиновых да ситцевых штук до двадцати; да там блуз да капотов — не то девять, не то десять. Да вот недавно из персидской материи сшила.

Устинья Наумовна. Ишь ты, бог с тобой, сколько нагородила. А ты поди-ко выбери мне какое пошире из гродафриковых.

Олимпиада Самсоновна. Гродафрикового не дам, у самой только три; да оно и не сойдется на твою талию; пожалуй, коли хочешь, возьми крепрашелевое.

Устинья Наумовна. На какого мне жида трепрашельчатое-то: ну, уж видно нечего с тобой делать, помирюсь и на атласном, так и быть.

Олимпиада Самсоновна. Ну и атласные тоже — как-то не того, сшиты по-бальному, открыто очень — понимаешь? А из крепрашелевых сыщем капот, распустим складочки, и будет в самую припорцию.

Устинья Наумовна. Ну, давай трепрашельчатое! Твое взяло, бралиянтовая! Поди отпирай шкап.

Олимпиада Самсоновна. Я сейчас, подожди немножко.

Устинья Наумовна. Подожду, золотая, подожду. Вот еще мне с супругом твоим поговорить надо.

Олимпиада Самсоновна уходит.

Что же это ты, бралиянтовый, никак забыл совсем свое обещание?

Подхалюзин. Как можно забыть-с, помним! *(Вынимает бумажник и дает ей ассигнацию.)*

Устинья Наумовна. Что ж это такое, алмазный?

Подхалюзин. Сто целковых-с!

Устинья Наумовна. Как так сто целковых? Да ты мне полторы тысячи обещал.

Подхалюзин. Что-о-с?

Устинья Наумовна. Ты мне полторы тысячи обещал.

Подхалюзин. Не жирно ли будет, неравно облопаетесь?

Устинья Наумовна. Что ж ты, курицын сын, шутить, что ли, со мной вздумал? Я, брат, и сама дама разухабистая.

Подхалюзин. Да за что вам деньги-то давать? Диви бы за дело за какое!

Устинья Наумовна. За дело ли, за безделье ли, а давай,— ты сам обещал!

Подхалюзин. Мало ли что я обещал! Я обещал с Ивана Великого прыгнуть, коли женюсь на Алимпияде Самсоновне,— так и прыгать?

Устинья Наумовна. Что ж ты думаешь, я на тебя суда не найду? Велика важность, что ты купец второй гильдии, я сама на четырнадцатом классе сижу, какая ни на есть, все-таки чиновница.

Подхалюзин. Да хоть бы генеральша — мне все равно; я вас и знать-то не хочу, — вот и весь разговор.

Устинья Наумовна. Ан врешь — не весь: ты мне еще соболий салоп обещал.

Подхалюзин. Чего-с?

Устинья Наумовна. Соболий салоп! Что ты оглох, что ли?

Подхалюзин. Соболий-с! Хе, хе, хе...

Устинья Наумовна. Да, соболий! Что ты смеешься-то, что горло-то пялишь!

Подхалюзин. Еще рылом не вышли-с в собольих-то салопах ходить!

Олимпиада Самсоновна выносит платье и отдает Устинье Наумовне.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Олимпиада Самсоновна.

Устинья Наумовна. Что ж это вы в самом деле— ограбить меня, что ли, хотите?

Подхалюзин. Что за грабеж, а ступайте с богом, вот и все тут.

Устинья Наумовна. Уж ты гнать меня стал; да и я-то, дура бестолковая, связалась с вами,— сейчас видно: мещанская-то кровь!

Подхалюзин. Так-с! Скажите пожалуйста!

Устинья Наумовна. А коли так, я и смотреть на вас не хочу! Ни за какие сокровища и водиться-то с вами не соглашусь! Кругом обегу тридцать верст, а мимо вас не пойду! Скорей зажмурюсь да на лошадь наткнусь, чем стану глядеть на ваше логовище! Плюнуть захочется, и то в эту улицу не заверну! Лопнуть на десять частей, коли лгу! Провалиться в тартарары, коли меня здесь увидите!

Подхалюзин. Да вы, тетенька, легонько: а то мы и за квартальным пошлем.

Устинья Наумовна. Уж я вас, золотые, распечатаю: будете знать! Я вас так по Москве-то расславлю, что стыдно будет в люди глаза показать!.. Ах я, дура, дура, с кем связалась! Даме-то с званием-чином... Тьфу! Тьфу! Тьфу! *(Уходит.)*

Подхалюзин. Ишь ты, расходилась дворянская-то кровь! Ах ты, господи! Туда же чиновница! Вот пословица-то говорится: гром-то гремит не из тучи, а из навозной кучи! Ах ты, господи! Вот и смотри на нее, дама какая!

Олимпиада Самсоновна. Охота вам была, Лазарь Елизарыч, с ней связываться!

Подхалюзин. Да помилуйте, совсем несообразная женщина!

О л и м п и а д а   С а м с о н о в н а *(глядит в окно).* Никак тятеньку из ямы выпустили — посмотрите, Лазарь Елизарыч!

П о д х а л ю з и н. Ну, нет-с: из ямы-то тятеньку не скоро выпустят; а надо полагать, его в конкурс выписывали, так отпросился домой... Маменька-с! Аграфена Кондратьевна! Тятенька идет-с!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Б о л ь ш о в и А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а.

А г р а ф е н а   К о н д р а т ь е в н а. Где он? Где он? Родные вы мои, голубчики вы мои!

Целуются.

П о д х а л ю з и н. Тятенька, здравствуйте, наше почтение!

А г р а ф е н а   К о н д р а т ь е в н а. Голубчик ты мой, Самсон Силыч, золотой ты мой! Оставил ты меня сиротой на старости лет!

Б о л ь ш о в. Полно, жена, перестань!

О л и м п и а д а   С а м с о н о в н а. Что это вы, маменька, точно по покойнике плачете! Не бог знает что случилось.

Б о л ь ш о в. Оно точно, дочка, не бог знает что, а все-таки отец твой в яме сидит.

О л и м п и а д а   С а м с о н о в н а. Что ж, тятенька, сидят и лучше нас с вами.

Б о л ь ш о в. Сидят-то сидят, да каково сидеть-то! Каково по улице-то идти с солдатом! Ох, дочка! Ведь меня сорок лет в городе-то все знают, сорок лет все в пояс кланялись, а теперь мальчишки пальцами показывают.

А г р а ф е н а   К о н д р а т ь е в н а. И лица-то нет на тебе, голубчик ты мой! Словно ты с того света выходец!

П о д х а л ю з и н. Э, тятенька, бог милостив! Все перемелется — мука будет. Что же, тятенька, кредиторы-то говорят?

Б о л ь ш о в. Да что: на сделку согласны. Что, говорят, тянуть-то,— еще возьмешь ли, нет ли, а ты что-нибудь чистыми дай, да и бог с тобой.

Подхалюзин. Отчего же не дать-с! На́дать дать-с! А много ли, тятенька, просят?

Большов. Просят-то двадцать пять копеек.

Подхалюзин. Это, тятенька, много-с!

Большов. И сам, брат, знаю, что много, да что ж делать-то? Меньше не берут.

Подхалюзин. Как бы десять копеек, так бы ладно-с. Семь с половиною на удовлетворение, а две с половиною на конкурсные расходы.

Большов. Я так-то говорил, да и слышать не хотят.

Подхалюзин. Зазнались больно! А не хотят они осемь копеек в пять лет?

Большов. Что ж, Лазарь, придется и двадцать пять дать, ведь мы сами прежде так предлагали.

Подхалюзин. Да как же, тятенька-с! Ведь вы тогда сами изволили говорить-с, больше десяти копеек не давать-с. Вы сами рассудите: по двадцати пяти копеек денег много. Вам, тятенька, закусить чего не угодно ли-с? Маменька! Прикажите водочки подать да велите самоварчик поставить, уж и мы, для компании, выпьем-с. — А двадцать пять копеек много-с!

Аграфена Кондратьевна. Сейчас, батюшка, сейчас! *(Уходит.)*

Большов. Да что ты мне толкуешь-то: я и сам знаю, что много, да как же быть-то? Потомят года полтора в яме-то, да каждую неделю будут с солдатом по улицам водить, а еще, того гляди, в острог переместят: так рад будешь и полтину дать. От одного страма-то не знаешь, куда спрятаться.

Аграфена Кондратьевна с водкой; Тишка вносит закуску и уходит.

Аграфена Кондратьевна. Голубчик ты мой! Кушай, батюшко, кушай! Чай, тебя там голодом изморили!

Подхалюзин. Кушайте, тятенька! Не взыщите, чем бог послал!

Большов. Спасибо, Лазарь! Спасибо! *(Пьет.)* Пей-ко сам.

Подхалюзин. За ваше здоровье! *(Пьет.)* Маменька! Не угодно ли-с? Сделайте одолжение!

Аграфена Кондратьевна. А, батюшко, до

того ли мне теперь! Эдакое божеское попущение! Ах ты, господи боже мой! Ах ты, голубчик ты мой!

Подхалюзин. Э, маменька, бог милостив, как-нибудь отделаемся! Не вдруг-с!

Аграфена Кондратьевна. Дай-то господи! А то уж и я-то, на него глядя, вся измаялась.

Большов. Ну, как же, Лазарь?

Подхалюзин. Десять копеечек, извольте, дам-с, как говорили.

Большов. А пятнадцать-то где же я возьму? Не из рогожи ж мне их шить.

Подхалюзин. Я, тятенька, не могу-с! Видит бог, не могу-с!

Большов. Что ты, Лазарь, что ты! Да куда ж ты деньги-то дел?

Подхалюзин. Да вы извольте рассудить: я вот торговлей завожусь, домишко отделал. Да выкушайте чего-нибудь, тятенька! Вот хоть мадерцы, что ли-с! Маменька! Попотчуйте тятеньку.

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшко, Самсон Силыч! Кушай! Я тебе, батюшко, пуншик налью!

Большов *(пьет)*. Выручайте, детушки, выручайте!

Подхалюзин. Вот вы, тятенька, изволите говорить, куда я деньги дел? Как же-с? Рассудите сами: торговать начинаем, известное дело, без капитала нельзя-с, взяться нечем; вот домик купил, заведеньице всякое домашнее завели, лошадок, то, другое. Сами извольте рассудить! Об детях подумать надо.

Олимпиада Самсоновна. Что ж, тятенька, нельзя же нам самим ни при чем остаться. Ведь мы не мещане какие-нибудь.

Подхалюзин. Вы, тятенька, извольте рассудить: нынче без капитала нельзя-с, без капитала-то немного наторгуешь.

Олимпиада Самсоновна. Я у вас, тятенька, до двадцати лет жила — свету не видала. Что ж, мне прикажете отдать вам деньги, да самой опять в ситцевых платьях ходить?

Большов. Что вы! Что вы! Опомнитесь! Ведь я у вас не милостыню прошу, а свое же добро. Люди ли вы?..

Олимпиада Самсоновна. Известное дело, тятенька, люди, а не звери же.

Большов. Лазарь! Да ты вспомни то, ведь я тебе все

отдал, все дочиста; вот что себе оставил, видишь! Ведь я тебя мальчишкой в дом взял, подлец ты бесчувственный! Поил, кормил вместо отца родного, в люди вывел. А видел ли я от тебя благодарность какую? Видел ли? Вспомни то, Лазарь, сколько раз я замечал, что ты на́ руку не чист! Что ж? Я ведь не прогнал тебя, как скота какого, не ославил на весь город. Я тебя сделал главным приказчиком, тебе я все свое состояние отдал, да тебе же, Лазарь, я отдал и дочь-то своими руками. А не случись со мною этого попущения, ты бы на нее и глядеть-то не смел.

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, я все это очень хорошо чувствую-с!

Большов. Чувствуешь ты! Ты бы должен все отдать, как я, в одной рубашке остаться, только бы своего благодетеля выручить. Да не прошу я этого, не надо мне; ты заплати за меня только, что теперь следует.

Подхалюзин. Отчего бы не заплатить-с, да просят цену, которую совсем несообразную.

Большов. Да разве я прошу! Я из-за каждой вашей копейки просил, просил, в ноги кланялся, да что же мне делать, когда не хотят уступить ничего?

Олимпиада Самсоновна. Мы, тятенька, сказали вам, что больше десяти копеек дать не можем,— и толковать об этом нечего.

Большов. Уж ты скажи, дочка: ступай, мол, ты, старый черт, в яму! Да, в яму! В острог его, старого дурака. И за дело! Не гонись за большим, будь доволен тем, что есть. А за большим погонишься, и последнее отнимут, оберут тебя дочиста. И придется тебе бежать на Каменный мост да бросаться в Москву-реку. Да и оттедова тебя за язык вытянут да в острог посадят.

Все молчат. Большов пьет.

А вы подумайте, каково мне теперь в яму-то идти. Что ж мне, зажмуриться, что ли? Мне Ильинка-то теперь за сто верст покажется. Вы подумайте только, каково по Ильинке-то идти. Это все равно, что грешную душу дьяволы, прости господи, по мытарствам тащат. А там мимо Иверской, как мне взглянуть-то на нее, на матушку?.. Знаешь, Лазарь, Иуда — ведь он тоже Христа за деньги продал, как мы совесть за деньги продаем... А что ему за это было?.. А там

Присутственные места, Уголовная палата... Ведь я злостный — умышленный... ведь меня в Сибирь сошлют. Господи!.. Коли так не дадите денег, дайте Христа ради! *(Плачет.)*

Подхалюзин. Что вы, что вы, тятенька? Полноте! Бог милостив! Что это вы? Поправим как-нибудь. Все в наших руках!

Большов. Денег надо, Лазарь, денег. Больше нечем поправить. Либо денег, либо в Сибирь.

Подхалюзин. И денег дадим-с, только бы отвязались! Я, так и быть, еще пять копеечек прибавлю.

Большов. Эки года! Есть ли в вас христианство? Двадцать пять копеек надо, Лазарь!

Подхалюзин. Нет, это, тятенька, много-с, ей-богу, много!

Большов. Змеи вы подколодные! *(Опускается головой на стол.)*

Аграфена Кондратьевна. Варвар ты, варвар! Разбойник ты эдакой! Нет тебе моего благословения! Иссохнешь ведь и с деньгами-то, иссохнешь, не доживя веку. Разбойник ты, эдакой разбойник!

Подхалюзин. Полноте, маменька, бога-то гневить! Что это вы клянете нас, не разобрамши дела-то! Вы видите, тятенька захмелел маненько, а вы уж и на́-поди.

Олимпиада Самсоновна. Уж вы, маменька, молчали бы лучше! А то вы рады проклять в треисподнюю. Знаю я: вас на это станет. За то вам, должно быть, и других детей-то бог не дал.

Аграфена Кондратьевна. Сама ты молчи, беспутная! И одну-то тебя бог в наказание послал.

Олимпиада Самсоновна. У вас все беспутные — вы одни хороши. На себя-то посмотрели бы: только что понедельничаете, а то дня не пройдет, чтоб не облаять кого-нибудь.

Аграфена Кондратьевна. Ишь ты! Ишь ты! Ах, ах, ах!.. Да я прокляну тебя на всех соборах!

Олимпиада Самсоновна. Проклинайте, пожалуй!

Аграфена Кондратьевна. Да! Вот как! Умрешь, не сгниешь! Да!..

Олимпиада Самсоновна. Очень нужно!

Большов *(встает)*. Ну, прощайте, дети.

П о д х а л ю з и н. Что вы, тятенька, посидите! Надобно же как-нибудь дело-то кончить!

Б о л ь ш о в. Да что кончать-то? Уж я вижу, что дело-то кончено. Сама себя раба бьет, коли не чисто жнет! Ты уж не плати за меня ничего: пусть что хотят со мной, то и делают. Прощайте, пора мне!

П о д х а л ю з и н. Прощайте, тятенька! Бог милостив — как-нибудь обойдется!

Б о л ь ш о в. Прощай, жена!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Прощай, батюшко Самсон Силыч! Когда к вам в яму-то пущают?

Б о л ь ш о в. Не знаю!

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Ну, так я наведаюсь: а то умрешь тут, не видамши-то тебя.

Б о л ь ш о в. Прощай, дочка! Прощайте, Алимпияда Самсоновна! Ну, вот вы теперь будете богаты, заживете по-барски. По гуляньям это, по балам — дьявола тешить! А не забудьте вы, Алимпияда Самсоновна, что есть клетки с железными решетками, сидят там бедные-заключенные. Не забудьте нас, бедных-заключенных. *(Уходит с Аграфеной Кондратьевной.)*

П о д х а л ю з и н. Эх, Алимпияда Самсоновна-с! Неловко-с! Жаль тятеньку, ей-богу, жаль-с! Нешто поехать самому поторговаться с кредиторами! Аль не надо-с? Он-то сам лучше их разжалобит. А? Аль ехать? Поеду-с! Тишка!

О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Как хотите, так и делайте — ваше дело.

П о д х а л ю з и н. Тишка!

Входит.

Подай старый сертук, которого хуже нет.

Т и ш к а уходит.

А то подумают: богат, должно быть, в те поры и не сговоришь.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, Р и с п о л о ж е н с к и й и А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Вы, матушка, Аграфена Кондратьевна, огурчиков еще не изволили солить?

А г р а ф е н а К о н д р а т ь е в н а. Нет, батюшко! Ка-

кие теперь огурчики! До того ли уж мне! А вы посолили?

Рисположенский. Как же, матушка, посолили. Дороги нынче очень; говорят, морозом хватило. Лазарь Елизарыч, батюшка, здравствуйте! Это водочка? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью.

Аграфена Кондратьевна уходит с Олимпиадой Самсоновной.

Подхалюзин. А за чем это вы к нам пожаловали, не слыхать ли?

Рисположенский. Хе, хе, хе!.. Какой вы шутник, Лазарь Елизарыч! Известное дело, за чем!

Подхалюзин. А за чем бы это, желательно знать-с?

Рисположенский. За деньгами, Лазарь Елизарыч, за деньгами! Кто за чем, а я все за деньгами!

Подхалюзин. Да уж вы за деньгами-то больно часто ходите.

Рисположенский. Да как же не ходить-то, Лазарь Елизарыч, когда вы по пяти целковых даете. Ведь у меня семейство.

Подхалюзин. Что ж, вам не по сту же давать.

Рисположенский. А уж отдали бы зараз, так я бы к вам и не ходил.

Подхалюзин. То-то вы ни уха, ни рыла не смыслите, а еще хапанцы берете. За что вам давать-то?

Рисположенский. Как за что? — Сами обещали!

Подхалюзин. Сами обещали! Ведь давали тебе — попользовался, ну и будет, пора честь знать.

Рисположенский. Как пора честь знать? Да вы мне еще тысячи полторы должны.

Подхалюзин. Должны! Тоже должны! Словно у него документ! А за что — за мошенничество!

Рисположенский. Как за мошенничество? За труды, а не за мошенничество!

Подхалюзин. За труды!

Рисположенский. Ну, да там за что бы то ни было, а давайте деньги, а то документ.

Подхалюзин. Чего-с? Документ! Нет, уж это после придите.

Рисположенский. Так что ж, ты меня грабить, что ли, хочешь с малыми детьми?

Подхалюзин. Что за грабеж! А вот возьми еще пять целковых, да и ступай с богом.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Нет, погоди! Ты от меня этим не отделаешься!

Т и ш к а входит.

П о д х а л ю з и н. А что же ты со мной сделаешь?

Р и с п о л о ж е н с к и й. Язык-то у меня некупленый.

П о д х а л ю з и н. Что ж ты, лизать, что ли, меня хочешь?

Р и с п о л о ж е н с к и й. Нет, не лизать, а добрым людям рассказывать.

П о д х а л ю з и н. Об чем рассказывать-то, купоросная душа! Да кто тебе поверит-то еще?

Р и с п о л о ж е н с к и й. Кто поверит?

П о д х а л ю з и н. Да! Кто поверит? Погляди-тко ты на себя.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Кто поверит? Кто поверит? А вот увидишь! А вот увидишь! Батюшки мои, да что ж мне делать-то? Смерть моя! Грабит меня, разбойник, грабит! Нет, ты погоди! Ты увидишь! Грабить не приказано!

П о д х а л ю з и н. Да что увидать-то?

Р и с п о л о ж е н с к и й. А вот что увидишь! Постой еще, постой, постой! Ты думаешь, я на тебя суда не найду? Погоди!

П о д х а л ю з и н. Погоди да погоди! Уж я и так ждал довольно. Ты полно пужать-то: не страшно.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Ты думаешь, мне никто не поверит? Не поверит? Ну, пускай обижают! Я... я вот что сделаю: почтеннейшая публика!

П о д х а л ю з и н. Что ты! Что ты! Очнись!

Т и ш к а. Ишь ты, с пьяных-то глаз куда лезет!

Р и с п о л о ж е н с к и й. Постой, постой!.. Почтеннейшая публика! Жена, четверо детей — вот сапоги худые!..

П о д х а л ю з и н. Все врет-с! Самый пустой человек-с! Полно ты, полно... Ты прежде на себя-то посмотри, ну куда ты лезешь!

Р и с п о л о ж е н с к и й. Пусти! Тестя обокрал! И меня грабит... Жена, четверо детей, сапоги худые!

Т и ш к а. Подметки подкинуть можно!

Р и с п о л о ж е н с к и й. Ты что? Ты такой же грабитель!

Т и ш к а. Ничего-с, проехали!

П о д х а л ю з и н. Ах! Ну что ты мораль-то эдакую пущаешь!

Р и с п о л о ж е н с к и й. Нет, ты погоди! Я тебе припомню! Я тебя в Сибирь упеку!

П о д х а л ю з и н. Не верьте, все врет-с! Так-с, самый пустой человек-с, внимания не стоящий! Эх, братец, какой ты безобразный! Ну, не знал я тебя — ни за какие бы благополучия и связываться не стал.

Р и с п о л о ж е н с к и й. Что, взял, а! Что, взял! Вот тебе, собака! Ну, теперь подавись моими деньгами, черт с тобой! *(Уходит.)*

П о д х а л ю з и н. Какой горячий-с! *(К публике.)* Вы ему не верьте, это он, что говорил-с,— это все врет. Ничего этого и не было. Это ему, должно быть, во сне приснилось. А вот мы магазинчик открываем: милости просим! Малого робенка пришлете — в луковице не обочтем.

Сцены

УТРО МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

ЛИЦА:

НЕДОПЕКИН СЕМЕН ПАРАМОНЫЧ.

ЛИСАВСКИЙ СИДОР ДМИТРИЧ.

1-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.

2-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.

СМУРОВ
купец, дядя Недопекина.

ВАСЯ
племянник Смурова, двоюродный брат Недопекина.

СИДОРЫЧ
приказчик тетки Недопекина.

ИВАН
лакей.

ГРИШКА
мальчик.

Богато меблированная комната. На задней стене дверь в переднюю, на левой — в кабинет; направо от зрителей турецкий диван и всякого рода мягкая мебель; с левой стороны — письменный стол с богатыми принадлежностями; ближе к зрителям трюмо; окна роскошно драпированы; на стенах эстампы.

I

Иван и Сидорыч сидят на креслах. Гришка стоит.

Иван. Да посиди, куда ты?

Сидорыч. Пора-с, еще надо кое-куда зайти.

Иван. Еще успеешь. Да тебе на что Семена-то Парамоныча?

Сидорыч. Да тетенька их завтрашнего числа к себе на вечер просят.

Иван. Ну, так не поедет, и дожидаться тебе нечего.

Сидорыч. Отчего ж не поедут-с?

Иван. Нечего ему делать у вас, вот тебе и все. Ваши-то ведь как есть русаки. Ведь вы по будням-то из одной чашки едите, в восьмом часу спать ложитесь. Только в именины да по праздникам и раскошеливаетесь. А мы, видишь, как живем? Смотри! *(Показывает кругом.)* То-то вот оно и есть! Так-то, братец ты мой! Да теперь будем говорить насчет компании: какая у вас компания? Ни обращения никакого, ни политики. Нам, брат, у вас нечего делать. Вот он меня за что уважает? Потому я все эти порядки знаю. Я, брат, служил все у хороших людей; у генерала Симевича два года служил, у советника служил. Так уж мне пора знать. Уж он так меня и спрашивает: «Что, говорит, Иван, это как у генерала?» Вот, говорю, так и так; «а это как?» а это вот так, мол. «Хорошо», говорит.

Сидорыч. А скоро они встанут?

Иван. А ты вот смотри на часы. У нас уж тенп извест-

ный. Уж поневолится, а проспит до второго часу. Я еще такого и не видывал, чтобы кто так моде подражал. Вот теперь встает во втором часу; а скажи ему, что господа встают с петухами вместе, ведь и он тоже с петухами станет вставать.

Сидорыч. Тои наблюдают-с.

Иван. Уж как наблюдает-то, просто смех смотреть на него. Увидит где на гулянье или в театре, как кто одет, как кто ходит, сейчас и перенимает; вот здесь и учится перед зеркалом. Ей-богу! А все-таки, брат, у нас чего нет, все это на барскую ногу. Видишь, как мы живем! А вы что! Вам хоть горы золотые давай: уж это все одно; заведение такое, самое необразованное. А мы, видишь, как живем! Вот, хочешь книжку почитать?

Сидорыч. Коли можно, так дайте какую-нибудь позанятнее.

Иван. Уж что тут толковать!

Сидорыч. Да не спросили бы неравно.

Иван. Ах ты, какой человек! Говорят: бери, так бери. Вот тебе. *(Дает книгу.)* У нас, брат, все есть: всякие книги, журналы, ноты всякие; вот, видишь *(показывает ему)*. Мы, брат, по-барски живем. Вот, хочешь цыгар?

Сидорыч. Пожалуйте парочку.

Иван. Что парочку! бери десяток. У нас, брат, хорошие цыгары: пятьдесят рублей сотня.

Сидорыч. Ну, как узнают! Забранятся, пожалуй.

Иван. Что толковать! уж ты бери, коли дают. Приходи в другой раз: еще дам; у нас этого добра не переводится.

Сидорыч. Затем прощайте-с. Неколи мне ждать-то. Я уж завтра зайду-с.

Иван. А нам, брат, не рука по вашим вечеринкам ездить!

Сидорыч уходит. Гришка за ним. Иван садится на кресло и берет газету. Гришка возвращается.

А я тебе, Гришка, один раз навсегда говорю: коли хочешь ты быть человеком, ты старших слушай, да не огрызайся; ты со старших пример бери.

Гришка. Да, со старших! А ты зачем бариновы цыгарки раздаешь?

Иван. Не тебя ли еще спрашиваться! А ты платье вычистил?

Гришка. Да когда чистить-то?

Иван. А что ж ты целое утро делал-то?

Гришка. Небось, ничего не делал.

Иван. Ну, смотри!

Гришка. Да что смотреть! Я, небось, ходил. А сам что делал? Все утро «Пчелу» читал!

Иван. Так вот я и стану тебе платье чистить! *(Передразнивает его.)* «Пчелу» читал! Я, брат, свое дело знаю!

Звонят.

Отопри, пошел! *(Встает со стула.)*

II

Лисавский *(входит, свищет)*. Сенечка дома?

Иван. Семен Парамоныч?

Лисавский. Ну да!

Иван. Да вы не очень кричите: почивает-с.

Лисавский. Ну, я подожду. *(Садится на кресло, разбирает книги.)* А где «Библиотека для чтения»?

Иван. А я почем знаю? чай, сами же взяли.

Лисавский. Что ты врешь!

Иван. Что мне врать-то? Вы, Сидор Митрич, книжки-то, которые взяли, принесите.

Лисавский. Ну, уж это не твое дело.

Иван. Конечно, не мое. А неравно спросят, я должен отвечать-то.

Лисавский. Дай огню. *(Берет сигару, а две кладет в карман.)*

Иван. Гришка, подай огню. Вот вы, Сидор Митрич, всегда у барина цыгары берете, а он спрашивает. Отчего, говорит, Иван, скоро цыгары выходят; ты, говорит, смотри, чтоб не таскали.

Лисавский. Пошел, братец; ты мне надоел уж. Ну, скажи, что я беру.

Иван. То-то скажи! А оно нехорошо; с нашего брата спрашивают. *(Уходит.)*

Лисавский *(молча читает какой-то журнал)*. Что такое? Статья о театре! Посмотрим, посмотрим. *(Читает.)* «Где найдешь не знаешь, потеряешь не ожидаешь, или не берись за гуж, если не дюж. Шутка в одном действии, а если бы не дверь на улицу, так была бы не шутка, а серьезное дело, водевиль Лисавского».

(Читает про себя.) Нет, это выше сил! Это ни на что не похоже! «Ни малейшего таланта!» Ах он мерзавец! Желал бы я знать, кто это написал? Кто бы? *(Думает.)* Нет, не он: где ему! Разве вот этот? Да уж, кроме его, некому. Он думает, может быть, что я не узнаю. Нет, погоди, голубчик; ведь уж этого не скроешь. Это черт знает что такое! «Ни малейшего таланта». Только бы мне узнать, уж я доеду. Да это он; нечего и толковать, по глазам видно, что мерзавец! Однако это неприятно; вдруг тебя ругают публично. И кто! Андронову до сих пор пятнадцать целковых должен; да и у меня, кажется, просил. Да! просил, просил! Это я помню! *(Смотрит на рукав.)* Ну, одно за другим: там какая-то скотина ругается, тут фрак протерся! *(С отчаянием махнувши рукой.)* Это со мной только с одним и может случиться. Гонит судьба, преследует. *(Сидит несколько времени задумавшись.)* Кажется, у Сенечки лишний есть?.. Иван!

Иван *(входит)*. Что угодно?

Лисавский. Что, Сенечка зеленый фрак не носит?

Иван. Не носит.

Лисавский. Ну, так ты, Ваня, завяжи его в платок.

Иван. Уж это я без приказания не могу-с.

Лисавский. Ну, так прикажут.

Иван. А тогда дело другого рода, хоть два завяжем. А без приказания не могу. Вот вы бекешку-то взяли один раз надеть, да и заносили совсем. Этак всякому раздавать, так не напасешься. Мне что за дело: не мое, а барское. Наше дело, известно, лакейское, а и то совесть знаешь.

Лисавский. Ведь вот, Ваня, ты и обижаешь меня, а я ведь тебя люблю.

Иван. Ваша любовь-то известно какая: из нее шубу не сошьешь. Вы у барина и то, и се берете, а я еще от вас гривенника не видал. Хоть бы когда в глаза плюнули. Только кричите: подай то, подай другое. Я и у хороших людей жил, да этакого обращения не видал. Известно, уж благородного человека сейчас видно.

Лисавский. Да нельзя же мне при людях к тебе на шею кидаться. А наедине я с тобой всегда по-дружески. Ей-богу, Ваня, по-дружески. Да чем мне гордиться-то перед тобой? Чем ты хуже меня? Ты свое дело знаешь, ты честен. Честность ведь, Ваня, вели-

кое дело. Я больше за честность и люблю тебя. Я всякому готов быть другом, только будь честен.

Иван. Какое же в этом дружество может заключаться? Сказано — лакей. Какая от этого может честность произойти!

Гришка *(входит)*. Приехал кто-то.

Иван. Проси.

Лисавский. Разбуди поди.

Иван. Разбуди! не велит будить-то.

Лисавский. Ну, так я сам пойду. *(Уходит.)*

III

Входят двое молодых людей: 1-й входит в комнату, а 2-й остается в дверях.

2-й молодой человек. Нет, нет!

1-й молодой человек. Да полно, братец, что за вздор!

2-й молодой человек. Ни за что на свете!

1-й молодой человек. Помилуй, ты его не знаешь: он отличный малый.

2-й молодой человек. Я с ним незнаком. Да и с какой стати я явлюсь к нему вдруг знакомиться. Что он за птица!

1-й молодой человек. Какое тебе дело! В нынешний век на это надо смотреть с философской точки зрения; хорошо кормит, вино хорошее — чего ж тебе еще. Очень нужно тебе его образование и манеры. Нет, ты останься; посмотри, как он рад будет с тобой познакомиться.

2-й молодой человек. Ведь мы ему делаем честь своим знакомством, а не он нам, значит — неприлично мне к нему являться первому. Он может подумать, что я нарочно для того набиваюсь на знакомство, чтобы обедать на его счет.

1-й молодой человек. А тебе-то что за дело, что он подумает.

2-й молодой человек. Не пойду, воля твоя, не пойду.

1-й молодой человек. Ты то возьми: у него денег можно занять.

2-й молодой человек. Да я все это понимаю! Что ты мне еще рассказываешь! Да все-таки, как-то тяжело. Ты подумай, какую мы будем роль играть.

1-й молодой человек. Никакой роли! Поедим, выпьем, и все тут.

2-й молодой человек. Нет. Прощай.

1-й молодой человек. Ну, так ты вот что: отправляйся к Шевалье и жди, а я его привезу туда. Там и познакомитесь; он нас обедом угостит.

2-й молодой человек. Ну, вот это другое дело, а то все как-то неловко. Прощай! *(Уходит.)*

Лисавский *(выходя из кабинета)*. А! Здравствуйте!

1-й молодой человек. Что он, проснулся?

Лисавский. Одевается.

1-й молодой человек. Послушайте, господин Лисавский, это вы ему писали письмо в стихах к одной особе? Мне его показывали.

Лисавский. Конечно я, где ж ему-с.

1-й молодой человек. Я так и думал. Очень хорошо написано, очень хорошо.

Лисавский. А вы видели мой водевиль: «Один жених за троих, или то же да не то»?

1-й молодой человек. Нет, не видал. А что же?

Лисавский. Там у меня есть куплетец:

Хоть он в рядах торгует плохо,
А лезет в кресла в первый ряд.

1-й молодой человек. А, понимаю. Очень хорошо написано и, главное дело, очень похоже.

IV

Недопекин входит и махает Лисавскому; тот уходит.

1-й молодой человек. Bonjour, m-r Недопекин!

Недопекин. Извините, я вас заставил дожидаться. Я вчера поздно приехал. А впрочем, я всегда так встаю — в половине первого. *(Вынимает часы.)* Вот, ровно половина первого. Я читаю долго по вечерам.

1-й молодой человек. Вы читаете?

Недопекин. Читаю. Знаете, нельзя-с.

1-й молодой человек. Что же вы читаете?

Недопекин. Журналы, ученые сочинения. Я все почти журналы выписываю.

1-й молодой человек. Русские?

Недопекин. Русские.

1-й молодой человек. Полноте, что вы! *(Смеется.)* Да что там читать-то? Переводные французские романы?

Недопекин. Да-с, французские романы.

1-й молодой человек. Так уж лучше их в подлиннике прочесть.

Недопекин. Да-с, это несравненно лучше-с.

1-й молодой человек. А вы сами ничего не пишете?

Недопекин. Я думаю что-нибудь написать. Я стихи пишу-с. Я петь хочу учиться; только не знаю, где взять учителя, чтобы самого лучшего. Не знаете ли вы?

1-й молодой человек. Самых лучших нет здесь. А вот если вы хотите, я вас познакомлю с одним литератором — умнейший малый.

Недопекин. Ах, сделайте одолжение!

1-й молодой человек. Вы приходите нынче обедать к Шевалье, я вас отрекомендую.

Недопекин. Непременно буду-с.

1-й молодой человек. Так прощайте, до свидания! *(Уходит.)*

Недопекин. Прощайте-с. Я непременно, непременно буду-с.

V

Лисавский *(из двери)*. Что, ушел?

Недопекин. Ушел. Послушай, скоро ли ты меня по-французски-то выучишь?

Лисавский. Да зачем тебе так скоро понадобилось?

Недопекин. Как зачем? читать французские книги. Не русские же читать! Ха-ха-ха! Кто же русские читает! Нет, брат, нас не обманешь.

Ходят обнявшись.

Лисавский. Послушай, Сенечка! А ведь ты хорош, ей-богу, хорош. Ведь ты себе цены не знаешь. Погляди-ка ты на себя. Ведь это идеал мужчины! Аполлон, Аполлон, просто Аполлон!

Недопекин стоит перед зеркалом и улыбается.

Знаешь ли что, Сеня?

Недопекин. А что?

Лисавский. Ты красавец, решительно красавец; только позволь, друг, тебе правду сказать.

Недопекин. Говори.

Лисавский. Только ты, Сеня, не сердись! Ты одеваться не умеешь. Имей-ка я твое состояние, так я бы, знаешь ли, как одевался.

Недопекин. А как?

Лисавский. Убил бы всех, да и все тут. Ну, вот теперь ты порядочно одет, можно сказать, безукоризненно. А иногда надеваешь черт знает что! Зеленые фраки носишь, просто гадость.

Недопекин. Да с чего же ты взял? я уж зеленого давно не ношу.

Лисавский. Как не носишь, да недавно надевал.

Недопекин. Когда надевал? Что ты врешь-то! Стану я зеленый фрак носить!

Лисавский. Толкуй, толкуй! А зачем же ты его сшил?

Недопекин. Так, сшил, да и все тут. Что ж не сшить! Денег, что ли, у меня нет?

Лисавский. Счастливец ты, Сеня: богат, как черт!.. хорош!.. Я, брат, все любуюсь на тебя! Ведь угораздило же тебя таким красавцем родиться! Каково, я думаю, на тебя смотреть женщинам. Ведь это, брат, смерть, ей-богу, смерть! Только ты уж, Сеня, не дурачься: зеленых фраков не носи.

Недопекин. Говорят тебе, не ношу.

Лисавский. Ох, Сеня, боюсь, осрамишь ты мою головушку.

Недопекин. Да ей-богу, не надену.

Лисавский. А вот взять его у тебя, так короче дело-то будет.

Недопекин. Да возьми, пожалуй! Ты думаешь, одеваться не умею? Да я захочу, так у меня завтра сто фраков будет. Я, брат, знаю, как одеваться, ты меня не учи, сделай милость. А то важность мне зеленый фрак! *(Ходит перед зеркалом.)*

Лисавский. Ты, Сеня, не сердись: я любя, ей-богу, любя. Иван!

Входит Иван.

Завяжи в платок зеленый фрак.

Иван уходит.

Л и с а в с к и й. А что мы, Сеня, с тобой завтракать будем?

Н е д о п е к и н. Да мне что-то не хочется.

Л и с а в с к и й. Как это ты, Сеня, говоришь: не хочется. Дивлюсь я на тебя. Да веди ты, братец, правильную жизнь. Положи ты себе за правило: завтракать в час, обедать в четыре. Все порядочные люди так делают.

Н е д о п е к и н. Разве все в час завтракают?

Л и с а в с к и й. Да разумеется, что все; а то как же?

Н е д о п е к и н. Что ж, давай закусим что-нибудь.

Л и с а в с к и й. Да не что-нибудь, а надобно выбрать полегче, поизящнее. Вот, например: спаржу, из дичи что-нибудь, лафиту хорошего.

Н е д о п е к и н. Ну, уж это мы с завтрашнего дня заведем, а теперь так что-нибудь; уж один день не в счет; ведь мне еще нынче обедать у Шевалье. Иван!

Входит И в а н.

Принеси нам позавтракать, да вина дай получше.

И в а н уходит.

С каким, братец, я там писателем нынче познакомлюсь, не тебе чета. Вот ты и знай наших!

Л и с а в с к и й. Сеня, возьми меня!

Н е д о п е к и н. А тебе что там делать? Это, брат, не твое общество.

Л и с а в с к и й. А ты думаешь, твое? Они же над тобой после смеются, а я бы тебя, по крайней мере, поддерживал.

Н е д о п е к и н. Толкуй, толкуй!

И в а н приносит завтрак. Садятся.

Л и с а в с к и й. Ведь мне все равно, как хочешь, так и делай; я тебе по дружбе говорю.

Н е д о п е к и н *(показывая ему бутылку)*. Погляди-ка! А! Какова штука-то! Ты посмотри, чего стоит-то! Ты, я думаю, сроду не пивал. Только этого уж я тебе не дам.

Л и с а в с к и й. Полно дурачиться-то, наливай!

Н е д о п е к и н. Нет уж, не дам.

Л и с а в с к и й. Вот уж не люблю.

Н е д о п е к и н. Нет, жирно будет вас этаким вином поить. Ата́нде-с!

Л и с а в с к и й. Что ломаешься-то! Ведь ты вкуса не

знаешь в этом; тебе бы только ярлык дорогой, а там хоть уксусу налей.

Н е д о п е к и н. Рассказывай, рассказывай!

Л и с а в с к и й. Велика важность! Да я и сам не хочу; и просить будешь, так не стану.

Н е д о п е к и н. Да не беспокойся, я и не дам.

Л и с а в с к и й. Да я и завтракать не стану. *(Встает.)* И черт меня дернул связываться-то с тобой!

Н е д о п е к и н. Да ты и не связывайся.

Л и с а в с к и й. А ты думаешь, нужно очень! Вашего брата и по-русски-то говорить порядочно выучишь, а вы уж и зазнаетесь. Без меня-то ты до сих пор говорил бы: оттедова, откуличи, а́хтер.

Н е д о п е к и н. Ты мне деньги-то отдай, которые брал.

Л и с а в с к и й *(садясь к столу)*. Нет, ведь вот, Сеня, что душу-то возмущает — это неблагодарность!

Н е д о п е к и н. Ну, полно, не сердись. *(Наливает ему.)* Я пошутил.

Л и с а в с к и й. Нет, ведь, ей-богу, Сеня, обидно!

Н е д о п е к и н. Что ж, ты принес стихи?

Л и с а в с к и й *(отдает)*. На, возьми. Только ты, пожалуйста, Сеня, будь осторожен в словах. Я знаю, что это шутка; да все-таки не хорошо — дурные замашки: между порядочными людьми этого не бывает. Ты знаешь, я щекотливый человек.

Н е д о п е к и н *(читает)*. Ну уж хорошо, будет толковать-то. Что это, я не разберу.

Л и с а в с к и й *(берет у него и читает)*.

Я видел вас, как вы сидели в ложе,
И, боже мой, как были вы похожи
На пери, на жизель, на этих фей ...

Н е д о п е к и н. Что такое «фей»?

Л и с а в с к и й. Ах, как ты этого не знаешь! Это такие воздушные существа.

Н е д о п е к и н. Хорошо, хорошо, читай!

Л и с а в с к и й *(читает)*.

На пери, на жизель, на этих фей ...
Что грацией и легкостью своей
К себе сердца и взоры привлекают ...

Н е д о п е к и н. Ну, остальное я сам разберу.

Л и с а в с к и й. Кстати, ты нынче будешь в театре?

Недопекин. Как же! Ведь нынче балет! Зайди, возьми мне кресло в первом ряду.

Лисавский. Хорошо. Так ты дай денег.

Недопекин дает.

Ну, прощай!

Недопекин. Прощай!

Лисавский *(возвращаясь)*. Так я уж кстати и себе возьму рядом с тобой, а?

Недопекин. Ну, возьми, черт с тобой! Иван! Давай одеваться!

Входят Иван с платьем и Гришка. Недопекин надевает пальто, шляпу, берет палку и начинает ходить перед зеркалом; Гришка смотрит на него.

Гришка. Вон у Яшки-то у княжеского штаны-то вот тут с пуговками.

Недопекин. Иван, какие там еще пуговки?

Иван. Это так точно; это грума называется.

Недопекин. Ну так ты вели ему сделать.

Иван. Это грума; а то вот вместо кучера во фраке сажают — так это жокей.

Недопекин уходит. Гришка за ним. Иван прибирает со стола, расставляет мебель; потом садится с книгой в кресло. Звонят.

Нет тебе покою ни на минуту! И свой-то с ног собьет, а тут чужие то и дело шляются.

VI

Смуров *(входит; за ним Вася)*. Что, Семен дома?

Иван. Уехали-с.

Смуров. А не знаешь куда?

Иван. Не знаю. Подождите; может, скоро будет.

Смуров. Подождем! Садись, Вася, будем его милости дожидаться.

Иван уходит. Молчание.

Вася. Абрам-то Сидорыч говорит нынче: я, говорит, протестую!

Смуров. Ишь ты, срам какой! А еще-то много должен, не слыхал ты?

Вася. Тысяч на пять серебром наберется.

Смуров. Все по доверенности матери?

Вася. По доверенности.

Смуров. Платежи-то не скоро?

Вася. По одному-то на этой неделе надо платить. Дан был Белорыбицыну; а он Семену Арефьичу передал. Семен-то Арефьич вчера и говорит в трактире: мне, говорит, заплатит, а то я старуху-то и в яму потяну.

Смуров. Да и поделом ей, дуре, коли допустила до этого. Хорошо еще, что я-то хватился, а то он накуралесил бы, что и не расхлебаешь. Ишь ты, как разукрасил сдуру-то! Трюмо завел! (*Смеется.*) Книжки разные! Покажь-ка, Вася, что там за книжки.

Вася (*берет книгу*). Французская, должно быть, либо немецкая.

Смуров. Нешто он по-французски-то знает?

Вася. Где, дяденька, знать! Так, для близиру лежат.

Смуров. Эка дурачина-то! (*Смеется, потом вздыхает.*) Эх, то-то глупо-то! То-то бить-то некому! (*Молчание.*) Чей это мальчонка-то у него?

Вася. Матренин внучек, что у тетеньки-то живет старуха; еще она сродни тетеньке-то.

Смуров. Так, стало быть, он сын Сидорыча-то, что у свата на фабрике?

Вася. Сын. А сестру его, Дашу, помните, тетенька замуж выдавала за лавочника. Еще, помните, Ганька-то кудрявый весь сажей вымазался.

Смуров. Помню, помню. Отец-то славный малый, честный, а мальчишку-то как обезобразили. Ведь вот отец-то его ни в чем не замечен, а сынишка-то что делает. Обругать надо человека — этакую штуку надеть. Конечно, он мальчишка, его как хошь тормоши; да за что же обезьяной-то наряжать! Как его зовут-то?

Вася. Гришуткой.

Смуров. Гришутка, а Гришутка!

Гришка (*входит*). Чего изволите-с?

Смуров. Повернись-ка, повернись! Хорош, брат, нечего сказать!

Вася. Дяденька! Точно он физик какой галанский. На птицу похож.

Смуров. Будешь похож, когда этакий кортекол наденут.

Гришка. Да нынче так носят.

С м у р о в. Да кто носит-то, глупый! Носят! Мало ли что носят! Всех нищих не перещеголяешь! Ну, за что тебя так обругали! Эх, Гриша, Гриша! Нехорошо, братец! Ты чем здесь занимаешься-то?

Г р и ш к а. Ничем не занимаюсь. На посылках, да пыль сотрешь, за столом прислужишь.

С м у р о в. Балуешься ты здесь, я вижу, около моего племянника-то. Тебя одели дураком, а ты и рад. А ты полно паясничать-то, ты уж не маленький, пора и об себе подумать. Чего ты здесь дождешься? Ничего не дождешься, ни лысого беса. А ты бы просился у бабушки-то, чтоб тебя куда в порядочное место отдали, в лавку, что ли, куда; по крайности со временем человек будешь, а то что народ-то смешишь! Я вот бабушке-то поговорю.

Входит И в а н.

Что ж, скоро ли будет-то?

И в а н. Не знаю; может быть и вовсе не приедет. Да вот вы напишите, что вам нужно. *(Подает ему бумагу и перо.)*

С м у р о в. Напишите! А что я стану писать! Ишь ты, разгулялся очень! Какого я ему рожна напишу! Умны вы очень! Напишите! Дурак ты, я вижу, и с барином-то с твоим; а то еще «напишите». Очень мне нужно! Поди-ко-сь, господа какие! Пойдем, Вася.

И в а н. Что же сказать прикажете, коли Семен Парамоныч спросят?

С м у р о в. Скажи ему, что дурак он, вот что!

В а с я. Дяденька, он говорит, что он образованный человек.

С м у р о в. Как же ему не быть образованным! Из трактиров не выходит, по рощам шампанское пьет. *(Ивану.)* Так ты слушай! Ты скажи ему, чтоб он нынче же к матери приехал, что дяденька, мол, нарочно заезжал. Да ты скажи ему, что я сам старухе-то скажу, чтобы она доверенность-то уничтожила, да в газетах публикуем, что долгов за него не платим, тогда и живи, как он хочет: уж я ему ни слова не скажу. Мы ему хвост-то прижмем.

Уходят.

Драматический этюд

НЕОЖИДАННЫЙ СЛУЧАЙ

ЛИЦА:

СЕРГЕЙ АНДРЕИЧ РОЗОВЫЙ
неслужащий помещик лет 27.

ПАВЕЛ ГАВРИЛЫЧ ДРУЖНИН
чиновник, товарищ Розового по учебному заведению.

СОФЬЯ АНТОНОВНА
вдова лет 30.

МАША
горничная Софьи Антоновны.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Кабинет холостого человека.

I

Розовый лежит на диване.

Розовый *(один)*. Однако это черт знает как глупо! Даже совестно!.. Ведь вот один сидишь, а тебя в краску бросает. А еще считаешь себя порядочным человеком, про других говоришь: тот не так себя ведет, другой смешон. А что может быть хуже моего-то поведения? Совершенная гадость! Ну на что это похоже, что не могу я видеть женщины равнодушно: как только подойду, так теряю и рассудок и всякое соображение, говоришь и делаешь такие вещи, что после как будто тебе все это во сне снилось. Ну с чего я так разнежился вчера, например. Сначала-то как и путный, заговорил с ней о погоде, о литературе, а там и пошел, и пошел: «и какое блаженство быть любимым такой женщиной, как вы, Софья Антоновна! Да я не смею и мечтать о таком счастье...» Положим, что и другие то же говорят, да у них это как-то на шутку похоже; а ведь я чуть не со слезами. Ах ты, гадость какая! Да и Софья-то Антоновна хороша тоже!.. Ей бы посмеяться надо мной и кончено дело,— я бы и не лез больше, а то: «Да вам верить нельзя, да вы все так говорите...» А я-то клясться, я-то божиться!.. Фу!.. *(Закрывает лицо руками.)* Для чего это я делал, теперь спрашивается? Жениться на ней мне совсем нет никакой надобности, я могу найти и лучше ее и богаче. А ведь я по своей глупости так повел дело, что она теперь думает, будто я влюблен без памяти, и ей остается только осчастливить меня на всю жизнь. Да как ей не думать, когда я сам клянусь ей в этом!.. Ах, дурак, дурак! *(Лежит молча.)* Да вот что гадко-то, что каждая такая глупость меня мучит после, из головы не выходит. Ведь забываешь же иногда вещи и важнее, а тут вдруг ни с того ни с сего придет тебе в голову иногда даже во время разговора с кем-нибудь — весь вспыхнешь и сконфузишься черт знает чему. Уж я и не знаю, го-

ворить ли мне об этом Дружнину, или нет. Он взбесится на меня, непременно взбесится, изругает, пожалуй!.. А все-таки надобно с ним посоветоваться, это дело начинает принимать серьезный характер. Только я думаю не рассказывать ему всех-то глупостей, а так кое-что, слегка, да и попросить у него совета. А то женишься, пожалуй, ей-богу, женишься! Уж у меня сердце чувствует, что женюсь когда-нибудь так совсем на посторонней женщине, вдруг предложу руку, да и кончено дело. *(Задумывается.)* А какая там вчера была девушка!.. Что это за прелесть! Вот красавица-то! Меня так и подмывало поговорить с ней о чем-нибудь, да боялся. Ну, вдруг ни с того ни с сего откроешься ей в любви... Девочка молоденькая!.. Что должна подумать? Либо обидится, либо за дурака сочтет.

II

Д р у ж н и н *(входит)*. Здравствуй, Сережа!

Р о з о в ы й. А, здравствуй, Павел!

Д р у ж н и н *(садится)*. Ну, что новенького у тебя?

Р о з о в ы й. Какие же у меня могут быть новости!

Д р у ж н и н. Что ты толкуешь: какие новости! Ведь я тебя целую неделю не видал — неужели ты все дома сидел?

Р о з о в ы й. Нет, не все дома, был кое-где.

Д р у ж н и н. А где ж бы это, например?

Р о з о в ы й. В театре был, еще кое-куда заезжал.

Д р у ж н и н. Да куда же? Что это за скрытность в тебе, Сережа, как это гадко! Право ведь, Сережа, гадко. Я, кажется, от тебя ничего не скрываю.

Р о з о в ы й. Никакой тут скрытности нет; да не люблю я толковать о пустяках.

Д р у ж н и н. Какие же это пустяки? Ну, какие пустяки! Ты меня выведешь из терпенья. Человек у тебя с участием спрашивает, заботится о тебе, а ты говоришь: пустяки.

Р о з о в ы й. Да ей-богу, Паша, рассказывать нечего; скажи ты что-нибудь.

Д р у ж н и н. Что я, забавлять, что ли, тебя пришел! Да что ты в самом деле? Я отрываюсь от дела, бегу к нему без памяти: не случилось ли чего? а он и знать

не хочет. Нет, уж это ни на что не похоже. Ну, полно, Сережа, не дурачься, скажи, где был; в середу, я знаю, ты был в театре, а потом?

Р о з о в ы й. Ну, а потом: в пятницу у Софьи Антоновны, в субботу у Хохловых, вчера опять у Софьи Антоновны, вот тебе и все.

Д р у ж н и н. Постой, постой! У какой Софьи Антоновны? Что это за Софья Антоновна? Я что-то прежде не слыхал об ней.

Р о з о в ы й. Как, братец, не слыхал,— я, кажется, говорил тебе.

Д р у ж н и н. Когда говорил? Ничего ты мне не говорил — ты врешь!.. Нет, брат, это у тебя какие-то новости! И уж наверно глупость какая-нибудь.

Р о з о в ы й. Да какие же, Паша, глупости? Никаких глупостей нет.

Д р у ж н и н. Уж, пожалуйста, не говори, я тебя знаю. Ни слова не скажешь и знакомишься черт знает с кем!

Р о з о в ы й. Да я уж с ней давно знаком.

Д р у ж н и н. Вот это мило! Да как же я-то ничего не знаю. Что ты со мной делаешь, скажи ты, сделай милость?

Р о з о в ы й. Да не стоит знать-то — так, пустое знакомство.

Д р у ж н и н. Да все-таки подло!.. Если она хорошая женщина, ты и меня должен был познакомить с ней.

Р о з о в ы й. Нет, Паша, не стоит. Я наперед знаю, что она тебе не понравится.

Д р у ж н и н. А ты-то для чего знаком с ней?

Р о з о в ы й. Да так, нечаянно познакомились.

Д р у ж н и н. Что она, вдова?

Р о з о в ы й. Вдова.

Д р у ж н и н. Богата?

Р о з о в ы й. Нет, нельзя сказать.

Д р у ж н и н. Хороша собой, что ли?

Р о з о в ы й. Ничего особенного; самое обыкновенное лицо.

Д р у ж н и н. Ну, уж это значит, что рожа. Коли ты говоришь, что обыкновенное лицо, так уж нечего и толковать.

Р о з о в ы й. Нет, уж ты, Паша, слишком пересаливаешь! А по правде-то сказать, так в самом деле нет ничего привлекательного.

Д р у ж н и н. По крайней мере умная женщина или уж добра очень, что ли?

Р о з о в ы й. Ну, и этого не скажу. Есть у нее что-то в характере, что мне не нравится.

Д р у ж н и н. Что же ты в ней нашел? теперь спрашивается.

Р о з о в ы й. Ничего не нашел. Уж будто непременно нужно искать чего-нибудь. Знаком так же, как и все с ней знакомы, ни больше ни меньше.

Д р у ж н и н. Как же, поверю я тебе! То-то и беда моя, что ты никогда не делаешь так, как люди-то делают. Ну, рассказывай теперь мне, как ты с ней познакомился, в каких вы с ней отношениях и так далее...

Р о з о в ы й. Да зачем, Паша?

Д р у ж н и н. Сережа!.. Ну, сделай милость! Голубчик! Ну, я прошу тебя.

Р о з о в ы й. Изволь, изволь!.. Познакомился я с ней у Окуневых. Потом, дня через три, встретил ее на Кузнецком мосту: идет пешком... Посмотрел бы ты, как идет!.. Прелесть! Походка какая!.. Ах, Паша, как иные женщины ходят.

Д р у ж н и н. Ну, так, так, я уж тебя знаю. Продолжай, продолжай!

Р о з о в ы й. Ну, встретились мы. Она меня звала к себе.

Д р у ж н и н. Ты, разумеется, поехал...

Р о з о в ы й. Известно, поехал. Отчего ж не поехать?

Д р у ж н и н. Ну, потом что?

Р о з о в ы й. Так и познакомились.

Д р у ж н и н. Что ж ты у ней делаешь?

Р о з о в ы й. То же, что и другие... Вот что, Паша,— ты меня этакими вопросами только с толку сбиваешь, а я с тобой серьезно хотел поговорить об этом деле.

Д р у ж н и н. Ну, говори, говори! Говори скорей!

Р о з о в ы й. Только ты меня не перебивай, сделай милость. Ей-богу, ты, Паша, ко мне уж очень строг; я, право, всегда тебя конфужусь.

Д р у ж н и н. Ну, хорошо, хорошо! Я слушаю.

Розовый задумывается.

Да говори скорей, не мучь ты меня.

Р о з о в ы й. Дело, Паша, важней того, как ты думаешь. Я запутался совершенно и не знаю, как мне быть теперь. Вот видишь ли, был я на этой неделе у Хохловых, там была и она. Я не знаю, братец, что со мной сделалось: я в этот вечер был в особенном расположении к нежности. Я предложил довезти ее

домой на моих лошадях. Да ты не сердись, пожалуйста.

Д р у ж н и н. Ну, ну...

Р о з о в ы й. Она согласилась. Зашел к ней, посидел у нее с полчасика, потолковали кой о чем, и пришла же мне в голову мысль целовать у ней ручки.

Д р у ж н и н. Обе?

Р о з о в ы й. Обе.

Д р у ж н и н. Экий дурак-то, господи!

Р о з о в ы й. Ну, и вчера то же самое. Вчера уж я так разнежился, что, право, Паша...

Д р у ж н и н. Ну, что?

Р о з о в ы й. Самому, Паша, совестно!..

Д р у ж н и н. Ну, что же ты такую глупую рожу-то сделал? Чему ты смеешься? Делает глупости, да еще смеется. Это просто из рук вон. *(Ходит по комнате.)* Ах, боже мой, боже мой, что он делает! *(Подходит к Розовому.)* Ну, Сережа, я буду говорить с тобой хладнокровно. Скажи теперь ты мне откровенно, зачем ты целовал у нее руки, зачем? Ну, говори, что же ты молчишь? Еще мне понятно, что человек с слабым сердцем может поцеловать руку у женщины при случае; ну, черт возьми, что за важность! Да зачем ты другую-то целовал?

Р о з о в ы й. Зачем? Сам не знаю зачем!.. Так поцеловал, да и все тут!

Д р у ж н и н. Вот гнусная-то черта в твоем характере. Вот она всегда тебя путает. Это досадно до смерти; ты ведь не дурак по природе, ну, и образованный человек, а что ты делаешь!..

Р о з о в ы й. Ты, Паша, не сердись, сделай милость.

Д р у ж н и н. Да как же на тебя не сердиться, когда ты черт знает что делаешь. Ах, батюшки мои! Уж ты попадешься когда-нибудь.

Р о з о в ы й. Да что ж, брат, делать-то, нельзя удержаться.

Д р у ж н и н. Не говори мне этого, сделай милость! Нельзя удержаться! Это только ты один не можешь удержаться. Так, каша какая-то, смотреть противно. А отчего? Оттого, что распущен очень характер, до того распущен, что подло, просто подло!..

Р о з о в ы й. Да, да, Паша, скверно, я сам вижу, что скверно. Плохое мне житье с моим характером. Иногда бывает так неловко, так конфузно, что не знаешь, куда спрятаться от самого себя.

Д р у ж н и н. Вот видишь, Сережа, ведь ты сам это чувствуешь. Что же ты не стараешься, Сережа, как-нибудь исправиться?

Р о з о в ы й. Как тут исправишься?

Д р у ж н и н. Да ты вот что попробуй: ты прикинься разочарованным. Попробуй, Сережа!

Р о з о в ы й. Да что толку-то.

Д р у ж н и н. Да ты попробуй.

Р о з о в ы й. Да уж я пробовал.

Д р у ж н и н. Что же?

Р о з о в ы й. Еще хуже!.. Нет, Паша, для этого нужны люди с сильными характерами. Ах, как гадко! Боже мой, как гадко! Лезешь ко всякому с нежностью, с откровенностью. Над тобой смеются, рассказывают про тебя анекдоты!..

Д р у ж н и н. Видишь, Сережа, видишь!.. Ведь вот ты сам понимаешь.

Р о з о в ы й. Да что же мне делать-то? Уж ведь это у меня с детства. Ты не поверишь, Паша, меня маленького даже секли за это. Да что, это ничего! Кабы ты знал, сколько я перенес неприятностей за свой характер! Я просто не знаю, что мне делать с собой. Я уеду куда-нибудь... непременно уеду. Поеду к себе в деревню и останусь там на всю жизнь. Ты, Паша, навещай меня, сделай милость.

Д р у ж н и н. Полно, полно, Сережа, что ты!

Р о з о в ы й. Нет, Паша, уеду, непременно уеду.

Д р у ж н и н. Что ты дурачишься-то, что ты?

Р о з о в ы й. Да разве ты не видишь, что нельзя мне здесь оставаться?

Д р у ж н и н. Да отчего же?

Р о з о в ы й. А характер-то у меня какой...

Д р у ж н и н. Что ж такое характер?

Р о з о в ы й. Скверный характер, неприличный. Как же я с таким характером здесь останусь?

Д р у ж н и н. Полно, полно, Сережа! Ты гордись своим характером. Я бы сам желал иметь такое сердце, как ты.

Р о з о в ы й *(жмет ему руку с чувством)*. Паша! Ты мой друг настоящий, единственный, это видно изо всего. Вот теперь ты меня хочешь утешить только, а совсем не то говоришь, что чувствуешь.

Д р у ж н и н. Ей-богу, Сережа, что чувствую, ей-богу!

Р о з о в ы й. Эх, Паша!.. *(Сидит задумавшись.)*

Дружнин. Сережа, Сережа! выслушай ты меня. Ведь если это разбирать строго, с настоящей точки зрения, этого нельзя назвать даже недостатком; это скорей хорошее качество.

Розовый. Нет, Паша, не говори: это скверная черта. Постоянно доходят до тебя стороной обидные замечания; постоянно краснеешь, конфузишься сам за себя.

Дружнин. Да чего же конфузиться-то!

Розовый. Да как же не конфузиться: принимают тебя за дурака, да не то что за дурака, а гораздо хуже, обиднее.

Дружнин. А тебе что за дело? Всегда найдутся люди, которые сумеют оценить тебя. А что ошибся раза два-три — это не важность. Не уголовное дело, ведь не подлость же какую-нибудь ты сделал.

Розовый. Так ты думаешь, Паша, что это не важность? Поддерживай меня, Паша, а то меня мнительность моя замучает до смерти. Мне иногда приходит в голову, что это в самом деле не важность.

Дружнин. Да разумеется!

Розовый. Ей-богу, Паша, мне всегда нужна поддержка. Ведь вот теперь я сам вижу, что это не важность — просто вздор, да и все тут. Ты меня развеселил, Паша! Поедем сегодня в театр.

Дружнин. Пожалуй, поедем. Что это тебе вдруг пришло в голову?

Розовый. Да так. Поедем, да и все тут.

Дружнин. Вот ты опять, Сережа, затеваешь что-то...

Розовый. Ничего не затеваю. Это та же история.

Дружнин. Какая та же?

Розовый. Софья Антоновна звала!

Дружнин. Как звала?

Розовый. Да так, просто: я вчера стал с ней прощаться, а она мне и говорит: приезжайте завтра ко мне в ложу... А из театра к ней на минуточку заехать.

Дружнин. Ты и поедешь?

Розовый. Поеду!..

Дружнин. И таки решительно поедешь?

Розовый. Решительно поеду!.. *(Смотрит на часы.)* Да уж и пора.

Дружнин. Сережа! Я тебя умоляю, не езди.

Розовый. Нельзя, Паша!

Д р у ж н и н. Сережа! Если ты хочешь быть мне другом, так не езди.

Р о з о в ы й. Нельзя, Паша, ей-богу, нельзя,— я дал честное слово.

Д р у ж н и н. Сережа, не езди!..

Р о з о в ы й. Говорят тебе, нельзя!

Д р у ж н и н. Отчего нельзя? Скажи, что болен.

Р о з о в ы й. Как же это можно: я нынче обедал с ее двоюродным братом.

Д р у ж н и н. Да что ты делаешь-то, опомнись!..

Р о з о в ы й. Да ведь ты сам сказал, что это не важность.

Д р у ж н и н. Ишь ты выдумал — не важность! Это-то и важно. Не важность! Да рассуди ты хорошенько. Ты вот запутаешься, женишься... Ведь уж непременно женишься, стоит только женщине тебя в руки взять. Жена у тебя не хороша, по всему видно, кокетка; еще, может быть, зла. Начнет кокетничать с другими, тобой явно пренебрегать, капризничать, ты, разумеется, по мягкости своей, не будешь сметь сказать против нее ни одного слова; ты будешь все переносить на себе, не позволишь даже себе высказаться, еще сам, пожалуй, влюбишься в кого-нибудь: начнешь тосковать — запьешь, застрелишься либо от горя с ума сойдешь. Вот ведь какая участь ожидает тебя! Отчего-нибудь да умер у нее первый-то муж. Вот какая ужасная перспектива перед тобой.

Розовый стоит задумавшись.

Пользуйся своим положением, пока ты еще совершенно свободен в выборе.

Р о з о в ы й. Да, я совершенно еще свободен.

Д р у ж н и н. Ты можешь взять молоденькую девушку с неиспорченной душой, с добрым сердцем, которая способна будет оценить твою нежность.

Р о з о в ы й. Да, да, Паша, молоденькую девушку, именно молоденькую девушку. Ах, как это хорошо взять молоденькую девушку. А какую я, Паша, знаю девочку, лет восемнадцати.

Д р у ж н и н. Ну, вот видишь.

Р о з о в ы й. Красавица!.. Уж какая красавица-то... Только, Паша, этого быть не может.

Д р у ж н и н. Чего быть-то не может?

Р о з о в ы й. Да как же? эдакая красавица, щечки так и горят, и вдруг — твоя жена!..

Д р у ж н и н. Что ж тут удивительного?

Р о з о в ы й. Мне все кажется, что это только в романах бывает; я бы, кажется, сам не посмел посвататься за такую красавицу.

Д р у ж н и н. Вот ты дурак-то какой!

Р о з о в ы й. А ведь иногда, Паша, как размечтаешься-то об этом, так, кажется, можно с ума сойти от счастья. Ты представь себе — красавица, и эта красавица — твоя жена!..

Д р у ж н и н. Ну, ведь вот ты сам понимаешь.

Р о з о в ы й. Так не ездить?

Д р у ж н и н. Не езди, Сережа, сделай милость, не езди!

Р о з о в ы й *(садится на стул со шляпой в руке)*. Не поеду! Видишь ли, Паша, какой я послушный... *(Смотрит на часы.)* Пять минут восьмого. Знаешь ли что, Паша,— мы с тобой в кресла поедем, рядом возьмем. Я к ней в антракте зайду на минуточку, да и назад. Коли не веришь, пойдем со мной — ты меня подождешь в коридоре. По крайней мере, мне не так совестно будет; ведь ты знаешь, как я совестлив в этих вещах. А то вдруг обещал, да и не был, на что это похоже.

Д р у ж н и н. А из театра поедешь к ней чай пить?

Р о з о в ы й. Можно и не ездить,— скажу, что нездоровится. А уж коли очень станет приставать, так... так мы поедем вместе. Вот и прекрасная мысль! Прекрасно, прекрасно; как это мне прежде не пришло в голову. Мы поедем вместе: ты меня будешь останавливать; по крайней мере, ты все увидишь своими глазами.

Д р у ж н и н. Ну, хорошо, поедем; только ты у меня смотри!..

Р о з о в ы й. Ах, Паша, как я тебе благодарен! Друг ты мой! Вот друг-то!..

Д р у ж н и н. Ты помни, какая тебя ожидает перспектива, если ты женишься на этой женщине.

Р о з о в ы й. Знаю, знаю... *(Задумывается.)* Перспектива ужасная!

Идут к дверям.

Д р у ж н и н. И хорошо еще, что я поспел вовремя, чтобы спасти тебя из этой пропасти.

Р о з о в ы й. Спасибо тебе, Паша, спасибо!..

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Гостиная в доме Софьи Антоновны.

I

Из передней входят Софья Антоновна в шляпке и Розовый.

Софья Антоновна. Послушайте, Сергей Андреич, я на вас рассержусь.

Розовый. Да за что же, Софья Антоновна?

Софья Антоновна. Я уж вам сказала, чтобы вы мне не говорили комплиментов.

Розовый. Да ей-богу, Софья Антоновна, это не комплименты. Ей-богу, не комплименты!

Софья Антоновна. Знаю я вас, вам поверь, а после...

Розовый. Мне-то, Софья Антоновна, не поверить? Мне-то не поверить? Господи!

Софья Антоновна. Вам-то я именно и не поверю.

Розовый. Софья Антоновна! да за что же? Да вы мне прикажите доказать чем-нибудь, коли словам не верите.

Софья Антоновна. Ну, хорошо, хорошо... Кто это с вами приехал?

Розовый. Один мой короткий приятель, Дружнин, отличнейший человек.

Софья Антоновна. У вас все отличные!

Розовый. Нет, Софья Антоновна, вы уж поверьте мне. Это совсем особенный человек, совсем особенный. Какая душа у этого человека! Необыкновенная! Он давно хотел с вами познакомиться.

Софья Антоновна. А я было думала, что мы с вами проведем вечер вдвоем. Я так расположена была к этому: я даже брату не велела приезжать.

Розовый. Вы, Софья Антоновна?

Софья Антоновна. Сергей Андреич! Вот вы и сами мне не верите, и вам тоже нужны доказательства.

Розовый. Ах, Софья Антоновна! Нет, Софья Антоновна!.. Так я пойду прогоню его. Он ничего... Он отличнейший человек.

Софья Антоновна. Что вы, что вы!.. Как это можно!..

Розовый. Ах, как же это?..

С о ф ь я А н т о н о в н а. Что ж делать-то,— сами виноваты.

Р о з о в ы й. Ах, какая досада!

Входит Д р у ж н и н.

Рекомендую вам, Софья Антоновна, лучшего моего друга.

С о ф ь я А н т о н о в н а. Очень приятно. Я так много слышала об вас от Сергея Андреича.

Д р у ж н и н. Я давно желал-с... и давно просил Сергея Андреича.

С о ф ь я А н т о н о в н а. Садитесь, господа! Сергей Андреич, займите вашего приятеля, а меня извините; я вас оставлю на минуту. *(Уходит.)*

II

Д р у ж н и н *(отводит Розового на авансцену)*. Как ты себя подло вел, просто смерть. Измучил ты меня.

Р о з о в ы й. Да чем же, Паша, измучил! Ты ко мне уж очень пристаешь нынче.

Д р у ж н и н. Во-первых: ты сказал, что пойдешь к ней в ложу на одну минуту, а я тебя в коридоре ждал целый час, ровно час, так что капельдинеров стало совестно. Вот ты всегда своих приятелей в такие положения ставишь. Во-вторых: шепчутся, любезничают... Об чем вы там шептались?

Р о з о в ы й. Да так, ни о чем, о пустяках!

Д р у ж н и н. Так отчего же было таять-то?

Р о з о в ы й. Да как же, Паша! Ведь легко рассуждать об этом, а был бы ты сам на моем месте... Надобно послушать, Паша, как она говорит. Нет, я давеча ошибался: она умна, очень умна.

Д р у ж н и н. Ну, так я и ожидал! Значит, весь наш разговор пошел на ветер. Да выслушай ты меня, Сережа, я готов просить тебя со слезами, выслушай ты меня...

Р о з о в ы й *(смотрит на дверь)*. Говори, Паша, я слушаю.

Д р у ж н и н. Да, слушаешь ты!

Р о з о в ы й. Нет, Паша, право, здесь не место, ей-богу, не место. Мы лучше в другой раз как-нибудь.

Д р у ж н и н. Пропащий ты человек!

Входит М а ш а с чайным прибором.

Р о з о в ы й. Что, Маша, оделась Софья Антоновна?

М а ш а. Оделись! Сейчас выйдут. *(Уходит.)*

Д р у ж н и н. Прощай, Сережа.

Р о з о в ы й. Что ты, что ты? Как это можно. Погоди немножко!

Д р у ж н и н. Нет уж, довольно! Помучил ты меня нынешний вечер!

Р о з о в ы й. Ну, немножко, Паша. Я сам сейчас поеду. *(Вынимает часы.)* Вот через четверть часа.

Д р у ж н и н. Изволь, я на четверть часа останусь, только уж ни одной секунды больше, я тебе заранее говорю.

Р о з о в ы й *(показывает на часы)*. Вот как будет половина двенадцатого, так и поедем.

III

Входит С о ф ь я А н т о н о в н а.

С о ф ь я А н т о н о в н а. Извините, господа, что я заставила вас дожидаться.

Розовый садится подле нее.

Господин Дружнин! *(К Розовому.)* Как его зовут?

Р о з о в ы й. Павел Гаврилович.

С о ф ь я А н т о н о в н а. Павел Гаврилович, садитесь к нам поближе.

Дружнин подвигается.

Как вам показался сегодняшний спектакль?

Д р у ж н и н. Не знаю, как вам сказать, я мало смотрел на сцену.

С о ф ь я А н т о н о в н а. Куда же вы смотрели?

Д р у ж н и н. Я больше смотрел на зрителей.

С о ф ь я А н т о н о в н а. Да, кажется, смотреть-то было не на что! Народу было немного, хорошеньких лиц я не видала ни одного.

Д р у ж н и н. Ах, нет; я совсем не того ищу. Я не большой охотник смотреть на хорошенькие лица издали.

С о ф ь я А н т о н о в н а. Так чего же вы ищете? А, я догадываюсь: вы, вероятно, ищете пищи для остроумия?

Д р у ж н и н. Да-с! Вы угадали.

С о ф ь я А н т о н о в н а. Вот как!.. Так вы опасный человек.

Розовый. Не верьте, Софья Антоновна,— он шутит. А ведь первая пьеса прошла очень хорошо.

Дружнин. Да ты видел ли ее?

Розовый. Конечно, видел. Как прекрасно сыграна была роль племянника! Ты не знаешь, кто играл?

Дружнин. Какого племянника?

Розовый. Ну, что влюблен.

Дружнин. Никакого племянника не было. Что, попался!

Розовый *(сконфузившись)*. Так я перемешал, должно быть... Софья Антоновна, что же вы не курите?

Софья Антоновна. Ах, я и забыла совсем! Принесите мои папиросы, они там на столике.

Розовый проворно встает и уходит.

IV

Софья Антоновна. Не правда ли, что ваш друг очень любезный человек?

Дружнин. Мне кажется, уж чересчур!

Софья Антоновна. А разве это дурно?

Дружнин. Я, с своей стороны, не нахожу в этом ничего привлекательного. Что за мужчина, который готов растаять от всякой женщины?

Софья Антоновна. Мне кажется, что это все-таки лучше, чем быть злым человеком!

Дружнин. Едва ли!

Софья Антоновна. Вы думаете? Я не нахожу этого; впрочем, как кому кажется. Вы курите?

Дружнин. Курю.

Софья Антоновна. Курите, сделайте одолжение.

Дружнин закуривает папиросу. Непродолжительное молчание.

Мне очень не нравится в молодых людях, когда они прикидываются разочарованными. Это так нетрудно нынче, да и едва ли они этим что-нибудь выигрывают.

Дружнин. Впрочем, и они имеют успех.

Софья Антоновна. Сомнительно! Ведь много очень и клевещут на женщин. Женщина, которая понимает свое назначение, поверьте, не увлечется искусным разыгрыванием заранее заученной роли. По крайней мере для меня они всегда казались смешны.

Д р у ж н и н. Я с вами согласен; но много ли таких женщин?

С о ф ь я А н т о н о в н а. Поверьте, что женщин, понимающих свои обязанности, гораздо больше, чем мужчин.

Д р у ж н и н. В этом позвольте с вами не согласиться.

С о ф ь я А н т о н о в н а. Очень понятно, вы мужчина... что касается до меня, высшее блаженство для женщины — быть хорошей женой и хорошей матерью. Впрочем, это мое личное мнение, и я его никому не навязываю.

Д р у ж н и н. Это очень похвальное убеждение.

Молчание.

С о ф ь я А н т о н о в н а. Что же он там пропал... Сергей Андреич, что вы там делаете?

Р о з о в ы й *(за сценой)*. Да не найду, Софья Антоновна!

С о ф ь я А н т о н о в н а. Да направо, на столике.

Р о з о в ы й *(за сценой)*. На столике нет.

С о ф ь я А н т о н о в н а *(встает и идет)*. Какой скучный! *(Уходит.)*

V

Д р у ж н и н *(один)*. Я ее понял... Она просто кокетка, и кокетка страшная. Я удивляюсь, как Сергей не видит этого. Впрочем, где ему! Но при моем содействии мало-помалу и он поймет это. За работу, Павел Гаврилович, за работу!.. Спасайте вашего друга, пока можно. Уж я, кажется, дал ей почувствовать, что понимаю ее. Что же это они там пропали?.. Что такое?.. *(Вскакивает со стула.)* Мой Розовый целует ей ручки?! И как громко!.. это ужасно!.. Нет, это черт знает что такое! с этим человеком нельзя иметь никакого дела. Подлец совершенный!..

Входит Р о з о в ы й.

Что ты делаешь, скажи, ради бога?

Р о з о в ы й. Ах, Павел, не говори этого! Я счастлив!..

Д р у ж н и н. Ты счастлив?.. Ха, ха, ха. Ты счастлив! Человек стоит на краю бездны и говорит, что я счастлив!

Р о з о в ы й. Нет, Паша, не говори этого.

Д р у ж н и н. Не говори этого? А ты забыл давешний разговор?.. Ты забыл, какая ожидает тебя перспектива?

Р о з о в ы й. Паша, мы давеча ошиблись с тобой; это чудо, а не женщина! Ты вглядись, сделай милость; вглядись!

Д р у ж н и н. Да что ты мне рассказываешь, я видел своими глазами, что она кокетка, каких мир не производил!

Р о з о в ы й. Нет, Паша, сделай милость, не говори ты этого. Ты меня этим обижаешь. Ты вглядись, вглядись!..

Д р у ж н и н. Не хочу я вглядываться! Сто́ит вглядываться!

Р о з о в ы й. Послушай, ты не можешь так говорить. Ты меня обижаешь!

Д р у ж н и н. А ты думаешь, мне легко смотреть на твое отвратительное поведение. Ты мне вот где сел!..

Р о з о в ы й. Все-таки, Паша, если ты мне друг, ты должен уважать женщину, которая дорога для меня.

Д р у ж н и н. У тебя все до́роги; тебе стул наряди в женское платье, ты и тут растаять готов.

Р о з о в ы й. Ну, Паша, говори, говори, что хочешь, я на тебя не сержусь, я понимаю, что ты все это из дружбы, из любви ко мне. Я знаю, что ты мне добра желаешь. Я ценю это, Паша, ты мне поверь, что я ценю; только, извини ты меня, ты напрасно горячишься. Теперь уж поздно.

Д р у ж н и н. А я хочу, чтоб было не поздно!..

Р о з о в ы й. Нет, Паша, уж поздно.

Д р у ж н и н. Я этого знать не хочу. Я приехал за тем, чтоб спасти тебя, и без этого не уеду отсюда. С тобой надо принимать крутые меры. Поедем сейчас домой, поедем, поедем, и не разговаривай!

Р о з о в ы й. Ты меня не понимаешь, Паша, я уж сделал предложение.

Д р у ж н и н. Ты сделал предложение?! Ты?.. Да как же ты смел?

Р о з о в ы й. Паша, голубчик, не сердись!

Д р у ж н и н. Нет, уж это из рук вон! Как ты смел сделать со мной такую подлость? Уверял меня, что ты гибнешь, просил помощи, я изо всех сил стараюсь; а он где-то за дверью, потихоньку, делает предложение!

Розовый. Паша, я не потихоньку.

Дружнин. Этак ты под видом дружбы завезешь меня куда-нибудь к шулерам да обыграешь, наверное. От тебя станется. Нет, уж я теперь сам на всякую подлость решусь. Я сейчас пойду к Софье Антоновне и скажу ей, что у тебя две любовницы, скажу, что ты женат, что у тебя шесть человек детей...

Розовый. Паша, ты этого не сделаешь.

Дружнин. А вот увидишь... Потихоньку, за дверью... ведь уж видно, что низость, когда человек от людей бегает. Зачем я пойду за дверь, когда я честный человек. Хорошо, дружок, я тебе это припомню.

Розовый. Да ей-богу, Паша, не за дверью... У нас давно об этом был разговор. Я только боялся сказать тебе об этом. Вот как это сделалось...

Дружнин. Да что ты мне рассказываешь? Очень мне нужно знать. Я и знать не хочу. Велика важность, что ты женишься: одним дураком больше, и все тут. *(Молчание.)* Какое мне дело, на ком там кто-нибудь женится! *(Встает.)* Прощайте, Сергей Андреич!

Розовый. Куда же ты, погоди немножко!

Дружнин. Нет-с! Уж что же мне здесь делать?

Розовый. Паша, если ты меня любишь, так останься.

Дружнин. Вы, я думаю, можете рассудить, что не могу я здесь оставаться.

Розовый. Бог с тобой, Паша! Я не ожидал, чтоб ты меня бросил в такое время.

Дружнин. На что вам приятели,— у вас будет жена, прекрасная женщина. Прощайте, Сергей Андреич!

Розовый. Я не могу тебя удерживать, только мне, право, это очень грустно. Прощай!

Дружнин. Прощай!

Розовый. Прощай!

Дружнин *(идет к двери, останавливается)*. И ты думаешь, что я останусь после этого тебе другом?..

Розовый. Я, ей-богу, не знаю, Паша, как мне быть. Я в самом критическом положении...

Дружнин. Нет, ты рассуди хладнокровно: могу ли я остаться твоим другом?

Розовый. Я, право, Паша, не знаю; я чувствую, что виноват перед тобою.

Дружнин. Что такое виноват! Ты думаешь, что я сержусь на тебя? Совсем нет. Это для меня ничего, что ты виноват, я совсем не в претензии на тебя. Я тебя

даже больше люблю, чем прежде, гораздо больше. Но все-таки я не могу быть твоим другом, я не могу тебя видеть!

Розовый. Да отчего же, Паша?

Дружнин. Ты, пожалуйста, не думай, что я сержусь на тебя. Давай руку. Вот так! Поцелуемся.

Целуются.

Ну, теперь ты веришь, что я не сержусь на тебя?

Розовый. Верю, Паша, верю.

Дружнин. А все-таки, Сережа, я не должен тебя видеть. Мне это будет тяжело, очень тяжело, а делать нечего.

Розовый. Извини ты меня, я не понимаю, я точно как в тумане в каком.

Дружнин. А! Ты не понимаешь?

Розовый. Не понимаю.

Дружнин. А вот я тебе объясню. Представь ты себя на моем месте: у тебя есть друг, человек с нежным сердцем, он женится,— женится на женщине, которая не может составить его счастия; положение его безвыходно; он тает день за день, помочь ты ему не можешь, он замечает твое сострадание, и ему становится еще тяжелее; он начинает задумываться, потом сходит с ума и кончает самоубийством — и ты должен все это видеть!

Розовый. Полно, Паша, что это за черные мысли!

Дружнин. Не говори мне этого. У меня был один приятель в чахотке, каково мне было смотреть на него? Нет, Сережа, для своего спокойствия я должен отказаться от тебя; знаю, что мне будет тяжело, я, может быть, не перенесу этого...

Розовый. Ты по крайней мере останься хоть на несколько минут, я прошу тебя.

Дружнин. Изволь, это я могу для тебя сделать.

VI

Входит Софья Антоновна, садится к столу.

Софья Антоновна. Господа! Не угодно ли вам еще чаю?

Дружнин. Нет-с, покорно благодарю.

Розовый *(садится подле Софьи Антоновны)*. Какое блаженство, Софья Антоновна, кончить день такой

семейной картиной. Вы не поверите, Софья Антоновна, как это приятно. Душа отдыхает. *(Целует у ней руку.)* Ах, ей-богу, как это приятно!

Софья Антоновна. Кто же вам мешает наслаждаться этим блаженством? Приезжайте ко мне почаще.

Розовый. Я буду, Софья Антоновна, к вам каждый день ездить. Вы мне позволите?

Софья Антоновна. Я вас прошу об этом.

Розовый. Ах, Софья Антоновна!

Дружнин. Сергей Андреич, мне пора!

Софья Антоновна. Куда это вы так торопитесь?

Дружнин. Да уж пора-с. Мне завтра много дела.

Софья Антоновна. Уж какие у вас дела, просто вам скучно у меня.

Дружнин. Напротив, мне очень приятно. Только у меня, право, много дела завтра.

Розовый *(целует руку у Софьи Антоновны)*. Уж полно, полно. Я вам после, Софья Антоновна, скажу, отчего он торопится.

Софья Антоновна. Отчего же после, а не теперь?

Розовый. Нет, я вам после скажу.

Софья Антоновна. Нет, теперь.

Дружнин. Уж он вам наскажет.

Розовый. Призна́емся, Паша! Софья Антоновна такая женщина, что, верно, нас простит.

Софья Антоновна. О, если за этим дело стало, так, пожалуйста, не затрудняйтесь.

Розовый. Я знал заранее, Софья Антоновна, что у вас ангельское сердце. *(Целует у ней руку.)* Видишь, Паша, нам бояться нечего, остается только чистосердечно покаяться.

Дружнин. Кайся, пожалуй! Я ни в чем не виноват перед Софьей Антоновной.

Розовый. Как ни в чем не виноват? А какие замыслы-то были у нас с тобой против Софьи Антоновны?

Дружнин. Что ж, мне извинительно, я совсем не знал Софью Антоновну... Да полно, перестань! *(Отходит в другую сторону и рассматривает какую-то картину.)*

Софья Антоновна. Однако это становится очень интересно. Какие же это замыслы были у вас?

Дружнин. Мне совестно вспомнить, Софья Антоновна!.. Если б не ваша доброта, я, ей-богу, ни за что б не

признался вам. Мы приехали сегодня к вам с самым низким намерением.

Софья Антоновна. Вот как!

Розовый. Ах, Софья Антоновна, уж лучше поругайте меня, мне, право, не так совестно будет!

Дружнин. Да перестань, сделай одолжение.

Розовый. Да и то перестать надобно. Когда я начинал, я думал, что у меня хватит духу рассказать все, а теперь вижу, что не могу. Мне просто стыдно! Побраните меня лучше, Софья Антоновна, мне, ей-богу, будет легче.

Софья Антоновна. Бранить я вас не стану и не имею права, а все-таки странно для меня, что у вас были какие-то намерения против женщины, о которых вам даже сказать совестно.

Розовый. Софья Антоновна, пожалуйста, вы не думайте, чтоб это было что-нибудь важное.

Софья Антоновна. Однако довольно и того, что вам совестно об этом сказать. Можно ли на вас теперь в чем-нибудь понадеяться, когда у вас достало духу сделать какую-то неприятность женщине. И чего же должна я надеяться от вас вперед?

Розовый. Софья Антоновна, позвольте, я вам расскажу. *(Берет ее за руку.)*

Софья Антоновна *(отнимает руку)*. Сделайте одолжение, не нужно. Вы уж имели довольно времени, чтоб сочинить все, что вам угодно.

Розовый. Да как же я смею, как я смею это сделать?

Софья Антоновна. Как трудно разобрать мужчину, и сколько должна ошибаться бедная женщина.

Розовый *(тихо)*. Ах, Софья Антоновна, вы не то совсем думаете, я, ей-богу, не виноват.

Софья Антоновна. Подите вы!

Розовый. Ах, Софья Антоновна! Ей-богу, не я-с! Что же это такое? *(Показывает глазами на Дружнина.)* Это он...

Софья Антоновна. Вот это хорошо! В вас нет даже настолько благородства, чтобы откровенно признаться в своей вине; вы сваливаете ее на приятелей.

Розовый. Ах, Софья Антоновна, это он, ей-богу, он!

Софья Антоновна. И вы думаете, что этим можно оправдаться? Зачем же вы окружаете себя такими людьми!

Розовый. Ах, нет, Софья Антоновна; он, ей-богу, прекрасный человек, ей-богу, он прекрасный.

Софья Антоновна. Хорош, нечего сказать.

Розовый. Ах. Софья Антоновна, нет, не то, не то. Ах! я вот выразить не умею, что́ я чувствую. Ах, Софья Антоновна, это бывает и с хорошими людьми; находит иногда так по глупости. Ах, Паша! Паша!..

Дружнин. Что тебе?

Розовый *(смотрит на него умоляющим взглядом)*. Паша! Ведь ты виноват, ведь ты? Признайся, признайся, сделай милость! Скажи все откровенно.

Дружнин. Изволь, я признаюсь. Вот в чем дело, Софья Антоновна. Надобно вам признаться, что я его очень люблю... Я его очень люблю, Софья Антоновна.

Розовый смотрит на него пристальным взглядом, в котором выражается благодарность.

Я знаю его слабое сердце; мне случалось видеть неприятности, которые он должен был терпеть за этот недостаток. Я недавно узнал, что он познакомился с вами. Извините, почему-то я имел об вас не совсем выгодное мнение; я испугался, чтоб это знакомство не довело его до чего-нибудь серьезного, и приехал к вам с намерением воспрепятствовать вашему сближению.

Софья Антоновна. И только?

Дружнин. Больше ничего.

Софья Антоновна. Скажите, сделайте одолжение, отчего вы составили обо мне такое мнение?

Дружнин. Право, не могу вам сказать отчего!

Софья Антоновна. Вам, может быть, говорили что-нибудь про меня? Мы, право, такие жалкие создания.

Розовый. Ах, Софья Антоновна, разве мы поверим кому-нибудь?

Софья Антоновна. Про меня может сказать всякий, что ему угодно: за меня заступиться некому.

Розовый. Как некому, Софья Антоновна? За что же вы меня-то обижаете?

Маша *(из-за двери)*. Софья Антоновна!

Софья Антоновна. Что тебе?

Маша. Пожалуйте сюда.

Софья Антоновна уходит.

VII

Д р у ж н и н. Ну, ты теперь, кажется, достиг своей цели. Я теперь тебя понимаю хорошо. Ты давно уж решился жениться на ней, а меня давеча обманывал, пользуясь моим расположением; разыграл со мной штуку для своей потехи. Она теперь меня ненавидит. И неужели ты думаешь, что после всего этого я могу остаться твоим другом? Нет уж, покорно благодарю.

Р о з о в ы й. Ты сам видел, Паша, в каком я был положении.

Д р у ж н и н. Если тебе нужно было отвязаться от меня, ты бы так и сказал.

Р о з о в ы й. Да нет, Паша, нет, я совсем не думал.

Д р у ж н и н. Думал ты или нет, только ты меня выдал, и выдал, чтоб оправдать себя, из трусости. И это дружба, по-твоему? Это предательство самое низкое.

Р о з о в ы й. Ах, какой у меня характер! Я даже и не помню, как это все сделалось. Точно я в каком-то тумане. Впрочем, я не думаю, чтобы она на тебя сердилась, Паша.

Д р у ж н и н. Вот это мило. Да не только сердиться, она должна меня ненавидеть. Ты увидишь это сейчас, как только женишься.

Р о з о в ы й. Ты пореже к нам езди.

Д р у ж н и н. Покорно благодарю. Я так и думал. А если она совсем не захочет меня видеть — ты тогда скажешь, не езди к нам совсем? Ты, конечно, уж не захочешь ей противоречить, а если и захочешь, так не посмеешь.

Р о з о в ы й. Ах, Паша, я все-таки тебя не забуду; я вечно буду помнить о тебе, по гроб. Впрочем, мы можем иногда видаться потихоньку.

Д р у ж н и н. Однако каково мне будет и то, что жена лучшего моего друга считает меня черт знает за кого!

Р о з о в ы й. Да, да, мы должны будем расстаться. Только каково это будет мне? Ах, боже мой, что же мне теперь делать? Ей-богу, я готов заплакать.

Д р у ж н и н. Ты променяешь друга, верного и испытанного, на жену, которую еще ты хорошо не знаешь, и, может быть, ждет тебя ужасная перспектива, и без поддержки. Это в самом деле ужасно. Нет, ты должен

меня сейчас же помирить с ней; для своей пользы ты должен меня помирить. Чем я больше думаю об этом, тем яснее вижу необходимость этого. Да ты вот еще возьми в расчет: тебе нужен будет шафер. Где ты его возьмешь? Да и притом же я, как первый друг твой, должен быть шафером.

Розовый. Да, Паша, да...

Дружнин. А как же я буду шафером, когда она меня видеть не может? Нет, ты даже обязан помирить меня с ней.

Розовый. Непременно, Паша, вот как только выйдет.

Дружнин. Ты рассуди хладнокровно: ведь это твой долг, ты во всем виноват, ты и должен это устроить. Мне ведь все равно, мне, пожалуй, и не нужно; да ведь это все для тебя делается. Пойми ты, что для тебя.

Розовый. Да, Паша, для меня.

Дружнин. Ну, так ты, голубчик, обделай это дело; теперь вы в таких отношениях, что она, верно, тебе не откажет. Да и поедем, Сережа, поедем, голубчик, тебе отдохнуть пора. Да закутывайся ты дорóгой хорошенько, долго ли простудиться. *(Берет его за голову.)* Посмотри, какой у тебя жар!

Розовый. Да, уж у меня, Паша, голова кругом пошла.

Берут шляпы.

VIII

Софья Антоновна *(входит)*. Куда ж вы, господа, торопитесь?

Розовый. Нам уж пора, Софья Антоновна.

Дружнин. Пора-с. *(Смотрит самым подобострастным взглядом.)*

Розовый. И мы устали, да и вы, Софья Антоновна, я думаю, тоже.

Дружнин. Надо же и вам дать покой-с!

Стоят молча. Дружнин толкает Розового локтем.

Розовый. Софья Антоновна, вы мне не откажете, если я вас попрошу об одном деле? Для вас это ничего не стоит, а для нас очень важно, очень важно.

Софья Антоновна. Что такое? просите!

Розовый. Не сердитесь на Павла, Софья Антоновна. *(Берет ее за руку.)*

Софья Антоновна. Да за что же мне на них сердиться?

Дружнин. Однако я должен быть в ваших глазах ужасным человеком.

Софья Антоновна. Э, полноте: я так к этому привыкла.

Дружнин. Мне хотелось бы, Софья Антоновна, чтоб в вас не осталось ни малейшего неприятного чувства против меня, потому что все это, Софья Антоновна, произошло от недоразумения.

Софья Антоновна. Я нисколько на вас не сержусь. *(Протягивает ему руку.)*

Дружнин *(целует)*. Ей-богу, Софья Антоновна, от недоразумения!.. Я, Софья Антоновна, его очень люблю. Вы спросите у него.

Софья Антоновна. Я вам верю! Да куда ж вы, господа, торопитесь? А я вам, Сергей Андреич, хотела сделать маленькое поручение.

Розовый. Что прикажете?

Софья Антоновна. Да нужно бы мне купить зеркало к дивану.

Дружнин. Так уж это позвольте мне-с! Где же ему, он и занят, да и толку в этом не знает. Это уж мое дело-с. К которому дивану? К этому-с?

Софья Антоновна. К этому.

Дружнин. Нет ли у вас аршинчика?

Софья Антоновна. Маша! Подай аршин!

Дружнин. Позвольте, я сам сбегаю. *(Уходит.)*

IX

Розовый *(целует руку Софьи Антоновны)*. Ах, Софья Антоновна, иметь такого друга, такую жену! за что, за что судьба так милостива ко мне!

Софья Антоновна *(с заметным кокетством)*. Вы этого стоите, Сергей Андреич! Вы слишком мало себя цените.

Розовый. Не стою, не стою, Софья Антоновна, это вы так только, по своей доброте говорите, что стою. Есть люди, которые всю свою жизнь не могут найти себе ни друга, ни хорошей жены... Ах, Софья Антоновна, есть бедные люди... Мы часто в счастии забываем про это!

X

Входят Дружнин *с аршином и* Маша.

Дружнин *(влезает на диван и меряет стену аршином)*. Нет ли у тебя, милая, снурочка?

Маша. Извольте!

Дружнин *(меряет снурком; завязывает на снурке узел и потом стоит несколько времени задумавшись)*. Аршин девять вершков и три четверти. *(Прячет снурок в карман.)* Готово-с!.. Я к вам завтра утром.

Розовый. Прощайте, Софья Антоновна! *(Целует руку.)*

Дружнин. Прощайте. *(Тоже целует руку.)*

Софья Антоновна. Прощайте, господа. Не забывайте меня.

Дружнин. Как можно, помилуйте! Однако как все это неожиданно сделалось!

Розовый. Да, Паша, совсем неожиданно.

Дружнин. Удивительное дело!.. Прощайте, Софья Антоновна!

Розовый *(целуя руку Софьи Антоновны)*. Прощайте, Софья Антоновна! Если вы хотите, чтоб я был совершенно счастлив, не сердитесь на Павла!

Софья Антоновна. Я и не думала сердиться.

Дружнин *(целуя у ней руку)*. Прощайте, Софья Антоновна! Я постараюсь оправдать себя перед вами.

Уходят.

Софья Антоновна подходит к дверям.

Дружнин *(из передней)*. Не простудитесь, Софья Антоновна! Прощайте-с.

Розовый *(тоже из передней)*. Прощайте!

Дружнин *(подходя к двери)*. Прощайте, Софья Антоновна. Так я завтра чем свет-с!

XI

Софья Антоновна *(садится на диван)*. Какой смешной этот его приятель *(зевает)*, а должно быть добрый человек. *(Зевает.)* Чудаки!!..

Комедия
в пяти
действиях

БЕДНАЯ НЕВЕСТА

ЛИЦА:

АННА ПЕТРОВНА НЕЗАБУДКИНА
вдова небогатого чиновника.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА
ее дочь.

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ МЕРИЧ
ИВАН ИВАНОВИЧ МИЛАШИН } *молодые люди, знакомые Незабудкиной.*

ПЛАТОН МАРКОВИЧ ДОБРОТВОРСКИЙ
старый стряпчий.

МАКСИМ ДОРОФЕЕВИЧ БЕНЕВОЛЕНСКИЙ
чиновник.

АРИНА ЕГОРОВНА ХОРЬКОВА
вдова, мещанка.

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧ ХОРЬКОВ
сын ее, бывший студент.

КАРПОВНА
сваха (по купечеству) в платочке.

ПАНКРАТЬЕВНА
сваха (по дворянству) в чепчике.

ДАРЬЯ
горничная Незабудкиных.

МАЛЬЧИК
Добротворского.

ОФИЦИАНТ И РАЗНЫЕ ЛИЦА, ЯВЛЯЮЩИЕСЯ В ПЯТОМ ДЕЙСТВИИ СМОТРЕТЬ СВАДЬБУ.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет комнату; на задней стене две двери: одна в комнаты, другая на улицу; с левой стороны окно, у окна пяльцы, далее фортепьяно; с правой стороны диван и большой круглый стол.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Марья Андреевна (сидит за пяльцами) и Анна Петровна (на диване).

Анна Петровна. Вот тут и живи, как хочешь. Как бы папенька-то твой не мотал без памяти, так бы другое дело было, а то оставил нас почти ни с чем. Дела все запутаны, тут тяжба еще!.. Вот дом-то отнимут, что тогда делать-то? Ты только подумай, как мы тогда жить-то будем!.. А что я! Мое дело женское, да я и не знаю ничего: я сама привыкла за людьми жить. *(Молчание.)* Хоть бы ты замуж, что ль, Маша, шла поскорей. Я бы уж, кажется, не знала, как и бога-то благодарить! А то, как это без мужчины в доме!.. Это никак нельзя.

Марья Андреевна. У вас ведь, маменька, уж один разговор.

Анна Петровна. Что ж такое не говорить-то! От слова-то тебя убудет, что ли? На-ка поди, уж и говорить-то нельзя. Что такое, в самом деле!

Марья Андреевна. Разве я виновата, маменька, что мне никто не нравится?

Анна Петровна. Как это не нравится, я не знаю; это так, каприз просто, Маша.

Марья Андреевна. Какой же каприз, маменька? Кто за меня сватался, вспомните хорошенько, что это за люди?

Анна Петровна. Что ж делать-то, Машенька? Что ж делать-то, друг мой? Где ж нам тебе красавцев-то взять? Нынче хорошие-то женихи всё денег ищут, не хотят видеть, что ты у меня красавица. Куды

это я табатерку засунула, уж и не знаю! Посмотри-ка там на столике... Постой. здесь, в кармане. Нет уж, как бы, кажется, тебя не полюбить! Все ветер в голове-то у молодых людей. Да, признаться сказать, ведь и ты-то очень разборчива. А ты подумай, ведь у нас не горы золотые — умничать-то не из чего!

Марья Андреевна. Хорошо, хорошо.

Анна Петровна. Да что хорошо-то?

Марья Андреевна. Я подумаю.

Анна Петровна. Да о чем думать-то, скажи ты мне, сделай милость. Додумаешься до того, что просидишь в девках.

Марья Андреевна. А что ж за беда такая?

Анна Петровна. Глупа еще ты — вот что. *(Сидит надувшись. Молчание.)* Что это, ей-богу, хоть бы Платон Маркыч пришел. Уж я и не знаю, что мне делать-то. Вот был чулок, вот где теперь чулок?

Марья Андреевна. Вот, маменька, чулок. *(Подает.)*

Анна Петровна *(вяжет чулок)*. Нейдет Платон Маркыч, да и только; что хочешь, тут и делай.

Марья Андреевна. Да зачем вам, маменька, Платон Маркыч понадобился?

Анна Петровна. Как зачем? Что мы знаем тут, сидя-то; а он все-таки мужчина. Буточник бумагу какую-то приносил, кто ее там разберет? Вот поди ж ты, женское-то дело какое! Так и ходишь, как дура. Вот целое утро денег не сочту. Как это без мужчины, это я уж и не знаю, тут и без беды беда. Возьми-ка, Маша, бумажку, да посчитай мне деньги-то, сделай милость.

Марья Андреевна. Говорите, я и так сочту.

Анна Петровна. Постой, Маша. Заторопишь ты меня — я опять собьюсь. Где это бумажка-то у меня? Дай бог памяти... Вот она! Постой — нашла. Вот сочти возьми. Давеча считала, считала на счетах — либо целкового не хватает, либо два лишних, а уж Дарью лучше не заставляй. Да уж и в голове-то все не то. Дело-то меня беспокоит очень, об доме-то нужно с Платоном Маркычем поговорить. Все-таки мужчина.

Дарья входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Дарья.

Дарья. Барыня, а барыня! От Платона Маркыча мальчик пришел.

Анна Петровна. Позови его сюда.

Дарья уходит. Входит мальчик.

Мальчик. Платон Маркыч кланяться приказали; прислали газеты вчерашние и записочку-с да приказали о здоровье спросить.

Анна Петровна. Господи! Куды это я очки дела? Поищи, Маша, сделай милость.

Марья Андреевна ищет очки.

Марья Андреевна. Да позвольте, маменька, я прочитаю. Я думаю, у вас с Платоном Маркычем секретов нет.

Анна Петровна. Прочитай, Маша! Какие секреты! Я его об деле просила. Вот женское-то дело: ведь и жаль беспокоить Платона-то Маркыча — старый человек, а делать нечего.

Марья Андреевна *(читает)*. «Ваше высокоблагородие, милостивая государыня Анна Петровна! Честь имею вас уведомить, что все поручения ваши я исполнил в точности и с удовольствием, и впредь прошу вас таковые возлагать на меня. При сем посылаю вам «Ведомости» вчерашнего числа. Насчет того пункта, о котором вы меня просили, я в названном вами присутственном месте был: холостых чиновников для Марьи Андреевны достойных нет; есть один, но я сомневаюсь, чтобы оный вам понравился, ибо очень велик ростом,— весьма много больше обыкновенного, и рябой...» *(Смотрит с умоляющим видом.)* Маменька!

Анна Петровна. Читай, читай.

Марья Андреевна *(продолжает)*. «Но, по справкам моим от секретаря и прочих его сослуживцев, оказался нравственности хорошей и непьющий, что, как мне известно, вам весьма желательно. Не прикажете ли посмотреть в других присутственных местах, что и будет мною исполнено с величайшим удовольствием. Дело ваше, по случаю упущений

с вашей стороны, приняло дурной оборот; но вы, сударыня, не извольте беспокоиться: ибо я нашел весьма знающего человека, который может оным делом руководствовать. О прочем буду иметь честь объяснить вам при личном свидании. Остаюсь, всегда готовый к услугам, Платон Добротворский». Что это вы, маменька, делаете? Посылаете Платона Маркыча по присутственным местам женихов искать! Это уж бог знает что такое!.. И ни слова об этом не скажете; это уж обидно даже. Ах, маменька, что вы со мной делаете! *(Садится к пяльцам.)*

Анна Петровна. Никакой тут обиды нет! Ты, Маша, этого не знаешь, это уж мое дело. Я ведь тебя не принуждаю; за кого хочешь, за того и пойдешь. А это уж мой долг тебе жениха найти. *(Мальчику.)* Кланяйся, милый, Платону Маркычу; скажи, что приказали благодарить; слава богу, мол, здоровы.

Мальчик. Слушаю-с.

Анна Петровна. Поди сюда, я тебе дам записочку Платону Маркычу.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Марья Андреевна *(одна)*. Вот всякий день этакий разговор! Как это не надоест маменьке, право. Такая тоска, такая тоска, что не знаешь, куда деться! *(Шьет в пяльцах.)*

Дарья входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Марья Андреевна и Дарья.

Дарья. О, чтоб вас!

Марья Андреевна. Что ты все сердишься?

Дарья. Да как же, барышня, не сердиться-то! Этакой народ, не поверите! Бегу из лавочки, а тут какой-то дурак остановился на дороге да прямо в глаза и смотрит. Что, говорю, бельмы-то выпучил, чего не видал, на мне ничего не написано. Да как, говорит, на тебя, на красавицу этакую, не посмотреть. Плюнула да и пошла. *(Ищет что-то.)* Вот вечно растеряет, а тут ищи. О чтоб!..

Марья Андреевна. Что ты там ищешь?

Дарья. Да табатерку барыня потеряла... Нашла.

Марья Андреевна. Что, Даша, хороша я?

Дарья. Вы-то? Красавица-раскрасавица.

Марья Андреевна. Давай поменяемся, вот и не будут смеяться над тобой.

Дарья. И, матушка, на что мне красота.

Марья Андреевн . А мне на что?

Дарья. Что это вы, барышня, говорите! Посмотрите-ка, какой молодец в вас влюбится, любо-дорого глядеть; полковник какой-нибудь возьмет.

Марья Андреевна. Где уж, Даша, влюбиться! Маменька говорит, что замуж пора.

Дарья. Что ж! Отчего ж и замуж нейти?

Марья Андреевна. Так зачем же быть красавицей-то?

Дарья. Как это можно, лучше муж будет любить. Вот у соседки две дочери: старшая-то худая такая, как спичка; а младшая-то румяная да гладкая; еще шестнадцати лет нет, а как словно она троих ребят выкормила. Вот мать-то и говорит: боюсь, говорит, старшую-то замуж отдавать, муж любить не станет; вот эту, говорит, любить будет. Затолковалась я с вами, барышня; старуха-то, пожалуй, рассердится. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Марья Андреевна одна и потом Дарья.

Марья Андреевна. Маменьке легко говорить: выходи замуж! Да за кого я пойду! Я без ужаса себе представить не могу, как выйти за человека, к которому, кроме отвращения, ничего не чувствуешь. *(Задумывается.)* Всякий урод думает, что он вправе посвататься, и даже считает это каким-то одолжением. потому что она, говорят, бедная невеста. Иной просто торгует меня, как вещь какую-нибудь: я, говорит, имею состояние, у вас ничего нет, я вашу дочь за красоту возьму. *(Смотрит в окно задумавшись.)* Мерич! Вот прекрасно. Идет такой печальный, задумавшись. Желала бы я знать, о чем он думает, уж верно не обо мне. *(Подходит к зеркалу.)* Ах, какая я глупая! Ну с чего я так покраснела вся, и голос дрожит. Надобно немного успокоиться — он,

пожалуй, заметит. А что ж такое, мне бы даже хотелось, чтоб он заметил; что бы он стал делать? Ах, какие глупости! Что я вру? Дарья! Дарья!

Входит Д а р ь я.

Поди попроси Владимира Васильевича в сад пройти!

Д а р ь я. Хорошо, барышня. *(Уходит.)*

М а р ь я А н д р е е в н а *(поправляется перед зеркалом)*. Тут поминутно разные свахи являются, очень приятно смотреть на них! Я-то уж пригляделась, а ему, я думаю, очень дико покажется. Ах, как я рада ему,— он так редко у нас бывает...

Д а р ь я *(входит)*. Пожалуйте, барышня, он в саду.

М а р ь я А н д р е е в н а уходит.

(Стирая пыль с мебели.) Чтой-то у меня за барышня, право... Дай ей бог жениха хорошего! *(Останавливается посредине комнаты с тряпкой в руке.)* Если это рассудить теперь, как это все на свете делается: богат ты, ну и всякий тебя уважает, а беден, так и рыло воротят. Уж это значит, не человек нужен, а богатство. *(Растопыривает руки.)* Мудрено это все делается! *(Взглянув в окно.)* О, чтоб вас! Кого-то принесло. *(Идет к двери.)*

К а р п о в н а входит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Д а р ь я и К а р п о в н а.

К а р п о в н а. Даша, здравствуй!

Д а р ь я. Здравствуй, Карповна. Чтой-то ты пропала?

К а р п о в н а. Что, душа,— все хлопоты; нет ли чего новенького у вас?

Д а р ь я. Какое новенькое! Откуда ему быть-то.

К а р п о в н а *(садясь)*. Уж и как, девушка, жарко.

Д а р ь я. Ишь ты, как расползлась, бог с тобой.

К а р п о в н а. А что, девка, ведь и то никак я потолстела. Ты что ж не поправляешься?

Д а р ь я. Ты говоришь: не поправляешься! Да с чего мне поправляться-то? Другое дело, кабы жила я покойно, а то... ах... *(Подходит к ней и говорит вполголоса.)* То есть ты, Карповна, не поверишь, целый-то она день-деньской, как часы заведенные,— и то

не так, и другое не по ней — и пошла ворчать, и пошла... Женщина я горячая, ничего на себе не могу перенести, ну и выговоришь; и пошел дым коромыслом... брань да история. То есть, кажется, кабы только моя не привычка к этому дому, как уж седьмой год живу, так я бы ни одного дня не осталась.

Карповна. Ишь ты, девка! а!.. *(Качает головой.)*

Дарья. Женщина же я горячая; закипит это, закипит, и как вдруг туман в глазах, рада, кажется, горло перервать. Только у меня сердце отходчивое, сейчас как ничего и не бывало, а она все ворчит... То есть, кажется, кабы моя не привычка, как я седьмой год живу... Уж так думаю: ну... *(Махнув рукой.)*

Карповна. В людях жить, душа, кому сладко.

Дарья *(подходит к ней ближе и говорит почти шепотом)*. Намедни говорит: такая ты и этакая! Что, говорит, долго в лавочку ходила! Ты с лавочниками якшаешься! Как, говорю, сударыня! Кто меня застал? Нет, говорю, не извольте... Я, говорю, девушка, как есть... ни в чем... Ах, кажется... уж лучше не говорить... *(Помолчавши.)* Барышню поедом съела! Выходи, говорит, замуж... «За кого я, говорит, маменька, пойду?» Да ведь и вправду: ну за кого она пойдет, за какого шута горохового? Уж хоть бы ты, Карповна, ей хорошего жениха нашла.

Карповна. Найтить-то я нашла, да не знаю, как понравится.

Дарья. Я так думаю: офицера бы ей найти. Смотри-ка, мимо нас какие хорошие ездят. Никак кто-то идет. *(Идет к двери.)*

Входит Панкратьевна.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Панкратьевна.

Панкратьевна. Что, милушка, дома барыня?

Дарья. Дома.

Панкратьевна. Скажи, что Степанида Панкратьевна пришла.

Дарья уходит.

(Взглянув на Карповну.) Ба, ба, ба... Залетела ворона в высокие хоромы! Ты как сюда попала?

Карповна. А вот как попала, так и попала. Это что еще за спрос такой проявляется!

Панкратьевна. Ишь тебя везде носит! Знала бы свое купечество.

Карповна. А ты, небось, с дворянством все знакома; то-то ты хвосты-то и отрепала, по передним-то шлямшись.

Панкратьевна. Невежа! Я с тобой и говорить-то не хочу.

Карповна. Ха, ха, ха, ха... Ты, что ль, больно вежлива! Ты вот с дворянами водишься, а ходишь ощипанная да обдерганная, страм смотреть-то; а я с купечеством, да своим домом живу, не хуже кого другого, и в ламбарте есть. Напялила чепчик-то, так и на̀-поди, думаешь, что тебя и рукой не достанешь!.. Да я коли захочу, так в пол-аршина взбодрю. *(Смеется.)* Еще важней тебя буду!

Панкратьевна. Что с невежей и говорить. Обращения ты никакого не знаешь,— как есть дура, невоспитанная!

Карповна. Вот дура, да почище тебя, никто на ногу не наступит. *(Молчание.)*

Панкратьевна. А вот как узнает Мартын Мартьяныч, зачем ты к ним ходишь, так он тебе форс-то собьет.

Карповна. А зачем я хожу-то? Ну, скажи, зачем?

Панкратьевна. Ну, известно, зачем.

Карповна. Как тебе не знать! Врешь, врешь ты! Тринадцатый год вдовею, ни в чем не замешана. Ты, видно, с больной головы на здоровую.

Анна Петровна входит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Анна Петровна. Свахи встают и кланяются.

Анна Петровна. Здравствуйте! Ну что? Что? Говорите скорей.

Обе молчат.

Что вы молчите?

Карповна. Пусть она сначала говорит, у нее благородные.

Анна Петровна. Ну, говори ты, Панкратьевна!

Панкратьевна. Есть у меня два жениха, Анна Петровна, такие кавалеры, что чудо!

Анна Петровна. Какие ж они такие?

Панкратьевна. Служащие, матушка, благородные.

Анна Петровна. Что ж они, с состоянием?

Панкратьевна. Служат, матушка, жалованье получают.

Анна Петровна. Да живут-то они каково?

Панкратьевна. Живут хорошо. Один стихи пишет, другой все поет целый день. А уж какие учтивые, да какие влюбчивые! Как, говорит, увижу хорошенькую барышню, так бы и женился, ни на что не посмотрел.

Анна Петровна. А чины у них какие?

Панкратьевна. Чины небольшие, из себя-то уж больно красавцы.

Карповна. Голь все это, как я посмотрю.

Анна Петровна. Ну, а у тебя что, Карповна?

Карповна. Есть-то у меня, есть, такой туз — не ее женихам чета, да лишнее бревнышко у нас в горнице.

Анна Петровна. Ну, хорошо. Поди, Панкратьевна! Наведайся как-нибудь на днях.

Панкратьевна. Прощайте, Анна Петровна. *(Уходит, свирепо взглянув на Карповну.)*

Анна Петровна. Ах, Карповна, уж кабы ты нам нашла жениха, я бы тебе такое спасибо сказала... Сама ты знаешь, мое дело женское, ничего я не знаю... Как это можно без мужчины!..

Карповна. Так вот, матушка, не было ни гроша, да вдруг алтын. Такой туз, что рукой не достанешь.

Анна Петровна. Кто ж такой — говори, не мучай.

Карповна. Сава Савич Белугин.

Анна Петровна. Что ты! Ведь миллионщик!

Карповна. Миллионщик, миллионщик.

Анна Петровна. Как же это он вздумал?

Карповна. Да что, матушка, дети одолели. Ведь у него дети-то поди-ка какие. Сам-от он в большом доме не живет, знаешь, что с балконом-то. Сыновья-то там запрутся, да и пьют, кранболь у них там всякий идет. Да что ж выдумали: выскочит это который-нибудь на балкон, глаза вытаращит, руки подымет, закричит страшным голосом да назад; потом, погодя немного, другой, так и прокуратят. Что хорошего!

Анна Петровна *(качая головой)*. А-я-яй, а-я-яй!

К а р п о в н а. Ну, сама посуди, отец-то смотрит, смотрит...

А н н а П е т р о в н а *(заглянув в окно и увидав идущую Хорькову)*. Ну, хорошо, Карповна, спасибо тебе. Сама ты знаешь, мое дело женское... зайди на днях, потолкуем... теперь некогда,— вон Хорькова идет.

К а р п о в н а. Зайду, зайду. *(Кланяется и уходит.)*

Входит Х о р ь к о в а.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

А н н а П е т р о в н а и Х о р ь к о в а.

А н н а П е т р о в н а. Арина Егоровна! Милости просим! Присядьте!

Х о р ь к о в а. Я ведь, Анна Петровна, на минуточку, совершенно на минуточку. Вообразите, была в городе — дай, думаю, зайду к Анне Петровне; они хоть и спесивы, никогда нас не навестят, ну да уж, думаю, зайду.

А н н а П е т р о в н а. Извините, матушка, все дела, ей-богу, некогда, сами посудите, дело мое женское: везде сама должна. Вот у нас теперь тяжба об доме, так ведь ночи не сплю. Ну, как отнимут, куда я денусь?.. А у меня дочь невеста.

Х о р ь к о в а. Вот я, Анна Петровна, благодарю бога. Вы знаете моего Мишу, такой скромный, такой почтительный. Мне, говорит, маменька, нужды нет, что вы женщина простая и необразованная, а я, говорит, образованный человек — я вас люблю и обожаю. Вы представьте, ведь он у меня теперь на линии дворянина. Старостиха наша говорит мне намедни: «У вас такой сын, Арина Егоровна, такой сын, что мы, говорит, все завидуем: скромный, почтительный, и никаких, говорит, шалостей за ним не слыхать. Что, говорит, вы его, Арина Егоровна, не жените?» А я думаю себе: понимаю, куда ты метишь. У нее, представьте, три дочери, и она помногу денег дает за ними; только девушки, я вам скажу, без всякого образования; хоть я и сама женщина необразованная, но очень хорошо могу понимать это. Прихожу домой, говорю:— Миша! Не хочешь ли, друг мой, жениться; мне, говорю, от богатых невест отбою нет,

все, говорю, друг мой, в тебя, за твою кротость и образование, влюбляются. Я, говорю, с тебя, друг мой, воли не снимаю — ты сам умнее меня и образованнее; а когда ты задумаешь, открой, говорю, мне свои мысли, я тебе найду невесту.— «Хоть я, говорит, маменька, и образованный человек, но я завсегда предпочитаю с вами об деле разговаривать».— Всякая, говорю, девушка за тебя пойдет с радостию, есть, говорю, у меня для тебя невеста и с богатством, и с красотой.— Миша меня, представьте себе, обнял и говорит мне: «Милая маменька, не в богатстве счастие, все, говорит, это тлен. Сходите, говорит, к Анне Петровне: я их уважаю; какое они обо мне мнение имеют; душевное, говорит, мое есть желание понравиться Марье Андревне».

Анна Петровна. Покорно вас благодарю, Арина Егоровна! Мне самой ваш сын очень нравится. Я все к вам думала побывать, да памяти нет: совсем и забуду, как забуду. Вы знаете мое душевное желание видеть Машеньку замужем поскорее; все средства употребляю, чтобы ей хорошего человека найти. Я, признаться вам сказать, смолоду была женщина избалованная: при муже, при покойнике, как за каменной стеной жила, ни во что не входила, а теперь, сами видите, маюсь, маюсь — разломит всю. Как это без мужчины в доме, посудите? Женщина я слабая, сырая, позабывчивая. Кабы мне ее с рук сбыть, я бы была гораздо покойнее.

Хорькова. Чего ж думать, Анна Петровна. Мишу моего вы знаете с хорошей стороны; в обществе он, по своему званию, превозвышен. Я, конечно, женщина простого звания, но совсем не тех понятий: я довольно далека от этого круга и довольно облагорожена в своих чувствах.

Анна Петровна. Я принуждать Машеньку не могу — это ее воля. Вы скажите Михайлу Иванычу, чтобы он постарался понравиться Машеньке,— я буду очень рада.

Хорькова. Он у меня такой застенчивый, всего боится. Странно, я говорю ему, Миша, ты человек образованный, а такой застенчивый; чего тебе, друг мой, с твоим умом и образованием бояться? — всякая девушка с радостию тебя полюбит. Так уж вы мне позвольте его обнадежить, Анна Петровна.

А н н а П е т р о в н а. Скажите ему, что я с своей стороны согласна и переговорю об этом с Машенькой.

Х о р ь к о в а. Покорно вас благодарим, мы будем надеяться. *(Молчание.)* Какой миленький чепчик на вас; почем вы брали ленточки?

А н н а П е т р о в н а. Уж и не спрашивайте — память ведь у меня плоха; кажется, по восьми, не то по семи гривен.

Х о р ь к о в а. Миленький, очень миленький... Вы мне одолжите выкроечку вашей визитки, хочется черный муаре сделать. Вот, представьте себе, так и сплю и вижу — непременно черный муаре.

А н н а П е т р о в н а. Куда это я ее засунула? Спросить у Дарьи надобно. Вот кабы Машенька замуж вышла, уж я к свадьбе-то бы себе какую-нибудь на Кузнецком мосту заказала, понарядней.

Х о р ь к о в а. Не советую, Анна Петровна, не советую. У меня есть знакомая портниха, она вам сделает просто и благородно. Я женщина простого звания, а люблю одеваться со вкусом и чтобы все было благородно. Мне Миша всегда говорит: «Вам, говорит, маменька, удивляться надобно, какой вы имеете вкус и рассудок. Я, говорит, вас люблю и уважаю; мне, говорит, нужды нет, что вы не получили никакого образования». Прощайте, Анна Петровна, поищите мне выкроечку.

А н н а П е т р о в н а *(встает)*. Пойдемте, она, должно быть, у меня в комнате; поищемте вместе.

Идут к двери. М и л а ш и н входит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Т е ж е и М и л а ш и н.

М и л а ш и н. Здравствуйте, Анна Петровна!

А н н а П е т р о в н а. Здравствуйте, Иван Иваныч! Машенька, должно быть, в саду гуляет.

Милашин подходит к окну.

Х о р ь к о в а *(осматривает Милашина)*. Кто это, Анна Петровна?

А н н а П е т р о в н а. Милашин, Иван Иваныч.

Х о р ь к о в а. Ну, это вашей дочке не жених.

А н н а П е т р о в н а. Какой жених!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Милашин *(один у окна)*. Что это! Мерич опять здесь! Ну, так и есть. Я этого и ожидал. Черт возьми, это досадно! Нет, я этого не позволю. *(Ходит по комнате.)* Сколько времени я все силы употребляю, чтоб ей понравиться, бьюсь, бьюсь — и все ничего; а тут какой-нибудь... Я решительно не могу видеть, как она с ним любезничает. Как бы мне его выжить отсюда! Жениться на ней? Так она за меня не пойдет, потому что мне жить нечем, да и, кажется, она не любит меня. Да из чего ж я бьюсь? Просто уйти, бросить и не обращать внимания. Но, однако же, надобно ей дать почувствовать. Надобно ей сказать: «У вас теперь, Марья Андреевна, есть новые знакомые, с которыми вам веселей, чем со старыми; но вы теряете друга, который был вам предан». Она, конечно, будет меня уговаривать, а я ей: «Нет, скажу, коли у вас есть лучше, так уж что же мне здесь делать; может быть, я вам уж надоел; прощайте, скажу... навсегда».— «Но зачем же навсегда, Иван Иваныч?» — «Нет, скажу, если прощаться, так навсегда, у меня такой характер». Взять шляпу и уйти... Ну, что ж потом! А, черт возьми! Она еще, пожалуй, будет рада, что я ушел, а Мерич и подавно! Так нет же, останусь, назло им; буду ходить каждый день, буду в глаза смеяться над Меричем: уж как-нибудь да я его выживу отсюда!.. Я на всякое средство решусь!.. *(Ходит по комнате.)*

Входят Марья Андреевна и Мерич.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Милашин, Мерич и Марья Андреевна.

Марья Андреевна. Здравствуйте, Иван Иваныч! Что, ушли свахи?

Милашин. Кажется, ушли; мне навстречу две попались.

Марья Андреевна. Как это скучно! *(Стоит задумавшись.)* Заходите к нам, Владимир Васильич, почаще. Обещайте.

Мерич. Смею ли я ослушаться, когда вы приказываете. Только я вам повторяю, Марья Андревна, я вас боюсь.

М а р ь я А н д р е е в н а. Полноте шутить-то!

Милашин делает гримасы довольно заметно.

(Милашину). Что с вами: вы нынче как будто не в духе?

М и л а ш и н. Так-с, у меня что-то голова болит.

М е р и ч. Голова болит! Это нехорошо. Вы лечитесь. Прощайте, Марья Андревна, засвидетельствуйте мое почтение маменьке.

М а р ь я А н д р е е в н а. Когда же вы к нам?

М е р и ч. Завтра, если можно.

М а р ь я А н д р е е в н а. Очень можно! Так завтра. Я буду ждать.

М е р и ч. Непременно. *(Уходит.)*

Марья Андреевна подходит к двери.

М а р ь я А н д р е е в н а. Смотрите же, не обманите.

М е р и ч *(за сценой)*. Честное слово!

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Марья Андреевна и Милашин.

М и л а ш и н. Что это он с вами говорил в саду, Марья Андревна?

М а р ь я А н д р е е в н а. А вам какое дело? Вы очень любопытны.

М и л а ш и н. Извините, Марья Андревна, я думал, что у вас с Меричем нет особенных секретов. Я не знал... Может быть, это что-нибудь такое, чего и сказать нельзя.

М а р ь я А н д р е е в н а. Может быть.

М и л а ш и н *(после непродолжительного молчания)*. Скажите, Марья Андревна, за что вы меня не любите?

М а р ь я А н д р е е в н а. Полноте, что вы! За что мне вас не любить?

М и л а ш и н. Конечно, я не так хорош, как Мерич; не бываю в обществе; не говорю по-французски. Нынче эти качества очень ценят. Будь глуп, как пробка, только умей любезничать, болтать... Вот что нынче нравится. Это смерть досадно!

М а р ь я А н д р е е в н а. Вы очень любезны.

М и л а ш и н. Вы меня извините, Марья Андревна, а я говорю правду; я не виноват, если это вам не нра-

вится... Чем я хуже какого-нибудь Мерича? Если б я захотел, я бы мог во сто раз быть лучше его. Мальчишка! Нигде не учился; выучился только болтать по-французски в каком-то пансионе. Я по крайней мере в гимназии курс кончил. Как он смеет смеяться надо мной! Ничего не делает, только числится на службе, чтобы первый чин получить. Что у него отец-то богат, так невелика важность!

Марья Андреевна. Что он вам мешает?

Милашин. Да помилуйте, самый пустой человек!

Молчание.

Марья Андреевна. Послушайте, Иван Иваныч, вы влюблены в меня?

Милашин в смущении.

Бедный, мне вас жаль! Извините вы меня...

Милашин. Пожалуйста, не жалейте! Что ж делать, насильно мил не будешь. Осчастливьте того, кто достойнее меня!

Дарья *(входит с самоваром)*. Матушка барышня, Платон Маркыч пришел.

Милашин. Очень кстати!

Марья Андреевна. Отчего ж не кстати?

Милашин. Да так, я его не люблю что-то.

Марья Андреевна. Вы, кажется, никого не любите.

Входят Анна Петровна с Добротворским.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Те же, Анна Петровна и Добротворский.

Добротворский. Так вот, сударыня, дело-то какого роду.

Анна Петровна. Понимаю, понимаю, Платон Маркыч. *(Садится к столу и наливает чай.)*

Добротворский. Здравствуйте, матушка барышня. что это вы не веселы?

Марья Андреевна. Да чему же мне радоваться-то, Платон Маркыч?

Добротворский. Да и то правда. Неурожай нынче, барышня, на женихов-то неурожай.

Анна Петровна. Чаю не угодно ли?

Добротворский. Выпью-с. Не с чего невестам веселым-то быть. Ну, да уж для вас, матушка барышня, постараюсь отыскать хорошего — будете благодарить. Я еще папеньку вашего знал покойного: благодетель для меня был. Так уж не извольте беспокоиться, постараюсь. Пожалуйте ручку.

Марья Андреевна. Нет, зачем, Платон Маркыч!

Добротворский. Ничего-с, пожалуйте. *(Целует руку.)*

Анна Петровна. Подвигайтесь, Платон Маркыч, сюда поближе.

Анна Петровна и Добротворский садятся с одной стороны стола, а Марья Андреевна и Милашин с другой.

Добротворский. Слушаю, сударыня! Народ-то нынче, я говорю, сударыня, поизветреничался, женихов-то трудно искать. В наше-то время, когда мы-то были молоды, бывало, чуть мальчик пооперится, поступит на службу, глядишь — женится. Тогда, сударыня, Анна Петровна, холостых-то что-то мало было и видно, а у нас в суде, так, поверите ли, ни одного холостого чиновника не было. А нынче как живут молодые люди, так только дивиться надо. А уж это непорядок.

Анна Петровна Какой уж это порядок! Что хорошего! Ох, да никак я вам сахару-то забыла. Что, Маша, положила я сахару Платону Маркычу?

Марья Андреевна. Положили, маменька.

Добротворский. Что вы, сударыня, изволите говорить?

Анна Петровна. Говорю, что хорошего,— нехорошо.

Добротворский. Нет, как можно, что хорошего! В наше-то время совсем не так было. Вот оно и невестам-то веселей было: долго-то не засиживались; разве уж которая с каким-нибудь недостатком телесным, горбатая там какая, да и теми не брезгали. Вот у моей у невестки, сударыня, шесть пальцев было на правой руке, мать-то все ахала, что, говорит, не возьмут...

Анна Петровна. Скажите!

Добротворский. Хороший человек взял — и ничего. Так я и говорю, сударыня, что невестам-то веселей было, задумываться-то было не о чем.

Марья Андреевна. Да я совсем об этом и не думаю.

Добротворский. Как, чай, не думать, барышня! Не скажете только, а то как не думать! Конечно, дело девичье: этого не говорят, как будто от совести; а то как не думать, все думают. Так ли я, сударыня, говорю?

Анна Петровна. Так, Платон Маркыч, так, уж что толковать! Не хотите ли еще чашечку?

Добротворский. Пожалуйте. Вот, матушка барышня, и ваша маменька то же говорит. *(Говорит потихоньку с Анной Петровной.)*

Милашин. Дурак!

Марья Андреевна. За что вы его браните?

Милашин. Он вас совсем не понимает! Он думает, что вы так же о женихах хлопочете, как невестка его, у которой было шесть пальцев.

Марья Андреевна. А пусть его думает, что хочет; он очень добрый человек.

Милашин. Однако что они там шепчут?

Марья Андреевна. Что-нибудь о своих делах.

Добротворский *(вполголоса)*. Прекрасный, сударыня, человек, и молодой еще, очень молодой. Он секретарь.

Анна Петровна. Что?

Добротворский *(громче)*. Секретарь, говорю. Чин небольшой — да место хорошее. Всего у него в доме много, лошади свои.

Анна Петровна. Что? Не слышу.

Добротворский. Лошади свои.

Марья Андреевна. Что такое он говорит?

Милашин. Это что-то интересно.

Анна Петровна. Послушай-ка, Машенька, Платон Маркыч какое нам одолжение делает: нашел человека, который хочет взяться за наше дело.— Говорит, что очень хороший молодой человек.

Добротворский. Прекрасный, барышня, человек; а уж делец какой—беда!

Анна Петровна. Никак я про вас-то и забыла, Иван Иваныч. *(Наливает ему чай.)* А не пьет он, Платон Маркыч?

Добротворский. Как, чай, не пить, да должно быть, немного: кабы много пил, так бы слышно было.

Анна Петровна. Вот, Машенька, хорошо, кабы ты ему понравилась.

Марья Андреевна. Да вы, маменька, опять за свой разговор.

Анна Петровна. Ах, боже мой! Что ж такое за важность! Ты ведь его еще не видала; посмотришь, может быть, и самой понравится.

Добротворский. Мы, сударыня, с ним к вам приедем.

Анна Петровна. Ах, Платон Маркыч, как я вам благодарна! Уж я, право, не знаю, как вам это и выразить.— Сами видите, наше дело женское, что мы знаем. Так только маешься.

Добротворский. И, сударыня, что это вы говорите! Я вашему супругу покойному много обязан был... По гроб не забуду. Благодетель мне был, дай ему, господи, царство небесное, место покойное. Чем же мне ему заплатить-то? Ну, стар стал, не на все ума хватает.

Марья Андреевна *(встает)*. Вы слышали, Иван Иваныч?

Милашин *(встает)*. Слышал. Это ужасно!

Марья Андреевна. Вот это у нас вечно такой разговор.

Милашин. Я не знаю. Я не могу прийти в себя. Одна мысль, что вы когда-нибудь будете принадлежать другому, убивает меня. Я, кажется, этого не перенесу.

Марья Андреевна. Вы все о себе. Вы обо мне-то подумайте хоть немножко.

Милашин. Что же об вас-то! Вы посмотрите, может быть, он вам понравится. Вы будете счастливы.— Что ж! Я готов пожертвовать даже жизнию, чтобы вы были счастливы.

Марья Андреевна. Это что такое! Полноте, перестаньте. Пойдемте в сад.

Уходят.

Добротворский. Так мы завтра приедем, сударыня. Об деле потолкуем, да он Марью Андревну посмотрит. Может, она ему и понравится. Вот два дела разом и сделаем.

Анна Петровна. Хорошо бы, Платон Маркыч, очень хорошо. Тяжба-то эта у меня из головы ней-

дет,— ночи ведь не сплю. Ну, как дом-то отнимут, куда я денусь? Да и Машеньку-то уж пора выдавать, право, пора.

Добротворский. Чего, матушка, ждать! Самое время. Покорно благодарствуйте, сударыня! *(Перевертывает чашку.)* Прощенья просим.

Анна Петровна. Прощайте, Платон Маркыч; так мы ждать будем.

Добротворский. Хорошо-с.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена представляет небольшой тенистый сад: направо от зрителей скамейка, сзади которой большой куст. Хорьков сидит на скамейке, повеся голову.

СЦЕНА I

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Хорьков. Ушел, струсил! Какой я жалкий человек! Однако что я делаю наконец! За что же я гублю себя? Вот уж три года, как я кончил курс, и в эти три года я не сделал ровно ничего для себя. Меня обдает холодом, когда я вспомню, как я прожил эти три года! Лень, праздность, грязная холостая жизнь — и никаких стремлений выйти из этой жизни, ни капли самолюбия! Для себя я ни на что не решусь, я это знаю. В ней мое единственное спасение, а я не смею сказать ей, что люблю ее. Нет, надобно кончить! Неужели она не сжалится надо мной? Для нее я бы стал работать, трудиться; она одна только способна привязать меня к жизни. *(Садится.)* Боже мой, как я люблю эту девушку! Как я люблю ее!

Хорькова входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Хорьков и Хорькова.

Хорькова *(садясь на скамейку)*. Как это тебе, Миша, не стыдно! Зачем ты ушел? Только что я стала выра-

жать Марье Андревне, как ты их любишь и как ты об них относишься, ты сейчас и бежать... Я необразованная женщина, да никогда не конфужусь, а ты всего конфузишься.

Х о р ь к о в. Ах, маменька! Не говорите, сделайте милость, обо мне с Марьей Андревной! Я сам поговорю. Вы и так про меня всегда бог знает что рассказываете.

Х о р ь к о в а. Да, дождешься тебя! Странно это, Миша, ты человек образованный...

Х о р ь к о в. Да, маменька, я образован, у меня сердце доброе; кроме этого, я знаю, что со мной она будет счастлива, что только я один могу оценить ее, что она погибнет в этом кругу жертвой расчета или невежества... но я боюсь, что она мне откажет.

Х о р ь к о в а. Ах, боже мой! Свет-то не клином сошелся — найдем другую.

Х о р ь к о в. Где я найду другую? Хорошо, что случай свел меня с Марьей Андревной, я ее узнал, полюбил... Да поверьте же вы мне, что я так люблю Марью Андревну, что никого не могу видеть, кроме ее... Я и не думал, что так могу полюбить. Я измучился в последнее время... Вы видите, я плачу... Я не могу жить без нее.

Х о р ь к о в а. А коли любишь, так откройся — это всегда так делают.

Х о р ь к о в. Я поговорю с ней, непременно поговорю: надобно же чем-нибудь кончить... А что, если она мне откажет? Теперь по крайней мере есть надежда, есть мечты, а тогда что?

Х о р ь к о в а. Странно это, Миша: ты человек образованный, а что ты делаешь, как погляжу я на тебя. Никакого ты знакомства не имеешь, делом не занимаешься, валяешься дома в халате с трубкой. Вот теперь влюбился, а сказать боишься Ты посмотри, как другие-то образованные люди живут: барышни за ними сами ухаживают... Вот, кажется, Марья Андревна сюда идет.

Х о р ь к о в. Маменька! Ради бога, не говорите ни слова!

Х о р ь к о в а. Сделай милость, не учи! Я хоть женщина и необразованная, а умею себя вести.

М а р ь я А н д р е е в н а входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Марья Андреевна.

Хорькова *(встает)*. Погулять вышли?

Марья Андреевна. Да, немножко освежиться. *(К Хорькову.)* Вы что здесь делаете?

Хорьков. Так-с, мечтаю...

Хорькова. Он у меня все тоскует.

Марья Андреевна. Об чем?

Хорькова. Влюблен, должно быть: я так замечаю по его словам.

Хорьков. Маменька!

Хорькова. Посмотрите, как страдает: право, мне на него даже тяжело смотреть.

Хорьков. Маменька! Ах, боже мой!

Марья Андреевна. Право, мне не верится. В кого же влюблен Михайло Иваныч?

Хорькова. Уж это извольте спросить сами. Миша! *(Делает ему знак и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Хорьков и Марья Андреевна.

Марья Андреевна *(садясь подле Хорькова)*. Что вы такие скучные? Вы в самом деле влюблены?

Хорьков. Да, я не знаю, что со мной делается.

Марья Андреевна. А я так плачу нынче целое утро.

Хорьков. Об чем же вы плачете?

Марья Андреевна. Маменька все с женихами пристает. Какой-то купец старик, да нынче еще чиновник приедет. Как вам это покажется?

Хорьков. Это ужасно!

Марья Андреевна. Да и к тому же, Михайло Иваныч,— я с вами буду говорить откровенно, потому что мы очень дружны с вами. Не правда ли? *(Протягивает ему руку.)*

Хорьков *(берет ее руку)*. Говорите, говорите.

Марья Андреевна. Я сама влюблена немножко.

Хорьков *(встает быстро)*. Вы?

Марья Андреевна. Что вы так испугались? Не бойтесь, не в вас.

Хорьков *(садится)*. Нет-с. Я так, извините.

М а р ь я А н д р е е в н а. Как вы испугались! А вы думали, что в вас? Не бойтесь, не бойтесь: я не потревожу вашей солидности. *(Молчание.)* Вот какое мое положение, Михайло Иваныч. Что вы мне посоветуете?

Х о р ь к о в. Я-с? Я решительно ничего.

М а р ь я А н д р е е в н а. Я теперь не могу ни за кого идти... Неделю прежде я бы пошла, если бы нашелся хороший человек.

Х о р ь к о в. Неужели ни за кого?

М а р ь я А н д р е е в н а. Решительно ни за кого.

Х о р ь к о в. А если б я за вас посватался? *(Принужденно смеется.)* Я шутя вас спрашиваю.

М а р ь я А н д р е е в н а. И за вас бы не пошла. Я с вами дружна, а любить вас не могу.

Х о р ь к о в *(с возрастающим волнением)*. А как бы я любил вас! Как бы я старался угождать вам! С какой бы готовностью исполнял малейшее ваше желание! С какой бы благодарностью я принимал каждую вашу ласку!

М а р ь я А н д р е е в н а *(взглянув на него)*. Вы шутите?.. Впрочем, если бы вы посватались, мне все-таки было бы не так тяжело: я вам могу откровенно сказать, что вас не люблю, и вы не обидитесь, а другие еще обижаются.

Х о р ь к о в. Да, да, конечно. *(Молчание.)*

М а р ь я А н д р е е в н а. Что, каков человек — Мерич?

Х о р ь к о в. Мерич?

М а р ь я А н д р е е в н а. Да, Владимир Васильич.

Х о р ь к о в. Не знаю, Марья Андревна, что вам сказать; право, не знаю.

М а р ь я А н д р е е в н а. То есть вы не хотите. Однако прощайте: мне пора к маменьке. *(Уходит.)*

Х о р ь к о в. И я, дурак, мечтал о счастии!.. Боже мой, боже мой!.. *(Сидит, закрывши лицо руками.)*

М и л а ш и н и М е р и ч входят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Х о р ь к о в, М и л а ш и н и М е р и ч.

М е р и ч. Что нынче здесь за праздник? Дарья такая нарядная; так разрядилась, что смотреть не хочет. Бегает взад и вперед с крахмальными юбками.

М и л а ш и н. Гостей ждут.
М е р и ч. Каких же это гостей?
М и л а ш и н. Приедет какой-то чиновник по делу Анны Петровны. Да его, кажется, прочат в женихи Марье Андревне. Это ужасно досадно!
М е р и ч. Что же вы не женитесь на Марье Андревне?
М и л а ш и н. Я-с? По самой простой причине. Нам будет жить нечем: у меня нет состояния, у нее также.
М е р и ч. А любовь? С милым рай и в шалаше. Мне кажется, что она вас любит.
М и л а ш и н. Может быть! Да-с, может быть! Разве вы что-нибудь заметили?
М е р и ч. Нет, я нарочно, Иван Иваныч,— она вас не любит.
М и л а ш и н. Почему же вы так думаете?
М е р и ч. Я не думаю, а наверное знаю. Она мне сама сказывала.
М и л а ш и н. Это странно, что Марья Андревна так говорит. Это обидно даже. Мне, конечно, все равно: любит ли она меня, или нет, я на это никакого внимания не обращаю. Я сам к ней совершенно равнодушен. Да зачем говорить? Этим она хочет показать, что я за ней ухаживаю. Нет, уж я предоставлю это другим.
М е р и ч. И прекрасно! И я бы на вашем месте то же сделал. Однако это жалко, если она выйдет замуж: она такая хорошенькая. Мне всегда жаль, когда хорошенькие девушки замуж выходят. Вам не жаль?
М и л а ш и н. Нет, не жаль.
М е р и ч. Софи Барашкова тоже недавно вышла замуж. Вы ее не знали?
М и л а ш и н. Нет, не знал.
М е р и ч. Мы были очень привязаны друг к другу. Вам я могу признаться, Иван Иваныч, вы, конечно, никому не скажете: она меня очень любила. Вот, посмотрите, какое она мне письмо написала перед свадьбой. *(Вынимает.)* Хотите прочесть?
М и л а ш и н. Зачем же я буду читать чужие письма?
М е р и ч. Как хотите! *(Прячет опять.)* Я надеюсь, что вы никому не скажете. Марья Андревна, вероятно, в комнатах,— я пойду к ней! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Милашин и Хорьков.

Хорьков. Иван Иваныч!

Милашин. А, вы здесь! Я вас и не заметил.

Хорьков. Что, этот Мерич часто здесь бывает?

Милашин. Прежде редко бывал, а теперь опять стал каждый день ходить.

Хорьков. Это дурно.

Милашин. Да вы представьте мое-то положение: каждый день ходит, черт знает зачем!

Хорьков. Да вам-то что ж?

Милашин. Нет, как хотите, Михайло Иваныч, это мне ужасно неприятно.

Хорьков. Тут не об вас толк. Он может иметь очень дурное влияние на Марью Андревну. Я его давно знаю. Он еще мальчишкой был, сам к себе письма писывал да хвастался товарищам в пансионе, что от барышень получает. Если вы имеете влияние на Марью Андревну, так вы ее предостерегите: мне будет очень жаль, если она поверит этому пустому человеку.

Милашин. Хорошо, Михайло Иваныч. Покорно вас благодарю, что вы мне открыли глаза насчет этого человека. Я ей непременно скажу.

Хорьков. Да поверит ли она вам?

Милашин. Поверит, непременно поверит: она меня очень любит.

Хорьков. Едва ли, Иван Иваныч! Мне кажется, что она вас совсем не любит.

Милашин. Отчего вы так думаете? Разве я хуже других? Нет, уж извините! Вы меня не знаете: меня тоже женщины очень любят.

Хорьков. Ну, положим, что так. Только надо сделать поумнее, чтобы Марья Андревна не подумала, что мы из ревности хлопочем. Эх, не хочется мне с ним связываться-то только, а то бы я его сразу выгнал отсюда.

Милашин. Хотите, я это сделаю? Я буду в глаза смеяться над ним.

Хорьков. Из этого ничего не выйдет; Марья Андревна на вас рассердится, и только. А впрочем, что нам за дело, пусть их как хотят! *(Молчание.)* Чудак этот Мерич! Мне случайно попалась тетрадка из его днев-

ника да несколько писем, которые он писал нашей соседке, а та отдавала мужу,— уж чего там нет!

Милашин. Одолжите мне этих писем на время.

Хорьков. На что они вам? Пожалуй, возьмите.

Милашин. Покорно вас благодарю! *(Берет его за руку.)* Вы меня очень обязали.

Хорьков. Да за что вы меня благодарите: я стараюсь об Марье Андревне, а не об вас, потому что очень люблю ее и принимаю в ней большое участие.

Милашин. И я люблю...

Хорьков. Я верю. Мерич может очень много вреда сделать Марье Андревне. Он человек совершенно без правил.

Милашин. Да и мне ужасно надоел: старается очернить меня в глазах Марьи Андревны, мешает мне.

Хорьков. Пойдемте домой, Иван Иваныч; нам, кажется, нечего здесь делать.

Милашин. Нет, мне нельзя уйти; мне надобно здесь остаться. Марья Андревна, пожалуй, рассердится, что я ушел.

Хорьков. Не беспокойтесь, не рассердится; ей теперь не до вас: нынче Анна Петровна ждет какого-то чиновника, которого она хочет просить о своем деле. Что вы будете здесь делать?

Милашин. Пожалуй, пойдемте.

Уходят. С другой стороны выходят Мерич и Марья Андреевна.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Марья Андреевна и Мерич.

Мерич. Прощайте, Марья Андревна.

Марья Андреевна. Куда вы? Мне будет скучно одной; посидимте здесь немножко.

Садятся.

Мерич. Я слышал от Милашина, Марья Андревна, что вам сватают какого-то жениха.

Марья Андреевна. Да, Владимир Васильич, поминутно сватают то одного, то другого.

Мерич. И вы пойдете?

Марья Андреевна. Не знаю; но что же мне делать? Надо же выйти замуж.

М е р и ч. Ну, я с своей стороны не вижу никакой необходимости; разве вас что-нибудь заставляет?

Марья Андреевна. Много причин. Вы не знаете наших обстоятельств.

М е р и ч. Но, боже мой, неужели это так необходимо?

Марья Андреевна. Маменька говорит, что необходимо.

М е р и ч. Это ужасно! Пожертвовать собой! Что вы делаете, Марья Андревна! Вы созданы для того, чтобы любить и быть любимой. Красотой должны любоваться все. Вы не имеете даже права отнять у нас это наслаждение и на всю жизнь отдаться одному человеку.

Марья Андреевна. Вы все шутите!

М е р и ч. Нет, не шучу. Вы рассудите, Марья Андревна, что это за жизнь! Одна минута истинной любви дороже такой жизни... Ну, в деле сердца я бы не послушался маменьки. Для маменьки вы хотите губить свое счастие и счастие других. Какой еще вы ребенок!

Марья Андреевна. Да, если б это счастие было возможно для меня! А то мне нечего жалеть, нечего ждать! Меня никто не любит, я тоже никого не люблю.

М е р и ч. Вы никого не любите?

Марья Андреевна. Никого.

М е р и ч. И вас никто не любит?

Марья Андреевна. Мне кажется.

М е р и ч. В таком случае, другое дело. Но все-таки страшно пожертвовать собой расчетам других.

Марья Андреевна. Что ж делать-то! Я буду выбирать такого человека, который, имея состояние, удовлетворял бы несколько и моим требованиям.

М е р и ч. Откуда в вас такая положительность, такие практические правила?

Марья Андреевна. Нужда научит.

М е р и ч. Если вы решились, я не хочу поколебать вашей решимости; она делает вам честь. Но что, если б вы полюбили кого-нибудь, если б вам случилось встретить человека, который вас любит пламенно, со всем пылом юношеской страсти?

Марья Андреевна. Я не знаю, Владимир Васильич, но едва ли это случится когда-нибудь.

М е р и ч *(меланхолическим тоном)*. Теперь, когда уж дело кончено, когда вы соглашаетесь пожертвовать

собой для вашей маменьки, что, разумеется, очень похвально, я могу вам сказать, что я вас любил, Марья Андревна, любил страстно; я вас до сих пор люблю так, как никто вас любить не будет!

М а р ь я А н д р е е в н а. Вы меня не обманываете, Владимир Васильич?

М е р и ч. О нет, нет...

М а р ь я А н д р е е в н а. Вы меня не обманываете?

М е р и ч. Все клятвы, какие я знаю...

М а р ь я А н д р е е в н а. Не нужно, не нужно... Ах, Владимир Васильич! Не обманывайте меня, ради бога! Вам так легко меня обмануть — я сама вас... люблю...

М е р и ч. Ангел мой! Я не верю своему счастию... Зачем же слезы! Марья Андревна! Машенька! Мери! *(Целует руку.)* Ну, взгляни на меня. Ты хороша! Ах, как ты хороша в эту минуту! Я бы желал, чтобы теперь весь свет тебя видел с этими слезами на глазах.

М а р ь я А н д р е е в н а. Я, кажется, дурно сделала, что призналась вам.

М е р и ч. Отчего же дурно? Тебе совестно, что у тебя есть сердце, что ты выше всех этих бесчувственных кукол, которые хвастаются тем, что не любили никогда. Я могу оценить твою любовь.

М а р ь я А н д р е е в н а. Я надеюсь. *(Припадает к нему.)* Ах, не смотри на меня, я, право, такая глупая; я думала, что у меня достанет твердости скрыть мою любовь.

М е р и ч. Да зачем же скрывать ее?

М а р ь я А н д р е е в н а. Да, теперь уж, конечно, незачем. Напротив, теперь я хотела бы тебе вдруг открыть свою душу, чтобы ты знал, как много я люблю тебя.

М е р и ч. Зачем? Ты и так для меня дороже всего на свете.

М а р ь я А н д р е е в н а. Нет, Владимир, нет, ты так меня не любишь, как я тебя люблю. Ты для меня все теперь, все, все! Ты веришь моим словам?

М е р и ч. А ты моим веришь?

М а р ь я А н д р е е в н а. Не знаю: и хочется верить, и боюсь... С твоей стороны будет безжалостно обмануть меня.

М е р и ч. К чему эти черные мысли! Посмотри, вся природа нам улыбается.

Сидят несколько времени молча.

М а р ь я А н д р е е в н а. Ах, боже мой, я и забыла: нынче к нам хотел приехать чиновник какой-то. Маменька так хлопочет, велела мне одеться хорошенько.

М е р и ч. Уж не жених ли какой-нибудь?

М а р ь я А н д р е е в н а. Не знаю. Ты, впрочем, не беспокойся. Я скажу маменьке, что не нравится... Уж как-нибудь сделаю.

М е р и ч. И скоро будет?

М а р ь я А н д р е е в н а. Я думаю, скоро.

М е р и ч. Так я пойду, прощай.

Встают со скамейки.

М а р ь я А н д р е е в н а. Прощай. Когда же ты придешь? Приходи завтра поутру, маменьки не будет дома.

М е р и ч *(целует ее)*. Приду, приду. Прощай! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

М а р ь я А н д р е е в н а *(одна, прислонившись к дереву)*. Он ушел! Хорошо ли я сделала? Мне и стыдно и весело. Что, если это только шалость с его стороны? Боже мой, как мне совестно за себя! *(Молчание.)* А если он любит в самом деле? Он всегда такой скучный, печальный. Он говорит, что до сих пор постоянно обманывался в женщинах. Ах, как бы мне хотелось знать, любит ли он меня... а я его очень люблю. Чего я для него не сделаю!.. все, все, все!.. *(Стоит, закрывши лицо платком.)*

Входит Д а р ь я.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

М а р ь я А н д р е е в н а и Д а р ь я.

Д а р ь я. О, чтоб вас! Сбилась с ног нынче день-то деньской... Барышня, а барышня! Где вы тут?

М а р ь я А н д р е е в н а. А! Что?

Д а р ь я. Ищу, матушка, засовалась совсем, как угорелая кошка. Кто-то приехал, маменька вас спрашивает.

М а р ь я А н д р е е в н а. Приехал! Ах, боже мой!

Д а р ь я. Пойдемте, я вам головку причешу, да и платьице-то бы другое надели.

М а р ь я А н д р е е в н а. Пойдем, пойдем.

Уходят.

СЦЕНА II

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Добротворский и Беневоленский входят.

Д о б р о т в о р с к и й. Пожалуйте, Максим Дорофеич, пожалуйте. Признаться сказать, вас не ждали так рано. Поторопились, батюшка, раненько пожаловали. Ну, известно, женское дело. Повремените маленечко.

Б е н е в о л е н с к и й. Ты говорил, что здесь есть барышня хорошенькая. Ты смотри — я ведь разборчив.

Д о б р о т в о р с к и й. Нет, как же можно, помилуйте, Максим Дорофеич. Такая барышня, что генералу взять не совестно. Я еще с папенькой ихним был знаком...

Б е н е в о л е н с к и й. А хорошо ли она образованна?

Д о б р о т в о р с к и й. Отлично образованна.

Б е н е в о л е н с к и й. То-то же. Ты ведь знаешь меня, Платон Маркыч, у меня и состояние есть, и место, ну и знакомство. Мне такую невесту нужно, чтобы не стыдно было в люди показать: ну, чтоб и хозяйка в доме была, знаешь, в этаком чепчике, по-нынешнему, чтобы принять кого-нибудь... Ну, чтобы и тон этакий светский. Понял ты меня?

Д о б р о т в о р с к и й. Как не понять! Уж, конечно, что вам за крайность на дурной жениться, сами-то вы ишь какой молодец! Ах, батюшка, голубчик! *(Треплет его по спине и потом кланяется.)*

Б е н е в о л е н с к и й. Ну, то-то же. Что, манишка у меня тут вот сзади не выбилась?

Д о б р о т в о р с к и й. Нет-с, ничего — в исправности. Причесаться вам разве не угодно ли — вот гребеночка.

Б е н е в о л е н с к и й *(берет и причесывается перед зеркалом)*. Ну, так как же, братец, ты говоришь, хороша барышня-то?

Д о б р о т в о р с к и й. А вот увидите, Максим Дорофеич. Что прежде времени говорить, сами посмотрите.

Б е н е в о л е н с к и й. Посмотрим, братец, посмотрим. А отдадут за меня, коли мне понравится?

Д о б р о т в о р с к и й. Как, чай, не отдать. Да ведь что ж такое: попытка не шутка, а спрос не беда.

Б е н е в о л е н с к и й. Хорошо, братец, хорошо. *(Садится.)* Платон Маркыч! Ты не видал у меня дрожки?

Д о б р о т в о р с к и й. Нет, не видал-с.

Б е н е в о л е н с к и й. А вороную, что на пристяжке ходит, не видал? Вот посмотри! *(Показывает в окно.)* Что, хороша?

Д о б р о т в о р с к и й. Ах, проказник вы, проказник, Максим Дорофеич! Да ведь, чай, некупленая?

Б е н е в о л е н с к и й. Разумеется.

Д о б р о т в о р с к и й. Ну, так даровому коню в зубы не смотрят.

Молчание.

Б е н е в о л е н с к и й. Послушай, Платон Маркыч, найди мне где-нибудь органчик небольшой.

Д о б р о т в о р с к и й. Извольте, батюшка! На что вам?

Б е н е в о л е н с к и й. Канареек учить.

Д о б р о т в о р с к и й. Хорошо, поищу.

Б е н е в о л е н с к и й. Поищи. *(Вынимает табакерку, нюхает.)* Хочешь?

Д о б р о т в о р с к и й *(нюхает, потом берет табакерку и взвешивает то на одной, то на другой руке)*. Вещичка-то хорошая! Где изволили приобресть?

Б е н е в о л е н с к и й. Так, нечаянно хороший человек набежал. Да не помнишь ли ты, было у нас дело купца Пересемкина с малолетными наследниками купеческой племянницы Акулины Незамайкиной, доходило до Правительствующего сената и возвращено для справок...

А н н а П е т р о в н а входит.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Анна Петровна.

Беневоленский. Честь имею представиться. Коллежский секретарь Беневоленский.

Анна Петровна. Очень приятно познакомиться. Милости просим садиться. Служить изволите-с?

Беневоленский. Как же, служу-с с восемьсот тридцать восьмого года. Я вам скажу,— я очень доволен своим местом и своим начальством. К службе я человек усердный, с подчиненными строг.

Анна Петровна. И родство имеете здесь, в Москве?

Беневоленский. Нет, совершенно никого-с.

Анна Петровна. Я думаю, вам *(к Добротворскому)*... Как, бишь, Платон Маркыч, я все забываю?

Добротворский. Максим Дорофеич.

Анна Петровна. Памяти нет совсем, Максим Дорофеич! Вот что ты будешь делать, право. Я думаю, вам, Максим Дорофеич, скучно. Я вот по себе сужу, дело женское, сами знаете... Еще при покойнике-то было туда-сюда: ну знакомство все этакое, а теперь просто не знаю, что делать.

Беневоленский. Я с вами, сударыня, согласен.

Анна Петровна. Вот процесс теперь. Как это без мужчины; пожалуй, проиграешь.

Беневоленский. А позвольте узнать, в чем состоит ваше дело?

Анна Петровна. Я уж и не запомню всего-то, еще, пожалуй, перевру, а вот уж вам Платон Маркыч расскажет.

Добротворский. Вникните, батюшка, Максим Дорофеич, вникните!

Беневоленский. Хорошо, я посмотрю. Если можно что-нибудь, сударыня, сделать, так сделаем, а если нельзя, так не взыщите — наше дело такое. Конечно, кто богу не грешен, царю не виноват, но я вам доложу, нынче насчет этого очень строго.

Добротворский. Точно, матушка, строго. Это они правду говорят. Строгости пошли. Это так точно.

Анна Петровна. Скажите пожалуйста!

Беневоленский. Нынче уж держи ухо востро. Я вам про себя скажу: в постоянном страхе находишься. Нельзя, чтобы грешков не было; того гляди, под суд отдадут, выгонят из службы, куда денешься?

Ну, хорошо, я холостой человек, а другой женатый...

Анна Петровна. А вы не намерены обзавестись семейством?

Беневоленский. Это вопрос, сударыня, очень важный в жизни, особенно в моей. Я имею состояние, всего у меня много, своих лошадей держу. Кабы посмотрели, какую я квартиру занимаю; вон Платон Маркыч видел. Ты видел, Платон Маркыч, квартиру?

Добротворский. Как же, видел-с; квартира отличная.

Беневоленский. Следовательно, чего же я должен искать, я вас спрашиваю?

Анна Петровна. Подругу жизни, Максим Дорофеич, я так думаю.

Беневоленский. Я с вами согласен, сударыня. Но, сколько мне известно, всякая жена есть подруга жизни. Я должен преимущественно искать хозяйку. Мое дело приобретать всеми силами, а ее дело хозяйничать. У меня порядку нет в доме; ведь, пожалуй, и растащат у холостого человека. Все может случиться.

Анна Петровна. Что мудреного, Максим Дорофеич.

Добротворский. Мудрено ли, долго ли до греха. Это точно.

Беневоленский. Я желал бы, чтоб недурна была собой и образованна, чтобы не стыдно было в люди показаться, выехать куда-нибудь. Хотя у нас знакомство и не важное, все больше мелкие чиновники, но все-таки, знаете ли, я вам скажу откровенно, приятно иметь красивую и образованную жену. А главное — мне нужно хозяйку.

Анна Петровна. Вы справедливо рассуждаете, Максим Дорофеич; но, может быть, вы захотите также большого приданого?

Беневоленский. Я? Нет-с, я не того ищу. Девушку с состоянием за меня не отдадут, по незначительности моего происхождения и даже самого положения в свете. А есть невесты благородные и образованные, но бедные — и для них-то, я вам без гордости скажу, такой жених, как я,— находка.

Анна Петровна. Я с вами согласна, Максим Дорофеич.

Беневоленский. Разумеется, я красотой не могу похвалиться; образование я тоже получил, сказать вам по простонародному выражению, на медные деньги; но я видел людей, не конфужусь в обществе и могу сказать, что очень развязен даже с дамами. Теперь я вас спрошу, что такое красота в мужчине? — Последнее дело.

Анна Петровна. Это одна глупость, Максим Дорофеич... Так, фантазии.

Беневоленский. Умная девушка не обратит внимания на красоту; для нее довольно, чтобы мужчина был умен, ну там... одет порядочно...

Анна Петровна. Непьющий...

Беневоленский. Конечно... А знаете ли вы, сударыня, я вам осмелюсь сказать, что в мужчине даже и это ничего. Как ты думаешь, Платон Маркыч, об этом?

Добротворский. Ничего, сударыня Анна Петровна, мужчине это не мешает. Был бы добрый человек.

Анна Петровна. Ну, как же, Платон Маркыч? Разве уж изредка, а то как же?

Беневоленский. В женщине это порок, я с вами согласен, а для мужчины даже составляет иногда необходимую потребность. Особенно, если деловой человек: должен же он иметь какое-нибудь развлечение. Разумеется, я сам первый осуждаю тех, которые имеют к этому большое пристрастие. *(Молчание.)* Так вот, сударыня, я какое мнение имею насчет женитьбы. Впрочем, мне еще торопиться некуда, я могу выбрать невесту совершенно по моему желанию.

Добротворский. Куда вам торопиться, что вам за крайность.

Входит Марья Андреевна.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же и Марья Андреевна.

Анна Петровна. Дочь моя, Машенька! Максим Дорофеич Беневоленский!

Беневоленский. Очень приятно познакомиться. *(Подходит к руке, потом садится рядом очень развязно.)* Вы, я слышал, очень любите музыку?

Марья Андреевна. Иногда, от скуки, играю.

Анна Петровна. Неправда, неправда: все сидит за фортепьянами, никак не отгонишь. Что, бишь, ты, Маша, играешь-то так часто, я все позабываю?

Марья Андреевна. Право, не знаю — я много играю.

Анна Петровна. Нет, вот это, что ты еще нынче играла?

Марья Андреевна. Из «Роберта-Дьявола» —Grace.

Анна Петровна. Да, да. *(Тихо.)* Будь поразвязнее.

Беневоленский. Вообразите, я никогда не видал этой оперы; говорят, очень хорошая музыка. Как-то раз собрались компанией, да и то не попали.

Анна Петровна. Как же это?

Беневоленский. Очень просто. Мы прямо из присутствия зашли обедать в трактир, чтобы оттуда отправиться в театр. Ну, люди молодые, про театр-то и позабыли; так и просидели в трактире.

Марья Андреевна *(тихо)*. Это ужасно!

Беневоленский. Я сам тоже люблю музыку, но, к несчастию, я не играю ни на одном инструменте, да деловому человеку это и не нужно. Играл прежде на гитаре, да и то бросил — некогда, совершенно некогда.

Марья Андреевна *(про себя)*. О, господи!

Беневоленский. Вы, может быть, занимаетесь литературой? Барышни обыкновенно романы читают; еще в пансионах начинают читать потихоньку от надзирательницы.

Марья Андреевна. Да, я читаю кой-что. А вы?

Беневоленский. Я совершенно отстал; прежде читал, а теперь, знаете ли, дела, так решительно ничего не читаю.

Анна Петровна. Что это ты, Машенька! Когда читать Максиму Дорофеичу: у него и без того дела много, без этих глупостей.

Беневоленский. Что же нынче пишут, скажите?

Анна Петровна. Бог знает, что пишут, чего никогда не бывает — одни фантазии.

Добротворский. Именно, сударыня, фантазии. Так — мечта.

Беневоленский. Вероятно, больше все про любовь пишут.

Анна Петровна. Какая любовь! Все глупости, никогда этого не бывает. Чайку, Максим Дорофеич, не угодно ли?

Беневоленский. Нет-с, покорно благодарю — я до него совсем не охотник.

Добротворский. Что, сударыня, за чай; не такие мы гости, чтоб чай пить. А вы велите-ка закусочку подать, так мы с Максимом Дорофеичем по рюмочке бы выпили.

Анна Петровна. Сейчас, батюшка, сейчас. Извините меня, я вас оставляю на минуточку. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же, без Анны Петровны.

Беневоленский. Это ты недурно выдумал, Платон Маркыч. *(Вынимает часы. К Марье Андреевне.)* Я обыкновенно в это время водку пью, такую уж привычку сделал.

Добротворский. Хе, хе, хе! А то что за чай! Что мы, дети, что ль, маленькие!

Беневоленский. Ваша маменька об любви рассуждает, как старый человек; я им не хотел противоречить, потому что понимаю уважение к старшим. А я совсем противного мнения об любви; я сам имею сердце нежное, способное к любви; только у нас дел очень много: вы не поверите, нам подумать об этом некогда. *(Смотрит на нее нежно.)* Какие вы конфекты любите?

Марья Андреевна. Я никаких не люблю.

Беневоленский. Не может быть, вы меня обманываете. Вы хотите, чтоб я угадал ваш вкус. Позвольте мне привезти вам в следующий раз. Платон Маркыч, какие Марья Андревна конфекты любят, они не сказывают?

Добротворский. Не знаю-с; надо у маменьки спросить.

Беневоленский. А вот мы спросим.

Марья Андреевна. Пожалуйста, не беспокойтесь; я не хочу никаких конфект.

Беневоленский. Ну, уж как вам угодно, а я все-таки привезу.— Позвольте вас попросить сыграть что-нибудь.

Марья Андреевна. Я, право, ничего не играю.

Б е н е в о л е н с к и й. Сделайте одолжение, я стану на коленях просить вас.

М а р ь я А н д р е е в н а. Ах нет, зачем же! Извольте. *(Садится к фортепьянам, берет несколько аккордов и начинает играть.)*

Входит А н н а П е т р о в н а, за ней Д а р ь я вносит закуску, ставит на стол и уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Т е ж е и А н н а П е т р о в н а.

А н н а П е т р о в н а. Не угодно ли, Максим Дорофеич; пожалуйте, без церемонии.

Б е н е в о л е н с к и й. Не беспокойтесь.

Д о б р о т в о р с к и й. С вас начинать. *(Наливает.)* Пожалуйте.

Б е н е в о л е н с к и й *(пьет, потом закусывает и, еще не прожевавши, подходит к фортепьянам и начинает подпевать. Марья Андреевна оборачивается и взглядывает на него вопросительно)*. Не в тон взял... Сделайте милость, продолжайте.

А н н а П е т р о в н а. Играй, Машенька.

Д о б р о т в о р с к и й. Марья Андревна отменно играют.

Б е н е в о л е н с к и й. Очень проворно. У меня был товарищ, он был регентом в певчих, так он на фортепьянах все, что вам угодно, самоучкой играл, по слуху; только проворства в пальцах нет; ну, вот что вы хотите, нет проворства.

Д о б р о т в о р с к и й. Не повторить ли, Максим Дорофеич? Как это говорится-то: репетиция...

Б е н е в о л е н с к и й. Est mater studiorum [1]. Да, это правда. Налей.

Д о б р о т в о р с к и й *(наливает)*. Пожалуйте, готово-с.

Б е н е в о л е н с к и й *(пьет и закусывает)*. Прекрасный балык.

А н н а П е т р о в н а. Уж не знаю, Максим Дорофеич, коли не обманул купец, так хорош. Везде все сама. Дело женское, сами знаете, долго ли обмануть? Без мужчины в этом деле никак нельзя. Как это без мужчины, посудите сами!

---

[1] ... мать учения *(лат.)*.

Добротворский *(отводит к стороне Беневоленского и говорит тихо)*. Ну, батюшка, Максим Дорофеич, как вам наша барышня показалась?

Беневоленский. Послушай ты, Платон Маркыч, довольно с тебя этого: я влюблен. Я деловой человек, ты меня знаешь, я пустяками заниматься не охотник, но я тебе говорю: я влюблен. Кажется, этого довольно. *(Подходит к Марье Андреевне и опять подпевает.)*

Анна Петровна *(Добротворскому)*. Что он вам говорил?

Добротворский. Говорит: влюблен.

Анна Петровна. Что?

Добротворский. Влюблен, говорит.

Анна Петровна. Ну, и слава богу. Потчуйте его, отец мой, хорошенько.

Добротворский. Хорошо, сударыня, хорошо. Максим Дорофеич, винца не угодно ли?

Беневоленский. Налей.

Марья Андреевна *(перестает играть и остается на стуле)*. Я устала.

Беневоленский. Чувствительно вам благодарен. Вы прекрасно играете, главное — нигде не сбиваетесь; а то барышни обыкновенно сбиваются. *(Смотрит на часы.)* Извините меня, Анна Петровна, мне пора, у меня дела много, я ведь человек деловой. Позвольте мне выпить рюмку вина и проститься с вами. *(Подходит к столу и пьет.)* Ты со мной, что ли, Платон Маркыч?

Добротворский. С вами, Максим Дорофеич.

Беневоленский. Ну, поедем, я тебя довезу.

Анна Петровна. Да вы бы, Максим Дорофеич, закусили чего-нибудь.

Беневоленский. Нет-с, покорно благодарю. Я выпью еще рюмку вина и имею честь откланяться. *(Пьет и раскланивается, подходит к Марье Андреевне и целует руку.)* До приятного свидания! Вы мне, вероятно, позволите еще раз посетить вас.

Анна Петровна. Сделайте милость, мы очень будем рады.

Беневоленский. А уж конфект привезу, непременно привезу. *(Уходит с Добротворским.)*

Анна Петровна. Какой человек-то, Машенька, чудо просто!

М а р ь я А н д р е е в н а. Господи! Что это за мука! *(Убегает.)*

А н н а П е т р о в н а. Машенька! Машенька! Куда ты? постой! Ну, вот теперь поди разговаривай с ней. Эко наказание!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

А н н а П е т р о в н а входит в салопе, с большим ридикюлем; за ней М а р ь я А н д р е е в н а.

А н н а П е т р о в н а *(садится на стул подле двери)*. Не забыть бы чего! Сначала в город... Ты все записала, что купить-то надо?

М а р ь я А н д р е е в н а. Все, маменька.

А н н а П е т р о в н а. Где, бишь, записочка-то? Постой! да, в ридикюле. Так сначала в город, потом в суд зайти, об деле справиться. Еще чего не надо ли?

М а р ь я А н д р е е в н а. Нет, ничего. Ступайте, маменька, скорей, а то опоздаете.

А н н а П е т р о в н а. Прощай, бог с тобой! *(Идет, потом возвращается.)* Скажи Дарье, чтобы без меня никого не принимать, особенно из молодежи: ты теперь невеста, за тебя женихи сватаются. Что хорошего, еще какой-нибудь разговор пойдет.

М а р ь я А н д р е е в н а. Хорошо, маменька, хорошо. Ступайте скорей.

А н н а П е т р о в н а. Ну, прощай! Я скоро буду. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

М а р ь я А н д р е е в н а *(одна)*. Насилу-то ушла. А уж я боялась, что Владимир придет при ней... Знает ли Владимир, с каким нетерпением я жду его?.. *(Садится к столу.)* Я только теперь узнала, какое блаженство любить и быть любимой!.. Что же это он нейдет?.. Я измучаюсь от нетерпения... Однако хорошо ли я сделала, что велела ему сегодня прийти?.. Мы будем одни... *(Молчание.)* Если б можно

было знать будущее, как бы я желала узнать, чем кончится наша любовь. А впрочем, что мне за дело, чем это кончится — мне теперь хорошо: я люблю его, он меня любит, а там будь что будет. Кто-то идет! Не он ли? *(Бежит к двери.)*

Милашин входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Марья Андреевна и Милашин.

Марья Андреевна. Вы зачем?

Милашин. Как зачем? Я к вам пришел.

Марья Андреевна. Маменьки нет дома; она не велела никого принимать без себя.

Милашин. Полноте шутить-то!

Марья Андреевна. Я совсем не шучу! Право, маменька не велела никого пускать.

Милашин. Ну, я вашей маменьки не послушаюсь... Но, может быть, вам самим не угодно, чтобы я здесь оставался?

Марья Андреевна. Ну, а если мне не угодно?

Милашин. В таком случае я уйду.

Марья Андреевна. Ну, и прощайте!

Милашин. Прощайте! Однако позвольте мне по крайней мере узнать, отчего вы меня гоните?

Марья Андреевна. Ах, боже мой! Ну, да так, из капризу. Неужели вы не хотите исполнить ни одной моей просьбы?

Милашин. Как же я смею не исполнить!

Марья Андреевна. Так ступайте!

Милашин. Я пойду, что вы беспокоитесь.

Марья Андреевна. А сами ни с места.

Милашин. Да ведь это странно: вдруг, ни с того ни с сего, вы меня гоните, не хотите даже сказать причины. Это ведь досадно!

Марья Андреевна. Ну, оставайтесь, пожалуй; я уйду в свою комнату, а вы сидите здесь одни. *(Молчание.)* Так вы не уйдете?

Милашин. Уйду-с... Я ведь к вам нынче за делом пришел.

Марья Андреевна сидит, отвернувшись к окну.

Вы меня не слушаете, а это дело касается вас.

М а р ь я А н д р е е в н а. Что еще такое?

М и л а ш и н. Я хотел вам открыть глаза насчет одного человека.

М а р ь я А н д р е е в н а. То есть вы сплетничать пришли. Так это можно сделать в другой раз, когда-нибудь на досуге.

М и л а ш и н. Нет, не сплетничать, а я хотел только предостеречь вас.

М а р ь я А н д р е е в н а. В другой раз, Иван Иваныч, пожалуйста, в другой раз! Ужо приходите.

М и л а ш и н. Да ведь только десять слов, Марья Андревна. Я узнал про одного человека очень хорошие вещи.

М а р ь я А н д р е е в н а *(в сторону)*. Это наказание! *(Милашину.)* Про кого же?

М и л а ш и н. Про Мерича...

М а р ь я А н д р е е в н а. Не рассказывайте мне, пожалуйста, я все знаю. *(В сторону.)* Мерзавец, выдумал что-нибудь про него.

М и л а ш и н. И прекрасно, что вы знаете; мне только этого и хотелось. Каков! Каким прикидывается!

М а р ь я А н д р е е в н а. Да, да, ужасный человек!

М и л а ш и н. Ничего нет ужасного. Просто смешон! Мальчишка! Над всеми его шутками смеяться нужно.

М а р ь я А н д р е е в н а. Ну, да, смешон! Иван Иваныч, вы меня любите?

М и л а ш и н. Люблю, Марья Андревна, ей-богу, люблю!

М а р ь я А н д р е е в н а. Сделайте для меня одно одолжение.

М и л а ш и н. Все, что вам угодно; я для вас готов жизнию пожертвовать.

М а р ь я А н д р е е в н а. Должно быть, на словах только? Я целый час прошу вас уйти, а вы все ни с места.

М и л а ш и н. Сейчас, сейчас! *(Берет шляпу.)* Прощайте! *(Идет, потом возвращается.)* Марья Андревна! Умоляю вас, скажите, зачем вам хочется одной остаться?

М а р ь я А н д р е е в н а. Иван Иваныч, мы поссоримся!

М и л а ш и н. Виноват, виноват! *(Несколько времени стоит.)* Позвольте вашу ручку поцеловать на прощанье.

М а р ь я А н д р е е в н а. С удовольствием!

М и л а ш и н целует, потом уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Марья Андреевна *(одна)*. Наконец-то ушел. Бедный Владимир! Какой-нибудь Милашин смеет рассказывать про него, рассуждать об его поступках... Это ужасно! Он, бедный, нигде не находит сочувствия. Оттого, что он выше всех стоит, ему душно в этом обществе,— ему все завидуют. Я так его люблю в эту минуту, что, кажется, всем бы для него пожертвовала. *(Задумывается.)* Однако что же он нейдет? *(Садится у окна и смотрит.)* Это, кажется, он! Брошусь ему на шею прямо, ни об чем не думая! *(Отходит на середину комнаты.)*

Входит Мерич. Она робко подходит к нему.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Марья Андреевна и Мерич.

Марья Андреевна. Как я рада! Как я ждала тебя, Владимир!

Мерич. Мы одни?

Марья Андреевна. Одни.

Мерич целует ее.

Ах, сколько передумала я, перечувствовала со вчерашнего дня — ты не поверишь. Мне хочется пересказать тебе это поскорей, поскорей — я боюсь забыть.

Мерич. Что же такое ты перечувствовала?

Марья Андреевна. Ты, может быть, будешь смеяться — смейся, пожалуй. Пойдем сядем к окну, оттуда видно будет, как маменька пойдет.

Мерич. А ты меня поцелуешь еще разик?

Марья Андреевна. Хоть десять раз, только поговорим немножко о моем положении.

Мерич. Ну, поговорим. Что же ты мне будешь рассказывать?

Марья Андреевна. Я тебе хотела много, много сказать. Вчерашнее наше свидание так было коротко, так много я думала о тебе вчера вечером, ночью, нынче поутру... а теперь я так взволнована: мне кажется, я уж все позабыла.

Мерич. Ну и хорошо, что позабыла.

Марья Андреевна. Ах, вообрази, Владимир! Вчера вдруг явился какой-то урод, говорил об музыке, об литературе, хотел мне конфект привезть. Каково было мое положение! Препротивный! Маменька за ним ухаживает... Да ты меня не слушаешь!..

Мерич. Я гляжу на твои глазки. Какие они у тебя хорошенькие. Так и хочется поцеловать. Я помню другие такие глазки... Она умерла... Бедная женщина! Ну, да что толковать о прошедшем: будем пользоваться настоящим. Ах, Мери, много я пережил... Я боюсь, хватит ли у меня сил, чтоб отвечать твоей детской любви. Если б я встретил тебя, Мери, года два тому назад!..

Марья Андреевна. Да ты выслушай, ради бога.

Мерич. Хорошо, хорошо — слушаю.

Марья Андреевна. Приехал этот Беневоленский. Он груб, необразован — просто ужас!

Мерич. Мери! Ведь это скучная материя. Зачем нам на эти пустяки терять драгоценное время?

Марья Андреевна. Да как же мне быть с этим Беневоленским? Я просто его боюсь.

Мерич. Стоит об этом думать! Тебе что за дело до этого Беневоленского?

Марья Андреевна. А маменька-то? Как же мне быть с маменькой-то? Ах, Владимир, ты многого не знаешь и не хочешь слушать.

Мерич. Что мне знать! Я знаю только одно, что ты меня любишь; а если ты меня любишь, то я не думаю, чтоб ты пошла за Беневоленского.

Марья Андреевна. Но все-таки я в очень неловком положении. Посоветуй, что мне делать.

Мерич целует ее в плечо.

Ах, Владимир, кабы ты знал, как мне тяжело, а ты все с нежностями!

Мерич. Ах, боже мой, Мери, я люблю тебя! Я рад случаю, что застал тебя одну, а ты мне рассказываешь про маменьку, про женихов каких-то; да какое мне дело до них? *(Целует опять в плечо.)*

Марья Андреевна *(уклоняется от него)*. Тебе, кажется, и до меня нет никакого дела, потому что ты не хочешь войти в мое положение. Бог с тобой!

Мерич. Ты сердишься... И это любовь!

Марья Андреевна. А это любовь, что ты меня слушать не хочешь? *(Плачет.)*

Мерич. Вот и слезы! Раненько! *(Садится на стул.)* Впрочем, я так и думал! Это уж обыкновенная история! Вот любовь-то ваша! Сначала признания, страстность, а потом — либо папенька, либо маменька, или там жених какой-нибудь.

Молчание.

Марья Андреевна. Владимир! Ты сердишься?

Мерич. Нет, я уж привык к этому. И тебе не жаль меня, Мери? Я уж и так измучен жизнию, а ты мне не хочешь доставить ни одной минуты неотравленного удовольствия.

Марья Андреевна. Не сердись, Владимир... Помиримся. *(Целует его.)* Мало тебе этого?

Мерич. Очень мало.

Марья Андреевна целует его еще несколько раз.

Смелей, Мери, смелей! Вот теперь я вижу, что ты умная девушка. Ах, Мери, я вспомнил одну женщину: вот это была любовь!

Марья Андреевна. Зачем же ты мне это говоришь? Ты думаешь, мне это приятно слышать?

Мерич. Что ж это? Ревность! Ты разве ревнива? Я очень люблю дразнить ревнивых женщин.

Марья Андреевна. Нет, это не ревность, а мне обидно, что ты говоришь о других женщинах в то время, когда я к тебе ласкаюсь. Ты и про меня также станешь рассказывать...

Мерич. За кого же ты меня принимаешь! Нет, Мери, мне уж нѐкого больше любить. Поцелуй меня, Мери!

Марья Андреевна. Довольно, Владимир, довольно. Лучше поговорим о чем-нибудь.

Мерич *(садится рядом с ней и обнимает ее)*. О чем говорить, о чем говорить?

Марья Андреевна *(проворно взглядывает в окно)*. Ах! Маменька!..

Мерич *(вставая со стула)*. В самом деле?

Марья Андреевна *(смеется)*. Нет, я нарочно, только чтобы ты сел подальше. В самом деле, Владимир, сядь подальше, да поговорим. Мне так хочется поговорить с тобой.

Мерич *(рассеянно)*. В следующий раз я тебе принесу

свой дневник, мы его почитаем вместе, а теперь, знаешь ли что? Пойдем в сад.

Марья Андреевна. Как можно! Того и гляди, маменька придет.

Мерич. А скоро она придет?

Марья Андреевна. Я думаю, скоро.

Мерич. Так прощай.

Марья Андреевна. Тебе уж скучно стало, не правда ли? Тебе скучно? Какой ты, Владимир! Кабы ты знал, с каким нетерпением я ждала тебя! Какое мне наслаждение тебя видеть! А ты десяти минут не хочешь посидеть со мной.

Мерич. Я боюсь, что Анна Петровна меня здесь застанет; тебе же будут неприятности.

Марья Андреевна. Ну что ж, она побранит меня, да и все тут.

Мерич. Ведь и мне тоже достанется. А впрочем, у меня есть дело необходимое: я, пожалуй, минут десять побуду, а больше нельзя. *(Садится подле нее.)* Я готов всю жизнь сидеть с тобой и любоваться на тебя.

Марья Андреевна. Ты, кажется, опять близко ко мне.

Мерич. Какие вы все странные: уйди от вас — вы сердитесь; очень близко к вам — вам тоже неприятно. Выбирай из двух: или уйти, или сидеть подле тебя.

Марья Андреевна. Останься, только с уговором: посиди подольше.

Мерич. Изволь, изволь. *(Обнимает ее. Сидят несколько времени молча).* Погоди, мой друг Мери, придет время, когда я назову тебя своей торжественно, публично. Ты пойдешь за меня?

Марья Андреевна. Зачем же ты спрашиваешь?

Мерич. А может быть, тебя не отдадут за меня?

Марья Андреевна. Вот вздор какой!

Мерич. Впрочем, мне надобно устроить кой-какие дела свои — и тогда, Мери, тогда... мы с тобой заживем славно.

Марья Андреевна. Да только сбудется ли это?

Мерич. Сбудется, Мери, сбудется. Я не посмотрю ни на какие обстоятельства... Не отдадут тебя — я увезу.

Марья Андреевна. Маменька идет!

М е р и ч. Куда ж мне теперь деться? Ведь я ей навстречу попадусь. Мне бы этого не хотелось.

М а р ь я А н д р е е в н а. Ступай через сад.

М е р и ч. Прощай. *(Целует ее.)*

М а р ь я А н д р е е в н а. Прощай! Когда же?

М е р и ч. Скоро, скоро.

М а р ь я А н д р е е в н а. Приходи поскорей!

М е р и ч уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

М а р ь я А н д р е е в н а *(одна, садится за работу)*. Боже мой, как я счастлива! Я не могу опомниться!.. Теперь для меня не страшна жизнь. Что б ни делалось вокруг меня — у меня есть надежда. *(Сидит задумавшись.)*

Входят Д о б р о т в о р с к и й и А н н а П е т р о в н а. Д а р ь я снимает с нее салоп и уходит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

М а р ь я А н д р е е в н а, Д о б р о т в о р с к и й и А н н а П е т р о в н а.

А н н а П е т р о в н а *(садится)*. Что же нам теперь делать-то, Платон Маркыч?

Д о б р о т в о р с к и й. Что делать-то, сударыня,— божья воля! В отчаяние только приходить не надо.

А н н а П е т р о в н а. Куда я теперь денусь с дочерью-то? Посудите, Платон Маркыч! Что я знаю, что я умею? Уж и до этого-то горя я не знала, что делать, а теперь вовсе дура сделалась. Посоветуйте.

М а р ь я А н д р е е в н а. Что такое, маменька, сделалось?

А н н а П е т р о в н а. А то, что вот мы с тобой нищие теперь. Дело-то наше проиграно, дом-то отнимут, да еще взыскание положено.

М а р ь я А н д р е е в н а. Ах, какое несчастие!

А н н а П е т р о в н а. Что делать-то, Платон Маркыч? Посоветуйте.

Д о б р о т в о р с к и й. Что я вам могу, сударыня, посоветовать? Ничего не могу. Вот хоть теперича прикажите меня казнить — ничего не выдумаю. Соста-

релся, поглупел. Делец был, Анна Петровна!.. Что ж делать-то?.. Вот уж и оглох совсем...

Анна Петровна. Да вы все-таки мужчина, а я и ума не приложу; женщина я слабая, сырая — да и памяти совсем нет.

Добротворский. Какой уж я мужчина! Эх, эх! Вот так-то и всегда бывает: не ждали, не чаяли, а тут вдруг этакое несчастие. Ах ты, господи, боже мой! *(Качает головой.)*

Анна Петровна. Эко горе-то, Платон Маркыч, мне на старости лет-то! Одна-то одинешенька, без мужчины... Вон еще обуза-то: не знаю, как с рук сбыть.

Добротворский. Точно, сударыня, точно... Уж что говорить.

Анна Петровна. Да уж горюй не горюй — этим не поможешь.

Добротворский. Не поможешь.

Анна Петровна. Хлопотать надо как-нибудь; говорят, в сенат надо жалобу подавать.

Добротворский. Надо, сударыня, непременно надо; как же можно не хлопотать...

Анна Петровна. Знакомых-то у меня нет, попросить-то некого.

Добротворский. Кого, сударыня, просить! Кто хлопотать станет! Попросить, так надо денег дать.

Анна Петровна. Поищите, Платон Маркыч, нет ли у вас кого из знакомых, чтобы делами-то занимался.

Добротворский. Да уж, кроме Максима Дорофеича, некого просить.

Анна Петровна. Вот и прекрасно! Он вчера с вами говорил что-нибудь, как от нас-то поехал?

Добротворский. Как же, говорил-с. Он говорит: коли отдадут Марью Андревну, так я хлопотать стану. Это дело еще можно исправить. Мне, говорит, Марья Андревна очень нравится; мне, говорит, лучше и не надо; узнай, как их расположение, а я, говорит, хоть сейчас готов.

Анна Петровна. Что ж вы до сих пор молчали?

Добротворский. Извините, сударыня, совсем из ума вон, а теперь вот к слову пришлось, и сказал.

Анна Петровна. Слышишь, Машенька!

Марья Андреевна. Что такое?

Анна Петровна. Ты Максиму Дорофеичу очень понравилась.

Марья Андреевна. Очень рада.

Анна Петровна. Ну, и слава богу, что рада; он предложение делает.

Марья Андреевна. Ни за что на свете!

Анна Петровна. Ты никак с ума сошла, как я погляжу на тебя. Разве ты не видишь, что нам теперь больше делать нечего; не по миру же нам идти.

Марья Андреевна. Лучше, маменька, и не говорите про Беневоленского, я про него и слышать не хочу.

Анна Петровна. Что ты! Что ты! Ты опомнись — ведь не десятки женихов-то у тебя, выбирать-то не из кого; не сотни тысяч за тобой, чтоб такими женихами брезгать: такого-то жениха нам с тобою и не дождаться.

Марья Андреевна. Ради бога, маменька, не говорите мне про Беневоленского.

Анна Петровна. Ты дура совсем, я вижу. Да что с ней толковать, у нее еще все ветер в голове; она и сама не знает, что говорит... Неужто ее глупости слушать? Скажите, Платон Маркыч, Максиму Дорофеичу, что мы очень рады, чтобы он формальное предложение сделал.

Добротворский. Хорошо, сударыня, нынче же скажу.

Марья Андреевна *(быстро встает со стула)*. Что вы делаете! Платон Маркыч, не ходите к Беневоленскому! Он мне не нравится, он мне противен!.. Я не пойду за него ни за какие сокровища!

Анна Петровна. Что вы ее слушаете, все вздор болтает! Я уж и не знаю, какой дрянью у ней голова-то набита. Делайте, как я вам говорю, что ее слушать; она еще одумается двадцать раз.

Марья Андреевна. Я не стану ничего говорить; делайте, что хотите, только я не пойду за Беневоленского.

Анна Петровна. Ты не пойдешь?

Марья Андреевна. Не пойду.

Анна Петровна. А мне кажется, что это только каприз у тебя; только, чтоб матери напротив что-нибудь сделать. Тебе меня только расстроить хочется. А ты пожалей меня на старости лет; ты ви-

дишь, я и так насилу ноги таскаю. Я женщина сырая, а тут этакой удар — последнее состояние отнимают! Вот, говорят, в сенат надо жалобу подать, а кто напишет-то... Мы, что ли, с тобой? Так мы и аза в глаза не знаем. Коли Максим Дорофеич не возьмется, так ведь мы нищие будем, понимаешь ли ты это? А что ему за радость браться за дело, коли ты от него свою физиономию-то отворачиваешь. Коли ты об себе-то не хочешь подумать, так ты хоть мать-то пожалей. Куда я денусь, на старости лет — я женщина слабая, сырая, уж и теперь насилу ноги таскаю. В кухарки мне, что ли, идти?

Марья Андреевна. Господи! Что ж мне делать!

Анна Петровна. Матери послушайся.

Добротворский. Маменьки надо послушаться, матушка барышня.

Марья Андреевна. Нет, что хотите со мною делайте, я не могу!

Добротворский. Переломите себя как-нибудь.

Марья Андреевна. Не могу, не могу, не могу!..

Анна Петровна. Оставьте ее, Платон Маркыч! Бог с ней!.. Каково мне, Платон Маркыч, это видеть, матери-то, старухе-то! *(Плачет.)* Батюшки! Где платок-то! Так и есть — потеряла в городе, еще и с деньгами... Одно к одному. А! Да гори все прахом — ничего мне не нужно, коли уж дочь родная об моем горе и подумать не хочет. Живи, как знаешь, бог с тобой! Вот вырастила на свою голову!..

Марья Андреевна. Маменька, что вы говорите! За что вы меня терзаете!..

Анна Петровна. А ты слушайся матери! Ты думаешь, мне легко с тобой разговаривать... Иногда что и скажешь... У меня сердце слабое, женское.

Марья Андреевна. Маменька! Он мне очень не нравится. Я все для вас готова, все, что вам угодно, только не принуждайте меня замуж идти; я не хочу замуж. Я не пойду ни за кого.

Анна Петровна. Скажите пожалуйста, Платон Маркыч, она совсем сумасшедшая! Ведь ты не понимаешь, что говоришь! Ну, можно ли этакую вещь сказать: не пойду замуж! Это все только фантазии. Очень интересно быть старой девкой! А мне-то что ж, в богадельню, что ль, идти! Во-первых, ты, коли любишь мать, должна выйти замуж, а во-вторых,

потому что так нужно. Что такое незамужняя женщина? — Ничего! Что она значит? Уж и вдовье-то дело плохо, а девичье-то уж и совсем нехорошо! Женщина должна жить с мужем, хозяйничать, воспитывать детей, а ты что ж будешь делать-то старой девкой? Чулок вязать! Подумала ли ты об этом?

Марья Андреевна. Нет, маменька, я об этом не думала.

Анна Петровна. Ну, поди сюда, сядь подле меня! Поговорим с тобой хорошенько. Я сердиться не буду.

Марья Андреевна садится подле нее.

Выслушай ты меня хладнокровно. Я ведь знаю, у вас один разговор: по любви выйти замуж. Влюбляются-то, Машенька, только те, которым жениться нельзя, либо рано, потому что еще в курточках ходят, либо нечем жить с женой; так вот они и влюбляются. Порядочный человек не станет вам в любви открываться да влюбления-то свои высказывать, а просто придет к матери да скажет: «Мне ваша дочка нравится», да и тебе-то тоже прямо, без разных там фарсов дурацких: «Сударыня, маменька ваша согласны, вы мне нравитесь, угодно вам меня осчастливить?» И все это честно и благородно.— Вот как это бывает, Машенька. Ты вот с Беневоленским и десяти слов не сказала, а уж и слышать про него не хочешь. А будет ездить, познакомишься, может быть, и увидишь, что хороший человек. Ведь вертопрахи-то ваши только мастера разговаривать, а что от них толку — только слава дурная.

Добротворский. Это правда, сударыня.

Молчание.

Анна Петровна. Машенька, потешь ты меня на старости лет, послушайся матери.

Марья Андреевна *(встает)*. Маменька! Я не могу теперь идти ни за Беневоленского, ни за кого. Сделайте милость — не принуждайте меня. Я одного у вас прошу: не говорите мне про замужество, подождите немного. Ради бога, дайте мне пожить на свободе.

Анна Петровна. Эка невидаль девичье житье! Жаль расстаться!

Марья Андреевна. Пусть Беневоленский к нам ездит, я буду с ним ласкова, все что вам угодно; только пусть он подождет... Ну, месяц, один месяц. Я посмотрю на него хорошенько, узнаю его. Согласны?

Анна Петровна *(целует Марью Андреевну)*. Ну, что с тобой делать, так и быть. Что, утешилась теперь? Вот ведь ты какая глупая!

Марья Андреевна уходит.

Что делать-то, Платон Маркыч! Скажите Максиму Дорофеичу, что я очень рада, но чтоб он месяц погодил делать предложение... Да и об деле-то попросите.

Добротворский. Очень хорошо-с.

Хорькова входит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Хорькова.

Хорькова. Покорно благодарю, матушка Анна Петровна, покорно благодарю! Одолжили, нечего сказать!

Анна Петровна. Что такое? Что я вам сделала?

Хорькова. Я хоть необразованная женщина, а над собой смеяться не позволю. Вы тогда меня обнадежили. Я, разумеется, прихожу домой, говорю: «Миша, друг мой, Анна Петровна согласна; открой, говорю, друг мой, свои мысли Марье Андревне»,— а та ему напрямки отказала! Приходит такой расстроенный. «Нет, говорит, мне, маменька, счастия в моей жизни; вы, говорит, меня обманули».— «Я, говорю, мой друг, никогда обманщицей не была, а если нами пренебрегают, так нечего тебе, говорю, беспокоиться: ты, с твоим образованием, всегда найдешь себе невесту не хуже Марьи Андревны... А уж я не утерплю, пусть меня ругают, я все-таки пойду отчитаю Анне Петровне».

Анна Петровна. Что ж делать-то мне? Ее воля, я ее принуждать не могу.

Хорькова. Это, Анна Петровна, просто насмешка; я так это за насмешку и принимаю.

Анна Петровна. Да помилуйте, матушка, какая же это насмешка?

Хорькова. Насмешка, насмешка! Вам просто хотелось из меня перед сыном дуру сделать. Я хоть и необразованная женщина, а понимаю...

Анна Петровна. Что вы тут понимаете! Нечего вам тут понимать-то.

Хорькова. Ну, уж не говорите, пожалуйста... Знаем мы кой-что. У вас теперь какой-то богатый жених на примете, так вы другими-то и брезгаете. Только вы поторопитесь, Анна Петровна, я вам советую, а то чтобы разговору какого не было.

Анна Петровна. Какого разговору? Что вы, ссориться, что ли, со мной пришли, Арина Егоровна?

Хорькова. Уж там, матушка, как хотите принимайте: я сама вами кругом обижена. Что я не знаю, про то говорить не стану, а что знаю, про то напрямки отпечатаю. Люди ложь, и мы то ж.

Анна Петровна. Язык-то без костей, говорить все можно, только слушать-то нечего.

Хорькова. Слушай не слушай, как кому угодно, а уж коли говорят, так, значит, что-нибудь есть.

Анна Петровна. Кто говорит и что говорит? Кому нужно про меня говорить что-нибудь?

Хорькова. Не про вас и речь, а про Марью Андревну; а то горда уж очень она у вас, вот теперь гордости-то поубудет Нам-то отказали, а этот-то ваш богатый жених как бы сам не отказался, коли прослышит что-нибудь.

Анна Петровна. Да что вы, Арина Егоровна, рехнулись, должно быть! Да кто же смеет что-нибудь сказать про мою Машеньку?

Хорькова. Ах, матушка, никому рта не зажмешь; всякий волен говорить, на то язык дан.

Анна Петровна. Что ж это такое! Вот послушайте, Платон Маркыч, еще тут сплетни какие-то распустили про Машеньку! На что это похоже!

Добротворский. На всякое чиханье, сударыня, не наздравствуешься. Слушать-то не приходится.

Анна Петровна *(Добротворскому)*. Да что же можно сказать про мою Машеньку, скажите на милость.

Хорькова. Уж известно что! Зачем к вам Мерич каждый день ходит? Ведь соседи видят — скрыть нельзя. И при вас и без вас бывает. Вы-то, может быть, еще и сами всего не знаете. Я необразованная

женщина, да не позволила бы этого своей дочери. Мне сын говорит, что его ни в один порядочный дом не пускают за его пошлости. Своими глазами видела, как он от вас из саду крадется, точно вор какой.

Анна Петровна. Что же это, господи! Вот что значит без мужчины-то в доме — всякий и сочиняет, что ему в голову придет. Вот дело-то женское какое. Пожалейте вы меня, Арина Егоровна! Я женщина слабая, сырая, что вы меня расстроиваете, как вам не грех!

Хорькова. Снявши-то голову, по волосам не плачут. Сами виноваты, что допустили до этого. Теперь вот ищите-ка женихов: не всякий-то польстится. Хоть бы вы и согласны были, а уж я теперь своему Мише не позволю. Нет, покорно вас благодарю!

Анна Петровна. Да мы ни в Мише, ни в вас не нуждаемся! Эка важная партия! Невидаль какая! Вам бы только сплетничать!..

Хорькова *(встает)*. Да уж, матушка, не взыщите; что слышала, того от других не потаю.

Анна Петровна. Где утаить! Еще своего прибавите. Вы уж обрадовались, что вам случай есть. От вас только этого и ждать можно.

Хорькова. Я сама от вас, кроме обиды да насмешки, ничего не видала. Только вот не могла вытерпеть, чтобы не выговорить вам за Мишу, а то бы и нога моя в вашем доме не была. А Мише я и думать не позволю о вашей дочери: с его умом и образованием мы и почище найдем. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, без Хорьковой.

Анна Петровна. Что ж это такое, Платон Маркыч, посудите вы сами. Опомниться-то ведь я не успела, а то бы уж я напела ей. Ведь теперь, чего доброго, расславит везде... погубит она мою голову! Вот как без мужчины-то, Платон Маркыч! И туды и сюды — все сама, да еще и за дочерью смотри; отлучиться из дому нельзя, а я женщина сырая. Маша! Маша! Дарья! Дарья!

Входит Дарья.

Анна Петровна. Что ты, оглохла, что ли? Не докличешься тебя!.. Позови барышню.

Дарья. У меня ведь не одно дело-то; сложа руки не сижу. *(Уходит.)*

Анна Петровна. Ох, измаялась я нынче день-то, а тут еще напасть этакая. И руки и ноги дрожат. Что ж это Маша со мной делает! Чувствую, что слабая мать. Поддержите меня, Платон Маркыч!

Входит Марья Андреевна.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Марья Андреевна.

Марья Андреевна. Вы меня кликали, маменька?

Анна Петровна. Что ты, в гроб, что ли, хочешь меня вогнать прежде времени! Что ты еще затеяла!..

Марья Андреевна. Что такое?

Анна Петровна. Был здесь Мерич без меня?

Молчание.

Что ж ты молчишь?

Марья Андреевна. Был ненадолго. Я ему сказала, что вас дома нет, он и ушел.

Анна Петровна. Не обманывай ты меня; что у тебя с ним за шашни? Говори!

Марья Андреевна. Да какие шашни, кто вам сказал, маменька?

Анна Петровна. Кто сказал? Все говорят. Мне теперь глаза показать никуда нельзя. Сейчас Хорькова приходила — уж и она знает. Чтоб его у нас и духу не было, я его и пускать не велю. Слышишь, сударыня?

Марья Андреевна. Нет, маменька, этого нельзя.

Анна Петровна. Отчего это нельзя? Что с ним церемониться, что ли? Не велик барин! Прогоню, да и все тут. Тебе надо замуж идти, а с этими-то разговорами не скоро жениха сыщешь. Осрамила ты меня совсем. Или сейчас же Максиму Дорофеичу надо слово дать, или завтра же скажу Меричу, чтоб он и глаз к нам не показывал.

Марья Андреевна. Не делайте этого, ради бога. Я вас умоляю, маменька. Как это можно!

Анна Петровна. Так ступай замуж.

Марья Андреевна. Маменька, дайте мне поду-

мать. Я совершенно растерялась, у меня голова кругом идет. Дайте мне подумать.

Анна Петровна. Об чем тут думать! Надо сейчас что-нибудь делать, а то услышит Максим Дорофеич эти сплетни, пожалуй, откажется. Что ты тогда с моей головой сделаешь? Какой тогда срам-то будет! Завтра надо сказать Максиму Дорофеичу, что мы согласны.

Марья Андреевна. Нет, маменька, это выше сил моих!

Анна Петровна. Ну, так живи, как знаешь! Мне теперь до тебя и дела нет. Я тебя растила, я тебя воспитывала, хлопочу, ни дня ни ночи покою себе не имею, а ты меня знать не хочешь! Для тебя мать-то дешевле всякого, прости господи! Я теперь слова тебе не скажу, повесничай с кем хочешь! Ты мать позабыла, ты для матери ничего не хочешь сделать; авось, добрые люди найдутся, не оставят старуху. Пойдемте, Платон Маркыч, ко мне в комнату. *(Встает и идет.)* Видно, уж мне, старухе, век горе мыкать.

Марья Андреевна *(за ней)*. Маменька!..

Анна Петровна. Ты не ходи за мной! Я теперь тебя и видеть не хочу. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Марья Андреевна и Добротворский.

Марья Андреевна *(садится на стул и закрывает лицо платком. Добротворский стоит против нее)*. Это мученье!

Добротворский. Что, побранила вас маменька-то! Ну, ничего! Не плачьте, барышня! Помиритесь как-нибудь.

Марья Андреевна. Ах, Платон Маркыч! Быть может, маменька и права, но она требует от меня невозможного.

Добротворский. Отчего ж, матушка барышня, невозможно? Ей-богу, возможно! Утешьте старуху. Ведь уж лучше Максима Дорофеича жениха не найти вам.

Марья Андреевна. Послушайте, Платон Маркыч,— вы человек добрый, я с вами буду говорить

откровенно. Я люблю другого; он хорош, умен, образован; посудите сами, как же мне променять его на Беневоленского.

Д о б р о т в о р с к и й. Да он молодой человек, барышня?

М а р ь я А н д р е е в н а. Очень молодой...

Д о б р о т в о р с к и й. Свистуны ведь они, матушка, никакой основательности нет. Не верьте вы им. Нынче любит, а завтра разлюбит. Им потеха, а бедные девушки плачут.

М а р ь я А н д р е е в н а. Я не знаю, разлюбит он меня или нет, только я его люблю.

Д о б р о т в о р с к и й. Матушка барышня, я вас еще вот какую знал: ребенок были, несмысленочек, на руках носил. Ваш папенька покойник мне благодетель, в люди меня вывел, я прежде очень маленький человек был. Как умирал покойник,— ты, говорит, Платон, жену с дочерью не оставь! Слушаю, говорю, батюшка Андрей Петрович, служить буду, пока сил хватит. Я вас, барышня, больше родной люблю, так горько мне будет, как вертопрах какой-нибудь посмеется над вами. Плюньте вы на них! А ведь и то сказать, барышня, вы лучше нас знаете, мы люди старые, из ума выжили! Советовать не смею, рассудите сами. Вот на старости лет для вас, сударыня, за сватовство принялся. Нашел человека, кажется, хорош, а ведь бог его знает, где мне разобрать, посмотрите сами; как бы греха на душу не взять. А все мой совет — лучше маменьки послушаться, меньше греха будет.

М а р ь я А н д р е е в н а. Платон Маркыч, помирите меня с маменькой, она вас любит.

Д о б р о т в о р с к и й. Не беспокойтесь, матушка, помирю, об этом не беспокойтесь.

М а р ь я А н д р е е в н а. Подите скажите ей, что я через три дня ей дам ответ. Мне нужно подумать, поговорить с ним, он обещал жениться на мне.

Д о б р о т в о р с к и й. Хорошо, барышня. Сейчас прикажете к маменьке сходить?

М а р ь я А н д р е е в н а. Да, пожалуйста, сейчас. Мне всегда тяжело, когда она сердится, за дело ли, не за дело ли.

Д о б р о т в о р с к и й. Как же, матушка, не тяжело — ведь мать. Хорошо-с. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Марья Андреевна одна и потом Дарья.

Марья Андреевна. Что мне делать, я решительно не знаю! Я чувствую, что дурно делаю, что ссорюсь с маменькой, но идти за Беневоленского я не могу — я люблю Владимира. Да если б я и решилась пожертвовать собой, я теперь не имею права. За что же я обману бедного Владимира: он так меня любит.

Дарья *(входит)*. О! чтоб вас!.. Вечно все растеряет! *(Берет платок Анны Петровны.)*

Марья Андреевна. Даша, что маменька делает?

Дарья. Разговаривают с Платоном Маркычем.

Марья Андреевна. Сердита она?

Дарья. Приступу нет! *(Уходит.)*

Марья Андреевна. Жаль мне маменьку, ей-богу жаль! Если б я не наделала глупостей, я бы теперь с ней поговорила откровенно, что Беневоленский мне не нравится, а теперь не могу,— теперь мне одно средство: поговорить с Владимиром, потом скажем маменьке — и не об чем думать. Ах, дура, да об чем же я плачу? Человек говорит мне прямо, что он женится на мне, а я плачу да выдумываю разные несчастия. *(Смеется, потом задумывается.)* А если нет? Если нет? Что ж тогда? Впрочем, какое же я имею право так дурно думать о нем: я его еще не знаю. Да что это, господи! Что я говорю! Я помешалась совсем. Другая бы на моем месте прыгала от радости, а мне всякий вздор в голову лезет. Нет, нет, не хочу ни об чем думать! Владимир на мне женится. О, кабы мне его увидать поскорей!

Входит Добротворский.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Марья Андреевна и Добротворский.

Добротворский. Пожалуйте к маменьке, барышня. Я ее уговорил немножко. Не бойтесь ничего, теперь браниться не станет, поговорить хочет. Пусть, говорит, она увидит, что мать ей зла не желает. Вот сейчас и поговорим все вместе, авось, барышня, как-нибудь и уладим.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Марья Андреевна *(одна)*. Вот уж третий день его нет. Что это значит? Третий день ужасных мучений! Он, должно быть, нездоров! Что, если он и нынче не придет, я, кажется, сойду с ума. Как незаметно подкралось ко мне это горе. Неделю тому назад я была весела и ни об чем не думала. Я так и жду, что приедет Беневоленский и сделает предложение. Что я буду делать? Маменька так уверена во мне, так меня любит... Теперь ее спокойствие зависит от меня. Неужели у меня хватит сил противиться ей.

Дарья входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Марья Андреевна и Дарья.

Дарья. О, чтоб!.. Вот везде одна, поспевай тут... Что это вы, барышня, какие скучные?

Марья Андреевна. С чего же мне веселой-то быть. Погадай-ка мне, Даша, на картах.

Дарья. Извольте, барышня, сейчас разложу. *(Раскладывает карты.)*

Марья Андреевна. Что, Даша, выходит что-нибудь? Чай, все вздор.

Дарья. Нет, матушка, не говорите этого. Вот недавно куме Аксинье гадала: все винновый туз выходит. Смотри, говорю, будет тебе горе какое-нибудь. Что ж, барышня, так и есть: шубку новенькую украли, с иголочки. *(Разводит руками.)* При своем антиресе от треф!.. в собственном доме... исполнение желания... бубновый король марьяжный...

Марья Андреевна. Кто же это бубновый король?

Дарья. Уж, известно, Владимир Васильевич, кому ж быть!

Входит Анна Петровна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Анна Петровна.

Анна Петровна. Что это вы, никак гадаете? Погадай-ка, Дарья, и мне.

Дарья. Извольте, матушка, сейчас.

Анна Петровна. На какую, бишь, я даму-то гадаю? Не помнишь ли, Машенька?

Дарья. Я вас червонной, матушка, положу. Ах, барышня, почтальон идет. *(Идет за письмом.)*

Марья Андреевна. От кого это? Боже мой, как у меня сердце забилось!

Дарья возвращается с письмом.

Анна Петровна. Поищи-ка, Даша, очки. *(Распечатывает письмо.)*

Дарья. Вот они, матушка.

Анна Петровна *(смотрит на подпись)*. От Беневоленского.

Марья Андреевна. От Беневоленского? Что ж он пишет?

Анна Петровна *(читает)*. «Милостивая государыня, многоуважаемая Анна Петровна! Принимая в уважение ваше расположение и радушный прием, оказанные мне в прошедший четверток, я беру на себя смелость предложить свою руку и сердце вашей бесподобнейшей дочке Марье Андревне, коей достоинствами и красотою я очарован. Причем честь имею присовокупить, что я слышал от Платона Марковича о вашем деле, в котором, как знающий человек, могу быть ходатаем, конечно, только в том случае, когда вы согласитесь принять мое предложение. Я человек деловой, и мне терять время понапрасну на чужие хлопоты нельзя. Состояние мое вы знаете, и я неусыпно стараюсь о приращении оного, употребляя на это все свои способности; ибо, как вам известно, состояние дает вес в обществе. Принимая в соображение все оное, а равно положение, в котором вы находитесь, я не думаю, чтобы вы отказались породниться со мной. Ожидаю вашего ответа сегодня же или, в крайнем случае, завтра, чтобы не оставаться в неизвестности. Засвидетельствуйте мое нижайшее почтение Марье Андревне и передайте им, что я, как страстный их обожатель, с душевным тре-

петом ожидаю их ответа. С истинным почтением и таковою же преданностию честь имею пребыть Максим Беневоленский». Ну, что же, Машенька, надобно писать.

М а р ь я А н д р е е в н а *(в волнении)*. Погодите, маменька, погодите...

А н н а П е т р о в н а. Чего ж годить-то? Маша! Послушай ты меня,— ведь уж этакой партии нам с тобой не дождаться. Максим Дорофеич человек деликатный, надо же ему что-нибудь написать, чтоб не сумневался по крайней мере.

М а р ь я А н д р е е в н а. Погодите, маменька, ради бога, погодите, завтра... завтра...

А н н а П е т р о в н а. Да отчего ж не теперь?

М а р ь я А н д р е е в н а. Теперь я не могу. Я не знаю, что отвечать; я так взволнована... Мне нездоровится что-то, у меня голова болит. Я решительно не могу!..

А н н а П е т р о в н а. Ну, как хочешь! Завтра так завтра. А я все-таки пойду подумаю, как написать поскладней. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

М а р ь я А н д р е е в н а и Д а р ь я.

М а р ь я А н д р е е в н а. Даша, ты знаешь, где Владимир Васильич живет?

Д а р ь я. Знаю, матушка.

М а р ь я А н д р е е в н а. Беги к нему, Даша, голубушка, беги поскорей.

Д а р ь я. Что вы, матушка! Ну, как маменька узнает!

М а р ь я А н д р е е в н а. Ступай, ничего, ступай. Я как-нибудь скажу маменьке. Только, ради бога, поскорей. Скажи ему, чтоб он сейчас же пришел сюда, сию минуту.

Д а р ь я. Ну, видно, нечего с вами делать.

М а р ь я А н д р е е в н а. Проворней, Даша, проворней!

Д а р ь я уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

М а р ь я А н д р е е в н а *(одна)*. Нет, этого не будет! Владимир спасет меня... Ну, как она его дома не застанет! Ну, а если... нет, этого не может быть, он меня любит. Ну, уж я теперь и сама не разберу, что

я думаю, что я чувствую... мне только страшно чего-то. Ах, кабы она поскорей воротилась. Кто-то идет, не он ли? Нет, это Милашин.

Милашин входит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Марья Андреевна и Милашин.

Марья Андреевна. Скажите, Иван Иваныч, не видали ли вы Владимира Васильича?

Милашин. На что он вам?

Марья Андреевна. Ах, боже мой, когда я спрашиваю, значит, что нужно.

Милашин. Кто ж его знает. Помилуйте, разве можно знать, где подобные люди бывают!

Марья Андреевна отворачивается и плачет.

Вы думаете, я это говорю из ревности. Вы глубоко ошибаетесь. Мне вас жаль, и больше ничего.

Марья Андреевна. Сделайте милость, не жалейте. Да какое право вы имеете жалеть меня?

Милашин. Как вам угодно! Я из привязанности к вам, к вашей маменьке говорю это. Я опять-таки повторю, что такого человека, как Мерич, я бы, на месте Анны Петровны, к воротам бы не подпустил. Если Анне Петровне угодно, чтоб он расславлял везде, хвастался, что вы влюблены в него, так пускай принимает.

Марья Андреевна. Вы лжете!

Милашин. Я лгу? Нет, я никогда не лгу-с. Лжет кто-нибудь другой, только не я.

Марья Андреевна. Зачем вы мне говорите про него: вы знаете, что я не поверю вам. Я его люблю, слышите ли, люблю, люблю! Не смейте при мне говорить про него дурно.

Милашин. Вы его любите? А он вас любит, вы думаете?

Марья Андреевна. Послушайте, я начинаю терять терпение! Или замолчите, или убирайтесь прочь от меня!

Милашин *(садится на другой стороне комнаты; молчание)*. Вы меня обидели, Марья Андревна, жестоко обидели. Я желал вам добра, я с малолетства с вами

знаком, а вы меня от себя гоните. Скажите, пожалуйста, чем я это заслужил? *(Молчание.)* Я только, по правам дружбы, хотел предостеречь вас.

Марья Андреевна. От кого предостеречь? Не нужно мне ваших предостережений.

Милашин. Теперь уж я вижу, что не нужно,— вы так ему слепо верите, что никого слушать не хотите. Я и не стану вас разуверять; а все-таки это не мешает мне знать про него кой-какие вещи, не очень хорошие.

Марья Андреевна. Вы можете знать и можете говорить кому угодно, а все-таки вам никто не поверит.

Милашин. Что я, подлец, что ли, по-вашему? Вот чего я дождался от вас за мою привязанность!

Марья Андреевна. Что ж вы узнали? Говорите.

Милашин. Много узнал, всего не перескажешь.

Марья Андреевна. И есть у вас доказательства?

Милашин. Какие же доказательства? Его поведение и без доказательств ясно.

Марья Андреевна. Ну, а если у вас нет доказательств, так я вам говорю: не верю, не верю, не верю!

Милашин. Может быть, когда-нибудь я и докажу вам мои слова на самом деле; только не будет ли поздно.

Марья Андреевна. Это уж не ваше дело. Когда будете иметь доказательства, тогда и говорите, а до тех пор молчите. *(Молчание.)* Что ж это так долго? *(Смотрит в окно. Молчание.)* Наконец-то!

Милашин. Что такое?

Марья Андреевна. Владимир Васильич. Ну, уж достанется ему от меня.

Мерич входит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Мерич.

Марья Андреевна. Что это вы пропали? Как вам не совестно!

Мерич *(целует руку)*. Виноват, Марья Андревна, виноват! И оправдываться не стану. Здравствуйте, Иван Иваныч.

Марья Андреевна. Мне нужно рассказать вам кой-какие новости, не совсем приятные.

Мерич. Неприятные! Это дурно. Вы меня пугаете.

Марья Андреевна. Да, для меня — очень неприятные.
Мерич. А если для вас они неприятны, так уж и для меня также.
Милашин. Отчего же это так? Позвольте вас спросить.
Мерич. По очень простой причине, Иван Иваныч: я принимаю очень близко к сердцу все, что касается до Марьи Андревны. Теперь вы поняли?
Марья Андреевна. Да, Иван Иваныч, это дело касается нас обоих.
Милашин. В таком случае, извините.
Мерич. Что это вы похудели, побледнели, Марья Андревна?
Марья Андреевна. Я вам говорю, что у меня есть много неприятного; да уж и того довольно — я три дни вас не видала. Чего я не передумала в это время!..
Мерич. Если я был хоть сколько-нибудь причиной вашего горя, то я считаю себя так виноватым, что не смею и оправдываться. Сердце у вас доброе. А я постараюсь загладить свой проступок. Дайте ручку, в знак примирения. *(Целует у Марьи Андреевны руку.)*
Марья Андреевна. Да уж, конечно, виноваты. Как это не заглянуть почти неделю! Бог с вами! Я уж к вам посылала Дарью.
Мерич. Она, вероятно, меня не застала дома; мы с ней разошлись.
Милашин *(в сторону)*. Это невыносимо!
Мерич. Зачем же вы присылали Дарью ко мне?
Марья Андреевна. За вами. Мне очень нужно с вами поговорить об одном весьма важном деле.
Милашин. Прощайте, Марья Андревна.
Марья Андреевна. Куда вы?
Милашин. За доказательствами.
Марья Андреевна. Желаю вам успеха.

Милашин уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Марья Андреевна и Мерич.

Марья Андреевна. Владимир, Владимир! Что ты со мной делаешь! Я жду тебя не дождусь!

М е р и ч. Что такое, что такое! Об чем ты плачешь?

М а р ь я А н д р е е в н а. Владимир, у нас страшное горе: мы проиграли дело... у нас отнимают все.

М е р и ч. Ах, боже мой!

М а р ь я А н д р е е в н а. Что теперь делать? Маменька говорит, что нам будет жить нечем. Единственное средство мне — пожертвовать собой, выйти за Беневоленского. Я не могу опомниться, нынче я должна дать ответ.

М е р и ч. Как это скверно!

М а р ь я А н д р е е в н а *(обнимает его)*. Владимир, спаси меня!

М е р и ч *(освобождаясь)*. Погоди, погоди. Поговорим хладнокровно.

М а р ь я А н д р е е в н а. Как же я могу говорить об этом хладнокровно! Владимир, что мне делать!.. Жизнь и смерть моя от этого зависят. *(Обнимает его.)*

М е р и ч. Как ты, Мери, неосторожна! Ну, как кто увидит, что скажут?

М а р ь я А н д р е е в н а. Мне теперь уж все равно, что бы ни говорили.

М е р и ч. А я-то чем же виноват! Ведь все на меня падет; скажут, что я тут бог знает что. Ты знаешь, у меня и без того какая репутация.

М а р ь я А н д р е е в н а. Ты боишься? Ты, кажется, прежде не боялся.

М е р и ч. Ты не понимаешь, теперь совсем другое дело; тогда не было твоей маменьки.

М а р ь я А н д р е е в н а. Что же мне делать! Я, ейбогу, не знаю.

М е р и ч. Ах, как это нехорошо, я совсем этого не ожидал.

М а р ь я А н д р е е в н а. Владимир! Пока я не видала тебя, я бы пошла за кого угодно маменьке. Я полюбила тебя; ты мне говорил, что меня любишь,— как же мне теперь расстаться с тобой?

М е р и ч. Скажи же мне, Мери, сделай милость, чего тебе от меня хочется?

М а р ь я А н д р е е в н а. Владимир, опомнись, что ты говоришь! В какое ты меня ставишь положение! Мне стыдно за себя. Я тебе, как другу, рассказываю свое горе, а ты спрашиваешь, чего мне хочется! Что же мне сказать тебе: женись на мне? Пощади меня!

М е р и ч. Ах, Мери! Мери! Ты не знаешь, в каких я теперь странных обстоятельствах. *(Ходит по комнате.)* Я решительно теперь ничего не могу придумать... решительно ничего.

М а р ь я А н д р е е в н а. Ничего?

М е р и ч. Ничего.

М а р ь я А н д р е е в н а. О, боже мой! *(Закрывает лицо руками.)*

М е р и ч. То-то вот все еще неопытность! Мне надобно было бежать от тебя. Зачем я тебя встретил! О, судьба, судьба! Мне легче бы было совсем не видать тебя, нежели смотреть, как ты страдаешь. Впрочем, я не думал, что ты так привяжешься ко мне.

М а р ь я А н д р е е в н а. Что же ты думал?

М е р и ч. Я думал, что из наших отношений не выйдет ничего серьезного.

М а р ь я А н д р е е в н а. Ты хотел позабавиться от скуки, для развлечения, не правда ли? Не ты ли сам говорил, что играть любовью тебе надоело.

М е р и ч. Да разве я не люблю тебя? Разве я не страдаю теперь? О, кабы ты могла заглянуть в мою душу! Но как же быть? Надобно покориться своей участи; надобно быть тверже, Мери!

М а р ь я А н д р е е в н а. Я была тверда, пока ты не обманул меня так жестоко. И тебе не жаль меня? Скажи, ради бога!

М е р и ч. Мне очень жаль тебя, Мери, и тем больше жаль, что я не могу никак помочь тебе. Жениться я не могу на тебе, да и отец мой не позволит. Конечно, я бы не посмотрел на него, а обстоятельства, обстоятельства, которые гнетут меня всю жизнь...

М а р ь я А н д р е е в н а. Ах, боже мой! Скажи ты мне, для чего ты меня обманывал, зачем клялся, когда я от тебя этого не требовала?

М е р и ч. Я люблю тебя, Мери! Я увлекся, я не сообразил. Я человек очень страстный.

М а р ь я А н д р е е в н а. Ты любил? Никогда ты не любил меня. Я одна любила. Теперь мне поведение твое стало ясно. Хоть уж и поздно, а я узнала тебя. Господи, боже мой! И ты смеешь называть это любовью! Хороша любовь! — не только без самопожертвования, даже без увлечения! На нас весь суд, нам не прощают ничего... Я к тебе бросаюсь на шею, а ты оглядываешься, не увидал бы кто. Ты вспомни

хорошенько: бывало, ждешь тебя не дождешься; все глаза проглядишь, а ты придешь, как ни в чем не бывало, только разве обдумаешь дома, что говорить, да как бы сделать шаг вперед.

Мерич. Ты меня обижаешь. Что ж, ты можешь говорить, что хочешь,— ты вправе.

Марья Андреевна. Не говори, ради бога! Вспомни о совести хоть теперь-то. Теперь уж тебе нет никакой нужды лгать. Теперь тебе остается только хвастаться своими успехами.

Мерич. Послушай, однако за кого ж ты меня считаешь?

Марья Андреевна. За кого нужно.

Мерич. Я, наконец, не могу переносить этого. *(Берет шляпу.)*

Марья Андреевна. Ты уходишь? Прощай!

Мерич. Не могу же я слушать этого! Ну, я виноват, я сознаюсь, да все не так же, как ты говоришь. Все-таки я честный человек. Ведь обстоятельства, Мери, много значат... Где же вам это все знать — вы женщины.

Марья Андреевна. Верю, верю.

Мерич. Нет, право. Ты не сердись на меня. Я не мог и не могу иначе поступить при всей любви к тебе. Ты что хочешь говори, а я все-таки буду утверждать, что люблю тебя. Ты этому не веришь! Ты ошибаешься и обижаешь меня. Могу ли я не любить тебя, такое прекрасное, невинное создание!

Марья Андреевна. Перестань, ради бога!

Мерич. При других обстоятельствах я бы отдал все на свете за счастие обладать тобой.

Марья Андреевна. Перестань же наконец.

Мерич. Но мне не суждено; что ж делать! Нам нужно расстаться.

Марья Андреевна. Прощайте, прощайте!

Мерич целует руку, уходит медленно, потом возвращается.

Мерич. Нет, я решительно не могу уйти без того, чтоб еще раз не взглянуть на тебя. *(Стоит, сложа руки на груди.)* Ты на меня не сердишься?

Марья Андреевна. Не сержусь.

Мерич. Вот и прекрасно. Прощай, Мери, прощай! Желаю тебе всякого счастия. *(Отходит немного.)* Обо мне забудь! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

М а р ь я А н д р е е в н а *(одна)*. И я поверила этому человеку! Как мне стыдно за себя... Он ушел, и ему ничего! Он даже рад, я думаю, что развязался... А я, я? За что же я страдаю, чем я виновата! О, господи! зачем в людях так мало правды! Могла ли я знать, что он меня обманывает! Как мне было знать! Почем мне было знать!.. За что он меня обманул! *(Плачет.)*

Входит М и л а ш и н.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

М а р ь я А н д р е е в н а и М и л а ш и н.

М и л а ш и н. Вот доказательства, Марья Андревна.

М а р ь я А н д р е е в н а. Теперь уж не нужно.

М и л а ш и н. Значит, правду я говорил. Помилуйте, я его знаю очень хорошо. *(Читает.)* «Простите моей дерзости, но я не могу более скрывать страсти, которая меня сожигает». — Скажите, какие нежности!

М а р ь я А н д р е е в н а. Что вы там еще читаете?

М и л а ш и н. Вот, извольте посмотреть. *(Подает ей записки. Марья Андреевна читает про себя.)* Вы давеча говорили, что я лгу; я это помню, Марья Андревна.

М а р ь я А н д р е е в н а *(рвет записки и бросает их за окно)*. Только этого недоставало! Это ужасно!

М и л а ш и н. Вот у меня еще есть. Не хотите ли?

М а р ь я А н д р е е в н а. Ах, боже мой! Да на что мне они? Оставьте меня, ради бога. Вы видите, в каком я положении. *(После непродолжительного молчания.)* Я сейчас видела Владимира Васильича.

М и л а ш и н. Что же он?

М а р ь я А н д р е е в н а *(плачет)*. Ему нет никакого дела до меня. Он говорит, что нужно покориться своей участи.

М и л а ш и н. Мерзавец! Марья Андревна, перестаньте, не плачьте! Я готов жизнию пожертвовать для вас. Скажите, Марья Андревна, чем я могу быть для вас полезен,— я на все готов.

М а р ь я А н д р е е в н а. Вы ничего не можете для меня сделать. Дайте мне немного успокоиться. Мое самолюбие оскорблено, мне стыдно за себя. Я не о том плачу, что мне нужно пожертвовать собой —

я уж примирилась с этой мыслию, — а об том, что я была игрушкой пустого человека. Чем вы мне можете помочь?

Милашин. Хотите, я его вызову на дуэль? Вы думаете, не вызову? Непременно вызову.

Марья Андреевна. Что вы выдумываете! Зачем вы это сделаете, как, по какому праву?

Милашин. Да, в самом деле, неловко! Я так только спросил у вас, а то, как вам угодно. Мне жизнь не дорога... Я не могу видеть, как вы страдаете! Неужели я решительно ничем не могу вам помочь?

Марья Андреевна. Одним только: оставьте меня в покое.

Милашин. Вы меня гоните! Вы вот как со мной поступаете! Ну, так я вам докажу, что я не заслуживаю этого. Я, Марья Андревна, не Мерич! Я очень хорошо понимаю ваше положение! Выйти за Беневоленского! Какому-нибудь скоту придет фантазия за вас свататься, а вы должны идти за него! Нет, это невыносимо! Это ужасно досадно! Знаете ли что, Марья Андревна? Я человек бедный, я, может быть, сам не знаю, чем содержать себя одного, не только с женой, но я не сделал бы так, как Мерич: не уступил бы вас на жертву Беневоленскому. Марья Андревна! Я предлагаю вам свою руку, мне хочется доказать вам, что я благородный человек.

Марья Андреевна. Ах, Иван Иваныч, не хотелось бы мне вас обидеть, да нечего делать. Не нуждаюсь я ни в вашей помощи, ни в вашем благородстве; не пойду я за вас ни за что на свете.

Милашин. Да, конечно, я не Беневоленский; он завидный жених.

Марья Андреевна. Беневоленский человек с состоянием, да и маменька хочет, чтоб я за него вышла; вот почему я предпочту Беневоленского.

Милашин. Не угодно? Как вам угодно! Мне только одно обидно: за что вы меня унижаете, ставите хуже какого-нибудь Мерича. Я делаю вам честное предложение, а вы на меня сердитесь; а Мерича не гнали прочь, когда он ухаживал за вами.

Марья Андреевна. Послушайте, за кого вы меня принимаете? Вы даже не имеете уважения ко мне. Нет, надобно это покончить одним разом. Будет плакать. *(Утирает глаза.)* Если б теперь Мерич

сделал предложение, я б не пошла за него. Я выхожу за Беневоленского — это решено. Незаметно, что я плакала? Мне хочется показать маменьке, что я без всякого усилия решилась выйти замуж. Пусть она будет весела и покойна, я возьму все на себя. Полноте дуться и вы. Посмотрите, в самом деле, незаметно слез?

Милашин. Почти незаметно.

Марья Андреевна. Ну, и слава богу! Станемте смеяться, станемте разговаривать о чем-нибудь о постороннем. Не были ли вы в театрах как-нибудь на днях?

Милашин. Вы думаете меня обмануть и себя также. Для чего это? Ведь я знаю, что у вас на душе.

Марья Андреевна *(топает ногой)*. Я совсем вас не обманываю; мне, право, что-то вдруг весело сделалось. Давайте играть во что-нибудь. Ах, вот карты! Давайте играть в карты.

Милашин. Давайте, пожалуй, если вам угодно. *(Садится к столу.)*

Марья Андреевна. Во что же? В дураки давайте.

Милашин *(сдает)*. Поиграемте, поиграемте. Послушайте, Марья Андревна, вы притворяетесь. Вы не хотите, чтоб я видел ваши слезы. Зачем же вы от меня-то скрываетесь: я вам не чужой. Это досадно!

Марья Андреевна. Играйте, играйте, а то останетесь.

Милашин. Вы так горды, что не хотите мне позволить принимать в вас участие. Ведь это заметно, что вы притворяетесь.

Марья Андреевна. Что, остались! *(Смеется.)*

Милашин. Ну, что ж, остался. *(Мешает карты, сдает.)* Ведь это ужасно досадно! Это гордость! Вы меня этим унижаете, не считаете ни за что!..

Марья Андреевна. Вы принимаете! Еще принимаете. Ну, так вы опять остались! *(Хохочет.)*

Милашин. Ведь это невыносимо просто.

Марья Андреевна. Сдавайте, сдавайте. Что же вы!

Милашин сдает.

(Марья Андреевна задумывается, закрывает глаза платком и опирается на стол, потом утирает глаза и берет карты.) Кому ходить, мне?

Анна Петровна входит.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Анна Петровна.

Анна Петровна. Что это у вас за смех?

Марья Андреевна. Да вот Иван Иваныч все остается. Вы совсем не умеете играть. Когда же мы, маменька, напишем ответ Максиму Дорофеичу? *(Продолжает играть в карты.)* Поблагодарите его за предложение и напишите, что я согласна.

Анна Петровна. Ты, Маша, согласна? Ну, спасибо тебе, утешила ты меня. Вот теперь я вижу, что ты меня любишь. Обрадовала ты меня... Уж так обрадовала, что и сказать нельзя... Вот, Иван Иваныч, у меня дочка... И красавица и умница. Где тут бумага была? Вот теперь вдруг-то и не придумаешь, что написать. *(Берет бумагу и пишет.)*

Марья Андреевна и Милашин играют в карты.

Марья Андреевна *(Милашину)*. Хоть бы поскорее это кончилось, моих сил больше нестает. *(Встает.)* Дайте, я вам помогу. Что вы пишете?

Анна Петровна. А вот: «Милостивый государь, Максим Дорофеич! Благодарю вас за лестное для нас предложение. Машенька согласна и просит вас сегодня на чашку чаю». Хорошо ли так-то? Уж я не знаю. А? Аль другое написать?

Марья Андреевна. Нет, прекрасно, прекрасно! Вот и отошлите поскорей.

Анна Петровна. Нет, в самом деле, хорошо? Иван Иваныч, хорошо?

Милашин. Очень хорошо.

Анна Петровна. А не надо ли чего прибавить?

Марья Андреевна. Нет, не надо, ничего не надо... довольно и этого. Пошлите поскорей. Дарья, Дарья!

Входит Дарья.

Пошли поскорей кого-нибудь с этим письмом к Максиму Дорофеичу. Ступай, Дарья, поскорей. Я не выдержу больше... Иван Иваныч, мне дурно!

Милашин подбегает, подает ей стул, Марья Андреевна сидит несколько времени в изнеможении, потом заливается слезами.

Анна Петровна. Машенька! Машенька! Что ты? Что с тобой?

Милашин *(в сторону)*. Что же это такое!

Марья Андреевна. Ничего, это пройдет. Мне дурно что-то. Не беспокойтесь.

Анна Петровна. Поцелуй меня, Машенька! Умница ты моя...

Марья Андреевна. Что, маменька, хороший он человек?

Анна Петровна. Хороший! Уж я не отдам тебя за дурного.

Марья Андреевна (*в слезах*). Он меня станет любить? Если он меня будет любить, и я его буду любить.

Анна Петровна. Да о чем же ты плачешь-то, глупенькая?

Милашин. Неужели это вас удивляет, что Марья Андревна плачет? Это странно!

Анна Петровна. А что ж тут, батюшка, странного? Она сама объявила желание выйти за Беневоленского, а теперь плачет. Чем же не партия?

Милашин. А что ж особенно завидного в Беневоленском?

Анна Петровна. А то, что ты молод еще судить-то постарше себя. Он солидный человек, с небольшим в тридцать лет уж состояние имеет; делом занимается, а у вас все гулимоны да пошлости на уме.

Милашин. Состояние! А где взял он это состояние, спросить надобно. У нас совесть есть, оттого и состояния нет. Состояние нажить немудрено.

Анна Петровна. Да, поди вот, наживи, да тогда уж и разговаривай!

Милашин. Я и теперь могу рассуждать, кто честный человек, а кто нет. Счастие не в богатстве, а в душевном спокойствии. Соединить свою судьбу с таким человеком, которого, того и гляди, отдадут под суд...

Анна Петровна. Да, очень нужны мне все эти резоны! Я, батюшка, мать! Так, зря, дела не сделаю. Еще молод очень учить-то меня! Наживи-ка своих детей, да тогда и выдавай, как знаешь. Учить-то всякий умеет, а попробуй-ка за дело-то взяться, так и нет ничего. Все одни фантазии дурацкие. Вот тут с вами табатерку потеряла. О! чтоб вас! Дарья! Дарья!

Дарья *(входит)*. Что угодно?

Анна Петровна. Что глаза-то вытаращила! Сыщи табатерку!

Дарья уходит.

Милашин. Меня вы можете бранить, сколько вам угодно, а за что же должна гибнуть Марья Андревна?

Анна Петровна. Поди ты, я тебя и слушать-то не хочу. А она должна понимать, кажется, что такое мать для нее. Чего мне стоило ее вырастить-то. Надо мне видеть от нее какое-нибудь утешение. Полно плакать-то!

Марья Андреевна. Разве я вам, маменька, не угождала? Разве вы были недовольны мной когда-нибудь?

Анна Петровна. Что там про старое толковать, я того и знать не хочу. Легко ли дело, нужно мне очень помнить, когда ты мне угодила, когда нет. Вот теперь я вижу твою благодарность. Мать на старости лет ни дня, ни ночи покою не знает, женское дело, измаялась вся. Нашла ей жениха, что она и сама-то его не стоит, а она плачет да убивается, как будто я ей злодейка какая!

Марья Андреевна. Да ведь я, маменька, согласна.

Анна Петровна. Вижу я, как ты согласна-то.

Входит Дарья.

Что ты еще?

Дарья. Табатерку извольте.

Анна Петровна. Ишь ты, тебя принесло, нашла время!

Дарья *(идет)*. Ну, раскудахталась.

Анна Петровна. Другая бы радовалась да не знала, как благодарить мать-то за такого жениха, а не то чтоб расстроивать. Мое дело женское, я женщина сырая, а тебе все ничего. Ты об матери-то и не думаешь, как бы мать порадовать.

Марья Андреевна. Маменька! Ради бога! Что вы говорите! *(Плачет.)* Боже мой, что это такое!

Анна Петровна *(помолчавши и успокоившись)*. Что ж, конечно, я на тебя не могу пожаловаться, ты меня всегда слушалась... Да что ж теперь-то ты, Машенька! Ну, полно, перестань! Мне ведь и

самой тебя жаль. Я тебя обидела... Что ж делать, прости. Я ведь женщина, у меня сердце слабое, горячее, раскипится другой раз, и не уймешь; сами виноваты, что до этого доводите! Иногда что и скажется сгоряча... Обижаться-то на меня за это грех, дело женское.

Марья Андреевна. Я на вас не обижаюсь...

Анна Петровна. Что ж делать, хороша ли, худа ли, все-таки мать. Выдешь замуж, и такой не будет. Ну, полно же, друг мой. Мне разве весело смотреть на тебя, как ты плачешь. Бог с тобой, что ты это!

Все лица на левой стороне; входит Хорьков и останавливается среди сцены.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же и Хорьков.

Хорьков. Марья Андревна! Моя мать вас обидела; я пришел просить прощения за нее.

Анна Петровна. Да, батюшка, нечего сказать, хорошая женщина ваша маменька.

Марья Андреевна *(тихо)*. Маменька, он, кажется, пьян; молчите, пожалуйста.

Милашин *(Марье Андреевне)*. Он уж четвертый день пьет; как ушел тогда от вас, и запил. Ходит по комнате, плачет и пьет.

Марья Андреевна. Неужели? Ах, бедный!

Хорьков. Что такое? Слезы! Об чем вы плачете? Я не хотел вас обидеть... Я бы умер для вас, Марья Андревна. Это мать... Она простая женщина. Я не знал, что она была у вас, не знал... Я б ее не пустил к вам... Она простая женщина, не понимает ничего... Где же ей вас понять! Что же делать! Мать... любит... воспитала... Марья Андревна, простите! *(Становится на колени.)*

Марья Андреевна. Что вы, что вы, Михайло Иваныч! Встаньте! Я ни на вас, ни на вашу маменьку не сержусь; напротив, я вам очень благодарна за ваше расположение.

Хорьков *(встает)*. Об чем же вы плачете? Скажите мне, об чем вы плачете? Кто вас обидел?

Анна Петровна. Ах, молодой человек, молодой человек...

Хорьков. Что вы, Анна Петровна!.. Ах, вы не знаете!.. Уж молчите лучше! *(К Марье Андреевне.)* Вас, вероятно, маменька обидела? Не сердитесь на нее... Бог с ними... они не знают... не сердитесь на нее... ведь любят... воспитывали... учили...

Анна Петровна. Пойдем, Машенька, пора одеваться, скоро Максим Дорофеич приедет. *(Милашину тихо.)* Уведите его, Иван Иваныч.

Милашин *(берет шляпу)*. Пойдемте, Михайло Иваныч.

Хорьков. Что? Мальчишка!

Милашин. Что же вы бранитесь! Я вас хочу увести отсюда, потому что вы пьяны.

Хорьков стоит задумавшись.

Марья Андреевна *(встает)*. Перестаньте, Иван Иваныч!

Милашин. Что же он бранится! Это досадно.

Хорьков. Да, скверно, скверно! Извините... Куда я годен! Пьяный... в чужом доме...

Марья Андреевна. Ах, как мне его жаль! Как мне его жаль!

Хорьков. Марья Андревна, не презирайте меня! Я люблю вас... Я не мог перенести вашего отказу. Конечно, это гадко... подло... недостойно... Но что ж делать, я жалкий человек! Я ведь люблю вас, очень люблю!..

Марья Андреевна. Я сама вас люблю, Михайло Иваныч. Я очень жалею, что поздно вас узнала. Я выхожу замуж... за Беневоленского. *(Плачет.)*

Хорьков. За Беневоленского!.. Это жертва... да, жертва. Что ж, благородно... благородно... слезы...

Марья Андреевна *(садится на стул)*. Ах, Михайло Иваныч, мне тяжело, очень тяжело!

Анна Петровна. Она это для матери делает. Максим Дорофеич — человек хороший и с состоянием.

Хорьков. Да, с состоянием. Слезы, слезы... вечные слезы... чахотка, не живши, не видавши радостей жизни... Прощайте. *(Становится на колени, берет руку Марьи Андреевны и целует.)* Я сам не переживу!

Марья Андреевна в обмороке, все суетятся около нее; Хорьков плачет, прислонившись к стене.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Сцена представляет небольшую комнату. Направо от зрителей дверь в залу; ближе к зрителям трюмо; прямо — дверь в переднюю, налево диван, перед диваном круглый стол, далее еще дверь, в углу простой стол, на котором чашки и бутылки. Дарья устанавливает бутылки на столе, официант устанавливает чашки на поднос, потом берет поднос и идет к двери. Входит Добротворский.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дарья, официант и Добротворский.

Добротворский. Ты что это, любезный, несешь?

Официант. Чай-с.

Добротворский. А рому-то что ж не захватил?

Официант. Сперва так обнесем-с.

Добротворский. Эх, братец! Не знаешь ты, кого чем потчевать. Ишь, все деловые люди собрались, со светлыми пуговицами сидят.

Официант. Дарья Семеновна, пожалуйте рому-с.

Дарья. Что там еще! О! Чтоб вас! Рому, что ль?

Официант. Рому требуют-с. *(Берет бутылку и ставит на поднос.)*

Добротворский. Дай уж и мне, я тут к сторонке сяду, на просторе пуншику попью. *(Берет чашку и садится на диван.)*

Официант уходит в дверь направо. Входит женщина в капоте и в платке.

Женщина в капоте. Танцы будут, матушка? Барышни прислали спросить. У нас, матушка, семь барышень. Беспременно, говорят, узнай: коли танцы будут, так и мы придем посмотреть.

Дарья. Будут, будут. О! Чтоб вас тут!

Женщина уходит. Входят несколько лиц и проходят к двери направо; в дверях показывается кучер.

Ты зачем?

Кучер. Свадьбу смотреть.

Дарья. О! Мужлан, туда же лезет!

Кучер. А ты что за барыня!

Дарья. Да ты не хайлп! Что горло-то распустил?

Кучер. А вы потише, а то неравно испугаюсь.

Дарья. Говорят, пошел вон!
Кучер. Пойду. *(Уходит.)*
Дарья. О! Чтоб вас, так бы, кажется!.. *(Уходит.)*

Входят разные лица и смотрят в дверь направо. Между ними две женщины, довольно хорошо одетые, девушка, покрытая платочком, и двое молодых людей в синих чуйках.

Первый молодой человек *(девушке, покрытой платком)*. Позвольте узнать,— который жених-с?
Девушка. Вот этот.
Первый молодой человек. Так-с. А где невеста-с?
Девушка. Вот она.
Первый молодой человек. Так-с А вы далеко живете-с?
Девушка. Не доходя — прошедши.
Первый молодой человек. Я сам оттедова недалечко-с. Позвольте вас проводить.
Девушка. И без вас дорогу знаем.
Второй молодой человек *(первому молодому человеку)*. Что! Налетел с ковшом на брагу! *(Девушке.)* Что вы его слушаете, он у нас уж известный по этим делам. *(К первому.)* Что ты пристаешь, в самом деле! Тут, брат, тебе нечего взять. Ишь, разлетелся! *(Девушке.)* Он намедни из городу одну в Рогожскую провожал, а там его метлой дворник и пугнул; так взад-вперед даром пешком и проходил.
Первый молодой человек. Буде врать-то, любезный!
Второй молодой человек. Что врать-то! Не с твоим, брат, рылом! Ты видишь, барышня какая! Что вы, сударыня, здешние?

Продолжают говорить шепотом. Из толпы выходят на авансцену две женщины — Дуня и Паша.

Паша. Будто тебе его, Дуня, и не жаль?
Дуня. Ничего-таки не жаль. Что я жила — маялась! Приедет, бывало, пьяный да олаберный — так как обеснующий какой. Я уж давно ему говорю: развяжи ты мою голову; хоть бы ты женился; авось, остепенишься немножко. Взял бы, говорю, хорошенькую барышню, так и сам бы, может быть, стал порядочным человеком, а то что так-то мотаешься!

Паша. Что ты говоришь!

Дуня. Да право, так, Паша.

Паша. Так это другое дело. Пойдем посмотрим приданое.

Дуня. Пойдем, Паша.

Уходят в дверь налево. Толпа мало-помалу расходится, остаются несколько старух. Добротворский пьет пунш. Входят Марья Андреевна и Беневоленский.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Добротворский, Беневоленский и Марья Андреевна.

Беневоленский. Вы, сударыня, только извольте приказывать, а уж я буду все исполнять в точности.

Марья Андреевна. Вы меня станете слушаться во всем, Максим Дорофеич?

Беневоленский. Честное слово благородного человека.

Марья Андреевна. Я вам откровенно скажу: мне в вашем характере кой-что не нравится; мне бы хотелось, чтобы вы оставили некоторые привычки. С тем и иду за вас. Вы меня послушаетесь?

Беневоленский. Все, что вам угодно. Из любви к вам я на все готов. Вам не угодно было, чтоб я водку пил,— я ее бросил; вы мне не приказывали табак нюхать — я и не нюхаю. А, Платон Маркыч, ты здесь! Приходи ко мне как-нибудь, я тебе подарю серебряную табакерку.

Добротворский. Покорно благодарю, Максим Дорофеич, зайду как-нибудь.

Беневоленский. Я ваш покорнейший слуга на всю жизнь. Позвольте ручку поцеловать. Вам, может быть, угодно здесь одним остаться?

Марья Андреевна. Да, мне нужно поговорить с Платоном Маркычем.

Беневоленский. Ухожу-с. Видите, как я послушен. *(Подходит к Платону Марковичу.)* Что, ловко я себя держу?

Добротворский *(одобрительно кивая головой)*. Хорошо.

Беневоленский уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Марья Андреевна и Добротворский.

Марья Андреевна. Глупа я, Платон Маркыч, скажите мне. Так ведь, не правда ли?

Добротворский. Что вы! Кто смеет сказать! Нет, вы у нас умница.

Марья Андреевна. Послушайте, Платон Маркыч, что мне в голову пришло. Может быть, вам это смешно покажется. Я думала, думала... да знаете ли, до чего додумалась?

Добротворский смотрит на нее.

Только вы не смейтесь надо мной... Мне показалось, что я затем иду за него замуж, чтобы исправить его, сделать из него порядочного человека. Глупо ведь это, Платон Маркыч? Ведь это пустяки, нельзя этого сделать, а? Платон Маркыч, не так ли? Все это детские мечты?

Добротворский. Звери лютые, и те укрощаются...

Марья Андреевна. Без этой мысли, Платон Маркыч, мне было бы очень тяжело. Только этим я теперь и живу. Поддерживайте меня, Платон Маркыч.

Добротворский. Знаете ли, барышня, я вам русскую пословицу скажу: что будет, то будет, а что будет, то бог даст. А другая еще пословица говорится: суженого конем не объедешь.

Марья Андреевна садится на стул к трюмо и задумывается, входит Дарья и выгоняет со сцены зрителей, которые проходят в заднюю дверь.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Дарья.

Дарья. О, чтоб вас! Куда зашли! Коли хотите смотреть, так стойте в передней. Да чего и смотреть-то! Эка невидаль какая!

Марья Андреевна. Поправь мне прическу.

Добротворский уходит.

Дарья *(поправляет прическу)*. Барышня, Владимир Васильич здесь в саду.

Марья Андреевна. Ну так что ж?

Дарья. Они просят позволения войти, хотят поговорить с вами.

Марья Андреевна. Это что еще? Затвори эту дверь. Позови его.

Дарья уходит.

Зачем он? Послушаем, что он скажет. Странно, как скоро я его разлюбила. Мне теперь он представляется совершенно посторонним человеком. Я его жду без всякого волнения. А прежде?

Мерич входит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Марья Андреевна и Мерич.

Марья Андреевна *(не оборачиваясь к нему)*. Зачем вы?

Мерич. Поглядеть на вас последний раз. Неужели вы мне в этом откажете!

Марья Андреевна *(поворачиваясь к нему)*. Хороша я?

Мерич. Обворожительна.

Марья Андреевна. Прощайте, мне пора к жениху.

Мерич. Ах, погодите, Марья Андревна, ради бога. Выслушайте меня. Позвольте мне хоть полюбоваться на вас еще несколько минут.

Марья Андреевна. Я слушаю. Что вам угодно?

Мерич. Не сердитесь на меня, Марья Андревна.

Марья Андреевна. Я на вас не сержусь.

Мерич. Вы хотите сказать, что я не стою того, чтобы вы на меня сердились. Извините, вы, кажется, меня не так поняли. Мне хочется перед вами оправдаться.

Марья Андреевна. В чем вам оправдываться? Я во всем виню себя. Я думала, что вы человек, способный любить, и ошиблась. Я искала любви, вы — интриги, побед. Мы с вами не пара.

Мерич. Вас я любил истинно, Марья Андревна...

Марья Андреевна. Это неправда, Владимир Васильич. *(Подумав.)* Скажите, пожалуйста, кого вы обманываете? Чем вы берете? Все ваши победы, вероятно, то же, что было со мной. Девушка сама бросается к вам, а вы потом хвастаетесь победой. Не

так ли? Я бы вас сама разлюбила скоро, как бы далеко ни зашла наша любовь. Немного больше страданий, раскаяния, стыда, а все-таки разлюбила бы вас. Мне нужно было, чтоб меня любили! Только этого я хотела.

Мерич. Бесценная женщина!

Марья Андреевна. Вы прежде не хотели меня слушать, теперь вы выслушаете меня. Как бы я была счастлива, если б я родилась полегкомысленнее. Меня бы занимали наряды, маленькие интрижки, и все бы было так легко, весело; я бы влюблялась, забавлялась. Я теперь иначе смотрю на жизнь: я выхожу замуж и хочу быть хорошей женой.

Мерич. Боже мой, как я ошибался! Я не знал вас, Марья Андревна. Я теперь вижу всю пошлость своего поведения...

Марья Андреевна. Не знаю, от души вы сознаетесь или нет, но я вам верю, не хочу вас обижать. За себя я на вас не сержусь; я бы желала только, чтобы это послужило вам уроком. Расстанемся друзьями. *(Протягивает ему руку.)*

Мерич *(целуя ее руку)*. Мери, я люблю тебя!

Марья Андреевна. Поздно, Владимир Васильич, поздно... Передо мной новый путь, и я его наперед знаю. У меня еще много впереди для женского сердца! Говорят, он груб, необразован, взяточник; но это, быть может, оттого, что подле него не было порядочного человека, не было женщины. Говорят, женщина много может сделать, если захочет. Вот моя обязанность. И я чувствую, что во мне есть силы. Я заставлю его любить меня, уважать и слушаться. Наконец — дети, я буду жить для детей. Вы улыбаетесь! Как это честно с вашей стороны! Даже если бы все, что я вам говорю, были мечты одни, которым никогда не осуществиться, вы все-таки не должны разочаровывать меня. Мне они нужны, чтобы поддержать меня в моем теперешнем положении... Ах, Владимир Васильич, бог с вами... Ведь мне тяжело... Мне очень тяжело,— и никто не хочет знать этого.

Мерич. Я вам желаю всякого счастия. Но мне кажется, что с таким человеком оно для вас невозможно.

Марья Андреевна. Нет, Владимир Васильич, вам не видать моих страданий. Я не доставлю вам удовольствия пожалеть меня. Какие бы ни были

обстоятельства, я хочу быть счастливой, хочу,— чего бы мне это ни стоило. За что же мне страдать? Рассудите сами,— ну, рассудите. За то, что я ошибалась, что меня безжалостно обманывали, что я, наконец, исполняю долг и спасаю мать... Нет, нет, нет!.. Я буду счастлива, буду любима... Не правда ли? Скажите... да, да... Говорите же! Мне так нужно, не противоречьте мне...

Мерич *(подумав)*. Да!

Марья Андреевна. Покорно вас благодарю. Прощайте. *(Уходит.)*

Мерич *(один)*. Какая умная девушка! Желал бы я знать, что она обо мне думает. Неужели она меня считает пустым человеком?.. А впрочем, еще слава богу, что так кончилось,— будь она поглупее, так не знал бы, как и развязаться; одним упрекам не было бы конца, а еще, пожалуй, женили бы.

Милашин входит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мерич и Милашин.

Милашин. И вы здесь!

Мерич. Да, приходил проститься с Мери. Я ее любил, Иван Иваныч. Я от вас не скрою: для меня очень чувствительно потерять такую женщину. Ах, как она меня любила! И вы посмотрите на нее теперь: сколько у ней воли, как она твердо переносит свои страдания! Только я знаю, как она страдает. Я не говорю про себя — я мужчина. Вы здесь на вечере?

Милашин. Да.

Мерич. Сделайте милость, если заметите, что она будет очень грустить, утешайте ее, вы меня этим много обяжете. И, пожалуйста, старайтесь сделать так, чтобы ничто ей не напоминало меня. Я на вас надеюсь, Иван Иваныч. Прощайте... *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Милашин *(один)*. Однако это ужасно! В целый вечер она не сказала со мной ни одного слова, а приходила сюда прощаться с Меричем. Я хожу, тоскую три часа сряду, и хоть бы один взгляд! Это ужасно досадно. Или лицо у меня не так выразительно, что

ли? Мне хотелось бы, чтобы лицо мое выражало теперь самую глубокую скорбь. *(Смотрит в зеркало.)* Фу, какое глупое выражение... смешное даже! Нет, пусть же она заметит злую иронию в моих глазах. *(Смотрит в зеркало.)* А если она не захочет заметить... Ах, да из чего же я хлопочу?.. Уйти? Она, пожалуй, не заметит моего отсутствия. А, черт возьми!.. Нет, останусь. Буду хладнокровным зрителем, буду смотреть холодно. Из чего я в самом деле горячусь! А как она нынче хороша-то! Как держит себя! Нет, черт возьми, это ужасно досадно. И какие скоты всё кругом нее! У меня, кажется, нынче разольется желчь. И этот жених, этот жених! И она еще к нему ласкается! Нет, она заметит, какими я глазами буду глядеть на него. *(Уходит.)*

Разные лица проходят по сцене к двери направо. Беневоленский и Добротворский входят под руку.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Беневоленский и Добротворский.

Беневоленский. Благодарен тебе, Платон Маркыч, весьма благодарен. Ты меня много, много обязал. Марья Андревна и умна и образованна. Именно такую жену мне и нужно.

Добротворский. Хе, хе, хе, любезнейший! Что уж теперь толковать. Поддели молодца! Какова ни есть, уж теперь нечего назад пятиться!.. Шучу, шучу...

Беневоленский. Да-с, я тебе скажу, с этакой женой не стыдно показаться в общество. *(Останавливается перед зеркалом и гладит подбородок.)* Что ж, нас будет пара, как ты думаешь?

Добротворский. Ах вы, проказник! *(Хохочет.)* Ишь ты, какие штучки выдумывает!

Беневоленский. Чему же ты смеешься?

Добротворский. Будет вам проказничать-то, уморили со смеху! Поцелуемтесь.

Целуются.

Беневоленский *(в сторону)*. Чему он смеется? *(Добротворскому.)* Послушай, Платон Маркыч, у меня есть к тебе серьезное дело.

Добротворский. Что прикажете?

Б е н е в о л е н с к и й *(берет его под руку)*. Все мы были молоды.

Добротворский кивает головой в знак согласия.

Молодость, как ты знаешь, имеет свои слабости. Ты сам это очень хорошо знаешь, иначе я бы тебе и не стал говорить.

Д о б р о т в о р с к и й. Все мы грешны, и все мы смертны...

Б е н е в о л е н с к и й. Это правда, да не об том речь! Ты выслушай. Ошибки также весьма свойственны молодости. Я любил одну девушку...

Д о б р о т в о р с к и й. Гм! Скажите! Хорошенькая была девушка?

Б е н е в о л е н с к и й. Очень недурна. Ну, конечно, из низкого сословия, но очень недурна. Только характер у нее совсем не соответствовал наружности: ревнива...

Д о б р о т в о р с к и й. Вам это кажется удивительно. Эх, молодость! Поживите-ка с наше, так не то увидите. Вот я вам сейчас какую историю расскажу, вот послушайте, не вашей чета, а то что́ вы мне рассказываете! Это еще до француза было...

Б е н е в о л е н с к и й. Ах, какой ты бестолковый, Платон Маркыч! Я боюсь, что она сюда придет.

Д о б р о т в о р с к и й. Кто?

Б е н е в о л е н с к и й. Эта девушка-то.

Д о б р о т в о р с к и й. Зачем? Нет, зачем она пойдет, что вы говорите!

Б е н е в о л е н с к и й. Пойми ты меня, Платон Маркыч: я тебе говорю, что она ревнива, так я боюсь, чтобы она тут шуму какого не наделала.

Д о б р о т в о р с к и й. Вот что! а!.. Теперь я вас понял.

Б е н е в о л е н с к и й. Так уж ты распорядись, братец, так, чтобы не пускали никого посторонних.

Д о б р о т в о р с к и й. Что ж вы, отец мой, у меня с Марьей-то Андревной делаете! Вы этак у меня ее уморите, сердечную... А уж вы, батюшка, эти глупости-то оставьте.

Б е н е в о л е н с к и й. Что ты, что ты! Я давно оставил. Только все-таки осторожность не мешает. Понимаешь ты меня?

Д о б р о т в о р с к и й. Хорошо-с, теперь понимаю. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Б е н е в о л е н с к и й *(один)*. В жизни главное дело — ум и предусмотрительность. Что такое я был, и кто я теперь? Вот она история-то! Бывало, всякому встречному кланяешься, чтоб тебя не прибил как-нибудь, а теперь нас и рукой не достанешь. И капитал есть, и жену красавицу нашел. Черт возьми! *(Пожимает руки, потом дерет себя за хохол.)* Ах ты, Максимка Беневоленский! А думал ли ты об этом счастии, сидя в школе в затрапезном халате? Ничего, братец! Вот *(стучит себя пальцем по лбу)*, вот чем пробьем себе дорогу. Нужда ум родит, а ум родит деньгу, а с умом да с деньгами все можно сделать! *(Задумывается.)* Не поучиться ли мне танцевать? Поучусь. Или не надо? Нет, что! Деловому человеку неловко. А иногда так тебе и хочется плясать. *(Немного подпрыгивает.)*

Проходят р а з н ы е л и ц а из залы; он становится в приличную позу и закладывает руку за жилет. Из двери налево выходят первая и вторая женщины — П а ш а и Д у н я.

Д у н я. Ах, Максим Дорофеич, здравствуйте. Наше вам почтение!

Беневоленский отворачивается в сторону.

Что ж, ты меня не узнал, что ли?

Б е н е в о л е н с к и й. Ах, это ты, Дуня! Зачем же ты...

Д у н я. Невесту твою посмотреть.

Б е н е в о л е н с к и й. Да как же это! Ведь я не велел было...

Д у н я. Что это не велел? Ты меня пускать не велел! Ах, бессовестный ты человек! Бесстыжие твои глаза!..

Б е н е в о л е н с к и й. Нет, я ничего... Я так! Что ж, Дуня, посмотри поди. Там вон невеста, там приданое...

Д у н я. То-то, посмотри! Не глядели б мои глаза-то, кажется, на тебя. Вот, Паша, смотреть посылает, видишь, какой добрый! Сам все покажет. Что ж, матушка, ведь не чужой. Ах ты, соколик!

Б е н е в о л е н с к и й. Ты, Дуня, поосторожней — увидит кто-нибудь, нехорошо! *(Становится в позицию.)*

Д у н я. А хочешь, сейчас дебош сделаю?

Б е н е в о л е н с к и й. Дура, дура! Что ты, что ты!

Д у н я. Не бойся, не бойся! Что ты испугался? Я не в тебя.

Б е н е в о л е н с к и й. Нет, Дуня, полно, в самом деле. Коли тебе что нужно, ты лучше ко мне на́ дом приди.

Д у н я. Не пойду я к тебе, не беспокойся.

Б е н е в о л е н с к и й. А здесь, Дуня, тебе что ж делать? Посмотри невесту и ступай.

Д у н я. Уж я видела! Хороша ведь, Паша, уж можно сказать, что хороша. *(К Беневоленскому.)* Только сумеешь ли ты с этакой женой жить? Ты смотри, не загуби чужого веку даром. Грех тебе будет. Остепенись, да живи хорошенько. Это ведь не со мной: жили, жили, да и был таков. *(Утирает глаза.)*

П а ш а. А ты говорила, что тебе его не жаль.

Д у н я. Ведь я его любила когда-то. Что ж, надо же когда-нибудь расставаться: не век так жить. Еще хорошо, что женится; авось, будет жить порядочно. А все-таки, Паша, ты то возьми, лет пять жили... ведь жалко. Конечно, немного я от него доброго видела... больше слез... одного сраму что перенесла. Так, ни за что прошла молодость, и помянуть нечем.

П а ш а. Что делать, Дуня.

Д у н я. А ведь бывало, и ему рада-радешенька, как приедет. Смотри ж, живи хорошенько!

Б е н е в о л е н с к и й. Ну, уж конечно.

Д у н я. То-то же. Эта ведь тебе навек, не то что я. Ну, прощай, не поминай лихом, добром нечем. Что это я, как дура, расплакалась, в самом деле! О! махнем рукой, Паша, завьем горе веревочкой!

Б е н е в о л е н с к и й. Прощай, Дуня!

Д у н я. Адье, мусье! Пойдем, Паша.

Уходят.

Б е н е в о л е н с к и й. Сумасшедшая женщина! Еще хорошо, что так обошлось. Однако я было перетрухнул.

Входит о ф и ц и а н т.

Дай-ка мне, братец, рюмочку хересу. Фу! Как гора с плеч.

Официант подает.

Благодарю, любезный. *(Уходит.)*

Появляются на сцене р а з н ы е л и ц а.
Д в е ж е н щ и н ы.

П е р в а я. Вот, говорят: не завидуй! Как тут не завидовать! Одна дочь, и той какого молодца поддели, а у меня вот три, да нейдут с рук. Что ты хочешь, делай! А ведь, чай, малого-то опутали как-нибудь, а то где б ему жениться, ведь за ней ничего нет.

В т о р а я. Ну, уж, матушка, нашла кому позавидовать!

П е р в а я. А что?

В т о р а я. Да, говорят, такой сокол, что беда!

Д в е с т а р у х и.

П е р в а я с т а р у х а. Сундуки-то кованые, да, должно быть, пустые.

В т о р а я с т а р у х а. Ан нет, полные.

П е р в а я с т а р у х а. Где уж полные! У них всего и добра-то кругом пальца обвести.

В т о р а я с т а р у х а. Ты в чужие сундуки-то лазила, что ль?

П е р в а я с т а р у х а. Я не лазию — может, кто другой лазит.

В т о р а я с т а р у х а. Тебе только пересуживать, а самое-то с чем отдавали.

П е р в а я с т а р у х а. Да уж почище тебя!

В т о р а я с т а р у х а. А кто по чужим дворам дрова ворует?

П е р в а я с т а р у х а. Врешь, я не ворую.

В т о р а я с т а р у х а. Ан, воруешь.

П е р в а я с т а р у х а. Ах, ты...

Скрываются в толпе. Из двери направо выходят А н н а П е т р о в н а, Д о б р о т в о р с к и й и Д а р ь я.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

А н н а П е т р о в н а, Д о б р о т в о р с к и й и Д а р ь я.

А н н а П е т р о в н а. Ох, захлопоталась я нынче совсем, моченьки моей нет. Отдохнуть присесть. *(Садится на диван.)*

Д о б р о т в о р с к и й. Что ж, свои ведь, сударыня, хлопоты. Своя ноша не тянет, говорится пословица. Благо все устроили.

А н н а П е т р о в н а. Уж как я рада-то, Платон Маркыч, вы себе и представить не можете. Пора уж и мне знать покой. Женщина я слабая, сырая, во всем

должна была себе отказывать. А я ведь как при покойнике-то жила, вы знаете, всем была избалована.

Добротворский. В холе жили и в неженье, Анна Петровна.

Анна Петровна. И я вам скажу, Платон Маркыч, как я свадьбы всегда любила. Меня хлебом не корми, только где бы нибудь на свадьбе пировать. Вот теперь бог привел дочку выдавать. Уж не чаяла, как и дождаться-то такой радости. Во сне сколько раз снилось. То приснится мне, что пляшу я, вот так и пляшу, так и пляшу. Ведь я смолоду-то плясывала. А то вижу я раз, будто пьяна, вот так-таки совсем пьяна, и побранилась я с вами на чем свет стоит.

Добротворский. К радости, сударыня.

Анна Петровна. Ну да, слава богу, все теперь устроилось.

Добротворский. Слава богу, слава богу.

Анна Петровна. Дай-ка нам, Даша, винца какого-нибудь. Мы с Платоном Маркычем выпьем на радости.

Дарья подает на подносе бутылку и рюмки и ставит на стол.

Добротворский *(пьет)*. Честь имею поздравить, Анна Петровна. Дай бог внучат и правнучат дождаться.

Анна Петровна. Покорно благодарю, Платон Маркыч. Вам, батюшка, мы всем этим обязаны.

Входит Марья Андреевна.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Марья Андреевна.

Марья Андреевна. Вы здесь, маменька? Я вас ищу. *(Подходит к матери.)*

Анна Петровна. Что тебе, душенька, что тебе?

Марья Андреевна. Так, маменька, что-то мне очень скучно стало. *(Садится на диван и припадает к матери головой.)*

Добротворский *(берет бокал)*. Что делать-то, барышня, надобно привыкать! За ваше здоровье. Будете богаты, тогда и нас не забудьте. Хе, хе, хе! Пожалуйте ручку, барышня. *(Целует.)*

Анна Петровна *(пьет)*. Ну, дочка, будь счастлива, не поминай лихом мать-старуху. Поживешь, сама

узнаешь, что такое дети-то. *(Целует.)* Нравится ли он тебе? Признаться сказать, скоренько дело-то сделали; кто его знает, в него не влезешь.

Марья Андреевна *(в слезах)*. Ничего, маменька, он мне нравится. Вы не глядите, что я плачу; это так, от волнения. Мне кажется, что я буду счастлива...

Голос из толпы. Другой, матушка, нравный, любит, чтоб ему угождали. Домой-то, известное дело, больше пьяные приезжают, так любят, чтоб сама ухаживала, людей к себе не подпускают.

Марья Андреевна. А если и не буду счастлива, так уж не вы виноваты; вы сделали для меня все, что могли, что умели. Благодарю вас, маменька, и вас, Платон Маркыч.

Из другой комнаты слышна музыка: Беневоленский выходит, Марья Андреевна идет к нему навстречу и подает руку.

Добротворский *(подает руку Анне Петровне)*. А мы с вами, сударыня, польскую пройдемся.

Уходят.

Одна из толпы. Эта, что ль, невеста-то?

Старуха. Эта, матушка, эта.

Женщина. Ишь ты, как плачет, бедная.

Старуха. Да, матушка, бедная: за красоту берет.

Комедия
в трех
действиях

НЕ В СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ

ЛИЦА:

МАКСИМ ФЕДОТЫЧ РУСАКОВ
богатый купец.

АВДОТЬЯ МАКСИМОВНА
его дочь.

АРИНА ФЕДОТОВНА
его сестра, пожилая девушка.

СЕЛИВЕРСТ ПОТАПЫЧ МАЛОМАЛЬСКИЙ
содержатель трактира и гостиницы.

АННА АНТОНОВНА
его жена.

ИВАН ПЕТРОВИЧ БОРОДКИН
молодой купец, имеющий мелочную лавочку и погребок.

ВИКТОР АРКАДЬИЧ ВИХОРЕВ
отставной кавалерист.

АНДРЕЙ АНДРЕИЧ БАРАНЧЕВСКИЙ
чиновник.

СТЕПАН
слуга Вихорева.

ПОЛОВОЙ
в гостинице.

МАЛЬЧИК И ДЕВУШКА
(без речей).

Действие происходит в уездном городе Черемухине.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Общая комната в гостинице; на задней и по боковым стенам по двери, в левом углу от зрителей стол.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

С т е п а н сидит за столом и ест селедку на синей сахарной бумаге. П о л о в о й стоит подле него с полотенцем на плече.

С т е п а н. Что ты, братец, смотришь? Незавидное кушанье! Тонкое житье! Третий день вот селедками пробавляюсь, а что в них проку-то, только пьешь да в животе бурчит.

П о л о в о й. Что ваш барин-то, служащий?

С т е п а н. Да, служили мы с барином-то без году неделю.

П о л о в о й. Что ж так мало-с?

С т е п а н. Гм! где ему служить! Не то у него на уме, и притом же горд... *(Глотает с трудом.)* Кто я, да что я! Да другие провинности, да шалушки водились, так все к одному пригнали, да и машир на хаус.

П о л о в о й. А имение-то есть у вас?

С т е п а н. Было большое село, да от жару в кучу свело. Все-то разорено, все-то промотано! То есть поверишь ли ты, друг мой, приехали мы это в деревню — ни кола, ни двора; а хлеб-то на поле, так не глядели б глаза мои: колос от колоса — не слыхать девичьего голоса.

П о л о в о й. А много ль душ-то?

С т е п а н. У тятеньки-то было полтораста, а у нас только одиннадцать, да я двенадцатый — дворовый. Вот и все.

П о л о в о й. Зачем же ваш барин сюда приехал?

С т е п а н. Жениться хочет, из себя очень красив... Как женюсь, говорит, на богатой, все дела поправлю.

Голос за сценой: «Степан!»

Степан. Иду-с. *(Завертывает селедку в бумагу и кладет в карман. Уходит.)*

Половой стирает со стола полотенцем. Бородкин и Маломальский входят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бородкин и Маломальский.

Бородкин. Теперича которые я вина получил, Селиверст Потапыч, так останетесь довольны, первейшие сорта.

Маломальский. Молодцы! Соберите чайку... поскорей... лучшего... *(Садится за стол.)*

Бородкин. Если вы теперича попробуете, так вы завсегда будете предпочитать брать у меня. А я вам, Селиверст Потапыч, завсегда могу этим делом услужить.

Половой приносит чай и ставит на стол. Бородкин начинает мыть чашки и разливать.

Позвольте вас попотчевать бутылочку лисабончику.

Маломальский. Я, брат, ничего... я выпью.

Бородкин. Мальчик! Паренек!

Входит мальчик.

Сбегай в лавку, скажи приказчику, чтоб отпустил бутылку лисабону лучшего.

Мальчик уходит. Бородкин разливает чай.

А ему, Селиверст Потапыч, нет, врет,— не удастся ему замарать меня.

Маломальский. Теперича, если ты ведешь свои дела правильно и, значит, аккуратно... ну, и никто тебя не может замарать.

Бородкин. Я, истинно, Селиверст Потапыч, благодарю бога! Как остался я после родителя семнадцати лет, всякое притеснение терпел от родных, и теперича, который капитал от тятеньки остался, я даже мог решиться всего капиталу: все это я перенес равнодушно, и когда я пришел в возраст, как должно — не токма чтобы я промотал, или там как прожил, а сами знаете, имею, может быть, вдвое-с, живу сам по себе, своим умом, и никому уважать не намерен.

Маломальский. Это ты в правиле... действуешь.

Бородкин *(стучит крышкой чайника)*. Кипяточку!

Половой подходит и берет чайник.

Маломальский. Ты... имеешь свою... правилу...

Бородкин. Опять, Селиверст Потапыч, за что он меня обижает?

Маломальский. Он не должо́н этого...

Бородкин. Теперича он пущает слух, якобы, то есть, я занимаюсь этим малодушеством — пить. Так это он врет: кто меня видел пьяным!.. Опять хоша бы я доподлинно пил, все-таки, стало быть, на свои: что ли, я на его счет буду пить? А все это, главная причина — одна зависть.

Половой приносит воды. Бородкин разливает.

А может, он того не знает, что я плевать хотел на все это.

Маломальский. Слушай, ты! Оставь втуне... пренебреги! Как ты свой круг имеешь дела, и действуешь ты, примерно, в этом круге... так ты и должо́н действовать, и тебе ничего не может препятствовать никто.

Бородкин. Все-таки обидно. Говорится пословица: добрая слава лежит, а худая бежит. Зачем я теперь скажу про человека худо? Лучше я должо́н сказать про человека хорошо.

Маломальский. Это ты правильно говоришь.

Бородкин. Всякий по чужим словам судит. А почем он знает: может, он мне этим вред делает. Я жениться хочу, так кому же это нужно, когда про человека такая слава идет.

Маломальский. Слушай! Коли ты женишься... кто же может ему поверить... потому как он пустой человек и, с позволения сказать, ничтожный его весь разговор... Никому вреда... окромя себе.

Бородкин. Конечно, Селиверст Потапыч, всякий знает, что все это наносные слова, да к чему же это-с? Что я ему сделал? Я об нем и думать-то забыл, потому как он есть невежа и ругатель.

Половой *(приносит бутылку)*. Прикажете откупорить?

Бородкин. Откупори да бокальчиков дай.

Половой. Сейчас. *(Откупоривает, подает на подносе два бокала и наливает.)*

Б о р о д к и н. Пожалуйте-с.

Берут бокалы и пьют.

Как на ваш вкус?

М а л о м а л ь с к и й. Ничего... живет... Эй ты! Прибирай чай.

Б о р о д к и н. Я вам это самое по полтинничку поставлю.

Молчание. Пьют.

А я вам вот... перед истинным... то есть не то чтобы пьянство или там что другое, а больше того стараюсь, чтобы люди про меня хорошее говорили. Как живу я при матушке теперича пятый год, сами знаете, честно и благородно... Пожалуйте еще... выкушайте. *(Наливает.)* Никого я не трогаю, значит никому до меня дела нет. Конечно, я по молодости своей обязан уважать старшим, да не всякому же: другой не сто́ит того и внимания, чтоб ему уважать-то. А я к вам с просьбой, Селиверст Потапыч, заставьте за себя богу молить. *(Встает и кланяется в пояс.)*

М а л о м а л ь с к и й. Какая же может быть твоя просьба?

Б о р о д к и н. Это дело будет касаться Максима Федотыча... Я теперича буду вас просить замолвить за меня словечко.

М а л о м а л ь с к и й. То есть насчет чего же... это... касающее?..

Б о р о д к и н. Насчет Авдотьи Максимовны-с! Есть на то мое желание и маменькино-с.

М а л о м а л ь с к и й. Это ничего... это можно...

Б о р о д к и н. Вы не подумайте, Селиверст Потапыч, чтобы я польстился на деньги, или там на приданое, ничего этого нет; мне что́ приданое, бог с ним, потому у меня и своего довольно; а как собственно я очень влюблен в Авдотью Максимовну. Стараюсь об ней, примерно, не думать — никак невозможно, потому это сверх моих чувств. Поверите ли, Селиверст Потапыч, сядешь это вечером дома к окну, возьмешь гитару собственно как для увеселения себя,— такая найдет на тебя тоска, что даже до слез.

М а л о м а л ь с к и й. Это я могу... орудовать...

Б о р о д к и н. И мне, кажется, ничего в жизни не надо, кроме как если бы Максим Федотыч отдали за меня

Авдотью Максимовну, хотя бы даже безо всякого награждения.

Маломальский. Это все в наших руках.

Бородкин. Будьте отец и благодетель! Нынче Максим Федотыч зайдут к вам, так уж вы ему поговорите, а уж я вам по гроб жизни буду обязан, то есть вот как-с — скажите: Иван, сделай то-то, я всей душой-с. Прикажете еще бутылочку послать?

Маломальский. Что ж... посылай...

Бородкин *(половому)*. Пошли мальчика-то, чтоб еще бутылочку принес.

Половой. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Входит Русаков. Бородкин быстро встает и раскланивается. Маломальский тоже встает.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Русаков.

Бородкин *(показывая на диван)*. Пожалуйте-с, Максим Федотыч! Наше вам почтение.

Русаков. Ну, вот, сват, я к тебе пришел, чем-то ты меня станешь потчевать.

Маломальский. Китайских трав... первых сортов... велим подать.

Русаков. Ну тебя с травами!..

Бородкин. Домашние ваши здоровы ли-с, Авдотья Максимовна, Арина Федотовна?

Русаков. Ничего, живут помаленьку. Ты, Иванушка, что к нам редко заглядываешь?..

Бородкин. Побываю, Максим Федотыч, как-нибудь-с. Это время всё делишки были. Не прикажете ли рюмочку лисабончику?

Русаков. Нет, я этого, брат, не пью. А вот с дорожки-то ты бы, сват, велел подать рюмочку ерофеичу.

Маломальский. Молодцы! Ерофеичу подайте... поскорей, домашнего... да закусочки... Слышь ты, скажи жене, что сват, мол, пришел.

Половой уходит.

Русаков. Об чем вы тут, дружки, толкуете?

Маломальский. Такое дело примерно... важное, рассудку требует.

Русаков. Это ты хорошо, Иванушка, делаешь, что к старшим за советом ходишь. Ум хорошо, а два лучше... Хоть ты парень и умный, а старика послушай... старик тебе худа не посоветует. Так ли я говорю, а?

Маломальский. Это ты правильно.

Половой приносит водку и ставит на стол.

Русаков *(пьет)*. А ты, сват, выпьешь?

Маломальский. Я, сват... я выпью... я нынче загулял. *(Пьет; делает серьезную физиономию.)* А у меня есть слово к тебе, сват...

Русаков. Какое же это слово?

Маломальский *(с важною физиономией показывает на Бородкина)*. Теперича этот молодец... гм!.. к примеру... *(мигает глазом)* то есть, примерно, приходит он ко мне... и все этакое...

Русаков. Да ты полно ломаться-то!.. Ты и так-то разговаривать не мастер, а как уж важность-то на себя напустишь, так хоть вовсе брось.

Маломальский. Погоди... дело говорю. Гм!.. Выпьем сперва-на́перва.

Русаков. Пей, я не хочу.

Маломальский *(пьет и морщится)*. Только вот приходит он ко мне... видишь.. . так и так, говорит... что он, примерно сказать тебе, влюблен...

Бородкин встает.

Ну, и значит... он просит меня, чтобы я руководствовал его... этому всему делу.

Русаков. Ну?..

Маломальский. Ты погоди!.. Как он теперь в состоянии... то есть... при всем своем полном капитале... ну, и долж́он законным браком... Гм... приходит это, примерно, ко мне...

Русаков. Уж слышали.

Маломальский. Я, сват... я говорить не умею, а то есть у тебя, примерно, товар, а у нас купец... *(Подпирает руки в боки и сидит с важной физиономией.)*

Русаков. У тебя, сват, не разберешь — так ли ты городишь, зря, или ты про дело толкуешь.

Маломальский. Про дело, сват.

Русаков. Так про дело делом и толковать надо, а не так. Ведь это не шутка, ты сам посуди! Это навек.

Маломальский. Послушай, сват... ты нам теперь-то что-нибудь, примерно, хоть обиняком...

Русаков. Да что вам сказать-то? Ты знаешь, Дуня у меня одна... Одно утешение только и есть. Мне не надо ни знатного, ни богатого, а чтобы был добрый человек да любил Дунюшку, а мне бы любоваться на их житье... право, так. Я, значит, долж́он это дело сделать с разумом, потому мне придется за нее богу отвечать.

Бородкин. Конечно, Максим Федотыч, главная причина, как сами Авдотья Максимовна, как им человек понравится.

Маломальский. Это он... так точно.

Русаков. Врете вы оба! Статочное ли дело, чтоб поверить девке, кто ей понравится!.. Известно, дело девичье — глупое... Девку долго ли обмануть!.. Ветрогон какой-нибудь, прости господи, подвернется, подластится, ну, девка и полюбит; так ее и отдавать бестолку?.. Нет, это не порядок: пусть мне человек понравится. Я не за того отдам, кого она полюбит, а за того, кого я полюблю. Да, кого я полюблю, за того и отдам. Да я год буду смотреть на человека, со всех сторон его огляжу. А то как девке поверить?.. Что она видела? Кого она знает?.. А я, сват, недаром шестьдесят лет на свете живу, видал-таки людей-то: меня на кривой-то не объедешь.

Маломальский. Ты слушай, сват: значит, за кого отец... за того и ступай... потому он лучше... как можно... девке где?.. Дай им волю-то... после и не расчерпаешь, так ли... а?..

Русаков. Да ты что!.. Все ты не дело толкуешь!.. Моя дочь не такая... Моя Дунюшка вылитая жена покойница... Помнишь, сват?.. Ну что! Роптать грех. *(Утирая слезы.)* Годков тридцать пожил! и за то долж́он бога благодарить. Да как пожил! Тридцать лет слова неласкового друг от друга не слыхали! Она, голубка, бывало, куда придет, там и радость. Вот и Дуня такая же: пусти ее к лютым зверям, и те ее не тронут. Ты на нее посмотри: у нее в глазах-то только любовь да кротость. Она будет любить всякого мужа, надо найти ей такого, чтоб ее-то любил да мог бы понять, что это за душа... душа у ней русская.

Бородкин. Я, Максим Федотыч, это очень могу понимать-с.

Р у с а к о в. Что ж, Иванушка, я тебя обманывать не стану: ты мне нравишься, ты парень хороший; лучше тебя у нас в городе нет. Заходи ужотка, да скажи матери, чтоб побывала, я с ней поговорю.

М а л ь ч и к приносит бутылку вина.

Б о р о д к и н. Первым долгом почту передать это своей родительнице-с.

М а л о м а л ь с к и й. Ну, так по рукам... что ль... а?.. А вот теперь, сват, давайте... вобче... все выпьем.

Пьют.

Р у с а к о в *(встает)*. Ну, прощай, сват.

М а л о м а л ь с к и й. Погоди!

Р у с а к о в. Некогда! Дома обедать ждут.

М а л о м а л ь с к и й. Нет, постой... я тебе расскажу историю... Слышь ты... остановились у меня проезжие... только, примерно, напились... и какой же маскарад сделали!

Р у с а к о в. Ну тебя с маскарадом! Прощай!

Б о р о д к и н. Я вот сбегаю в лавку, заверну домой-с, да и к вам-с.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

М а л о м а л ь с к и й один, потом А н н а А н т о н о в н а.

М а л о м а л ь с к и й *(допивает, стучит по столу и кричит)*. Эй, молодцы!.. Прибирай всё, слышь ты, прибирай... *(Стучит.)*

А н н а А н т о н о в н а *(входит)*. Необразованность ты моя! Что ты шумишь-то?.. Мужик, мужик!..

М а л о м а л ь с к и й. Жена, молчи! дело сделали... теперь гуляй!..

А н н а А н т о н о в н а. Стен-то бы ты постыдился, что ты орешь-то?..

Приходит п о л о в о й, собирает со стола, уносит поднос и опять возвращается.

М а л о м а л ь с к и й. Жена! Поди сюда... дело сделали...

А н н а А н т о н о в н а. Необразованность!

Маломальский. Веди меня... я спать хочу... *(Жена берет его за руку и ведет.)* Постой, поцелуй меня!..

Анна Антоновна. Пойдем, пойдем, беспутный.

Уходят. Входят Баранчевский и Вихорев.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Половой, Баранчевский и Вихорев.

Вихорев. Вот как это случилось. Я услыхал, что у Русакова много денег; ну, и приехал сюда из деревни нарочно; думаю, рискну! Уж либо пан, либо пропал... Отрекомендовался ему, познакомились; а с ней-то я познакомился через хозяйку здешнюю, Анну Антоновну. Авдотья Максимовна к ней заходит иногда. Ну, знаешь, поразговорились, то да се, а тут уж долго ли влюбиться.

Баранчевский. Что толковать!..

Вихорев. Дело в том, Баранчевский, что мне нужны деньги. Состояние, которое у меня было когда-то, давно прожито, имение расстроено. Мой друг! мне жить нечем, мне не с чем в Москву приехать, а я там много должен. Мне нужно жениться на богатой во что бы то ни стало; это единственное средство.

Баранчевский. Женись на Русаковой. Чего ж тебе лучше? К тому же она в тебя влюблена.

Вихорев. Влюблена-то, она влюблена, да что скажет отец. А что, Баранчевский, много у него денег?..

Баранчевский. Полмиллиона, наверно.

Вихорев. Нет, ты не шутишь?

Баранчевский. Что за шутки! Непременно есть полмиллиона, если не больше. *(Смотрит на часы.)* Торопиться-то мне некуда; давай выпьем маленькую.

Вихорев. Изволь.

Баранчевский *(половому)*. Бутылку шампанского!

Садятся.

Вихорев. Нет, послушай, Баранчевский, неужели в самом деле у Максима Федотыча полмиллиона?

Баранчевский. Что ж тут мудреного! У нас много богатых купцов. Я сам взял за женой полтораста тысяч.

Вихорев. Ты?.. Нет, уж это, брат, шутки!.. Я этому не поверю.

Баранчевский. Не верь, пожалуй; а я вот имение

купил, премиленькое, верстах в семи от города, душ двести, дом отделал великолепным образом.

Вихорев. Баранчевский! Да ты великий человек! Счастливчик просто! А мне так вот нет счастья. Я было в Москве тоже присватался за одну — куш порядочный; влюбилась, сдуру, ужас как, просто средств нет никаких, да не отдают ни за какие благополучия. Я так, сяк, увезти хотел, да с ней-то не столкуешь — дура ужаснейшая! Дура à la lettre, mon cher[1], такое несчастие!

Баранчевский. Одно, брат, неприятно, уж сейчас заметно, что из купчих.

Вихорев. Что за важность! Стоит об этом разговаривать! Послушай, Баранчевский, будь друг, ты мне помоги!

Баранчевский. Еще бы не помочь!

Вихорев. Ведь этот народ не понимает самой простой истины... Что такое деньги?.. Ни больше ни меньше как средство жить порядочно, в свое удовольствие. А они стараются как можно больше копить и как можно меньше проживать; а уж доказано всеми науками, что это вредно... для торговли... и для целого общества.

Баранчевский. Так, так, душа моя, так!

Вихорев. Вот видишь, если бы у тебя не было денег, ты бы не спросил бутылки шампанского, а этим поддерживается торговля.

Баранчевский утвердительно кивает головой.

Следовательно, если мы, люди образованные и со вкусом, но без средств, женимся на богатых и таким образом даем, знаешь, некоторое движение... можно ли нас за это упрекнуть?

Баранчевский. Никоим образом!

Вихорев. А ведь есть такие философы, которые осуждают это!..

Баранчевский. Осуждай, пожалуй!..

Вихорев. Теперь ты возьми в расчет мой меланхолический характер: мне и так все кажется в черном цвете, а во время безденежья... ты себе и вообразить не можешь... При деньгах я совсем другой человек: я делаюсь весел, развязен, могу заняться делом...

---

[1] В полном смысле слова, мой милый (*франц.*).

Нет, Андрюша, в самом деле!.. Особенно в последнее время, обстоятельства были очень плохи, такая, братец, тоска нашла, хандрить начал. Серьезно я говорю, помоги, Баранчевский.

Баранчевский. Изволь, изволь!..

Вихорев. А вот, во-первых, есть у тебя экипаж хороший?

Баранчевский. Лучший в городе.

Вихорев. Ты мне одолжи его к ним съездить.

Баранчевский. С удовольствием, мой друг!

Встают и ходят по сцене.

Что ж вина не дают?..

Вихорев *(ухватывая его за талию)*. Так-то, Андрюша!.. вот дела-то!.. Привел бог свидеться!.. Однако ты потолстел.

Половой приносит бутылку и два стакана, ставит стаканы на стол и откупоривает бутылку.

Без грому, братец, без грому; я этого терпеть не могу.

Садятся к столу. Половой наливает им стаканы и отходит к стороне. Пьют молча.

Что это у вас за шум был?..

Половой. Хозяин загулял-с.

Вихорев. Что ж, это с ним часто бывает?

Половой. Со временем бывает-с. С знакомыми сидели; Максим Федотыч был-с, Бородкин.

Вихорев. И Максим Федотыч был?

Половой. Был-с. Они дочку просватали-с.

Вихорев. Что за вздор!.. Ты, братец, врешь! За кого?

Половой. За Бородкина-с.

Вихорев. Это пустяки, этого быть не может. Послушай, мой друг, вот это несчастие!.. вот что называется несчастие!.. *(Вскакивает.)* Это, наконец, черт знает что такое... Понимаешь ли ты, я за этим ехал сюда!.. Согласись, Баранчевский, что ведь это ужасно досадно!.. Кто этот Бородкин?..

Половой. Здешний купец-с.

Вихорев. Что, он богат, хорош собою, образован?..

Половой. Как есть из русских-с.

Вихорев. Родство, что ли, у него богатое?

Половой. Какое родство-с! Нашему слесарю двоюродный кузнец!

Вихорев. Так она за него не пойдет ни за что! Я гово-

рю тебе, Баранчевский, что она влюблена в меня; не стану же я тебя обманывать. Или, может быть, у вас тут обычай выдавать насильно. Ведь кто вас знает. Заедешь в такую глушь!.. Это черт знает как досадно.

Половой. Одна необразованность; по необразованию все делается.

Баранчевский. Ну, из чего ты так горячишься?

Вихорев. Да, вот ты тут устроился, так тебе и хорошо: тебе тепло здесь с богатой-то женой, а я чем виноват! Ты представь мое-то положение... *(Ходит по комнате.)* Однако, что ж мне теперь делать?

Баранчевский. Вот что делать: поедем ко мне обедать, я тебя с женой познакомлю, а вечером возьми моих лошадей да и поезжай к Русакову, объяснись с ним поумнее, может быть, еще это все вздор

Вихорев. Ну, так едем. Допивай.

Анна Антоновна входит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Анна Антоновна.

Анна Антоновна. Виктор Аркадьич, Виктор Аркадьич!

Вихорев *(подходя к ней)*. Что вам угодно?

Анна Антоновна. Ваш предмет у меня теперь сидит; она собирается домой, так вы погодите, я ее здесь проведу.

Вихорев. Благодарю вас.

Анна Антоновна. Амур! *(Уходит.)*

Вихорев *(поправляется перед зеркалом)*. Ты поезжай да пришли за мной лошадей; я сейчас приеду. *(Половому.)* А ты пошел вон.

Баранчевский. Ну, прощай, я тебя жду. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Вихорев *(один)*. Если этот Максим Федотыч не согласится, так я ее увезу; нечего и разговаривать!.. Будет, помаялся, надобно чем-нибудь кончить. Что ж, мне в ремесленники, что ли, идти?.. Нет, как у меня деньги-то в кармане, так мне что хочешь пой, я никого и слушать не хочу.

Входят Авдотья Максимовна и Анна Антоновна.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Вихорев, Авдотья Максимовна и Анна Антоновна.

Вихорев. Какая нечаянность! *(Раскланивается.)*

Авдотья Максимовна кланяется ему.

Анна Антоновна *(тихо, Вихореву)*. Поговорите, полюбезничайте, а я посмотрю, не взошел бы кто.

Вихорев. Я должен с вами проститься, Авдотья Максимовна!..

Авдотья Максимовна стоит в недоумении.

Я еду отсюда.

Авдотья Максимовна. Зачем же вы едете, Виктор Аркадьич?

Вихорев. А зачем мне оставаться, Авдотья Максимовна?.. Я слышал, вы выходите замуж.

Авдотья Максимовна. Это неправда, Виктор Аркадьич, это вас обманули — это только хотят нас расстроить. И кому это только нужно!

Вихорев. Помилуйте, нынче утром Максим Федотыч дал слово какому-то Бородкину. Согласитесь сами, после этого что же мне здесь делать!

Авдотья Максимовна. Ах, боже мой! Тятенька мне ничего не говорил об этом. Я не пойду за Бородкина, Виктор Аркадьич, вы не беспокойтесь, пожалуйста.

Вихорев. Вам тятенька прикажет идти.

Авдотья Максимовна. Ах, нет, тятенька меня любит. Я скажу ему, что не люблю Бородкина; он насильно не заставит...

Вихорев. А как он этого не послушает, что тогда?

Авдотья Максимовна. Я уж, право, не знаю, что мне и делать с этим делом, такая-то напасть на меня!

Вихорев. Хотите, я научу вас, что делать?

Авдотья Максимовна. Научите.

Вихорев. Уедемте потихоньку, да и обвенчаемся.

Авдотья Максимовна. Ах, нет, нет! — что вы это, ни за что на свете!.. Ни-ни, ни за какие сокровища!..

Вихорев. Тятенька вас любит, он простит. Мы к нему сейчас приедем после свадьбы, знаете, по русскому обыкновению, ему в ноги... Ну, старик и того...

Авдотья Максимовна. Да и не говорите!.. Он проклянет меня!.. Каково мне тогда будет жить на белом свете! До самой смерти у меня будет камень на сердце.

Вихорев. Ну, извините, я другого средства не знаю.

Авдотья Максимовна. Вы лучше вот что сделайте, Виктор Аркадьич: приезжайте к нам нынче вечером, да и поговорите с тятенькой, а я сама его тоже попрошу; хоть и стыдно будет, да уж переломлю себя.

Вихорев. А ну, как он откажет мне?

Авдотья Максимовна. Что ж делать!.. Знать, моя такая судьба несчастная. Вчера тетенька на картах гадала, что-то все дурно выходило, я уж немало плакала. *(Подносит платок к глазам.)*

Вихорев. Послушайте, коли вы меня так любите, так вы уговорите Максима Федотыча, он вас послушает. Тогда мы оба будем счастливы!

Авдотья Максимовна. Вы-то меня любите ли так, Виктор Аркадьич, как я вас люблю?..

Вихорев. Какое же может быть сомнение! Если вы не будете моей, я сейчас же уеду на Кавказ и буду нарочно стараться, чтобы меня поскорее застрелили. Вы знаете, как черкесы хорошо стреляют.

Авдотья Максимовна. Что это вы, Виктор Аркадьич, какие страсти говорите! Нет, не ездите. Приезжайте ужо к нам.

Вихорев. Непременно приеду.

Авдотья Максимовна. Прощайте, мне пора.

Вихорев берет ее за руку и хочет обнять.

Нет, мне стыдно, ей-богу, стыдно!..

Вихорев *(в сторону)*. Вот нежности! *(Ей.)* Что за стыд, когда любите. *(Целует ее.)*

Авдотья Максимовна. Вы будете после смеяться.

Вихорев. За кого же вы меня принимаете? Смею ли я!

Авдотья Максимовна. Нет, мне, право, стыдно. *(Обнимает и целует его сама, закрывает лицо и отходит.)* Прощайте, приезжайте ужо.

Вихорев. Непременно приеду.

Авдотья Максимовна подходит к Анне Антоновне и, шепнувши ей что-то, уходит.

А н н а А н т о н о в н а *(в дверях, грозя пальцем)*. Амур! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

В и х о р е в *(один)*. А она даже очень недурна и, как кажется, такая простенькая девушка. А уж как влюблена, ужас! Тысяч сто взять к ней в придачу, да и довольно. Конечно, с такой женой нельзя в столицу показаться, а в уезде ничего, жили бы припеваючи. *(Уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Небольшая комната в доме Русакова; на обеих боковых стенах по окну и по двери, на задней стене дверь; два стола, один с правой стороны, другой с левой, почти у самой двери; за столом диван, на окнах цветы и на одном гитара.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

А в д о т ь я М а к с и м о в н а сидит у окна. А р и н а Ф е д о т о в н а сидит у окна на диване, шьет.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а *(смотря в окно, поет русскую песню, потом обращается к Арине Федотовне)*.

Научить ли те, Ванюша,
Научить ли те, Ванюша,
Как ко мне ходить.

Ты не улицей ходи,
Ты не улицей ходи —
Переулочком.

Ты не голосом кричи,
Ты не голосом кричи —
Соловьем свищи.

Чтобы я, млада-младенька,
Чтобы я, млада-младенька,
Дагадалася.

Со пиру, да со беседы,
Со пиру, да со беседы
Подымалася.

И я батюшке скажу,
Я родимому скажу:
Голова болит.

И я матушке скажу,
Я родимой ли скажу:
Худо можется,
Нездоровится.

Ко милу дружку пойду,
Ко сердечному приду
Здоровешенька,
Веселешенька!

Что это со мной, тетенька, за чудо сделалось! Я надивиться не могу, как полюбила я Виктора Аркадьича!.. И надо же было этому делу сделаться!.. Беда, да и только...

Арина Федотовна. Никакой тут беды нет, все так и быть должно!..

Авдотья Максимовна. Как же, тетенька, не беда? Просто моя погибель! Это тятенька давеча, как пришла я от Анны Антоновны, говорил, чтоб я шла за Бородкина. Ни тятеньку мне огорчить не захочется, да и с сердцем-то я не совладаю.

Арина Федотовна. Была оказия идти за Бородкина!

Авдотья Максимовна. Вот нынче хотел Виктор Аркадьич приехать поговорить с тятенькой. Что-то будет?.. Хоть бы уж поскорее он приехал; по крайней мере, я бы уж знала, а то как тень какая хожу, ног под собой не слышу. Только чувствует мое сердце, что ничего из этого хорошего не выйдет. Уж я знаю, что много мне, бедной, тут слез пролить.

Арина Федотовна. Плачь, пожалуй, коли тебе хочется. А по мне — сказала отцу, что не хочу, мол, за Бородкина идти, да и конец.

Авдотья Максимовна. Нет, тетенька, не могу я этого сделать, не мой это характер. Как я ему скажу? Ему и в голову-то не приходит, чтоб я смела не послушать его. *(Взглянув в окно.)* Ну, идет. И без него-то уж мне тошнехонько, не глядели б глаза ни на что! *(Встает.)*

Арина Федотовна. Кто идет?

Авдотья Максимовна. Иван Петрович!.. *(Уходит.)*

Бородкин входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Арина Федотовна и Бородкин.

Бородкин. Наше вам почтенье-с. Как ваше здоровье-с?

Арина Федотовна. Полно ты рядские-то учтивости разводить, слыхали мы это.

Бородкин. Как не слыхать-с. *(Садится.)*

Арина Федотовна. Ты с чего это вздумал за Дунюшку-то свататься!

Бородкин. Да вам-то какое теперича до этого дело?

Арина Федотовна. Неприятно для меня это видеть. Ну, какая ты ей пара? Какой ты кавалер? И с бородой, и необразованный?

Бородкин. Опять-таки это не ваше дело. Нешто я за вами...

Арина Федотовна. Да смел ли бы ты это подумать? Я в Москве воспитывалась, там видала людей-то не тебе чета.

Бородкин. А я так думаю, что люди всё одне-с.

Арина Федотовна. Вот то-то и есть, что разница. Есть необразованные, вот как ты, а то есть люди с понятием.

Бородкин. Хоть бы посмотреть когда на таких-то. Что ж вы там замуж не шли?

Арина Федотовна. А оттого, что не хочу, чтоб надо мной мужчина командовал. Все они невежи и очень много об себе думают. Да и опять это не твое дело.

Бородкин. Нет-с, я так. Жалко только со стороны смотреть, что при вашем таком образовании, на вас никто не прельщается.

Арина Федотовна. Невежа, смеешь ли ты так с дамой разговаривать?

Бородкин. Да что с вами разговаривать! Разговаривать-то с вами нечего, потому что вы не дело толкуете... все равно, что воду толочь. *(Берет гитару и настраивает.)* Я буду разговаривать с Максимом Федотычем.

Арина Федотовна. Разговаривай, пожалуй, да ничего толку не будет, потому что лезешь ты, мой друг, сдуру, куда не следует. *(Оставляет шитье, берет карты и раскладывает.)*

Бородкин. Хоша бы и так, все это наше дело-с...

Вас не спросим. *(Берет несколько аккордов и поет вполголоса русские мотивы.)*

А р и н а Ф е д о т о в н а. Ну, что ты поешь?.. Есть ли тут склад какой-нибудь! Как есть деревня!

Б о р о д к и н. Спойте вы, коли лучше знаете. *(Подает ей гитару.)*

А р и н а Ф е д о т о в н а. Да уж, конечно, не стану ваших мужицких песен петь. *(Поет с чувством романс.)*

Б о р о д к и н. Это что ж такое-с?

А р и н а Ф е д о т о в н а. Что? Известно что — романс. *(Задумывается.)* У нас, Ваня, как жила я в Москве, был приказчик Вася, это он меня выучил. Только как он пел, это прелести слушать. *(Опять раскладывает карты, потом быстро смешивает их и задумывается.)*

Б о р о д к и н. Скоро придет Максим Федотыч?

А р и н а Ф е д о т о в н а. Ах, отстань ты от меня, почем я знаю.

Входит А в д о т ь я М а к с и м о в н а.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Т е ж е и А в д о т ь я М а к с и м о в н а.

Б о р о д к и н *(быстро вскакивает)*. Наше вам почтенье, Авдотья Максимовна.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Здравствуйте, Иван Петрович. Здорова ли ваша маменька?

Б о р о д к и н. Слава богу, покорно вас благодарю. Ваше как здоровье-с?

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Понемножку. Вы тятеньку дожидаетесь?

Б о р о д к и н. Тятеньку-с.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Он скоро придет, подождите.

Б о р о д к и н. Подождем-с. *(Садится на стул.)*

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. А я, тетенька, к вам погадать пришла. Загадайте мне на трефового короля.

Б о р о д к и н. Кто же это трефовый король-с?

А р и н а Ф е д о т о в н а *(раскладывая карты)*. Уж, конечно, не ты. Ты думаешь, что только у нас и свету, что ты... *(После молчания.)* Вот, Дуня, смотри!.. Он тебя любит. Вот видишь... *(Показывает на карты и шепчет Авдотье Максимовне.)*

Бородкин. Загадайте мне-с.

Арина Федотовна *(гадает)*. Ну, брат, не дожидайся ничего. Слезы тебе выходят...

Бородкин. Что ж такое-с, плакать-то нам не впервой-с; радости-то мало видали-с!

Авдотья Максимовна. Вы давеча говорили что-нибудь с тятенькой?

Бородкин. Насчет чего-с?

Авдотья Максимовна. Вы говорили, так сами знаете, насчет чего.

Бородкин. У нас вообще был разговор, втроем-с — и Селиверст Потапыч тут был-с.

Арина Федотовна. Ты полно сиротой-то прикидываться; мы уж слышали.

Авдотья Максимовна. Как же это вам, Иван Петрович, не совестно: не сказавши мне ни слова, да прямо тятеньке!

Арина Федотовна. Захотела ты от мужика совести!

Бородкин. Да вы что ж такое, в самом деле!.. Все мужик да мужик!..

Арина Федотовна. Он братцу Лазаря поет да штуки разные подводит, а тот ему и верит.

Бородкин. Полноте обижать-то, Арина Федотовна, мы на этакие дела не пойдем-с. Эх, Авдотья Максимовна, вспомните-с! Было времячко-с, да, должно быть, прошло-с! Должно быть, лучше нас нашли-с.

Арина Федотовна. Да уж, разумеется, лучше вас. Ишь ты, какой красавец! Думаешь, что уж лучше тебя и на свете нет.

Бородкин. Были и мы хороши-с.

Арина Федотовна. Пойтить велеть самоварчик поставить, братец придет, чтоб готово было. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Авдотья Максимовна и Бородкин.

Бородкин. Эх, Авдотья Максимовна, грех вам! Вспомните: бывало, осенние темные вечера вдвоем просиживали, вот у этого окошечка. Бывало, в сенях встретимся, в сумеречках, так не наговоримся; долго нейду, так, накинувши шубку-то на плечики, у ка-

литки дожидались. Был я и Ванечка, и дружок, а теперь не хорош стал.

Авдотья Максимовна *(оглядывается кругом, тихо)*. Да ты, Ваня, не сердись! Я тебе все расскажу, ты сам рассудишь. За меня теперь сватается благородный. Какой красавец собой-то, какой умный. Любила я тебя, ты знаешь, а уж как его полюбила, я и не знаю, как это словами сказать. Увидала я его у Анны Антоновны, на прошлой неделе... Сидим это мы с ней, пьем чай, вдруг он входит... как увидала я этакого красавца, так у меня сердце и упало; ну, думаю, быть беде. А он, как нарочно, такой ласковый, такие речи говорит.

Бородкин. Знаем мы эти речи-то. Оне хороши, пока вы их слушаете. Бывало, сидишь в лавке, ве́чера-то ждешь не дождешься, вся душа изомрет, и то и другое передумаешь, что тебе сказать-то, а как придешь, и слова не выговоришь. А скажется слово, так от сердца, что душа чувствует; а у них речи ученые — говорят одно, а думают другое. Видимое дело, что ему твои деньги нужны; нешто б он не нашел невесту помимо тебя.

Авдотья Максимовна. Нет, Ваня, не говори этого, он меня любит.

Бородкин. А нешто я-то тебя, Дуня, не люблю?

Авдотья Максимовна. Что ж мне делать-то! На грех я его увидала! Так вот с тех пор из ума нейдет, и во сне все его вижу. Словно я к нему привороженная какая. *(Сидит задумавшись.)* И нет мне никакой радости!.. Прежде я веселилась, девка, как птичка порхала, а теперь сижу вот, как к смерти приговоренная, не веселит меня ничто, не глядела б я ни на кого. Уж и что я, бедная, в эти дни слез пролила!.. Ведь надо ж быть такой беде!..

Бородкин. Ты, может, думаешь, что мне легче тебя!.. Тебе горе, а мне вдвое!

Авдотья Максимовна. Женись, Ваня, на Груше, она мне ровесница и подруга, а уж со мной пусть будет, что бог даст.

Бородкин. Что мне жениться-то!.. на что?.. Чужой век заедать? Я уж любить ее не буду.

Авдотья Максимовна. Вот я тебе, Ваня, все сказала, что только сердце мое чувствовало... Не захотела я тебя обманывать.

Бородкин. Эх! загубила ты мою молодость!.. *(Плачет, отворотившись к окну, потом берет гитару и поет.)*

Вспомни, вспомни, моя любезная,
Нашу прежнюю любовь,
Как мы с тобой, моя любезная,
Погуливали,
Осенние, темные ночи
Просиживали.
Забавные, тайные речи
Говаривали —
Тебе, мой друг, мой друг,
Не жениться,
А мне, молодой, замуж
Нейти.

Авдотья Максимовна. Не пой ты, не терзай мою душу!

Бородкин перестает играть, она подходит к нему.

Бородкин *(ударяет себя в грудь, обнимает ее и крепко целует)*. Помни, Дуня, как любил тебя Ваня Бородкин.

Она садится на диван, а он ходит по комнате. Входят Русаков и Арина Федотовна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, Русаков и Арина Федотовна.

Русаков *(раздевается, ему помогают дочь и сестра)*. Старость-то что значит! Устал! Вот далеко ли сходил, устал... Право, так. Что, Иванушка, не весел?..

Бородкин. Маленько сгрустнулось что-то.

Русаков. Об чем тебе грустить-то, паренек, паренек!.. Что бога-то гневить! Дунюшка, поди-ка сюда. *(Гладит по голове и целует.)* Вот какова у меня дочка-то! Невеста! Замуж пора отдавать. А и жаль: радость-то, Иванушка, у меня только одна. Что есть, детушки, лучше того на свете, как жить всем вместе да в радости! Нет больше счастия на земле, как жить своей семьей в мире да в благочестии — и самому весело, и люди на тебя будут радоваться. А врагу рода человеческого это досада немалая; он тебя будет всяким соблазном соблазнять, всяким прельщением. Поддался ты ему, ну и пошла брань да нелюбовь в семье, и еще того хуже бывает.

Не поддался, ну и он бежит далеко, потому ему смерть смотреть на честное житье. Какие бывают дела, Иванушка! Поживешь-то, всего насмотришься. Дети ли не почитают родителей, жены ли живут с мужьями неладно — все это дело вражье. Всякий час от него берегись! Эхе-хе! Недаром пословица говорится: не бойся смерти, а бойся греха. *(Молчание.)* Одна у меня теперь забота, как бы мне Дунюшку пристроить. Полюбовался б на тебя, мое дитятко, внучат бы понянчил, коли бог приведет... Ну, а там уж что, чего мне ждать, умер бы покойно; по крайности бы знал, что есть кому душу помянуть, добрым словом вспомнить. Пойдем-ка, Иванушка, мне с тобой поговорить нужно.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Авдотья Максимовна и Арина Федотовна.

Авдотья Максимовна. Что мне делать, тетенька?

Арина Федотовна. Неужели ж за Бородкина идти! Что ты говоришь!.. Виктор Аркадьич все-таки человек... а это что? мразь какая-то!

Авдотья Максимовна. А знаете, тетенька, я как-то все боюсь Виктора Аркадьича.

Арина Федотовна. То-то вот, матушка, деревня-то что значит! Жила ты все в этом городишке и людей-то не видывала.

Авдотья Максимовна. Он давеча мне говорит, что коли тятенька не согласится, так он меня потихоньку увезет. Я, тетенька, так испугалась, насилу до дому добежала.

Арина Федотовна. Есть чего пугаться, скажите, пожалуйста! Ах, Дунюшка, как это антересно, кабы ты знала! Коли мужчина хочет увезти, уж значит, что любит, пойми ты это.

Авдотья Максимовна. А тятенька-то?.. Что я тогда с ним, с стариком, сделаю!

Арина Федотовна. Что тятенька-то! Тятенька твой еще ему должен быть благодарен. Где он тебе такого жениха найдет! Чтой-то ты, матушка, право, совсем деревенская. Нет, я смолоду поудалей была.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а *(смотрит в окно)*. Тетенька, голубушка, едет! Бегите к тятеньке, скажите ему, а я пойду посижу у себя в комнате. Вот когда смерть-то моя! *(Уходит.)*

А р и н а Ф е д о т о в н а *(подходя к двери)*. Братец! братец! пожалуйте сюда: к вам гость приехал.

Русаков за сценой: «Кто там еще? Сейчас». В и х о р е в входит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

А р и н а Ф е д о т о в н а и В и х о р е в.

В и х о р е в. Здравствуйте, Арина Федотовна! Максим Федотыч дома?

А р и н а Ф е д о т о в н а. Дома-с, сейчас выйдет. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

В и х о р е в *(один)*. Ну, борода, поговорим теперь с тобой! С которой бы стороны к нему подъехать?.. Решительно не знаю... ну, да уж пущусь на счастье, куда кривая не вынесет. Мудрен ведь этот народ! Нет ничего хуже, как с мужиками разговаривать. Еще обругает, того гляди. Ну, да уж нечего делать, амбицию-то пока в сторону отложим. Вот крайность-то до чего доводит нашего брата!..

Входят Р у с а к о в и Б о р о д к и н.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

В и х о р е в, Р у с а к о в и Б о р о д к и н.

Р у с а к о в. Прощай, Иванушка, заходи ужо, теперь мне некогда.

Б о р о д к и н. Прощайте, Максим Федотыч, желаю вам быть здоровым. *(Уходит.)*

В и х о р е в *(подходит к Максиму Федотычу)*. Здравствуйте, почтеннейший Максим Федотыч, как вы поживаете?

Р у с а к о в. Слава богу, живем, пока бог грехам терпит. Просим милости садиться...

В и х о р е в. Сделайте одолжение, не беспокойтесь. *(Садится.)*

Р у с а к о в. Сестрица, велите нам чайку подать.

В и х о р е в. Не для меня ли вы это, Максим Федотыч, беспокоитесь? Я уже пил, уверяю вас.

Р у с а к о в. Нельзя же, батюшка, без этого.

В и х о р е в. Впрочем, сколько я заметил, уж таков обычай у русского народа — потчевать. Я, знаете ли, сам человек русский и, признаться сказать, люблю и уважаю все русское; особенно мне нравится это гостеприимство, радушие...

Р у с а к о в. Не знаю, батюшка, как сказать. Что ж, худого тут нет ничего.

Входит д е в к а с подносом чаю.

Просим покорно.

Берут и пьют молча.

В и х о р е в. Скажите, сделайте одолжение, Максим Федотыч, бывали вы в столицах?

Р у с а к о в. Как, батюшка, не бывать, в Москву по делам езжал.

В и х о р е в. Не правда ли, там жизнь совсем другая: больше образованности, больше развлечений. Я думаю, посмотревши на столичную жизнь, довольно скучно жить в уездном городе.

Р у с а к о в. Не всем же жить в столицах, надобно кому-нибудь жить и в уездном городе.

В и х о р е в. Я с вами согласен; но, впрочем, Максим Федотыч, вы ведь не такой купец, как прочие уездные купцы: вы составляете некоторым образом исключение. Но что же я говорю! Вы сами это очень хорошо знаете. Я думаю, вы с вашим капиталом были бы и в Москве одним из первых.

Р у с а к о в. Как знать чужой капитал!.. Нет, мне и здесь хорошо.

В и х о р е в. Я понимаю, что вам здесь хорошо: вы здесь родились, привыкли, вам весь город знаком — конечно, привычка много значит; но у вас есть дочь.

Р у с а к о в. Так что ж что дочь?

В и х о р е в. Вы, вероятно, захотите ей дать некоторое образование, показать ей людей... наконец, найти хорошую партию. А где вы это здесь найдете?

Р у с а к о в. Да что ж, разве здесь звери живут?.. чай, тоже люди.

Вихорев. Да разве здесь вас могут оценить, Максим Федотыч, разве могут! что вы говорите!

Русаков. Да что нас ценить-то! Нам этого не нужно. Ну их совсем и с оценкой-то! Был бы я сам по себе хорош, а то про меня что хошь говори.

Вихорев. Нет, скажите: разве есть здесь женихи для Авдотьи Максимовны? Разве есть? Где они? Покажите мне их! Кто посмеет за нее посвататься из здешних? В вас мало самолюбия — и это напрасно, Максим Федотыч: в человеке с такими достоинствами и с такими средствами оно весьма извинительно... Я вам говорю безо всякой лести, я горжусь вашим знакомством... Я много ездил по России, но такого семейства, как ваше, я не встречал нигде до сих пор.

Русаков. Благодарим покорно.

Вихорев. Нет, в самом деле. Много есть купцов, да все в них нет того, что я вижу в вас — этой патриархальности... Знаете ли что, Максим Федотыч?.. Ваша доброта, ваше простодушие, наконец, ваш ум дают мне смелость говорить с вами откровенно... Я надеюсь, что вы на меня не обидитесь?

Русаков. Что вам, батюшка, угодно?..

Вихорев. Ох, Максим Федотыч, страшно! Но, во всяком случае, так ли, не так ли, я надеюсь, что мы останемся друзьями. *(Подает ему руку, тот кланяется. Вихорев подвигается к нему.)* Влюблен, Максим Федотыч, влюблен... в Авдотью Максимовну влюблен. Я бы свозил ее в Москву, показал бы ей общество, разные удовольствия... у меня есть имение не очень далеко отсюда. Я думаю, что, выйдя за меня, она нисколько себя не уронит... А главное, мне хочется породниться с вами, Максим Федотыч... Ну, и чин у меня...

Русаков. Полноте, ваше благородие, мы люди простые, едим пряники неписаные, где нам! Ведь нас только за карман и уважают.

Вихорев. Полноте, Максим Федотыч! Что за идея!

Русаков. Право, так. А то за что нас любить-то?

Вихорев. За добрую душу.

Русаков. Так ли, полно?

Вихорев. Я не понимаю, Максим Федотыч: у нас какой-то странный разговор происходит.

Русаков. Не дело вы говорите. Вы люди благородные, ищите себе барышень... воспитанных, а уж на-

ших-то дур оставьте нам, мы своим-то найдем женихов каких-нибудь дешевеньких.

Вихорев. Однако неужели же вы своей дочери не желаете добра, что не хотите отдать ее за человека благородного и притом такого, который ее любит?

Русаков. Оттого-то и не отдам, что желаю добра; а вы как думали? Я худа, что ль, ей желаю? Ну какая она барыня, посудите, отец: жила здесь в четырех стенах, свету не видала. А купцу-то она будет жена хорошая, будет хозяйничать да детей нянчить.

Вихорев. Но, Максим Федотыч, я ее люблю.

Русаков. Эх! *(Махнув рукой, отворачивается.)*

Вихорев. Я вас уверяю, что я люблю Авдотью Максимовну до безумия.

Русаков. Не поверю я вам.

Вихорев. Как не поверите?

Русаков. Так, не поверю, да и все тут.

Вихорев. Да как же вы не поверите, когда я вам даю честное слово благородного человека?

Русаков. Не за что вам ее любить! Она девушка простая, невоспитанная и совсем вам не пара. У вас есть родные, знакомые, все будут смеяться над ней, как над дурой, да и вам-то она опротивеет хуже горькой полыни... так отдам я свою дочь на такую каторгу!.. Да накажи меня бог!..

Вихорев. Я вам говорю, что со мной она будет счастлива, я за это ручаюсь.

Русаков. Нечего нам об этом разговаривать — это дело несбыточное. Поищите себе другую, я свою не отдам.

Вихорев. Я вам только одно могу на это сказать, что вы меня делаете несчастным человеком. *(Встает.)* Извините, что я вас обеспокоил. У вас, вероятно, есть кто-нибудь на примете, иначе я не могу предположить, чтобы вы, любя свою дочь и желая ей счастия, отказали мне. И мне кажется, если б вы меня покороче узнали... но таков уж, видно, русский человек — ему только бы поставить на своем; из одного упрямства он не подорожит счастьем дочери...

Русаков. Тьфу ты, прах побери! Да я б с тебя ничего не взял слушать-то такие речи! Этакой обиды я родясь не слыхивал! *(Отворотясь.)* Приедет, незваный, непрошеный, да еще и наругается над тобой! *(Идет.)* Провались ты совсем!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

В и х о р е в *(один)*. Вот тебе раз! Ну есть ли какая-нибудь возможность говорить с этим народом. Ломит свое — ни малейшей деликатности!.. Однако это черт знает как обидно!

Входит А р и н а Ф е д о т о в н а; А в д о т ь я М а к с и м о в н а выглядывает из дверей.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

В и х о р е в, А р и н а Ф е д о т о в н а и А в д о т ь я М а к с и м о в н а.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Виктор Аркадьич, как дела?

В и х о р е в. Помилуйте, с этим мужиком нельзя разговаривать; он чуть меня не прогнал.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а *(выходя)*. Скажите мне, Виктор Аркадьич, правду, как перед богом: любите вы меня?

В и х о р е в. Я вас люблю, Авдотья Максимовна, но нас хотят разлучить.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Я сейчас сама пойду к тятеньке. Поезжайте вы домой и не беспокойтесь. Он меня любит, он мне не откажет. Только каково мне просить его об этом, кабы вы знали! *(Садится и плачет.)*

В и х о р е в *(раскланиваясь)*. Как же вы мне дадите знать?

А р и н а Ф е д о т о в н а. Мы пойдем нынче в церковь.

В и х о р е в. Так я вас подожду подле вала, на мосту.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Хорошо.

В и х о р е в. Прощайте. *(Раскланивается и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Т е ж е и потом Р у с а к о в.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Ну, Дунюшка, теперь от тебя самой зависит твое счастие.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Ну уж, тетенька, что будет, то будет. Вот уж правду-то говорят, что любовь-то на свете мука.

Р у с а к о в *(входя)*. Что, уехал этот барин-то?

А р и н а Ф е д о т о в н а. Уехал, братец.

Р у с а к о в. Ишь, его принесло, нужно очень.

Арина Федотовна. Я не знаю, братец, отчего он вам не понравился.

Русаков. Оттого, что дурак.

Арина Федотовна. Да чем же он, братец, дурак? Он образованный человек.

Русаков. А тем, что не умеет говорить с людьми постарше себя.

Арина Федотовна. Как, братец, кажется, ему не уметь: он человек столичный, жил в Москве все промежду благородными.

Русаков. Ну, и пусть туда едет.

Арина Федотовна. Ах, братец! Он такой образованный, такой политичный кавалер, что и в Москве-то на редкость, а уж здесь-то нам и никогда не найти.

Русаков. Поди ты с своим образованием! Много ты знаешь! Прожила пять лет в Таганке, да и думаешь, куда как образованна! Что ты там видела? Кроме сидельцев да приказных, ты и людей-то не видала.

Арина Федотовна. Все-таки, братец...

Русаков. Все-таки, сестрица, не тебе меня учить... вот что!.. Ты что там надувшись сидишь! Дуня! Никак ты плачешь?.. О чем ты плачешь?..

Авдотья Максимовна. Я так, тятенька.

Русаков. Говори, об чем?

Авдотья Максимовна. Об себе. Об своем горе.

Русаков. Что за горе такое у тебя? Откуда оно взялось?

Авдотья Максимовна. Тятенька, вы не будете сердиться?

Русаков. Говори! Не сержусь!..

Авдотья Максимовна. Тятенька! Я его люблю!

Русаков. Кого его? Ветрогона-то этого? Опомнись, полоумная!

Авдотья Максимовна. Я без него жить не могу. Умереть мне легче, чем идти за другого.

Русаков. Что ты!.. что ты!.. Да ты подумай, что ты говоришь-то.

Авдотья Максимовна. Я уж думала, и дни думала, и ночи напролет думала, не смыкаючи глаз. Без него мне не мил белый свет! Я от тоски да от слез в гроб сойду!

Арина Федотовна. Братец, пожалейте; у вас ведь одна дочь-то.

Русаков. Ты, сестра, молчи — это не твое дело. Дуня,

не дури! Не печаль отца на старости лет. Выкинь блажь-то из головы. Отец лучше тебя знает, что делает. Ты думаешь, ему ты нужна? Ему деньги нужны, дура! Он тебя только обманывает, он выманит деньги-то, а тебя прогонит через неделю. У меня есть для тебя жених: Иван Петрович; уж я ему обещал.

Арина Федотовна. Легко ли!.. Уж вот партия! Променять такого кавалера на Бородкина.

Авдотья Максимовна *(заливаясь слезами)*. Не видала б уж я его лучше, чем так мучиться.

Русаков. Да что ж вы в самом деле, с ума, что ли, сошли! Да как вы смеете со мной так разговаривать? Ты еще, дура, тут своими разговорами девку с толку сбиваешь, из ума выводишь. От тебя-то вся и беда. Что у тебя, вместо головы-то, надето? Кабы не твоя болтовня, смела б она так с отцом разговаривать?

Арина Федотовна. Вот, братец, вы всегда...

Русаков. Молчи, пустоголовая!.. Вот тебе, Авдотья, мое последнее слово: или ты поди у меня за Бородкина, или я тебя и знать не хочу!

Авдотья Максимовна *(подымаясь со стула)*. Тятенька...

Русаков. Не подходи! Я тебя растил, я тебя берег пуще глазу. Что греха на душу принял... ведь гордость меня одолела с тобой, я не давал никому про своих детей слова выговорить, я думал, что уж лучше тебя и на свете нет. Наказал бог по грехам! Говорю тебе, Авдотья, иди за Бородкина. Не пойдешь, не будет тебе моего благословения. А чтоб я и не слыхал про этого проходимца! Я его и знать не хочу. Слышишь ты, не доводи меня до греха! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Авдотья Максимовна и Арина Федотовна.

Авдотья Максимовна *(почти без памяти)*. Тетенька! мне давеча было жаль Ваню, теперь он мне опостылел... опостылел... ах!.. *(Падает в обморок.)*

Арина Федотовна. Ах, батюшки!.. Ах, батюшки!.. Поди погляди, уморил дочь-то, уморил!.. Варвар этакой!.. Тиран!.. Воды подайте! Воды!..

Русаков входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Арина Федотовна, Авдотья Максимовна и Русаков.

Русаков *(вбегая)*. Где? Что? Господи! *(Всплеснув руками.)* Побелела как снег, хоть в гроб клади!.. Дунюшка! *(Берет за руку.)* Дунюшка! *(Смотрит на нее.)* Вот и мать такая же лежала в гробу — вот две капли воды. *(Утирает слезы.)* Господи! не попусти! Дуня! *(С ужасом.)* Очнется ли она, очнется ль?.. Нет! Ужли ж я ее убил?.. *(Стоит подле в оцепенении.)*

Девка приносит воду и уходит.

Арина Федотовна *(брызгает водою на Дуню)*. Дунюшка! Дунюшка!.. Говорила я вам, братец, так не послушали.

Русаков. Ну, что она?.. Что, Дунюшка?..

Арина Федотовна. Тихонько, тихонько, очнулась, кажется.

Авдотья Максимовна *(открывая глаза)*. Где тятенька?

Русаков. Здесь, дитятко, здесь. *(Садится подле нее на диване.)*

Авдотья Максимовна *(прилегая к нему на грудь)*. Тятенька!..

Русаков. Что, Дунюшка, что?

Авдотья Максимовна. Я люблю его.

Русаков. Ах, Дунюшка, кабы я знал, что он степенный человек, да что он тебя любит, я б тебя сейчас за него отдал, и разговаривать бы не стал.

Авдотья Максимовна. Он меня любит.

Русаков. Ох, Дунюшка, не верится мне... Ну, да вот мы это узнаем. Дело-то простое. Я ему скажу, что за тобой ничего не дам; коли любит, пускай так берет. Коли любит, возьмет и так.

Авдотья Максимовна. Неужели он меня из-за денег любит?..

Арина Федотовна. Ах, братец, разве это можно вообразить, чтобы в таком мужчине не было никаких чувств; он совсем не такой интересан, как вы думаете.

Русаков. А вот посмотрим, что он скажет.

Арина Федотовна. Ну, уж, братец, я вас уверяю, что он человек самый благородный.

Авдотья Максимовна. Тятенька, да разве в богатстве счастье?.. Коли любишь человека, так никаких сокровищ не надо.

Русаков. Это ты, мое дитятко, так рассуждаешь, а у них-то другое на уме; ну, да вот посмотрим.

Авдотья Максимовна *(целует отца)*. Тятенька, голубчик, вы меня воскресили, а то уж я, право, думала, что умираю; да я б и умерла с горя, я уж это знаю. Тетенька, ведь мы хотели идти в церковь...

Русаков. Поди, Дунюшка, помолись, а мне нужно по делу сходить. Прощай! *(Целует ее и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Те же, без Русакова.

Авдотья Максимовна. Ах, тетенька, я все еще не могу оправиться.

Арина Федотовна. Ну, уж теперь не о чем тужить. На нашей улице праздник. Пойдем-ка скорей. Одевайся. То-то он, бедный, обрадуется, как услышит.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА I

Небольшая комната на постоялом дворе. Темно.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят: Вихорев, Авдотья Максимовна и Степан со свечой. Авдотья Максимовна садится к столу. Вихорев ходит по комнате. Степан ставит свечу на стол.

Вихорев. Что это за народ! Ведь я тебе, дураку, приказывал, чтобы лошади были готовы.

Степан. Разве с ними сговоришь? Известное дело — мужики. Говорят: сейчас будет готово.

Вихорев. Ступай, да скажи, чтоб они у меня живей поворачивались, я этого не люблю.

Степан уходит.

Авдотья Максимовна. Куда вы меня завезли?

В и х о р е в. Мы теперь в Ямской слободе.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Зачем же вы завезли меня сюда?

В и х о р е в. Затем, что я люблю тебя. Сейчас заложат лошадей, мы поедем к Баранчевскому в деревню, это всего семь верст от города, там и обвенчаемся, а завтра в город. *(Садится подле нее.)*

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Конечно, Виктор Аркадьич, я люблю вас и готова для вас сделать все на свете, да зачем же вы меня увезли насильно? Тятенька теперь меня хватится... и беда моя просто... Что он подумает?.. С какими глазами я к нему покажусь?..

В и х о р е в. Послушай, мой друг! Ты сама мне говорила, что Максим Федотыч согласен; так за что же он будет сердиться? Я тебе скажу откровенно, я тебя увез потому, что у меня был тут свой расчет. Я знаю, что старики упрямы; нынче он согласен, а завтра, пожалуй, заупрямится, как лошадь. Ну, что ж хорошего?.. А уж как дело-то сделано, так назад не воротишь.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Виктор Аркадьич! я с вами и в огонь и в воду готова, только пустите меня к тятеньке; я еще теперь приду вовремя. А вы завтра приезжайте к нам.

В и х о р е в. Ни за что, душа моя! Нет, уж я так глуп не буду; уж я теперь с тобой не расстанусь, благо мне случай помог!

Авдотья Максимовна плачет.

Полно плакать-то, перестань! Так-то ты меня любишь!..

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Я вас люблю, видит бог, люблю!.. *(Привстает, обнимает и целует его.)* Голубчик, Виктор Аркадьич, что хотите со мной делайте, только пустите к тятеньке.

В и х о р е в. Полно, перестань! Это дело невозможное, об этом и говорить нечего. *(Встает и ходит по комнате, Авдотья Максимовна плачет.)* Что ж это лошадей не дают? Это ужасно!.. Ну, об чем ты плачешь, скажи?.. *(Напевает.)*

Ах, об чем ты проливаешь
Слезы горькие тайком
И украдкой утираешь
Их кисейным рукавом?..

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Вам, я вижу, Виктор Аркадьич, ничего меня не жалко.

В и х о р е в. Жалеть-то нечего: все это вздор и пустяки.

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. А тятенька-то?..

В и х о р е в. Что ж тятенька! Посердится, да и перестанет, велика важность!.. Ты мне лучше расскажи, как ты его уговорила, вот это интересно знать. Давеча он на меня зарычал, как медведь!

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. И сама не знаю, как у меня духу достало. Говорю ему прямо, что люблю вас, и не помню себя, и не знаю, как выговорила. Потом уж и не слышу, что он говорит; твержу только одно, что умру, что без вас жить не могу.

В и х о р е в. Вот любовь! вот любовь! Да я тебя расцелую за это. *(Целует ее.)*

А в д о т ь я М а к с и м о в н а *(тихо)*. Любишь меня?..

В и х о р е в. Люблю, люблю!

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Ненаглядный ты мой! Радость, жизнь моя! Куда хочешь с тобой! Никого я теперь не боюсь и никого мне не жалко. Так бы вот улетела с тобой куда-нибудь. *(Обнявши его, смотрит ему в глаза.)* Какой ты хорошенький! я таких и не видывала... точно нарисованный! *(Говорит с расстановкой.)* Знаешь, что! Давай жить здесь все вместе с тятенькой! Точно бы жила я, как в раю. А то уедешь далеко... тятеньки нет... скучно будет без него.

В и х о р е в. Ну, об этом после поговорим. Ты мне расскажи, как ты тятеньку-то уговорила!

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Ну, вот слушай: начал он меня бранить, так бранить, так бранить... Я в слезы... Иди, говорит, за Бородкина, вот тебе жених; а об том и думать не смей, а то, говорит, я тебя и знать не хочу. У меня так к сердцу подкатило, стало в глазах темнеть, темнеть... Тут уж я и не помню ничего, как стояла, так и упала.

В и х о р е в. Вот народ-то! Однако что же это лошадей!.. Степан!

Входит С т е п а н.

Что ж лошади? Осел!

С т е п а н. Сейчас будут готовы-с: взвазживают. *(Уходит.)*

Авдотья Максимовна. Как я очнулась — не помню; только вижу, тятенька сидит подле меня, плачет... Ну, говорит, бог с тобой!

Вихорев. Ну, а согласился, так и конец, только и надобно было для нашего благополучия. Погоди, заживем мы с тобой.

Авдотья Максимовна. Он мне еще одно словечко сказал, да это так, пустяки, не стоит и внимания.

Вихорев. Что же это за словечко?

Авдотья Максимовна. А вот что: говорит, он тебя, Дуня, не любит, он тебя обманывает, ему только деньги нужны, а не ты. Коли хочет, так пусть берет безо всего. А я думаю: на что деньги? Бог с ними, и с деньгами, не в деньгах счастье. Ну, конечно, приданое, там, что мне нужно, он даст. А деньги... на что они? Не с деньгами жить, а с добрыми людьми.

Вихорев. Да это он врет, он и денег даст.

Авдотья Максимовна. Ну, нет, не знаю: он у нас что сказал, то и свято. Опять же он на меня теперь в сердцах, что я его не послушала; он ни за что не даст.

Вихорев. Гм! Дело-то скверно!.. *(Берет себя за голову.)* А-ах!

Авдотья Максимовна. Я, Виктор Аркадьич, так рассудила, что лучше жить в бедности, да с милым человеком, чем в богатстве, да с постылым.

Вихорев. С милым! А как с милым-то жить нечем будет?

Авдотья Максимовна. Да ведь у вас есть деревня своя?

Вихорев. Деревня! Какая деревня!.. Все это вздор!.. Ты вот что скажи, только говори откровенно: даст он денег или нет?

Авдотья Максимовна. Не даст!..

Вихорев. Так что ж ты со мной делаешь?

Авдотья Максимовна *(нетвердым голосом)*. Да разве я виновата, Виктор Аркадьич?

Вихорев *(ходя по комнате)*. Вам только влюбляться, да как бы замуж выйти за благородного, чтобы барыней быть!

Авдотья Максимовна. Что вы говорите, Виктор Аркадьич?

Вихорев. Кому нужно даром-то вас брать! Можно было, я думаю, догадаться, не маленькая! Любовь да неж-

ности всё на уме!.. Ведь глупость-то какая! Все вы думаете, что вас за красоту берут, так с ума и сходят!

Авдотья Максимовна *(закрывая лицо руками)*. Бедная я, горемычная! Для чего это я только на свет рождена!..

Вихорев. Видимое дело, что человеку деньги нужны, коли он на купчихе хочет жениться! Влюбиться-то бы я и в Москве нашел в двадцать раз лучше, а то всякая дура думает, что в нее влюблены без памяти.

Степан *(входит)*. Лошади готовы-с.

Вихорев. Пошел вон, дурак!

Степан уходит.

Авдотья Максимовна. Что вы со мной сделали!.. Куда я теперь денусь?.. Как я домой покажусь?..

Вихорев. А мне-то какое дело!.. Зачем ехала?..

Авдотья Максимовна. Ведь вы меня насильно посадили.

Вихорев. Выпроси у отца сто тысяч, так я, пожалуй, женюсь на тебе. Будешь барыня!

Авдотья Максимовна *(вставая и покрываясь платком)*. Да отсохни у меня язык, если я у него попрошу хоть копейку! *(Подходит к нему.)* Не будет вам счастья, Виктор Аркадьич, за то, что наругались вы над бедной девушкой... Вы у меня всю жизнь отняли. Мне теперь легче живой в гроб лечь, чем домой явиться: родной отец от меня отступится; осрамила я его на старости лет; весь город будет на меня пальцами показывать.

Вихорев. Уж это мы слыхали не один раз.

Авдотья Максимовна. Бог вас накажет за это, а я вам зла не желаю. Найдите себе жену богатую, да такую, чтоб любила вас так, как я; живите с ней в радости, а я девушка простая, доживу как-нибудь, скоротаю свой век в четырех стенах сидя, проклинаючи свою жизнь. Прощайте! *(Плачет.)* Прощайте... Я к тятеньке пойду!.. *(Быстро уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Вихорев, потом Степан.

Вихорев *(один)*. Опять несчастье! Ах, черт возьми! Куда я теперь денусь?.. Домотался! Хоть в маркёры ступай! Поеду еще куда-нибудь... Говорят, в Короваеве есть богатые купцы, и недалёко — всего верст пятьдесят... Степка!

Степан *(входит)*. Чего изволите-с?..

Вихорев. Вели этих лошадей откладывать, а мне найми других, в Короваев. Да поезжай в гостиницу, укладывайся, я сейчас там буду. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Степан *(один)*. Должно быть, опять не выгорело! Эх, жизнь, жизнь! Теперь злой сделается, аки лев. Всякую беду все на мне любит срывать. Да это легче в Сибирь Тобольской идти. Дождется уж он, что я от него убегом уйду.

СЦЕНА II

Комната второго акта.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Арина Федотовна и Анна Антоновна выходят из боковой двери и подходят к задней.

Анна Антоновна. Скажите пожалуйста! Ах-ах-ах!.. *(Качает головой.)*

Арина Федотовна. Увез, увез, матушка! Такой молодец! Подхватил в коляску проворным манером, только я их и видела.

Анна Антоновна. Уж это по глазам было видно, что парень ловкий.

Арина Федотовна. Какой еще ловкий-то!.. Одного я боюсь: братец спросит, где Дунечка, что я скажу? Скажу, что у тебя; запоздала, мол, и ночевать осталась. Ну, а завтра сами приедут, там как хотят.

Анна Антоновна. Обещал мне материи на платье подарить.

Арина Федотовна. Что ты!
Анна Антоновна. Право.
Арина Федотовна. Видишь ты, какой благородный человек!

Целуются.

Анна Антоновна уходит. Арина Федотовна садится к столу.

Посмотрим, что карты скажут.

Входят Бородкин и Русаков.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Арина Федотовна, Русаков и Бородкин.

Русаков. Сестрица, а сестрица!
Арина Федотовна *(смешивая карты)*. Чего изволите, братец?
Русаков. Да пора бы ужинать, ведь уж время-то поздно.
Арина Федотовна. Сейчас, братец. *(Уходит.)*
Русаков. А ты, Иванушка, поужинай с нами. Мать-то знает, что ты ко мне пошел?
Бородкин. Знает.
Русаков. Ну, так что ж, ну, и ничего, беспокоиться не будет. А ты с нами посиди.

Входит девка и накрывает стол.

Скажи ты мне, Иванушка, отчего это тебя Дуня не любит?
Бородкин. Я, Максим Федотыч, не знаю-с. Я, кажется, готов всю душу положить за Авдотью Максимовну и всячески стараюсь, как угодить. Если не любят, все-таки, не я тому причиной. Может, есть лучше нас, а между прочим, не знаю-с.
Русаков. Ничего, Иванушка, не тужи. Девичье сердце переменчивое: нынче не любит, а завтра полюбит.
Бородкин. Хорошо, кабы так-с.
Арина Федотовна *(входит)*. Готово, братец.
Русаков. А Дунюшка где?
Арина Федотовна. Не знаю, братец, еще не бывала.
Русаков. Как же не знаешь; ведь ты с ней вместе ходила?

Арина Федотовна. Да она хотела к Анне Антоновне зайти; должно быть, там засиделась.

Русаков. Что ж ты ее одну бросила? Пошли за ней девку поскорей — это недалёко.

Арина Федотовна. Да она, может быть, братец, там ночевать останется.

Русаков. Это зачем еще?.. Пошли, я хочу ее видеть.

Арина Федотовна. Сейчас, братец! *(Уходит.)*

Русаков. Подождем Дунюшку, посидим, покалякаем о чем-нибудь. *(Молчание.)* Что это, Иванушка, как я погляжу, народ-то все хуже и хуже делается, и что это будет, уж и не знаю. Возьмем хоть из нашего брата: ну, старики-то еще туда-сюда, а молодые-то?.. На что это похоже?.. Ни стыда, ни совести; ведь поверить ничего нельзя, а уж уважения и не спрашивай. Нет, мы, бывало, страх имели, старших уважали. Опять эту моду выдумали! Прежде ее не было, так лучше было, право. Проще жили, ну, и народ честней был. А то — я, говорит, хочу по моде жить, по-нынешнему, а глядишь, тому не платит, другому не платит.

Бородкин. Все это, Максим Фетодыч, от необузданности, а то и от глупости.

Русаков. Именно от необузданности. Бить некому! А то-то бы учить-то надо... Охо-хо — палка-то по них плачет.

Бородкин. Ведь всё себе на погибель, Максим Федотыч.

Русаков. Да ведь другого жалко. Глядишь, мальчонка-то и не дурак, ведь, может, из него бы и путный вышел, кабы в руки-то взять. А то его точно как вихорем каким носит, либо кружится тебе, как турман, ровно как угорелый, что ли, да беспутство, да пьянство. Не глядели б глаза, кажется.

Бородкин. Потому, главная причина, Максим Федотыч, основательности нет... к жизни... Кабы основательность была, ну, другое дело; а то помилуйте, Максим Федотыч, в голове одно: какое бы колено сделать почудней, чтоб невиданное...

Входит Маломальский.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Маломальский.

Маломальский. Сват, я к тебе пришел... примерно, за делом...
Русаков. Ну, что ж, садись, милости просим.

Маломальский садится. Молчание.

Ну, что же у тебя за дело?
Маломальский. Только, чтоб тово... не вдруг...
Русаков. Да что там такое?
Маломальский. Это, сват, со всяким может... гм... потому захочет что сделать, если, примерно... как ты ее удержишь или усмотришь... настоящее я тебе дело говорю...
Русаков. Эх, бестолков ты, сват.
Маломальский *(отойдя на авансцену, мигая и маня рукой Русакова)*. Поди сюда.
Русаков. Говори вслух, что тебе?..
Маломальский. Примерно, такая штука... секретная...
Русаков. Что там еще?
Маломальский *(оглядываясь)*. Сват... а где у тебя дочь?
Русаков. Говорят, к вам пошла, к Анне Антоновне.
Маломальский. Говорят! Кто говорит?.. Не верь, врут!.. врут, сват... Обман, один обман...
Русаков. Поди проспись!.. Еще у тебя, видно, хмель-то не вышел... пьян еще...
Маломальский. Нет, не пьян... Видел... своими глазами видел...
Русаков. Да что ты видел-то, говори, злодей!..
Маломальский. Ее, сват, видел... ее... едут... в коляске...
Русаков. С кем?..
Маломальский. С барином... с моим с постояльцем... Да... я не пьяный... я видел...
Бородкин. Кое место-с?
Маломальский. За валом... на мосту...
Русаков *(садится к столу и подпирает голову рукой)*. Господи, поддержи! *(Молчание.)* Сестра!

Арина Федотовна входит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Арина Федотовна.

Арина Федотовна. Что вы, братец?

Русаков. Где дочь?

Арина Федотовна. Право, братец, не знаю...

Русаков. Говори, сестра, говори всю правду, слышишь!

Арина Федотовна. Право, братец, не знаю... Может быть, Виктор Аркадьич... Они тут на лошадях подъезжали...

Бородкин. На чьих лошадях — на извозчичьих-с?..

Арина Федотовна. Нет, на Баранчевских.

Бородкин. Так далеко не уедут-с. Либо у Баранчевского надо искать, либо по гостиницам-с.

Русаков. Постой ты. Что ж, она с ним села да и поехала?

Арина Федотовна. Нет, братец, он ее насильно посадил.

Русаков. Насильно! *(Встает.)* Что ж это, отцы мои!.. Увезли девушку насильно! Помогите! Дочь мою, голубушку мою, последнюю мою радость. Ведь это разбой!.. Побежимте!..

Бородкин. Я хоть сию минуту-с.

Маломальский. Поедем... у меня, сват, лошадь здесь...

Русаков *(хватаясь за голову)*. Постойте! Откуда он ее увез?

Арина Федотовна. За валом, братец, от мосту.

Русаков. А зачем она там была? Вы ведь в церковь пошли?

Арина Федотовна. Мы, братец, гуляли.

Русаков *(хватая ее за руку)*. Врешь, у вас уговор был! Говори, был уговор? Говори!

Арина Федотовна. Был.

Русаков *(садится со слезами)*. Так зачем же мы поедем? Она своей волей уехала, она своей волей бросила отца, насмех людям, бросила старика одного горе мыкать! Дочка! не век тебе будут радости. Вспомнишь ты и обо мне. Кто тебя так любить будет, как я тебя любил?.. Поживешь в чужих людях, узнаешь, что такое отец!.. Диви бы, я с ней строг был или жалел для нее что. Я ли ее не любил, я ли ее не голубил?.. *(Плачет.)*

Бородкин. Полноте, Максим Федотыч, пойдемте, может и найдем.

Русаков. Не трожь, Иванушка, дай мне наплакаться, потом легче будет.

Бородкин. Да ведь уж слезами, Максим Федотыч, не поможешь; лучше пойти поискать.

Русаков. Где искать! Зачем искать!

Арина Федотовна. Ах, братец, как вы себя убиваете. Что вы беспокоитесь; они завтра сами приедут: обвенчаются и приедут.

Русаков *(встает)*. Обвенчаются! Так нет, не хочу, не хочу! Поедем, сват! Отниму, коли найду. Запру в светлицу, там и сиди. Пусть лучше умрет на моих глазах, только не доставайся моему врагу.

Бородкин. Мне тоже прикажете?

Русаков. Ты останься. Ну, сестрица, голубушка, отблагодарила ты меня за мою хлеб-соль! Спасибо! Лучше б ты у меня с плеч голову сняла, ничем ты это сделала. Твое дело, порадуйся! Я ее в страхе воспитывал да в добродетели, она у меня как голубка была чистая. Ты приехала с заразой-то своей. Только у тебя и разговору-то было что глупости... все речи-то твои были такие вздорные. Ведь тебя нельзя пустить в хорошую семью: ты яд и соблазн! Вон из моего дома, вон! Чтоб нога твоя не была здесь!

Арина Федотовна. Вы всегда, братец, обижаете...

Русаков *(уходя с Маломальским)*. Потаскушка ты этакая!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Арина Федотовна и Бородкин.

Арина Федотовна *(садится, плачет, потом, поднявши голову)*. Ишь ты, разгулялся! Ругатель, обидчик, мужик необразованный!

Бородкин. А то вас не ругать! Что ж, хвалить, что ли, за этакие дела?

Арина Федотовна. И ты туда ж!.. Ах ты, дрянь бородастая! Молчал бы уж лучше...

Бородкин. Так что ж, небойсь, хорошо сделали!..

Арина Федотовна. Да вот как ни сделали, а тебе не досталось. Теперь ищите с батюшкой-то, а уж дело-то кончено; по крайней мере на своем поставили.

Бородкин. Как бы после не плакать.

Арина Федотовна. Не об тебе ли уж?.. Эко несчастие, скажите! Какого жениха упустили!.. Как не плакать!.. А ты посмотри-ка, как он завтра с ней прикатит, да взойдет-то этакой кавалер, так любоваться мило-дорого будет.

Бородкин. Хорошо, кабы вашими устами да мед пить. Я бы сам вчуже за Авдотью Максимовну порадовался.

Арина Федотовна. Да уж теперь не то, что прежде — и посмотреть-то на нее ты должен за счастье считать.

Авдотья Максимовна входит, держась за дверь, и молча садится к столу. Арина Федотовна и Бородкин смотрят на нее в недоумении.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Авдотья Максимовна.

Авдотья Максимовна. Господи! измучилась... Ну, слава богу, теперь, по крайней мере, я дома...

Арина Федотовна. Дунечка, что с тобой! Откуда ты?..

Авдотья Максимовна. Где тятенька?

Бородкин. Они пошли-с... гм... недалечко-с... скоро придут...

Авдотья Максимовна. Мне его нужно видеть поскорей... Где он, скажите вы мне!..

Арина Федотовна. Дунечка, беда у нас: ведь он все узнал. Тебя искать поехал. Селиверст Потапыч ему все рассказал — он видел, как вы ехали с Виктором Аркадьичем.

Авдотья Максимовна. Тятенька, голубчик! Скоро ли он придет, скоро ли?.. Я измучаюсь, исстрадается мое сердце до него, вся душа изноет.

Бородкин *(Арине Федотовне)*. Надо вам было говорить!

Авдотья Максимовна. Кто-то стукнул, не тятенька ли?.. *(Встает шатаясь.)*

Бородкин *(поддерживая ее)*. А хоть бы и он, что ж

за беда-с?.. Нешто вы в этом виноваты, коли вас насильно увезли.

Авдотья Максимовна. Только как мне горько, кабы вы знали!.. На кого была надежда, что он со мной сделал!.. Тошнехонько мне!..

Бородкин. Что же он с вами сделал-с?

Авдотья Максимовна *(с отчаянием)*. Что сделал? Прогнал! Мне, говорит, тебя не нужно, а нужны деньги. А я, дура, думала, что он меня любит.

Бородкин. Значит, Авдотья Максимовна, я так думаю: это дело надо будет бросить-с.

Авдотья Максимовна. А тятенька-то что скажет? Что люди-то скажут?

Бородкин. Позвольте мне за это дело взяться: я его обделаю, как должно.

Авдотья Максимовна. Вы?..

Бородкин. Я-с. Только, Авдотья Максимовна, как собственно теперича этот барин за все свои невежества не сто́ит того, чтобы вы его любили, так уж я буду в надежде-с.

Авдотья Максимовна. Я все на свете для вас сделаю, только бы тятенька не гневался на меня.

Бородкин. А когда так, не извольте ничего беспокоиться, идите к себе в комнату, а я с тятенькой переговорю. А то расстроите его, да и сами от чувств даже больны можете быть. Что хорошего?..

Авдотья Максимовна. У меня на вас только и надежда!..

Бородкин. Будьте покойны.

Авдотья Максимовна уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Бородкин и Арина Федотовна.

Бородкин. Что? Есть чему радоваться?.. Убирайтесь-ка лучше от греха, пока Максим Федотыч не пришел.

Арина Федотовна. Кто ж это знал, что так случится; я и ума не приложу.

Бородкин. Говорили вам, кажется, так вы сами умнее всех хотите быть. Посмотрите на Авдотью Максимовну теперь, у меня ажно слезы прошибло.

Арина Федотовна. Ну, вот, поди ж ты, разве можно было ждать от него такого невежества?..

Б о р о д к и н. Ох, кабы я на месте Максима Федотыча, я бы вам феферу задал.

А р и н а Ф е д о т о в н а. Полно храбриться-то!

Б о р о д к и н. Что храбриться-то?.. За что погубили девушку? Али вам это ничего?..

А р и н а Ф е д о т о в н а *(прислушивается)*. Братец приехал. *(Уходит в боковую дверь. Бородкин притворяет ее.)*

Входит Р у с а к о в.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Б о р о д к и н и Р у с а к о в (садится к столу).

Р у с а к о в. Нет ее. Ну, Иванушка, сирота я теперь. Поди домой. Оставь меня, поди!

Б о р о д к и н. Куда ж мне торопиться-то, я с вами посижу.

Р у с а к о в. Нет ее, Иванушка, ну и не надо, один поживу... имение нищим раздам.

Б о р о д к и н. Да помилуйте, Максим Федотыч, может, еще все это благополучно кончится.

Р у с а к о в. Я ее теперь и видеть не хочу, не велю и пускать к себе, живи она, как хочет! *(Молчание.)* Я уж не увижу ее... Коли кто из вас увидит ее, так скажите ей, что отец ей зла не желает, что коли она, бросивши отца, может быть душой покойна, жить в радости, так бог с ней! Но за поругание мое, моей седой головы, я видеть ее не хочу никогда. Дуня умерла у меня! Нет, не умерла, ее и не было никогда! Имени ее никто не смей говорить при мне!..

А в д о т ь я М а к с и м о в н а входит и останавливается на пороге.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Т е ж е и А в д о т ь я М а к с и м о в н а.

Р у с а к о в. Кто? кто это?

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Я, тятенька.

Р у с а к о в. Ты? А полюбовник где?

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Тятенька!..

Р у с а к о в. К нему, к нему, ступай к нему!

А в д о т ь я М а к с и м о в н а *(твердо)*. Я не пойду из дому. Прогоните — я умру на пороге.

Р у с а к о в *(молча смотрит на нее)*. Где же тот-то? где мой враг-то?..

Авдотья Максимовна. Он меня обманул, от меня не любит — ему только деньги нужны.

Русаков. А! вот что! Я, кажется, давеча говорил тебе об этом. Да где отцу знать: он на старости лет из ума выжил. Ну, зачем же ты пришла?

Авдотья Максимовна. Куда ж я, тятенька, денусь?

Русаков. Ну, что ж, известно, не гнать же мне тебя. *(Притворно смеется.)*

Авдотья Максимовна *(падает ему в ноги)*. Тятенька! простите меня!

Русаков. Простите! Нет, ты меня уморила было!.. Ведь мне теперь стыдно людям глаза показать, а про тебя-то и говорить нечего. Нет, голубушка, я тебя запру. Поди! *(Отходит.)*

Бородкин. Встаньте, Авдотья Максимовна, бог милостив! Дело обойдется как-нибудь.

Поднимает ее, она плачет; они отходят в сторону и разговаривают вполголоса. Входит Маломальский.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же и Маломальский.

Маломальский. Сват, а сват, я, примерно, молодца-то остановил...

Русаков. Ах, провались он совсем! Мне-то что за дело?..

Маломальский. Как, сват, нет, ты не то... Он этого не должóн... Он, примерно, теперь осрамил девушку... ну, и женись... мы заставим.

Русаков. Да мне его и даром-то не надо, не то что насильно заставлять. Осрамил — ну, что ж, наш грех!.. Да меня золотом осыпь, я на него и глядеть-то не хочу, не то чтоб в зятья взять.

Маломальский. Это к тому, что теперича... слух этот пойдет... так и так... и, примерно, разойдется по городу: кто ее возьмет?

Русаков. Что ж делать-то, согрешили. На себя пеняй.

Бородкин *(выступая вперед)*. Я возьму-с.

Маломальский. Гм!.. *(Мигает глазом.)* Не бери!

Бородкин. Будет вам врать-то-с. Это наше дело.

Русаков. Нет, Иванушка, погоди, тебе эта невеста не годится, я тебе найду другую.

Б о р о д к и н. Мне другой не надобно-с.

Р у с а к о в. Тебе надобно девушку честную, чтоб про нее худой славы не было.

Б о р о д к и н. Что это значит худая слава! Коли я люблю Авдотью Максимовну, так это для меня все одно.

Р у с а к о в. Да она тебя не сто́ит. Ей теперь нечего об замужестве думать.

Б о р о д к и н. Вы давеча сами обещали. Я вот от своего слова не пячусь, а вы пятитесь. А уж это не порядок, Максим Федотыч!.. Положим, хоша она ваша дочь, а за что ж ее обижать. Авдотья Максимовна и так обижена кругом, должон кто-нибудь за нее заступиться. Ее ж обидели, да ее же и бранить. По крайней мере она у нас будет ласку видеть от меня и от маменьки. Что ж такое, со всяким грех бывает. Не нам судить!

Р у с а к о в. Да ты что шумишь-то?

Б о р о д к и н. Да мне что шуметь-то?.. Вы мне обещали Авдотью Максимовну, и отдайте!..

Р у с а к о в *(подумавши)*. Да возьми, пожалуй. Эка невидаль!

Б о р о д к и н *(подходя к Авдотье Максимовне)*. Авдотья Максимовна, не плачьте, перестаньте-с. Теперь вас никто обидеть не смеет-с. Никому не позволю... самому Максиму Федотычу, провалиться на этом месте!..

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Иван Петрович! любите хоть вы меня, меня никто не любит. Весь свет на меня!

Б о р о д к и н. Помилуйте, Авдотья Максимовна, есть же во мне какое-нибудь чувство; я ведь не зверь, и во мне есть искра божья!

А в д о т ь я М а к с и м о в н а. Иван Петрович! я за вас буду вечно богу молить, вы заступились за бедную девушку. Уж коли тятенька говорит вам, что вам нужно девушку честную, чего же мне ждать от других-то?.. Этакую муку терпеть!.. Меня б на неделю не стало!.. Кабы кто видел мою душу!.. Каково мне теперь!.. Я честная девушка, Иван Петрович,— я вас обманывать не стану. Скажите вы это всем и тятеньке.

Р у с а к о в *(пораженный)*. Эх-ма, сват, состарелся я, а все еще глуп. За что я ее обидел? Во гневе скажешь слово, а его уж не воротишь. Слово-то, как

стрела. Ведь иногда словом-то обидишь больше, чем делом! Так ли, сват?.. А это грех... Дунюшка, словечко-то у меня давеча всердцах вырвалось, маленько оно обидно, так ты его к сердцу не принимай. Самому было горько, ну и сказал лишнее.

Авдотья Максимовна. Тятенька! простите меня.

Русаков. Бог тебя простит, ты меня-то прости! *(Целует ее.)* Нет, Иванушка, я тебе ее не отдам!..

Бородкин. Как же это, Максим Федотыч? Это на что ж похоже-с?

Русаков. Коли хочешь ее взять, так переезжай сюда, и с матерью, и будем жить вместе.

Бородкин. Это-то все одно-с, а то было уж я перепужался.

Русаков. Сестра, поди сюда!

Входит Арина Федотовна.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Те же и Арина Федотовна.

Арина Федотовна. Что вам угодно, братец?

Русаков. Ну, прости меня!.. Теперь, на радости, не ссорятся!

Арина Федотовна. И, братец, что это вы!.. Да смею ли я обижаться?..

Маломальский. А я... все-таки... примерно... его не отпущу...

Русаков. Кого его?..

Маломальский. Барина... То есть ни копейки, примерно, за постой...

Русаков. Ну, уж я за него заплачу, только чтоб он убирался поскорей.

Маломальский. А что, сват, угощение будет?

Русаков. Будет, как не быть. Мы еще и не ужинали. Сестрица, приготовь-ка нам что-нибудь, поздравить жениха с невестой.

Арина Федотовна. Сейчас, братец.

Маломальский. Ну, уж теперь, сват, я загулял... уж теперь вплоть до свадьбы. Там хозяйка как хочет, а я, примерно, гуляю!..

Комедия
в трех
действиях

БЕДНОСТЬ НЕ ПОРОК

Посвящено
Прову Михайловичу Садовскому

ЛИЦА:

ГОРДЕЙ КАРПЫЧ ТОРЦОВ
богатый купец.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА
его жена.

ЛЮБОВЬ ГОРДЕЕВНА
их дочь.

ЛЮБИМ КАРПЫЧ ТОРЦОВ
его брат, промотавшийся.

АФРИКАН САВИЧ КОРШУНОВ
фабрикант.

МИТЯ
приказчик Торцова.

ЯША ГУСЛИН
племянник Торцова.

ГРИША РАЗЛЮЛЯЕВ
молодой купчик, сын богатого отца.

АННА ИВАНОВНА
молодая вдова.

МАША
ЛИЗА } *подруги Любови Гордеевны.*

ЕГОРУШКА
мальчик, дальний родственник Торцова.

АРИНА
нянька Любови Гордеевны.

ГОСТИ, ГОСТЬИ, ПРИСЛУГА, РЯЖЕНЫЕ И ПРОЧИЕ.

Действие происходит в уездном городе, в доме купца Торцова, во время святок.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Небольшая приказчичья комната; на задней стене дверь, налево в углу кровать, направо шкаф; на левой стене окно, подле окна стол, у стола стул; подле правой стены конторка и деревянная табуретка; подле кровати гитара; на столе и конторке книги и бумаги.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Митя ходит взад и вперед по комнате; Егорушка сидит на табуретке и читает «Бову Королевича».

Егорушка *(читает)*. «Государь мой батюшка, славный и храбрый король, Кирибит Верзоулович, ныне идти за него смелости не имею, потому что когда я была во младости, то король Гвидон за меня сватался».

Митя. Что, Егорушка, наши дома?

Егорушка *(зажимает пальцем то место, где читает, чтоб не ошибиться)*. Никого нет; кататься уехали. Один Гордей Карпыч дома. *(Читает.)* «На то сказал дщери своей Кирибит Верзоулович...» *(Зажимает пальцем.)* Только такой сердитый, что беда! Я уж ушел — все ругается. *(Читает.)* «Тогда прекрасная Милитриса Кирбитьевна, призвав к себе слугу Личарду...»

Митя. На кого же он сердит?

Егорушка *(опять зажимает)*. На дяденьку, на Любима Карпыча. На второй-то праздник дяденька Любим Карпыч обедал у нас, за обедом-то захмелел, да и начал разные колена выкидывать, да смешно таково. Я смешлив ведь больно, не вытерпел, так и покатился со смеху, а уж на меня глядя и все. Дяденька Гордей-то Карпыч принял это себе за обиду да за невежество, осерчал на него, да и прогнал. Дяденька-то Любим Карпыч взял да в отместку ему и созорничал, пошел да с нищими и стал у собора. Дяденька-то Гордей Карпыч говорит: осрамил, говорит, на весь город. Да теперь и сердится на всех без разбору, кто под руку подвернется. *(Читает.)* «С тем намерением, чтобы подступил под наш град».

Митя *(взглянув в окно)*. Кажется, наши приехали... Так и есть! Пелагея Егоровна, Любовь Гордеевна, да и гости с ними.

Егорушка *(прячет сказку в карман)*. Побежать наверх. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

М и т я *(один)*. Эка тоска, господи!.. На улице праздник, у всякого в доме праздник, а ты сиди в четырех стенах!.. Всем-то я чужой, ни родных, ни знакомых!.. А тут еще... Ах, да ну! Сесть лучше за дело, авось тоска пройдет. *(Садится к конторке и задумывается, потом запевает.)*

Красоты ее не можно описать!..
Черны брови, с поволокою глаза.

Да, с поволокою. А как вчера в собольем салопе, покрывшись платочком, идет от обедни, так это... ах!.. Я так думаю, и не привидано такой красоты! *(Задумывается, потом поет.)*

Уж и где ж эта родилась красота...

Как же, пойдет тут работа на ум! Все бы я думал об ней!.. Душу-то всю истерзал тосковамши. Ах ты, горе-гореваньице!.. *(Закрывает лицо руками и сидит молча.)*

Входит П е л а г е я Е г о р о в н а, одетая по-зимнему, и останавливается в дверях.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

М и т я и П е л а г е я Е г о р о в н а.

П е л а г е я Е г о р о в н а. Митя, Митенька!

М и т я. Что вам угодно?

П е л а г е я Е г о р о в н а. Зайди ужо вечерком к нам, голубчик. Поиграете с девушками, песенок попоете.

М и т я. Премного благодарен. Первым долгом сочту-с.

П е л а г е я Е г о р о в н а. Что тебе в конторе все сидеть одному! Невелико веселье! Зайдешь, что ли? Гордея-то Карпыча дома не будет.

М и т я. Хорошо-с, зайду беспременно.

П е л а г е я Е г о р о в н а. Уедет ведь опять... да, уедет туда, к этому, к своему-то... как его?..

М и т я. К Африкану Савичу-с?

П е л а г е я Е г о р о в н а. Да, да! Вот навязался, прости господи!

М и т я *(подавая стул)*. Присядьте, Пелагея Егоровна.

П е л а г е я Е г о р о в н а. Ох, некогда. Ну, да уж присяду немножко. *(Садится.)* Так вот поди ж ты... этакая напасть! Право!.. Подружились ведь так, что

на́ поди. Да! Вот какое дело! А зачем? К чему пристало? Скажи ты на милость! Человек-то он буйный да пьяный, Африкан-то Савич... да!

М и т я. Может, дела какие есть у Гордея Карпыча с Африканом Савичем.

П е л а г е я Е г о р о в н а. Какие дела! Никаких делов нет. Ведь он-то, Африкан-то Савич, с агличином всё пьют. Там у него агличин на фабрике дилехтор — и пьют... да! А нашему-то не след с ними. Да разве с ним сговоришь! Гордость-то его одна чего сто́ит. Мне, говорит, здесь не с кем компанию водить, всё, говорит, сволочь, всё, видишь ты, мужики, и живут-то по-мужицки; а тот-то, видишь ты, московский, больше всё в Москве... и богатый. И что это с ним сделалось? Да ведь вдруг, любезненький, вдруг! То, все-таки, рассудок имел. Ну, жили мы, конечно, не роскошно, а все-таки так, что дай бог всякому; а вот в прошлом году в отъезд ездил, да перенял у кого-то. Перенял, перенял, уж мне сказывали... все эти штуки-то перенял. Теперь все ему наше русское не мило; ладит одно — хочу жить по-нынешнему, модами заниматься. Да, да!.. Надень, говорит, чепчик!.. Ведь что выдумает-то!.. Прельщать, что ли, мне кого на старости, говорю, разные прелести делать! Тьфу! Ну, вот поди ж ты с ним! Да! Не пил ведь прежде... право... никогда, а теперь с этим с Африканом пьют! Спьяну-то, должно быть, у него *(показывая на голову)* и помутилось. *(Молчание.)* Уж я так думаю, что это враг его смущает! Как-таки рассудку не иметь!.. Ну, еще кабы молоденький: молоденькому это и нарядиться, и всё это лестно; а то ведь под шестьдесят! Миленький, под шестьдесят! Право! Модное-то ваше да нынешнее, я говорю ему, каждый день меняется, а русский-то наш обычай испокон веку живет! Старики-то не глупей нас были. Да разве с ним сговоришь, при его же, голубчик, крутом-то характере!

М и т я. Что говорить! Строгий человек-с.

П е л а г е я Е г о р о в н а. Любочка теперь в настоящей поре, надобно ее пристроить, а он одно ладит: нет ей ровни... нет да нет!.. Ан вот есть!.. А у него всё нет... А каково же это материнскому-то сердцу!

М и т я. Может быть, Гордей Карпыч хотят в Москве выдать Любовь Гордеевну.

П е л а г е я Е г о р о в н а. Кто его знает, что у него на

уме. Смотрит зверем, ни словечка не скажет, точно я и не мать... да, право... ничего я ему сказать не смею; разве с кем поговоришь с посторонним про свое горе, поплачешь, душу отведешь, только и всего. *(Встает.)* Заходи, Митенька.

Митя. Приду-с.

Гуслин входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Гуслин.

Пелагея Егоровна. Вот и еще молодец! Приходи, Яшенька, ужо к нам наверх с девушками песни попеть, ты ведь мастер, да гитару захвати.

Гуслин. Хорошо-с, это нам не в труд, а еще, можно сказать, в удовольствие-с.

Пелагея Егоровна. Ну, прощайте. Пойти соснуть полчасика.

Гуслин и Митя. Прощайте-с.

Пелагея Егоровна уходит; Митя садится к столу, пригорюнившись. Гуслин садится на кровать и берет гитару.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Митя и Яша Гуслин.

Гуслин. Что народу было на катанье!.. И ваши были. Что ж ты не был?

Митя. Да что, Яша, обуяла меня тоска-кручина.

Гуслин. Что за тоска? Об чем тебе тужить-то?

Митя. Как же не тужить-то? Вдруг в голову взойдут такие мысли: что я такое за человек на свете есть? Теперь родительница у меня в старости и бедности находится, ее должен содержать, а чем? Жалованье маленькое, от Гордея Карпыча все обида да брань, да все бедностью попрекает, точно я виноват... а жалованья не прибавляет. Поискал бы другого места, да где его найдешь без знакомства-то. Да, признаться сказать, я к другому-то месту и не пойду.

Гуслин. Отчего же не пойдешь? Вот у Разлюляевых жить хорошо — люди богатые и добрые.

Митя. Нет, Яша, не рука! Уж буду все терпеть от Гордея Карпыча, бедствовать буду, а не пойду. Такая моя планида!

Гуслин. Отчего же так?

М и т я *(встает)*. Так, уж есть тому делу причина. Есть, Яша, у меня еще горе, да никто того горя не знает. Никому я про свое горе не сказывал.

Г у с л и н. Скажи мне.

М и т я *(махнув рукою)*. Зачем!

Г у с л и н. Да скажи, что за важность!

М и т я. Говори не говори, ведь не поможешь!

Г у с л и н. А почем знать?

М и т я *(подходит к Гуслину)*. Никто мне не поможет. Пропала моя голова! Полюбилась мне больно Любовь Гордеевна.

Г у с л и н. Что ты, Митя?! Да как же это?

М и т я. Да вот как никак, а уж сделалось.

Г у с л и н. Лучше, Митя, из головы выкинь. Этому делу никогда не бывать, да и не ра́живаться.

М и т я. Знамши я все это, не могу своего сердца сообразить. «Любить друга можно, нельзя позабыть!..» *(Говорит с сильными жестами.)* «Полюбил я красну девицу пуще роду, пуще племени!.. Злые люди не велят, велят бросить, перестать!»

Г у с л и н. Да и то надоть бросить. Вот Анна Ивановна мне и ровня: у ней пусто, у меня ничего, да и то дяденька не велит жениться. А тебе и думать нечего. А то заберешь в голову, потом еще тяжельше будет.

М и т я *(декламирует)*.

Что на свете прежестоко? —
Прежестока есть любовь!

(Ходит по комнате.) Яша, читал ты Кольцова? *(Останавливается.)*

Г у с л и н. Читал, а что?

М и т я. Как он описывал все эти чувства!

Г у с л и н. В точности описывал.

М и т я. Уж именно что в точности. *(Ходит по комнате.)* Яша!

Г у с л и н. Что?

М и т я. Я сам песню сочинил.

Г у с л и н. Ты?

М и т я. Да.

Г у с л и н. Давай голос подберем, да и будем петь.

М и т я. Хорошо. На, вот. *(Отдает ему бумагу.)* А я попишу немного — дело есть: неравно Гордей Карпыч спросит. *(Садится и пишет.)*

Гуслин берет гитару и начинает подбирать голос; Р а з л ю л я е в входит с гармонией.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Разлюляев.

Разлюляев. Здравствуйте, братцы! *(Наигрывает на гармонии и приплясывает.)*

Гуслин. Эко, дурак! На что это ты гармонию-то купил?

Разлюляев. Известно на что — играть. Вот так... *(Играет.)*

Гуслин. Ну уж, важная музыка... нечего сказать! Брось, говорят тебе.

Разлюляев. Что ж, не брошу разве!.. Коли захочу, так и брошу... Вот важность! Денег, что ли, у нас нет? *(Бьет себя по карману.)* Звенят! У нас гулять — так гулять! *(Бросает гармонию.)*

Одна гора высока,
А другая низка;
Одна мила далеко,
А другая близко.

Митя *(ударяет Митю по плечу)*, а Митя! Что ты сидишь?

Митя. Дело есть. *(Продолжает заниматься.)*

Разлюляев. Митя, а Митя, а я гуляю, брат... право слово, гуляю. Ух! Ходи!.. *(Поет: «Одна гора высока» и проч.)* Митя, а Митя! весь праздник буду гулять, а там за дело... Право слово! Что ж, у нас денег, что ли, нет? Вот они... А я не пьян... Нет, так гуляю... весело...

Митя. Ну, гуляй на здоровье.

Разлюляев. А после праздника женюсь!.. Право слово, женюсь! Возьму богатую.

Гуслин *(Мите)*. Ну, вот слушай-ка, так-то ладно ль будет?

Разлюляев. Спой-ка, спой, я послушаю.

Гуслин *(поет)*.

Нет то злей, постылее
Злой сиротской доли,
Злее горя лютого,
Тяжелей неволи!
Всем на свете праздничек,
Тебе не веселье!..
Буйной ли головушке
Без вина похмелье!
Молодость не радует,
Красота не тешит;
Не зазноба-девушка —
Горе кудри чешет.

Во все это время Разлюляев стоит как вкопанный и слушает с чувством; по окончании пения все молчат.

Разлюляев. Хорошо, больно хорошо! Жалко таково... Так за сердце и хватает. *(Вздыхает.)* Эх, Яша! Сыграй веселую, полно канитель-то эту тянуть — нынче праздник. *(Поет.)*

Ух! Как гусара не любить!
Это не годится!

Подыгрывай, Яша.

Гуслин подыгрывает.

Митя. Полно вам дурачиться-то. Давайте-ка лучше сядемте в кучку да полегоньку песенку споем.

Разлюляев. Ладно! *(Садятся.)*

Гуслин *(запевает; Митя и Разлюляев подтягивают)*.

Размолодчики вы молоденькие,
Вы дружки мои...

Входит Гордей Карпыч; все встают и перестают петь.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Гордей Карпыч.

Гордей Карпыч. Что распелись! Горланят, точно мужичье! *(Мите.)* И ты туда ж! Кажется, не в таком доме живешь, не у мужиков. Что за полпивная! Чтоб у меня этого не было вперед. *(Подходит к столу и рассматривает бумаги.)* Что бумаги-то разбросал!..

Митя. Это я счета проверял-с.

Гордей Карпыч *(берет книгу Кольцова и тетрадь со стихами)*. А это еще что за глупости?

Митя. Это я от скуки, по праздникам-с, стихотворения господина Кольцова переписываю.

Гордей Карпыч. Какие нежности при нашей бедности!

Митя. Собственно для образования своего занимаюсь, чтоб иметь понятие.

Гордей Карпыч. Образование! Знаешь ты, что такое образование!.. А еще туда же разговаривает! Ты бы вот сертучишко-то новенький сшил! Ведь к нам наверх ходишь, гости бывают... срам! Куда деньги-то деваешь?

Митя. Маменьке посылаю, потому она в старости, ей негде взять.

Гордей Карпыч. Матери посылаешь! Ты себя-то бы обра́зил прежде; матери-то не бог знает что нужно, не в роскоши воспитана, чай, сама хлевы затворяла.

Митя. Уж пущай же лучше я буду терпеть, да маменька по крайности ни в чем не нуждается.

Гордей Карпыч. Да ведь безобразно! Уж коли не умеешь над собой приличия наблюдать, так и сиди в своей конуре; коли гол кругом, так нечего о себе мечтать! Стихи пишет, образовать себя хочет, а сам как фабричный ходит! Разве в этом образование-то состоит, что дурацкие песни петь? То-то глупо-то! *(Сквозь зубы и косясь на Митю.)* Дурак! *(Помолчав.)* Ты и не смей показываться в этом сертучишке наверх. Слышишь, я тебе говорю! *(К Разлюляеву.)* А ты тоже! Отец-то, чай, деньги лопатой загребает, а тебя в этаком зипунишке водит.

Разлюляев. Что ж такое! Он новый!.. сукно-то французское, из Москвы выписывали, по знакомству... двадцать рублев аршин. Что ж, нешто мне этакую штуку надеть, как у Франца Федорыча, у аптекаря... кургузую; так его вон и дразнят все: страм пальто! Так что ж хорошего людей-то смешить!

Гордей Карпыч. Много ты знаешь! Да что, с тебя и взыскать-то нечего! Сам-то ты глуп, да и отец-то твой не больно умен... целый век с засаленным брюхом ходит; дураками непросвещенными живете, дураками и умрете.

Разлюляев. Уж ладно.

Гордей Карпыч *(строго)*. Что?

Разлюляев. Ладно, мол.

Гордей Карпыч. Неуч, и сказать-то путно не умеешь! Говорить-то с вами — только слова тратить; все равно, что стене горох, так и вам, дуракам. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, без Торцова.

Разлюляев. Поди-ко-сь, какой грозный! Ишь ты, развоевался! Так вот тебя и испугались... Как же, держи карман-то!

Митя *(Гуслину)*. Вот оно жизнь-то моя какова! Вот каково мне сладко жить-то на свете!

Разлюляев. Да от этакова житья — запьешь, право, запьешь! А ты брось, не думай. *(Запевает.)*

Одна гора высока,
А другая низка;
Одна мила далеко,
А другая близко.

Входят: Любовь Гордеевна, Анна Ивановна, Маша и Лиза.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, Любовь Гордеевна, Анна Ивановна, Маша и Лиза.

Анна Ивановна. Мир честно́й компании!

Разлюляев. Милости прошу к нашему шалашу.

Митя. Наше почтение-с! Милости просим!.. Какими это судьбами?..

Анна Ивановна. А никакими, просто — взяли да и пришли. Гордей Карпыч уехал, а Пелагея Егоровна отдохнуть легла, так теперь наша воля... Гуляй — не хочу!..

Митя. Просим покорно садиться.

Садятся; Митя подвигает стул и садится против Любови Гордеевны; Разлюляев ходит.

Анна Ивановна. Надоело молча-то сидеть, орехи щелкать; пойдемте, говорю, девушки, к парням, а девушкам и любо.

Любовь Гордеевна. Что ты выдумываешь-то? Мы и не воображали сюда идти, это ты выдумала.

Анна Ивановна. Как же не так! Да ты первая... Известное дело, кому что нужно, тот об том и думает: парни об девках, а девки об парнях.

Разлюляев. Ха, ха, ха!.. Это вы, Анна Ивановна, в точности говорите.

Любовь Гордеевна. Вот уж никогда!

Маша *(Лизе)*. Ах, стыд какой!

Лиза. Это, Анна Ивановна, вы говорите совсем напротив.

Анна Ивановна. Ах вы, скромность! Уж сказала бы словечко, да нехорошо при парнях-то... Сама была в девках, все знаю.

Любовь Гордеевна. Девушка девушке рознь.

Маша. Ах, стыд какой!

Лиза. Что вы говорите, это даже для нас оченно странно и, можно сказать, конфузно.

Разлюляев. Ха, ха, ха!..

Анна Ивановна. А об чем сейчас наверху разговор был? Хотите, скажу!.. Ну, говорить, что ли? Что, присмирели!

Разлюляев. Ха, ха, ха!..

Анна Ивановна. Ты что рот-то разинул! Не об тебе, небось.

Разлюляев. Хоша и не обо мне, однако, может быть, есть, кто и об нас думает. Мы знаем, что знаем! *(Приплясывает.)*

Как гусара не любить!
Это не годится!

Анна Ивановна *(подходит к Гуслину)*. Что ж ты, бандурист, когда на мне женишься?

Гуслин *(играя на гитаре)*. А вот когда от Гордея Карпыча разрешение выдет. Куда нам торопиться-то, над нами не каплет. *(Кивает ей головой.)* Поди-ка сюда, Анна Ивановна, мне нужно сказать тебе одно дело.

Она подходит к нему и садится подле него; он ей шепчет на ухо, показывая на Любовь Гордеевну и Митю.

Анна Ивановна. Что ты говоришь?.. Неужто!

Гуслин. Уж это верно так.

Анна Ивановна. Ну, так хорошо, молчи!

Говорят шепотом.

Любовь Гордеевна. Ты, Митя, придешь к нам ужо вечером?

Митя. Приду-с.

Разлюляев. И я приду. Я больно плясать горазд. *(Становится фертом.)* Девушки, полюбите меня кто-нибудь.

Маша. Как вам не стыдно! Что это вы такое говорите!

Разлюляев. Что ж такое за важность! Я говорю: полюбите меня... да... за мою простоту.

Лиза. Этого не говорят девушкам. А вы должны сами дожидаться, чтобы вас полюбили.

Разлюляев. Да, дождешься от вас, как же! *(Пляшет.)*

Как гусара не любить!

Любовь Гордеевна *(взглянув на Митю)*. Может быть, кто-нибудь и любит кого-нибудь, да не скажет: надобно самому догадаться.

Лиза. Какая же девушка в мире может сказать это!

Маша. Конечно.

Анна Ивановна *(подходит к ним и поглядывает то на Любовь Гордеевну, то на Митю и запевает)*.

Уж и как это видно,
Коли кто кого любит —
Против милого садится,
Тяжеленько вздыхает.

Митя. На чей счет это принимать нужно?

Анна Ивановна. Уж мы знаем, на чей.

Разлюляев. Стойте, девушки, я вам песню спою.

Анна Ивановна. Спой, спой!

Разлюляев *(поет протяжно)*.

Летал медведь по поднебесью...

Анна Ивановна. А ты хуже этой-то не знаешь?

Лиза. Даже можно принять это в насмешку.

Разлюляев. А коли эта нехороша, я вам другую спою; я ведь веселый. *(Поет.)*

Ах, бей в доску,
Поминай Москву!
Москве хочется жениться —
Коломну взять.
А Тула-то хохочет,
Да в приданое не хочет!
А гречиха по четыре,
Крупа по сороку,
Вот просо у нас гривна,
А ячмень три алтына.

(Обращаясь к девушкам.)

Вздешевел бы и овес —
Больно дорого провоз!

Видите, погода какова!

Маша. Это к нам не относится.

Лиза. Мы мукой не торгуем.

Анна Ивановна. Да ты что пристал! Ты вот отгадай загадку. Что такое: кругла — да не девка; с хвостом — да не мышь?

Разлюляев. Это штука мудреная.

Анна Ивановна. То-то мудреная!.. Вот ты и думай! Ну, девушки, пойдемте.

Девушки встают и собираются идти.

Анна Ивановна. Парни, пойдемте.

Гуслин и Разлюляев собираются.

Митя. А я после приду. Я тут уберу кой-что.

Анна Ивановна *(пока собираются)*.

Вечор девки,
Вечор красны,
Вечор девки пиво варивали.
Зашел к девкам,
Зашел к красным,
Зашел к девкам да незваный гость.

Анна Ивановна за дверью пропускает всех, исключая Любови Гордеевны, затворяет дверь и не пускает ее.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Митя и Любовь Гордеевна.

Любовь Гордеевна *(у двери)*. Перестаньте, не дурачьтесь.

За дверью девичий смех.

Не пускают!.. Ах, какие! *(Отходит от двери.)* Баловницы, право!..

Митя *(подавая стул)*. Присядьте, Любовь Гордеевна, побеседуйте минуточку. Я очень рад, видемши вас у себя.

Любовь Гордеевна *(садится)*. Чему ж тут радоваться, я не понимаю.

Митя. Да как же-с!.. Мне оченно приятно-с видеть с вашей стороны такое внимание, сверх моих для вас заслуг. Вот уж другой раз я имею счастие-с...

Любовь Гордеевна. Ну, что ж! Пришла, посидела и ушла, в этом важности не состоит. Я, пожалуй, и сейчас уйду.

Митя. Ах, нет, не уходите-с!.. Для чего же-с! *(Вынимает из кармана бумагу.)* Позвольте мне презентовать вам мой труд... как умею, от души.

Любовь Гордеевна. Это что такое?

Митя. Собственно для вас сочинил стихи.

Любовь Гордеевна *(стараясь скрыть радость)*. Еще, может быть, глупость какая-нибудь... не сто́ит читать.

М и т я. Этого я не могу судить, потому как сам я это писал и притом не учимшись.

Л ю б о в ь Г о р д е е в н а. Прочитай!

М и т я. Сейчас-с. *(Садится подле стола и берет бумагу; Любовь Гордеевна подвигается к нему очень близко.)*

Не цветочек в поле вянет, не былинка —
Вянет, сохнет добрый молодец-детинка.
Полюбил он красну девицу на горе,
На несчастьице себе да на большое.
Понапрасну свое сердце парень губит,
Что неровнюшку девицу парень любит:
Во темну ночь красну солнцу не всходити,
Что за парнем красной девице не быти.

Л ю б о в ь Г о р д е е в н а *(сидит несколько времени задумавшись)*. Дай сюда. *(Берет бумагу и прячет, потом встает.)* Я тебе сама напишу.

М и т я. Вы-с?

Л ю б о в ь Г о р д е е в н а. Только стихами я не умею, а так, просто.

М и т я. За великое счастие почту для себя ваше такое одолжение-с. *(Дает бумагу и перо.)* Извольте-с.

Л ю б о в ь Г о р д е е в н а. Жаль только, что скверно пишу-то. *(Пишет; Митя хочет заглянуть.)* Только ты не смотри, а то я брошу писать и изорву.

М и т я. Я не буду смотреть-с. Но вы позвольте мне на ваше снисхождение соответствовать тем же, сколь могу, и написать для вас стихи вторично-с.

Л ю б о в ь Г о р д е е в н а *(положив перо)*. Пиши, пожалуй... Только пальцы все выпачкала; кабы знала, лучше бы не писала.

М и т я. Пожалуйте-с.

Л ю б о в ь Г о р д е е в н а. На, возьми. Только ты не смей читать при мне, а прочти после, когда я уйду. *(Складывает бумажку и отдает ему; он прячет в карман.)*

М и т я. Будет по вашему желанию-с.

Л ю б о в ь Г о р д е е в н а *(встает)*. Придешь к нам наверх?

М и т я. Приду-с... сию минуту-с.

Л ю б о в ь Г о р д е е в н а. Прощай.

М и т я. До приятного свидания-с.

Любовь Гордеевна идет к дверям; из дверей выходит Л ю б и м К а р п ы ч.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Любим Карпыч.

Любовь Гордеевна. Ах!

Любим Карпыч *(указывая на Любовь Гордеевну)*. Стой! Что за человек? По какому виду? За каким делом? Взять ее под сумнение.

Любовь Гордеевна. Это вы, дяденька!

Любим Карпыч. Я, племянница! Что, испугалась! Ступай, не бось! Я не доказчик, а кладу все в ящик, разберу после, на досуге.

Любовь Гордеевна. Прощайте! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Митя и Любим Карпыч.

Любим Карпыч. Митя, прими к себе купеческого брата Любима Карпова сына Торцова.

Митя. Милости просим.

Любим Карпыч *(садится)*. Брат выгнал! А на улице, в этом бурнусе, немного натанцуешь! Морозы... время крещенское — бррр!.. И руки-то озябли, и ноги-то ознобил — бррр!

Митя. Погрейтесь, Любим Карпыч.

Любим Карпыч. Ты меня не прогонишь, Митя? А то ведь замерзну на дворе-то... как собака замерзну.

Митя. Как можно, что это вы говорите!..

Любим Карпыч. Ведь вот брат выгнал же. Ну, пока деньжонки были, шлялся кой-где по теплым местам; а денег нет — нигде не пускают. А и денег-то было два франка да несколько сантимов! Не велик капитал! Каменный дом не выстроишь!.. Деревню не купишь!.. Как же надо поступить с этим капиталом? Куда его деть? Не в ломбард его несть! Вот я этот капитал взял да пропил, промотал. Туда ему и дорога!

Митя. Зачем же вы пьете, Любим Карпыч? Через это вы сами себе враг!

Любим Карпыч. Зачем я пью?.. От глупости! Да, от своей от глупости. А ты думал, от чего?

Митя. Так вы лучше перестаньте.

Любим Карпыч. Нельзя перестать: на такую линию попал.

Митя. Какая же это линия?

Любим Карпыч. А вот слушай ты, живая душа, какая это линия. Только ты слушай да на ус мотай. Остался я после отца, видишь ты, мал-малехонек, с коломенскую версту, лет двадцати несмышленочек. В голове-то, как в пустом чердаке, ветер так и ходит! Разделились мы с братом: себе он взял заведение, а мне дал деньгами, да билетами, да векселями. Ну, уж как он там разделил — не наше дело, бог ему судья. Вот я и поехал в Москву по билетам деньги получать. Нельзя не ехать! Надо людей посмотреть, себя показать, высокого тону набраться. Опять же я такой прекрасный молодой человек, а еще свету не видывал, в частном доме не ночевывал. Надобно до всего дойти! Первое дело, оделся франтом, знай, дескать, наших! То есть такого-то дурака разыгрываю, что на редкость! Сейчас, разумеется, по трактирам... Шпилен зи полька, дайте еще бутылочку похолоднее. Приятелей, друзей завелось, хоть пруд пруди! По театрам ездил...

Митя. А ведь это, должно быть, Любим Карпыч, очень хорошо в театре представляют.

Любим Карпыч. Я все трагедию ходил смотреть: очень любил, только не видал ничего путем и не помню ничего, потому что больше все пьяный. *(Встает.)* «Пей под ножом Прокопа Ляпунова!» *(Садится.)* Таким-то пóбытом деньжонки все я ухнул; что осталось, поверил приятелю Африкану Коршунову на божбу да на честное слово; с ним же я пил да гулял, он же всему беспутству заводчик, главный заторщик из бражного, он же меня и надул, вывел на свежую воду. И сел я, как рак на мели: выпить не на что, а выпить-то хочется. Как тут быть? Куда бежать, тоску девать? Продал платье, все свои модные штуки, взял бумажками, разменял на серебро, серебро на медные, а там только пшик, да и все тут!

Митя. Как же вы жили, Любим Карпыч?

Любим Карпыч. Как жил? Не дай бог лихому татарину. Жил в просторной квартире, между небом и землей. ни с боков, ни сверху нет ничего. Людей стыдно, от свету хоронишься, а выйти на божий свет надобно: есть нечего. Идешь по улице, все на тебя смотрят... Все видели, какие я штуки выделывал, на лихачах с градом закатывал, а теперь иду оборванный да обдерганный, небритый... Покачают голо-

вами, да и прочь пойдут. Срамота, срамота, срамота! *(Сидит повеся голову.)* Есть ремесло хорошее, коммерция выгодная — воровать. Да не гожусь я на это дело — совесть есть, опять же и страшно: никто этой промышленности не одобряет.

М и т я. Последнее дело!

Л ю б и м К а р п ы ч. Говорят, в других землях за это по талеру плотят, а у нас добрые люди по шеям колотят. Нет, брат, воровать скверно! Это штука стара, ее бросить пора... Да ведь голод-то не тетка, что-нибудь надобно делать! Стал по городу скоморохом ходить, по копеечке собирать, шута из себя разыгрывать, прибаутки рассказывать, артикулы разные выкидывать. Бывало, дрожишь с утра раннего в городе, где-нибудь за углом от людей хоронишься да дожидаешься купцов. Как приедет, особенно кто побогаче, выскочишь, сделаешь колено, ну и даст, кто пятачок, кто гривну. Что наберешь, тем и дышишь день-то, тем и существуешь.

М и т я. Вы бы лучше, Любим Карпыч, к брату ехали, чем так жить-то.

Л ю б и м К а р п ы ч. Нельзя, втянулся. Эх, Митя, попадешь на эту зарубку — не скоро соскочишь. Да ты не перебивай, твоя речь впереди. Ну, вот слушай! Простудился я в городе — зима-то стояла холодная, а я вот в этом пальтишке щеголял, в кулаки подувал, с ноги на ногу перепрыгивал. Свезли меня добрые люди в больницу. Как стал я выздоравливать да в рассудок приходить, хмелю-то нет в голове — страх на меня напал, ужасть на меня нашла!.. Как я жил? Что я за дела делал? Стал я тосковать, да так тосковать, что, кажется, умереть лучше. Так уж решился, как совсем выздоровею, так сходить богу помолиться да идти к брату, пусть возьмет хоть в дворники. Так и сделал. Бух ему в ноги!.. Будь, говорю, вместо отца! Жил так и так, теперь хочу за ум взяться. А ты знаешь, как брат меня принял! Ему, видишь, стыдно, что у него брат такой. А ты поддержи меня, говорю ему, оправь, обласкай, я человек буду. Так нет, говорит, куда я тебя дену. Ко мне гости хорошие ездят, купцы богатые, дворяне; ты, говорит, с меня голову снимешь. По моим чувствам и понятиям мне бы совсем, говорит, не в этом роду родиться. Я, видишь, говорит, как живу: кто

может заметить, что у нас тятенька мужик был? С меня, говорит, и этого стыда довольно, а то еще тебя на шею навязать. Сразил он меня, как громом! С этих-то слов я опять стал зашибаться немного. Ну, да, я думаю, бог с ним, у него вот эта кость очень толста. *(Показывает на лоб.)* Ему, дураку, наука нужна. Нам, дуракам, не впрок богатство, оно нас портит. С деньгами нужно обращаться умеючи... *(Дремлет.)* Митя, я полежу у тебя, мне соснуть хочется.

Митя. Прилягте, Любим Карпыч.

Любим Карпыч *(встает)*. Митя, ты мне денег не давай... то есть много не давай, а немножко дай. Я вот сосну, да схожу погреться немного, понимаешь!.. Только я немного... ни-ни!.. Будет дурачиться.

Митя *(вынимает деньги)*. Вот, извольте, сколько вам нужно.

Любим Карпыч *(берет)*. Гривенник надо. Тут все серебро, мне серебра больше не надо. Ты дай мне еще семитку, вот и будет в настоящий такт.

Митя дает.

Вот и довольно. Добрая ты душа, Митя! *(Ложится.)* Брат не умеет ценить тебя. Ну, да я с ним штуку сделаю. Дуракам богатство — зло! Дай умному человеку деньги, он дело сделает. Я походил по Москве-то, я все видел, все... Большую науку произошел! А дураку лучше денег не давай, а то он заломается... фу, фу, фу, трр!.. вот как брат, да как я, скотина... *(Полусонным голосом.)* Митя, я ночевать к тебе приду.

Митя. Приходите. Теперь контора пустая... праздники...

Любим Карпыч *(засыпая)*. А я с братом смешную штуку сделаю. *(Засыпает.)*

Митя *(подойдя к двери, вынимает письмо из кармана)*. Что-то тут? Боюсь!.. Руки дрожат!.. Ну, уж что будет, то будет — прочитаю. *(Читает с расстановкой.)* «И я тебя люблю. Любовь Торцова». *(Схватывает себя за голову и убегает.)*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Гостиная в доме Торцова. У задней стены диван, перед диваном круглый стол и шесть кресел, по три на стороне; в левом углу дверь; на стенах по зеркалу и под ними маленькие столики; в боковых стенах по двери и дверь на задней в углу. На сцене темно; из левой двери свет.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Любовь Гордеевна и Анна Ивановна входят из двери освещенной.

Анна Ивановна. Что ж это они не идут, соколы-то наши?.. Не сходить ли за ними?

Любовь Гордеевна. Нет, не надо. А то, пожалуй, сходи. *(Обнимает ее.)* Сходи-ка, Аннушка.

Анна Ивановна. Что, видно, защемило сердечко-то?

Любовь Гордеевна. Ах, Аннушка, как я его люблю-то, кабы ты знала!..

Анна Ивановна. А ты, девка, люби, да ума не теряй. Не давай повадки, чтоб не было оглядки. Посмотри прежде хорошенько, каков парень-то.

Любовь Гордеевна. Парень-то хороший... Больно уж он мне по сердцу, такой тихий да сиротливый.

Анна Ивановна. Ну, а коли хорош, так люби, тебе ближе знать. Я ведь так говорю, к примеру. Мало ли нашей сестры от них плачутся. Долго ль до греха, не спросившись-то ума-разума.

Любовь Гордеевна. Что наша любовь? Как былинка в поле: не расцветет путем — да и поблекнет.

Анна Ивановна. Постой-ка, девушка, никак кто-то идет. Не он ли? Я пойду, а ты подожди, может, это и он... Потолкуете по душе. *(Уходит.)*

Входит Митя.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Любовь Гордеевна и Митя.

Любовь Гордеевна. Кто там?

Митя. Я-с, Митя.

Любовь Гордеевна. Что ж ты так долго не шел?

Митя. Меня задержали-с. *(Подходит.)* Любовь Гордеевна, вы одне-с?

Л ю б о в ь Г о р д е е в н а. Одна. А что?

М и т я. Любовь Гордеевна, как прикажете понимать вашу записку, в правду или в шутку-с?

Любовь Гордеевна молчит.

Скажите, Любовь Гордеевна! Я теперича нахожусь в таком сумнении, что не могу этого вам выразить. Положение мое в вашем доме вам известно-с: от всякого зависим, от Гордея Карпыча я, можно сказать, пренебрежен совсем; у меня только и было одно чувство что к вам-с: если же от вас я буду принят в насмешку, значит, лучше мне не жить на свете-с. Это вы поверьте душе моей. Я вам истину говорю-с.

Л ю б о в ь Г о р д е е в н а. Нет, Митенька, я тебе в правду написала, а не в шутку. А ты меня любишь?

М и т я. Конечно, Любовь Гордеевна, я не умею вам всего выразить, что чувствую; но хоша тем позвольте вас заверить, что я имею у себя сердце, а не камень. Вы можете мою любовь видеть изо всего-с.

Л ю б о в ь Г о р д е е в н а. А я думала, что ты любишь Анну Ивановну.

М и т я. Это не правда-с.

Л ю б о в ь Г о р д е е в н а. Право, мне так сказывали.

М и т я. Если б это была правда, значит, что же я за человек после этого! Могу ли я выразить словами то, чего сердце не чувствует! А я считаю так, что это бесчестно. Я и того, может быть, не стою, что вы ко мне внимание имеете, а не то что вас обмануть.

Л ю б о в ь Г о р д е е в н а. Вам нельзя верить: все мужчины на свете обманщики.

М и т я. Пущай же их обманщики, но только не я.

Л ю б о в ь Г о р д е е в н а. Почем знать! Может быть, и ты обманываешь, хочешь насмешку надо мной сделать.

М и т я. Легче бы мне, кажется, умереть на этом месте, чем слышать от вас такие слова! *(Отворачивается.)*

Л ю б о в ь Г о р д е е в н а. Нет, Митя, я нарочно. Я знаю, что ты меня любишь; мне только так хотелось пошутить с тобой.

Митя молчит.

Митенька, Митя... Что ж ты молчишь? Ты рассердился на меня? Я ведь говорю тебе, что шучу, Митя! Да ну же, скажи что-нибудь. *(Берет его за руку.)*

М и т я. Эх, Любовь Гордеевна, не шутки у меня на уме! Не такой я человек.

Л ю б о в ь Г о р д е е в н а. Да не сердись.

М и т я. Ты, коли любишь, эти шутки брось! Не к месту они. Эх, пропадай моя голова! *(Обнимает ее.)* Разве силой возьмут, волей не отдам. Я за тебя, Люба, душу положу!

Л ю б о в ь Г о р д е е в н а *(прижимаясь к нему)*. Митенька, как же нам быть-то теперь?

М и т я. Как быть? Не на то уж мы слюбились, чтоб расставаться.

Л ю б о в ь Г о р д е е в н а. А ну как да меня сговорят за кого-нибудь?

М и т я. А вот что, Люба: одно слово — надоть идти завтра к Гордею Карпычу нам вместе, да в ноги ему. Так и так, мол, на все ваша воля, а нам друг без друга не жить. Да уж коль любишь друга, так забудь гордость!

Л ю б о в ь Г о р д е е в н а. Какая гордость, Митенька! До гордости ли теперь! Ты, Митенька, не сердись на меня, не попомни моих прежних слов: это только девичья глупость была одна, я винюсь перед тобой! Не шутки с тобой шутить, а приласкать бы мне тебя, бедного, надо было. *(Прилегает к нему на грудь.)* А ну как тятенька да не захочет нашего счастия, что тогда?

М и т я. Что загадывать вперед, там как бог даст. Не знаю, как тебе, а мне без тебя жизнь не в жизнь!

Молчание.

Л ю б о в ь Г о р д е е в н а. Идет кто-то!.. Ступай, голубчик, потихоньку, а я после приду.

М и т я тихо уходит; А р и н а входит со свечой; Любовь Гордеевна идет к ней навстречу.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

А р и н а, Л ю б о в ь Г о р д е е в н а и потом Е г о р у ш к а.

А р и н а. Ну тебя! Перепугала совсем. Что ты тут делаешь? Маменька там ищет тебя, а ты вот где. Чтой-то в потемках-то бродишь! Ишь ты, скромница, несмеяна царевна.

Л ю б о в ь Г о р д е е в н а уходит.

Уж и в самом деле не было ль тут кого с ней. *(Смотрит по углам.)* И я-то, дура, на кого подумала! *(Зажигает свечи.)* Ведь ишь ты, грех-то какой придет на старости лет.

Егорушка входит.

Поди, Егорушка, позови соседних девушек. Скажи, мол, Пелагея Егоровна приказала звать песни петь.

Егорушка. Ой! Что ты, Аринушка, матушка! *(Пляшет.)*

Арина. Чему ж ты рад-то, глупый!

Егорушка. Еще б не радоваться, этакое веселье! Ай, ай, ай!.. *(Прыгает.)*

Арина. Еще, может, ряженые будут; молодцы нарядиться хотели.

Егорушка. Ай, умру! Батюшки, умру!

Арина. Да что ты, постреленок?

Егорушка. Да со смеху умру; смешлив я больно, бабушка!

Арина. А ты сам нарядись.

Егорушка. Наряжусь, наряжусь! Ай, батюшки, ай, ай, ай!

Арина. Да ты беги поскорей за девками-то.

Егорушка. В секунт! *(Уходит.)*

Входит Пелагея Егоровна.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Арина и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна. Аринушка, послала ты за девушками-то?

Арина. Послала, матушка.

Пелагея Егоровна. То-то. Пусть попоют с нашими-то, Любушку с гостьями потешат. По тех пор и веселиться-то, пока молоды... да, известно, дело девичье, всё взаперти да взаперти, свету не видят... Ну, а теперь их праздник... да, уж пусть их, пусть их!

Арина. Что ж, матушка, что ж! Пускай их, что ж!

Пелагея Егоровна. Да мадерки, Аринушка, мадерки-то... постарше которым; ну, а молодым-то пряничков, конфеток, там что знаешь... да! Сама уж,

сама уж догадайся. Да мадерки-то, Аринушка, не забудь.

Арина. Знаю, матушка, знаю. Уж всего будет довольно. Сейчас, матушка, сейчас.

Пелагея Егоровна. Да молодцам-то закусочки.

Арина. Все, все, матушка, будет. Уж ты не беспокойся, ты поди к гостям-то, а я уж все в удовольствие сделаю. *(Уходит.)*

Пелагея Егоровна *(подойдя к двери)*. Девушки, молодцы, подите сюда, тут попросторней да посветлее.

Входят: Любовь Гордеевна, Маша, Лиза, Анна Ивановна, Разлюляев, Митя, Гуслин и две гостьи: 1-я и 2-я.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Пелагея Егоровна, Любовь Гордеевна, Маша, Лиза, Анна Ивановна, Разлюляев, Митя, Гуслин и две гостьи-старухи: 1-я и 2-я.

Пелагея Егоровна *(старухам)*. А мы вот здесь усядемся.

Садится на диван, старухи подле нее; Анна Ивановна и Гуслин садятся на стулья и говорят тихо; Митя стоит подле них; Маша, Любовь Гордеевна и Лиза ходят по зале обнявшись; Разлюляев ходит за ними.

Поглядим на них, пусть их играют.

Лиза. Я говорю: представьте, маменька, он не имеет никакой политики в разговоре и даже такие слова говорит, что совсем неучтиво.

Разлюляев. Это не в наш ли огород?

Лиза. Не об вас речь; ваше дело сторона. *(Продолжает.)* Но за что же, маменька, я должна его любить... *(Говорит шепотом.)*

Пелагея Егоровна. Я, матушка, люблю по-старому, по-старому... да, по-нашему, по-русскому. Вот муж у меня не любит; что делать, характером такой вышел. А я люблю, я веселая... да... чтоб попотчевать, да чтоб мне песни пели... да, в родню в свою: у нас весь род веселый... песельники.

1-я гостья. Как я посмотрю, матушка Пелагея Егоровна, нет того веселья, как прежде, как мы-то были молоды.

2-я гостья. Нету, нету.

Пелагея Егоровна. Я молодая-то была первая затейница — и попеть, и поплясать — уж меня взять... да... что песен знала! Уж теперь таких и не поют.

1-я гостья. Нет, не поют, все новые пошли.

2-я гостья. Да, да, вспомянешь старину-то.

Пелагея Егоровна. Яшенька, спой-ка какую-нибудь песенку старенькую.

Гуслин берет гитару.

Разлюляев *(девушкам)*. Стало быть, уж мне и не дожидаться; видно, от вас никакого толку не будет.

Лиза. Какого вам толку, я не понимаю.

Маша. Даже смешно слышать.

Разлюляев. Да, вам смешно, а мне-то каково? За что, в самом деле, не любите?

Любовь Гордеевна. Сядемте.

Садятся.

Гуслин *(поет)*.

За реченькой, за быстрою
Четыре двора;
В этих ли во двориках
Четыре кумы.
Вы, кумушки, голубушки,
Подружки мои,
Кумитеся, любитеся,
Любите меня.
Пойдете вы в зеленый сад —
Возьмите меня;
Вы станете цветочки рвать —
Сорвите и мне;
Вы станете веночки плесть —
Сплетите и мне;
Пойдете на реченьку —
Возьмите меня;
Вы станете венки бросать —
Вы бросьте и мой.
Как все венки по сверх воды,
А мой потонул;
Как все дружки домой пришли,
А мой не пришел.

Арина *(входит с бутылками, стаканами и девушка с закусками)*. Вот, матушка, я принесла.

Пелагея Егоровна *(девушке)*. Попотчуй барышень-то.

Девушка обносит девиц, ставит поднос на стол и уходит.

Пелагея Егоровна *(Арине.)* А вино-то ты дай сюда. Да налей, налей мадерки-то, мадерки-то... Повеселей будет. Что ж, ничего, выпьем. Нас не осудят — мы старухи, да...

Пьют.

Аннушка, поди выпей винца. Выпьешь, что ли?

Анна Ивановна. Вота, что ж не выпить! Говорят, без людей не пей, а при людях нужды нет. *(Подходит к Пелагее Егоровне, пьет и разговаривает потихоньку.)*

Арина. Молодцы, что ж вы осовели?

Митя. Я не пью-с.

Разлюляев. Можно! *(Подходит с Гуслиным и пьет, потом, ухватив Арину.)* Ну-ка, тряхнем стариной! *(Поет.)*

Эх, тряхону ль я старину
Про Ерему, про Фому...

Арина. Отстань, озорник, изломал всю!

Разлюляев *(поет)*.

Ах, вожжи во Калуге,
Хомут во Тарусе,
Сани с подрезами,
Едут они сами.

Девушки смеются.

Арина. Отвяжись, говорят!.. Ну-те совсем! *(Уходит.)*

Анна Ивановна. Да ты что старуху-то теребишь, давай со мной.

Разлюляев. Ну, давай! Играй, Яша!

Яша играет, они пляшут.

1-я гостья. Веселая бабочка-то.

Пелагея Егоровна. Веселая, веселая.

Разлюляев *(топнув ногой)*. У нас вот как! *(Перестает плясать.)*

Егорушка *(входит)*. Девушки пришли.

Пелагея Егоровна. Ну, зови их.

Егорушка уходит; девушки входят; Арина приносит блюдо и покрывает.

Садитесь-ка, садитесь, да запойте подблюдные, я их очень люблю.

Любовь Гордеевна, Маша, Лиза и Анна Ивановна снимают кольца и кладут на блюдо; девушки запевают.

Сей, мати, мучицу,
Пеки пироги.
  Слава!
К тебе будут гости,
Ко мне женихи.
  Слава!
К тебе будут в лаптях,
Ко мне в сапогах.
  Слава!
Кому спели —
Тому добро.
  Слава!
Кому вынется —
Тому сбудется.
  Слава!

Разлюляев засучивает рукава, вынимает кольцо, отдает Любови Гордеевне.

Пелагея Егоровна. Пора уж, пора.

Девушки *(запевают)*.

Сидит воробей
На Беле-городе.
  Слава!
На Беле-городе,
На высокой стене.
  Слава!
Глядит воробей
На чужу сторону.
  Слава!
Кому вынется —
Тому сбудется.
  Слава!

Арина *(входит)*. Ряженые пришли; прикажете пустить?

Пелагея Егоровна. Что ж, пусти, пусть попляшут. А вы, девушки, после попоете.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и ряженые: старик с балалайкой или гитарой, вожак с медведем и козой, Егорушка с патокой.

Старик *(кланяется)*. Всей честно́й беседе поклон.

Вожак. Кланяйся, Мишка.

Медведь кланяется.

Старик. Прика́жите попеть, поплясать, позабавить, свои старые косточки поправить.

П е л а г е я Е г о р о в н а. Что ж, ничего, попляшите. Попотчуй их, Аринушка, винцом.

Арина подносит вино; некоторые пьют.

С т а р и к. Благодарим покорно на ласковом слове да на потчеванье. *(Запевает.)*

Как уж наши молодцы,
Хоть голы, да удалы!
Они сукна ткут
Во двенадцать рук.
Они сукна переткали —
Всем кафтаны перешивали.
Нам не дороги кафтаны,
Были б денежки в кармане.
Целковые по мошнам
Не дают спать по ночам;
Медны денежки гремят —
Во кабак идти велят.
Целовальничек Андрей,
Отпирай кабак скорей:
У нас новый кафтан есть,
Мы заложим его здесь,
Не домой же его несть.

(Отходит в сторону.)

Е г о р у ш к а *(пляшет с патокой)*.

Ах, патока, патка,
Варёная, сладка!
Зима, зимушка зима!
Студена больно была!
Больно вьюжливая
И мятельливая —
Все дорожки замети,
Нельзя к миленькой пройти.
Ах, патока, патка,
Варёная, сладка!
Сидит моя жёнка,
Ровно перепелка!
Я за то ее люблю,
За то почитаю,
Что цопорно ходит,
Хорошо гуляет.

(Кланяется.)

1-я г о с т ь я. Ишь ты какой молодец!.. а!

П е л а г е я Е г о р о в н а. Что ж, матушка, по детству, как умеет. Ведь ребенок еще. Поди сюда, Егорушка.

Егорушка подходит.

На́ тебе прянички... *(Дает.)*

Е г о р у ш к а кланяется и уходит.

П е л а г е я Е г о р о в н а. Да... ребенок еще, что с него взять-то!

Вожак водит медведя; коза пляшет.

С т а р и к *(поет)*.

Как у нас-то козел
Что за умный был:
Сам и по воду ходил,
Сам и кашу варил —
Деда с бабкой кормил.
Как пошел наш козел,
Он во темный лес,
Как навстречу козлу
Да семь волков:
Как один-то волк,
Он голодный был,
Он три года ходил,
Все козлятинки просил.

В о ж а к *(медведю)*. Проси вина, поминать козла.

Медведь кланяется.

П е л а г е я Е г о р о в н а. Аринушка, попотчуй ряженых-то.

Арина подносит; они пьют и кланяются.

В о ж а к. А ну-ка, Мишенька, потешь честны́х господ. А как красные девицы, молодые молодицы белятся, румянятся, на молодцов поглядывают, женихов выглядывают.

Медведь ломается.

А как старая старушка на работу идет, сгорбимшись, съежимшись, пришибла ее старость, одолела ее древность.

Медведь ломается.

Ну, поклонись теперь честны́м господам.

Отходят.

Старик играет на гитаре, прочие ряженые пляшут; все на них смотрят; Гуслин и Митя стоят подле Любови Гордеевны; Митя шепчет ей что-то и целует; Разлюляев подходит.

Р а з л ю л я е в. Это ты что делаешь?

М и т я. А тебе что за дело?

Р а з л ю л я е в. Вот я Пелагее-то Егоровне скажу, дай срок!

Митя. Ты у меня пикни только.

Гуслин *(наступает на него)*. Ты смотри у меня! Нам ведь вместе идти отсюда; дело-то ночное, а переулок-то у вас глухой,— так ты попомни это!

Разлюляев. Что вы пристали? К чему? Я жениться хочу на ней, хочу свататься. Что, взяли! Да, женюсь!

Митя. Увидим.

Разлюляев. Так за тебя, что ль, отдадут? Как же, держи карман-то!.. А у нас денег много!..

Арина. Ведь ишь ты, шум какой!.. Перестаньте вы!.. Никак кто-то стучит...

Все прислушиваются.

Так и есть... стучат.

Пелагея Егоровна. Отопри поди.

Арина *(уходит, потом возвращается)*. Сам приехал!

Все встают.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, Гордей Карпыч и Коршунов.

Гордей Карпыч *(к ряженым)*. Это что за сволочь!.. Вон! *(К жене.)* Жена! Пелагея Егоровна! Принимай гостя. *(Тихо.)* Зарезала ты меня!

Пелагея Егоровна. Милости просим, Африкан Савич, милости просим.

Коршунов. Здравствуйте, Пелагея Егоровна... Хе, хе, хе!.. Да у вас веселье! Вот как мы впору попали.

Пелагея Егоровна. А я вот с девушками... Да, все с девушками. Что ж, святки; дочку потешить хочется.

Гордей Карпыч. Милости просим, Африкан Савич, без церемонии.

Африкан Савич садится на кресло к столу.

(К жене.) Гони девок-то вон.

Коршунов. За что их гнать! Кто ж девушек гонит... Хе, хе, хе!.. Они попоют, а мы послушаем да посмотрим на них, да еще денег дадим, а не то что гнать.

Гордей Карпыч. Как тебе угодно, Африкан Савич! Мне только конфузно перед тобою! Но ты не заключай из этого про наше необразование — вот все жена. Никак не могу вбить ей в голову. *(К жене.)* Сколько

раз говорил я тебе: хочешь сделать у себя вечер, позови музыкантов, чтобы это было во всей форме. Кажется, тебе ни в чем отказу нет.

Пелагея Егоровна. Ну уж, куда нам музыкантов... старухам. Это уж вы забавляйтесь.

Гордей Карпыч. Вот какие у них понятия об жизни! Даже, я думаю, тебе смешно слушать.

Пелагея Егоровна. Да что понятия, понятия! Ты бы вот лучше попотчевал гостя. Не угодно ли, Африкан Савич, винца с нами, со старухами. *(Наливает мадеры.)*

Гордей Карпыч *(строго)*. Жена! С ума, что ль, ты сошла в самом деле? Не видывал Африкан Савич твоей мадеры-то! Шампанского вели подать... полдюжины... да проворней. Да вели зажечь свечи в гостиной, что новая небель поставлена. Там совсем другой ефект будет.

Пелагея Егоровна. Сейчас сама все сделаю. *(Встает.)* Аринушка, пойдем. Извините, соседушки.

1-я гостья. Э, матушка, и мы с тобой пойдем. Уж нам и ко дворам пора.

2-я гостья. Пора, пора! Ночи темные, собаки по переулкам лихие.

1-я гостья. Ох, лихи, лихи!..

Раскланиваются со всеми и уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Гордей Карпыч, Коршунов, Любовь Гордеевна, Анна Ивановна, Маша, Лиза, девушки, Митя, Гуслин и Разлюляев

Коршунов. Пойдем к барышням. Где это ты таких красавиц подобрал... Хе! *(Подходит к Любови Гордеевне.)* Здравствуйте, Любовь Гордеевна, красавица вы моя!

Любовь Гордеевна кланяется.

Примите меня в свою компанию.

Любовь Гордеевна. Мы никого от себя не гоним.

Анна Ивановна. Садитесь, так гости будете.

Коршунов. Сухо принимаете старичка. Нынче дни святочные, и поцеловаться, чай, можно.

Анна Ивановна. Зачем эти нежности заводить.

Коршунов. Гордей Карпыч, можно с дочкой поцеловаться? А я, признаться... хе, хе... до этого охотник. Да ведь и кто ж не любит!.. Хе, хе!..

Гордей Карпыч. Сделай милость, без церемонии.

Коршунов. Поцелуемтесь, барышня.

Любовь Гордеевна. Если тятеньке угодно... *(Целуется.)*

Коршунов. Ну, да уж со всеми по порядку. *(Подходит к Анне Ивановне.)*

Анна Ивановна. Я, пожалуй! Я не спесива.

Маша. Ах, стыд какой!..

Лиза. Ну уж, нечего сказать, велика приятность.

Гордей Карпыч *(подходя к Мите)*. Ты зачем? Разве здесь твое место? Залетела ворона в высокие хоромы!

Митя, Гуслин и Разлюляев уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Гордей Карпыч, Коршунов, Любовь Гордеевна, Анна Ивановна, Маша, Лиза и девушки.

Коршунов *(садясь подле Любови Гордеевны)*. Я, Любовь Гордеевна, не в вас: вы меня и поцеловать не хотели, хе, хе, хе, а я вам подарочек принес.

Любовь Гордеевна. Напрасно беспокоились.

Коршунов. Вот я вам бриллиантик привез, хе, хе... *(Отдает.)*

Любовь Гордеевна *(смотрит)*. Это серьги! Покорно вас благодарю.

Анна Ивановна. Покажи-ка.

Маша. Но это прелестно!

Лиза. И с большим вкусом!

Коршунов. Дайте мне вашу ручку-то. *(Берет и целует.)* Я вас ведь очень люблю, хе, хе, хе, очень люблю, а ведь вы меня, чай, не любите, а?

Любовь Гордеевна. За что ж мне вас не любить?

Коршунов. За что! Другого любите кого-нибудь, вот за что. А вы меня полюбите, я человек хороший, веселый, хе, хе, хе...

Любовь Гордеевна. Я не знаю, что вы говорите.

Коршунов. Я говорю: полюбите меня. Что ж, я еще не стар... *(Смотрит на нее.)* Али старенек?

хе, хе, хе... Ну, что ж, не беда. Зато будете в золоте ходить. У меня ведь деньжонок-то нет, я человек бедный... Так каких-нибудь сот пять тысяч... хе, хе, хе, серебром!.. *(Берет за руку.)*

Любовь Гордеевна *(вставая)*. Не нужно мне ваших денег.

Гордей Карпыч. Любовь, куда ты?

Любовь Гордеевна. Я к маменьке!

Гордей Карпыч. Останься; она сюда придет.

Любовь Гордеевна садится.

Коршунов. Не хотите со стариком-то посидеть. Дайте мне ручку, барышня, я поцелую.

Любовь Гордеевна *(дает руку)*. Ах, боже мой!

Коршунов. Ручка-то какая! хе, хе, хе... бархатная! *(Гладит своею рукой и потом надевает бриллиантовый перстень.)*

Любовь Гордеевна *(освобождая руку)*. Ах, оставьте меня, не надо мне, не надо.

Коршунов. Ничего, мне это не убыток, авось, не разорит.

Любовь Гордеевна. Да мне-то не надо. Дарите, кому хотите. *(Снимает и отдает.)*

Коршунов. Дают, так назад не берут... хе, хе, хе!

Входят: Пелагея Егоровна, за ней Арина и Егорушка с вином и стаканами.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Пелагея Егоровна, Арина и Егорушка.

Гордей Карпыч. Пойдем-ка выпьем.

Коршунов. Ну, Гордей Карпыч, потчуй, а вы, девки, величайте меня. Я почет люблю.

Пелагея Егоровна. Девушки, повеличайте.

Гордей Карпыч *(откупоривает, наливает и подносит)*. Дорогому гостю, Африкану Савичу. Кланяйся, жена!

Пелагея Егоровна. Пожалуйте, Африкан Савич, просим покорно.

Коршунов берет.

Гордей Карпыч *(берет стакан)*. Жена, выпей.

Пелагея Егоровна. Ох, не люблю я что-то этого вина-то... ну, да уж выпью стаканчик.

Девушки *(запевают)*.

А кто у нас холост,
Да кто не женатый?
Ах, люленьки люли
Да кто не женатый?
Африкан-от холост,
Савич не женатый.
На коня садится,
Под ним конь бодрится,
К лугам подъезжает —
Луга зеленеют,
Цветы расцветают.

Коршунов *(садясь подле Любови Гордеевны)*. Вот это хорошо, это я люблю. Ну-ка, подойди сюда которая-нибудь. *(Девушка подходит, он ее треплет по щеке.)* Ишь ты, востроглазая какая! Ведь вам, девушкам, чай, много надобно на белила на белые, на румяна на алые... хе, хе, хе... а у меня денег нет, за мной будет... хе, хе, хе... Держи фартук. *(Сыплет ей деньги, мелочь; девушка кланяется и уходит.)* Ну, что же, Гордей Карпыч, скажи жене-то, зачем мы приехали.

Гордей Карпыч. Я тебе, жена, давно говорил, что мне в здешнем городе жить надоело, потому на каждом шагу здесь можешь ты видеть как есть одно невежество и необразование. Для того я хочу переехать отселева в Москву. А у нас там будет не чужой человек,— будет зятюшка Африкан Савич.

Пелагея Егоровна *(встает)*. Ах, ах, что вы?

Коршунов. А уж мы, Пелагея Егоровна, по рукам ударили... Что вы так испугались, я ее не съем.

Пелагея Егоровна. Ах, ах, батюшки! *(Хватает дочь.)* Моя дочь! Не отдам!

Гордей Карпыч. Жена!

Пелагея Егоровна. Батюшка, Гордей Карпыч, не шути над материнским сердцем!.. Перестань!.. Истомил всю душу.

Гордей Карпыч. Жена, ты меня знаешь!.. Ты, Африкан Савич, не беспокойся: у меня сказано — сделано.

Коршунов. Обещал, так держи слово. *(Встает, подходит к девушкам и говорит с ними тихо.)*

Любовь Гордеевна *(подходит к отцу)*. Тятенька! Я из твоей воли ни на шаг не выду. Пожалей ты меня, бедную, не губи мою молодость!..

Гордей Карпыч. Ты, дура, сама не понимаешь своего счастья. В Москве будешь по-барски жить, в каретах будешь ездить. Одно дело — ты будешь жить на виду, а не в этакой глуши; а другое дело — я так приказываю.

Любовь Гордеевна. Я приказу твоего не смею ослушаться. Тятенька! *(Кланяется в ноги.)* Не захоти ты моего несчастья на всю мою жизнь!.. Передумай, тятенька!.. Что хочешь меня заставь, только не принуждай ты меня против сердца замуж идти за немилого!..

Гордей Карпыч. Я своего слова назад не беру. *(Встает.)*

Любовь Гордеевна. Твоя воля, батюшка! *(Кланяется и отходит к матери.)*

Коршунов. Вот и делу конец! Ну-ка, девушки, свадбишную.

Девушки *(поют)*.

Поблекнут все цветики во саду,
Завянут лазоревы в зеленом,
Мой миленький, аленький без меня.
Вставай-ка ты, матушка, раненько,
Поливай все цветики частенько,
Утренней, вечернею зарей,
А еще своей горючею слезой.

Любовь Гордеевна. Не ту, не ту, запойте другую.

Гордей Карпыч. Пойдем, Африкан Савич, в гостиную. Жена! Приходите все туда.

Любовь Гордеевна. Куда мне деваться-то!..

Гордей Карпыч. Арина, перенеси вино.

Арина. Ох, постой, не до тебя. Дитятко ты мое!.. Девушки, голубушки, вот какую запоемте. *(Запевает.)*

Ты родимая моя матушка!
В день денна моя печальница,
В ночь ночная богомольница,
Векова моя сухотница!
Прогляди ты очи ясные,
На свою на дочку глядючи,
На свою на дочь любимую,
Во последний раз, в останешний!

Л ю б о в ь Г о р д е е в н а. В останешний.

В продолжение этой песни Г о р д е й К а р п ы ч и К о р ш у н о в уходят; Любовь Гордеевна в объятиях матери, подруги окружают ее.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Небольшая комната в доме Торцова, заставленная разного рода шкафами, сундуками и этажерками с посудой и серебром; мебель: диваны, кресла, столы, все очень богато и поставлено тесно. Вообще эта комната составляет род кабинета хозяйки, откуда она управляет всем домом и где принимает своих гостей запросто. Одна дверь в залу, где обедают гости, другая во внутренние комнаты.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

А р и н а сидит на стуле у двери в залу; подле нее несколько д е в у ш е к и ж е н щ и н.

А р и н а *(указывая в залу)*. Не ждали-то, матушки, не чаяли! Налетел ястребом, как снег на голову, вырвал нашу лебедушку из стада лебединого, от батюшки, от матушки, от родных, от подруженек. Не успели и опомниться!.. Уж и что это на белом свете деется! Люди-то нынче пошли злы-обманчивы, лукавы-подходчивы. Обошел Гордея Карпыча да тем, да другим, ровно туманом каким, а тот-то, на старости, да польстись на его богачество! Красоту-то нашу писаную да за старого, за постылого и сговорили. Вон она, моя голубушка, сидит — на свет не глядит. Ох, тошнехонько мне! На то ль я тебя выходила да вынянчила, на своих руках выносила, как птичку какую в хлопочках берегла!.. А еще недавнушко мы с ней так-то вот растолковалися. Не отдадим, говорю, тебя, дитятко, за простого человека; разве какой королевич из чужих земель наедет, да у ворот в трубу затрубит. А вот и не вышло по-нашему. Вон он, разлучитель-то наш, сидит, толстый да губастый! Ишь на нее поглядывает да посмеивается — любо ему! О, чтоб тебе пусто было! Ну, вот покушали, встают, ступайте за дело. *(Встает со стула.)*

Ж е н щ и н ы уходят. Входит П е л а г е я Е г о р о в н а.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Арина и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна. Поди-ка ты, Аринушка, пособи со стола сбирать... да... А я отдохну, посижу — устала.

Арина. Как не устать, родная ты моя, день-деньской на ногах, молоденькая ли ты!..

Пелагея Егоровна *(садится на диван)*. Ох!.. Да самовар-то чтоб туда подали в девичью, большой... который самый-то большой. Да сыщи Аннушку, пошли ко мне.

Арина. Слушаю, слушаю.

Пелагея Егоровна. Да... поди, поди... Ох, моченьки моей нет!

Арина уходит.

Всю головушку разломило! Горе-то горем, а тут хлопоты еще. Да, да, хлопот-то что! ай, ай, ай! Сбилась с ног, совсем сбилась! Дела-то много, а в голове все не то... И там нужно, и здесь нужно, а ухватиться не знаю за что... Право... да .. *(Садится задумавшись.)* Какой это жених, какой жених... ах, ах, ах!.. Где тут любви ждать!.. На богатство, что ли, она польстится!.. Она теперь девушка в самой поре, сердчишко ведь тоже, чай, бьется иногда. Ей бы теперь хоть бедненького, да друга милого... Вот бы и житье... вот бы и рай...

Анна Ивановна входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Пелагея Егоровна и Анна Ивановна.

Пелагея Егоровна. На-ка тебе ключи-то от чаю. Поди разлей гостям-то; ну, да там все, что нужно, уж сама знаешь! Я-то уж ноги отходила, а тебе что — ты бабочка молоденькая... да... послужи.

Анна Ивановна. Что ж не послужить, не велика работа, руки не отвалятся. *(Берет ключи.)*

Пелагея Егоровна. Вон там в шкапу чай-то, в ящичке, в красненьком.

Анна Ивановна отпирает и достает ящичек. Митя входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Митя.

Пелагея Егоровна. Что тебе, Митенька, надобно?

Митя *(сдерживая слезы)*. Я-с... я-с, Пелагея Егоровна, за всю вашу ласку и за все ваши снисхождения и даже чего, может быть, и не стою... как вы, по сиротству моему, меня не оставляли и вместо матери... я... вами должен быть всю жизнь благодарен и завсегда богу молить-с. *(Кланяется в ноги.)*

Пелагея Егоровна. Да что ты, Митя?

Митя. Благодарю вас за все-с. Теперича прощайте, Пелагея Егоровна! *(Встает.)*

Пелагея Егоровна. Куда ж ты?

Митя. К матушке хочу ехать-с.

Пелагея Егоровна. На долго ли же ты едешь?

Митя. Да я у хозяина отпросился на праздники, а уж надо так полагать, что я там вовсе останусь.

Пелагея Егоровна. За что ты это, Митя, нас бросить хочешь?

Митя *(переминаясь)*. Да так уж!.. Уж что же... я уж так порешился.

Пелагея Егоровна. А когда же ты едешь?

Митя. Сегодня в ночь. *(Молчание.)* Так думаю, может, до ночи-то с вами не увидишься, так я проститься пришел.

Пелагея Егоровна. Ну, что ж, Митя, коли тебе так надобно... Мы тебя не держим, бог с тобой... Прощай...

Митя *(кланяется в ноги Пелагее Егоровне, целуется с нею и с Анной Ивановной, потом так кланяется и останавливается)*. Надо бы и с Любовью Гордеевной проститься... Что ж, ведь в одном доме жили... Либо жив буду, либо нет...

Пелагея Егоровна. Да, надо, надо. Что ж, простись, простись!.. Аннушка, поди покличь Любушку.

Анна Ивановна *(покачав головой)*. «Один ведет за рученьку, другой за другу, третий стоит, слезы ронит, любил, да не взял». *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Пелагея Егоровна и Митя.

Пелагея Егоровна. А у нас-то, Митенька, какое горе-то! Как его размыкать-размотать, не придумаю... Ровно меня громом ошибло, в себя не приду.

Митя. Кто же теперича этому виноват-с, не на кого вам плакаться, Пелагея Егоровна-с, сами отдаете.

Пелагея Егоровна. Сами... сами... да, сами отдаем. Ох, только не моя, Митя, воля; кабы моя воля была, нешто б я отдала! Что я, разве враг ей!

Митя. Человек-то, как по наслышке, не больно-то завидный. Ничего хорошего, окромя дурного, не слыхать.

Пелагея Егоровна. Знаю, Митенька, знаю.

Митя. А ведь уж теперича, по этим слухам, надо так сказать, что, должно быть, Любови Гордеевне за этаким человеком, и притом же в отдаленности, совсем погибать надобно-с.

Пелагея Егоровна. Ох, уж не говори ты мне, не говори... и без тебя тошнехонько. Глаза-то все проглядела, на нее глядючи! Хоть бы теперь-то наглядеться на нее про запас. Точно я ее хоронить собираюсь.

Митя *(почти плача)*. Так это что ж такое! Нешто этак-то делают? Ведь она, чай, ваша родная дочь!..

Пелагея Егоровна. Кабы не родная, так я бы и не плакала и не убивалася, не надрывалось бы мое сердце на ее на слезы.

Митя. Чем плакать-то, не отдавали б лучше. За что девичий век заедаете, в кабалу отдаете? Нешто это не грех? Ведь, чай, вам за нее надоть будет богу ответ дать.

Пелагея Егоровна. Знаю я, все знаю, да говорю ж я тебе, что не моя воля. Что ты пристал ко мне? Мне и без тебя тошно, а ты еще меня расстроиваешь. А ты бы, Митя, пожалел меня!

Митя. Оно так-с, Пелагея Егоровна, да не переносно мне это горе-то; может, тяжельше, чем вам. Я такую в вас веру, Пелагея Егоровна, взял, что все равно, как матушке своей родной откроюсь. *(Утирает глаза платком.)* Вечор-то, как у вас вечеринка-то была... *(Слезы мешают говорить.)*

Пелагея Егоровна. Ну, ну, говори, говори...

М и т я. Ну, вот и столковались мы с ней в потемочках, чтобы идти нам с ней к вам, матушка, да к Гордею Карпычу, просить вас низменно: благословите, дескать, нас, а нам уж друг без друга не жить *(утирает слезы)*; а нынче вдруг поутру слышу... опустились мои рученьки!..

П е л а г е я Е г о р о в н а. Что ты?!

М и т я. Вот перед истинным, Пелагея Егоровна.

П е л а г е я Е г о р о в н а. Ах ты, сердечный! Экой ты горький паренек-то, как я на тебя посмотрю!

Входит Л ю б о в ь Г о р д е е в н а.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Т е ж е и Л ю б о в ь Г о р д е е в н а.

П е л а г е я Е г о р о в н а. Вот, Любушка, Митя проститься пришел: он едет от нас к матушке к своей.

М и т я *(кланяется)*. Прощайте, Любовь Гордеевна!.. Не поминайте лихом!

Л ю б о в ь Г о р д е е в н а. Прощай, Митя! *(Кланяется.)*

П е л а г е я Е г о р о в н а. Поцелуйтесь на прощанье-то, ведь, может, не приведет бог и свидеться... да... что ж такое!

Митя и Любовь Гордеевна целуются; она садится на диван и плачет. Митя тоже плачет.

Будет, будет вам плакать-то! Вы меня с ума сведете!

М и т я. Эх, пропадай моя голова! Уж была не была! *(Подходит к Пелагее Егоровне.)* Пелагея Егоровна, жаль вам дочь отдавать за старого аль нет?

П е л а г е я Е г о р о в н а. Кабы не жаль, так бы я не плакала.

М и т я. Прикажите говорить, Пелагея Егоровна!

П е л а г е я Е г о р о в н а. Говори.

М и т я. Вот моя речь какая: соберите-ка вы ее да оденьте потеплее ужотко. Пусть выйдет потихоньку: посажу я ее в саночки-самокаточки, да и был таков! Не видать тогда ее старому, как ушей своих, а моей голове заодно уж погибать! Увезу ее к матушке, да и повенчаемся. Эх! Дайте душе простор — разгуляться хочет! По крайности, коли придется и в ответ идти, так уж то буду знать, что потешился.

Пелагея Егоровна. Что ты, что ты, беспутный!

Любовь Гордеевна. Что ты, Митя, выдумал!

Митя. Стало, не любишь? Аль разлюбила?

Любовь Гордеевна. Да ты говоришь-то что-то страшно!

Пелагея Егоровна. Что ты, беспутный, выдумал-то! Да кто ж это посмеет такой грех на душу взять... да... опомнись... что ты!

Митя. Ведь я говорю: коли жаль; а коли не жаль, так отдавайте за Африкана Савича, закабалите на веки вечные. Сами же, глядя на ее житье горемычное, убиваться станете. Спохватитесь вы с Гордей-то Карпычем, да уж поздно будет.

Пелагея Егоровна. Да как же без отцовского-то благословения! Ну, как же, ты сам посуди?

Митя. Конечно, без благословения что за житье! Так уж благословите вы, Пелагея Егоровна, все равно-с... *(становится на колени)* а Гордей Карпыч, может... и сам по времени как-нибудь...

Пелагея Егоровна. Как же мне быть-то с вами! Я совсем с ума сошла... да... помешалася. Ничего не знаю, не помню... да, да... головушка моя закружилася... Горько, горько моему сердцу, голубчики!..

Любовь Гордеевна *(подходит к Мите)*. Нет, Митя, не бывать этому! Не томи себя понапрасну, перестань! *(Поднимает его.)* Не надрывай мою душу! И так мое сердце все изныло во мне. Поезжай с богом. Прощай!

Митя. За что ж ты меня обманывала, надо мной издевалася?

Любовь Гордеевна. Полно ты, Митя. Что мне тебя обманывать, зачем? Я тебя полюбила, так сама же тебе сказала. А теперь из воли родительской мне выходить не должно. На то есть воля батюшкина, чтоб я шла замуж. Должна я ему покориться, такая наша доля девичья. Так, знать, тому и быть должно, так уж оно заведено исстари. Не хочу я супротив отца идти, чтоб про меня люди не говорили да в пример не ставили. Хоть я, может быть, сердце свое надорвала через это, да по крайности я знаю, что я по закону живу, никто мне в глаза насмеяться не смеет. Прощай!

Целуются.

М и т я. Ну, знать, не судьба!

Любовь Гордеевна садится на диван и плачет.

Прощай! *(Кланяется Пелагее Егоровне.)* Прощайте, Пелагея Егоровна, благодетельница вы моя! Век не забуду вашей ласки да милости ко мне: не забывали сироту на чужой стороне.

П е л а г е я Е г о р о в н а. Прощай, голубчик, не осуди нас в чем, грех тебе будет. Дай бог тебе счастливо... а мы тебя не забудем.

М и т я кланяется и уходит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

П е л а г е я Е г о р о в н а и Л ю б о в ь Г о р д е е в н а и потом К о р ш у н о в.

П е л а г е я Е г о р о в н а. Что, Любушка, жаль парня-то! Эко, девушка... ах! А мне и невдомек, что ты его полюбила-то. Да и где мне, старухе, догадаться... Да что ж я? Вот поплакать наше дело, а власти над дочерью никакой не имею! А хорошо бы! Полюбовалась бы на старости. Парень-то такой простой, сердцем мягкий, и меня-то бы, старуху, любил. Уж как погляжу я на тебя, девушка, как тебе не грустить!.. да помочь-то мне тебе, сердечная, нечем!

Л ю б о в ь Г о р д е е в н а. Ну, маменька, что там и думать, чего нельзя, только себя мучить. *(Сидит молча.)*

Стучат; голос Коршунова: «Можно войти?»

П е л а г е я Е г о р о в н а. Войдите, батюшка.

К о р ш у н о в *(входя)*. А! вот она, невеста-то моя, куда спряталась... хе... найду, везде найду. Позвольте-ка нам, Пелагея Егоровна, с вашей дочкой по секрету поговорить о своих делах.

П е л а г е я Е г о р о в н а. Изволь, батюшка. *(Уходит.)*

К о р ш у н о в *(садится подле Любови Гордеевны)*. Об чем это плакать-то, сударыня? Стыдно, стыдно... хе... хе... хе... Вот я и постарше, да не плачу... *(Смотрит на нее проницательно.)* Я ведь знаю, об чем: чай, за молоденького хочется? Так ведь это, миленькая вы моя *(берет руку и целует)*, глупость одна девичья. Вот послушайте-ка, что я вам скажу...

я правду буду говорить, начисто, обманывать не люблю, мне не из чего. Станете слушать, а?

Любовь Гордеевна. Говорите.

Коршунов. Хорошо-с. Вот начнем хоть с этого. Молодой-то разве оценит, что вы его полюбите, а? Молодого-то ведь всякая полюбит, ему это не в диковинку, а старику-то дорого. Старик-то за любовь и подарочком, и тем, и сем, и золотом, и бархатом — и не знает, чем утешить. *(Целует у нее руки.)* А в Москве хороших вещей в магазинах много, есть что подарить. Так вот старика-то и хорошо полюбить... Вот вам раз... А то вот еще что бывает с молодым-то мужем да с хорошим-то: ведь они народ ветреный, глядишь, и приволокнется за кем-нибудь на стороне, либо в него какая-нибудь сударынька влюбится, а жена-то сохни... Пойдут попреки да ревность... А что такое ревность, а? хе... хе... хе... Знаете ли вы, сударыня, что такое ревность?

Любовь Гордеевна. Нет, не знаю.

Коршунов. А я знаю... Это не то, что иголкой пальчик уколоть,— гораздо побольней будет. Ведь она, проклятая, сушит человека. От ревности-то режут друг друга, мышьяком отравляются! *(Смеется судорожно и с кашлем.)* А в старика-то кто влюбится? Стало быть, жене-то и покойно. Да еще вот что скажу вам, драгоценная моя барышня: молодые-то загуливать любят, веселости, да развлечения, да дебоши разные, а жена-то сиди дома одна, жди его до полуночи. А приедет-то пьяненький, заломается, заважничает. А старик-то все подле жены так и будет сидеть; умирать будет — прочь не отойдет. Да все бы в глазки глядел, да все бы ласкал, да ручки бы целовал... *(Целует.)* Вот так.

Любовь Гордеевна. А вас та жена... покойная любила?

Коршунов *(смотрит на нее пристально)*. А вам, сударыня, зачем это?

Любовь Гордеевна. Так, хотелось знать.

Коршунов. Знать хотелось?.. *(Встает.)* Нет, не любила, да и я не любил ее. Она и не стоила того, чтоб ее любить-то. Я ее взял бедную, нищую, за красоту только за одну; все семейство ее призрел; спас отца из ямы; она у меня в золоте ходила.

Любовь Гордеевна. Любви золотом не купишь.

Коршунов. Люби не люби, да почаще взглядывай. Им, видишь ты, деньги нужны были, нечем было жить: я давал, не отказывал; а мне вот нужно, чтоб меня любили. Что ж, я волён этого требовать или нет? Я ведь за то деньги платил. На меня грех пожаловаться: кого я полюблю — тому хорошо жить на свете; а уж кого не полюблю, так не пеняй! *(Разгорячаясь, ходит.)* Да, я враг тому человеку, уж лучше беги с моих глаз долой! я словом да взглядом, пуще чем делом, доеду; я проходу... отдыху... не дам человеку... я... *(Останавливается и хохочет.)* А вы и в самом деле подумали, что я такой злой?.. хе... хе... Это я нарочно, так шучу! Я простой, я добрый старик... А уж вас-то я буду на руках носить *(припевает)*, в люлечке качать, приговаривать... *(Целует у ней руки.)*

Гордей Карпыч входит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Любовь Гордеевна, Коршунов и Гордей Карпыч.

Гордей Карпыч. А, вот где зятюшка-то! А мы тебя ищем. Мы уже там за шампанею принялись. Пойдем-ка к гостям, у нас без тебя и пир не в пир.

Коршунов. Мне и здесь хорошо.

Гордей Карпыч. Ну, так мы велим сюда подать да здесь, значит, с тобой и разопьем. *(Подходит к двери.)* Эй, малой! дай сюда вина! На серебряном подносе. *(Садится.)* Ну, зятюшка, что скажешь?

Коршунов. Ничего.

Гордей Карпыч. Как ничего?

Коршунов. Так ничего.

Гордей Карпыч. Нет-таки, однако? *(Смотрит на него.)* Можешь ты меня теперь понимать?

Коршунов. Как не понимать.

Гордей Карпыч. Вот мы теперь подгуляли маненько, так ты мне скажи откровенно, что я за человек? Могут ли меня здесь оценить?

Коршунов. Где ж им оценить.

Гордей Карпыч. Нет, ты вот что скажи: все у меня в порядке? В другом месте за столом-то прислуживает молодец в поддевке либо девка, а у меня фицыянт в нитяных перчатках. Этот фицыянт, он уче-

ный, из Москвы, он все порядки знает: где кому сесть, что делать. А у других что! Соберутся в одну комнату, усядутся в кружок, песни запоют мужицкие. Оно, конечно, и весело, да я считаю так, что это низко, никакого тону нет. Да и пьют-то что, по необразованию своему! Наливки там, вишневки разные... а и не понимают они того, что на это есть шампанское! Ох, если б мне жить в Москве али бы в Питербурхе, я бы, кажется, всякую моду подражал!

Коршунов. Неужто всякую?

Гордей Карпыч. Всякую. Сколько б хватило моего капиталу, а уж себя б не уронил. Ты, Любовь, у меня смотри, веди себя аккуратно, а то жених-то, ведь он московский, пожалуй, осудит. Ты, чай, и ходить-то не умеешь, и говорить-то не понимаешь, где что следует.

Любовь Гордеевна. Я, тятенька, говорю, что чувствую; я в пансионе не училась.

Входит официант и подает вино Коршунову и Гордею Карпычу; ставит бутылки на стол и уходит.

Гордей Карпыч. Так-то, зятюшка! Вот и пусть их знают, каков Гордей Карпыч Торцов!

Входит Егорушка.

Егорушка. Дяденька, Гордей Карпыч, пожалуйте сюда-с.

Гордей Карпыч. Что тебе?

Егорушка. Пожалуйте: история вышла-с. *(Смеется.)*

Гордей Карпыч. Что там?

Егорушка. Да дяденька Любим Карпыч вошли.

Гордей Карпыч. Зачем пускали?

Егорушка. Им, должно быть, в голову вступило, никак не удержим. *(Хохочет.)*

Гордей Карпыч. Что же он делает?

Егорушка. Гостей разгоняет-с. *(Хохочет.)* Вы, говорит, рады чужой хлеб есть... Я, говорит, тоже хозяин... я, говорит... *(Хохочет.)*

Гордей Карпыч. Тсс... Снял он мою голову! *(Уходит с Егорушкой.)*

Коршунов. Что это там у них?

Любовь Гордеевна. Не знаю. Должно быть, дяденька что-нибудь... На него иногда находит.

Входят: Разлюляев, Маша и Лиза.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Любовь Гордеевна, Коршунов, Разлюляев, Маша и Лиза.

Пелагея Егоровна *(в дверях)*. Где братец-то?.. Где Любим Карпыч-то? Что он наделал — беда!

Любовь Гордеевна. Его здесь нет, маменька.

Пелагея Егоровна уходит.

Разлюляев. Вот так раз! Славные штучки Любим Карпыч отмачивает! ха... ха... ха!.. Такие пули отливает, что только люли!

Лиза. Совсем не смешно, одно невежество!

Маша. Я просто не знала, куда деваться от стыда.

Садятся на диван.

Входит Любим Карпыч.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Любим Карпыч.

Лиза. Ах, боже мой, опять!

Маша. Это ужасно!

Разлюляев. Ха, ха, ха!..

Любим Карпыч. Гур, гур, гур... буль, буль буль!.. С пальцем девять, с огурцом пятнадцать!.. Приятелю! *(Протягивает руку Коршунову.)* Наше вам-с!.. Тысячу лет со днем не видались! Как поживаете?

Коршунов. А, это ты, Любим?

Любим Карпыч *(загораживая лицо руками)*. Я не я, и лошадь не моя, и я не извозчик.

Коршунов. Я тебя, братец, помню: ты по городу ходил, по копеечке сбирал.

Любим Карпыч. Ты помнишь, как я по копеечке сбирал; а помнишь ли ты, как мы с тобой погуливали, осенние темные ночи просиживали, из трактира в погребок перепархивали? А не знаешь ли ты, кто меня разорил, с сумой по миру пустил?

Коршунов. А ты сам чего зевал? Ведь тебя за ворот не тянули, любезный. Сам виноват.

Любим Карпыч. Я-то дурак, да ведь и тебе не велика честь! Ты меня так возвеличил, в такое звание возвел, что вот я ничего не украл, а людям в глаза глядеть совестно!

Коршунов. Ты все такой же шутник! *(Обращаясь к Любови Гордеевне.)* Весельчак дядюшка-то у вас. Видно уж, по старому знакомству, дать ему целковенький.

Любим Карпыч. Тсс... Тут не целковым пахнет! Отдай старый долг, а за племянницу миллион триста тысяч!.. Дешевле не отдам.

Коршунов *(смеется)*. Уступки не будет?

Любим Карпыч. Ни копейки!

Разлюляев. Ай да Любим Карпыч! Меньше и не бери.

Входит Гордей Карпыч.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Гордей Карпыч.

Гордей Карпыч. А, ты здесь! Что ты со мной делаешь? Вон сейчас!

Коршунов. Погоди, Гордей Карпыч, не гони, что его гнать! Пусть поломается, пошутит. Хе, хе, хе!..

Любим Карпыч. Это брат шутит-то, что за тебя дочь отдает, а я сшучу с тобой такую шутку, что будет тебе не по желудку!

Гордей Карпыч. Ему тут не место. Ступай вон!

Любим Карпыч. Брат, погоди, не гони! Ты думаешь, Любим Торцов пришел шутки шутить, паясничать, ты думаешь, пьян Любим Торцов? Я пришел вам загадки загадывать. *(Коршунову.)* Отчего у осла длинные уши? Ну-ка, давай ответ!

Разлюляев. Вот так задача!

Коршунов. Почем я знаю.

Любим Карпыч. Для того, чтобы все знали, что он осел. *(Брату.)* Вот тебе задача: за кого ты дочь отдаешь?

Гордей Карпыч. Это не твое дело! Ты меня не смеешь спрашивать.

Любим Карпыч. А вот тебе еще вопрос: честный ты купец или нет? Коли ты честный — не водись с бесчестным, не трись подле сажи — сам замараешься.

Коршунов. А ты шути, да не забывайся, любезный!.. Выгони его или вели ему замолчать.

Любим Карпыч. Это про тебя!.. Видно, ты чист, как трубочист!

Гордей Карпыч. Брат, уйди честью, а не то худо.

Любовь Гордеевна (*вскакивает в испуге*). Дяденька, перестаньте!

Любим Карпыч. Не замолчу! теперь кровь заговорила!

Все домашние и гости входят.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же и Пелагея Егоровна, Анна Ивановна, Гуслин, гости, гостьи и прислуга.

Любим Карпыч. Послушайте, люди добрые! Обижают Любима Торцова, гонят вон. А чем я не гость? За что меня гонят? Я не чисто одет, так у меня на совести чисто. Я не Коршунов: я бедных не грабил, чужого веку не заедал, жены ревностию не замучил... Меня гонят, а он первый гость, его в передний угол сажают. Что ж, ничего, ему другую жену дадут: брат за него дочь отдает! Ха, ха, ха! (*Хохочет трагически.*)

Коршунов (*вскакивает*). Не верьте ему, он врет: он это по злобе на меня говорит, спьяну.

Любим Карпыч. Что за злоба! Я тебе давно простил. Я человек маленький, червяк ползущий, ничтожество из ничтожеств! Ты другим-то зла не делай!

Гордей Карпыч (*прислуге*). Уведите его!

Любим Карпыч (*поднимая один палец кверху*). Сс... Не трогать! Хорошо тому на свете жить, у кого нету стыда в глазах!.. О, люди, люди! Любим Торцов пьяница, а лучше вас! Вот теперь я сам пойду. (*Обращаясь к толпе.*) Шире дорогу — Любим Торцов идет! (*Уходит и тотчас возвращается.*) Изверг естества! (*Уходит.*)

Коршунов (*принужденно хохочет*). Так этакой-то у тебя порядок в доме! Этакие ты моды завел: у тебя пьяные гостей обижают! Хе, хе, хе! Я, говорит, в Москву поеду, меня здесь не понимают. В Москве-то уж такие дураки повывелись, там смеются над ними. Зятюшка, зятюшка! Хе, хе, хе! Любезный тестюшка! Нет, шалишь, я даром себя обидеть не позволю. Нет, ты теперь приди-ка ко мне да покланяйся, чтоб я дочь-то твою взял.

Гордей Карпыч. Я к тебе пойду кланяться?

Коршунов. Пойдешь, я тебя знаю. Тебе нужно свадьбу сделать, хоть в петлю лезть, да только б весь город удивить, а женихов-то нет. Вот несчастье-то твое! Хе, хе, хе!

Гордей Карпыч. Опосля этого, когда ты такие слова говоришь, я сам тебя знать не хочу! Я отродясь никому не кланялся. Я, коли на то пошло, за кого вздумается, за того и отдам! С деньгами, что я за ней дам, всякий человек будет...

Входит Митя и останавливается в дверях.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же и Митя.

Митя *(обращаясь к толпе)*. Что такое за шум-с?

Гордей Карпыч. Вот за Митьку отдам!

Митя. Чего-с?

Гордей Карпыч. Молчи! Да... за Митьку отдам... завтра же! Да такую свадьбу задам, что ты и не видывал: из Москвы музыкантов выпишу, один в четырех каретах поеду.

Коршунов. Посмотрим, посмотрим. Придешь прощенья просить, придешь! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Те же без Коршунова.

Пелагея Егоровна. За кого, Гордей Карпыч, ты сказал?

Гордей Карпыч. За Митьку... Да! Ишь, разважничался! Точно я хуже его! «Пойдешь кланяться!» Врет он, не пойду кланяться! Назло ему, за Митрия отдам.

Все удивлены.

Митя *(берет Любовь Гордеевну за руку и подходит к Гордею Карпычу)*. Зачем же назло, Гордей Карпыч? Со злом такого дела не делают. Мне назло не надобно-с. Лучше уж я всю жизнь буду мучиться. Коли есть ваша такая милость, так уж вы благословите нас, как следует — по-родительски, с любовию. Как любим мы друг друга, и даже до этого случаю хо-

тели вам повиниться... А уж я вам, вместо сына, то есть, завсегда всей душой-с.

Гордей Карпыч. Что, что всей душой? Ты уж и рад случаю! Да как ты смел подумать-то? Что она, ровня, что ль, тебе? С кем ты говоришь, вспомни!

Митя. Я оченно хорошо знаю, что вы мой хозяин и что я, по бедности своей, не могу быть им ровней; но, впрочем, судите, как хотите, я весь тут-с: я вашу дочку полюбил душою-с.

Входит Любим Карпыч и становится в толпе.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Те же и Любим Карпыч.

Гордей Карпыч. Как, чай, не любить! У тебя губа-то не дура! За ней ведь денег много, так тебе голому-то на голодные зубы хорошо.

Митя. Для меня столь обидно от вас это слышать, что я не имею слов-с. Лучше молчать. *(Отходит.)* Извольте, Любовь Гордеевна, вы говорить-с.

Любовь Гордеевна. Я, тятенька, вашей воле не перечила! Коли хотите вы моего счастия, отдайте меня за Митю.

Пелагея Егоровна. Что это и в самом деле, Гордей Карпыч, капризничаешь... да! Что в самом деле! Я было уж обрадовалась, насилу-то от сердца отлегло, а ты опять за свое. Уж говори что-нибудь одно, а то что это такое... право. То скажешь — за одного, то за другого. Что она тебе на мытарство, что ли, досталась?

Любим Карпыч *(из толпы)*. Брат, отдай Любушку за Митю.

Гордей Карпыч. Ты опять здесь! Да ты понимаешь ли, что ты со мной нынче сделал? Ты меня оконфузил на весь город! Кабы ты чувствовал это, ты бы не смел и на глаза-то мне показываться, а ты еще с советами лезешь! Уж пускай бы говорил человек, да не ты.

Любим Карпыч. Да ты поклонись Любиму Торцову в ноги, что он тебя оконфузил-то.

Пелагея Егоровна. Именно, Любимушка, надо тебе в ноги поклониться... да... именно. Снял ты с нашей души грех великий; не замолить бы его нам.

Г о р д е й К а р п ы ч. Что ж, я изверг, что ли, какой в своем семействе?

П е л а г е я Е г о р о в н а. Изверг не изверг, а погубил было дочь-то из-за своей из глупости... Да! Я тебе от простоты моей скажу. Отдают за стариков-то и не Африкану Савичу чета, да и то горе мычут.

Л ю б и м К а р п ы ч. Пустите меня! *(Поет.)* Трум-ту-тум, трум-ту-тум! *(Пляшет.)* Посмотри на меня, вот тебе пример — Любим Торцов перед тобой живой стоит. Он по этой дорожке ходил — знает, какова она! И я был богат и славен, в каретах ездил, такие штуки выкидывал, что тебе и в голову не придет, а потом верхним концом да вниз. Вот погляди, каков я франт!

Г о р д е й К а р п ы ч. Ты мне что ни говори, я тебя слушать не хочу, ты мне враг на всю жизнь.

Л ю б и м К а р п ы ч. Человек ты или зверь? Пожалей ты и Любима Торцова! *(Становится на колени.)* Брат, отдай Любушку за Митю — он мне угол даст. Назябся уж я, наголодался. Лета мои прошли, тяжело уж мне паясничать на морозе-то из-за куска хлеба; хоть под старость-то да честно пожить. Ведь я народ обманывал: просил милостыню, а сам пропивал. Мне работишку дадут; у меня будет свой горшок щей. Тогда-то я бога возблагодарю. Брат! и моя слеза до неба дойдет. Что он беден-то! Эх, кабы я беден был, я бы и человек был. Бедность не порок.

П е л а г е я Е г о р о в н а. Гордей Карпыч, неужли в тебе чувства нет?

Г о р д е й К а р п ы ч *(утирает слезу)*. А вы и в самом деле думали, что нет? *(Поднимает брата.)* Ну, брат, спасибо, что на ум наставил, а то было свихнулся совсем. Не знаю, как и в голову вошла такая гнилая фантазия. *(Обнимает Митю и Любовь Гордеевну.)* Ну, дети, скажите спасибо дяде Любиму Карпычу да живите счастливо.

Пелагея Егоровна обнимает детей.

Г у с л и н. Дяденька, теперь и мне можно?

Г о р д е й К а р п ы ч. Можно, можно. Просите все, кому что нужно: теперь я стал другой человек.

Г у с л и н. Ну, Аннушка, дождались и мы с тобой.

А н н а И в а н о в н а. Ну, теперь пойдет у нас пляска, только держи шапку.

Пелагея Егоровна. Уж попляшем, попляшем.

Разлюляев *(подходит к Мите и ударяет его по плечу)*. Митя!.. Для приятеля... все жертвую... Сам любил, а для тебя... жертвую. Давай руку. *(Ударяет по руке.)* Одно слово... бери, значит, жертвую для тебя... Для друга ничего не жаль! Вот как у нас, коли на то пошло! *(Утирается полой и целует Митю.)* А это он правду говорит: пьянство не порок... то бишь — бедность не порок... Вот всегда проврусь.

Пелагея Егоровна. Ах, да вот и все тут! *(К девушкам.)* Ну-ка, девушки, веселенькую... да, веселенькую... Уж мы теперь свадьбу-то по душе отпируем, по душе...

Девушки начинают запевать.

Любим Карпыч. Тсс... Слушай команду! *(Запевает; девушки подтягивают.)*

У нас дело-то сделано...
По рукам у нас ударено,
Быть сговору-девишнику,
Быть девичьему вечеру.

Народная драма в трех действиях

НЕ ТАК ЖИВИ, КАК ХОЧЕТСЯ

ЛИЦА:

ИЛЬЯ ИВАНЫЧ
зажиточный купец.

ПЕТР
его сын.

ДАША
жена Петра.

АФИМЬЯ
их тетка.

АГАФОН
мещанин из уездного города.

СТЕПАНИДА
его жена.

ВАСЯ
молодой купеческий сын.

СПИРИДОНОВНА
содержательница постоялого двора.

ГРУША
ее дочь.

ЕРЕМКА
кузнец.

ЯКОВ
ямщик.

ИВАН
молодец в доме Петра.

ДЕВУШКИ И ПАРНИ.

Действие происходит в Москве в конце XVIII столетия, на маслянице. Содержание взято из народных рассказов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена представляет русскую комнату; налево два окна; прямо дверь и направо дверь; по стенам лавки, на левой стороне деревянный стол и скамья.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Афимья и Даша.

Афимья. Чует, чует мое сердце!.. не добро оно чует!.. Да чему и быть-то хорошему? Ни миру, ни ладу в семье! Знать, уж бог вовсе отступился от нас, глядючи на наше непутное житье. За грех за какой-нибудь наказанье экое Петру Ильичу, да за наше неумоление. И на чужого-то смотреть на беспутного сердце мрет, а то, легкое ли дело, свое детище!.. да еще женатый!.. Хорошо, что мать-то бог прибрал, а то каково бы ей на это глядеть-то!.. отцу супротивник, жену замучил!.. В кого такой уродился? Теперь дни прощеные, и чужие мирятся, а у них и вставаючи, и ложаючись брань да перекор. Ну, где он теперь шляется? Ждали, ждали обедать, а его и слыхом не слыхать!.. Всю масляницу гуляет, скружился, как угорелый. Отец-то пришел полюбоваться на ваше житье: есть на что радоваться! Чем бы погостить, а он домой собрался.

Даша. Не говори, тетушка, уж и так тошно.

Афимья. Да что не говорить-то! Нешто не правда?

Даша. Что же, тетушка, что же мне делать-то? Завез он меня на чужую сторону украдучи.

Афимья. Плоха жена, от которой муж гуляет.

Даша. Измучилась я! Все сердце он из меня вынул! Отца не слушает, а я что?

Афимья. А ты жена, не чужая.

Даша. Хуже чужой я ему теперь.

Афимья. Ты, видно, Даша, уж такая горькая зародилась, да вот и к нам-то несчастье принесла! Точно как по то стало.

Даша. Не я к вам несчастье принесла. Пока любил меня Петр Ильич, так и жил хорошо, а разлюбил — бог его знает, что с ним сталось,— и стал гулять.

Афимья. Кабы ты жила с ним, как жене следует жить, другое бы дело; а то где же это видано,— ровно ты,

прости господи, как полюбовница какая, виснешь ему на шею. Нешто жене так подобает?

Даша. Чудно́е это дело с ним сделалось! Думаю я, не придумаю. *(Плачет.)*

Илья Иванович входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Илья Иванович.

Илья. Дарья, не плачь, не гневи бога! Снявши голову, по волосам не плачут.

Даша. Батюшка, куда ты собрался?

Илья. Пойду от вас прочь. Я и смотреть-то на вас не хочу, не стоите вы того. Придешь к вам на неделю-то, ровно в омут.

Даша. Ты хоть сына-то подожди, да поговори ему.

Илья. Подожду, поговорю ему в последний раз, крепко поговорю. Ведь гибнет! С экой-то жизнью добра нечего ждать! Такие-то люди близко беды ходят. Хочет — послушает, хочет — нет, а я старый человек, мне покой нужен, пора и своя душа вспомнить. Будет, пожил в миру, всего насмотрелся, только дурного-то больше видел, чем хорошего. С тех пор и свет увидал, как у братца в его келье живу. Вот немножко прошел по Москве, всего-то от монастыря до вас, а сколько мерзости-то видел! Народ-то словно в аду кипит: шум, гам, песни бесовские! Вот вчера, говорят, двоих мертвых на улице подняли да один в прорубе утонул. Христианская ли это смерть! Куда они угодили? Какое житье в миру-то нынче? Только соблазн один. Сын вот родной, и тот что делает. Нешто я его так воспитывал-то?

Входит Петр.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Петр.

Илья. Где погулял, добрый молодец?

Петр. В Москве места много, есть где погулять, была б охота.

Илья. Досыта ль нагулялся?

Петр. Погулял-таки. Ты, батюшка, куда собрался?

И л ь я. Бежать хочу, закрывши глаза.

П е т р. Что ж не погостишь с нами?

И л ь я. Надоело мне глядеть-то на тебя, живешь больно нехорошо.

П е т р. За что, батюшка, гневаешься? Чем мы так провинились перед тобой?

А ф и м ь я. Чем? Не ты бы говорил, не мы бы слушали, беспутные твои глаза!

П е т р. Не твоего разуму это дело.

Д а ш а. Батюшка серчает, что ты все гуляешь, да со мной дурно живешь.

П е т р. Ты, что ль, нажаловалась?

И л ь я. Что жаловаться-то! Разве я сам не вижу, что живешь не по-людски!

П е т р. Эх, уж, видно, мне и не жить по-людски... на меня, должно быть, напущено.

И л ь я. Это что за речи?

П е т р. Загубил я себя с тобой! Связала ты меня по рукам и по ногам.

Д а ш а. Ты мучитель, ты кровопивец!

И л ь я. Что вы? При мне-то? *(Грозно.)* Молчать! Ты, никак, ума рехнулся! Тебя нешто кто неволил ее брать? Сам взял, не спросясь ни у кого, украдучи взял, а теперь она виновата! Вот пословица-то сбывается: «Божье-то крепко, а вражье-то лепко».

П е т р. Она меня приворожила чем-нибудь... зельем каким ни на есть.

И л ь я. Не говори, не греши! Что тебя привораживать, коли ты и так ровно чумовой. Своевольщина-то и все так живет. Наделают дела, не спросясь у добрых людей, а спросясь только у воли своей дурацкой, да потом и плачутся, ропщут на судьбу, грех к греху прибавляют, так и путаются в грехах-то, как в лесу.

П е т р. Да что ж, батюшка, делать-то? Как еще жить-то?

И л ь я. Живи по закону, как люди живут.

П е т р. Ну, а я вот загулял... Что ж такое? Нынче дело масляничное. Уж и не погулять? Масляная-то один раз в году бывает. Мне что за дело, как люди живут, я живу, как мне хочется.

И л ь я. Известно, по своей воле легче жить, ничем по закону; да своя-то воля в пропасть ведет. Доброму одна дорога, а развращенному десять. Узкий и прискорбный путь вводит в живот, а широкий и пространный вводит в пагубу.

П е т р. Не все гулять, придет время, и поправимся, и сами будем других учить; учить-то не хитро. Теперь и погулять-то, когда гуляется. Ты, батюшка, сам был молод.

И л ь я. Так что ж? Нешто я так жил? Молод, так и распутничать! Не для веселья мы на свете-то живем. Не под старость, а смолоду добрыми-то делами запасаются. Ты оглянись на себя: дома ты не живешь, знаешься с людьми нехорошими, жену обижаешь. Что ж у вас дальше-то будет, скажи ты мне?

П е т р. А что будет, то будет. Проживем как-нибудь — своим умом, не чужим.

И л ь я. Ну, так и живи! А я видеть этого не хочу! И говорить-то мне тяжело. Что говорить? кому говорить? Кабы разум был, а без разума и ученье не впрок.

П е т р. А нет, так и негде взять. На нет и суда нет.

И л ь я. А нет, так наберись у добрых людей, да проси бога, чтоб дал, а то, как червь, погибнешь! *(Встает.)* Прощайте! Коли будете жить хорошо, так приду о празднике, а до тех пор и не ходите ко мне, мне и так суета надоела. Помни, Петр! перед твоими ногами бездна разверстая. Кто впал в гульбу да в распутство, от того благодать отступает, а враги человеческие возрадуются, что их волю творят, и приступают, поучая на зло, на гнев, на ненависть, на волхвование и на всякие козни. И таковым одна часть со врагом. Выбирай, что лучше: либо жить честно, в любви у отца, с душой своей в мире, с благодатию в доме; либо жить весело, на смех и покор людям, на горе родным, на радость врагу человеков. Прощайте! Петр, наступают дни великие, страшные, опомнись. Вот тебе мой приказ, родительский приказ, грозный: опомнись, взгляни на себя. Прощайте.

А ф и м ь я. Ужели так уйдешь? Нонче дни прощеные, все люди прощаются.

Д а ш а. Батюшка, прости нас.

Кланяются в ноги.

И л ь я. Простите и вы меня.

Д а ш а. Благослови нас.

И л ь я. Вас благословить? Сто́ите ли вы? Нет, вы подождите моего благословения до той поры, пока будете жить хорошо. Порадуй меня, Петр! Лучше

совсем не жить, чем жить так, как ты живешь. Благословенье отца нужно: без благословенья пропадешь, как пес. *(Уходит. Все провожают его. Афимья уходит за ним.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Петр и Даша. Петр садится к столу и задумывается.

Даша. Слышал, что батюшка-то сказал?

Петр. Отстань!

Даша *(подсаживается)*. Послушаешь батюшку, будешь любить меня по-прежнему?

Петр. Дарья, отойди.

Даша. Да скажи мне, желанный мой, не утай ты от меня, чем тебе я надоела? Али я не ласкова, что ли, к тебе, Петр Ильич? Али не услужила чем?

Петр молчит.

Чем прогневала? Голубчик, Петр Ильич, скажи!

Петр. Отойдешь ли ты от меня, или нет?

Даша. Живем мы с тобой всего годочек...

Петр. Дарья! *(Замахивается.)* Не вводи в грех!

Даша. Убей ты меня лучше! Не хочу я жить без твоей ласки! Сам ведь ты меня приучил. Зачем же ты меня прежде любил да нежил, я бы уж не привыкала. Помнишь, мой сердечный, дома-то ты, бывало, на меня не наглядишься, а выйдем мы с тобою в праздник на улицу — и сидим целый день обнявшись, за белую руку ты меня держишь, в глаза мне смотришь. Народ-то идет — на нас радуется. Скоро-то, скоро все это миновалося! *(Плачет.)*

Петр. Что миновалось, того не воротишь.

Даша. Да, не воротишь! Да нельзя ж мне и не тужить-то об нем, об том золотом времечке. Петя, может, тебе скучно? Хочешь, я тебе песенку спою, что ты певал холостой?

Молчание.

Петр. Отстань! Отойди ты, и без тебя тошно.

Даша. Да скажи, что тошно-то? Скажи ты мне, что тошно-то? Ведь я тебе не чужая.

Петр. А то тошно, что ты своими слезами из меня всю душу вытянула, да еще батюшке нажаловалась. Он

мне вон каких страстей насулил, поневоле голову повесишь. Что ж ты думаешь, после его брани-то я к тебе ласковей, что ли, буду? Как же, дожидайся.

Д а ш а. Уж коли так, отпусти меня к батюшке.

П е т р. Ступай, пожалуй, хоть на все четыре стороны.

Д а ш а. Ну, так прощай.

П е т р. Прощай, не поминай лихом, добром нечем.

Д а ш а. Ох, горе мое, горюшко!

П е т р. Горе? Вот где горе! Не зальешь его, не затушишь!.. Дайте мне вина! Скорей вина! Шевелитесь!..

Входит А ф и м ь я.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и А ф и м ь я.

А ф и м ь я. Что тебе?

П е т р. Вина дайте.

А ф и м ь я. Ты, видно, дитятко, забыл, что отец-то говорил?

П е т р. Кто здесь хозяин? Что я, дома у себя или в гости пришел? *(Садится.)* Вина! *(Ударяет по столу.)* Да ты подай хорошенького, нынче масляница.

А ф и м ь я. Принесу пойду, что воюешь-то! *(Отходит и останавливается.)* Ты на нее-то посмотри! Видишь, плачет, убивается. Заел ты чужой век, заел!

П е т р. Эй, Иван!

И в а н входит.

Запречь мне жеребца вороного, дугу писаную... Проворней!

Д а ш а. Посиди дома-то хоть немножко.

П е т р. Нечего мне дома делать, здесь угарно.

А ф и м ь я. Какой угар? Что ты выдумал!

П е т р. А я говорю, что угарно, так и будь по-моему!

А ф и м ь я. Ты скажи только, скажи, варвар, желаю я знать от тебя, за что ты жену-то замучил!

Д а ш а. Тетушка, замолчи.

А ф и м ь я. Возьму да уйду, не стану глядеть на вас, чтобы сердце не надрывалось.

П е т р. Да уйди, тетка, кто тебя держит; авось, ладу больше будет.

А ф и м ь я. Ладу, ладу? Врешь ты, разбойник! От тебя ладу в доме нет.

Петр. Тетушка, пойдешь ли ты за вином, али нет? А то я сам схожу; смотри, как бы хуже не было.

Афимья. Мне чужого не жаль. Пей, пожалуй, коли ты еще не сыт.

Даша. Я пойду схожу.

Афимья. Балуй, ухаживай за ним, а он на тебя и глядеть не хочет.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Петр (один).

Петр. Эх, шибко голова болит! Скружился я совсем! *(Задумывается.)* Аль погулять еще? Дома-то тоска. Спутал я себя по рукам и по ногам! Кабы не баба у меня эта плакса, погулял бы я, показал бы себя. Что во мне удали, так на десять человек хватит! А и то сказать, велика радость сидеть с бабами, пересыпать из пустого в порожнее. Уж догуляю масляную, была не была!

Удалая голова,
Не ходи мимо сада,
Не ходи мимо сада,
Не прокладывай следа,
Дороженьки не тори,
Худой славы не клади.

А как голова-то болит; ровно треснуть хочет. Поеду-ка я к своей кралечке, размычу тоску-горе.

Даша входит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Даша и Петр.

Даша. Вот, Петр Ильич, кушай на здоровье.

Петр. Не кажись ты мне! Ишь ты, глаза-то скосила!.. Точно яду подаешь! Пить-то из твоих рук не хочу!

Даша. Пропадай ты совсем, измучил ты меня! *(Ставит вино на стол.)*

Иван входит.

Иван. Лошадь готова.

Петр *(наливает стакан и пьет)*. Давай. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Даша (одна).

Даша. Что же это за мука-мученская! Батюшка-то с матушкой, чай, думают, дочка-то живет в богатстве да в радости, а не знают они того, что я с утра до ночи слезами обливаюся. Что ж делать-то? Наша доля терпеть — потерплю; может, он погуляет, погуляет, да за ум возьмется, опять ко мне придет, голубчик мой. *(Молчит несколько времени.)* Одного только, кажется, не перенесет душа моя, коли он да променяет меня на кого-нибудь. А ведь от него, пожалуй, станется. Лучше возьми он мое сердце да разорви его на части, размечи по чисту полю, чем такое злодейство сделать надо мною.

Вася входит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Даша и Вася.

Вася. С широкой масляницей!

Даша. Здравствуй, Вася. Что ты?

Вася. Маленько загулял.

Даша. Чтой-то, Вася? С тобой прежде этого не было.

Вася. С горя, Дарья Агафоновна, с горя, с большой со кручины.

Даша. Полно, что у тебя за горе?

Вася *(садится)*. Есть, Дарья Агафоновна, есть. Печаль, тоска несносная!.. Погоди, постой, я с горя песенку запою. Можно?

Даша. Пой.

Вася *(поет)*.

Востоскуйся ты моя, ты моя сударушка,
По мне возгорюйся.

Даша. Вася, а Вася, что у тебя за горе?..

Вася. Не скажу, вот ни за что не скажу! Хоть сейчас расказните, не скажу.

Даша. Ну, а не скажешь, так и не надо.

Вася. И ни... ни... ни за что на свете! *(Поет.)*

...По мне возгорюйся,
Уж и сам-то ли, я сам по тебе, сударушка...

Д а ш а. Ну, бог с тобой, не говори, я и не спрашиваю.
В а с я. Нельзя, не велено... под страхом не велено... он меня убьет.
Д а ш а. Кто он-то?
В а с я. Некоторый человек. *(Поет.)*

...Сам я встосковался.

Д а ш а. Вася, а Вася, скажи мне, что я у тебя спрошу.
В а с я. Спрашивай.
Д а ш а. Куда Петр Ильич ездит? Ты с ним езжал вместе.
В а с я. Этого нельзя. *(Поет.)*

Нападают на меня, меня, сиротинушку,
Ох да лихи люди.

Д а ш а. Вася, ты винца не хочешь ли? Выпей вот вишневочки.
В а с я. Нет, боюсь!.. Тятенька — ух!.. и... и не живи на свете!.. Я и то вот хмельненек немножко... так зашел к вам, авось пройдет... а то боюсь... тятеньки до смерти... и... беда!..
Д а ш а. Да ты уснешь у нас, вот и пройдет... Ничего, выпей.
В а с я. Нешто один стаканчик.
Д а ш а (*наливает*). Выпей, Вася, ничего.

Вася пьет.

Так ты не скажешь, куда вы ездите-то?
В а с я. Никак невозможно этого сделать: не велел.
Д а ш а *(с испугом)*. Как не велел? Да отчего же не велел?
В а с я. Так, не велел, да и все тут. Убью, говорит, на месте! Да не спрашивай, Дарья Агафоновна, я ничего говорить не стану.
Д а ш а. Ну, хорошо... ну, хорошо, я не буду спрашивать. Выпей еще, Вася.
В а с я. Нет, покорно благодарствуйте, будет... и то мутит... а я тятеньки боюсь.
Д а ш а. Вот, тятенька! Что такое? Нынче масляница. *(Наливает.)*
В а с ч. Ведь этак, пожалуй, напьешься! *(Пьет.)*
Д а ш а. Ничего. Какой ты, Вася, хороший... тебя, чай, девушки любят... Ишь ты, какой кудрявый! *(Гладит по голове.)* А? любят девушки? *(Наливает вина.)*
В а с я. Меня девушки оченно любят. Да только вот одна, что самая которая раскрасавица, надо мной над-

смеялася... Конечно, он старшо́й... и по торговле, да зачем обижать!..

Д а ш а. За что тебя обижать?

В а с я. А он обидел, он шутку сшутил... Да еще какую шутку! а еще благо... бла... благоприятель называется.

Д а ш а. Скажи пожалўй!.. Ну, ну...

В а с я. Я все ходил к ней украдкой, потихоньку, потому я боюсь, тятенька узнает... Куда, говорит, ты ходишь?.. Да нет, он не велел сказывать... ты, говорит, и подумать не смей! А то, говорит, ты, пожалуй, сдуру-то, жэне...

Д а ш а. Васенька, миленький, а какую я тебе невесту сосватаю. Выпей, Вася.

В а с я. Не пой ты меня, сделай милость, не пой... а то я пьяный все скажу, а я не должон по-приятельски... и он не велел... Тогда лучше и не живи на свете!

Д а ш а. А какую невесту, Вася! Какая красавица-то, писаная!

В а с я *(пьет)*. Ну, хорошо, ну, я все скажу... все, за то, что он меня обидел... кровно обидел.. надсмешку надо мной сделал!.. Только ты ему не сказывай.

Д а ш а. Не скажу, не скажу.

В а с я. Вот, говорит, куда ты ходишь? Я говорю: есть девушка, красавица, живет с матерью, туда, говорю, и хожу... Грушенькой зовут. Возьми, говорит, меня с собой. Взял я его. Вот мы и ходим к ней много раз... много раз... сидим это, растобарываем, пряничков носим... все как следует. Вот я вижу, начинает он к ней подделываться, холостым сказался...

Д а ш а *(отодвигается с ужасом)*. Ах, батюшки!

В а с я. Ты, говорит, не смей сказывать, что я женатый!.. А старуха-то его руку тянет, потому — богатый. Потом как-то говорит: ты, говорит, проваливай и не смей сюда ходить, а то, говорит, убью! И, говорит, отцу скажу. Что ж, известно, я тятеньки боюсь! Ты, говорю, пи... пи... пиять меня хочешь... Что же, пияй! Отольются тебе мои слезы... Целую неделю, Дарья Агафоновна, я плакал навзрыд, а вот нынче с горя выпил... не мог я этого прео... переломить в себе!

Д а ш а. Ох, горюшко!

В а с я *(плачет)*. Я человек, у меня сердце, душа есть...

чай, она чувствует... Я ведь не каменный!.. У него жена есть, а я сирота... у меня нет никого...

Д а ш а *(встает)*. Тетушка, матушка!

А ф и м ь я входит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Т е ж е и А ф и м ь я.

Д а ш а. Тетушка, поскорей соберите меня... я еду к своим... пешком уйду, бегом убегу!..

А ф и м ь я. Да что ты?

Д а ш а. Злодей-то мой, тетушка, совсем меня бросил!.. Тетушка, у него есть полюбовница!.. Вот отчего он дома-то не живет.

А ф и м ь я. Ой! что ты? Ах, родная!

Д а ш а. Не он ли мне клялся, всю душу-то проклял, божившись, что одну меня любить будет, а теперь нашел себе здесь какую-то... *(Подходит к Васе и толкает его.)* Кто она такая, а?

Вася молчит.

Спит! Поскорей, тетушка, поскорей... Поеду в Рогожскую, найму лошадей. Легче мне не видать его совсем, чем век с ним горе мыкать. Будет, пожили. Прощай, Петр Ильич!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Изба на постоялом дворе.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

С п и р и д о н о в н а и Я к о в.

С п и р и д о н о в н а. Ну, ну, закладывай ступай.

Я к о в. Что ж, Анна Спиридоновна, я тебе за овес деньги отдал сполна, значит, как есть.

С п и р и д о н о в н а. Ну, отдал — и конец.

Я к о в. Да известно... что ж такое... дело масляничное, можно нашего брата и винцом похолить.

С п и р и д о н о в н а. Уж вы, жиды, из души вытянете. *(Подносит водки.)*

Я к о в *(пьет и утирается)*. Покорнейше благодарим.

С п и р и д о н о в н а. А в Бунькове Мишке кривому сдай.

Я к о в. Оно это точно, что ж говорить, Мишка кривой супротив других ловчее будет. Только теперь староста на буньковских ямщиков приказ написал: если будете, примерно, метать промеж себя и тащить, котора половина больше, так и тащите, а им чтобы не галдить, и чтобы супротив говорить не смели.

Входит Г р у ш а.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е и Г р у ш а.

Г р у ш а *(подпрыгивая и похлопывая руками)*. Ух, как перезябла вся, беда!

С п и р и д о н о в н а. А неволя стоять на морозе-то? Точно тебя из избы-то гонят.

Г р у ш а. Да уж больно весело на улице-то: парни гуляют, девки гуляют, песни играют, не ушел бы от них, кажется. Я погреюсь да опять пойду. Что-то мне сегодня уж больно весело, девке.

С п и р и д о н о в н а. А то неужто скучать? Об чем это? Живем хорошо, ожидаем лучше. *(Ямщику.)* Ты что здесь толчешься-то? Ступай закладывай.

Я к о в *(почесываясь)*. Да уж больно мне... тово... неохота от масляной уезжать-то.

С п и р и д о н о в н а. Вам бы все гулять! Ступай! Ступай! *(Толкает его, ямщик уходит.)* Поди-ко вот, попотчуй купцов винцом; сидят там, лошадей дожидаются. Пошути там с ними, побалагурь, наври им короба с три, они ведь охотники.

Г р у ш а. Да, как же, нужно мне к ним идти!.. Пристают да целоваться лезут; смерть не люблю! Мне и от своих-то парней проходу нет.

С п и р и д о н о в н а. А к тебе нешто пристанет? А я так люблю купцов. Я вот десять лет постоялый двор держу, десять лет как в огне горю, ни одному мужику против меня не потрафить, так уж навидалась я их. Я после покойника-то твоего отца молоденькая осталась; тогда еще мы в Бунькове держали. Бывало, наедут — пей, гуляй, веселись! Уважаю даже купцов за их жизнь. Только держи себя в струне:

языком, мол, что хошь болтай, рукам воли не давай — вот мой обычай! Этот... как его?.. Петр Ильич, что ли? Что он больно часто повадился?

Груша. Ничего, ходит так себе, для время провождения. Не гонять же его.

Спиридоновна. Зачем гонять, может и пригодится. Ты его, Груша, блюди, приголубливай, только не больно поваживай. Женись, мол, вот и всё тут, и хлопотать не об чем, а на бобах-то, мол, нас не проведешь. А до той поры пущай ходит да гостинцев носит. Что им в зубы-то смотреть!

Груша. Ишь ты, мать! Как же, охота мне замуж! по тех пор и погулять, пока в девках. Еще за мужем-то наживуся! Гуляй, девка, гуляй я!

Спиридоновна. Не век же тебе в девках-то сидеть, а вышла за человека хорошего да за богатого, и ходи, как пава... Фу ты, ну ты!.. То ль не житье! Пей, ешь на поданном, ложись на постланном, только врозь ползи. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Груша *(одна)*. За мужем-то жить трудно! Угождай мужу, да еще какой навернется... Все они холостые-то хороши!.. Еще станет помыкать тобой. А девкам-то нам житье веселое, каждый день праздник, гуляй себе — не хочу! Хочешь — работай, хочешь — песни пой!.. А приглянулся-то кто, разве за нами усмотришь. Хитрей девок народу нет. *(Поет песню.)*

Спиридоновна и Петр входят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Груша, Спиридоновна и Петр.

Спиридоновна. Вот я к тебе гостя привела. Садись, Петр Ильич. Скидай шубу-то.

Петр. Не надо. Я на минуту к вам, проездом заехал.

Груша. Отчего ж на минуту? Посиди.

Петр. Нехорошо днем-то: у вас мало ли народу толчется — увидят.

Груша. А тебе кого бояться-то?

Петр. Нет, я ужо приеду вечером, в те поры погуляем.

Спиридоновна. Сиди, сиди, небось, никто сюда не войдет. А ужо приезжай, милости просим. Выпей-ка винца.

Петр. Не хочу.

Спиридоновна. Полно ломаться-то. Выпей.

Петр. Ну, давай. *(Пьет.)* Спасибо.

Спиридоновна. Вот так-то... на здоровье! Смоталась совсем, и день и ночь пьяна, дым коромыслом; такая уж эта неделя, право. *(Уходит; Груша затворяет за ней дверь.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Груша и Петр.

Груша. Что ты такой сердитый? На меня, что ль, сердит?

Петр. Я нынче не в себе, скучно, дела такие есть.

Груша. А ты не скучай! Что за скука!.. Так-то, голубчик мой беленький. *(Поет.)*

Как у молодца, у удалого
Печаль-тоска не бывалая;
Что сегоднешнюю-то темну ночь
Печаль-тоска обуяла.

Петр. Уж очень я тебя люблю! Надоть так думать, ты меня приворожила чем ни на есть!

Груша. Что ты! Господь с тобой!

Петр. Возьми ты вострый нож, зарежь меня, легче мне будет.

Груша. Да что с тобой сделалось?

Петр. Несчастный я человек! Ничего я не пойму, ничего не соображу. Голова моя вся кругом пошла! Ровно туману кто напустил на меня!

Груша. Да отчего так? Скажи.

Петр. Говори ты мне прямо, так, чтоб уж я знал: любишь ли ты меня?

Груша. А то скажешь — нет? Известно люблю.

Петр. Ой ли? Верно твое слово?

Груша *(обнимая его крепко)*. Вот как люблю... вот!

Петр. Груша, так ты меня так любишь? Ну, пропадай всё на свете! Скажи ты мне теперь: загуби свою душу за меня! Загублю, глазом не сморгну.

Груша. Что ты, что ты?! Нехорошо! Нешто такие слова говорят? В какой час скажется. Вот у нас кузнец Еремка, все этак душой-то своей клялся,

в преисподнюю себя проклинал... Ну, что ж, сударь ты мой... такая-то страсть!.. И завело его на сеновал под крышу. Насилу стащили, всего скорчило. Уж такой-то этот Еремка распостылый! Каких бед с ним не было! Два раза из прорубя вытаскивали, а ему все как с гуся вода.

П е т р. Что мне себя жалеть-то? Уж и так пропащая моя голова, заодно пропадать-то! Говори, мое солнышко, чего тебе нужно: золота, серебра, каменьев самоцветных — себя заложу, а тебе подарю.

Г р у ш а. Ничего мне, голубчик ты мой беленький, не надо, всего у меня довольно. А ты вот что, парень, люби ты меня, как я тебя люблю.

П е т р. Эх, девка! Что балясы-то точишь! Видишь, я в каком разе! Проси, чего хочешь. Дорогого проси!

Г р у ш а. Чего у тебя просить-то! А вот что: ходи почаще, носи пряничков послаще, да еще ленту поалее, да гляди на меня помилее, да целуй покрепче... ха, ха, ха!.. Да вот еще я у тебя давно хотела попросить: купи ты мне перстенечек.

П е т р. Ужо два привезу.

Г р у ш а *(поет)*.

Мне не дорог твой подарок,
Дорога твоя любовь!
Золото твое колечко
Прижму ко сердечку.

У нас, у всех девушек есть... ну, понимаешь... приятели. Посмотри в праздник, сколь хорошо: на улице сидят все вместе; а ты вот со мной никогда не погуляешь. По крайности я перстенек покажу, что есть у меня такой парень, который меня верно любит. Ты приезжай ужо пораньше, заложим тройку, насажаем девок, поедем кататься с песнями.

П е т р. Давай руку. *(Берет руку.)* Значит, кончено! *(Ударяет ее по руке. Груша кивает головой.)* Так на кой нам шут девок! Мы двое поедем.

Г р у ш а. Что ж не поехать!

П е т р. Поедешь?

Г р у ш а. Известно поеду.

П е т р *(целует Грушу)*. Вот это люблю! Это по-нашему. Поди посмотри, нет ли кого в избе либо на дворе.

Г р у ш а. Что так скоро? Посиди.

П е т р. Теперь некогда. Еще вечер-то наш.

Г р у ш а. Ну, нельзя, так не надо. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

П е т р *(один)*. Ух! Загуляю! Эку паву поддел! Нас ли девушки не любят?

Г р у ш а входит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

П е т р и Г р у ш а.

Г р у ш а. Ступай, никого там нет, только какая-то старушка приехала, не здешняя.
П е т р. Ну, прощай!
Г р у ш а. Прощай, соколик.

П е т р уходит.

Какие мы девки баловницы! Вот приласкай парня, он и не отстанет, и будет подле тебя убиваться. Только чтой-то он иной раз такой хороший, веселый, а иной раз чудной такой? Что-нибудь у него на душе есть. Может, он что недоброе затевает... так мы с матушкой и двери покажем, у нас недолго! А все будет жаль. Вот шуткой, шуткой, а ведь как полюбила, ажно сердце ноет, так вот и бьется, ровно голубь.

Входит С т е п а н и д а.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Г р у ш а и С т е п а н и д а.

С т е п а н и д а. А что, девонька, погреться бы у вас тут, у печки, можно?
Г р у ш а. Погрейся, тетенька.
С т е п а н и д а. Я вот одежонку-то тут положу да мешочки-то вот... Изломало всю... да и прозябла немножко; не близко ведь ехать-то, третьи сутки в дороге. А дорога-то, милая, известно, масляница, не первый путь. Ох, ох, ох. В Москву со стариком, девушка, приехали, дочку навестить, да не знаем, где найтить-то. Пообогреемся, ночку переночуем, а завтра пойдем поищем.
Г р у ш а. Как же это ты, тетенька, не знаешь, где дочь найти?..
С т е п а н и д а. В Москве-то всего впервой, толку-то не скоро найдешь; опять же время-то к вечеру.

Г р у ш а. Что ж, она у вас здесь замужем?

С т е п а н и д а *(усаживается у печки)*. А вот, девонька, видишь ты, какое дело-то вышло. Город-то наш на проезжей дороге; мещане мы. Живем-то хоть и бедненько, а домишко-то у нас хоть куда. Вот и останавливаются у нас купцы и баре, случается. Семья-то у нас небольшая была: я с мужем да дочка Дашенька; хозяин-то у меня уж старенек. Останавливался у нас проездом купец молодой, начал он Дашу-то уговаривать да улещать. Нам и невдомек такое дело. А в прошлом году, около святок, и сманил ее у нас.

Г р у ш а. Ишь ты, а!

С т е п а н и д а. Сманил, сманил. Горя-то, горя-то что было! Ну, да уж нечего делать, не воротишь. Только получаем мы от нее письмо из Москвы. Вот оно и теперича со мною... Всё так с собой и ношу. Пишет, просит прощения и благословения от нас нерушимого, и что как приехали они в Москву, он на ней женился, и у него семья и торговля, всё как следует, и что живет она благополучно и с мужем в любви.

Г р у ш а. Видишь ты, счастье какое! За купца за богатого!.. Поди-тка ты!.. Знать, из себя хороша?

С т е п а н и д а. Уж куда хороша!.. Не знаю, теперь как; может, горе-то ее повысушило, а допреж-то этого была такая красавица, полная, да белая... Вот хоть с себя пример возьми.

Г р у ш а. Ну, что я за красавица, помелом нарисованная.

С т е п а н и д а. Нет, что ж, ты хорошая девушка, видная, и тебя, гляди, хороший жених возьмет.

Г р у ш а. Да ведь это, тетенька, какое счастье выдет, не родись пригож, а родись счастлив.

С т е п а н и д а. Не завидуй, девушка, чужому счастью. Вот мы было и порадовались, что так дал ей бог. Должно быть, честный человек, хороший, на ее долю вышел. Да как и не порадоваться? Своя кровь, своя болезнь. Только после этого письма она нам ничего и не писала, и слуху о ней не имели — жива она или нет. Сбирались ехать, да не на кого дома оставить; а вот недавнушко слышали мы от проезжих людей, что муж-то с ней стал дурно жить, загуливать, хмелем зашибаться. Нечего делать, собрались со стариком, да и поехали. Ну, там, конечно, родня

богатая, еще как примут: бывает, мать-то и выгонют. Скука-то меня больно обуяла без дочушки-то!.. Все глазыньки выплакала, от питья, от еды отбило... Сама, милая, посуди.

Г р у ш а. Известное дело.

А г а ф о н входит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Т е ж е и А г а ф о н.

С т е п а н и д а. Что это ты, старина, замешкался?

А г а ф о н *(распоясываясь)*. Я все с лошадкой: отпрег, поставил на место, сенца дал. Животинку-то жалеть надо; ведь она не скажет. Ну, вот, старуха, бог дал, и приехали, а ты все торопилась. Зачем торопиться-то? Тише едешь, дальше будешь.

С т е п а н и д а. Да уж мне больно доченьку-то увидать хотелось.

А г а ф о н. Вот и увидишь, коли бог даст. Все своим чередом, торопиться-то никогда не надо.

С т е п а н и д а. Уж я не чаяла и дожить-то. Ноги-то старые, а то бы так и побежала.

А г а ф о н. Что бежать-то? Ну что бежать-то? Зачем? Баба дура, зачем? А мы смирненько придем, скромненько... всему свое время, свой предел. Достань-ка мне лепешечку из мешка, пожуем пока.

С т е п а н и д а *(достает)*. На́ тебе помягче, а то не угрызешь.

А г а ф о н. Ну, хорошо, ладно. Вот это мне по зубам.

Едят молча.

С т е п а н и д а. Что-то наша Даша делает теперь, поглядела бы хоть одним глазком.

А г а ф о н. Что? Известно что,— свое дело делает; хозяйство есть, чай, хлопочет; люди богатые, не то что мы.

С т е п а н и д а. А ведь как, чай, трудно ей, бедной, в чужой-то семье.

А г а ф о н. Не в чужой, а в своей.

С т е п а н и д а. Да говорят, что муж-то ее не любит.

А г а ф о н. Мало что говорят; не всякому слуху верь.

С т е п а н и д а. А уж как она, бедная, нам рада-то будет.

А г а ф о н. Известно, рада будет. А все, старуха, чай, маленько зазорно будет на стариков-то своих смотреть. Как ты думаешь,а?

С т е п а н и д а. Что ж зазорно? Бог ей судья, мы сами не безгрешные.

А г а ф о н. Известно, не безгрешные... А все как-то тово... детищу-то против родителей... как будто не годится.

С т е п а н и д а. Что ж, Агафон Потапыч, ты ведь в те поры сам первый ее простил.

А г а ф о н. Что ж не простить! Я любовь к ней имею, потому одна, а кого любишь, того и простишь... Я и врагу прощу, я никого не сужу. Да разве я один судья-то? а бог-то? Бог-то простит ли? Может, от того и с мужем-то дурно живет, что родителей огорчила. Ведь как знать?

Спиридоновна и Даша входят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же, Спиридоновна и Даша.

С п и р и д о н о в н а. Сейчас, матушка, сейчас, подожди немного, красавица. Лошадок заложут тебе хороших, мигом довезут. Посиди вот тут, подожди.

Д а ш а *(садится к столу)*. Хорошо, я подожду.

С п и р и д о н о в н а. Что ты, никак плачешь? По родителям, что ли? Аль горе какое есть?

Д а ш а. Нет, так, ничего.

С п и р и д о н о в н а. Что тосковать-то, нынче масляница. Гляди-ка, народ-то скружился совсем. Масляница ведь один раз в году бывает, не уважать-то ее нельзя. А уж правду-матку тебе сказать, беда как голова болит.

А г а ф о н. Кому масляница, а кому и великий пост. Ох, ох, ох...

С п и р и д о н о в н а. Вестимо, что так. *(К Груше.)* Сунь-ка, Груша, в печку давешние блины-то, годятся к ужоткому, к ужину.

Г р у ш а. Сейчас, матушка. *(Берет ухват.)*

С п и р и д о н о в н а. Подальше подвинь, подальше. Ну, да вот эти-то... да вот горшочек-то.

Груша сажает и опирается на ухват.

Д а ш а *(говорит нараспев, сквозь слезы).*

Полечу я пташечкой кукушечкою,
Полечу на матушкину на сторонушку.

С т е п а н и д а. Что это бабочка-то больно тоскует?
А г а ф о н. Знать, не легко, коли тоскует.
Д а ш а *(продолжает).*

Сяду я во садике да на яблоньку,
Запою, младешенька, жалким голосом.

С т е п а н и д а. Не наша ли горькая с чужой стороны?
А г а ф о н. Что ты, что ты, старуха!
С т е п а н и д а. Сем-ка я погляжу пойду. *(Подходит к Даше.)*
Д а ш а *(встает).* Матушка, ты ли это?
С т е п а н и д а. Дочушка!.. Дашенька!

Даша кидается к ней на шею.

Дитятко ты мое родимое, солнышко мое красное, заря ты моя восхожая, сокровище ты мое ненаглядное!.. *(Садится.)* Потапыч, поди-ка, свет, сюда.
А г а ф о н *(подходит).* Что там у вас?
Д а ш а *(встает).* Батюшка! прости ты непокорную. *(Кланяется.)*
А г а ф о н. Ну, что ты, что ты?.. Ну, бог с тобой, бог с тобой!.. *(Садится.)*
С т е п а н и д а. Уж и где же я тебя встретила!.. Не ждала-то я, не чаяла...
Д а ш а. Ах, тятенька, в глаза-то тебе глядеть мне совестно.
А г а ф о н. Ну, что про старое толковать!.. Бог с тобой! Кто старое помянет, тому глаз вон. Куда ты это, дочка, собралась-то — скажи ты мне?
Д а ш а. К вам, тятенька, собралась.
А г а ф о н. Ну, это хорошо, доброе дело, что вспомнила. Что ж, тебя муж-то отпустил?
Д а ш а. Нет, тятенька.
А г а ф о н. Как же это нет? Как же нет?
Д а ш а. Да что, тятенька, перед вами мне утаивать не след: жили мы сперва с Петром Ильичом очень хорошо, любил он меня.

Груша вслушивается.

Д а ш а. Потом вдруг, ни с того ни с сего, стал загуливать, пить, дома не бывает, со мной только что ссорится...

А г а ф о н. Ну, что ж, ну, что ж?

Д а ш а. Каждый день брань да ссора. Ну уж, так и быть, перенесла бы я это горе: сама виновата, без воли родительской пошла за него. А то, матушка ты моя, родная ты моя, променял он меня на какую-то... *(Ложится на шею к Степаниде.)* Легко ли это моему сердцу!

С т е п а н и д а. Что ты? дитятко мое, что ты?

Д а ш а. Нынче, нынче мне Вася сказывал, к нам ходит. *(Махнув рукой.)* Приятель его!.. *(Со слезами.)* Мой-то холостым, видишь ты, прикинулся!.. *(Опять ложится на плечо.)*

Г р у ш а *(бросая ухват)*. Ах, матушка! ах, ах!..

Д а ш а. Разлучили меня с другом милым, с сердечным моим...

Г р у ш а. Ох!.. Сердце мое!

Д а ш а. Разлучила меня с ним злая разлучница!

Г р у ш а. Матушка! Да ведь это я разлучница-то!

С п и р и д о н о в н а. Что ты плачешь-то? На них, что ли, глядя?

А г а ф о н. Ну, так что ж ты? Ну, что ж ты?

Д а ш а. К вам, батюшка, собралась ехать, опять жить с вами, с моими родными.

А г а ф о н. Как к нам? Зачем к нам? Нет, поедем, я тебя к мужу свезу.

Д а ш а. Нет, батюшка, не поеду я к нему.

А г а ф о н. Да ты пойми, глупая, пойми — как я тебя возьму к себе? Ведь он муж твой? *(Встает.)* Поедемте. Что болтать-то пустяки, чего быть не может!.. Собирай, старуха, одежонку, собирай... Как ты от мужа бежишь, глупая!.. Ты думаешь, мне тебя не жаль? Ну, вот все вместе и поплачем о твоем горе — вот и вся наша помощь! Что я могу сделать? Поплакать с тобой — я поплачу. Ведь я отец твой, дитятко мое, милое мое! *(Плачет и целует ее, потом берет свою одежу и подходит к ней.)* Ты одно пойми, дочка моя милая: бог соединил, человек не разлучит. Отцы наши так жили, не жаловались — не роптали. Ужели мы умней их? Поедем к мужу. *(Берет ее за руку и уходит, Степанида за ними.)*

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Груша и Спиридоновна.

Груша *(плача)*. Матушка, да ведь он женатый!

Спиридоновна. Кто он-то?

Груша *(садясь к столу и закрывая лицо руками)*. Петр Ильич!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА I

Комната второго действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Груша (сидит у стола), Спиридоновна (входит).

Спиридоновна. Что ты сидишь-то тут, бесстыдница! Там соседки пришли, а ты и глаз не кажешь.

Груша. Не пойду я к ним.

Спиридоновна. Вот еще что выдумала! На что ж это похоже? Сама звала, а теперь прячешься.

Груша. Да, хорошо им!.. Им весело.

Спиридоновна. А у тебя, поди-ка, какое горе!.. Плюнуть, да и все тут. Вот погоди, приди он только, мы его так турнем, что он своих не узнает... Чтобы он мелким бесом не рассыпался, да девок не сманивал.

Груша. Что он не идет-то? Уж мне бы поскорей сердце сорвать! Так бы изругала, так бы изругала! Уж подвернись он только теперь мне!.. Погоди ж ты, постылый ты человек!

Спиридоновна. Да, нужно очень связываться-то!.. Велика невидаль! Мой обычай: поворот от ворот, да из головы вон! Неужели ж еще думать!.. Поставь-ка орешков на стол да позови девок-то сюда. Полно дурачиться-то, что за слезы!..

Груша *(встает и ставит на стол закуски)*. Вот только с сердцем-то не сообразишь, а то не сто́ит он того, чтобы об нем плакать-то. Пойду песню запою, со зла, во все горло, что только духу есть! *(Уходит, слышится заунывная песня.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Спиридоновна, потом Груша и девушки.

Спиридоновна. Молодец у меня Груша! Вся в меня, вот как я была смолоду... Еще погулять хочется, молода очень. Ну, что ж, пущай погуляет, себя потешит. За этой девкой матери нечего смотреть, мать спи спокойно; ее не скоро оплетешь. Золото, а не девка!

Слышится хоровая песня.

Ну, загуляли мои девушки!.. Эх, не прежние мои года, подурачилась бы с ними.

Входят Груша и девушки.

Ну, что ж замолчали? Попойте, повеселитесь, а я пойду велю вам двои сани запречь, кататься поедете.

Некоторые девушки. Благодарим покорно, Анна Спиридоновна! Вот весело!

Спиридоновна уходит.

Груша. Девушки! Я нынче гулять хочу! Всю ночь проездим, песни прокричим.

Одна девушка. Что так?

Груша. Хочу себя потешить, своему сердцу волю дать. О! да что тут разговаривать! Давайте винца выпьем, пока матушка не пришла. *(Достает из поставца вино.)*

Некоторые девушки. Что ты, что ты!

Груша. Я вперед дорогу покажу. Ну-ка, впервóй сроду... *(Пьет.)* Ой, как горько! Как это люди-то пьют! Дайте пряничка. Так уж с горя выпила, обидел меня один человек. Пейте, девушки, не ломайтесь, только поскорее! *(Подносит вино; некоторые пьют; все хохочут.)*

Входит Еремка с балалайкой.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Еремка.

Еремка. Наш атлас нейдет от нас. Все ли вы здесь?

Девушки. Ах, ах! Еремка пришел! Еремка пришел!

Груша. Ты зачем сюда? Непрошеный гость хуже татарина.

Еремка. Да ты что? Какие нынче дни-то! Ты вспомни! А еще хозяйка! Ты меня сперва-на́перво винцом попотчуй, а потом я с вами прощаться стану. *(Утирает губы.)*

Девушки. Ишь ты, что выдумал! Как же, дожидайся.

Груша *(поднося вина)*. На, выпей, да и убирайся, откуда пришел.

Еремка *(пьет)*. Нет уж, он, видно, не уйдет; мне и здесь хорошо.

Груша. Ну, как хочешь, мы тебя к себе не пустим.

Еремка. Не пустите? Я ведь колдун: я с вами шутку сшучу, всех назад затылком оборочу.

Девушки смеются.

Груша. Садитесь, девушки.

Девушки садятся вокруг стола.

Тебе и места нет.

Еремка. Я и на пол сяду, коли места нет, не велик барин. *(Садится и запевает.)*

Я на камушке сижу,
Я топор в руках держу.
Ай люли, ай люли!
Я топор в руках держу...

Груша. Что его слушать-то, девушки, запевайте песню.

Девушки *(поют)*.

Исходила младенька все луга и болота,
Все луга и болота, все сенные покосы.
Пристигала младеньку, меня, темная ночка.
Мне на ум-то припало про родимого братца.
Уж я стук под окошко, уж я бряк во колечко.
— Дома ль, дома ли братец? Дома ль белой голубчик?
— Дома, дома, сестрица! Дома, бела голубка!
— Ты укрой меня, братец, да от темныя ночи,
Что от темныя ночи, да от лютого зверя.

Входит Петр.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Петр.

Петр *(у двери)*. Вот я к веселью-то как раз. Мир вам, и я к вам.

Груша. Милости просим! А мы только хотели кошку в лапти обувать да за вами посылать.

П е т р. Здравствуй, Груша! Здравствуй, моя лапушка! Здравствуйте, девушки.

Г р у ш а. Здравствуйте и благодарствуйте!

П е т р. Ну, девушки, гуляйте, я вам гостинцу принес.

Г р у ш а. Благодарим покорно, у нас свой есть, нам чужого не надобно.

Е р е м к а. Давай мне, коли им не надобно.

Девушки смеются.

П е т р. Что ты, Грушенька! Аль на тебя нашло что?

Г р у ш а. Я пьяна! *(Хохочет.)*

П е т р. Что ты, что ты? Подойди-ка ко мне, поцелуемся.

Г р у ш а. Как же, дожидайся.

Е р е м к а. Купец, ты легонько, сироту не задави.

Все смеются.

Г р у ш а. Послушайте, девушки красавицы, я вам притчу скажу. Была некоторая девка. Ну, вот, хорошо. Только девка-то дура. Ходил парень к этой девке, разные речи говорил, только все обманывал: я, говорит, холостой, богатый, такой сякой, немазаный. Я тебя люблю, за себя замуж возьму... А выходит на деле-то — он женатый.

П е т р *(строго)*. Что ты, шутишь или смеешься?

Г р у ш а. Эх, совесть, совесть!

П е т р. Аль насказал тебе кто? Говори прямо.

Г р у ш а. Кто бы ни сказал, да сказал.

П е т р. Это тебя смущают только, обманывают, а ты и рада верить всякому.

Г р у ш а *(смеется)*. Ну, хорошо! Обманули, так обманули. Будь ты честный человек, только от нас подальше. Еремка, давай сироту споем.

Е р е м к а. Давай, запевай.

Г р у ш а *(поет)*.

Сирота ль ты моя, сиротинушка,
Ты запой, сирота, с горя песенку.

Е р е м к а.

Хорошо песни петь пообедавши,
Уж и я ль, сирота, да не завтракал,
Я не завтракал, да вечор не ужинал.

Г р у ш а.

Расскажи, сирота, хоть нам сказочку.

Еремка.

Хорошо говорить, вина выпивши,
Вина выпивши, вдоволь выспавшись;
Уж я ль, сирота, я не выпивши,
У меня, сироты, нету хлебушка,
Нету хлебушка, соли, нету кислых щей.

Купец, давай денег на капусту.

Петр. Пошел прочь! *(Садится у печи.)* Только б мне добраться, кто это тебе насказал, уж не увернулся бы у меня, задал бы я ему память. Васька, что ли? Убью я его.

Груша. Васю мы и в глаза не видали. Что на людей-то сваливать, коли сам виноват.

Петр *(встает)*. Нет, это, Груша, не то. Не верь ты никому!.. Всё вороги мои, разлучить нас с тобой хотят, погубить меня хотят! Развяжи ты меня, скажи мне: шутишь, что ли?

Груша. Не кажись ты мне на глаза! Была глупа, теперь не обманешь! Только нашу беседу расстроил! Хоть бы Вася пришел, потешил бы нас. *(К девушкам.)* Вот, девушки, люблю парня: не надсмешник, не обманщик, милый человек, можно ему чести приписать; не то что как есть люди, которые могут завсегда лгать, говорят одно, а на уме другое.

Вася входит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Вася.

Петр. Ты зачем?

Груша *(встает и берет Васю за руку)*. А ты из чужого дома не гони, не спросясь хозяина. Поди сюда, Вася, не бось.

Вася. Зачем? Тебе что за дело? Взял да и пришел. Что ж такое? Нынче масляница, уж и не погулять мне. Ишь ты, какой ловкий!

Груша. Что ж ты, Вася, не целуешься со мной? Целуйся со всеми: нынче дни прощеные.

Вася. Ой, что вы! *(Целуется со всеми.)* Да ведь вот он тятеньке пожалуется. Что ж хорошего?

Петр. Что ж вы со мной делаете, окаянные! Али вам погибели моей хочется?

Груша. Ведь ты холостой?

Вася. Известно холостой.

П е т р. Прощай, Груша! Коли со мной что недоброе сделается, на твоей душе грех будет. Я голова отпетая, ты меня знаешь. *(Подходит к двери.)*

Г р у ш а. Ты, Вася, женишься на мне?

В а с я. Я бы рад радостью, да как тятенька позволит.

Г р у ш а. А ты попроси.

В а с я. Уж вот как буду просить! В ногах валяться.

П е т р *(у двери)*. Ну, Васька, помни ты это! Ты лучше мне и на глаза не попадайся! Я тебе наперед говорю. Я теперь в себе не властен.

В а с я. Да что ты пристал-то? Я, брат, ничего, право слово, ничего.

П е т р. Уж я знаю что.

Г р у ш а. Не знаешь ты ничего!

С п и р и д о н о в н а *(в дверях)*. Ступайте, девушки, кататься, лошади готовы.

Г р у ш а. Пойдемте, девушки; пойдем, Вася.

П е т р *(берет ее за руку)*. Груша, поедем со мной.

Г р у ш а. Как не ехать!

П е т р. Поедем, говорю я тебе.

Г р у ш а. Что ты, разбойничать, что ли?

П е т р. Не пущу я тебя!

Г р у ш а. И рад бы не пустить, да пустишь. Воевать-то много не дадим. *(Тихо.)* Ты думаешь, мне Вася сказал? Жена твоя была здесь. Понял ты теперь? Вот тебе и сказ!

П е т р *(хватает себя за голову)*. Жена!

Г р у ш а. Запевайте, девушки, песню. *(Обращаясь к Петру.)* Ходите почаще — без вас веселей! *(Обнимая Васю.)* Запевайте, девушки, песню, величайте нас, будто жениха с невестой.

Е р е м к а. Возьмите меня с собой.

Г р у ш а. Пожалуй, и не надо.

Е р е м к а. Ну, я не запла́чу.

Д е в у ш к и запевают песню и уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

П е т р и Е р е м к а.

Петр подходит к окну.

За сценой слышится продолжение песни, смех и звон бубенчиков.

П е т р. Уехали! *(Садится и задумывается.)*

Е р е м к а. Купец, а купец! видно, мы с тобой здесь с тараканами остались.

П е т р *(тихо)*. Жена была здесь? Зачем же она была? Ее привел кто-нибудь... Кто-нибудь да привел. *(Вскрикивает.)* Что ж это со мной сделали! *(Закрывает лицо руками и опускается на стол.)*

Е р е м к а. Купец! Что ж ты приуныл? Хочешь, потешу?

П е т р. Искать меня! Следить! Погоди ж ты теперь. А уж коли так, пропадай всё на свете! Покажу ж я себя!.. Уж я теперь наделаю дел!..

Е р е м к а. Так уж, видно, тебе судьба.

П е т р. Что?

Е р е м к а. Я говорю: уж, видно, так тому делу и быть. А ты брось, не думай, а то хуже. Хочешь, я тебе песню спою?

П е т р *(взглянув на него)*. Песню? Какую песню?

Е р е м к а. Вот какую... *(Поет.)*

Куманечек, побывай у меня,
Животочек, побывай у меня,
Побывай, бывай, бывай у меня.
У тебя ль, кума, собачка лиха!..
Ох, лиха, лиха, лиха, лиха, лиха!..
Ха, ха, ха, да ха, ха, ха, да ха, ха, ха...

П е т р *(приподнимаясь)*. Пошел прочь, пока жив!..

Е р е м к а. Куда мне идти-то? Я здешний; а тебе пора, делать здесь нечего... Было дело, да собака съела.

П е т р. Убью я тебя!..

Е р е м к а. Убьешь, так ответишь... Купец, не плюй в колодец, годится водицы напиться.

П е т р. Да отвяжись ты, дьявол! Что тебе от меня нужно, а? Что ты за человек?

Е р е м к а. Из старых нищих молодой обморóк.

Петр смотрит на него.

Купец, я слово знаю.

П е т р. Какое слово?

Е р е м к а. А такое слово, что все будет по-нашему, как нам хочется.

П е т р. Да ты вправду аль шутя?

Е р е м к а. Уж за то берусь.

П е т р. Слушай! Если ты меня не обманываешь, я тебя озолочу.

Еремка. Зачем обманывать! Мы скоморохи, люди вежливые — обмануть не обманем, а своего не упустим, мимо рта не пронесем.

Петр. Бери ты с меня последнюю рубашку, только дело сделай. Вот мне до которых пор приходит. Видишь? *(Показывает на шею.)*

Еремка. Зачем рубашку! Сделаем дело — деньги возьмем; а не сделаем — не надо. Вот сперва-наперво, значит, выпить надоть, другой разговор пойдет. Ты-то, купец, нонче, может быть, пообедал всласть, да й выпил что следует, так тебе можно разговаривать; а у меня натощак в горле пересохло, да и язык-то, признаться тебе сказать, не шевелится.

Петр *(дает деньги)*. На, выпей поди.

Еремка. Ты только деньги-то дай, а я еще выпить-то успею, наше от нас не уйдет. *(Берет.)* Вот спасибо! Теперь говорить будем. Я вижу, ты, купец, человек хороший, с тобой знакомство водить можно. *(Садится подле него.)*

Петр. Ну, говори, не томи.

Еремка. Погоди. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Есть у тебя тоска-кручина, напущена эта кручина на тебя по ветру: тут без ворожбы дело не обойдется. Есть у меня такой человек, из простых, да ловкий, половчей меня будет.

Петр. Страшно!

Еремка. Страшно, так не ходи.

Петр. И может он приворожить девку, чтоб любила, чтоб не она надо мной, а я над ней куражился, как душе угодно?

Еремка. Может; его приворот на тысячу верст действует. Так приворожит, что она из дому убежит, да к тебе придет. Только к нему с пустыми руками не ходи, а надо штоф вина да денег рубль. Да не со всяким он еще и разговаривать-то станет, а с кем я прикажу.

Петр. Ну, так поедем.

Еремка. Ты не больно торопись, не во всякий час это делается, надобно знать время. Теперь еще не тот час, а мы прежде пойдем погуляем. У тебя есть деньги?

Петр. Эх, голова, ты в жизнь такой гульбы не видывал, что от меня увидишь!

Е р е м к а. А я тебе такие места покажу, только ух! Дым коромыслом. Только деньги припасай.

П е т р. Деньги с нами.

Е р е м к а. Ну и ладно. Пойдем. Вот и я с праздником. *(Поет.)*

Уж и я ли твому горю помогу!
Помогу-могу-могу-могу-могу.

Уходят.

СЦЕНА II

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят Д а ш а и А ф и м ь я со свечкою в руках.

Д а ш а. Тетенька, словно кто-то стучит, не он ли? Посмотри-ка.

А ф и м ь я. Как же, он, дожидайся! Уж теперь закатился, так всю ночь прогуляет. *(Заглядывает в дверь.)* Я говорю, что никого нет. Пойдет он домой, коли ему в людях весело. Не такое чадочко, чтоб ему дома сидеть. *(Ставит свечу на стол.)*

Д а ш а *(садясь к столу)*. Пьет он мою кровь! Легко ли дело, ночь на дворе, а он шатается.

А ф и м ь я. А ты что сидишь-то? Поди спать, я его одна подожду. А то еще, на грех, придет хмельной, брань заведете, что хорошего.

Д а ш а. Нет, уж я подожду, у меня что-то сердце не на месте: не случилось бы с ним чего-нибудь!

А ф и м ь я. Известно, гульба до добра не доведет... Уж не сносить ему своей головы.

Д а ш а. Ах, тетушка, не говори, и так страшно. *(Молчание.)* Поужинать-то приготовить, неровно спросит.

А ф и м ь я. У меня уж готово, только подать. Еще с каким народом-то водится, кто его знает. Ведь народ-то всякий есть: навяжется какой оборотень, тому научит, что и подумать-то грех, не к ночи будь сказано. *(Зевает.)* Ишь ты, как спать хочется, ровно как перед бедой; говорят, перед бедой-то сон одолевает... Или так уж, старость-то, что ли? Ты бы почитала поученьице какое на сон-то грядущий, я бы послушала.

Д а ш а *(берет книгу)*. Что бы почитать-то? *(Прислушивается.)* Тетушка, стучат.

А ф и м ь я. И то стучат. *(Берет свечу и идет к двери.)*

Д а ш а *(у двери)*. Что, он?

А ф и м ь я. Ох, нехорош! Поди-ка ты лучше спрячься от греха, нехорош пришел и на меня-то ровно медведь зарычал.

Д а ш а уходит; П е т р входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

А ф и м ь я и П е т р.

П е т р *(садясь)*. Ужинать!

А ф и м ь я. Сейчас, батюшка, сейчас. *(Ставит на стол ужин.)*

П е т р. Зажигай огня!

А ф и м ь я. Да, где ж теперь? Уж спят все.

П е т р. Делай, что я приказываю! Разобью все в прах!.. Щепки целой не оставлю!

А ф и м ь я. Ну уж, не сердись, погоди, принесу. (*Уходит.*)

П е т р *(пьет)*. Смеяться надо мной? Нет, шалишь!.. Не позволю! Будет с меня, посмеялись, выгнали, а я здесь дома... Нет, погоди! Я им не дурак достался!.. Весь дом на ноги подыму!

Входит т е т к а.

Ты мне тетка, а ты меня не трожь, а то... ух!.. Не дыши передо мной, не огорчай меня! *(Пьет.)* Говори правду: ходила жена со двора? (*Молчание.)* Говори! Я тебя спрашиваю — говори!

А ф и м ь я. Да вот что, Петр Ильич, по правде тебе сказать, не то что она со двора ходила, а вовсе было к своим собралась да уехала.

П е т р. Ну, и пропадай она пропадом! Провались она!.. И на дух мне ее не нужно...

А ф и м ь я. Да со стариками на дороге встретилась и воротилась.

П е т р. И не кажись она мне на глаза! Убью! Своими руками задушу! Она мне враг, а не жена! Мне нынче человек сказывал про нее, все сказывал, он все знает, он колдун...

А ф и м ь я. Что ты?.. Бог с тобой! С кем ты водишься!.. Что с тобой?

П е т р. Молчать! Он говорит, не жена она тебе, а змея лютая! Вот и кореньев мне дал... Горюч камень алатырь... Привороты все знает и пущает по ветру... Тетенька!

А ф и м ь я. Что ты? Голубчик!

П е т р. Страшно мне! Страшно!.. Поди сядь со мной. *(Плачет.)* Обижают меня! Никто меня не любит, извести меня хотят!.. Все на меня, и жена, и все.

А ф и м ь я. Сам всему причиной, не на кого пенять.

П е т р. Я пьяница, я беспутный, ну, убейте меня!.. Ну, убейте, мне легче будет. Кто меня пожалеет, а ведь я человек тоже! *(Плачет.)*

А ф и м ь я. Ну, полно, полно.

П е т р. Не то мне обидно, что меня, молодца, Груша не любит, а то мне обидно — не доставайся она никому!

А ф и м ь я. Про какую там Грушу ты говоришь, беспутный?.. Какая там еще Груша?

П е т р. Какая Груша? Вот какая Груша: нет такой красавицы на белом на свете! Я душу свою погубил за нее! Ну, как мне с ней расстаться? Нас разлучить хотят... вот он!

А ф и м ь я. Кто он? Никого тут нет.

П е т р. Васька!

А ф и м ь я. Поди усни. Ишь, тебе уж мерещится.

П е т р. Я его убью!.. А жена... она не смей против мужа! Где жена? Подай сюда жену! она моя жена, она моя раба!

А ф и м ь я. Ее нет; она ушла со своими, с отцом да с матерью.

П е т р *(встает и берет в руки нож)*. Куда она ушла? Я ее найду! Из земли выкопаю, со дна моря достану!

А ф и м ь я. Куда ты пойдешь ночью? Что за срам! Ступай спать.

П е т р. Не говори ты мне! Жену подай!.. Жену подай, говорю я тебе!

А ф и м ь я. Ну, да нет ее, так и негде взять!

П е т р. Я ее найду, я ее найду.

А ф и м ь я. Что ты ножом-то махаешь, ну тебя! С тобой страсть одна, да и только.

П е т р. Я ее по следу найду!.. Я ее по следу найду! Теперь зима, снег, по следу все видно, месяц светит, все равно что днем. *(Садится.)* Страшно мне,

страшно! Вон метель поднялась... Ух, так и гудёт! Вон завыли... вон, вон собаки завыли. Это они на мою голову воют, моей погибели ждут... Ну, что ж, войте! Я проклятый человек!.. Я окаянный человек. *(Встает.)*

Афимья. Ишь ты, ишь ты! Ах, батюшки, как страшно!

Петр. Нет, не то, тетушка, все не то! Все я не то говорю. Вот что: кабы я не был женат, разве б меня Груша не любила? Я бы женился на ней. Стало быть, жена мне помеха, и во всем мне она поперек... Вот за это я ее и убью... за это за самое...

Афимья. Что мне делать-то с ним, ума не приложу.

В комнате вдруг появляется Еремка, которого видит только один Петр.

Петр. А, благоприятель! Что ж ты смотришь-то на меня? что ж ты так смотришь? Ведь сам научил, как жену извести!

Афимья. С кем он это говорит-то — никого нету. Наше место свято! Чур меня! Чур меня! Пойти разбудить всех! *(Уходит.)*

Петр *(Еремке)*. Что ты говоришь, а? Ну, да! И я тоже говорю, чудак человек! Вместе пойдем. Поскорей, поскорей! *(Останавливается.)* Ха, ха, ха! Смешной ты человек! Вот он ножик-то! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Агафон, Степанида, Даша и Афимья (входят).

Афимья *(взглянув в дверь)*. Ушел, ушел, и двери все настежь растворил. Послать людей за ним. *(Уходит.)*

Даша. Вот, матушка, сама ты погляди, как сладко мне жить-то!

Степанида. Ах ты, дитятко мое родимое, головка победная!

Агафон. Погоди, дочка, не ропщи. Живешь замужем-то без году неделя, а уж на жизнь жалуешься.

Даша. Да чего мне ждать и вперед-то, коли отец от него отступился совсем.

Агафон. Отец отступился, да, может, бог не отступился. Потерпи.

Даша. Рада бы я терпеть, да мука-то моя нестерпимая. Я его не виню, бог с ним, а жить с ним не хочу.

Агафон. Все это не дело, все это не дело! Ох, ох, ох! Нехорошо! Ты сама права, что ль? Дело ты сделала, что нас со старухой бросила? Говори, дело сделала? Так это и надо? Так это по закону и следует? Враг вас обуял! Вы точно как не люди! Вот ты и терпи, и терпи! Да наказанье-то с кротостью принимай да с благодарностию. А то что это? что это? Бежать хочет! Какой это порядок? Где это ты видала, чтоб мужья с женами порознь жили? Ну, ты его оставишь, бросишь его, а он в отчаяние придет — кто тогда виноват будет, кто? Ну, а захворает он, кто за ним уходит? Это ведь первый твой долг. А застигнет его смертный час, захочет он с тобой проститься, а ты по гордости ушла от него...

Даша *(бросаясь на шею)*. Батюшка!

Агафон. Ты подумай, дочка милая, помекай хорошенько. *(Плача.)* Глупы ведь мы, люди, ох, как глупы!.. Горды мы!

Вася и Афимья входят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Вася и Афимья.

Вася. Боже мой! Что это такое? Что у вас случилось?

Афимья. А что?

Вася. Да Петр Ильич попался мне на Москва-реке, такой страшный, без шапки, бегает с ножом; ведь, того и гляди, в прорубь попадет.

Даша. Что же это? батюшки мои!

Вася. Вы бы хоть людей послали за ним.

Афимья. По всем концам разосланы, посылать больше некого.

Агафон. Пойдемте сами, други мои, пойдемте!

Даша. Пойдемте!

Петр входит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Петр.

Петр *(озирается)*. Кто тут? Что вы за люди? Жена!.. Живые вы люди, или нет? Скажите мне, ради бога.

Даша. Что с тобой?

Петр. Не стòю я, окаянный, того, чтобы глядеть-то на

вас! Да и не глядел бы, кабы не чужие молитвы. Простите меня, добрые люди, ради господа! *(Становится на колена.)*

А г а ф о н *(поднимая его)*. Что ты, что ты? Петр Ильич! Встань, встань!

П е т р. Я ведь грешник, злой грешник!.. Уж я покаюсь перед вами, легче мне будет на душе моей. Вот до чего гульба-то доводит; я ведь хотел жену убить... безвинно убить хотел. Взял я тут, пьяный-то, ножик, да и иду будто за ней. Мерещатся мне разные диковины да люди какие-то незнакомые, я за ними... я за ними... Спрашиваю: где жена? Они смеются да куда-то показывают. Я все шел, шел... вдруг где-то в колокол... Я только что поднял руку, гляжу — я на самом-то юру Москва-реки стою над прорубем. Вспомнить-то страшно! И теперь мороз по коже подирает! Жизнь-то моя прошлая, распутная-то, вся вот, как на ладóнке, передо мной! Натерпелся я страху, да и поделом! Вспомнил я тут и батюшкины слова, что хожу я, злодей, над пропастью. Вот они, правдивые-то слова. Так оно и вышло! Уж не забыть мне этой ночи, кажется, до самого гроба! Батюшка, матушка, поживите у нас!.. Помогите мне, добрые люди, замолить этот грех!.. Да и к батюшке-то сходите, скажите ему... сам-то я не смею идти.

В с е. Помоги тебе бог!

А г а ф о н. Что, дочка, говорил я тебе!

Д а ш а *(бросаясь к Петру)*. Голубчик, Петр Ильич!

ПРИЛОЖЕНИЯ
ВАРИАНТЫ

В «Приложениях» к тому печатаются:
очерк «Две биографии»;
первоначальная редакция пьесы «Картина семейного счастья» — «Исковое прошение»;
варианты авторских переработок пьес «Свои люди — сочтемся!», «Бедная невеста», «Не так живи, как хочется».

Текст очерка «Две биографии» печатается по черновому автографу *(ПД)* с небольшими исправлениями по смыслу.

«Исковое прошение» печатается по черновому автографу *(ГБЛ)*; воспроизводится верхний слой рукописи, без учета предшествующих авторских поправок и изменений, и только в концовке первого действия под строкой приводится первоначальный (нижний) слой текста.

Варианты авторских переработок текста пьес «Свои люди — сочтемся!», «Бедная невеста», «Не так живи, как хочется» даются по следующей схеме: после косой черты приводится текст первоначальной или подцензурной редакции; если в ней не было каких-то слов, фраз или отрывков текста, имеющихся в редакции, публикуемой в настоящем издании, это отмечается словом «отсутствует»; если, наоборот, в первоначальной (подцензурной) редакции были какие-то слова и фразы, отсутствующие в редакции, публикуемой в настоящем издании, это всякий раз отмечается особо. Значительные по размерам фрагменты текста даются только по их начальным и конечным словам, соединенным знаком ∽ (тильда). Страницы и строки (счет строк идет сверху) указаны по настоящему изданию.

ДВЕ БИОГРАФИИ

Два раза в день по Москворецкому мосту проходит чиновник: в девятом часу утра и в третьем часу дня. Я его видал часто, и, если вы хотите его видеть, ступайте в эти часы на Москворецкий мост и непременно увидите. Но если вы его увидите, не трудитесь разгадывать жизнь его и душу по физиономии; как бы вы ни были искусны в физиономике, вы ничего не разгадаете.

Поутру он идет в присутствие с угрюмым видом — не хочется ли ему идти в должность, работал ли он всю ночь, или у него болит голова с похмелья,— вы этого никак не разберете. Возвращается домой с веселой улыбочкой, и вы опять не разберете, отчего он улыбается,— взял ли он взятку, или мысленно обедает. Нет, вы не трудитесь, а вот лучше я вам расскажу его биографию, которую слышал от него самого.

На Зацепе, недалеко от церкви Флора и Лавра, стоял небольшой серенький домик; пять окошек смиренно смотрели на широкую немощеную улицу, которая неизвестно почему называлась Дворянской. В этом доме жил поседевший на службе чиновник Зверобоев с женой и с маленьким сыном — Яшей. Этот-то Яша и есть герой нашего рассказа. Первое счастливое и ничем не возмутимое время детства провел он на этой Дворянской улице в играх с соседними ребятишками. То пускали змей, то играли в бабки, а если была погода мокрая, отчего обыкновенно вся Дворянская улица превращалась в одну лужу, они делали из бумаги лодочки и пускали их по воде; зимой снежки и горы.

Но недолго он пользовался этой свободой. Однажды отец его, воротясь из присутствия, подозвал его к себе и решительным голосом сказал ему: полно тебе по улице-то шляться, баклуши-то бить — пора за дело приниматься— и с этим словом вынул из кармана книжку, которую он купил мимоходом у Ифимивского сада. Вот тебе, Яшка, азбука. За обедом толковали о том, когда начать ученье, выбирали легкий день и положили отслужить в воскресенье молебен и начать азы. К тому же времени Максимке велено было выточить из лучинки указку. Максимка учился в приходском училище и был художник на эти вещи. Все эти приготовления до крайности пугали Яшу, и он дожидался воскресенья, как смертной казни.

Вот пришло воскресенье, после молебна начался торжественно первый урок. Посадили Яшу за стол, дали ему в руки указку. Отец сел подле него, подле стола стояла мать, несколько расстроенная, из-за двери выглядывали Домна и Максимка. Предварительно, в виде введения, отец сказал Яшке: «Если ты эту азбуку изорвешь, так я тебя для первого раза выпорю; за нее, дурак, деньги плочены».

Первый урок прошел для нашего героя довольно счастливо, зато последующие обходились ему не так дешево. Причина этому была та, что учил Яшу сам отец и время уроков было после обеда (поутру Зверобоев был в должности, а вечером занимался работой дома). Иван Иванович возвращался из присутствия обыкновенно усталый и голодный и нимало не медля выпивал водочки и потом с необыкновенным аппетитом принимался обедать. За обедом он выпивал довольно водочки, и после обеда ему необходимо было соснуть немножко, а тут Яшка подвертывался с азбукой, ну за это и платился он, вымещалось на нем все — и усталость, и дремота, и выпитая водка.

Упал духом наш Яша. Поутру другие мальчики играют на улице, а его мать посадит за книгу, а сама уйдет хозяйством заниматься. Учись не учись, а с места встать не смей. Твердит Яша азы да поглядывает в окошечко. Опротивела ему наука пуще бог знает чего.

Наконец Яша выучил азбуку всю от доски до доски. А эта азбука была следующего содержания: сначала буквы и склады, потом необходимые для жизни правила, как-то: будь благочестив, уповай на бога и прочее, после этого четыре стихии, семь смертных грехов и в заключение — помни последняя твоя: смерть, суд и геенну огненную. Эта азбука за Москвой-рекой в большом употреблении. И Яша выучил эту азбуку наизусть по порядку и в разбивку.

Требовалось дальнейшее усовершенствование. А средств к этому не предвиделось. Отец не знал, чему учить его после азбуки, да уж ему и надоело, правду сказать. Отдохнул было наш Яша немножко. Но вдруг, на беду его, судьба загнала к ним в дом семинариста, дальнего родственника отца его. Х. Х. Рисположенский, окончив курс, пришел к ним погостить до приискания места. Семинариста приняли с распростертыми объятиями. Привели Яшу.

— Вот, батюшко, поучи у меня дурака-то,— сказал У. У.

— Ну, теперь, Яшка, держи ухо востро. Я, брат, тебе заранее говорю: ты уж лучше учись охотой, а то ведь и заставлю учиться, я, брат, сам был лентяй большой; меня колотили, колотили, да так и отступились, а уж от тебя-то я не отступлюсь, ты будешь лениться, а я тебя сечь. От нас прежде ученья-то не спрашивали, так меня, брат, посекли, посекли да махнули рукой, а теперь, брат, от вас

науки спрашивают, так я тебя хоть по два раза в день буду сечь, а уж выучу.

— Хотя корни учения горьки, но плоды оного сладки,— сказал семинарист.

Яша заплакал. Отец:

— Что ты, дурак, плачешь, будешь хорошо учиться, так коллежским асессором сделают.

Началось новое ученье; Яша с испугу учился очень хорошо; он имел от природы большое дарование, а именно смекательность, но он был боек и проворен в ответах, а это ужасно беспокоило семинариста, ему казалось это каким-то пороком, который хуже лености; в голове его наука и трепет были понятия неразрывные. Думал, думал семинарист, отчего это ребенок отвечает весело и быстро на вопросы его, а не сложа на груди руки и с подобающим смирением; это очень беспокоило его. Наконец семинарист вспомнил, что по неопытности своей во учительском ремесле он пропустил один очень важный предмет в образовании. Он ударил себя рукой по лбу и пошел к отцу Яши. Тот лежал на диване; семинарист, ходя по комнате из угла в угол и заложивши руки назад, начал приступ к своей речи (он ничего не начинал без приступа). После приступа, в котором главною темою было то, что хотя корни учения горьки, но плоды оного сладки, семинарист высказал свою мысль, что Яшу не худо сечь по субботам, собственно для того, чтобы Яша боялся и понимал, что наука есть дело важное, а не забава. Отец сказал:

— Мне какое дело, как хотите, так и делайте, вы лучше знаете.

И начали Яшу сечь по субботам. Для семинариста было очень весело разыгрывать роль учителя, когда он сам был до двадцати пяти лет подобострастным учеником, а для Максимки, которого самого секли в приходском училище каждую субботу, приятно было исправлять должность екзекутора. Каково-то было Яше. Заступилась было за него мать; но ее легко было убедить, что если и бьют ее Яшу, то это делается для его же счастия, что корни учения горьки, а плоды оного сладки, что за битого двух небитых дают, и она скрепя свое материнское сердце позволила учить Яшу грамматике той же мучительной методой, какой медведей плясать учат. Восстала было нянька Яши, Домна, но и ту скоро убедил Максимка тем, что и генеральских детей секут, когда учат. Бедный Яша только и вздохнет, бывало, когда вырвется в воскресенье погулять на улицу. Да и тут наука ревнивым оком следила за его весельем. Заиграется ли он очень, тут заворчит на него нянька: «Хоть бы тебя за книгу пригодили хорошенько».

Можете себе представить, как опротивела ему наука, которая только что еще начиналась для него. К счастью его, семинарист нашел себе место и поступил куда-то в дьяконы, а его отдали в учеб-

ное заведение. Здесь бы следовало описать это заведение, но так как оно было не за Москвой-рекой, то и не подлежит нашему рассказу, и скажем об нем столько, сколько оно имело влияния на Яшу. Здесь предстали ему науки в той дикой педантической методе, которая пугает свежий ум, в том мертвом и холодном образе, который отталкивает молодое сердце, открытое для всего живого. Душа юношеская открыта, как благоухающая чашечка цветка, она ждет, она жаждет оплодотворения, а кругом ее сухая атмосфера капризной, бестолковой схоластики; душа, как цветок, ждет влаги небесной, чтобы жить и благоухать, а схоластик норовит оторвать ее от питающего стебля и высушить искусственно между листами фолианта.

В юношеские годы впечатления очень сильны и часто на всю жизнь оставляют следы на душе, а как болезненно и тяжело впечатление науки. После неприятной встречи с наукою в молодости человек едва ли захочет встретиться с ней в другой раз. Обыкновенно бойкие дети более всего привязываются к математике, это говорит не столько в пользу математики, сколько в пользу ее преподавания, потому что сущность математики допускает менее схоластики и наука сама себе и форма и содержание. И Яша пристрастился к математике. Но у них в заведении был странный спор между словесностью и математикой; учитель словесности с учителем математики были враги и наперерыв старались доказывать: один вред математики, а другой вред словесности. Ученики также разделялись на две партии. Для тех, которые были потупее и поприлежнее, легче было учить наизусть риторику, чем алгебру, а для тех, которые были подаровитее и поленивее, легче было смекнуть умом, чем учить наизусть то, чего никаким умом не смекнешь и не оправдаешь. У одних девизом было Кошанский и риторика, а у других Франкер и алгебра. Одни преследовали других беспрестанно. И даже сочинены были стихи на этот случай, в которых описан спор поэта с математиком. Эти стихи оканчивались так:

Схватил сын Феба за пучок
Глупца, количеством венчанна
И, дав ему один толчок,
Поверг на землю бездыханна,—

чем и доказывалось окончательно преимущество словесности.

Был еще в заведении спор между старыми языками и новыми. Учителя старых языков, поседевшие над грамматиками и хрестоматиями, косо смотрели на молодых иностранцев; а немцы и французики, не знавшие ничего, кроме своего языка, говорили, что и не надобно ничему учиться, стоит только выучиться по-французски или по-немецки, что для жизни нынче ничего не спрашивают, ни

латинского и греческого, а знай по-французски, так будешь принят в лучшие дома в Москве. Ко всему этому начальник заведения был человек жестокий и подозрительный. Чудный был у него характер, на всякого мальчика он смотрел подозрительно. Бойкие и шалуны меньше занимали его, и он был с ними гораздо ласковее, напротив, тихие и робкие, особенно из первых учеников, очень беспокоили его, он следил за каждым их шагом, за каждым движением. И как он был рад, когда поймает, бывало, их в какой-нибудь шалости.

Вот кончено ученье — лучшая половина жизни прошла в приготовлении человека для службы и общества. Как же его приготовили? А вот как: врожденные инстинкты или не развиты, или убиты в зародыше. Эстетическое чувство, способность мыслить, воля... что ж осталось в Яше для службы и общества? Осталась одна русская сметка. Но этой сметки мало для жизни. С этой сметкой он иногда быстро смекнет, быстрее других, в каком-нибудь юридическом случае, кто прав, кто виноват, но он никогда не постигнет сущность этой науки, никогда не найдет той точки, с ⟨которой⟩ может окинуть весь горизонт науки со всеми его частностями и случайностями. С этой сметкой он выгодно купит несколько сажен дров, но никогда не устроит порядочно своего хозяйства. Одним словом, с этой сметкой человек действует и в семействе, и в обществе, и в службе как партизан.

И вот наш Яша, кончивши ученье нравственным калекой, с умом, устроенным наподобие иррегулярной конницы, вступает в свет. Теперь он захотел воспользоваться свободой и целый год провел отдыхая, то есть ничего не делая. Ходил по Москве, по гуляньям, осматривал достопамятности, сходил к Троице, в Косино, в Новый Ерусалим, одним словом, вел жизнь совершенно рассеянную; он так был рад своей свободе, что забыл вместе с науками и все свое детство — ему казалось, что он только теперь начал существовать, а все прошедшее казалось ему каким-то неясным. Наконец и это счастливое время прошло, надобно было поступать на службу; отец определил его куда-то, где у него был знакомый секретарь, но, исполнивши этот долг, умер скоропостижно.

Комедия

ИСКОВОЕ ПРОШЕНИЕ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ДЕЙСТВ⟨УЮЩИЕ⟩ ЛИЦА:

Куп⟨ец⟩ Пузатов, ⟨Антип Антипович⟩.
Жена ⟨его⟩ 30 ⟨лет⟩, Матр⟨ена⟩ Савиш⟨на⟩.
Сестра мужа 20 ⟨лет⟩, Мар⟨ья⟩ Ант⟨иповна⟩.
Мать Пузатова.
Сосед, куп⟨ец⟩ Ширялов, Пар⟨амон⟩ Пар⟨амонович⟩.
В доме Пузатова.

ЯВЛЕНИЕ 1-е

Матр⟨ена⟩ Сав⟨ишна⟩ и Мар⟨ья⟩ Антип⟨овна⟩ сидят у окна и смотрят.

Мар⟨ья Антиповна⟩ Что это Дарья нейдёт так долго.— Ах, какая скучная.

Мат⟨рена Савишна⟩ Да ты видела.

Мар⟨ья Антиповна⟩ Видела. Сейчас прошли.

Мат⟨рена Савишна⟩ А куда прошли.

Мар⟨ья Антиповна⟩ Сначала[1] вот так прошли, а потом назад, а потом опять назад, да на углу-то за лавочкой у бутки и остановились. Я сейчас же Дарью и послала, да вот и нейдёт.

Матр⟨ена Савишна⟩ Что же это она в самом деле так долго. А в чем они?

Мар⟨ья Антиповна⟩ Да уж я, сестрица, не ошибусь. Чижиков в сером пальте, а на Зябликове черный альмавив и соломенная шляпа. Что, сестрица.

Матр⟨ена Савишна⟩ Это они.

Мар⟨ья Антиповна⟩ Ах! Что ж это Дарья-то.

Вбегает Дарья.

Дарья. Ну мат⟨ушка⟩ барыня, совсем было самой попалась.

Мар⟨ья Антиповна⟩ Как же это ты.

---

[1] Слово стерлось и читается предположительно.

Дарья. Я бегу назад-то, а Степ⟨анида⟩ Трофимов⟨на⟩ стоит у подъезда, что-то дворнику показывает. Куда ты, говорит, это Дарья ходила: да ведь я, мат⟨ушка⟩,— тоже девка-то не промах, за шелком, мол, в лавочку бегала, а сама к вам поскорей. А то чего доброго остановит пожалуй. Скажет, ты за шелком ходила, а ну покажи. Тогда куды деваться. Она у нас до всего доходит. Вот вчерась приказчик Петруша...

Мат⟨рена Савишна⟩ Ах Даша, да они-то что ж.

Дар⟨ья⟩ Да. Кланяться приказали *(оглядывается кругом, вынимает из-за пазухи 2 письма)*. Побольше-то вам, а вот поменьше-то вам, барышня. Да еще приказывали, чтобы непременно, говорит, в пятницу в Останкино приезжали,— этак в вечерни, говорит. Да ты, говорит, Дарья, скажи, чтобы непременно приезжали, хоть и дождик будет, все бы приезжали.

Мар⟨ья Антиповна⟩ Что ж, сестрица, поедемте.

Мат⟨рена Савишна⟩ Ну, так ты, Дарья, беги опять да скажи, что, мол, приедут в пятницу; а ответ, мол, ужо пришлют, слышишь.

Дар⟨ья⟩ Слушаю-с — больше ничего.

Мар⟨ья Антиповна⟩ Да скажи, Даша, что принесите, мол, каких-нибудь книжечек — почитать,— бар⟨ышня⟩ просит.

Дар⟨ья⟩ Слушаю-с — больше ничего.

Мат⟨рена Савишна⟩ Ничего.

Дар⟨ья⟩ Ну, так я побегу *(уходит)*.

Распечатывают пис⟨ьма⟩ и читают.

⟨Матрена Савишна⟩ Ну-ка, Маша, что они нам пишут.

Мар⟨ья Антиповна⟩ Ах, сест⟨рица⟩ что этот Зяб⟨ликов⟩ пишет, бог его знает.

Мат⟨рена Савишна⟩ А что.

Мар⟨ья Антиповна⟩ Да вот *(читает)*. «Невинный ангел Марья Антиповна. Как часто ночью, когда луна, царица ночи, плавает по горизонту, я мечтаю об вас, обожаемое существо. Когда сердце тоскует и душа покрыта печалью, я вспоминаю ваши черты и как бы в тумане вижу ваш образ». Уж это я и не знаю, что такое. Да и дальше-то. «Ваш образ как лучезарное светило в эфирном пространстве». Никак не поймешь. Вот всякий раз так. Может быть, он это насмех подымает.

Мат⟨рена Савишна⟩ Маша, что ты! Это он уж так от сильного чувства.

Мар⟨ья Антиповна⟩ А вот и стишки на конце.

Матр⟨ена Савишна⟩ Ну-ка прочти.

Мар⟨ья Антиповна⟩ Стонет сизый голубочек...

Мат⟨рена Савишна⟩ Ах, Маша, какие чувствительные! *(Чит⟨ает⟩ про себя.)*

Мар⟨ья Антиповна⟩ *(смотр⟨ит⟩ в окно)*. Сестрица, сестр⟨ица⟩, идут. Сестрица, оглянулся.

Мат⟨рена Савишна⟩ Ты, Маша, не очень высовывайся-то, Лопатиха увидит; старуха-то уж и то замечать начинает. Что тогда, Маша.

Мар⟨ья Антиповна⟩ Беда, сестрица.

Мат⟨рена Савишна⟩ Ах, Маша, какая беда-то.

Мар⟨ья Антиповна⟩ Ну, сестрица, в переулок поворотили *(отходит от окна, вздыхает)*.

Мат⟨рена Савишна⟩ Ну-ка, Маша, ты побойчее моего читаешь-то. Что это такое, вот не разберу *(читает)*. «Хотя вы и говорите, что муж ваш очень ревнив, но неужели он такой... такой» — вот это какое-то нехорошее слово.

Мар⟨ья Антиповна⟩ Что это Атилла — нет Ателла, кажется, или Атилла, уж, право, не знаю, а вот мы, сестр⟨ица⟩ в пят⟨ницу⟩ спросим — что это такое. Ну, а дальше-то, сестрица,— что.

Мат⟨рена Савишна⟩ *(читает с расстановкой)*. «Неужели он такой Атилла, что вас не пустит в Останкино. А мне нужно вас видеть непременно, вы знаете мое положение и как мне нужны...» Ну, Маша, уж это наши дела. Поди напиши что-нибудь Зябликову-то, пока А⟨нтип⟩ А⟨нтипыч⟩ не приехал, надо ужо послать.

⟨Марья Антиповна⟩ (уходит).

Матр⟨ена Савишна⟩ *(садится к столу)*. «Как мне нужны», ну уж это знаю. «Да привезите бут⟨ылку⟩ мадеры. Зябликов очень любит. Да Зябликов говорит, что он больше не пойдет со мной. Мне, говорит, надоело таскаться каждый день. Твое, говорит, другое дело, а я из-за чего хожу,— поглядеть на Мар⟨ью⟩ Ант⟨иповну⟩, говорит, невелика благодать. Хоть, гов⟨орит⟩, она и пишет: «Мой ангел — мое блаженство»,— а как сойдемся— так только у ней и разговору, какие ее маменька варенья варила да сколько огурцов посолили. Да, говорит, она, должно быть, вовсе дура. Вы, М⟨атрена⟩ С⟨авишна⟩, этого письма пожалуйста ей не показывай⟨те⟩. Мало ли, говорит, что они пишут.— Вон Мар⟨ья⟩ Ант⟨иповна⟩ пишет во всяком письме: твоя по гроб моей жизни, а того и гляди, что за какого-нибудь бородача выдет замуж. Это, говорит, они нашего брата только по губам мажут. Баловство, говорит, одно, а не любовь. А все

от того, что им делать нечего. Сидят разодевшись с утра до вечера у окошка. Так это, говорит, они от скуки записочками и занимаются. Конечно, твое дело другое». Вот беда-то! — ну, как в самом деле он не пойдет больше — что мне тогда с Марьей-то делать — она меня просто съест. Такое наказание — право, навязалась эта девчонка на шею. Хоть бы ее поскорей замуж выдать за кого-нибудь *(задум⟨ывается⟩ и потом пишет)*. «Скажите Зябликову, чтобы он походил с вами еще немножко, может быть, мол, за тебя и замуж отдадут — ведь у нее 50 т⟨ысяч⟩ денег. А коли не пойдет, так сыщите кого-нибудь другого. А то и мне нельзя будет из дому отлучиться ни на минуту—повидаться с тобой, мое блаженство: она тогда все перескажет мужу» *(пишет ...⟨1нрзб⟩ и потом запечатывает)*.

М а р⟨ь я А н т и п о в н а⟩ *(входит, запечатывает)*. Сестрица, я написала Зябликову.

Д а р⟨ь я⟩ *(вбегает)*. Сам приехал. Сам приехал *(берет у них письма)*.

Г о л⟨о с П у з а т о в а⟩ Жена, а жена, Мат⟨рена⟩ Сав⟨ишна⟩.

⟨П у з а т о в⟩ *(входит)*. Жена.

М а т⟨р е н а С а в и ш н а⟩ Что там.

П у з⟨а т о в⟩ Здравствуй, ха-ха, а ты думала и б⟨ог⟩ знает что? *(Целуются.)* Поцелуй еще *(заигрывает)*.

М а т⟨р е н а С а в и ш н а⟩ Полно дурачиться-то, перестань, А⟨нтип⟩ А⟨нтипыч⟩ Э, как тебе не стыдно.

К у п⟨е ц⟩[1] ⟨П у з а т о в⟩ Да поцелуй еще.

М а т⟨р е н а С а в и ш н а⟩ Ах, отстань, ради бога.

К у п⟨е ц⟩ ⟨П у з а т о в⟩ Уважь *(целуются)*. Ай да жена, вот люблю, ай да Мат⟨рена⟩ Сав⟨ишна⟩.— Знаешь ли что, Мат⟨рена⟩ Савиш⟨на⟩.

М а т⟨р е н а С а в и ш н а⟩ Что еще?

К у п⟨е ц⟩ ⟨П у з а т о в⟩ Хорошо бы теперь чайку выпить-с *(садится на диван и отдувается)*.

М а т⟨р е н а С а в и ш н а⟩ Дарья.

Д а р⟨ь я⟩ Что прикажете?

М а т⟨р е н а С а в и ш н а⟩ Давай самовар да спроси ключи у Степ⟨аниды Трофимовны⟩.

Д а р⟨ь я⟩ Сейчас *(уход⟨ит⟩)*.

К у п⟨е ц⟩ ⟨П у з а т о в⟩ *(грозно)*. Жена, а жена.

М а т⟨р е н а С а в и ш н а⟩. Что еще.

---

[1] Островский называет Пузатова то «куп⟨ец⟩», то «Антип Антипыч».

Шир[1] ⟨Пузатов⟩ Поди сюда. Говорят тебе — поди сюда.
Мат⟨рена Савишна⟩ Да что ты очумел что ли?
Шир ⟨Пузатов⟩ Что я с тобой иделаю.
Мат ⟨рена Савишна⟩ Да что с тобой?
Шир⟨Пузатов⟩ А, испугалась, ха. Нет, Матр⟨ена⟩ Сав⟨ишна⟩, это я так, шутки шучу. Что ж чайку-то-с.
Мат⟨рена Савишна⟩ Сейчас.

К⟨упец⟩ сидит, сопит и утир⟨ается⟩ платк⟨ом⟩ Ст⟨епанида⟩ Тр⟨офимовна⟩ вход⟨ит⟩ и Дарья несет самовар.

⟨Степанида Трофимовна⟩ Вот пострел, прости госп⟨оди⟩. Эка угорелая девка! Ну что ты бежишь-то сломя голову, ведь над нами не каплет. Да уж и ты-то, отец мой, никак с ума спятил. Который ты раз чай-то пить принимаешься — дома два раза пил, да, чай, в городе-то нахлебался досыта.
А⟨нтип⟩ А⟨нтипович⟩ Что ж, ничего! Что за важность! Не хмельное! С Брюховым ходили. Ходил с Саввой Сав⟨вичем⟩. Что ж. Отчего с хорошим человеком чайку не попить. А я нынче Брюхова-то, мат⟨ушка⟩, рубликов на 1000-чку оплел.
Ст⟨епанида⟩ Тр⟨офимовна⟩ Уж где тебе, дитятко, самого-то, чай, кругом обманывают! За приказчиками ты не смотришь. Торговлей не занимаешься — уж какая это торговля,— с утра до вечера в трактире сидите, брюхо наливаете.

Пауза.

Ох, никакого-то, как посмотрю я, у вас порядку нету. Уж вы и меня-то с пути сбили. Поутру самовар со стола не сходит до 11-ти часов,— сначала молодцов напоишь — в город отпустишь, потом ты, родимый, подымаешься,— тебя-то скоро ли ублаготворишь, потом барыня-то твоя. Не то что к обедне сходить, вы и лба-то перекрестить не дадите, прости госп⟨оди⟩. Как бы жил ты, Антипушко, по старине-то, как порядочные люди-то живут — встал бы ты в 4 часа, за хозяйством бы посмотрел, на дворе поглядел бы и все такое, и все как слественно: к обедне бы сходил, голубчик, да и хозяюшку-то свою поднял бы: «вставай, мол, полно нежиться-то, пора за хозяйство приниматься». Да таки и хорошенько бы. Что смотришь-то на меня, правду говорю, Мат⟨рена⟩ Сав⟨ишна⟩, правду.
Мат⟨рена Савишна⟩ Уж вы теперь начнете!

---

[1] Описка.

С т⟨е п а н и д а Т р о ф и м о в н а⟩ Ах, мать моя, да ведь мной только дом-то и держится! Вас не учить, так и добра не видать. Уж не тебе ли хозяйкой быть, сударыня. Встаешь-то ты, стыдно сказать, а грех утаить, в 11-м часу, а я-то тебя за самоваром изволь дожидать, а я, суд⟨арыня⟩, постарше тебя — так-то-с. Больно барственно, Матр⟨ена⟩ Сав⟨ишна⟩, больно барственно. Уж ты как не финти, а барыней не бывать, голубушка ты моя! — Все-таки купчиха. Эко разрядится, мантилии да билиндрясы разные навешает на себя, растопырится — прости господи; распустит хвост-то, как павлин; фу ты, прочь поди, так и шумит. А уж ты, Мат⟨рена⟩ Савишна, как ни крахмалься,— а все-таки не барыня — тех же щей, да пожиже влей.

М а т⟨р е н а С а в и ш н а⟩ Что же, не в платочке же мне ходить— и то сказать.

С т⟨е п а н и д а⟩ Т р⟨о ф и м о в н а⟩ А ты, сударыня, своим званием не гнушайся!

К у п⟨е ц⟩ ⟨П у з а т о в⟩ Что ж, отчего не рядиться, коли есть во что. Уж будто только одн⟨им⟩ ба⟨рыням⟩ и рядиться. Ничего, можно. Да она у меня как разр⟨ядится⟩, так лучше всякой барыни, вальяжнее, право. Ведь те, мат⟨ушка⟩, все мелочь, ха-ха, сухие да поджарые, взглянуть не на что. А она у меня, нечего греха таить, таки тово; есть-таки кое-что—этак из мягкого, ха-ха-ха.

М а т⟨р е н а С а в и ш н а⟩ Ну уж ты, Антип Антипыч, заврался, кажется.

М а р⟨ь я А н т и п о в н а⟩ Как вам, братец, не стыдно так конфузить.

С т⟨е п а н и д а⟩ Т р о ф⟨и м о в н а⟩ Знаю я, голубчик, знаю. Да вот как с тобой вместе-то выедет она куда-нибудь, разоденется-то, знаешь ли, да перо-то на сажень распустит, то-то, чай, бедная, думает: «Эко, дескать, горе мое, муж-то у меня пузастый да бородастый какой, а не фертик какой-нибудь раздушенный да распомаженный».

К у п⟨е ц⟩ ⟨П у з а т о в⟩ Чтоб она меня, молодца такова, да променяла на кого-нибудь,— красавца-та этакого *(разглаж⟨ивает⟩ усы)*. Ну-ка, Мат⟨рена⟩ Сав⟨ишна⟩, поцелуйте-с.

Мат⟨рена⟩ Сав⟨ишна⟩ целует с притворн⟨ой⟩ неж⟨ностью⟩.

С т ⟨е п а н и д а⟩ Т р о ф⟨и м о в н а⟩ Эх, дитятко, враг-то силён. Мы с покойник⟨ом⟩ жили не вам чета, и гораздо-таки полюбовнее, да все-таки он меня в страхе держал, царст⟨во⟩

ему неб⟨есное⟩. Как ни любил, как ни голубил, а в спальне на гвоздике плетка висела про всякий случай.

Мат⟨рена Савишна⟩ Уж вы, маменька, бог знает что выдумываете! Вы доведете до того, что опять истерика сделается.

Ст⟨епанида⟩ Троф⟨имовна⟩ Ты, матушка, и не говори лучше. А то я и еще кой-что знаю, мне Лопатиха-то сказывала. Да уж я это к случаю берегу, все в кучку коплю. Я бы и не сказала, мне, пожалуй, бог с вами, живите, как знаете, свой разум есть. Да вот вы у меня и Машутку-то избаловали совсем.

Куп⟨ец⟩ ⟨Пузатов⟩ А что, Маша, хочешь, я тебе жениха найду.

Ст⟨епанида⟩ Тр⟨офимовна⟩ Давно бы тебе пора, сердешный, хватиться, а то ты, кажется, и забыл, что у тебя сестра девка на возрасте.

Мар⟨ья Антиповна⟩ Что вы, маменька, все на возрасте да на возрасте. Мне не бог знает сколько.

Степ⟨анида Трофимовна⟩ Полно модничать-то, сударыня! Я по четырнадцатому году замуж шла, а тебе ведь, стыдно при людях сказать, 20 годов.

Куп⟨ец⟩ ⟨Пузатов⟩ Хочешь, Маша, Косолапова посватаю.

Мар⟨ья Антиповна⟩ Ах, бр⟨атец⟩ да от него и в мясоед всегда луком пахнет, а в пост-то так просто ужасть. Такой противный.

Куп⟨ец⟩ ⟨Пузатов⟩ Ну, Голопятова.

Мар⟨ья Антиповна⟩ Да вы, бр⟨атец⟩ это нарочно мне все урод⟨ов⟩ навязываете.

Куп⟨ец⟩ ⟨Пузатов⟩ Что ж, ничего. Хорошие женихи, Маша, хорошие, ха-ха-ха. Важные женихи.

Мар⟨ья Антиповна⟩ Да это вы все насмех.

Ст⟨епанида Трофимовна⟩ Да ты полно зубы-то скалить, я дело говорю, что балясничать-то? А ты, сударыня, не бойся! Женихи найдутся, любова выбирай, ты у нас ведь не голь сарат⟨овская⟩, невеста с прид⟨аным⟩. Только за благородного не отдам, ты и не думай и не воображай себе.

Куп⟨ец⟩ ⟨Пузатов⟩ Уж будто, мат⟨ушка⟩, промежду благородных-то и путных нет совсем. Нет, что ж. Бывают.

Степ⟨анида Трофимовна⟩ Как, бат⟨юшко⟩, не быть, во всяком сословии есть. Да уж всякому свое. Отцы-то наши не хуже нас были, да в дворяне не лезли.

Куп⟨ец⟩ ⟨Пузатов⟩ Что ж, отчего за благород⟨ного⟩ не отдать. Ничего. Можно. Что за важность.

Ст⟨епанида Трофимовна⟩ Эх, голуб⟨чик⟩, хороший-то, который постепеннее — не возьмет, тому надо мало-мало

100-тню тысяч, а то 2 либо 3, ну а другие-то прочие, из мелких-то, так хоть бы их и не было совсем. Только что чванится собой да благородством-то своим похваляется: «Я-де благородный, а вы мужики», а сам-то ведь голь какая-нибудь, так, выжега, прости господи. Знаю я их. Вот Лопатиха за благородного отдала, не спросясь добрых-то людей, а я еще тогда самой-то говорила: «Эх, Максим⟨овна⟩, не садись, мол, не в свои сани, вспомнишь ты меня — да поздно будет». Так что ж: «Я, говорит, детищу своему не враг, хочу, говорит, как все к лучшему, все-таки, говорит, благородный, а не купец, может и дослужиться и в чины произойти. Да вот теперь близко локоть-то, да нет, сударь, не укусишь. Деньжонки-то, что дали, которые пропил, которые в картишки проиграл, сердешный. Я и на свадьбе-то была, банкет такой сделали, упаси господи. Покажите, говорю, жениха-то. Что ж, сударь ты мой, вот как теперь гляжу: маленький, да гнусненький такой, да фрачишко-то на нем этот натянут короткохвостый, весь это как облизанный, да вертится, прости господи, как бес какой, на месте не посидит, совсем и на жениха-то не похож, чужой человек и не узнает, ей-богу, не узнает, только фалдочки трясутся. Тут же я и подумала: знать, мол, вы, сердешные, хуже-то не нашли. Да нечего и говорить — всякий знает. Ну, положим, так не все же пьяницы, попадется и трезвый человек,— так он тебя табачищем одним из дому выкурит либо, грешное дело, по постам скоромное лопает *(плюет)*. Фу ты, мерзость какая, прости господи. Там кто их знает, может, они по службе-то своей, у должности-то, то есть и хорошие люди, дельные, да нам-то, сударь ты мой, дело неподходящее. То ли дело, Маша, купец-то хороший.

Шир[1] ⟨Пузатов⟩ Знаешь ли, Маша, гладкий да румяный, вот как я, уж и любить-то есть что, не то что стрекулист какой-нибудь чахлый. Так, что ли, Маша. А...

М⟨арья Антиповна⟩ Да перестаньте.

А⟨нтип⟩ А⟨нтипович⟩ Мат⟨рена⟩ Сав⟨ишна⟩, ведь правду я говорю.

М⟨атрена⟩ С⟨авишна⟩ Уж ты наладил одно и то же.

Ст⟨епанида⟩ Т⟨рофимовна⟩ Что ж, М⟨аша⟩, известное дело, уж и приласкать есть кого.

М⟨арья⟩ А⟨нтиповна⟩ Ах, маменька, да что вы, ей-богу. Я уйду. Пойдемте сестрица. *(Уходят.)*

Ст⟨епанида⟩ Т⟨рофимовна⟩ Стыдно стало, дело девичье.

---

[1] Описка.

А⟨нтип⟩ А⟨нтипыч⟩ Что ж! И за купца можно, отчего не отдать, дело хорошее.

Ст⟨епанида⟩ Тр⟨офимовна⟩ *(подвигается, вполголоса).* А вот, Ан⟨типу⟩шко, мне кума Терентьевна сказывала, Пар⟨амон⟩ Пар⟨амоныч⟩ жениться задумал. Вот упускать-то не надо. Что ж, признаться сказать, он хоть и старенек, и вдовый,— да денег-то, А⟨нтипушко⟩, больно много, куры не клюют. Ну да и человек-то степенный, набожный, примерный купец, в уважении.

Куп⟨ец⟩ ⟨Пузатов⟩ Только, мат⟨ушка⟩, уж больно плут.

Ст⟨епанида Трофимовна⟩ Ах, батюшки, да чем же он плут, скажи пожалуйста? Каждый праздник он в церковь ходит; да придет-то раньше всех, перед каждым образом свечку поставит, из церкви пойдет — всех нищих оделит, и посты держит, великим постом и чаю не пьет с сахаром — все с медом либо с изюмом. Так-то, голубчик, не то что ты. А если и обманет кого, так что за беда, не он первый, не он последний, человек коммерческий. Тем, Антипушко, и торговля-то держится. Не помимо пословица-то говорится: не обмануть, не продать.

Куп⟨ец⟩ ⟨Пузатов⟩ Что говорить. Отчего не надуть приятеля, коли рука подойдет, да уж, мат⟨ушка⟩, ведь не всякого же, иногда и совесть зазрит. Право слово, и смертный час вспомнишь ⟨1 нрзб⟩. Я и сам, коли где трафится, так не хуже его мину-то подведу, да ведь я и скажу потом. Вот, мол, я тебя так и так помазал маненько. Вот в прошлом году Саву Савича при расчете рубликов на 500 поддел. Да ведь я после сказал ему: «Вот мол, Сав⟨ва⟩ Сав⟨вич⟩, промигал ты полтысячки, да уж теперь, брат, поздно, говорю, а ты,мол, не зевай. Посердился немножко, да и опять приятели. Что за важность. А вот недавно немца Карла Иваныча рубликов на 300 погрел. Матр⟨ена⟩ Сав⟨ишна⟩ тряпья разного у него из маг⟨азина⟩ забирала, а он мне счетец и выписал 1000-чи в 2.

⟨Степанида Трофимовна⟩ Что ты говоришь! Какова!

Куп⟨ец⟩ ⟨Пузатов⟩ Что ж! Ничего! что за важность! Пусть щеголяет. А вот я думаю, неужели, мол, немцу все деньги отдать — как же, мол, не так, нет-с, жирно будет... Вот и недодал ему руб⟨лей⟩ 300 с небольшим, остальные, говорю, мусье, брат, после. Харошо, говорит, харошо, как и путный, да потом, сударыня ты моя, и начал приставать, как встретится, так только и слов у него: а что ж деньги,— надоел до смерти. Как-то под сердитую руку подвернулся этот немец: что ж, говорит, деньги; какие, говорю, деньги, я тебе, брат,

отдал давно и отстань ты от меня христа-ради. Вот и взбеленился мой немец: это, говорит, купцу не хорошо, это, говорит, фальшь, у меня, говорит, в книге записано. А я говорю: да ты чёрт знает что там в книге-то напишешь, тебе все и плати. Так, говорит, русской купец делает, немец никогда, я, говорит, в суд пойду. Вот и толкуй с ним. Поди, я говорю, немного возьмешь. Потащил в суд, что ж, мат⟨ушка⟩, ведь отперся, право отперся, говорю, знать не знаю, я ему заплатил; что ж такое, что за важность. Уж что с этим немцем смеху было, так беда. Вот идет из суда немец-то и говорит: ты, говорит, судей обманул; это, говорит, бесчестно. (Ишь ты, какой ловкий.) Да я, говорю, знаю, я бы тебе и отдал, К⟨арл⟩ Ив⟨аныч⟩, да деньги, говорю, брат, нужны. Наши-то рядские так животики надорвали со смеху. Выругал как-то посвоему да с тем и пошел.

Смеются оба.

А то все ему и отдать, да за что это, нет, уж это опосля честь будет; они там ломят цену какую хотят, а им и верят сдуру-то. И в другой раз то же сделаю, коли векселя не возьмет. Так я, мат⟨ушка⟩, вот как. А Ширялов-то, да это хуже жида, отца родного готов надуть, право, так вот в глаза и смотрит; у него уж сердце не на месте, коли он не обманул кого-нибудь. Когда в компании соберемся где-нибудь, так он то того отведет к сторонке, то другова, да на ухо шепчет, да целует, да голубчики, да любезные, так размазывает, как отец и благодетель: а тут-то за карман и держись. Вот у меня теперь за ним зашло 1000-ч 5, раз 10 говорил ему, разочтемся, Пар⟨амон⟩ Пар⟨амоныч⟩, а он тут тебе и начнет штуки разные подводить, да на ухо шептать что-нибудь, либо хи-хи-хи, да смехи разные, да вот целует тебя — так и замнет. Вот коли к празднику не отдаст, судиться стану.

Ст⟨епанида Трофимовна⟩ Эх, голубчик, не судись, лучше так как-нибудь помиритесь.

Входит Шир⟨ялов⟩.

Куп⟨ец⟩ ⟨Пузатов⟩ А! Пар⟨амон⟩ Пар⟨амоныч⟩, здравствуйте, почтеннейший.

Шир⟨ялов⟩ Здрав⟨ствуйте⟩, любезные, Ант⟨ип⟩ Ант⟨ипыч⟩, здрав⟨ствуй⟩, голубчик. *(Целуются.)* Мат⟨ушка⟩, Ст⟨епанида⟩ Тр⟨офимовна⟩, здр⟨авствуйте⟩. *(Целуются. Кланяется.)*

Куп⟨ец⟩ ⟨Пузатов⟩ Садись, Пар⟨амон⟩ Пар⟨амоныч⟩.

Ст⟨епанида Трофимовна⟩ Садитесь, батюшка.

Шир⟨ялов⟩ *(садится)*. Как поживаете, Ст⟨епанида⟩ Тр⟨офимовна⟩.

Ст⟨епанида Трофимовна⟩ Плохо, бат⟨юшка⟩, старость приходит. Вас как б⟨ог⟩ милует.

Шир⟨ялов⟩ Что, мат⟨ушка⟩ Ст⟨епанида⟩ Тр⟨офимовна⟩, на прош⟨лой⟩ неделе притча сделалась — так схватило, что боже упаси. Испугался шибко,—больно перепугался. Этак, сударыня ты моя, лом в костях сделался. Вот так тебе каждую косточку больно, каждый суставчик, коробит, сударыня ты моя, да и только. А пуще-то, мать ты моя, поясницу схватило.

Ст⟨епанида⟩ Тр⟨офимовна⟩ Дело немолодое — батюшка.

Шир⟨ялов⟩ Я туда-сюда, так-сяк, нет, суд⟨арыня⟩ ты моя, отпустит этак немножко, да опять схватит, даже под сердце подкатило.

Ст⟨епанида Трофимовна⟩ А, батюшки!

Куп⟨ец⟩ ⟨Пузатов⟩ Да ты, Пар⟨амон⟩ Пар⟨амоныч⟩, не хватил ли где этак через силу с приятелями.

Шир⟨ялов⟩ Нет, отец ты мой, больше месяца ничего не пил, в рот не брал, Ст⟨епанида⟩ Тр⟨офимовна⟩, то есть не то, чтобы бросил совсем, а так, погожу, мол, маленько. А зароку не давал, нельзя, мат⟨ушка⟩, человек слаб.

⟨Степанида Трофимовна⟩ Что говорить бат⟨юшка⟩.

Шир⟨ялов⟩ А я так, любезные, думаю, простудился, мол, я, как-нибудь потный на улицу, что ли, раздевшись вышел либо в саду гуляешь в рубашке вечером.

Ст⟨епанида⟩ Тр⟨офимовна⟩ Долго ли до греха, бат⟨юшка⟩, долго ли — чайку не хотите ли, Пар⟨амон⟩ Пар⟨амоныч⟩.

Пар⟨амон⟩ Пар⟨амоныч⟩ Покорно благодарствуйте! Сейчас пил, мат⟨ушка⟩, сейчас пил.

Ст⟨епанида Трофимовна⟩ Выкушайте, бат⟨юшка⟩.

Куп⟨ец⟩ ⟨Пузатов⟩ С нами-то за компанию.

Шир⟨ялов⟩ Плошечку пропустить можно. Только, мат⟨ушка⟩, сахар⟨у⟩ не ⟨1 нрзб⟩.

Ст⟨епанида Трофимовна⟩ наливает, Шир⟨ялов⟩ бер⟨ет⟩, пьет и продолжает.

Что ж, сударыня ты моя, какое я средствие избрал. Что, думаю себе, михстуры эти просто дрянь,— даром деньги берут. Дай-ко, думаю, я в баню схожу. Вот и пошел, пошел, сударь ты мой. Да винца послал купить полштофчика, да, мать ты моя, знаешь ли, краснова перцу стрючкового 2 стрючка. Вот добрым порядком составили эту специю. Половину-то

выпил — а то велел себя вытереть в пару, знаешь ли. Да приехамши-то домой пунштику выпил. Ночью-то, сударыня ты моя, меня в пот и ударило. Так пóтом и прошло, как рукой сняло.

Ст⟨епанида⟩ Тр⟨офимовна⟩ Вот у меня Ант⟨ипушка⟩ все пуншт⟨иком⟩ лечится.

Ант⟨ип⟩ ⟨Антипыч⟩ Это, брат, ото всякой болезни прибежище.

Шир⟨ялов⟩ ст⟨авит⟩ чашку.

Ст⟨епанида Трофимовна⟩ Выкушайте еще чашечку.

Шир⟨ялов⟩ Нет, увольте. Много доволен, Ст⟨епанида⟩ Тр⟨офимовна⟩, много доволен.

Ст⟨епанида Трофимовна⟩ Э, батюшка, без церемоний *(наливает)*. Как дела, батюшка.

Шир⟨ялов⟩ *(берет чашку)*. Слава богу, Ст⟨епанида⟩ Тр⟨офимовна⟩ — одно у меня горе. Сенька совсем от рук отбился. Что ты будешь делать? Ума не приложу.

Куп⟨ец⟩ ⟨Пузатов⟩ Что, закутил.

Шир⟨ялов⟩ Нет, хуже, Ан⟨тип⟩ Ант⟨ипыч⟩, хуже. Кабы запивал, так еще не велика беда, сударь ты мой. Много ли он пропьет. А то мотает не в свою голову. Вот, мат⟨ушка⟩ Ст⟨епанида⟩ Тр⟨офимовна⟩, детки-то нынче!

Ст⟨епанида⟩ Тр⟨офимовна⟩ А сам ты, Пар⟨амон⟩ Пар⟨амоныч⟩, виноват, избаловали вы мальчишку-то, так, ни закопейку. Вы бы ему с малолетства воли-то не давали — а уж теперь поздно. Пусть бы с молодцами в город бегал, приглядывался бы к торговле-то, руку бы набивал, так бы лучше было.

Шир⟨ялов⟩ Ах, мат⟨ушка⟩ Ст⟨епанида⟩ Тр⟨офимовна⟩, ведь он один у нас, один, сударыня, как перст. И то подумаешь: надо малова в люди вывести. Нынче, матушка, не то время, как мы, бывало, играем до 18 лет в бабки, а там тебя женят, да и торгуй. Нынче неученова-то дураком зовут. Да и то, Ст⟨епанида⟩ Тр⟨офимовна⟩, ведь у нас состояньице порядочное — бог благословил; что хорошего, станут говорить, что от этакова, мол, капиталу — одново сына воспитать не может. Да и хуже-то других быть не хочется, послышишь, тот сына в пиньсион отдал, другой отдал, тот в Ком⟨мерческую⟩ ака⟨демию⟩. Вот и свезли Сеньку в пиньсион, за год вперед деньги отдал, а он месяца через 3, судар⟨ыня⟩ ты моя, убёг оттедова. Стали дома учить — учителя нанял, дешевенькова. Учитель-то какой-то оглашенный попался, вовсе непутный, суд⟨арыня⟩ ты моя. Сенька-то выпросит у матери деньжонок, да с учителем-то либо в трактир, либо к цыган-

кам в Марьину рощу и закатятся. Прогнал учителя — прогнал. Да вот теперь и маюсь с Сенькой-то.

К у п⟨е ц⟩ ⟨П у з а т о в⟩ Выучил на свою голову.

Ш и р⟨я л о в⟩ Да что. Поминутно плачу за него, поминутно — тому 100, тому 200, портному 1000-чу руб⟨лей⟩ недавно заплатил. Лёгко ли дело, да я в 10 лет на 1000-чу руб⟨лей⟩ не изношу, право не изношу. *(Почти шёпотом.)* Одних перчаток прошлую зиму на 300 руб⟨лей⟩ забрал, ей-богу, на 300.

С т⟨е п а н и д а⟩ Т р⟨о ф и м о в н а⟩ А, батюшки.

К у п⟨е ц⟩ ⟨П у з а т о в⟩ Ха-ха, вот голова-то.

Ш и р⟨я л о в⟩ Да ведь вот что, везде ему верют, знают, что я заплачу. В тракт⟨ире⟩ в каком-то 1000-чи 4 должен. Что, Ан⟨тип⟩ Ан⟨типыч⟩ сказывал я тебе или нет.

К у п⟨е ц⟩ ⟨П у з а т о в⟩ Про что.

Ш и р⟨я л о в⟩ Про армяшку.

К у п⟨е ц⟩ ⟨П у з а т о в⟩ Нет! А что?

Ш и р⟨я л о в⟩ Комедия, сударь ты мой *(смеется, подвигается и говорит шёпотом)*. Вот наехал, сударь ты мой, в прошлом году этот армяшка. Продал шелк — завертелся туды-сюды — вот не плоше Сеньки. Стали в городе поговаривать, что, мол,— таво. А у меня, суд⟨арь⟩ ты мой, векселей его тысяч на 15. Вижу, дело плохо. Уж в городе, брат, не сбудешь, нет — сметили. Вот приезжает наш фабрикант. На городу где-то был. Я поскорее к нему, пока не прослышал. Что же, сударь ты мой,— все и спустил без обороту.

К у п⟨е ц⟩ ⟨П у з а т о в⟩ Ну что ж, как же.

Ш и р⟨я л о в⟩ Да двадцати пяти копеечек. Хи-хи-хи.

К у п⟨е ц⟩ ⟨П у з а т о в⟩ Что ты, вот важно, ха-ха-ха.

Ш и р⟨я л о в⟩ *(отодвигается)*. А вот Сенька-то не таков, нет, сударь ты мой, не таков — не таков... Компанию водит бог знает с кем, так, с людьми, нестоящими внимания,— внимания нестоящими *(ставит чашку на стол)*.

С т⟨е п а н и д а Т р о ф и м о в н а⟩ Выкушайте еще.

Ш и р⟨я л о в⟩ Нет, мат⟨ушка⟩, не могу, увольте, Ст⟨епанида⟩ Тр⟨офимовна⟩.

С т⟨е п а н и д а Т р о ф и м о в н а⟩ Без церемонии.

Ш и р⟨я л о в⟩ Нет, не могу, право не могу.

С т⟨е п а н и д а Т р о ф и м о в н а⟩ Ну как хотите, а можно бы еще.

Ш и р⟨я л о в⟩ Право не могу — не могу *(встает, кланяется)*.

С т⟨е п а н и д а Т р о ф и м о в н а⟩ Дарья, убирай чай.

Дарья убирает.

Прощайте, бат⟨юшка⟩ П⟨арамон⟩ П⟨арамоныч⟩.

⟨Ш и р я л о в⟩ Пр⟨ощайте⟩, мат⟨ушка⟩.

⟨С т е п а н и д а Т р о ф и м о в н а⟩ Заходите почаще, не забывайте. *(Целуются.)*

Ш и р⟨я л о в⟩ Ваши гости, мат⟨ушка⟩ Ст⟨епанида⟩ Тр⟨офимовна⟩, ваши гости. *(Кланяется.)*

Ш и р⟨я л о в⟩ Так вот, суд⟨арь⟩ ты мой, дома не живет, в городе не бывает — право, не бывает. Что ему город! Он, сударь, и знать не хочет, каково отцу деньги-то достаются. Пора бы на старости покой знать; а расположиться не на кого. Везде — сам. Вот недавно сам в лавку сел, а уж лет 15 не сидел. Что ж, суд⟨арь⟩ ты мой *(подвигается и шепчет)*, так вот, завалялась у нас штука.

А н т⟨и п⟩ А н т ⟨и п ы ч⟩ Говори вслух, никого нет.

Ш и р⟨я л о в⟩ Еще в 3 году цена-то ей была 2 руб⟨ли⟩ 40 — за аршин, а в нынешнем-то поставили 8 гривен. Вот, суд⟨арь⟩ ты мой, сижу я в лавке, идут две барыни, должно быть, маменька с дочкой. Нет ли у вас, говорят, материи нам на блузы, дома ходить. Как, мол, не быть, сударыня, достань-ка, говорю, Митя... модную-то. Вот, говорю, хорошая материя. А как, говорит, цена. Говорю — 2-50 себе, а барыша, что пожалуете. А вы, говорит, возьмите 1 ⟨рубль⟩ 8 гр⟨ивен⟩, слышишь, 1 ⟨рубль⟩ 8 гр⟨ивен⟩. Помилуйте, говорю, да таких и цен нет. Стали торговаться. 2 руб⟨ли⟩ дают, слышишь А⟨нтип⟩ А⟨нтипыч⟩ 2 рубли. Да вам, говорю, много ли нужно. Да, говорит, аршин 25. Нет, говорю, сударыня, несходно, извольте всю штуку брать, так уж так и быть по 2 с грив⟨ной⟩, говорю, возьму. А я, сударь ты мой, Ант⟨ип⟩ Ант⟨ипыч⟩, боюсь шевелить-то ее. *(Смеется.)* Шевелить-то боюсь. Что ж, мои барыни-то потолковали, да и взяли всю штуку. Разини-то мои так и ахнули *(смеется)*.

К у п⟨е ц⟩ ⟨П у з а т о в⟩ Молодец Пар⟨амон⟩ Пар⟨амоныч⟩, вот молодец.

Ш и р⟨я л о в⟩ А вот Сенька-то не таков, не таков, сударь ты мой *(вздыхает)*, вовсе не таков. Это повадился в театр, то есть каждый день, суд⟨арь⟩ ты мой. Всех-то он там знает, со всеми знаком. Да что — прихожу я как-то к Остолопову. Отдай, говорит, деньги. Какие, мол, деньги. А за шаль, говорит. За какую шаль. Да, говорит, намедни твой сын взял. Я думаю себе, на что это ему шаль — ума не приложу. Уж известно, от него не добьешься; стал стороной расспрашивать. Что ж, сударь ты мой,— какая-то там актриса у него.

К у п⟨ец⟩ ⟨П у з а т о в⟩ Что ты.

Ш и р⟨я л о в⟩ *(жалобно)*. Вот поди с ним. Уж и то примерно последний конец, Ант⟨ип⟩ Ант⟨ипыч⟩. Уж не зови своим.

К у п⟨е ц⟩ ⟨П у з а т о в⟩ Это, Пар⟨амон⟩ Пар⟨амоныч⟩, значит пора женить, вот что, брат, малова.

Ш и р⟨я л о в⟩ *(с отчаянием)* Нет, Пар⟨амон⟩ Пар⟨амоныч⟩ [1], погоди. Ты вот что скажи: ведь уж это, брат, конец просто. Ведь это словно как решето: вот теперь шаль, а там скажет — салоп соболий, а там квартиру, а там мебель всякую, лошадей пару, то — другое. Яма бездонная.

К у п⟨е ц⟩ ⟨П у з а т о в⟩ Уж известное дело.

Ш и р⟨я л о в⟩ А уж человек-то, Ан⟨тип⟩ Ант⟨ипыч⟩, кругом них, как слепой сделается. Этот народ, А⟨нтип⟩ А⟨нтипыч⟩, соблазн просто.

П у з [2] ⟨а т о в⟩. Что говорить! Сам не свой человек сделается. Одно, брат П⟨арамон⟩ П⟨арамоныч⟩, средство — женить поскорей.

Ш и р⟨я л о в⟩ Легко сказать, А⟨нтип⟩ А⟨нтипыч⟩, женить, да как ты его женишь-то.

П у з⟨а т о в⟩ Как женить! Уж известно, не связать же. А вот невесту подыскать с капитальцем, знаешь ли, так небось, не откажется — отчего не жениться, всякому лестно.

Ш и р⟨я л о в⟩ Да какая за него пойдет? Какая сумасшедшая пойдет за него, за такого беспутного.

П у з⟨а т о в⟩ А что ты думаешь, побрезгают — нет, ничего, право слово, ничего. Да у нас, брат, холостые-то сплошь да рядом такие. Помнишь, каков я-то был холостой. И пьяница-то, и гуляка-то, и на всякие художества,— батюшка покойник так и рукой махнул. Да ведь мы театров-то, друг, не знали. У нас закатился в Марьину либо к цыганкам в Грузины да пьянствуешь недели 2 беспросыпу. Меня в Преображенском за девку, вот ленты ткут, фабричные было до смерти убили. Вся Москва знала. Да вот отдали же за меня Матр⟨ену⟩-то Савишну. Нет, это, брат, ничего, нужды нет.

Ш и р⟨я л о в⟩ Да отец родной [3], что ты говоришь, женить — да

---

[1] Описка, нужно: «Антип Антипыч».

[2] Наверху листа перед репликой Пузатова написано: «Продолжение I акта».

[3] Далее в нижнем слое автографа:
[все несподручно то есть. Пошлешь сваху куды-нибудь, гляди откажет, да как в другом месте тоже, вот и пошел на всю Москву разговор]
П у з⟨а т о в⟩ Да хочешь посватаю.
Ш и р⟨я л о в⟩ В правду.

невесту с капиталом. Да голуб⟨чик⟩ ты мой, он теперь и без денег-то вертится как угорелый, а попадись ему деньги-то, так он такой кранболь сделает,— только пшик, да и все тут, как порох.

Куп⟨ец⟩ ⟨Пузатов⟩ В оборот пустит.

Шир⟨ялов⟩ Нет, а уж я думаю, суд⟨арь⟩ ты мой, его в газете опубликовать. Вот, дескать, сыну моему от меня никакого доверия нет, долгов за него не плачу и впредь не намерен. Да и подпишу: Купец I гил⟨ьдии⟩ П⟨арамон⟩ П⟨арамоныч⟩ сын Ширялов.

Куп⟨ец⟩ ⟨Пузатов⟩ Что ж, ничего, можно.

Шир⟨ялов⟩ Да уж, чтоб ему беспутному и после-то меня не доставалось, сам я, А⟨нтип⟩ А⟨нтипыч⟩, жениться задумал.

Пуз⟨атов⟩ В правду.

Шир⟨ялов⟩ Нет, обманешь.

Пуз⟨атов⟩ Что тут толковать-то. У меня брат, сестра невеста. [Вот бы] вот хочешь: пáра-то бы важная.

Шир⟨ялов⟩ А что А⟨нтип⟩ А⟨нтипыч⟩ ведь это дело — да она небось не пойдет.

Пуз⟨атов⟩ Вот, не пойдет, да отчего это. [Да мат⟨ушка⟩ тебя любит. В нашу семью отдать можно.] Ишь выдумал.

Шир⟨ялов⟩ Ах, голуб⟨чик⟩ ты мой, А⟨нтип⟩ А⟨нтипыч⟩ *(целуются)*. Экова свата мне бог посылает. Ну а придачи-то что.

Пуз⟨атов⟩ Что об придаче-то. С сыном-то твоим надо прежде поговорить хорошенько.

Шир⟨ялов⟩ Нет, голуб⟨чик⟩ А⟨нтип⟩ А⟨нтипыч⟩, уж я люблю на чистую, голубчик.

Пуз⟨атов⟩ У нее, брат, своих 50 т⟨ысяч⟩, да мы дадим 10, да уж и те, что за тобой похерим.

Шир⟨ялов⟩ Маловато, нет, несходно А⟨нтип⟩ А⟨нтипыч⟩. А уж вы[давай-те] положите еще.

⟨*Далее* $^1/_4$ *листа оторвана.*⟩

полно жадничать.

Шир⟨ялов⟩ [Ну, по рукам *(берет за руку, целуются)*. Вот теперь с Сенькой-то только сомнения.]

Пуз⟨атов⟩ Уговоришь как-нибудь.

Шир⟨ялов⟩ Да вот [ты] что, А⟨нтип⟩ Ан⟨типыч⟩, заходи ко мне вечерком нынче [с Сенькой-то, да с женой потолкуем, да выпьем на радости.]

Пуз⟨атов⟩ Ладно.

Шир⟨ялов⟩ Ну, прощайте, почтеннейший *(целуются)*, до свиданья, прощенья просим.

Пуз⟨атов⟩ Прощайте П⟨арамон⟩ П⟨арамоныч⟩ *(уходит)*.

К у п⟨е ц⟩ ⟨П у з а т о в⟩ Что ж! Ничего! Дело хорошее, отчего ж не жениться.

Ш и р⟨я л о в⟩ Ведь, мож⟨ет⟩ быть, за наши молитвы, А⟨нтип⟩ А⟨нтипыч⟩, бог и потомка даст, утешение на старости. Вот тому все и оставлю. А уж этот мне словно как и не родной, суд⟨арь⟩ ты мой, и сердце к нему не лежит. А⟨нтип⟩ А⟨нтипыч⟩, что ж! думаю, оставь ему, пожалуй, да что проку-то, развезет денежки-то твои кровные по портным да по ахтрисам. Сам посуди.

К у п⟨е ц⟩ ⟨П у з а т о в⟩ Что ж, женись, П⟨арамон⟩ П⟨арамоныч⟩, что за важность, ничего. А на примете есть?

Ш и р⟨я л о в⟩ То-то и горе, что нет, А⟨нтип⟩ А⟨нтипыч⟩.

К у п⟨е ц⟩ ⟨П у з а т о в⟩ Хочешь, посватаю.

Ш и р⟨я л о в⟩ Да ты в правду.

К у п⟨е ц⟩ ⟨П у з а т о в⟩ В правду.

Ш и р⟨я л о в⟩ Обманешь *(смотрит Пуз⟨атову⟩ в глаза).*

К у п⟨е ц⟩ ⟨П у з а т о в⟩ Вот! из чего мне обманывать-то. У меня, брат, сестра невеста, недалеко ходить.

Ш и р⟨я л о в⟩ Что ты говоришь!

К у п⟨е ц⟩ ⟨П у з а т о в⟩ А ты не знал — скажи пожалуйста, какой ты простой.

Ш и р⟨я л о в⟩ *(потупляет глаза).* А, голуб⟨чик⟩. Как не знать — да ведь она, чай, не пойдет за меня.

К у п⟨е ц⟩ ⟨П у з а т о в⟩ Вот! отчего не пойти — пойдет.

Ш и р⟨я л о в⟩ Скажет: стар.

К у п⟨е ц⟩ ⟨П у з а т о в⟩ Стар! Что за важность—ничего. Нет — ничего, пойдет. Да и матушка тебя любит: что ж, известное дело, человек хороший, степенный, отчего не пойти, во хмелю смирный. Ведь ты смирный во хмелю,— не дерешься.

Ш и р⟨я л о в⟩ *(потупляет глаза еще больше).* Вовсе смир⟨ный⟩, А⟨нтип⟩ А⟨нтипыч⟩, как дитя малое. Как пьян, так сейчас в сон, знаешь ты, ударит, а не то чтобы буйство какое.

К у п⟨е ц⟩ ⟨П у з а т о в⟩ Ведь ты с женой покойницей не дрался.

Ш и р⟨я л о в⟩ Видит бог, никогда.

К у п⟨е ц⟩ ⟨П у з а т о в⟩ Так отчего за хорошего человека не пойти, ничего, пойдет.

Ш и р⟨я л о в⟩ Да ты просто благодетель мой, А⟨нтип⟩ А⟨нтипыч⟩. Эку мне б⟨ог⟩ родню посылает, да мне бы и во сне не видать. Поцел⟨уемся⟩, голубчик. *(Целуются.)* Ну, а как тово, А⟨нтип⟩ А⟨нтипыч⟩, насчет придачи-то.

К у п⟨е ц⟩ ⟨П у з а т о в⟩ Да на что тебе, П⟨арамон⟩ П⟨арамоныч⟩, у тебя карман-то потолще нашего.

Ш и р⟨я л о в⟩ Запираться не стану, таки есть, А⟨нтип⟩ А⟨нтипыч⟩, есть, нажил-таки копейку от трудов праведных.

А все-таки нужно для порядку, голуб⟨чик⟩, соб⟨ственно⟩ для порядку. Уж так водится.

К у п⟨е ц⟩ ⟨П у з а т о в⟩ Что ж, мы, брат, сделаем прид⟨аное⟩ наславу, не хуже генеральского. Ну, а насчет денег-то, так у нее есть после бат⟨юшки⟩ тысченок 50, будет с тебя, да разве еще на радости расчеты с тобой похерим.

Ш и р⟨я л о в⟩ Маловато, нет. Несходно, А⟨нтип⟩ А⟨нтипыч⟩. А уж вы положите еще... Да вот что, А⟨нтип⟩ А⟨нтипыч⟩, заходи ко мне вечерком нынче пунштику выпить. Потолкуем мы с тобой, гол⟨убчик⟩, хорошенько об этом предмете, поторгуемся.

П у з⟨а т о в⟩ Ладно.

Ш и р⟨я л о в⟩ Ну, прощайте, почтеннейший *(целуются)*, до свиданья, прощенья просим.

П у з⟨а т о в⟩ Прощайте, П⟨арамон⟩ П⟨арамоныч⟩. *(Уходят.)*

СВОИ ЛЮДИ — СОЧТЕМСЯ!

Варианты редакции, переделанной по указанию цензуры.

Стр. 88, строка 8
Фраза «Ух! Что это у вас за отвратительные понятия!» *отсутствует.*

Стр. 88, строка 10
Вместо «от ваших глупостей»/«от ваших слов».

Стр. 89, строки 14—15
Фраза «Потерпи малость, уж коли много лет ждала» *отсутствует.*

Стр. 89, строка 25
Слова «беспременно сыщите» *отсутствуют.*

Стр. 89, строки 31—32
Фраза «Ах ты, собачий огрызок!» *отсутствует.*

Стр. 90, строки 1—2
Фраза «С поросятами тебя, вместо родителей-то, посажу!» *отсутствует.*

Стр. 90, строки 6—7
Фраза «Эко семя противное!» *отсутствует.*

Стр. 90, строки 8—9
Фраза «Девчонка хабальная!» *отсутствует.*

Стр. 90, строка 9
Слово «шельмец» *отсутствует.*

Стр. 90, строка 14
Вместо «Все я скверна»/«Все я нехороша».

Стр. 91, строка 36
Реплика «Л и п о ч к а. Ах, маменька, как это кстати!» *отсутствует.*

Стр. 93, строки 38—39
Слова «а ведь хошь и замужем будешь, а надоест тебе соус-то с подливкой» *отсутствуют*

Стр. 94, строки 21—22
Фраза «Какого тебе: посолидней али поподжаристей?» *отсутствует.*

Стр. 94, строки 23—25
Фразы «Ничего и потолще ∽ какого-нибудь мухортика» *отсутствуют.*

Стр. 94, строки 25—26
Слова «чтобы не курносого» *отсутствуют.*

Стр. 94, строки 28—29
Фразы «Ах, господи! а сама-то я нынче вся, как веник, растрепана» *отсутствуют*

Стр. 98, строка 4
Вместо «как у него из суда дело пропало»/«что он в суде-то наделал».

Стр. 98, строки 6—7
Вместо «Ан нет же, и не пропало! Вот и неправда, Самсон Силыч!»/«Ничего не наделал».

Стр. 98, строки 9—20
Вместо «А вот за что, матушка Аграфена Кондратьевна ∽ оно там и есть»./«Пьяный было дело потерял, вот и все».

Стр. 98, строки 30—42
Вместо «Ан вот простили ∽ просвирку ему принес»/«Будет с меня и того, что из службы выгнали. Каково мне теперь с семейством-то маяться. По грошам-то немного наберешь! А ведь я человек чувствительный, я свою семью люблю».

Стр. 99, строки 17—18
После «как ваши делишки» *было* «Что-то вы в последнее время в задумчивость приходить стали».

Стр. 100, строки 2—3
Вместо «Уж хоть бы поскорей, что ли, да из головы вон»/«Поневоле задумаешься, как дела-то замнутся. Вот теперь приходится много денег платить! И не то чтоб у меня их не было, а, признаться тебе сказать,— не хочется. Пожалуй, расплатиться можно, да себе-то, глядишь, ничего и не останется. Вот как теперь деньги-то все в руках, так отдавать-то и жалко. Ты этого и понять-то не можешь, потому что ты таких денег сроду не видывал. Как вспомню, что отдавать надобно, так вот за сердце и схватит — инда нездоров сделался. Тьфу вы, окаянные! (С волнением в голосе.) Кажется, вот... ну вот... задушил бы кого-нибудь».

Стр. 100, строки 13—17
Вместо «Вот тебе вся недолга ∽ что им сделается»/«Вот это-то меня больше и смущает».

Стр. 100, строка 26
Слова «Да такие ли я дела делал» *отсутствуют.*

Стр. 100, строки 26—28
Фразы «да с рук сходило ∽ Макар телят не гонял» *отсутствуют уже в «Москвитянине».*

Стр. 100, строки 36—37
Фраза «Да вот разве на жену?» *отсутствует*

Стр. 100, строка 38—стр. 101, строка 10
Текст «Р и с п о л о ж е н с к и й. Незаконно, Самсон Силыч ∽ а ты совести захотел» *отсутствует.*

Стр. 101, строка 25
Вместо «говорили об этом деле или нет»/«говорили или нет».

Стр. 103, строки 2—9
Текст «А? Украдет ведь? ∽ правду говорить изволите» *отсутствует.*

Стр. 103, строки 33—34
Слова «Слушай-ко, Лазарь! ∽ такого-то дня» *отсутствуют.*

Стр. 103, строка 35
Слова «первой гильдии купец» *отсутствуют.*

Стр. 103, строки 36—40
Вместо «вследствие чего...». Что тут толковать ∽ должен ли он нам?»/«Вот и за этим деньги пропали. Возьми прочь. (Задумывается)».

Стр. 103, строка 41—стр. 104, строка 22
Текст «П о д х а л ю з и н. Малость должен-с ∽ Возьми прочь!» *отсутствует.*

Стр. 104, строки 39—40
Вместо «А по векселю-то ∽ тысяч на сто»/«А по векселю-то с иного что возьмешь, коли с него взять-то нечего! У меня таких-то векселей тысяч на сто».

Стр. 105, строки 10—13
Текст «Все вексель да вексель ∽ своим добром отвечай. (Помолчав)» *отсутствует.*

Стр. 105, строки 18—23
Текст «Здешним торговцам лучше не показывай ∽ так нет, ничто не везет» *отсутствует.*

Стр. 106, строки 9—14
Текст «Дождешься, пожалуй ∽ хлопай глазами-то» *отсутствует.*

Стр. 106, строки 33—34
Фраза «Черта ли там по грошам-то наживать!» *отсутствует.*

Стр. 108, строки 33—35
Фразы «Ну, плохо дело! Не миновать теперь несостоятельным объявиться!» *отсутствуют.*

Стр. 108, строки 40—41
Вместо «Вот векселя велел продать ∽ попользоваться будет можно»/«Чем-нибудь попользоваться надо будет».

Стр. 110, строки 32—33
После «другой говорит — тятенька, дай» *было* «А я к семейству очень чувствительный человек».

Стр. 112, строка 20
Слова «Вот народ-то!» *отсутствуют.*

Стр. 112, строки 23—24
Вместо «насчет несостоятельности»/«насчет чего же».

Стр. 112, строки 25—26
Вместо «Несостоятельность там сама по себе, а насчет моих-то делов»/«А насчет того, что тут теперь дело обоюдное выходит. Хозяин сам по себе, а и мне чтоб холтура была».

Стр. 113, строки 25—27
Слова «Ну, известное дело ∽ не пахло ничем, а там» *отсутствуют.*

Стр. 115, строки 16—17
Фраза «А там обвертим, да и вся недолга» *отсутствует.*

Стр. 115, строка 18
Слова «Обвертите, попробуйте» *отсутствуют.*

Стр. 116, строки 34—35
Слова «чтобы только свадьбу ∽ особый уговор будет-с» *отсутствуют.*

Стр. 116, строка 40—стр. 117, строки 4—5
Текст «То-то и беда, яхонтовый! ∽ из Преображенского взята» *отсутствует.*

Стр. 117, строка 5
Слова «да в купцы вылезли» *отсутствуют.*

Стр. 120, строки 6—8
Реплика «Ф о м и н и ш н а (возвращаясь) ∽ из ума выскочил» *отсутствует.*

Стр. 120, строка 11
Слова «Убирайся к свиньям!» *отсутствуют.*

Стр. 122, строки 37—38
Фраза «Уж ты, брат, не того ли?..» *отсутствует.*

Стр. 122, строка 39
Вместо «Чего-с?.. Нет, я ничего-с!..»/«Уж, конечно, другой такой подобной красоты невозможно найти на всем свете».

Стр. 122, строки 40—41
Фраза «То-то, брат, ты уж лучше откровенно говори» *отсутствует.*

Стр. 122, строка 41
После «в Алимпияду Самсоновну» *было* «Так говори прямо!»

Стр. 123, строки 11—12
Фраза «Да нет-с, Самсон Силыч, как же это можно-с» *отсутствует*

Стр. 123, строка 28
После «Алимпияду-то Самсоновну, а?» *было* «Красавицу-то неописанную?»

Стр. 123, строки 40—41
После «тебя счастливым сделать!» *было* «Всю жизнь могу тебе даровать».

Стр. 123, строка 44
Фраза «Да что я за скотина!» *отсутствует.*

Стр. 124, строка 35
Слова «херувимчик ты мой!» *отсутствуют*

Стр. 128, строки 10—12
Ремарка «Устинья Наумовна отходит ∽ рассматривает ее платье» *отсутствует.*

Стр. 128, строки 13—36
Текст «У с т и н ь я Н а у м о в н а. Ишь ты, как вырядилась ∽ Я ведь знаю, что говорю!» *отсутствует.*

Стр. 130, строка 41—стр. 131, строка 1
Слова «в рассуждении божеского благословения» *отсутствуют.*

Стр. 134, строка 15
Слова «Лошадей заведем орловских» *отсутствуют.*

Стр. 135, строка 34—стр. 136, строка 2
Текст «Л и п о ч к а. Да вы такие робкие ∽ всякое удовольствие доставить» *отсутствует уже в «Москвитянине».*

Стр. 141, *строка 9*
Слова «комиссару без штанов» *отсутствуют уже в «Москвитянине».*

Стр. 141, *строки 15—29*
Текст «У с т и н ь я Н а у м о в н а. Сколько ж всего-то навсего у тебя ∽ из персидской материи сшила» *отсутствует.*

Стр. 141, *строки 30—31*
Фраза «Ишь ты, бог с тобой, сколько нагородила» *отсутствует.*

Стр. 142, *строка 21*
Слова «курицын сын» *отсутствуют.*

Стр. 143, *строки 26—27*
Слова «а то мы и за квартальным пошлем» отсутствуют уже в «москвитянине»

Стр. 144, *строки 25—26*
Вместо «Что ж, тятенька, сидят и лучше нас с вами»/«Что ж такое!»

Стр. 144, *строка 27*
Слова «Сидят-то сидят» *отсутствуют.*

Стр. 146, *строки 42—43*
Реплика «О л и м п и а д а С а м с о н о в н а. Известное дело, тятенька, люди, а не звери же» *отсутствует*

Стр. 147, *строки 2—3*
Вместо «подлец ты бесчувственный!»/«бесчувственный человек!»

Стр. 147, *строка 7*
Слова «как скота какого» *отсутствуют.*

Стр. 147, *строка 25*
Слова «и толковать об этом нечего» *отсутствуют*

Стр. 147, *строка 27*
Вместо «старый черт»/«старый».

Стр. 147, *строка 43—стр. 148*, *строка 1*
Фраза «А там Присутственные места, Уголовная палата» *отсутствует.*

Стр. 148, *строка 9*
После «Либо денег, либо в Сибирь» *было* «Лазарь, вспомни: ведь мы вместе деньги-то и товар прятали, ведь нам один конец обоим».

Стр. 148, *строки 29—43*
Текст «Знаю я: вас на это станет ∽ Очень нужно» *отсутствует.*

Стр. 151, *строки 27—28*
Вместо «Я... я вот что сделаю: почтеннейшая публика!»/«Пускай не верят. Я человек маленький, меня обидеть недолго. Тебе бог за меня заплатит».

Стр. 151, *строка 29*
Вместо «Что ты! Что ты! Очнись!»/«Разговаривай тут!»

Стр. 151, *строки 30—36*
Текст «Т и ш к а. Ишь ты, с пьяных-то глаз ∽ ну куда ты лезешь!» *отсутствует.*

Стр. 151, строки 37—38
Вместо «Пусти! Тестя обокрал! ∾ четверо детей»/«Ты тестя обокрал, да и меня грабишь; а у меня жена, четверо детей».

Стр. 151, строка 42
После «Ничего-с, проехали!» было «К в а р т а л ь н ы й входит».

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Т е ж е и к в а р т а л ь н ы й.

К в а р т а л ь н ы й. Вы купец Подхалюзин?

П о д х а л ю з и н. Хоша бы и я-с.

К в а р т а л ь н ы й. По предписанию начальства, я должен вас представить к следственному приставу по делу о скрытии имущества несостоятельного купца Большова.

П о д х а л ю з и н. Покорнейше прошу садиться! Водочки не угодно ли?

К в а р т а л ь н ы й. Нет, мне некогда. Извольте собираться, нас ждут.

П о д х а л ю з и н. Да ведь, я думаю, можно и подождать-с?

К в а р т а л ь н ы й. Нельзя-с.

П о д х а л ю з и н. А я думаю, что можно-с. Вы, должно быть, еще здесь внове, не все порядки знаете. А вы будьте довольно деликатны!

К в а р т а л ь н ы й. Я действую по приказанию начальства.

П о д х а л ю з и н. Мы обыватели хорошие, вы нами не брезгайте, мы свое дело помним, по силе возможности. Пожалуйте, ваше благородие, ко мне в кабинет на пару слов. (Манит рукой.)

К в а р т а л ь н ы й. Вы не извольте беспокоиться, это совсем лишнее.

П о д х а л ю з и н. А вы отрапортуйте, что в случае моей болезни..

К в а р т а л ь н ы й. В случае болезни есть больница при остроге!

П о д х а л ю з и н. При остроге-с? (Чешет затылок, потом подходит к Рисположенскому.) Ну, барин, выручай из беды — озолочу!

Р и с п о л о ж е н с к и й. Не надо мне ничего! Провались ты и с деньгами! Теперь отольются тебе мои слезы; прогуляешься в Сибирь.

П о д х а л ю з и н. Уж будто и в Сибирь?

Р и с п о л о ж е н с к и й. А ты думал как? Закон-то прямой. Поделом вору и мука.

П о д х а л ю з и н (стоит несколько времени задумавшись). А в Сибирь, так в Сибирь! Что ж такое! И в Сибири люди живут. Да ведь и тебе не уйтить! (Берет шляпу.) Я готов-с!»

«БЕДНАЯ НЕВЕСТА»

Варианты первопечатной редакции («*Москв.*»)

Стр. 193, строка 9
Вместо «живи, как хочешь»/«живи, как знаешь».

Стр. 193, строки 23—24
Вместо «уж и говорить-то нельзя»/«уж и поговорить-то нельзя».

Стр. 193, строка 29
Вместо «Какой же каприз, маменька?»/«Вы знаете, маменька, что у меня капризов нет, а просто не нравится никто, да и все тут. Да что ж тут мудреного».

Стр. 195, строка 30
Вместо «весьма много больше»/«весьма много более».

Стр. 196, строка 9
Вместо «И ни слова об этом»/«И ни слова мне об этом».

Стр. 197, строки 15—16
После «быть красавицей-то?» *было* «лучше быть хозяйкой хорошей».

Стр. 197, строка 28
Перед «Маменьке легко говорить» *было* «Муж будет любить! Да я-то буду ли любить мужа! Вот в чем дело».

Стр. 197, строка 37
После «дочь за красоту возьму» *было* «другой прикинется влюбленным, лезет с нежностями, это еще хуже. Боже мой, сколько оскорбительного видела я в последнее время!»

Стр. 199, строка 11
После «она все ворчит» *было* «все ворчит...»

Стр. 200, строки 6—7
Вместо «по передним-то шлямшись»/«по передним-то шляясь».

Стр. 202, строка 5
Вместо «зайди на днях»/«зайди как-нибудь на днях».

Стр. 202, строка 22
После «дочь невеста» *было* «Как без мужчины в доме — никак нельзя».

Стр. 203, строка 7
Вместо «об деле разговаривать»/«об этом деле разговаривать».

Стр. 205, строка 7
Вместо «а тут какой-нибудь»/ «а тут какой-нибудь выскочка».

Стр. 205, строки 15—16
Вместо «но вы теряете друга»/«прощайте, но вы теряете друга».

Стр. 205, строки 40—41
После «я вас боюсь» *было* «Вы в самом деле способны возбудить в человеке серьезную страсть».

Стр. 206, строки 32—33
Вместо «не бываю в обществе»/«не бываю в высшем обществе».

Стр. 207, строки 2—5
Фразы «Мальчишка! Нигде не учился ∽ в гимназии курс кончил» *отсутствуют*

Стр. 207, строки 5—8
Вместо «Как он смеет смеяться ∽ так невелика важность»/«Да и с чего он взял смеяться надо мной! Как он смеет! Нет, я это так не оставлю.

Марья Андреевна. Чего же вам хочется, я все не понимаю.

Милашин. Да, это очень трудно понять! Человека унижают, не считают ни за что. Для них главное дело наружность! Вот что обидно, Марья Андревна! Вы не думайте, чтоб я завидовал таким людям, как Мерич. Я слишком горд, чтоб им завидовать. Много будет чести для них. Хороши люди, которые восхищаются такими господами.

Марья Андреевна. Я с вами согласна. Значит, и говорить не об чем.

Милашин. Конечно, Марья Андревна, но вы... не принимайте Мерича, ради бога, я вас умоляю».

Стр. 207, строки 17—18
Вместо «Осчастливьте того, кто достойнее меня!»/«Но я имею довольно твердости, чтобы перенести это, и довольно гордости, чтобы не унижаться и не вымаливать вашу любовь.

Марья Андреевна. И слава богу.

Милашин. Осчастливьте того, кто достойнее меня! Есть много очень хороших молодых людей, которые умеют одеваться к лицу, говорить комплименты. (Принужденно смеется.)

Марья Андреевна. Это скучно, наконец!

Милашин. Вам скучно? да! А каково мне!

Марья Андреевна. Да мне-то что ж за дело; все-таки вы должны быть учтивы, по крайней мере. (Отворачивается; молчание.)

Милашин. Марья Андревна! Вы на меня сердитесь?

Марья Андреевна. Да как же на вас не сердиться, когда вы глупости говорите.

Милашин. Ну, простите меня, ради бога, простите — дайте ручку. (Берет ее руку и целует; молчание.) Марья Андревна, у нас один чиновник получил наследство — тысяч двести. Вот дураку счастье... ужасно досадно.

М а р ь я А н д р е е в н а. Отчего же вам досадно?

М и л а ш и н. Да как же не досадно, теперь будет нос подымать, нас и знать не захочет. А как, я думаю, подличал, унижался перед дядей-то, чтобы тот ему что-нибудь оставил.

М а р ь я А н д р е е в н а. А может быть, и не подличал.

М и л а ш и н. Как, чай, не подличать. Я говорил ему давеча: «Я думаю, вам теперь низко будет служить с нами».

М а р ь я А н д р е е в н а. Зачем же вы говорили это?

М и л а ш и н. Да как же, ведь досадно до смерти. Еще, дурак, приглашает обедать; пускай другие идут, а я уж слуга покорный. Очень приятно смотреть, как он будет важничать, что у него денег много».

Стр. 208, строка 25
Вместо «я вам сахару-то забыла»/«я вам сахару-то положить забыла».

Стр. 210, строки 8—9
Вместо «к вам приедем»/«к вам завтра приедем».

Стр. 210, строка 13
После «Так только маешься» *было* «Как это без мужчины!»

Стр. 210, строки 32—33
После «чтобы вы были счастливы» *было*

«М а р ь я А н д р е е в н а. На что мне ваша жизнь! Мне только тошно, что ко мне пристают с женихами.

М и л а ш и н. Конечно, Марья Андревна, для меня бы легче было видеть вас в несчастном супружестве, чем видеть вас счастливой с другим; но я не эгоист.

М а р ь я А н д р е е в н а. Ах, боже мой, да зачем мне все это знать! Вы опять за свое.

М и л а ш и н. Прощайте, Марья Андревна; быть может, мы больше не увидимся».

Стр. 211, строки 23—24
После «ни капли самолюбия!» *было* «Я уж начинаю успокаиваться в бездействии. (Встает)».

Стр. 211, строки 24—26
Фразы «Для себя я ∽ что люблю ее» *отсутствуют*

Стр. 211, строка 26
После «Нет, надобно кончить!» *было* «Надобно сказать ей, что я ее люблю!»

Стр. 211, строка 27
После «не сжалится надо мной?» *было* «Я слабый, жалкий человек; она увидит, что для меня в ней одной только спасение».

Стр. 212, строка 29
После «а тогда что?» *было* «я не перенесу».

Стр. 213, строка 11
После «Х о р ь к о в. Маменька!» *было*

«Марья Андреевна. Вы влюблены? Я считала вас холодным человеком.

Хорьков. Я холодный человек?

Марья Андреевна. Так неужели вы можете полюбить кого-нибудь? Полноте. (Смеется.)»

Стр. 215, строка 5
После «Это ужасно досадно!» *было* «Приедет — станет важничать, ломаться».

Стр. 216, строки 34—35
После «мы из ревности хлопочем» *было* «Надобно ей показать Мерича с смешной стороны, тогда он ей будет не опасен».

Стр. 217, строки 12—13
После «совершенно без правил» *было* «бессовестный, и проповедует девушкам безнравственные начала».

Стр. 217, строка 40
Вместо «Надо же выйти замуж»/«Ведь надо же выйти замуж».

Стр. 218, строка 44
Вместо «дело кончено»/«дело совсем кончено».

Стр. 220, строка 28
Вместо «я его очень люблю»/«я его люблю, очень люблю».

Стр. 230, строка 33
Вместо «Садится к столу»/«садится к окну».

Стр. 234, строка 16
Перед «Приехал этот Беневоленский» *было* «Не успела еще я опомниться от твоего поцелуя (закрывает глаза руками, Мерич ее целует)».

Стр. 234, строка 29
Вместо «чтоб ты пошла за Беневоленского»/«чтоб ты, из угождения маменьке, пошла за Беневоленского».

Стр. 236, строки 22—23
Вместо «опять близко ко мне»/«опять уж очень близко ко мне».

Стр. 249, строка 7
После «сойду с ума» *было* «Я не могу больше переносить моего положения».

Стр. 249, строки 12—14
Вместо «Теперь ее спокойствие ∽ хватит сил противиться ей»/«Теперь, когда спокойствие ее старости зависит от меня, неужели я найду в себе силы противиться ей».

Стр. 249, строка 21
Вместо «Погадай-ка мне, Даша, на картах»/«Погадай-ка мне, Даша, я уж теперь начала картам верить».

Стр. 251, строки 7—8
Вместо «Маша! Послушай»/«Маша! Маша! Послушай».

Стр. 252, строка 2
После «поскорей воротилась» *было* «Эти минуты ожидания покажутся мне вечностью...»

Стр. 252, строки 13—14
После «где подобные люди бывают! (Марья Андреевна отворачивается и плачет.)» *было*

«Марья Андреевна. Так вы и говорите, что не знаете (отворачивается).

Милашин. Вы меня обманули, Марья Андревна, бог с вами. Вы меня выгнали для того, чтоб остаться с Меричем наедине. Вы из меня дурака сделали. Нет, я так играть собой не позволю. (Молчание.) Я дивлюсь, как это ваша маменька не перестанет принимать Мерича. С такими людьми нечего церемониться. Я б на ее месте его близко к дому не пустил.

Марья Андреевна. Продолжайте, продолжайте!»

Стр. 253, строка 13
После «подлец, что ли, по-вашему?» *было* «Вы меня не только не любите, но еще считаете каким-то низким человеком».

Стр. 253, строки 25—26
После «а до тех пор молчите. (Молчание)» *было*

«Милашин. Вот я всегда попадусь! А за что? За то, что люблю вас. Вы сердитесь на меня, Марья Андревна?

Марья Андреевна. Нет, мне не до вас.

Милашин. Значит, мир! Дайте ручку поцеловать (Марья Андреевна протягивает молча).

Марья Андреевна. Что ж это так долго?»

Стр. 255, строки 36—37
Вместо «как же мне теперь расстаться с тобой?»/«У меня теперь недостает сил решиться расстаться с тобой».

Стр. 257, строка 27
После «невинное создание!» *было* «Ах, как ты хороша с твоим страдальческим лицом, с слезами на глазах».

Стр. 257, строка 38
Вместо «Ты на меня не сердишься?»/«Прости меня, Мери, что я нарушил мир невинной души твоей».

Марья Андреевна. Я прощаю. Бог с тобой.

Мерич. И не сердишься?»

Стр. 257, строка 39
Вместо «Не сержусь»/«И не сержусь».

Стр. 259, строка 27
Перед «Ах, Иван Иваныч» *было* «Только этого недоставало! (После молчания.)»

Стр. 261, строка 26
Вместо «отошлите поскорей»/«пошлите поскорей».

Стр. 264, строки 23—24
Вместо «Ходит по комнате»/«Ходит дома по комнате».

Стр. 265, строки 15—16
После «Перестаньте, Иван Иваныч!» *было* «Что вы говорите!»

Стр. 269, строка 20
Вместо «мне было бы очень тяжело»/«я не перенесла бы своего положения».

Стр. 269, строки 20—21
После «Только этим я теперь и живу» *было* «Что, если мечты мои не осуществятся. Это ужасно!»

Стр. 269, строки 21—22
Фраза «Поддерживайте меня, Платон Маркыч» *отсутствует*

Стр. 270, строка 9
После «А прежде?» *было* «Да, прежде сердце билось у меня, очень билось».

Стр. 270, строка 20
Вместо «Прощайте, мне пора»/«(Приседает.) Прощайте, мне пора».

Стр. 271, строка 30
После «во мне есть силы» *было* «Страстность души, которая чуть не погубила меня, теперь мне нужна, для нее будет благородное употребление».

Стр. 277, строка 8
После «такой сокол, что беда!» *было*

«Семь барышень.

Первая. Что ж это! Сказали, что танцы будут, а танцев совсем и нет.

Вторая. Как тебе невеста понравилась?

Первая. Ничего нет особенного.

Вторая. А мне так вовсе не понравилась.

Третья. Сентиментальна очень.

Четвертая. Должно быть, собой очень занята.

Пятая. Такой невинностью прикидывается, а сама, думаю, радехонька... Да ведь уж и года.

Шестая. Ты бы уж лучше не говорила о годах-то. Небось мы с тобой моложе.

Седьмая. Пойдемте домой.

Уходят.

Музыканты проходят по сцене, барышни возвращаются и стоят около двери».

Стр. 279, строки 6—15
Вместо «Мне кажется ∽ и вас, Платон Маркыч»/«(Прислушивается.) Погодите; послушаем, что говорят.

Две свахи в стороне.

Панкратьевна. Ты говоришь, Карповна, что богатый человек.

Карповна. Богатый-то богатый, так с богатым-то надо жить умеючи. Другой, нравный, любит, чтобы ему угождали. Иногда и пьяный приедет; другой любит, чтоб жена за ним

ухаживала, никого из людей не подпускает. А где ей это знать.

Панкратьевна. Где знать! Ты вот возьми, ведь он чиновник. Ну, а чиновник уже все не так пышно живет. А жены-то все, то платье из магазина, то шляпка из магазина, а нет, чтобы хозяйничать да мужу помогать. Все норовят на мужа взвалить. Ну одному-то и тяжело. Где ж ей-то знать, какая она хозяйка!

Карповна. Где знать!

Марья Андреевна. Нет, они ошибаются, я это знала и знаю, я только не надолго позабыла, что я бедная невеста. Право, мне кажется, что я буду счастлива, а если нет... если нет, так уж это я буду виновата, а не вы. Никто не посмеет упрекнуть вас. Чем же вы виноваты. Вы все для меня сделали, что могли. Теперь уж я сама попробую что-нибудь для себя сделать. (Целует мать.) Я не знаю, как он меня, а я его уж теперь люблю».

НЕ ТАК ЖИВИ, КАК ХОЧЕТСЯ

Варианты первопечатной редакции («*Москв.*»)

Стр. 379, строка 32
Фраза «Содержание взято из народных рассказов» *отсутствует.*

Стр. 381, строка 14
Слова «да поговори ему» *отсутствуют.*

Стр. 381, строка 19
Вместо «пора и своя душа вспомнить»/«пора о душе вспомнить».

Стр. 381, строка 22
Вместо «в его келье»/«в его келейке».

Стр. 381, строки 22—28
Слова «Вот немножко ∽ Куда они угодили» *отсутствуют.*

Стр. 382, строки 37—38
Фраза «Масляная-то один раз в году бывает» *отсутствует.*

Стр. 384, строка 32
Вместо «ты певал»/«ты бывало певал».

Стр. 385, строка 10
Слова «Скорей вина! Шевелитесь!» *отсутствуют.*

Стр. 386, строки 11—13
Вместо «Эх, шибко голова болит ∽ по рукам и по ногам»/«И за что только я загубил свою молодость? Спутал себя по рукам и по ногам? Вот и близко локоть-то, да не укусишь. Моей ли буйной голове на привязи жить? эх».

Стр. 386, строка 14
После слов «показал бы себя» *было* «Вся Москва бы, глядя на меня, натешилась».

Стр. 386, строки 17—18
Вместо «Уж догуляю масляную, была не была»/«Нет, уж видно не бывать этому, пропадай они пропадом. Не связать у сокола крыльев, не отнять у молодца волюшки! (поет)».

Стр. 386, строка 25
Вместо «А как голова-то болит! ровно треснуть хочет»/«И песня-то не поется, ровно камень на сердце лежит».

Стр. 386, строка 31
Вместо «Не кажись ты мне»/«Не кажись ты мне на глаза».

Стр. 386, строка 37
Ремарка «(наливает стакан и пьет)» *отсутствует.*

Стр. 387, строки 11—12
Фраза «А ведь от него, пожалуй, станется» *отсутствует.*

Стр. 388, строка 8
Вместо «Спрашивай»/«Все скажу».

Стр. 389, строки 11—12
Слова «А то, говорит, ты, пожалуй, сдуру-то» *отсутствуют.*

Стр. 390, строки 10—11
Вместо «у него есть полюбовница ∽ не живет»/«он себе нашел».

Стр. 390, строка 18
После «Спит» *было* «только этого еще горя не доставало».

Стр. 392, строка 39
Вместо «я ужо приеду»/«я лучше ужо приеду».

Стр. 393, строка 15
Вместо «Я нынче не в себе»/«Что мне на тебя сердиться, с какой стати? Я на тебя радоваться прихожу. А так».

Стр. 393, строки 22—24
Реплики «П е т р. Уж очень я тебя люблю ∽ Господь с тобой!» *отсутствуют.*

Стр. 393, строка 25
Перед «Возьми ты вострый нож» *было* «Жизнь ты моя, лебядь белая, прилука молодецкая».

Стр. 393, строки 28—29
Вместо «Ничего я не пойму, ничего не соображу»/«Уж не знаю, как мне и на свете-то жить».

Стр. 393, строка 30
Фраза «Ровно туману кто напустил на меня!» *отсутствует.*

Стр. 393, строки 32—33
Вместо «Говори ты ∽ любишь ли ты меня»/«Нет, ты вот что, Груша: скажи ты мне по душе, так, чтоб уж я знал: ты очення меня любишь».

Стр. 393, строка 35
Вместо «Верно твое слово»/«Не обманываешь ли ты меня».

Стр. 394, строки 14—15
Вместо «Эх, девка ∽ Дорогого проси»/«Эх, Груша! Что твоя любовь? — потеха! Тебе весело, а у меня, глядя на тебя, сердце кровью обливается».

Стр. 394, строка 16
Вместо «Чего ∽ А вот что»/«А ты вот как люби».

Стр. 394, строка 21
Вместо «Ужо два привезу»/«Хоть десяток принесу».

Стр. 394, строки 34—36
Вместо «Давай руку ∽ Мы двое поедем»/«Нет , ты потешь мою душу в первой и в последний, поедем со мной с одним, как есть».

Стр. 394, строка 37
Вместо «Что ж»/«Вот, что ж».

Стр. 394, строка 38
После «П е т р» *была ремарка* «(берет ее за руку)».

Стр. 394, строка 40
Вместо «(целует Грушу) ∾ по-нашему»/«(ударяет ее по руке). Ну уж там что ни будь над моей головой, а уж мы с тобой погуляем».

Стр. 394, строка 43
Вместо «Теперь ∾ наш»/«Некогда, надоть по делу съездить».

Стр. 395, строки 2—3
Вместо «Ух! Загуляю ∾ девушки не любят»/«Загулял теперь добрый молодец, Петр Ильич! Нас ли девушки не любят? По крайности поживу как душе хочется! Уж семь бед — один ответ».

Стр. 395, строка 9
После «Ну, прощай» *было* «моя лебедушка».

Стр. 402, строка 23
Вместо «Достает из поставца» /«Достает из шкафа».

Стр. 402, строка 31
После «Все хохочут» *было* «Груша идет с вином к шкафу».

Стр. 402, строка 36
Реплика «Д е в у ш к и. Ах ∾ Еремка пришел» *отсутствует.*

Стр. 403, строки 1—2
Слова «Какие нынче дни-то ∾ сперва-на́перво» *отсутствуют.*

Стр. 403, строки 3—4
Вместо «я с вами прощаться стану. (Утирает губы)»/«я вас всех целовать стану».

Стр. 403, строки 12—13
Вместо «шутку сшучу»/«такую шутку сшучу».

Стр. 403, строка 23
После «в руках держу» *было*
«Я топор в руках держу,
Да все колышки тешу.
Ай люли, ай люли!
Да все колышки тешу».

Стр. 403, строка 38
Вместо «(у двери)»/«(входя»).

Стр. 403, строки 38—39
Слова «Мир вам, и я к вам» *отсутствуют.*

Стр. 404, строка 11
Вместо «Подойди-ка ко мне, поцелуемся»/«Голубка моя! Подойди-ко ко мне, я тебя поцелую».

Стр. 404, строка 22
Ремарка «(строго)» *отсутствует.*

Стр. 404, строки 26—27
Вместо «Это тебя смущают ∾ верить всякому»/«Все тебя, Грушенька, обманывают; не верь ты никому».

Стр. 405, строка 7
Вместо «давай денег»/«дай денег».

Стр. 405, строка 11
Слова «Убью я его» *отсутствуют.*

Стр. 405, строка 14
Вместо «(встает) ∽ не то»/«Да в чем виноват-то? Красавица ты моя».

Стр. 405, строка 16
После «погубить меня хотят» *было* «Коли ты меня, Груша, покидаешь, мне лучше на свете не жить».

Стр. 405, строки 39—40
Вместо «Что ж вы ∽ погибели моей хочется»/«Будет тебя, тятенька, погоди».

Стр. 405, строка 41
Перед «Ведь ты холостой» *было* «Чего тебе бояться».

Стр. 406, строка 8
Ремарка «(у двери)» *отсутствует.*

Стр. 406, строки 9—10
Слова «Я тебе наперед говорю ∽ не властен» *отсутствуют.*

Стр. 406, строка 34
После «не заплáчу» *было* «мне и здесь пожива есть».

Стр. 407, строка 8
Слова «Искать меня ∽ ты теперь» *отсутствуют.*

Стр. 407, строка 24
После «Пошел прочь, пока жив» *было* «Что ты, смеяться что ли надо мной вздумал».

Стр. 407, строка 30
После «годится водицы напиться» *было* «Ты лучше попроси да покланяйся мне».

Стр. 407, строка 31
Вместо «Да отвяжись ∽ от меня нужно»/«Тебе кланяться?»

Стр. 407, строка 33
После «молодой обморóк» *было* «а для тебя нужный человек».

Стр. 407, строка 34
Ремарка «Петр смотрит на него» *отсутствует.*

Стр. 407, строка 35
Вместо «Купец, я»/«я».

Стр. 407, строки 39—40
Реплики «П е т р. Да ты вправду ∽ за то берусь» *отсутствуют.*

Стр. 407, строка 41
Слово «Слушай» *отсутствует.*

Стр. 407, строки 40—41
После «я тебя озолочу» *было* «слышишь ты».

Стр. 408, строка 1
Перед «Зачем обманывать» *было* «Как не слыхать — слышу».

Стр. 408, строка 5—6
Слова «Вот мне до ∽ на шею)» *отсутствуют.*

Стр. 408, строка 24
После «дело не обойдется» *было* «Тоску эту надо снять, а на красную девицу мы приворот найдем»

Стр. 408, строки 27—28
Реплики «П е т р. Страшно ∽ так не ходи» *отсутствуют.*

Стр. 408, строки 29—31
Слова «девку, чтоб любила ∽ как душе угодно» *отсутствуют.*

Стр. 408, строка 38
После «Ну, так поедем» *было* «нечего тут разговаривать-то».

Стр. 409, строки 1—3
Реплики «Е р е м к а. А я тебе такие места ∽ Деньги с нами» *отсутствуют*

Стр. 409, строка 4
Слова «Вот и я с праздником» *отсутствуют.*

Стр. 409, строка 5
Вместо «Поет»/«Запевает».

Стр. 411, строка 41
После «страсть одна да и только» *было* «(В сторону.) Пойти разбудить всех! (Уходит)».

Стр. 412, строки 4—5
После «Я окаянный человек. (Встает.)» *было* «Пойдем, пойдем. Веди ты меня! (Уходит)».

Стр. 412, строки 6—24
Текст «А ф и м ь я. Ишь ты, ишь ты ∽ Вот он ножик-то! (Уходит.)» *отсутствует.*

Стр. 413, строка 22
Вместо «Боже мой ∽ у вас случилось»/«Что это у вас такое случилось».

Стр. 413, строка 25
Слова «бегает с ножом» *отсутствуют.*

Стр. 414, строка 24
После «замолить этот грех» *было* «да честной жизнью заслужить себе прощение».

КОММЕНТАРИЙ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

АПК — авторизованная писарская копия.
АТК — авторизованная театральная писарская копия.
ПК — писарская копия.
ТПК — театральная писарская копия.
ЦПК — цензурная писарская копия.
ЧА — черновой автограф.

МЕСТА ХРАНЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
ГЦТМ — Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина.
ЛГТБ — Ленинградская театральная библиотека им. А. В. Луначарского.
ММТ — Музей Малого театра.
ПД — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ, ГАЗЕТЫ

БДЧ — журнал «Библиотека для чтения».
ЕИТ — Ежегодник императорских театров.
МГЛ — газета «Московский городской листок».
«Москв.» — журнал «Москвитянин».
«Моск. вед.» — газета «Московские ведомости».
«Отеч. зап.» — журнал «Отечественные записки».
«Совр.» — журнал «Современник».
«Спб. вед.» — газета «Санктпетербургские ведомости».

Барсуков — Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. I—XXII, Пб., 1888—1910.

Бурдин — А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин, Неизданные письма, М.— Пг., ГИЗ, 1923.

Вольф — А. И. Вольф, Хроника петербургских театров, ч. I—II, Спб., 1877; ч. 3, Спб., 1884.

«Восп.» — «А. Н. Островский в воспоминаниях современников», М., изд-во «Художественная литература», 1966.

Горбунов — И. Ф. Горбунов, Сочинения, т. I—III, Спб., изд. Общества любителей древней письменности, 1904—1907.

Григорьев — А. А. Григорьев, Сочинения, т. I, Спб. 1876.

Добролюбов — Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений в 9-ти томах, т. 5, Гослитиздат, 1962.

Дружинин — А. В. Дружинин, Собрание сочинений, т. 1—8, Спб., 1865—1867.

Кашин — Н. П. Кашин, Этюды об А. Н. Островском, т. 2, М., 1912.

Максимов — С. В. Максимов, А. Н. Островский. (По моим воспоминаниям.) В изд.: «Драматические сочинения А. Н. Островского, Н. Я. Соловьева и П. М. Невежина», Спб., изд-во «Просвещение», 1905.

«Неизд. письма» — «Неизданные письма к А. Н. Островскому», М.— Л., «Academia», 1932.

ПСС — А. Н. Островский, Полное собрание сочинений в 16-ти томах, М., Гослитиздат, 1949—1953.

«Просв.» — А. Н. Островский, Полное собрание сочинений в 10-ти томах, Спб., изд-во «Просвещение», ⟨1904—1909⟩.

Чернышевский — Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений в 16-ти томах, т. 2, Гослитиздат, 1949.

ОСТРОВСКИЙ
(1843—1854)

1

Александр Николаевич Островский поверил в свое призвание и всерьез обратился к литературной работе сравнительно поздно. Есть глухие свидетельства, что еще в гимназии он переводил драмы Софокла, кажется, писал и стихи, но первое дошедшее до нас его произведение точно датировано самим автором — 15 декабря 1843 года. Будущий великий драматург начал с опытов в прозе.

Островскому было в ту пору двадцать лет. Он только что оставил юридический факультет, проучившись три года, но так и не окончив университетского курса, и поступил на службу в московский Совестной суд. Должность младшего канцелярского служителя, или попросту сказать писца, оставляла достаточно простора для самостоятельных литературных занятий, к которым молодой Островский давно стремился, и он не замедлил этим воспользоваться.

Два источника питают обычно творческую силу начинающего автора: впечатления жизни и литературные образцы. Один стремительнее и короче, другой дольше и труднее проходит неизбежную для молодого писателя пору литературного ученичества. Начинающий художник питается соками матери-литературы, чтобы, окрепнув, громко заявить о себе.

Властителями дум молодого Островского были Пушкин и Гоголь, в особенности Гоголь с его яркими гиперболами поступков и лиц, размещенных в раме обыденного быта, с его лукавой, живой речью, втягивающей самого читателя в действие, будто автор издавна накоротке с героями.

Островский начал с легкого бытового гротеска. В нарочито длинном ироническом названии первого его рассказа: «Сказание о том, как квартальный надзиратель пускался в пляс, или От великого до смешного только один шаг»,— угадывалась пародия на «высокий» исторический жанр. Слышен здесь и отголосок поэтики водевилей, популярных в 40-х годах. Автор изобразил домик в три окошка в грязном московском переулке, сдаваемый в наем жильцам; описать его было нетрудно, такие домишки во множестве попадались в окружавшем Островского сызмальства захолустье. В домике молодой писатель поселил чиновника Зверобоева, служащего в си-

ротском суде, и квартального с женою, прехорошенькой особой двадцати с небольшим лет.

Выдумка интриги, связь картин — дело для молодого автора особенно затруднительное. Он берет готовый анекдот и переносит в мещанский быт озорную ситуацию пушкинского «Графа Нулина». Поскольку же герои его отнюдь не аристократы, рассказ должен получиться вдвойне ироничным.

Молодой сочинитель сознает, видно, что заемный его сюжет не бог весть какая находка, и, чтобы не обмануть ожиданий читателя, рассыпает по пути множество верных бытовых подробностей. Но по неопытности то и дело сбивается со своего тона. То его клонит в романтический штамп: «Таинственный полусвет вечера...», «Солнце гасло, утопая в розовом море зари», то невольно утягиваются под перо характерные гоголевские приемы и выражения. (Когда, например, купчиха с Зацепы постучала в окно к Зверобоеву, он «начал уничтожаться, даже заметно было, как он уменьшается,— в продолжение одной минуты он уменьшился в полтора раза».) И все же сквозь подражательность — в диалогах лиц, в их позах и движениях — веет дыханием таланта, брезжит что-то свежее и свое.

Едва первый рассказ был закончен, как он уже перестал удовлетворять Островского. В альманахах и журналах что ни день попадались ему вошедшие в моду с начала 40-х годов очерки с натуры — переводные, с французского, и оригинальные. Авторы их, не мудрствуя лукаво, описывали типы — дворника, почтальона, аптекаря, шарманщика — и сам быт города как бы без всяких прикрас беллетристики. Один за другим выходили в свет сборники этих очерков «с натуры», которые иные называли «физиологиями», отдавая дань модной отрасли медицины, другие «дагерротипами» — в честь только что народившейся фотографии. Их форму усваивает себе литературная школа последователей Гоголя, которую Фаддей Булгарин, желая похлеще ее обругать, назовет натуральной, но которая не испугается его насмешки, примет это название всерьез и станет носить его с гордым вызовом.

Со времен своего студенчества Островский зачитывается «Отечественными записками», молодо и пылко обсуждает с друзьями статьи Белинского и горячо принимает социально-критическое направление его идей, защиту им реализма как формы критики существующего общества. Спор вокруг «натуральной школы» идет в том же идейном русле.

Вот почему, вероятно, и Островский, оставив рассказ-анекдот, пробует обработать те же мотивы в духе «натуральной школы». О суде, в котором он служит, он решается писать пока разве что мимоходом — эти впечатления еще не отстоялись, не отошли на

дистанцию, с какой художник может окинуть их взглядом. Зато в его руках благодарнейший именно для «физиологического» очерка материал впечатлений, шедших за ним по пятам с детства и ранней юности: это Замоскворечье, целый, не тронутый искусством край с его обычаями, причудами, странностями.

Вероятно, в 1845—1846 годах Островский задумывает и начинает писать «Записки замоскворецкого жителя». Они должны были составить целую серию очерков. Островский пробует набросать очерк «Две биографии». Оставляет этот набросок и берется за общую панораму быта — «Замоскворечье в праздник». В очерке «Две биографии» снова появятся знакомые нам по раннему рассказу лица, но с бóльшим углублением в их психологию. Автора интересует, как, почему с такой неизбежностью погибает в сонном застойном быту, в пуховиках купчихи Марьи Агуревны молодой чиновник Зверобоев, и даже если попытается бежать, снова будет силою возвращен в родное замоскворецкое лоно. Островским как бы предвосхищена здесь идея Обломова, духовно гибнущего в уютном доме вдовы Пшеницыной. А чтобы уяснить, как сложился этот инертный, робкий, привязанный к замоскворецкой почве характер, автор считает необходимым обрисовать семейные корни, привычки среды и способы воспитания, дающие такой разочаровывающий результат. Островский и здесь остается верен идеям «натуральной школы», той второй ее ветви, которая (вспомним «Кто виноват?» Герцена) тяготела к воспитательному роману и с особым вниманием воспроизводила «биографии» героев.

Молодого автора со всех сторон обступают живые лица, правдивые сцены, но он еще не очень хорошо знает, как с этим справиться. Растет груда набросков, подмалевок, черновых сцен на его столе. Он пытается идти то по одной, то по другой дороге и, не пройдя ее до конца, возвращается вспять и вступает на новую в надежде найти здесь наконец свой истинный путь.

Пробует себя Островский и в драматическом роде. К этому толкает его и увлеченность театром (еще студентом он пересмотрел все спектакли московской драматической труппы с Мочаловым и Щепкиным в главных ролях) и какое-то безотчетное влечение, как видно природный наклон таланта, воспроизводить фигуры — в действии, речь — в диалоге. Рассуждения и объяснения, вообще повествовательная речь даются ему труднее. Уже в раннем прозаическом наброске разговор купчихи с будочником записан как сценический диалог. Росток пьесы возникает прямо из прозаической ткани.

Нового, свежего материала для комедии ему не занимать стать: и суд, и Замоскворечье. Островский почти одновременно задумывает две пьесы: «Исковое прошение» и «Несостоятельный должник». Названия взяты из судейской практики. Это, по существу, обычные

термины того мира, с которым каждый день имеет дело по долгу службы молодой чиновник Совестного, а потом Коммерческого суда.

В «Исковом прошении» видна щедрость и увлеченность таланта, богатого наблюдениями. Тут множество смешных и живописных подробностей: молодые купчихи сидят с утра, разодевшись, у окошка — кавалеров ждут, и скажутся, что к вечерне едут в монастырь, а на деле на свидание — в Останкино да в Сокольники. А купчина Пузатов — гроза дома — чаек попивает и мирно делится с приятелем — купцом Ширяловым — опытом торговых плутней. Два купеческих поколения намечены в пьесе: старые — скопидомы и обиралы, и новые — моты и франты, вроде беспутного Сеньки, бегающего по портным да по «ахтрисам». Все симпатии автора — чисто «западнические», и он все же держит сторону своих сверстников, молодежи: ведь ей жить хочется, а старики самодуры только чужой век заедают!

Уже работая над первыми своими драматическими опытами, Островский понял: главная сила комедии в языке. Герои пьесы должны говорить совсем натурально, как есть, ну как говорят где-нибудь на Болвановке или Зацепе. А вместе с тем их речь — старомосковская, цветная — должна оставлять радостное ощущение искусства.

Островский угадал секрет *юмора* в замоскворецком языке, и это был путь к настоящей удаче. Герои комедии не просто меняются репликами, не просто сообщают друг другу что-то, что подталкивает действие. Каждым словом они прорисовывают резче самих себя и свой мир понятий. Живой, естественный в своей разговорной «неправильности» язык комедии на поверхностный взгляд кажется воспроизведенным «дагерротипно». Но это язык «сгущенный», художественно провеянный, где остались лишь полновесные зерна. Островский со стороны слышит своих героев, чувствует и умеет незаметно подчеркнуть глубокий комизм их речи — и самая простая фраза становится вдруг «игровой», типичной, «вкусной»...

Однако «Исковое прошение» тоже остается незаконченным. Почему? Не потому ли, что автор не вполне совладал с прихотливой и трудной драматической формой? Могучая плодоносящая способность молодого таланта уже проявила себя в разнообразии сцен, каждая из которых несет в себе множество завязей конфликта, но свести это вместе, стянуть в единый драматический узел оказывается куда труднее. Может быть, именно по этой причине, начиная новую комедию «Несостоятельный должник», Островский решается пригласить к сотрудничеству актера и начинающего драматурга Д. Горева, рассчитывая на опыт своего соавтора. Однако дальше нескольких сцен, набросанных при участии Горева, совместная их работа не пошла.

Все эти опыты, пробы, черновики относятся пока, так сказать, к эмбриональному развитию писателя. Попытаться сделать из своих «заготовок» нечто законченное и появиться наконец перед читателем побудило Островского создание в Москве газеты, ставшей его литературной купелью.

«Московский городской листок» издавал молодой выпускник университета, магистр математики Владимир Драшусов. Новая газета выходила с 1 января 1847 года на плотных листах небольшого формата. Газета печатала городские известия, сообщения о пожарах, полицейскую хронику. Но основную площадь газетного листа занимали литературные статьи и ученые сочинения. В газете сотрудничали Т. Грановский, А. Герцен, Д. Григорович, Н. Кетчер и другие. Помимо научных сочинений редакция обещала в первом же обращении к читателям давать статьи о торговле, фабриках, увеселениях, а также — в духе модного «физиологического очерка» — описания городской жизни и народного быта, «которого многие любопытные черты можно подмечать на базарах, рынках и простонародных гульбищах».

Очерки Островского и его драматические этюды также, как видно, хорошо укладывались в программу газеты. «Московский городской листок» опубликовал в 1847 году одно за другим под инициалами или без подписи сочинения Островского: «Сцены из комедии «Несостоятельный должник», «Картина семейного счастья» и «Записки замоскворецкого жителя».

«Картина семейного счастья» (при позднейших публикациях названа Островским «Семейная картина») — это, по существу, переделанный для печати и «округленный» сюжетно, чтобы оставлять впечатление законченного произведения, первый акт неудавшейся комедии «Исковое прошение». Заложенные в замысле пьесы конфликты так и остались неразвернутыми, но для «Картины» и этого было достаточно: драматург умело ввел, рассадил, представил героев, дал каждому свой язык и физиономию, талантливо обрисовал купеческий быт и нравы.

Готовя публикацию «Записок замоскворецкого жителя», Островский заново перекроил старую свою рукопись «Две биографии» и написал для газеты забавное объяснение с читателями.

Следуя сюжетной традиции, узаконенной в русской прозе автором «Ивана Федоровича Шпоньки и его тетушки», рассказчик торжественно объявлял, что первого апреля 1847 года он обнаружил рукопись, проливающую свет на страну, никому в подробности не известную и никем из путешественников не описанную. Молодой автор обрядился в ироническую тогу первооткрывателя нового края и начинал свое описание как некий Геродот Замоскворечья.

Судя по изложенной им тут же програме «Записок», планы его были вначале обширны. Автор обещал, что читатели найдут в них «и сплетни замоскворецкие, и анекдоты, и жизнеописания», увидят Замоскворечье «в праздник и в будни, в горе и в радости», узнают, «что творится по большим, длинным улицам и по мелким, частым переулочкам». Однако на деле был напечатан лишь один очерк о мелком чиновнике Иване Ерофеиче.

И рассказ о допотопной шинели Ивана Ерофеича и жалостливая интонация автора, повествующего о своем невидном герое,— все это выдавало его литературную родословную. Островский выходил на свет как питомец натуральной школы. Но новизна материала и свежесть подхода обещали в нем нечто большее, чем простого копировщика и продолжателя.

Надо думать, Островский не закончил «Записок замоскворецкого жителя» не по одним внешним причинам (на 283-м номере, проживя всего год, газета Драшусова закрылась). Он как-то расхолодел к прозе. Первую свою пьесу — «Картина семейного счастья» — автор уже пообещал для бенефиса Прову Садовскому и мечтал увидеть это свое детище на сцене.

Пьеса была запрещена драматической цензурой, и, несмотря на это, желание писать для театра окончательно захватило Островского. Свои усилия он сосредоточил теперь на неспешной и тщательной работе над большой комедией «Банкрот» (так стала называться пьеса «Несостоятельный должник»), отрывок из которой был напечатан в «Московском городском листке».

2

Около пятидесяти пьес написано Островским за его долгую жизнь, но и среди других замечательных его достижений комедия «Банкрот», позднее названная «Свои люди — сочтемся!», выделяется свежестью первого открытия новых драматических положений и лиц, поразительным мастерством художественной отделки.

Весь 1847-й, 1848-й и половину 1849 года Островский работал над «Банкротом». Главная мысль комедии, ее сюжетная канва сложились с самого начала и существенно не менялись в ходе долгой работы. Богатого московского купца Большова, решившего надуть ложным банкротством своих кредиторов, обманывает еще пущий плут и пройдоха — приказчик Подхалюзин, прибирающий к рукам состояние своего прежнего хозяина, а заодно и его дочку Липочку. Драматический узел пьесы, который долго не давался начинающему автору, на этот раз был найден безупречно. Сюжет строился по принципу качелей: в начале пьесы наверху был Большов, а внизу Подхалюзин, в конце — Подхалюзин взлетал вверх, а обобранный и униженный Большов оказывался от него в жалкой зависимости.

Вся забота Островского теперь была, чтобы лучше «обработать», как он любил говорить, этот сюжет. Он писал комедию исподволь, небольшими сценами; читал близким друзьям каждое новое явление, советовался с ними о каждом выражении, бесконечно перемарывал текст.

Зритель с первых реплик должен был почувствовать тупое самодурство Большова, в голове которого тяжело, как мельничные жернова, перекатываются мысли и который одним «мнением» измучился, как лучше кредиторов надуть; и фальшь Подхалюзина, изъявления коего в преданности хозяину подозрительно приторны и косноязычны: «Уж коли того, а либо что, так останетесь довольны...»; и развязную капризность Липочки, мечтающей выскочить замуж за военного и стесняющейся своих неотесанных родителей.

Всего более заботился Островский о верности купеческого быта. Но что такое быт? Вещи? Язык? Отношения людей? И как запечатлеть в пьесе этот быт — самое устойчивое и самое ускользающее? История закрепляет события в документе, описании факта, летописи деяний. Быт неуловим. Приметы конкретного времени и среды утекают как вода сквозь пальцы. Только художник с его особым зрением способен воспроизвести устойчивость быта целых людских слоев. Купеческий быт — это не мертвая бутафория самоваров, гераней, чаепитий. Быт интересен, если проникнуть в его «душу», изучить его поэзию и жестокость, тайно руководящие им законы.

Купец Островского груб, простодушен, дик, наивен, самоволен, отходчив, нагл, робок, безобразен... И из этого пестрого спектра душевных качеств рождаются отношения в доме, имеющие видимость патриархальной простоты, но окрашенные насилием и обманом.

Обман в «Своих людях...» выступает как потайная пружина всей жизни. Идея обмана поднята до символики, до грозного поэтического обобщения: все обмануты в пьесе или ждут, что их обманут, ибо обман — не мелочное надувательство, обман — закон, обман — царь, обман — религия этой жизни.

Сейчас трудно, пожалуй, даже вообразить, какой смелой правдой прозвучала для современников пьеса Островского, каким дерзким нападением на официально охраняемые нравы и понятия она была. С внешней, казовой стороны православное купечество являло собою пример добропорядочности, патриархальной совестливости и как таковое было признано надежной опорой престола и отечества. «Честное купеческое слово» служило благовидной вывеской корпоративной морали. Но молодой драматург решился приподнять завесу над внутренней жизнью купечества.

Его комедия откровенно примыкает к тому направлению в русской литературе, которое он сам определит в рецензии на роман Евг. Тур «Ошибка» как «нравственно-обличительное».

Большов, пусть это прозвучит необычно, поэт обмана. Ведь когда Самсон Силыч задумывает обвести вокруг пальца своих кредиторов, не какая-то денежная крайность вынуждает его к этому. «Самсон Силыч купец богатейший,— объясняет Подхалюзин,— и теперича все это дело можно сказать так, для препровождения времени затеял». Решаясь на фальшивое банкротство, Большов, таким образом, почти бескорыстен: страсть к обману, надувательству в самой его крови. Подобно бальзаковскому Гобсеку, доведшему до безумия, до мании идею накопительства, Большов самозабвенно отдается идее обмана. Он обманывает своих покупателей, заимодавцев, конкурентов, он готов обмануть всех и вся, потому что обман — привычная и втихомолку признанная всеми форма жизнедеятельности, предмет тайного тщеславия делового человека. Нет обмана — и нет его как купца, как деятеля, уважаемого члена сословия. Все связаны круговой порукой обмана, и дело лишь в том, кто окажется ловчее и удачливее.

Одно непростительно для купца — если обман выйдет наружу, станет достоянием гласности. Сам Большов искренне негодует, читая в газетах объявления о чужих банкротствах. Он даже готов осудить несостоятельных должников с нравственной точки зрения: ведь они «мораль» на купечество наводят. (Слово «мораль» в лексиконе героев Островского — производное от «марать», запачкать.)

Откуда же у Большова такая искренность тона, такая убежденность в своем праве проделывать то, за что он охотно бранит других? Разгадка — в привычной психологии самодурства. Большов вообще-то признает моральные правила, да только не для себя. Его мораль действует лишь в одну сторону: для всех — мораль, а для него — выгода. И какая меткая и смешная подробность: дабы не «нагреться» на собственной афере, Большов ищет себе в компаньоны такого человека, «чтобы он совесть знал»!

Большов принадлежит к старой породе московского купечества: он груб, прямолинеен и простоват даже в своем обмане. Все в доме — от жены Аграфены Кондратьевны и до мальчика Тишки — дрожат при его появлении, и ощущение этой беспредельной власти над домашними согревает душу Самсона Силыча. Он не имеет повода усомниться в том, что безгласная родня и челядь слепо покорны ему. Весь подлунный мир делится для него на *чужих*, которых грешно не обманывать, и *своих*, которым самой природой определено подчиняться его воле и пребывать в домашнем рабстве. Он не может допустить и мысли, чтобы *свои люди* что-либо злоумышляли против него или оказались непокорны.

Готовый обмануть всех кругом, Большов проявляет неожиданную доверчивость к Подхалюзину — и на этом теряет все. Нельзя,

положив законом жизни обман, рассчитывать на чужое благородство, хотя бы в виде исключения.

Фигура Большова не просто смешна — она трагикомична. В последнем акте пьесы Большов является из «ямы» опозоренным и несчастным, и мы готовы пожалеть в нем обманутого человека. Надрывные, трагические ноты начинают звучать в речах замоскворецкого Лира, преданного и оставленного дочерью и зятем, безумно раздарившего свои владения и погибающего в нищете и позоре [1]. Еще по исполнению Щепкиным городничего в гоголевском «Ревизоре» Островский понял, как сильно могут действовать на душу публики смелые переходы из комедийного тона в драматический. И в Большове дал эту жизненную глубь человека, в разных обстоятельствах поворачивающегося по-разному: то притеснителя — то угнетаемого, то палача — то жертвы...

Но нельзя забывать, что обманут-то обманщик! Когда выясняется, что еще более бессовестный плут Подхалюзин, для которого нет ни «своих», ни «чужих», а только личный интерес, грубо провел его, Большов в отчаянии вопит: «Опомнитесь!.. Люди ли вы?» Но на что, в сущности, может он пенять? Он сам приучил своего приказчика и свою дочь жить обманом. И какая ирония судьбы в том, что возмездие Большову несет еще больший плут и негодяй Подхалюзин! Островский вообще любил «знаменательные» фамилии. Но фамилия Подхалюзина составлена так, что из каждого слога ее будто сочится подлость. *Под* и *хал* и вдобавок еще *юзин* — трижды презренная фамилия.

При том, что это человек лакейской, молчалинской складки, в нем, как верно замечал Добролюбов, тоже сидит потенциальный самодур. Островский как бы разворачивает тему самодурства во времени, следя за диковинными человеческими метаморфозами. Мало того, что самодурство — плод дикости и невежества. Это еще и вымещаемое подневольным человеком прежнее его ничтожество. То, что когда-то Самсон Силыч на Балчуге голицами торговал, то, что добрые люди его «Самсошкою» звали и подзатыльниками кормили, он вовек не забудет и не простит. Теперь он измывается над домашними как бы в счет прежних своих унижений. А едва лишь власть в доме переходит к Подхалюзину, как этот тишайший приказчик, твердивший только «не могу знать-с» и «как вам угодно», становится холоден, самовластен и нагл. Уговаривая глу-

---

[1] И. А. Гончаров, как явствует из неопубликованного письма М. Н. Островского брату-драматургу от 10 сентября 1850 года, прочитав «Банкрота», особо указал на «знание русского языка и сердца русского человека и на искусное введение в комедию драматического элемента» (ГЦТМ, ф. 200, № 1430).

пенькую Липочку бежать от родительской опеки, он, не обинуясь, заявляет: «...будет с них, почудили на своем веку, теперь нам пора».

В купцах старого закала Островский еще мог находить какие-то импонировавшие ему черты народной речи, обычаев, русского характера. Но откровенную насмешку вызывает у него межеумочная и крайне живучая, «мещанская» в широком смысле, психология Липочки и Подхалюзина. Находясь в партии угнетенных, мещанин считает себя страдающей стороной, но едва он дорвется до власти и станет хозяином жизни, как обнаруживается эгоистический характер его протеста против «богатых» и «сильных». Его жажда самоутверждения выливается в желание «жить, как люди живут», подражая во всем верхушечным, наиболее состоятельным и образованным слоям общества. По крайней душевной неразвитости это мгновенно вырождается в пошлое обезьянничанье, отвратительную мешанину грубого своекорыстия и вершков «просвещенности».

Липочка — одна из самых крупных удач в первой большой комедии Островского. Ее капризы, вздорность, желание выскочить за военного, тайная корысть и внешнее тяготение к «образованности» — густой настой мещанских понятий о житейском идеале. С первых же сцен у Липочки такой же, как у отца, самодурный напор, с тою разницей, что, как девица нежная, она легко кидается в слезы и на жалость бьет: «Как муха какая, кашляю». В своем пристрастии к танцам и французскому языку, в презрении к «необразованным родителям», в желании покорить «благородного» жениха Липочка поначалу выглядит безвредной дурочкой, но попавшему в беду отцу не ждать от нее снисхождения. Родная дочь, близкий, «свой человек», оказывается самой чужой отцу — и это еще одно из тысячи превращений этой комедии обманов.

Не зря цензор, запрещавший пьесу для сцены, сетовал на отсутствие в ней «светлого противуположения». В ней и впрямь, как в гоголевском «Ревизоре», нет героев положительного закала. Опустившийся стряпчий Рисположенский, мастер обманную «механику подсмолить», готов послужить Большову, но так же легко переходит на сторону Подхалюзина, едва лишь тот обещает ему более солидную мзду. Сваха, еще недавно прочившая Липочке «благородного» жениха, сама расстраивает это сватовство в пользу приказчика, посулившего ей соболью шубу и добрый куш. Подхалюзин же, получив то, к чему стремился, надувает всех: и стряпчего, и сваху, и тестя.

В комедии Островского, по существу, нет развязки, поскольку он исследует лишь два смежных звена в бесконечной цепи взаимных обманов, на которых строится жизнь. Есть ли хоть малая гарантия тому, что ныне торжествующего и зазывающего в свою лавку («в луковке не обочтем!») Подхалюзина не проведет еще

более ловкий и изощренный хищник? Ведь обманывая всех вокруг, легко самому стать жертвой обмана. И мнится, недоброй завистью горят глаза выглядывающего из-за плеча Подхалюзина и жадно считающего свои медяки Тишки...

Где же конец этой цепи обманов, в чем видит выход сам автор пьесы? Замечательно, что, когда сваха, растерявшись от холодной наглости Подхалюзина, не знает, как наказать его пуще, она обещает распустить о нем дурную славу по Москве. И обиженному крючкотвору Рисположенскому тоже приходит на ум только одно: апеллировать к суду общественного мнения.

Так и сам драматург обращается к публике, чтобы художественным, нравственным судом обличить негодяев и пробудить общественную совесть.

Резкое обличительное содержание комедии сделало трудной ее судьбу в печати и на сцене. Время для литературы было тяжелое. Напуганный революционными событиями 1848 года, прокатившимися по Европе, Николай I сосредоточил усилия своей внутренней политики на подавлении всех ростков вольномыслия в университетах, на ученых кафедрах, в литературе и журналах. Разгром кружка Петрашевского и суровые приговоры его участникам должны были окончательно запугать общественное мнение, всех, кто был наклонен к обличению существующего и проявлял симпатии к идеалам западного социализма.

Появление «Банкрота» было чудом на бесцветном и скудном литературном фоне той поры. Комедия Островского родилась на свет не в самую подходящую для себя минуту. Но разве настоящее искусство загадывает себе срок, когда ему явиться перед публикой? После бурного расцвета натуральной школы, первых памятных всем триумфов Герцена, Достоевского, Гончарова настали, казалось, бедственные для литературы времена. Задушенное в тисках двойной — предварительной и последующей — цензуры, приведенное, по выражению Щедрина, «к общему знаменателю», искусство в конце 40-х годов замерло, будто ушло под землю. Но литература — живая вода — просасывает себе пути и в самое неблагоприятное для нее время. На пустынной, бесплодной почве вдруг рождается полная жизни, смеха и сил комедия — и все симпатии общества мгновенно летят к ней.

Еще до того как быть напечатанным, «Банкрот» стал известен со слуха сотням людей, присутствовавшим на литературных чтениях в частных московских домах, где с ним знакомили публику автор и его близкий друг — артист П. М. Садовский. А вскоре издатель журнала «Москвитянин» М. П. Погодин путем сложных интриг добился того, чтобы ему разрешили напечатать запрещенную для театра пьесу.

Погодин был человеком не простым, и значение его литературно-общественной деятельности было бы неправильно оценивать однозначно. Несомненный консерватор по своим политическим взглядам, сторонник славянофильства с креном в сторону официальной народности, Погодин вместе с тем был человеком умным, остронаблюдательным, и личный нрав его был весьма демократичен. Он понял, какое значение могло бы иметь появление комедии Островского для его задыхающегося, терявшего с каждым месяцем подписчиков журнала. Но тут был и не только коммерческий расчет. Искусство имеет свою победительную силу. И, будучи весьма умеренным и осторожным журнальным деятелем, Погодин, как человек со вкусом и знанием дела, смог оценить незаурядные достоинства «Банкрота».

В литературном кругу успех первой большой комедии Островского был оглушительным и прочным, несмотря на явное недовольство властей. Некрасов, Тургенев, Гончаров, Толстой, Герцен, Шевченко оставили нам свидетельства своего сочувственного внимания к ней. Сам Гоголь, под бессомненным знаком влияния которого начинал Островский свой литературный путь, поддержал его в ту минуту, когда министр просвещения по прямому повелению царя потребовал объяснений от молодого драматурга. В записке Гоголя Ростопчиной, которую драматург всю жизнь хранил как священную для него реликвию, говорилось: «Я тоже нахожу ответ Островского (генералу В. И. Назимову, которому было поручено сделать драматургу отеческое внушение за «Банкрота».— *В. Л.*) очень благоразумным. Дай ему бог успехов во всех будущих трудах и полного уменья выражать ясней их благонамеренность, чтобы ни в ком не оставалось какое-нибудь на этот счет сомненье. При внутреннем усовершенствовании это приходит само собою. Самое главное, что есть талант, а он везде слышен».

Поощренный подобными отзывами Погодин не только не раскаялся, что рискнул напечатать пьесу Островского, но в 1850 году пригласил его работать в своем журнале. Вокруг Островского составился вскоре из его молодых друзей — Тертия Филиппова, Аполлона Григорьева, Евгения Эдельсона, Бориса Алмазова и других литературный кружок, известный под именем «молодой редакции» «Москвитянина».

Старый журнал и впрямь помолодел и приобрел новую физиономию, лишенную прежней казенной и нравоучительной постности. Вошедший в его редакцию Островский оставляет службу в суде и становится профессиональным литератором, со всеми достоинствами и невыгодами этого нового его положения: отныне он находится под особенно заметным идейным и художественным влиянием своих друзей и сам в свою очередь влияет на них.

3

Писатель, получивший громкий успех при появлении первой крупной своей вещи, как бы ставит себя в невыгодное отношение к публике, которая многого ждет от него и каждый следующий шаг привередливо меряет рамками той, первой удачи. Второй выход к читателям автора, недавно получившего литературное имя, всегда самый трудный.

Почувствовав себя профессиональным писателем, Островский как-то заторопился и совершил, пожалуй, оплошность, напечатав два подряд небольших этюда: «Неожиданный случай» и «Утро молодого человека». Сам драматург ставил эти работы не слишком высоко, но нетерпеливое желание издателя познакомить публику с новыми сочинениями автора «Банкрота» побудило его их напечатать.

«Утро молодого человека» было, по существу, данью прежним мотивам, знакомым по «Картине семейного счастья», и составляло, скорее всего, переделку второго акта оставшегося незаконченным «Искового прошения». Во всяком случае, история молодого купчика, желающего жить по моде, а ради этого сорящего деньгами и пускающего пыль в глаза приятелям, как бы развивала положение, намеченное в «Картине семейного счастья», переделанной, как помним, из первого акта неудавшейся пьесы. Тот же вертопрах Сенька, здесь уже Семен Парамонович, готов на любые жертвы, чтобы выглядеть «образованным»: спит до второго часу, даже коли спать вовсе не хочется, щеголяет французскими журналами и книжками, в которых ничего не разумеет, ходит на балет в первый ряд кресел да «по рощам шампанское пьет». Его обирают все, кому не лень,— приятели, лакеи, приживалы, всякая рвань, и он способен просадить все наследное достояние, лишь бы не ударить в грязь лицом перед «благородными» молодыми людьми.

Еще меньше мог быть отнесен к числу настоящих удач Островского другой его этюд — «Неожиданный случай». Герой этой одноактной пьески женолюб Розовый, бегающий за каждой юбкой, Подколесин наизнанку. Он настолько слабоволен, что никак не может устоять перед новым увлечением. Автор хотел представить психологический очерк двух характеров — Розового и его приятеля Дружнина — и написать небольшую эффектную вещицу в духе французских драматических пословиц, «провербов» Альфреда де Мюссе, бывших в то время в моде на русской сцене. Но характеры расплылись, действие потонуло в вялом, с бесчисленными вариациями одних и тех же слов диалоге. Эффект правдоподобия, достигнутый Достоевским в «Бедных людях» с помощью подобных повторов и «топтаний» на одном месте в «захлебывающейся» речи героев, при переносе его в ткань драматического сочинения выглядел искусственно:

казалось, это не краска речевой характеристики, а следствие неопытности драматурга.

За свои малоудачные этюды Островский поплатился колкими насмешками петербургских журналов, довольно для него чувствительными. И. И. Панаев в «Современнике» не без успеха осмеивал вялые диалоги Пюсового с Липовым, пародируя само имя героя «Неожиданного случая» — Розового.

Настоящий талант и из неудачи извлекает дополнительный позыв к творческому движению, и Островский доказал это, упорно работая над следующим после «Банкрота» «капитальным» своим сочинением «Бедная невеста». Драматургу не хотелось повторяться: он задумал на этот раз комедию, которая и по теме и по жанру должна была отличаться от «Банкрота» и показала бы его талант с другой, неожиданной для читателей стороны.

В «Бедной невесте» взята не привычная уже для Островского купеческая среда, а среда мелкочиновничья, где бытовые краски не были так ярки, а речь приближалась к среднеинтеллигентной литературной норме. Конечно, и в этой пьесе немало бытовых штрихов, черточек: здесь долго пьют чай и неторопливо судачат; суетливая мать бедной невесты — Анна Павловна то табакерку, то чулок ищет и бесперечь говорит все об одном, что «нельзя в доме без мужчины». Во всей красочности замоскворецких типов предстают свахи — одна «по купечеству», другая «по дворянству». И все же Островский задумал на этот раз комедию не бытовую, а, скорее, лирическую, психологическую.

В воспоминаниях С. В. Максимова можно встретить указание, основанное на толковании «живых комментаторов» «Бедной невесты», вероятно Т. И. Филиппова и И. Ф. Горбунова, что в комедии Островского отразились типы и ситуации «ближайшей среды», окружавшей драматурга. Здесь очевиден намек на семью Коршей.

Софья Григорьевна Корш — вдова профессора Медико-хирургической академии, оставшаяся с многочисленными детьми на руках после смерти мужа и старавшаяся получше пристроить дочек,— оказалась в положении вдовы Незабудкиной. Младшей из ее дочерей — Зинаидой — Островский был немного увлечен и посвятил ей мадригальный акростих «Зачем мне не дан дар поэта...» и альбомное стихотворение «Снилась мне большая зала...». На другой дочери Корша был женат московский профессор Никита Крылов, в котором Максимов находит черты, психологически родственные Беневоленскому из комедии Островского. Предположение вероятное, поскольку Крылов, известный своей грубостью, запоями и взяточничеством, сыграл немаловажную роль в судьбе молодого Островского: именно из-за столкновения с Крыловым на экзамене будущему драматургу пришлось оставить университет. Но еще более существенно, пожа-

луй, то, что с семьей Коршей был тесно связан ближайший друг Островского той поры — Аполлон Григорьев. Его несчастная любовь к Антонине Корш, запечатленная в «Листках из рукописи скитающегося софиста», напоминает отношения Хорькова с Марьей Андреевной. Именно в связи с этим эпизодом пьесы Максимов замечал: «Могло пройти и это событие живым и вчерашним на зорких глазах юного и впечатлительного автора» («Восп.», стр. 107).

Обстоятельства биографического свойства, имеющие, казалось бы, отношение лишь к творческой истории комедии, важны здесь потому, что помогают понять поиски Островского в новом для него направлении: не только бытовой, но и психологической, лирической пьесы. «Бедная невеста» — самая ранняя попытка создания драматургом «тонкой интеллигентной комедии», о чем он не раз мечтал на склоне лет и к чему стремился в таких своих поздних пьесах, как «Бесприданница» и «Таланты и поклонники».

«Бедная невеста» получилась пьесой многофигурной: в ней тронуто драматургом сразу несколько тем, завязано много неразвернувшихся конфликтов. Критика бранила комедию Островского за некоторую рыхлость композиции, неэкономность постройки, и упреки эти были отчасти справедливы — драматург еще не владел вполне даром сценичности. Однако прав был и верный трубадур Островского Ап. Григорьев, отмечавший в комедии органичность развития содержания, «широту» замысла, с которым, быть может, и не вполне сладил молодой автор,— ведь ему пока еще не довелось видеть на сцене ни одной своей пьесы.

Центральное лицо — Марья Андреевна — долго не давалось Островскому, да это и понятно: тут была первая попытка представить в сочувственном свете страдающую молодую женскую душу, как бы проба того, что станет в будущем коренной темой его драматической поэзии.

Островский рассказал не столько в театрально-драматическом, сколько в повествовательном, «балладном» духе историю девушки-бесприданницы («иной просто торгует меня, как вещь какую-нибудь»,— предвосхитит она слова другой бесприданницы — Ларисы Огудаловой), вокруг которой вьется хоровод молодых людей, привлеченных ее красотою, но житейски неосновательных; она же будет приведена обстоятельствами к замужеству с человеком преуспевающим и богатым.

Комедийное положение, явившееся воображению автора и потянувшее за собою целую цепочку образов, состояло в противоречии «идеального», воспитанного литературой взгляда, романтической «фразы» о любви с жесткой и трезвой прозой жизни.

В комедии много различных оттенков понимания того, что можно назвать любовью. Старшее поколение (вдова Незабудкина, Доброт-

ворский), привыкшее практически смотреть на вещи и решать дело обдуманным сватовством, вовсе не верит в какие-то права личного чувства: им, как говорит прислуга Незабудкиных — Дарья, «не человек нужен, а богатство». «Идеальность» Марьи Андреевны и возникает, пожалуй, как протест против такой прозаической расчетливости.

Мучительно, искренне любит Марью Андреевну один Хорьков, но ее сердце как бы еще не разбужено, не готово к глубокой ответной любви (мотив, развитый в «Снегурочке»), и она остается холодна к нему. К тому же ее молодой сосед так прост, обыден, так *привычен* да еще вдобавок совестлив, робок — в нем нет решительно ничего, что на книжный, «идеальный» взгляд показалось бы достойным любви. Не может иметь успеха у Марьи Андреевны и Милашин. Слишком очевидно его внутреннее безразличие к ней: ему важно лишь выглядеть счастливым влюбленным в глазах других. Мелкий, надоедливый человечек, Милашин вызывает брезгливое чувство своей бесцеремонной навязчивостью; его единственный двигатель — пустое тщеславие, и понятно, что Марья Андреевна едва сносит его. Зато петербургский фразер, модная «штучка» Мерич, хоть кому может вскружить голову, тем более в ту минуту, когда молоденькую девушку силком толкают к ненужному ей замужеству.

В Мериче Островскому хотелось скомпрометировать искусственную романтическую позу, опозорить ее с точки зрения жизни, разума, здравого смысла. Мерич — это выдохшийся, измельчавший лермонтовский герой, Грушницкий, выдающий себя за Печорина. Даже фамилия его несет в себе некоторый литературный намек. В ее корне «лермонтовское» имя Мери (кстати, так зовет Мерич и Марью Андреевну в минуты их свидания), а окончание *ич* — привычное у Лермонтова (Вулич, Звездич). В начальной редакции литературно-полемический характер пьесы был еще откровеннее: в одном из первых вариантов комедии Островский заставлял Марью Андреевну держать в руках книгу Лермонтова, а Меричу (тогда Зоричу) влагал в уста чисто печоринские рассказы о легких победах над женскими сердцами.

«Не вина Пушкина и Лермонтова,— писал в «Москвитянине» Аполлон Григорьев,— что типы, в известное время истинные и поэтические, мелеют и испошляются от беспрестанных повторений» *(«Москв.», 1851, № 3, февраль)*. Обаяние разочарованного романтического героя стало расхожей монетой в литературе 40-х годов, да и в жизни появились неудачливые подражатели Печорина. Тамарин в трилогии М. В. Авдеева или герой повести Д. В. Дружинина «Петергофский фонтан» — люди с охлажденным сердцем и «романтической загадкой» в душе, дерзкие в поведении с женщинами. Они давно уже вызывали усмешку в кругу друзей Островского.

Как раз в ту пору, когда писалась «Бедная невеста», Аполлон Григорьев разъяснял читателям «Москвитянина» подлинную цену героев этого сорта, в которых «развита странная болезнь — отвращение ко всему обыденному в действительности, соединенное с любовью к призрачным радостям и к призрачным мукам, с исканием призрачных страданий и сильных ощущений». И критик заключал: «Пора нам перестать искать поэзии в болезненности и услаждаться несбыточными снами. Здорового, ясного взгляда на жизнь вправе мы ожидать теперь от наших повествователей» *(«Москв.», 1851, № 6, март)*.

Островский поставил Мерича в отношения к чистой сердцем, но книжной, начитавшейся барышне и горьким опытом жизни развенчал эту книжную поэзию.

По существу, любовь Мерича разогрета отказом Марьи Андреевны — его самолюбие не может этого пережить; он должен добиться взаимности. Но недолгая история их любви — это цепь обоюдных недоразумений: слишком ро́зны душевные побуждения героев в решающие минуты жизни. Марья Андреевна тяготится своим положением, домогательствами матери выдать ее замуж, она жаждет сочувствия, сострадания. Ее же герою важно лишь сорвать поцелуй, сделать лишний шаг вперед в любовной игре. Марья Андреевна умоляет Мерича поговорить с ней, а он уходит от серьезного разговора и вместо этого (еще одна «печоринская» подробность!) сулит принести ей свой дневник для совместного чтения — не иначе как для того, чтобы лишний раз покрасоваться перед ней. Мерич привык хвастать своими былыми переживаниями, ранним опытом души, любовью к умершей женщине, что так неотразимо действует в юные годы и заставляет чаще биться сердце, как свидетельство еще неведомого нам горького опыта жизни.

Марья Андреевна полюбила Мерича потому, что ей казалось, что он здесь «выше всех стоит, ему душно в этом обществе». С маской усталости, разочарованности на лице и сам герой списывает свои личные неудачи на что-то извне, на светские условия, на гнет обстоятельств. Когда же он узнает, что дело Незабудкиных проиграно и Марья Андреевна совершенно нищая, он в испуге отшатывается, по-прежнему ссылаясь на «обстоятельства, обстоятельства, которые гнетут меня всю жизнь...».

Положение социальной жертвы оказывается пошлостью и фальшью. Пустой, в сущности, человек эксплуатирует позу гонимого, несчастного, не признанного обществом скитальца, как средство легкого успеха, но мгновенно пасует перед серьезным жизненным выбором. Мерич — сколок с некогда влиятельного, но измельчавшего типа «лишнего человека». Новизна пьесы Островского была в ощущении им исчерпанности старого романтического идеала и в обращении к трезвой правде жизни.

«О, господи! — восклицает в пьесе Марья Андреевна,— зачем в людях так мало правды!»

Выработка новых жизненных идеалов возможна, по Островскому, лишь на почве признания прав действительности, как бы ни казалась горька и неприглядна обыденная житейская практика. Не надо, конечно, понимать дело так, что драматург капитулировал перед старозаветной моралью — жить по воле родительской, не верить личному чувству. Но в романтических эмпиреях он угадал тот же обман и свел героев на землю. Жизнь жестче, серьезнее и проще, чем пишут в модных романах,— как бы хотел сказать своей пьесой Островский. Он наказал героиню за юные порывы книжной идеальности столь низкой прозой, как брак с Беневоленским.

Какое оскорбление высоких чувств, какой контраст с девической чистотой и нежностью натуры Марьи Андреевны этот явившийся в дом по сватовству немолодой чиновник, который «привычку сделал» выпивать перед обедом; чего стоит одна сцена, когда он, не прожевав куска, поднимается из-за стола, подходит к Марье Андреевне, сидящей за фортепиано, и начинает не в тон подпевать ей! Как должны оскорблять чувствительную девушку его туповатые похвалы ее игре: «Главное — нигде не сбиваетесь». Когда-то в юности Беневоленский тоже читал Марлинского, играл на гитаре и своим долгом находил посещать оперу. Но давно уже он обратился в краснолицего располневшего чиновника, предпочитающего радости трактирного застолья с приятелями «Роберту-Дьяволу» и знающего один способ ухаживания: «Какие вы конфекты любите?»

В Марье Андреевне, когда она берется перевоспитать этого взяточника и чинушу и утешает себя тем, что от нее зависит его духовная перемена, является некий отблеск пушкинской Татьяны с ее идеей супружеского долга, верности и терпения в браке. Но, кажется, сам автор плохо верит в такой благой исход и провожает свою героиню под венец с безотрадным чувством.

Пьеса Островского не только в основной линии действия, но и в своих сюжетных разветвлениях была интересна новизной положений, психологического содержания. Как особые, мастерски выполненные этюды воспринимаются сцены объяснения Хорькова с Марьей Андреевной, игра героини в карты с Милашиным, где вдруг возникает то, что в практике чеховской драматургии называют «вторым планом», «подводным течением», наконец, исполненная глубокого, но сдержанного драматизма картина свадьбы, когда является Дуня, бывшая возлюбленная Беневоленского.

Некоторые конструктивные недостатки, преизбыток «повествовательности» сделали пьесу трудной для сценического воплощения, и она не вошла в число наиболее «репертуарных» комедий Остров-

ского. Однако по своему литературному значению «Бедная невеста» занимает в творческой судьбе писателя выдающееся место и возвещает появление в его драматургии новых тем и образов.

4

Написанные Островским в 1852—1855 годы пьесы «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок» и «Не так живи, как хочется» принято относить к числу наиболее слабых его произведений 50-х годов, в которых заметнее всего сказался груз славянофильских увлечений и симпатий. Однако эти пьесы, по крайней мере две первые из них, имели громкий успех на сцене, создали молодому Островскому славу и авторитет драматического писателя и навсегда вошли в русский театральный репертуар. Не следует ли поэтому, нимало не пытаясь сглаживать заблуждений мысли Островского, понять эти пьесы в свете поисков автором самобытного содержания для русской драмы и объективно оценить причины их успеха?

По самой природе ума Островскому чуждо было абстрактное, сухое теоретизирование. Но теоретиков в ту пору хватало среди его друзей по «молодому» «Москвитянину». Аполлон Григорьев, Тертий Филиппов, Евгений Эдельсон создавали особый климат бурных восхвалений вокруг молодого драматурга и заметно влияли на него. Сами эти литераторы, люди талантливые и честные, еще недавно слыли молодыми бунтарями и атеистами, но в годы реакции, воцарившейся после февраля 1848 года, их вольнодумство заметно слиняло.

Политическая реакция, как известно, проходит обычно две стадии. 1848—1849 годы принесли с собою правительственную реакцию: прямые репрессии против оппозиционных кружков, гонения на науку, печать, университеты, ужесточение цензуры и т. п. Но после спада первой волны правительственной реакции и по следам ее возникла вторая волна — реакция общественная. Значительная часть оппозиционных и либеральных элементов общества, испытывая давление со стороны власти, начинает применяться к жизни в новых условиях и от былого бунтарства легко переходит к благонамеренности. Возникает характерный парадокс. Поскольку речь идет о думающей, философствующей части общества, она никогда не согласится, чтобы ее поведение считали результатом вульгарной трусости или внешних давлений. Желая лучше выглядеть в своих глазах, она старается, по закону самооправдания, подвести под свое поведение теоретическую базу, оправдать свое отступничество какими-то «высшими» соображениями.

Так, как бы непроизвольно, правеют в начале 50-х годов все славянофилы, в том числе «молодые» — Аполлон Григорьев и его друзья. Не то чтобы они грубо приспосабливались к обстоятельствам — упаси бог! — но по естественному позыву самосохранения

они начинают инстинктивно освобождаться от былых либеральных и вольнолюбивых «увлечений», ища теоретического оправдания своему консерватизму.

Сползание это незаметно произошло в сфере «народности», причем, поскольку речь шла о народе, новые взгляды молодых «москвитян» выглядели достаточно благовидно и, во всяком случае, не повторяли в грубой форме официальную народность. К казенному православию и самодержавию склонился, пожалуй, один Т. Филиппов, вызывая насмешки своих приятелей и прежде всего беспокойного романтика Ап. Григорьева («социалист и беспощадный атеист, а ныне весь ушедший в бога, Филиппов мой...»). Но в целом официальная народность не пользовалась кредитом в их кружке, и, в отличие от старших славянофилов — Шевырева и Погодина,— убеждения молодых друзей Островского были менее консервативны и не отдавали духом прихожей Зимнего дворца или консисторией.

Во-первых, «молодая редакция» искала опору в народности, даже в «простонародности»: их искренне увлекали русские песни, обычаи, нравы, коренные черты национального характера. Здесь был, если угодно, и оттенок оппозиционности, поскольку центром своих симпатий «москвитяне» избрали не самодержавное государство, а «земщину», но оппозиционности вполне допустимой — не западнической, не крамольно революционной, а «патриотической», «домашней». В отличие от «старших» славянофилов «молодая редакция» «Москвитянина» находила исконные русские добродетели не в одном крестьянине, но и в купце (только, конечно, не в дворянине и не в чиновнике!). Как Минин, некогда представлявший «земство», купец еще связан для них с национальной почвой, с землей, и стойко сохраняет эти добродетели в противовес растлевающему «немецкому» духу торгашества, коммерческих плутней.

Во-вторых, Аполлон Григорьев и его друзья, в отличие от других теоретиков славянофильства, видели выход не в уничтожении личности «общностью» или растворении ее в народном начале, а в ее сохранении и расцвете. (Подобное же переосмысление социалистических теорий и соединение их с элементами славянофильства характерно для многих бывших петрашевцев, и то, что исповедовал Аполлон Григорьев, не зря оказалось позднее сродни Достоевскому.) Что же касается литературы, то первые их требования к ней были: «демократизм и непосредственность», связь с родной народной «почвой».

Такого рода литературная программа не была чужой Островскому. В душные годы конца николаевского царствования, драматург нашел тот узкий путь, где он, оставаясь в рамках благонамеренности, мог бы не слишком грешить против истины, и таким образом не рисковал разрушить себя как художника. Конечно, ему пришлось если не вовсе отказаться от критического, обличительного со-

держания, какое было в его ранних комедиях, то значительно смягчить краски своей сатиры. Но он добросовестно сознавал это как задачу выявления народного, положительного содержания жизни.

В сентябре 1853 года М. П. Погодин сообщил Островскому, что одно высокое лицо в Петербурге приняло в нем участие, и спрашивал, что желал бы, воспользовавшись этим случаем, исхлопотать для себя драматург. Островский отвечал: «О первой комедии (т. е. «Банкроте».— *В. Л.*) я не желал бы хлопотать потому: 1) что не хочу нажить себе не только врагов, но даже и неудовольствия; 2) что направление мое начинает изменяться; 3) что взгляд на жизнь в первой моей комедии кажется мне молодым и слишком жестким; 4) что пусть лучше русский человек радуется, видя себя на сцене, чем тоскует. Исправители найдутся и без нас. Чтобы иметь право исправлять народ, не обижая его, надо ему показать, что знаешь за ним и хорошее; этим-то я теперь и занимаюсь, соединяя высокое с комическим. Первым образцом были «Сани», второй оканчиваю» *(ПСС, XIV, 39).*

Даже если сделать скидку на то, что Островский пишет это отнюдь не в доверительной исповеди, а рассчитывая поправить свои дела в Петербурге, необходимо признать, что сам драматург сознает пьесы «Не в свои сани не садись» и «Бедность не порок», как нечто новое по «направлению», по самому подходу к жизни. Идеи «молодого» «Москвитянина» несомненно захватили и его.

И при всем том он оставался глубже и независимее своих друзей-теоретиков, которые, возглашая его пророком «нового слова», хотели видеть в нем художника, оформляющего идеи своего направления и освещающего его правоту. Островский легко поддавался влияниям, намагничивался чужими идеями, но, когда садился писать, чувство правды, оберегающее всякого большого писателя, чаще всего удерживало его от грубой тенденциозности, которая, чем полнее отвечала требованиям «направления», тем больше сползала в бесхудожественность.

Сюжет пьесы «Не в свои сани не садись» (1852) был, по существу, родствен «Бедной невесте»: снова в центре внимания драматурга судьба молодой, неопытной девушки, едва не обманутой вертопрахом и волокитой. Позднее подобный сюжет эксплуатировался на сцене не однажды и потерял всякую прелесть новизны, но в те времена он казался достаточно свежим и новым. Во всяком случае, Аполлон Григорьев, критикуя неудачную комедию некоего Яковлевского «Идеал, или Женитьба без любви», рискнул на прямую подсказку драматургам: «Г. Яковлевский погубил своею комедиею, и погубил, быть может, надолго, очень хорошую основу для комедии. Не редко и очень не редко у нас то явление, что первая любовь, или, точнее сказать, первое стремление к любви свежей, непочатой жен-

ской натуры — от недостатков ли, лежащих в предшествующем женском воспитании, или от другого ли чего — обращается на существо пустое, на человека, которого нельзя назвать удачнее, чем свищем; нередко бывает также, что такой свищ предпочитается человеку, хоть не преисполненному всевозможных добродетелей, но носящему на себе образ человеческий: анализ подобных отношений бы бы и довольно нов и достоин драматической канвы» *(«Москв.», 1851, № 6, март)*.

«Не в свои сани...» написаны как бы вполне в лад с этой идеей. Новая комедия была проще по конструкции, легче, сценичнее, чем «Свои люди...» или «Бедная невеста»: не столько литературная «пьеса для чтения», сколько материал для театральных подмостков. И психология действующих лиц здесь была попроще. Словно перенос места действия из Москвы в уездный быт Черемухова (впервые у Островского появился этот условный уездный городок — воспоминание о Ржеве или Переславле, в которых он успел к тому времени побывать) спустил еще на ступеньку ниже, сделал нагляднее, очевиднее все страсти, порывы и добродетели.

Чистосердечная, но глупенькая по молодости лет, доверчивая Авдотья Максимовна — Дуня привлечена не только красотой, но и лоском образованности «благородного» Вихорева: будто зачарована воображаемым звоном шпор на сапогах отставного кавалериста и изысканным звучанием его имени — Виктор Аркадьевич. (Этимология еще придает имени звонкости: Виктор — «Победитель», «Аркадия» — страна счастья. Виктор Аркадьевич — Счастливый Победитель!)

Дуня куда проще, незамысловатее в своих душевных движениях, чем Марья Андреевна Незабудкина. Да и ее избранник-обольститель более откровенный и простодушный, герой на провинциальном уровне. Если Мерич искушал Марью Андреевну, так сказать, «из любви к искусству», от скуки и по литературным образцам, то Вихореву попросту нужны деньги Дуниного отца. Фраза, какой Вихорев пугает Дуню, что ему придется ехать на Кавказ, где его подстрелят черкесы, более резкая, чем в «Бедной невесте», саркастическая реплика автора на былое обаяние печоринского типа. Но тут уже перед нами не литературный подражатель, как Мерич, а промотавшийся «свищ», циничный ловец богатых невест.

На пьесе «Не в свои сани...», может быть, очевиднее всего сказалось новое славянофильское или, вернее сказать, «русофильское» настроение Островского. То, что в «Бедной невесте» находило себе объяснение в контрастах социальной среды, трагедии бедности, здесь было предопределено идеей национального характера, защитой русской самобытности, нетронутые пласты которой автор искал в патриархальном купечестве.

Пьеса распланирована с дидактической очевидностью: на одном ее полюсе старик Русаков и молодой Бородкин — люди простые, незамысловатые, но благочестивые, верные хранители старинных устоев, наследники морали отцов; на другом — вертопрах Вихорев, бездельник Баранчевский и тетушка Арина Федотовна, прожившая пять лет «в Таганке» и на всю жизнь отравленная московской «модой», бреднями об офицерах и томными романсами. Впрочем, современники Островского куда острее, чем мы теперь, могли почувствовать эффект дерзкой неожиданности, заложенный в сюжете комедии. Автор решился на смелую социальную подмену: купец с его простоватыми ухватками и косноязычной речью, над которым привыкли втайне смеяться, предстает в лице Бородкина благородным и, в конечном счете, удачливым молодым героем; «благородный» же дворянин Вихорев оказывается пошлым ничтожеством.

Драгоценно, что и говорить, пристрастие Островского к поэзии русской народной песни, красоте старого обычая, наконец, к простоте, прямоте и великодушию, как добрым свойствам русского человека. Но, увлекшись, автор провел свою идею защиты национальной самобытности с тем тенденциозным нажимом, когда она грозила потерять всю свою убедительность. В черновиках комедии молодой вертопрах звался вначале Ф. Ф. Ганцем или Вольфовым, чтобы не оставалось сомнения в его «немецком», иноземном происхождении. Сменив ему фамилию, Островский все же осудил Вихорева не за что иное, как за разрыв с исконной русской традицией, моралью отцов. В свою очередь Дуня мила автору тем, что у нее «душа русская», а сама фамилия Русакова («русаками» прозывали в кружке Островского московских купцов братьев Кошеверовых — они и могли послужить драматургу прототипами) надежно удостоверяет коренную, почвенную силу его натуры.

В монологах Русакова столько добродетельной дидактики, что вполне сладить с нею на сцене мог, пожалуй, лишь актер масштаба П. М. Садовского. Конечно, Островский настолько художник, что и при всей идеализации Русакова нельзя сказать, чтобы Максим Федотыч был изображен сусальными красками: как он ни мягок, ни справедлив, в нем можно найти черты гнетущего самовольства. Тяжело, веско ложится каждое его слово, и если он говорит, что выдаст Дуню не за того, кто ей понравится, а за того, кто ему мил, можно ручаться, что так оно и будет. Но теперь это не пугает драматурга. Большова в «Своих людях...», готового «масло пахтать» из своего детища, Островский осуждал, а к Русакову он относится с очевидной симпатией. Оборот событий в комедии — увоз Дуни и саморазоблачение Вихорева — призван подтвердить жизненную мудрость Максима Федотыча, впитанный им вековой опыт. А если даже Русаков в благородном своем негодовании вспылит, обидит

дочь,— что ж, зато он тут же и раскается в этом, простит ее и лишний раз докажет тем самым отходчивость сердца русского человека.

Дидактика портила дело. И все же «Не в свои сани...» были настоящей «пьесой жизни», как определил [redacted] комедий и драм Островского Добролюбов. Комическое и «высокое», смех и слезы и впрямь соединились на сцене, а верность языка и обстановки дополняли впечатление естественности действия. При этом самые сочные, полные звуков жизни и непосредственной правды сцены комедии выходили из-под пера автора тогда, когда он позабывал о своей теоретической задаче. Так живьем вылит со всей своей косноязычной и выразительной речью трактирщик Маломальский. Едко осмеяны и выставлены вживе Вихорев, Баранчевский, восторженная старая дева Арина Федотовна. Исполнена психологической правды первая сцена объяснения Бородкина с Дуней, когда она признается, что не любит его... Опасность риторики возникала при соприкосновении с материалом, перенасыщенным «идеальным» содержанием.

Некоторые сцены и лица комедии стоят, казалось бы, на грани примитивности. Их выручает и делает живыми обаяние наивности, свойственное героям Островского. Поступки и жизненные реакции этих лиц прямы и просты, как прост смысл народной пословицы. Дуня решилась проехаться в экипаже Вихорева, взятом напрокат у чиновника Баранчевского, и автор говорит ей по-отечески назидательно: не в свои сани не садись... Претензия Вихорева жениться на дочке богатого купца кончается срамом, и ему тоже обращает свой урок автор: не в свои сани не садись...

Мудрость этой пословицы, даже если понимать ее шире, чем охрану сословной обособленности, не богата и легко может быть оспорена. Это того же рода мудрость, что «всяк сверчок, знай свой шесток», «по себе дерево руби», «по Сеньке и шапка» и т. д. Немало таких сентенций припасено про запас у наученного не забегать вперед и не просить слишком многого у судьбы терпеливого русского мужика.

Но в простоте и безусловности моральных аксиом, которые так любит Островский, есть и своя сила. Кто усомнится, что так называемые «простые люди» и «простые чувства» столь же законный предмет для поэзии, в том числе и драматической, что и люди с чувствами «сложными»? Первые сочинения Льва Толстого, открывшего, по выражению Чернышевского, «диалектику души», появились как раз в те же годы, что и пьесы Островского «Не в свои сани не садись» и «Бедность не порок». Достоевский с его идеей «двойничества» выступил еще ранее. Есть стороны внутреннего мира героев Толстого или Достоевского, которые едва охватываются тончайшим психологизмом, диалектикой противоречий, анализом душевных «бездн». И все же даже в человеке, который кажется нам сложным и пере-

утонченным, живет множество непосредственных, самых простых чувств и проявлений — любви, гордости, жалости, ревности, жадности, щедрости и т. п. Вот эти-то простые движения и порывы (вспомним: «на всякого мудреца довольно простоты») глубоко и полно охватывает драматическая муза Островского.

В пьесе «Бедность не порок» (1853), написанной вслед за «Санями» и также имевшей на сцене замечательный успех, развивались уже знакомые нам идеи и мотивы, но в новом наклоне и вариациях. «...Пусть лучше русский человек радуется, видя себя на сцене, чем тоскует» — фраза из знаменитого письма. Желая, чтобы русский человек радовался, а не тосковал, Островский и в этой комедии не поскупился на празднично-декоративные краски, особенно в сцене святочного вечера с ряжеными. Некоторые повороты действия в пьесе грешили произвольностью, случайностью, и это было связано с ложной тенденцией автора, что трезво и строго оценил в рецензии «Современника» Н. Г. Чернышевский. В лицах приказчика Мити, покорной дочери своего отца — Любови Гордеевны, мальчика Егорушки есть черты сценически условные, больше напоминающие «типаж», чем живой характер. Сам песенно-сказовый слог, каким изъясняются порой на сцене Любовь Гордеевна и Митя, может показаться искусственным, сентиментальным: «опустились мои рученьки», «мое сердце все изныло во мне» и т. п. Но рядом с этим в комедии развертывались неподдельно жизненные сцены, звучала натуральная речь, а главное, появились новые типы, народившиеся в жизни, и по-новому обернулись типы старые.

Пьесой «Бедность не порок» Островский показал, что не хотел бы считаться безоглядным панегиристом русского купечества, его, так сказать, певцом, как легко было заподозрить, памятуя об идеализированных портретах Русакова и Бородкина. Если в «Санях» модная зараза залетала в купеческий дом откуда-то со стороны, в виде Вихорева, то тут сам глава фирмы — Гордей Торцов, вернувшись из Москвы, не захотел больше жить «по-мужицки»: «Ладит одно — хочу жить по-нынешнему, модами заниматься». Русское коренное начало, связь с родной почвой терпят, таким образом, урон не от одних только легковесных дворянчиков и промотавшихся офицеров.

Евг. Эдельсон в рецензии на «Бедность не порок» взялся деликатно объяснить и причины особого внимания Островского к купеческому сословию и разнообразие его типов, не укладывающихся в понятие об идеале русского человека. «Купеческое сословие наше,— писал Эдельсон,— издавна составляя чрезвычайно обширный и сильно деятельный класс общества, находится по самому роду своих занятий в беспрестанных и самых близких столкновениях со всеми прочими слоями общественными; в нем ⟨...⟩ встречаются все формы

жизни и обычаев, выработавшихся в нашем отечестве. Между торгующим крестьянином, мало чем отличающимся от крестьянина-земледельца, и столичным купцом, ведущим свой дом на иностранную ногу, и мало чем отличающимся от иностранного негоцианта, встретим еще целую лестницу переходных типов. И древняя доблесть русская, переживающая целые века, не сокрушимая никакими чуждыми влияниями и в торжественные минуты являющаяся на свет, чтобы тихо и без шуму исполнять [redacted] святое дело, и легкость, фанфаронство — почти французские, и крепкая привязанность к старым, исконным обычаям до малейшей их подробности, и полное увлечение европейским комфортом жизни,— все встречается в нашем купеческом сословии» (*«Москв.», 1854, № 5, март*).

Ядом западных понятий насквозь пропитан европеизированный фабрикант Коршунов. Именно в «Бедности не порок» впервые дан набросок типа, столь характерного для пьес Островского 70-х годов. Всякие остатки патриархальности нравов, добродетельной старины гибнут рядом с пущенной на английский манер фабрикой, а сам хозяин целыми днями пьет с «агличином» — «дилехтором». Соблазн этот задевает крылом и дом Торцова. Гордей начинает тянуться за своим преуспевшим приятелем, и уже стесняется всего русского, простого, исконного, и хочет, чтобы за столом у него подавали «фицыянты в нитяных перчатках», чтобы вместо домашних наливок пили «шампанею» и одевались его приказчики по европейской моде. Островский сталкивает два понятия об «образованности». Для нежного сердцем Мити «образованность» — это чтение Кольцова, чувствительная песня, словом, какое ни на есть, но утоление запросов души. Для Гордея же Карпыча — «непросвещенный дурак» тот, кто модного «сертука» не носит.

Рядом с этими внешними приметами утраты национальных обычаев и достоинства Островский обнаруживает в Гордее Торцове и более грозные знаки худых перемен: расчетливость, преклонение перед богатством и презрение к бедности, холодность сердца, позволяющую ему выгнать за порог родного брата, силком сватать дочь за богатого старика. В Гордее Карпыче есть то хамское презрение к бедности, какое обычно отличает человека недавно из нее выбившегося. «Борода Минина, а совесть-то глиняна» — находим мы меткую пословицу в рабочих записях Островского.

Укором Гордею Торцову, забывшему прелесть живой старины, служит в комедии стихия простой русской жизни. Вперекор своему развращенному иноземщиной мужу, Пелагея Егоровна любит жить «по-старому... да по-нашему, по-русскому...». Перенесенные на сцену и занявшие почти весь второй акт пьесы игры, пляски, жалостливые и веселые русские песни должны были воскресить перед зрителем уходящую поэзию русского быта.

Единственное, что еще напоминает в Гордее Торцове патриархального купца,— это та простота и непосредственность, с какой выказывается в нем его своеволие, «самодурство», если опять воспользоваться удачным словом, навсегда закрепленным Добролюбовым за героями Островского этого толка. Гордей Торцов знает безграничность своей власти над домом и рад иной раз проверить ее пределы — покуражиться над домашними, распугать их своими угрозами и капризами. Но, как еще один уцелевший обломок русского нрава, в нем есть способность к раскаянию и, хотя бы из гордыни, возможность крутого поворота, что позволяет драматургу в финале комедии счастливо устроить судьбы близких его сердцу героев.

Островский и особенно его друзья по «Москвитянину» склонны были толковать эту черту как коренную национальную добродетель — отходчивость сердца русского человека. Добролюбов же увидел объективный смысл этого психологического феномена в самодурной логике, когда поворот в решении зависит от игры самолюбия и часто совершается лишь «назло» кому-то. Чтобы насолить обидевшему его Коршунову, Гордей Торцов готов немедленно устроить свадьбу дочери с Митей и один «в четырех каретах» ехать.

Но самым крупным открытием нового характера в «Бедности не порок» был, бессомненно, Любим Торцов — иззябший, съежившийся в своем ветхом бурнусе пропойца, брат Гордея Торцова, приносящий с собою на сцену свет нравственного достоинства и растревоженной совести. Лишенный всяких черт сценического «героя», наглядной «положительности», Любим Торцов вместе с тем неотразимо привлекателен. Аполлон Григорьев в своем бурном увлечении этим созданием Островского находил в нем даже значение путеводной звезды для русской жизни («Любим Торцов душе так прямо кажет путь»), что было уже очевидным «направленческим» преизбытком. Но правота критика состояла в том, что этот характер стал крупным завоеванием реализма на отечественной сцене и, если взять в соображение возможность отдаленных влияний, явился в какой-то мере предтечей и Феди Протасова у Толстого и Фомы Гордеева у Горького.

В самом деле, Любим Торцов — человек, разломавший сословные рамки, «метеором» гуляющий по кабакам, вырвался из заранее готовой для него, как для человека определенного состояния, класса, социальной группы, жизненной колеи. Такие люди обычно считаются «пропащими» и кончают худо. Но «уход» Любима Торцова в пьянство и нищенство, его отречение от дома, «выламывание» из своего класса, как определит это позднее Горький, не от распущенности или бессилия. Просто привычная мораль его среды для него несносна: он не в силах обманывать, грабить, наживать. Куралеся и паясничая, он, как шекспировский шут, дерзко говорит правду.

Люди, подобные Любиму Торцову,— это люди с нравственностью, с «богом в душе». Их бунт, их протест бессилен и анархичен, протестуя, они убивают себя, пьют, опускаются, но все это лишь разные формы «отказа» от обычаев и нравов их окружающих. Появление таких людей — знак неблагополучия в среде, которую они решились покинуть, но, кроме того, и надежда на то, что живое нравственное чувство, затеплившееся в несчастном человеке, разгорится со временем и в других людях. Пусть будет оно гореть в них более чистым и ясным пламенем, но этот голос совести в погибшем, несчастном, обездоленном существе впервые прозвучал так громко и призывно: больно за человека! страшно за человека!

В пьесе Островского есть тот парадоксальный переворот ходовых понятий, который является вернейшей приметой подлинного реализма. То, что в расхожем мнении считалось почтенным, добродетельным, благим, оборачивается злом, а то, что обычно порочат и клянут, оказывается якорем надежды. Богатый и уважаемый людьми Коршунов выходит на поверку сластолюбивым, злым старикашкой, а беспутный, грязный, ничтожный в обиходном понятии Любим Торцов — добрым гением героев пьесы, человеком золотой души и высокого благородства.

К сожалению, таких открытий нет в Мите, Любови Гордеевне и большинстве других персонажей пьесы: они взяты «готовыми», как бы заранее известны нам, всегда равны себе и потому мало интересны. Вследствие этого и любовная интрига, склеивающая внешнюю канву комедии, как бы ушла в своем значении на второй план, а в центр внимания по праву встала история двух братьев — богатого Гордея и нищего Любима, соединившая со всей назидательностью притчи черты жизненной достоверности и социального реализма.

Позднее, в статье «Темное царство» Добролюбов оценил это как своего рода закон творчества художника-реалиста, когда его теоретические понятия дополняются и поправляются правдой самих лиц и картин жизни им изображенных. Именно в таком духе были истолкованы критиком пьесы Островского 1852—1854 годов (см. об этом подробнее ниже, в Комментарии к пьесам).

Убедившись в успехе на сцене своих комедий с современным сюжетом, Островский решил попробовать себя в жанре народной драмы. «Не так живи, как хочется» (1854) — пьеса, действие которой отнесено в прошлое, правда не очень отдаленное: перед нами Москва конца XVIII века.

Островского и прежде привлекали исторические сюжеты. Еще в ту пору, когда он работал над «Бедной невестой», им была задумана и начата трагедия «Александр Македонский», но вскоре он ее оставил. Впрочем, пьеса «Не так живи, как хочется» в строгом

смысле не может быть названа исторической драмой, поскольку ее сюжет не прикреплен к каким-либо известным именам или замечательным событиям прошлого. Перед нами тот же частный быт купеческой и мещанской Москвы, только отнесенный на пол-столетия назад.

Зачем понадобилась драматургу эта дистанция времени? Возможно, ему хотелось застать своих героев в пору большей простоты и патриархальной непосредственности нравов. К тому же сам поэтический, с народным распевом язык драмы больше подходил прошлому, естественнее звучал сквозь дымку времени. Не желая искушать критику, которой картина святочного веселья, пересаженного в современный купеческий быт, показалась искусственной в пьесе «Бедность не порок», Островский на этот раз получил возможность без натяжки изобразить стихийный разгул «широкой масленицы», куда как мало напоминавшей новейшую масленицу 50-х годов XIX века, когда графиня Закревская устраивала катания светских дам с ледяных гор на санях и маскарады в Благородном собрании.

Первая драма Островского нравоучительна, главный ее тезис прост, почти примитивен: брак — дело божье, нелюбовь в семье ведет к несчастью. Но интересно то, что *за* тезисом. Что «по своей воле» жить нехорошо и опасно, а надо жить «по закону», зритель мог усвоить еще до открытия занавеса, хотя бы по названию пьесы. Зато настоящее художественное наслаждение дарили ему самобытные, рельефной лепки характеры — страстный, беспутный, не знающий удержу в своих желаниях Петр и лукавая, веселая и гордая русская девушка Груша. Критика ворчала на Островского за то, что он, и вообще-то достаточно откровенно изображавший своих героев под хмельком, на этот раз вывел на сцену «пьяную героиню»,— для хранителей заветов театральной старины это казалось каким-то кощунственным натурализмом. На самом же деле «грубая реальность» такого рода находилась у Островского в родстве с самой чистопородной поэзией.

Быт оказался как бы погружен в стихию народного предания: и песни, и звучная красота старомосковского говора, и таинственный кузнец Еремка, пьяница и скоморох, прикосновенный к нечистой силе,— все это мир полусказочный, полулегендарный, в котором, как ни сумрачен старый быт, поселен дух русской поэзии. Пусть лучше ревность, любовь, загул, безрассудный порыв, гульба норова, что угодно,— только не коммерческий дух, не современная расчетливость и смешная переимчивость европейской «моды»!

Но все это уже вне главного тезиса. А в его рамках — старик Агафон, уговаривающий свою дочку Дашу смирить гордость, вернуться к неверному мужу, победить его своим терпением. В рам-

ках заранее взятого тезиса и внезапное раскаяние Петра, когда он, оказавшись на Москве-реке перед прорубью с ножом в руке, испытывает просветление при звуках колокола и словно освобождается от дьяволова наваждения, от колдовского заклятия, тяготевшего над ним.

Натянутость финала с его крутой и немотивированной развязкой, за что и прежде слышал упреки Островский, была на этот раз особенно очевидной. Драматург и сам начинал, по-видимому, чувствовать некоторую оскомину от увлекавших его в кружке «молодого» «Москвитянина» тем и мотивов. Во всяком случае ,драма «Не так живи, как хочется» стала последним произведением, написанным в духе «русофильской» дидактики.

Лагерь «Современника», созревавшей революционной демократии, давно приглядывался к Островскому, то резко критикуя его, то стараясь приободрить, с тем, чтобы вырвать из объятий славянофилов и привлечь на свою сторону его крупный художественный талант. Зная, что и Островский поглядывает в сторону «Современника», Некрасов напечатал в своем журнале сочувственный отзыв о пьесе «Не так живи, как хочется», который облегчил драматургу сближение с деятелями передового журнала.

Отказавшись в дальнейшем от увлечений славянофильской теорией, Островский удержал в своем творчестве то ценное и жизнеспособное, что было найдено им как драматическим писателем в этот период.

Случилось так, что именно те пьесы Островского, которые испытали влияние славянофильской идеи, стали в то же время первыми его сочинениями, узнавшими сцену. Хотя они и уступали в филигранной отделке реплик «Своим людям», в них было зато настоящее овладение законами сцены, понимание пьесы как театрального организма. Вспоминая спустя десять лет первую постановку пьесы «Не в свои сани не садись», Аполлон Григорьев писал: «Первое представление первой национальной драмы «Не в свои сани не садись» — торжество совершилось в Москве. Оно сделало несколько чудес: 1) разом поставило на пьедестал великого актера Садовского; 2) разом создало гениальный талант С. Васильева; разом же оторвало национальную русскую артистку Л. П. Косицкую хоть на время от гнусно-сентиментальных драм...» *(«Якорь», 1863, № 41).*

Почему все это могло случиться? Театральная литература обычно консервативнее других родов творчества, и она позже восприняла реализм, уже безраздельно господствовавший в русской художественной прозе, беллетристике 40—50-х годов. В середине века русский театр стоял перед острым репертуарным кризисом. На сцене царил водевиль. Что же касается серьезного репертуара, то,

исключая «Ревизора» Гоголя и изуродованной цензурой комедии Грибоедова, десятилетиями игрались старые пьесы набивших оскомину авторов. В ходу были: романтические драмы Н. Полевого, «патриотические» пьесы Н. Кукольника и переводная мелодрама.

Перелистывая афиши Малого театра в сезон 1851/52 года, то есть как раз накануне появления на сцене первой комедии Островского, мы узнаем, что здесь шли в эту пору драмы «Уголино» Полевого, «Денщик» Кукольника, «Смерть Ляпунова» С. Гедеонова, комедии «Боцман» Тарновского, «Идеалы» Маркевича и некоторые другие. Все же остальное место в репертуаре занимали переводные и оригинальные водевили, представление об уровне и характере которых можно составить уже по названиям: «Белокурая брюнетка», «Вот так пилюля! Что в рот, то спасибо», «Кутерьма», «Любовь артиста», «Муж не муж, жена не жена», «Невесте 45 — приданого 100 000», «Чертов колпак», «Я съел моего друга» и т. п.

Сомнительность и обветшалость этого репертуара остро чувствовалась самим театром. Реалистическая школа игры Щепкина и Садовского в Москве, Мартынова — в Петербурге как бы изнутри подрывала этот род драматического сочинительства. Поворот к реализму, уже совершившийся в других смежных искусствах, в том числе стихийно и в актерском творчестве, делал неизбежными перемены и в репертуаре русской сцены.

Островский со своими комедиями явился как раз вовремя и ответил на эту жажду театром пьес нового строя и стиля. Поэтому-то так мгновенно объединилась, кристаллизовалась вокруг него молодая часть труппы Малого театра, поэтому так быстро и энергично были завоеваны им подмостки императорской сцены. При всех своих недостатках, дидактизме излюбленных мыслей, условности развязки и не всегда исчерпывающей отделке ролей пьесы Островского 1852—1854 годов были действительно «новым словом» на театральной сцене.

Театр, уставший от фальши мелодрамы и беззаботности водевиля, получил возможность сыграть «пьесу жизни». В ней многое казалось непривычным и будто на пределе реализма — люди говорили на сцене «как в жизни», не демонстрировали своих изящных манер, даже выпивали и закусывали прямо на сцене. Зрителей поражала будничная естественность обстановки, реалистическая простота, демократизм вкусов автора, верность черт русского характера, пусть и с нажимом на нравственные добродетели, но без тени официальной патриотической хвастливости, привычной в пьесах Кукольника. Пьеса Островского требовала и от актера других интонаций, других ресурсов жизненности в общении с партнерами по сцене. Дело не исчерпывалось бытовой характерностью речи. Еще важнее была способность драматурга уловить те повороты слова, в которых

как-то особенно чутко и звонко приоткрывалась человеческая душа.

Все это оказалось как нельзя более ко двору таким мастерам Малого театра, как Пров Садовский, Сергей Васильев, сестры Бороздины, Никулина-Косицкая,— в них нашел Островский родственных себе по духу художников. Стихийно возникший в постановках Островского 50-х годов на сцене Малого театра актерский ансамбль как бы предвещал то, что будет открыто в конце века как сознательный принцип сценического реализма Московским Художественным театром.

Театру нужен был драматург, драматургу нужен был театр. Перенесенная на сцену пьеса обретала плоть и начинала жить особой жизнью, предъявляя автору требования сценичности. Не утеряв качеств большой литературы, пьеса должна была стать явлением театра. Не утратив достоинств реальности — наполниться новым общественным содержанием.

Это был путь к созданию «Доходного места» и «Грозы».

В. Я. Лакшин

**СКАЗАНИЕ О ТОМ,
КАК КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ
ПУСКАЛСЯ В ПЛЯС,
ИЛИ ОТ ВЕЛИКОГО ДО СМЕШНОГО
ТОЛЬКО ОДИН ШАГ**

При жизни автора не печаталось. Впервые опубликовано М. Д. Беляевым в сб. «Островский. Новые матерьялы. Письма. Труды и дни. Статьи». Л., ГИЗ, 1924.

Печатается по черновому автографу (ПД), в отдельных случаях с исправлениями по смыслу. *ЧА* имеет точную дату — 15 декабря 1843 г. По-видимому, на этом черновике работа автора над произведением остановилась. Позже имеющаяся в «Сказании» сцена разговора купчихи с будочником была использована Островским в очерке «Иван Ерофеич».

Стр. 25
«*Безумная*» — романс А. Е. Варламова на слова В. П. Горчакова.
«*Талисман*» — романс Н. А. Титова на стихи А. С. Пушкина.

Стр. 26
Сиротский суд — учреждение, ведавшее опекой над сиротами и вдовами из мещанского и купеческого сословия.
. . .*у Сухаревой башни* . . . — одно из самых известных в Москве зданий, находилось на Сухаревской (ныне Колхозной) площади; вокруг башни был рынок с книжным развалом.
А. П. Славин — сценический псевдоним А. П. Протопопова (1814—1867) — актера, драматурга («Два рода безумия», Спб., 1846) и поэта («Мечты и жизнь», Спб., 1856).
«*Литературный кабинет*» — альманах «Труды артистов имп. московских театров» (М., 1842). В альманахе участвовали: П. С. Мочалов, Д. Т. Ленский, А. П. Славин, Н. Г. Цыганов, А. П. Сумароков и другие. На стр. 78 этого издания А. Н. Островский упомянут как один из его подписчиков.
Зацепа — улица в б. Коломенской ямской слободе Москвы, названа так потому, что была перегорожена таможенной цепью, за которой осматривались возы, въезжавшие в Москву.

Стр. 27
Бар Бар — вероятно, описка Островского, следовало «бар⟨он⟩ Бра⟨мбеус⟩» — псевдоним издателя журнала «Библиотека для чтения» О. И. Сенковского.

Стр. 30
Будочник — полицейский (от полицейской будки, где находился его пост).

Е. И. Прохоров

ЗАПИСКИ
ЗАМОСКВОРЕЦКОГО ЖИТЕЛЯ

«К читателям» и «Иван Ерофеич» впервые опубликованы в «Московском городском листке», 1847, 3, 4, 5 июня без подписи; «Кузьма Самсоныч» и «Замоскворечье в праздник» при жизни автора не печатались; впервые опубликованы Л. М. Лотман в сб. «Труды отдела новой русской литературы», М.—Л., Изд-во Академии наук СССР, 1948.

«К читателям» и «Иван Ерофеич» печатаются по тексту «Московского городского листка», «Кузьма Самсоныч» и «Замоскворечье в праздник» — по автографам *(ПД)* с небольшими исправлениями по смыслу.

В 1844—1846 гг. Островский, видимо, задумал написать ряд очерков, посвященных Замоскворечью. До нас дошло несколько черновых и беловых рукописей, раскрывающих постепенное освоение автором этой темы.

Первый приступ к ней отразился, по-видимому, в черновике очерка «Две биографии». Однако биография Яши Зверобоева (Островский использовал фамилию чиновника из «Сказания . . .») не была доведена до конца, а вторая биография вообще не была написана.

Следующий этап работы отражает сохранившаяся «Тетрадь 1-я», на обложке которой есть два заголовка: «1-е. Прелюдия. 2-е. Праздник». Текст в тетради начинается зачеркнутыми словами: «Наконец я переехал из-за Москвы-реки — как я рад, весел — дышу свободнее»; далее зачеркнут заголовок «Предисловие» и написан новый: «Из записок молодого человека, переехавшего из Замоскворечья». Подзаголовок «Воскресенье» также был заменен другим: «Замоскворечье в праздник». Сам текст, публикуемый в настоящем издании под цифрой ⟨3⟩, вполне связный и законченный, но Островский, видимо, предполагал развить его; в частности, более подробно рассказать о гуляниях, так как в конце очерка на полях им сделаны заметки: «фабричные», «тут русский дух, тут Русью пахнет», «кучер с балалайкой», «звук бала⟨ла⟩ек».

На полях первой и второй страниц очерка «Замоскворечье в праздник» записано то, что можно считать «Прелюдией»,— вступление к «Запискам молодого человека...», где появляется мотив найденной автором рукописи, который будет развит в дальнейшем.

Но и этот замысел остался недоведенным до конца.

Затем, видимо, стал оформляться замысел под общим заголовком «Очерки Замоскворечья». Написан набросок «Введения» и страничка текста, где, в частности, говорится: «Я знаю тебя, Замоскворечье, я сам провел несколько лет жизни в лоне твоем, имею за Москвой-рекой друзей и приятелей, и теперь еще брожу иногда по твоим улицам. Знаю тебя в праздник и в будни, в горе и в радости, знаю, что творится и деется по твоим широким улицам и мелким частым переулочкам». Потом все это было отброшено и вчерне написано новое вступление — «К читателям», в котором почти полностью использованы мотивы и отдельные элементы ранее написанных «Прелюдии» и «Введения». Непосредственно после обращения «К читателям» идет заголовок: «1. Замоскворечье в праздник», затем он зачеркнут и написан новый: «1. Праздничное утро» — и за ним шесть строк

текста, вновь все зачеркнуто и дан третий заголовок: «Воскресенье», за которым следует всего одна фраза: «У нас за Москвой-рекой воскресный день резко отличается от прочих дней недели». Текст не зачеркнут, но развития и этот замысел не получил.

Возможно, что в это же время был создан черновик очерка «Иван Ерофеич». Для него Островский написал заново полторы страницы текста, а продолжение очерка составили три двойных листа с черновым текстом «Две биографии», в котором имя Яша автор заменил на новое имя — Иван Ерофеич. С середины третьего листа Островский дописал текст уже с новым именем героя, использовав в этом окончании сцену между купчихой и будочником из «Сказания...».

После этого Островский еще раз переписал обращение «К читателям», которое в этой рукописи непосредственно переходит в «Очерки Замоскворечья. 1. Иван Ерофеич»; последний очерк также был переписан набело. На первой странице этой рукописи, состоящей из вступления «К читателям» и очерка «Иван Ерофеич», есть помета, сделанная автором: «Кончена в апреле 〈1847〉, напечатана в № Гор〈одского〉 л〈истка〉».

При публикации в газете автор, видимо, читал корректуры, так как между текстами автографа и газеты есть некоторые разночтения. В частности, в газете циклу был дан новый заголовок: «Записки замоскворецкого жителя» и подзаголовок в скобках: «Автора картин московской жизни, помещенных в 60 и 61 № МГЛ».

Для продолжения цикла «Записки замоскворецкого жителя» Островским тогда же был написан очерк «Кузьма Самсоныч», в котором использован образ Максимки, взятый из черновой рукописи «Две биографии». О том, что очерк «Кузьма Самсоныч» должен был идти за «Иваном Ерофеичем», говорит подзаголовок: «Из найденной рукописи», имеющийся также и в «Рассказе Ивана Яковлевича». Но «Кузьма Самсоныч» опубликован не был, и на этом вся работа Островского над циклом очерков «Записки замоскворецкого жителя» прекратилась.

Таким образом, налицо ряд целеустремленных попыток Островского подойти к раскрытию темы Замоскворечья. Естественным продолжением напечатанных в «Московском городском листке» обращения «К читателям» и очерка «Иван Ерофеич» является оставшийся в рукописи очерк «Кузьма Самсоныч». Поэтому мы и публикуем его вслед за первым очерком.

Автор не указал места в этом цикле для очерка «Замоскворечье в праздник», но, судя по тому, что в одном из первоначальных вариантов замысла он должен был идти непосредственно вслед за обращением «К читателям», очерк этот относится именно к этому циклу, а не представляет собой самостоятельного произведения; вследствие этого мы печатаем его также в составе цикла «Записки замоскворецкого жителя».

Стр. 33

Болвановка — в Москве было несколько улиц, носящих это название; одна из них находилась в Замоскворечье. По легенде на ней в 1480 г. Иван III, встретив татарских послов, разбил и растоптал «болвана» — изображение хана татарского, отказавшись быть его данником.

Царицыно — подмосковное село, где архитектор В. И. Баженов начал строительство для Екатерины II огромного царского дворца.

В 1787 г. возведенные постройки были частично разрушены, а парк стал местом гуляний. Царицынские пруды — любимое место рыбной ловли А. Н. Островского.

Стр. 38
Опекунский совет — учреждение, занимавшееся управлением воспитательными домами, а также наблюдением за правильностью ведения финансовых дел лиц, взятых под опеку (сироты, вдовы и др.).
Торбан — щипковый музыкальный инструмент, родственный бандуре.

Стр. 40
...пошла к Троице.— Троице-Сергиевская лавра под Москвой (ныне г. Загорск).

Стр. 41
У Харитонья в Огородниках — район Москвы между улицами Мясницкой и Маросейкой (ныне ул. Кирова и Чернышевского).

Стр. 42
Иверские ворота — народное название Воскресенских ворот (см. прим. к стр. 110) по находившейся здесь часовне Иверской божьей матери.

Стр. 43
Пенничек — хлебная водка.

Стр. 45
...из Покровского или Преображенского...— подмосковные села (ныне — в черте города).

Стр. 46
Рацея — назидательная речь, поучение.
Ах патока, патока...— Островский, видимо, сам записал эту шуточную песню, идущую от торговцев патокой, ездивших по ярмаркам. Помещена в сборнике «Песни колыбельные и детские» (изд. 2, Страсбург, 1870). Продолжение этой песни — «Зима, зимушка-зима» – имеется в сборнике А. И. Соболевского «Великорусские народные песни» (т. IV, 1898, стр. 526)[1].

Стр. 52
За Уралом, за рекой... — народная песня *(см.: М. Смирдин, Песни для русского народа, ч. 1, Спб., 1859, стр. 159—160).*

Стр. 53
Перово, Конная, Грузины — районы Москвы и Подмосковья.

Стр. 54
«И сделалась моя Матрена...» — из басни И. А. Крылова «Ворона».

---

[1] Сведения фольклорного характера, приведенные в томе, взяты из статей Г. Т. Синюхаева «Островский и народная песня» («Известия ОРЯС, 1923 г.», т. XXVIII, Л., 1924), В. И. Чернышева «Русская песня у Островского» («Известия по русскому языку и словесности, 1929», т. II, кн. I, Л., 1929) и А. Ф. Луконина «Песня, ее источники и значение в творчестве А. Н. Островского» («Ученые записки Куйбышевского гос. пединститута», 1958, вып. 19).

Стр. 55
...по Сокольникам и по Парку... — Сокольнический парк — место гуляний; Парк — Петровско-Разумовский парк, куда выезжало на прогулки преимущественно московское дворянство.

Стр. 57
Лелия — героиня романа Жорж Санд «Лелия».

Стр. 61
...в Нескучное... — парк на берегу Москвы-реки, где находилась усадьба дочери графа А. Г. Орлова. С 40-х годов XIX века стал местом гуляний купечества и простого народа.
«*Русалка*» — волшебно-комическая опера Ф. Кауэра в трех частях, особенной популярностью пользовалась часть третья — «Днепровская русалка». Премьера в Москве состоялась в 1806 г.
«*Пилюля*» — волшебная опера-водевиль «Вот так пилюля! Что в рот, то спасибо», муз. С. Штуцмана, русский текст Д. Т. Ленского. Премьера в Москве состоялась в 1842 г.
«*Аскольдова могила*» — романтическая опера А. Н. Верстовского, либретто М. Н. Загоскина. Премьера в Москве состоялась в 1835 г.

Е. И. Прохоров

СЕМЕЙНАЯ КАРТИНА

Впервые, под заглавием «Картины московской жизни. Картина семейного счастья», опубликовано в «Московском городском листке», 1847, 14 и 15 марта.

Рукописные источники:

черновой автограф *(ЧА)* первой редакции пьесы — «Исковое прошение» *(ГБЛ)*;

писарская копия *(АПК)* с пометами автора о начале работы над окончательной редакцией: «Начато 26 января 1847 г.» — и датой завершения: «14 февраля 1847 г.» *(ПД)*;

писарская копия *(ЦПК)*, представлявшаяся в драматическую цензуру под заглавием «Картина московской жизни из купеческого быта» с пометой: «Предполагается к бенефису П. Садовского 8-го октября 1847 г.» — и надписью цензора М. А. Гедеонова: «Запрещается. 28-го августа 1847 г.» *(ЛГТБ)*;

театральная писарская копия *($ТПК_1$)* — цензурованный экземпляр Александринского театра с режиссерскими пометами и двумя надписями начальника III Отделения царской канцелярии, вверху листа: «Запрещается. 23 февраля 1855 г. Г⟨енерал⟩ Л⟨ейтенант⟩ Дубельт», внизу: «Позволяется. 26 сентября 1855 г. Г. Л. Дубельт» *(ЛГТБ)*;

театральная писарская копия *($ТПК_2$)* — режиссерский экземпляр Малого театра с пометами и надписью: «С цензурованным экземпляром верно. Режиссер Воронов». Содержит полный текст пьесы, без подписи. На титульном листе дата: «11 Октября 1855 г.» *(ММТ)*;

авторизованная театральная копия *(АТК)* — суфлерский экземпляр Малого театра с пометами режиссера и надписью: «С цензурованным экземпляром верно. Режиссер Воронов» — и датой на титульном листе: «10 августа 1857 г.». Содержит неполный текст пьесы, заканчивается словами: «...на свою руку охулки не положим».

В этой рукописи автором исправлены некоторые ошибки кописта *(ММТ)*.

Вторично, под заглавием «Семейная картина», опубликована в журнале «Современник», 1856, № 4.

Печатается по тексту изд. Г. А. Кушелева-Безбородко, т. 1, со следующими исправлениями:

Стр. 70, строка 24
«дожидать» *вместо* «дожидаться» *(по АПК, ЦПК, $ТПК_{1-2}$, МГЛ, «Совр.»)*.

Стр. 70, строка 28
«Эко» *вместо* «Это» *(по ЧА, АПК, ЦПК, $ТПК_{1-2}$, МГЛ, «Совр.»)*.

Стр. 70, строка 38
«Отчего ж и не рядиться» *вместо* «Отчего ж не нарядиться» *(по ЧА, АПК)*.

Стр. 74, строка 6
«Любить-то есть что» *вместо* «любить-то есть кого» *(по ЧА, АПК, ЦПК, $ТПК_{1-2}$, МГЛ, «Совр.».)*

Стр. 74, строка 10
«Пора бы знать!» *вместо* «Пора не знать!» *(по смыслу)*.

Стр. 75, строка 25
«только и слов» *вместо* «только слов» (*по ЧА*).

Стр. 77, строка 33
«приехамши» *вместо* «приехавши» *(по ЧА)*.

Стр. 82, строка 23
«За девку фабричные было» *вместо* «фабричные было» (по $ТПК_{1-2}$, АТК, МГЛ).

По словам автора, «Картина семейного счастья», или «Семейные сцены», как называл ее Островский, «написана в 1846 году» *(ПСС, XVI, 31)*. В более раннем свидетельстве автор констатировал, что им «в это время написано было много сцен из купеческого быта» и что осенью 1846 г. он прочел Д. А. Гореву-Тарасенкову уже написанные «Семейные сцены» *(ПСС, XIV, 50)*. Эти свидетельства относятся, по-видимому, к первой редакции пьесы.

«Я всегда считал началом своего драматического поприща,— писал Островский в 1882 г.,— 14 число февраля 1847 года, и имею для этого весьма солидные основания» ⟨...⟩ *(ПСС, XVI, 31)*.

В этот день волнующийся молодой автор в присутствии А. С. Хомякова, Ап. Григорьева, С. П. Колошина и других видных литераторов (см.: *Русский биографический словарь, т. 12, Спб., 1905, стр. 426*) читал на квартире проф. С. П. Шевырева «свои первые литературные опыты в виде драматических сцен» (*ЕИТ, сезон 1902—1903, вып. XIII, Спб., б.г., стр. 198*). Можно предполагать, что это была первая законченная пьеса Островского — «Картина семейного счастья». «...Окончив чтение, он сидел со скромно опущенными глазами и ждал своего приговора; пока слушатели, не решаясь высказать своих суждений, сосредоточенно молчали, хозяин дома подошел к автору, взял его за руку и сказал: «Поздравляю вас драматическим писателем» (*там же*). По воспоминаниям современников, оценка пьесы всеми присутствовавшими на чтении была столь высокой, что

автор не без оснований мог считать этот день своим «посвящением в писатели».

Записывая в конце жизни свою автобиографию в альбоме историка М. И. Семевского, Островский отметил: «В моей жизни случайно играла большую роль цифра 14. Самый памятный для меня день в моей жизни *14 февраля 1847 года* ⟨. . .⟩ С этого дня я стал считать себя русским писателем и уж без сомнений и колебаний поверил в свое призвание ⟨. . .⟩ Первое мое цельное и законченное произведение, «Семейная картина», напечатано 14 *марта 1847 года...*» (*ПСС*, *XIII*, *302*).

Насколько можно судить по сохранившемуся в *ГБЛ* началу чернового автографа (см. «Приложения», т. 1, стр. 422—439 наст. изд.), пьеса первоначально была задумана Островским как комедия в нескольких действиях под названием «Исковое прошение». В дальнейшем писатель отверг этот замысел и переделал первое действие комедии в одноактную «Картину семейного счастья».

Черновая рукопись пьесы неоднородна. Она содержит два слоя: ранний текст (написанный карандашом) и значительные вставки и поправки (чернилами), сделанные, по-видимому, уже на следующей стадии работы.

В раннем тексте (первая редакция) действие заканчивается сватовством Марии Антиповны за сына Ширялова — Семена. Переделывая пьесу, Островский изменил ее коллизию. В верхнем слое автографа появляется развязка со сватовством к Марии Антиповне самого купца Ширялова, которая и остается в печатном тексте (вторая, последняя редакция). Других композиционных различий между двумя редакциями нет, хотя в целом текст в отдельных сценах первой редакции далек от окончательного.

По напечатании «Картины семейного счастья» писарская копия пьесы была послана Островским в драматическую цензуру.

Цензор М. А. Гедеонов запретил 28 августа 1847 г. пьесу к постановке, дав о ней отрицательный отзыв: «Судя по этим сценам, московские купцы обманывают и пьют, а купчихи тайком гуляют от мужей» (*ЦГИАЛ. Фонд драматической цензуры. Рапорты о пьесах, рассмотренных в 1847 году*).

В 1854 г. в связи с попыткой друга писателя артиста Ф. А. Бурдина добиться разрешения на постановку «Картины семейного счастья» в театре на пьесу вновь был наложен цензурный запрет. Цензор А. К. Гедерштерн, мотивируя свое отрицательное заключение, писал: «Пьеса нравоучительная, но прилично ли выводить на сцену с таким цинизмом плутовство русского купечества, которое передается, как правило, от отца к сыну и для которого нет ничего святого?» (*там же*).

На основании этого рапорта начальник III Отделения (которое ведало драматической цензурой) Л. В. Дубельт наложил свою резолюцию: «Запрещается. 23 февраля 1855 г. *Г*⟨енерал⟩ Л⟨ейтенант⟩ Дубельт» (см. перечень рукописных источников).

Вопреки совету Островского не хлопотать об этой пьесе (см.: *ПСС*, *XIV*, *47*), дабы не навлечь на него новых цензурных гонений, Бурдин, используя влиятельные связи, все же добился разрешения пьесы для своего бенефиса. Впоследствии, в своих воспоминаниях, он подробно рассказал эту историю. Явившись на прием к Дубельту, артист пожаловался на жесткие требования цензуры и попросил «дозволить» к постановке «Картину семейного счастья».

«— В ней нет ничего политического?

— Решительно ничего; это небольшая сценка из купеческого быта.

— А против религии?

— Как это можно, в⟨аше⟩ п⟨ревосходительство⟩!

— А против общества?

— Помилуйте,— это просто характерная бытовая картинка. Дубельт позвонил. «Позвать ко мне Гедерштерна, и чтобы он принес с собою пьесу «Картина семейного счастья» Островского».

Является высокая, сухая, бесстрастная фигура камергера Гедерштерна с пьесой и толстой книгой.

— Вот г. Бурдин просит разрешить ему для бенефиса неодобренную вами пьесу Островского, так я ее дозволяю.

— Но, в⟨аше⟩ п⟨ревосходительство⟩,— начал было Гедерштерн.

— Дозволяю,— слышите! ⟨...⟩

Гедерштерн подал пьесу, на которой он сверху написал: «Дозволяется. Генерал-Лейтенант Дубельт» — и не зачеркнул даже написанного прежде: «Запрещается. Генерал-лейтенант Дубельт» *(«Вестник Европы», 1886, № 12).*

По воспоминаниям Бурдина, «Картина семейного счастья» сразу же обратила на себя всеобщее внимание «по необыкновенно типичному языку и живости характеров ⟨...⟩ о ней говорили тогда много в литературных кружках и ее перечитала вся Москва» *(там же).* По словам друга Островского Тертия Филиппова, «Семейная картина» произвела «большое впечатление на Гоголя» *(Б а р с у к о в, XI, 65).*

А. В. Никитенко записал в своем дневнике под датой 29 февраля 1856 г.: «На днях был ⟨...⟩ у Тургенева, где читал Островский сперва небольшую пьесу «Семейная картина», а потом драму, тоже заимствованную из русских нравов и быта.

Островский бесспорно даровитейший из наших современных писателей, которые строят свои создания на народном или, лучше сказать, простонародном элементе» *(А. В. Н и к и т е н к о, Дневник, т. 1, М., Гослитиздат, 1955, стр. 431).*

После вторичной публикации пьесы автору писал А. Ф. Писемский: «Твои сценки в «Современнике» я прочитал и прочитал с удовольствием, и когда я читал их другим — все хохотали; но мнение большинства таково, что в них ты повторяешься...» (*«Неизд. письма», стр. 365*).

Первым в печати оценил пьесу Ап. Григорьев. Давая в обзорной статье о творчестве Островского (*см. «Москв.», 1855, № 3, февраль*) перечень произведений, созданных до 1855 г., критик писал: «Самое первое из этих ⟨...⟩ произведений,—носило уже на себе яркую печать самобытности таланта, выражавшейся и 1) в новости быта, выводимого автором и до него еще не початого ⟨...⟩ и 2) в новости отношения автора к изображаемому им быту и выводимым лицам, и 3) в новости манеры изображения, и 4) в новости языка,— в его цветистости, особенности». Григорьев с сожалением отметил, что «Сцены»[1], которые относительно оконченности отделки представляют едва ли не совершеннейшее произведение их автора,— прошли почти что незамеченные...» *(Г р и г о р ь е в, I, 114).* Этот же отзыв критик

[1] Ап. Григорьев ошибочно назвал в этой статье «Картину семейного счастья» — «Сцены из замоскворецкой жизни».

повторил в другой статье об Островском («*Русский мир*», *1860*, № *5*, *6*, *9*, *11*): «Семейная картина» самое первое, но одно из оконченнейших произведений Островского, прошла при появлении своем почти что незамеченною...» (*Григорьев*, *I*, *469*).

В связи с повторной публикацией оценку пьесы от лица редакции «Современника» дал Н. А. Некрасов, выразив этим принципиальное отношение редакции журнала к драматургу. «Мы ее перепечатываем потому,— писал Н. А. Некрасов,— что она заслуживает внимания публики и как прекрасная пьеса и как первое произведение автора комедии «Свои люди—сочтемся»,— произведение, в котором находятся уже данные таланта, подарившего впоследствии русской литературе одну из ее немногих образцовых комедий. А между тем «Семейная картина» по малочисленности читателей «Городского листка»<...>была доныне очень мало известна» («*Совр.*», *1856*, № *4*).

Более обстоятельные отзывы о пьесе последовали по выходе в свет первого Собрания сочинений Островского (1859).

Критик журнала «Атеней» Н. П. Некрасов писал: «Первым произведением г. Островского была «Семейная картина», написанная им в 1846 году. В ней автор довольно верно отметил некоторые черты купеческого быта в семейной жизни. Муж — полный хозяин в доме и господин над своею женой. Жена покоряется во всем мужу и за это имеет полное право ничего не делать в доме, рядиться и гулять потихоньку от мужа». Считая, что картина, изображенная Островским, верна действительности, критик, однако, нашел, что «в ней нет той художественности, которая бы возвышала ее над действительностью; не заметно того взгляда художника, который бы ярко освещал ее пошлую сторону» («*Атеней*», *1859*, № *8*).

Мнение критика «Атенея» оспорил анонимный автор статьи в «Отечественных записках», подписавшийся — *Н. Н.* Он дал в своей рецензии на Собрание сочинений Островского более справедливую оценку пьесы: «Семейная картина» — интересный, как нельзя более забавный ⟨...⟩ отрывок, почти безукоризненный в художественном отношении». Автор статьи отметил, что он не разделяет «слишком строгого взгляда одного из критиков, не находящего в пьесе никакого действия и не видящего различия между характерами выводимых автором лиц. Тридцатипятилетний молодчина купец Антип Антипыч Пузатов совсем не то, что шестидесятилетний приятель его Парамон Ферапонтыч Ширялов». Рецензент писал: «Антип Антипыч гораздо добрее и современнее Ширялова; умны они оба по-своему; но к тому самому делу, которое перешло в плоть и кровь Ширялова, о котором он говорит серьезно и с глубоким убеждением ⟨...⟩ Пузатов относится, напротив, с легкой иронией и как бы с сознанием не совершенной правоты этого дела». Более тонкое, но все-таки существенное различие существует, по мнению рецензента, и между двумя женскими лицами пьесы: «Марья Антиповна еще не сделалась Матреной Савишной, она, правда, на дороге к тому, но превращение еще не совершилось; в сестре Пузатова есть еще и женственность, и девическая стыдливость, которых нет и следа в Матрене Савишне...» «Семейная картина»,— заключал критик,— воспроизводит общий тип известного быта с поразительной верностью и в форме чрезвычайно комической, почему и имеет все права быть отнесенною к числу произведений чисто художественных...» («*Отеч. зап.*», *1859*, № *7*).

Наиболее обстоятельному разбору пьеса подверглась в знаменитой статье Н. А. Добролюбова «Темное царство» («*Совр*»., *1859*,

№ 7, 9). «...Островский вводит нас в самую глубину этого семейства,— писал Добролюбов,— заставляет присутствовать при самых интимных сценах, и мы не только понимаем, мы скорбно чувствуем сердцем,— что тут не может быть иных отношений, как основанных на обмане и хитрости с одной стороны, при диком и бессовестном деспотизме с другой ⟨...⟩

Обман и притворство полноправно господствуют в этом доме и представляют нам как будто какую-то особенную религию, которую можно назвать *религиею лицемерства* ⟨...⟩ Обман тут — явление нормальное, необходимое, как убийство на войне ⟨...⟩

Таковы люди, таковы людские отношения, представляющиеся нам в «Семейной картине», первом по времени произведении Островского. В нем уже находятся задатки многого, что полнее и ярче раскрылось в последующих комедиях. По крайней мере видно, что уже и в это время автор был поражен тем неприязненным и мрачным характером, каким у нас большею частию отмечаются отношения самых близких между собою людей. Здесь же намечены отчасти и причины этой мрачности и враждебности: бессмысленное самодурство одних и рабская уклончивость, бездеятельность других. Тут же чрезвычайно ярко и рельефно выставлены и последствия такого неестественного порядка вещей,— всеобщий обман и мошенничество, и в семейных и в общественных делах» *(Добролюбов, V, стр. 35, 37, 38, 40)*.

Впервые пьеса была поставлена на сцене Александринского театра 3 октября 1855 г., в бенефис Ф. А. Бурдина. Роли исполняли: Пузатова — Ф. А. Бурдин, Матрены Савишны — А. И. Михайлова (Михайлова 2-я), Марьи Антиповны — А. П. Натарова, Степаниды Трофимовны — Ю. Н. Линская, Ширялова — П. И. Зубров, Дарьи — Волкова. Критика отозвалась на спектакль положительно. А. В. Дружинин в своей рецензии писал: «Сцены г. Островского «Картина семейного счастья» принадлежат к первым и следовательно лучшим произведениям даровитого автора, почерпнутым из жизни купеческого сословия. В сценах этих почти нет того, что называется обыкновенно сюжетом, но лица и язык взяты из жизни и переданы мастерски. Гг. Бурдин и Зубров и г-жи Линская и Михайлова разыграли эту небольшую пьесу прекрасно. Особенно хорош был г. Зубров» *(БДЧ, 1855, № 11)*.В Москве на сцене Малого театра она была впервые представлена 2 декабря 1857 г. в бенефис П. М. Садовского. В роли Пузатова выступил П. М. Садовский, Матрены Савишны — Е. Д. Немчинова, Марии Антиповны — Н. М. Медведева, Степаниды Трофимовны — С. П. Акимова, Ширялова — С. В. Васильев, Дарьи — А. Д. Степанова.

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 13 раз, в Петербурге, в Александринском театре, — 38 раз (последний спектакль в Москве состоялся 15 октября 1865 г., в Петербурге — 12 июня 1870 г.).

Стр. 66

Черный цвет, мрачный цвет — песня-романс, слова Ломакина (см.: *М. Смирдин, Песни для русского народа, ч. I, Спб., 1859, стр. 259—260*).

Стр. 70

... *в город отпустишь*...— В Москве во времена Островского городом (Китай-городом)назывался район гостиного двора и торговых улиц центра.

Стр 76
... *притча сделалась...* — здесь: болезнь, несчастный случай.

Стр. 78
... *к цыганкам в Марьину рощу...* — В XIX в. Марьина роща была местом гуляний московских жителей, преимущественно мещан, купечества, ремесленников, фабричных. В трактирах Марьиной рощи выступали цыганские и русские хоры.

Стр. 82
Грузины — см. прим. к стр. 53.
Преображенское — село на берегу Яузы. В начале XIX в. здесь было построено несколько заводов и фабрик и оно стало окраинным рабочим кварталом Москвы.
Кранболь — шум, скандал, от «карамболь» — термин биллиардной игры.

Стр. 84
В Симонов... — монастырь на Москве-реке, основан в XIV в.

Э. Л. Ефременко

СВОИ ЛЮДИ – СОЧТЕМСЯ!

Впервые опубликовано в журнале «Москвитянин», 1850, № 6, март, стр. 33—136 и почти одновременно — отдельным изданием (Университетская типография, 1850, цензурное разрешение—14 марта 1850).

Рукописные источники:

первая редакция — черновой автограф *(ПД)*; черновой автограф (дополнение к предыдущему) *(ГБЛ)*; цензурная писарская копия *(ЛГТБ)*·

вторая редакция — цензурная писарская копия *(ЛГТБ)*.

Печатается по тексту «Москвитянина» со следующими основными исправлениями:

Стр. 92, строка 25
«подмывает» *вместо* «подманивает» *(по ЦПК)*.

Стр. 99, строка 14
«Сысой Псоич, чай, ты» *вместо* «Сысой Псоич» *(по ЦПК)*.

Стр. 100, строки 26—28
«я дела делал... да с рук сходило. Другого-то за такие штуки уж заслали бы давно, куда Макар телят не гонял» *вместо* «я дела делал...» *(по ЦПК)*.

Стр. 108, строка 30
добавлена ремарка: «Тишка уходит» *(по ЧА)*.

Стр. 110, строка 28
«больше по мелочам» *вместо* «по мелочам» *(по ЦПК)*.

Стр. 113, строка 23
«что кобелей борзых» *вместо* «что борзых» *(по ЧА, ЦПК)*.

Стр. 115, строка 19
«после копоти» *вместо* «копоти» *(по ЧА, ЦПК)*.

Стр. 119, строка 4
«делся-то, господи» *вместо* «делся-то» *(по ЦПК)*.

Стр. 119, строка 8
добавлена реплика: «Да что там у вас» *(по ЦПК).*

Стр. 119, строка 14
добавлена ремарка: «Тишка бежит» *(по ЦПК).*

Стр. 124, строка 14
«Уходит» *вместо* «Уходят» *(по ЧА, ЦПК).*

Стр. 132, строка 36
добавлена ремарка: «Аграфена Кондратьевна уходит» *(по ЧА, ЦПК).*

Стр. 135, строка 33—стр. 136, строка 2
после: «теперь нам пора!» *добавлены реплики:*
«Липочка. Да вы такие ∽ наговорили бы.
Подхалюзин. Оттого и робкий-с ∽ удовольствие доставить» *(по ЧА, ЦПК)*;

Стр. 141, строка 9
«нельзя ж комиссару без штанов» *вместо* «нельзя ж» *(по ЦПК).*

Стр. 149, строки 5—6
«что хотят со мної» *вместо* «что хотят» *(по ЧА, ЦПК*).

История написания комедии «Свои люди — сочтемся!» изложена самим автором в статье «Литературное объяснение» (*«Моск. вед.», 1856, 5 июля*; см.: *ПСС, XIV, 49—52)*. Из статьи следует, что к осени 1846 г. комедия была уже обдумана драматургом и некоторые сцены набросаны. Той же осенью Островский совместно с провинциальным актером Д. А. Горевым обработал один отрывок из комедии и под заголовком «Сцены из комедии «Несостоятельный должник» (Ожидание жениха). Явление IV» опубликовал его в «Московском городском листке» (*1847, 9 января*) за подписью: «А. О. и Д. Г.».

Весной 1847 г. Островский начал переделку комедии по новому плану, причем опубликованный ранее отрывок в измененном виде составил теперь первое и второе явления третьего действия. Комедия была закончена к середине 1849 г., и в этой работе над ней Горев уже никакого участия не принимал (подробнее об этом см.: *А. Ревякин, А. Н. Островский и Д. А. Горев (К творческой истории комедии «Свои люди — сочтемся»).— «Русская литература», 1963, № 4).*

И. Ф. Горбунов писал, что Тертий Филиппов познакомился с Островским в 1846 г. и к тому времени уже существовала черновая редакция комедии (см.: *Горбунов, т. III, ч. 1, стр. 19)*; сам Филиппов также отмечал, что драматург работал над пьесой более четырех лет (см.: *Барсуков, XI, 67—68).*

В процессе работы над новой редакцией комедии автор прежде всего композиционно перестроил пьесу. Так, первоначально первым действием комедии было нынешнее второе, то есть пьеса начиналась с монолога Тишки перед зеркалом, и только во втором действии появлялась Липочка. Комедия должна была состоять из пяти действий, «но вследствие замечаний некоторых слушателей моей комедии,— говорил автор М. И. Семевскому,— я сократил ее в четыре акта, но как содержание, так и число явлений осталось то же: таким образом, комедия получила только более длинные действия» *(«Русская старина», 1891, № 4).*

Изменена была и мотивировка некоторых событий: ранее неудача похода по кредиторам (д. II, явл. 5) вызывала необходимость обращения Большова к Рисположенскому за советом, а теперь последний сам советует составить «реестрик» и отправиться к кредиторам (д. I, явл. 10); сначала рассказ Устиньи Наумовны о «нерешительности благородного жениха» (д. III, явл. 3) находился во втором действии и отражал лишь саму собой расстраивающуюся свадьбу Липочки, а теперь, перенесенный в третье действие, он оказался следствием сговора Подхалюзина со свахой; ранее во втором действии имелся монолог Большова, в нем рассказывалось о страшных снах Большова, в которых его должники отказывались ему платить, и этим подготовлялось его решение объявить себя банкротом, а теперь от монолога осталась лишь одна реплика (д. 1, явл. 10, последняя реплика); первоначально Большов появлялся на сцене постоянно пьяным, теперь, отказавшись от этого, Островский усилил обличение самодура, действующего совершенно трезво и сознательно. Наконец, перерабатывая пьесу, автор отказался и от заглавия «Несостоятельный должник» и дал пьесе новый заголовок — «Банкрот» (см.: *«Русская старина», 1891, апрель, стр. 219—248; июнь, стр. 695—718; июль, стр. 149—169; К а ш и н, II, 13—48)*.

По окончании всей работы автор отослал копию пьесы в Петербург, в драматическую цензуру. На сохранившемся цензурном экземпляре рукой переписчика каллиграфически выписано: «Свои люди — сочтемся!», а рукой автора над этим приписано: «Банкрот или» *(ЛГТБ)*.

Цензор А. М. Гедеонов резко отрицательно отозвался о комедии: «...все действующие лица: купец, его дочь, стряпчий, приказчик и сваха отъявленные мерзавцы. Разговоры грязны; вся пьеса обидна для русского купечества» (*Н. В. Д р и з е н, Драматическая цензура двух эпох. 1825—1881, Пб., 1917, стр. 94)*.

Естественно, что комедия была запрещена для сцены, но Островский все же хотел хоть каким-то образом проверить реакцию публики на свое произведение. Для этого он начал читать комедию в различных домашних кружках, и, по-видимому, самое первое чтение состоялось в начале 1849 г. в Самаре, в доме В. З. Головиной (Ворониной). Чтение было принято хорошо, и после этого, во второй половине 1849 г., сам автор и знаменитый артист П. М. Садовский стали широко читать комедию в домах московской интеллигенции. Первое такое чтение в Москве было на квартире М. Н. Каткова, потом у Новосильцевых, у А. Н. Драшусова и других. Слушателями комедии были Т. Н. Грановский, С. П. Шевырев, С. М. Соловьев, Ф. И. Буслаев, А. С. Хомяков, И. В. Беляев и многие другие. Пьеса всеми принималась с восторгом. П. В. Анненков отмечал: «Садовский читает у В. П. Боткина первую комедию Александра Островского «Банкрут». Потрясающее ее действие» *(П. В. А н н е н к о в, Литературные воспоминания, М., Гослитиздат, 1960, стр. 531)*; И. И. Панаев вспоминал, что В. А. Соллогуб «ходил как помешанный на другой день после прочтения комедии Островского «Свои люди — сочтемся», прокричал об этой комедии во всех салонах и устроил у себя вечер для чтения ее» *(И. И. П а н а е в, Литературные воспоминания, М., Гослитиздат, 1950, стр. 132)*; «Что за прелесть «Банкротство»,—писала Е. П. Ростопчина М. П. Погодину после чтения у Новосильцевых. — Это наш русский «Тартюф», и он не уступит своему старшему брату в достоинстве правды, силы и энергии. Ура! у нас рождается *своя* театральная литература»

(Барсуков, XI, 69), а генерал А. П. Ермолов, по словам П. М. Садовского, выслушав пьесу, заметил: «Она не написана, она сама родилась» *(«Вестник Европы», 1886, № 12)*. Тогда же Грановский сообщил свое мнение о пьесе А. И. Герцену в Париж, и, пересказывая его, Герцен писал Г. Гервегу, что комедия Островского — «крик гнева и ненависти против русских нравов; он (Грановский. — *Е. П.)* отзывается об этом произведении как о дьявольской удаче; пьеса была запрещена, название ее «Свои люди — сочтемся» *(А. И. Герцен, Собр. соч. в 30-ти томах, т. XXIII, М., Изд-во Академии наук СССР, 1961, стр. 306)*.

3 декабря 1849 г. чтение комедии организовал у себя Погодин; был приглашен Н. В. Гоголь. Островский читал женские роли, а Садовский — мужские. Присутствовавший при этом Н. В. Берг вспоминал впоследствии, что Гоголь внимательно выслушал комедию и на вопрос Ростопчиной заметил: «Хорошо, но видна некоторая неопытность в приемах. Вот этот акт нужно бы подлиннее, а этот покороче. Эти законы узнаются после и в непреложность их не сейчас начинаешь верить». Рассказав об этом эпизоде, Берг добавляет: «Я имел случай не раз заметить, что Гоголь ценит его (Островского. — *Е. П.*) талант и считает его между московскими литераторами самым талантливым» *(«Русская старина», 1872, № 1)*. После этого чтения Погодин записал в своем дневнике: «Комедия «Банкрот» удивительная» (*Барсуков, XI, 701)*.

Еще до опубликования комедии с ней познакомился П. А. Плетнев и сообщал В. А. Жуковскому, что Ростопчина «прислала мне комедию какого-то Островского под заглавием «Свои люди — сочтемся!». Род и характер этой пьесы относятся к гоголевским. Но тут нет подражания и даже она стройнее идет» («*Сочинения и переписка П. А. Плетнева», т. III, Спб., 1885, стр. 641*).

О новой комедии узнали петербургские издатели и, как вспоминал Берг, «А. А. Краевский приезжал из Петербурга в Москву, как говорили, специально за тем, чтобы приобрести «Банкрута» для «Отечественных записок» 〈...〉 и уехал домой ни с чем, хотя предлагал будто бы, как Ричард III, «полцарства за коня» *(«Восп.», стр. 46)*. Но, по всей вероятности, не Островский отказался передать комедию в этот журнал, а Краевский, зная о запрещении ее для сцены и ознакомившись с текстом, понял, что пьесу вряд ли разрешат и печатать.

Погодин, заинтересовавшись комедией, предложил Островскому опубликовать ее в «Москвитянине», где он уже дважды очень кратко, но положительно отозвался о пьесе (см.: «*Москв.», 1849, № 23, 24, декабрь)*. Островский согласился, и в журнале был дан анонс: «Может быть, и «Банкрот» украсит страницы «Москвитянина» *(1850, № 2, январь)*. Имея в виду публикацию пьесы, Островский остановился на заглавии «Свои люди — сочтемся!». Позже автор рассказывал Семевскому, что он отказался от заглавия «Банкрот», «вспомнив, что это будет по разным причинам неудобно», и потому заменил его «русской пословицею» *(«Русская старина», 1891, № 4)*. Под таким заглавием комедия и вошла в историю русской литературы. Указания мемуаристов и исследователей об изменении заглавия по требованию цензуры конкретными данными не подтверждаются.

Однако провести комедию через цензуру было не так легко, и публикация ее задерживалась. Погодин, понимая, что комедия может поддержать терявший подписчиков «Москвитянин», развил бурную деятельность: написал в Петербург графу Д. Н. Блудову,

ведавшему цензурой, организовал чтение пьесы у генерал-губернатора Москвы А. А. Закревского, привлек к ней внимание попечителя московского учебного округа В. И. Назимова и др. (*«Неизд. письма», стр. 418—419)* и добился разрешения на опубликование.

По сообщению Семевского, со слов Островского, цензура не пропустила в первой публикации только два места: в реплике Устиньи Наумовны слов: «нельзя комиссару без штанов» и в реплике Подхалюзина слов: «а то мы и за квартальным пошлем» (д. IV, явл. 2 и 3) *(ПД)*. Однако сличение *ЦПК* с печатным текстом «Москвитянина» показывает, что второй реплики («а то мы и за квартальным пошлем») не было уже в *ЦПК*; вместе с тем в печатном тексте отсутствуют по крайней мере еще три места, имевшиеся в *ЦПК*: «Я такие дела делал... [да с рук сходило ∽ Макар телят не гонял]» (д. I, явл. 10); «У меня женихов-то, что [кобелей] борзых» (д. II, явл. 6); «нам пора. [Л и п о ч к а. Да вы такие ∽ удовольствие доставить]» (д. III, явл. 5). В связи с этим в настоящем издании по *ЧА* и *ЦПК* восстановлены пять мест, в отношении которых есть основания считать, что они были исключены по требованию цензуры.

Островский несомненно читал корректуры первой журнальной публикации. Во всяком случае, ряд разночтений между рукописью, отосланной в театральную цензуру, и печатным текстом «Москвитянина» говорит об авторской работе над текстом. Однако подавляющее большинство пометок (отчеркиваний и подчеркиваний) цензора в сохранившейся *ЦПК* автором не было принято во внимание: по-видимому, после запрещения пьесы для сцены рукопись ее осталась в театральной цензуре и пометы цензора были автору неизвестны.

Несмотря на запрещение пьесы театральной цензурой, Островский после выхода «Москвитянина» решил вновь попытаться провести комедию на сцену и обратился за разрешением к генерал-губернатору Москвы. Тот послал запрос министру императорского двора П. М. Волконскому, от которого получил ответ: «Возвращаемая у сего, сочиненная чиновником московского коммерческого суда Островским комедия под заглавием «Свои люди — сочтемся» была уже рассматриваема в цензуре III Отделения собственной его императорского величества канцелярии, но оною к представлению на театре не одобрена» *(А. И. Р е в я к и н, А. Н. Островский. Жизнь и творчество, М., Учпедгиз, 1949, стр. 304.)*

Опубликование комедии в «Москвитянине» привлекло к ней внимание негласного «Комитета 2-го апреля 1848 г.», созданного для контроля за уже вышедшими произведениями и стоявшего над цензурой. Комитет, признав комедию «талантливой» и не находя в ней «ничего прямо противного правилам общей цензуры», тем не менее счел необходимым поручить попечителю московского учебного округа вызвать к себе автора и «вразумить его, что благородная и полезная цель таланта должна состоять не только в живом изображении смешного и дурного, но и в справедливом его порицании ⟨...⟩ в утверждении того ⟨...⟩ что злодеяние находит достойную кару *еще и на земле*». Заключение Комитета было одобрено Николаем I, наложившим резолюцию: «Совершенно справедливо, напрасно печатано, играть же запретить...»

Выполняя предписание Комитета, попечитель пригласил к себе автора «для вразумления» (*«Просв.», т. X, стр. XXVI—XXXI)*. После разговора с ним Островский написал ему письмо, в котором

с большим достоинством отстаивал свои позиции художника и гражданина: «Главным основанием моего труда, главною мыслию, меня побудившею, было: добросовестное обличение порока, лежащее долгом на всяком члене благоустроенного христианского общества, тем более на человеке, чувствующем в себе прямое к тому призвание 〈...〉 И мои надежды сбылись сверх моих ожиданий: труд мой, еще не оконченный, возбудил одинаковое сочувствие и производил самые отрадные впечатления во всех слоях московского общества, более же всего между купечеством, о чем не безызвестно и Вашему превосходительству 〈...〉 Согласно понятиям моим об изящном, считая комедию лучшею формою к достижению нравственных целей и признавая в себе способность воспроизводить жизнь преимущественно в этой форме, я должен был написать комедию или ничего не написать» *(ПСС, XIV, 15—16)*.

Одновременно личностью автора заинтересовалось и III Отделение, где завели дело «О литераторе Островском». Несмотря на положительные отзывы о молодом драматурге его прямого начальника — председателя Московского коммерческого суда и московского оберполицмейстера, Николай I по докладу III Отделения повелел: «Иметь под присмотром» *(«Всемирный вестник», 1908, № 5)*.

Таков был первый этап истории создания и публикации комедии.

В 1858 г. Островский задумал первое собрание своих сочинений. Имея в виду требования цензуры, он создал новую редакцию, в тексте которой на этот раз учел почти все отчеркивания, вычерки и поправки, сделанные красным карандашом цензора в том экземпляре пьесы, по которому она была запрещена для сцены в 1849 г., а чтобы удовлетворить требованиям «Комитета 2-го апреля 1848 г.»: покарать злодеяние «еще и на земле», изменил заключительную сцену комедии, введя новый персонаж — квартального, который является «по предписанию начальства» и должен доставить Подхалюзина «к следственному приставу по делу о сокрытии имущества несостоятельного купца Большова» (см. «Приложения»). В связи с этими изменениями автор дал комедии и новое заглавие — «За чем пойдешь, то и найдешь».

Позже Островский с большой горечью говорил: «Чувство, которое я испытывал, перекраивая «Своих людей» по указанной мерке, 〈...〉 можно сравнить разве только с тем, если бы мне велели самому себе отрубить руку или ногу» (*«Просв»., т. X, стр. XXXIV*).

Отправляя вторую редакцию в Петербург для театральной цензуры, Островский писал П. С. Федорову — заведующему репертуарной частью петербургских театров: «Посылаю Вам изуродованное, но все-таки дорогое сердцу детище» *(ПСС, XIV, 73)*. Одновременно для цензуры была составлена специальная записка, в которой Островский писал о своей работе над текстом для второй редакции *(ПСС, XIV, 73—74)*.

Цензурный комитет одобрил новую редакцию и передал ее в Главное управление цензуры для решения вопроса об издании. Член этого управления А. Г. Тройницкий в своем отзыве отметил, что, хотя теперь Подхалюзин и наказан, все же «вновь прибавленная сцена по неопределительности своей мало изменяет эту кажущуюся безнаказанность»; кроме того, он нашел, что не следует давать пьесе новое заглавие: «...перемена могла бы вызвать какие-нибудь превратные толки о стеснениях цензурных там, где их нет на самом деле».

В результате вторая редакция пьесы была разрешена к изданию под старым заглавием, но автору было предложено дополнительно «изменить выражения и места не совсем приличные» *(«Просв».,* *т. X, стр. XXXV—XXXVII)*.

В этом «изуродованном» виде комедия перепечатывалась в последующих изданиях произведений Островского.

В 1881 г. Островскому удалось получить разрешение на постановку первой редакции пьесы, а в 1885 г.— и на издание ее в последнем прижизненном собрании своих сочинений. Для этого автор передал издателю Н. Г. Мартынову «первоначальный экземпляр» пьесы, содержавший авторские поправки, взятые им из «экземпляра, одобренного театральной цензурой» *(ПСС, XVI, 128, 145)*. Из контекста двух писем Островского, как и из письма Мартынова, спрашивавшего, «правильно ли восстановлена комедия «Свои люди — сочтемся»?»*(ЦГАЛИ, ф. 322, оп. 1, ед. хр. 220 а, л. 1)*, неясно, был ли этот «первоначальный экземпляр» рукописной копией или печатным текстом «Москвитянина», а также, какие поправки были в нем, с какого «одобренного театральной цензурой» экземпляра они были перенесены и почему, по словам Островского, они были «не приняты во внимание» издателем *(ПСС, XIV, 145)*. Можно лишь предполагать, что издателю была выслана рукописная копия текста первой редакции, в которой были учтены новые авторские поправки, имевшиеся в экземпляре пьесы, разрешенном театральной цензурой для постановки в 1881 г. Сличение же текстов «Москвитянина» и издания Мартынова показывает, что между ними есть двадцать одно разночтение, но ни одно из них не имеет смыслового или художественного характера: это типичная корректорская правка или промахи набора. Этим и объясняется выбор «Москвитянина» в качестве источника основного текста.

Выход «Москвитянина» с комедией Островского принес ей небывалый успех в самых различных кругах московского общества. Погодин записал в дневнике: «В городе furor от «Банкрута».

С. В. Максимов вспоминал: «Не только в среде университетских студентов всех четырех факультетов новая комедия произвела сильное впечатление, но вся Москва заговорила о ней, начиная с высших слоев до захолустного Замоскворечья. Не только в городских трактирах нельзя было дождаться очереди, чтобы получить книжку «Москвитянина» рано утром и поздно вечером, но и в отдаленном трактире Грабостова 〈...〉 мы получили книжку довольно измызганною» *(«Просв.», т. XI, стр. 63)*. Прочитав комедию, писала А. Я. Панаева, «Некрасов чрезвычайно заинтересовался автором и мечтал познакомиться с Островским и пригласить 〈его〉 в сотрудники «Современника» *(А. Я. Панаева (Головачева), Воспоминания, М., Изд.-во «Художественная литература», 1972, стр. 217)*.

В. Ф. Одоевский писал одному из своих знакомых 20 июля 1850 г.: «Читал ли ты комедию или, лучше, трагедию Островского «Свои люди — сочтемся!», и которой настоящее название «Банкрут» 〈...〉. Если это не минутная вспышка, не гриб, выдавившийся сам собою из земли, просоченной всякой гнилью, то этот человек есть талант огромный. Я считаю на Руси три трагедии: «Недоросль», «Горе от ума», «Ревизор». На «Банкроте» я поставил нумер четвертый» *(«Русский архив», 1879, № 4)*. А. Ф. Писемский же из провинции спешил сообщить свое мнение самому автору: «...можете себе

представить, с каким истинным наслаждением прочитал я ваше произведение, вполне законченное. Впечатление, произведенное вашим «Банкрутом» на меня, столь сильное, что я тотчас же решил писать к Вам 〈...〉 Драматическая сцена посаженного в яму банкрута в доме его детей, которые грубо отказываются платить за него, превосходна по идее и по выполнению 〈...〉 Само окончание 〈...〉 продумано очень удачно 〈...〉 Главное лицо пиэсы — Большов и за ним Подхалюзин, оба они похожи друг на друга. Один подлец старый, а другой подлец молодой 〈...〉 Сколько припомню, у вас был монолог Большова, в котором высказывал он свой план, но в печати его нет; а жаль, мне кажется, он еще яснее мог бы обозначить личность банкрута, высказав его задушевные мысли и, кроме того, уяснил бы самые события пиэсы. Но, как бы то ни было, кладя на сердце руку, говорю я: Ваш «Банкрут» — купеческое «Горе от ума» или, точнее сказать: купеческие «Мертвые души» *(«Неизд. письма», стр. 334—336)*.

Мнение это о пьесе было устойчивым. Значительно позже, в 1857 г., в письме к В. П. Боткину Л. Н. Толстой отметил, что в комедии «слышится этот сильный протест против современного быта 〈...〉 Вся комедия — чудо 〈...〉 Остр〈овский〉 не шутя гениальный драматический писатель» *(Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 60, М., Гослитиздат, 1949, стр. 156)*. В том же году Т. Г. Шевченко записал в своем дневнике: «Мне кажется, что для нашего времени и для нашего среднего полуграмотного сословия необходима сатира, только сатира умная, благородная. Такая, например, как «Жених» Федотова или «Свои люди — сочтемся» Островского и «Ревизор» Гоголя 〈...〉 Мне здесь года два тому назад говорил Н. Данилевский 〈...〉 что будто бы комедия Островского «Свои люди — сочтемся» запрещена на сцене по просьбе московского купечества. Если это правда, то сатира, как нельзя более, достигла своей цели» *(Т. Г. Шевченко, Дневник, М. — Л., «Academia», 1931, стр. 54—55)*.

Но это были мнения, высказанные частным образом, в разговорах, письмах, дневниках. Литературная же критика молчала. И хотя Ф. А. Бурдин утверждал, что «о самой комедии запретили говорить в журналах» *(«Восп.», стр. 329)*, прямого запрещения, видимо, не было: просто издатели понимали, что запрет, наложенный на комедию, механически распространялся и на отзывы о ней. Только «Москвитянин» в объявлении об издании журнала на 1851 г., не упоминая самого названия пьесы, заметил, что «комедия Островского заняла почетное место в русской литературе».

В таком же затруднительном положении оказался и Панаев: говоря о «Бедной невесте», он вынужден был называть «Свои люди — сочтемся!» «первой драмой», «первым произведением» Островского *(«Совр.», 1853, № 4)*.

Несколько позже, в 1854 г., Н. Г. Чернышевский в рецензии на «Бедность не порок» *(«Совр.», № 5)* смог уже упомянуть и «Свои люди — сочтемся!»: «Первая комедия г-на Островского 〈...〉 была принята читателями с единодушным одобрением. Мы встречали даже таких, которые, в порыве увлечения, ставили эту комедию выше «Недоросля» и «Горя от ума», наравне с «Ревизором», и такое увлечение не сердило тех, которые не разделяли его,— так оно было естественно» *(Чернышевский, II, 232)*. Из контекста отзыва видно, что Чернышевский не разделял этого «увлечения», хотя и понимал его; сам же он отметил как достоинство комедии ее «ори-

гинальный язык», а в статье «Об искренности в критике» назвал комедию «истинно замечательным», «прекрасным произведением» *(там же, стр. 250, 259)*.

Но как только вышло первое издание Сочинений в двух томах, где «Свои люди — сочтемся!» были напечатаны во второй, «изуродованной», редакции, тотчас появились и рецензии.

Начиная статью «Темное царство», Н. А. Добролюбов тоже обращает внимание на то, что «по одной из тех, странных для обыкновенного читателя и очень досадных для автора, случайностей, которые так часто повторяются в нашей бедной литературе,— пьеса Островского не только не была играна на театре, но даже не могла встретить подробной и серьезной оценки ни в одном журнале. «Свои люди», напечатанные сначала в Москве, успели выйти отдельным оттиском, но литературная критика и не заикнулась о них. Так эта комедия и пропала,— как будто в воду канула, на некоторое время» *(Добролюбов, V, 7—8)*.

Далее, рассмотрев особенности драматургии Островского, Добролюбов обращается непосредственно к «Своим людям — сочтемся!» и отмечает, что в этой комедии, как и в «Семейной картине», «мы видим опять ту же религию лицемерства и мошенничества, то же бессмыслие и самодурство одних и ту же обманчивую покорность, рабскую хитрость других ⟨...⟩ Здесь нам представляется несколько степеней угнетения, указывается некоторая система в распределении самодурства, дается очерк его истории» *(там же, стр. 40)*.

Заметим, что, говоря о комедии, Добролюбов ориентируется не только на текст, опубликованный в Сочинениях Островского, но и на подлинный текст пьесы, напечатанный в «Москвитянине». Так, говоря, что в сложившихся социальных условиях на место одного самодура, Большова, приходит другой, не менее жестокий, Подхалюзин, и «благоденствует на тех же правах», Добролюбов делает к этим словам сноску: «Впрочем, в новом издании Островского и Подхалюзин не благоденствует, а уводится к концу пьесы квартальным, имея затем в перспективе Сибирь. Нам кажется, что эта прибавка совершенно лишняя. Конечно, автор сделал ее не по своим убеждениям, а в угоду некоторым, слишком уж строгим, пуристам, требовавшим, чтоб порок непременно был наказан»[1] *(там же, стр. 64)*.

С большой статьей о драматургии Островского выступил в «Библиотеке для чтения» (*1859, № 8*) и А. В. Дружинин. Обходя социальный смысл комедии, Дружинин анализирует лишь художественную сторону пьесы. Он обращает «особенное внимание на три пункта, то есть на постройку, лица и язык пьесы» и считает, что, «с какой стороны ни станем смотреть мы на комедию «Свои люди — сочтемся», она оказывается капитальным, образцовым произведением, лучшим вкладом нашего литературного поколения в сокровищницу отечественного искусства» и что комедия «удовлетворяет самым строжайшим требованиям во всех трех отношениях» *(Дружинин, VII, 530—531)*.

Наконец, можно напомнить о письме Н. В. Гербеля к Островскому от 7 апреля 1879 г.: «Пользуюсь этим удобным случаем для

---

[1] Напомним, что с 1857 г. Островский уже был постоянным сотрудником «Современника», и Добролюбов мог писать эти строки о «строгих пуристах», зная со слов автора о требованиях цензуры и «Комитета 2-го апреля 1848 г.».

выражения моего искреннего к Вам уважения, питаемого мною уже в течение почти тридцати лет, то есть с появления на страницах одной из книжек «Москвитянина» на 1850 год первой Вашей комедии «Свои люди — сочтемся!», сделавшей на меня глубокое впечатление, оставшееся на всю жизнь» (*«Неизд. письма»*, *стр. 69*).

Таковы основные отзывы критики о комедии «Свои люди — сочтемся!». В дальнейшем она редко рецензировалась как литературное произведение, и отзывы о ней после 1861 года связывались главным образом с оценкой сценического воплощения пьесы и игры актеров.

Запрещение комедии для сцены в 1849 г. держалось более десяти лет, несмотря на то, что друзья драматурга приложили немало стараний, чтобы добиться разрешения пьесы. Так, в 1851 г. Погодин писал фрейлине двора А. Д. Блудовой: «Комедия Островского имеет больше достоинств, нежели полагаете Вы и граф[1]. Причина Вашей несправедливости в том, что Вы не знаете тех купцов, которых граф оставил в Москве в десятых и двадцатых годах. Это негодное поколение, переход от грубости, доброты, простоты к так называемой цивилизации. Их жаргон и в словах и в мыслях совершенно другой: он-то схвачен Островским отлично, и очень жаль в отношении к автору, публике, искусству, что комедию не позволяют играть. Она дополнение к уголовному кодексу. Липочка — лицо превосходное, типическое, как Простаков, Скалозуб, по сочинению. Автора надо бы ободрить, а он подвергается почти гонению. Вот почему мне хотелось так, чтоб Вы послушали Садовского и замолвили слово в случае нужды в Петербурге за пиесу» (*Б а р с у к о в*, *X*, *259*). В 1855 г. Горбунов читал комедию у вел. кн. Елены Павловны, и Писемский, сообщая об этом автору, выражал надежду, что «это может служить хорошим путем для цензуры» (*«Неизд. письма»*, *стр. 354*), однако надежды эти не сбылись.

Вместе с тем и в эти годы делались попытки поставить комедию силами любителей, причем в некоторых из этих спектаклей принимал участие сам Островский. Так, Берг вспоминал, что в начале 50-х годов в домашнем спектакле в доме С. А. Паповой в Москве Островский исполнял роль Подхалюзина (*«Исторический вестник»*, *1893*, *№ 3*); в любительском театре у Красных ворот в Москве 2 января 1861 г. автор также исполнил эту роль, Большова играл хозяин квартиры, где шел спектакль,— Н. И. Давыдов, а Тишку — будущий известный актер и издатель Сочинений Островского — М. И. Писарев, тогда еще юноша [2].

Но это были любительские постановки. Первый публичный спектакль комедии «Свои люди — сочтемся!» состоялся в ноябре 1857 г. в Иркутске. Воспользовавшись отъездом генерал-губернатора Н. Н. Муравьева, труппа молодых профессиональных актеров поставила комедию Островского. По возвращении Муравьев, желая хотя бы задним числом санкционировать постановку запрещенной пьесы, направил в III Отделение просьбу разрешить спектакль, но получил отказ и пьеса была снята со сцены (*«Театр»*. *1956*. *№ 11*).

---

[1] Граф Д. Н. Блудов — отец А. Д. Блудовой.

[2] Позже, в 1863 г., Островский исполнял роль Подхалюзина и в Петербурге, в зале Пассажа, в спектакле в пользу Литературного фонда (см.: *П. Д. Б о б о р ы к и н*, За полвека, М.—Л., ЗиФ, 1929, стр. 165).

Только в 1860 г., после того как была опубликована вторая редакция комедии, а Александр II благосклонно отнесся к «Грозе», постановка пьесы была разрешена на сцене императорских театров.

Сообщая об этом автору, Горбунов писал: «Слава богу! Слава богу! Слава богу! 〈...〉 «Свои люди» на днях будут пропущены. Это верно 〈...〉 Нордстрем (цензор.— *Е.П.*) сам вызвал и сказал П. Ст. 〈Федорову〉: давайте поскорее пьесу, я теперь пропущу. (Тимашева нет) 〈...〉 П. Ст. сейчас велел прибавить: пришлите распределение 〈ролей〉» *(«Неизд. письма», стр. 669)*.

К репетициям приступили почти одновременно два театра: Александринский в Петербурге и Малый в Москве. Премьера на сцене Александринского театра состоялась 16 января 1861 г., в бенефис известной актрисы Ю. Н. Линской, которая, узнав о разрешении пьесы, писала автору: «Я опять так счастлива, что приобретаю в свой бенефис такое сокровище, благодарю Вас, мой голубчик, за это, у меня нет слов, чтобы выразить Вам всю мою радость» *(А. Я. Альтшуллер, Театр прославленных мастеров, Л., «Искусство», 1968, стр. 103)*.

Роли в спектакле исполняли: Большов — Ф. А. Бурдин, Аграфена Кондратьевна — Н. П. Воронова, Липочка — Е. М. Левкеева (Левкеева 1-я), Подхалюзин — П. В. Васильев (Васильев 2-й), Устинья Наумовна — Ю. Н. Линская, Рисположенский — П. И. Зубров, Фоминишна — П. К. Громова, Тишка — И. Ф. Горбунов, квартальный — А. А. Волков.

На премьере присутствовал Островский, специально приехавший в Петербург. Бурные аплодисменты зрителей и вызовы автора начались уже после второго действия и продолжались в течение всего спектакля.

Удачно прошли и повторные спектакли: Бурдин писал автору 5 февраля 1861 г.: «Пьесу играли семь раз, всегда с успехом — театр полон» *(Бурдин, стр. 10)*.

Постановку комедии «Свои люди — сочтемся!» рецензенты расценили как праздник русского театра. «Это самое капитальное сценическое явление нынешней зимы,— писал в «Отечественных записках» М. П. Розенгейм.— Если вы сами не были на бенефисе, то я скажу вам в виде вступления, что как в день бенефиса, так и потом при повторениях его, Александринский театр был полон сверху донизу...». Вместе с тем сам спектакль, по мнению рецензента, «неудовлетворил многих, даже из числа жарких поклонников» таланта Островского. Вина в этом лежит прежде всего на Бурдине, который в роли Большова «играл как-то бесцветно и совершенно не передал, уничтожил этот дико нелепый, но энергичный характер» *(«Отеч. зап.», 1861, № 2)*.

С этим мнением соглашались и другие рецензенты: «Образ самодура, семейного деспота, в котором нет удержу, образ Большова, казалось нам, совершенно исчез на сцене. Г-н Бурдин из Самсона Силыча сделал какого-то вялого, опустившегося старика, какую-то мокрую курицу» [1] *(«Северная пчела», 1861, 21 января)*.

---

[1] Интересно, что, не соглашаясь с такой оценкой его игры, Бурдин в письме к Островскому ссылается на то, что он читал «разбор Добролюбова», то есть статью «Темное царство». Но, судя по всему, и автор не был доволен игрой Бурдина (см.: *Бурдин*, стр. 9—10.)

Несколько разошлись мнения об игре Васильева-Подхалюзина, но в целом, за етил рецензент «Санктпетербургских ведомостей», общий характер роли артист «понял совершенно верно и многие подробности оттенил весьма удачно,— например, объяснение с Большовым (во втором действии), с Липочкой (в третьем). В этих двух сценах в игре его было много правды» *(«Спб. вед.», 1861, 22 января)*. Рецензенты обращали внимание и на то, что на Александринской сцене «артистки не всегда одеваются сообразно с ролями, которые ими исполняются. Так было при представлении «Свои люди». Бенефициантка играла Устинью Наумовну, бедную чиновницу, промышляющую по Москве сватовством и получающую за то, по ее словам, где платье, где платок, а где и чепчик, но одета была она в великолепном шелковом платье с огромнейшим кринолином, а на голове у нее была свежая куафюра 〈...〉 Г-жа Левкеева щеголяла в кринолине таких необъятных размеров, какие настоящей Олимпиаде Самсоновне, конечно, и во сне не грезились» *(«Северная пчела», 1861, 21 января)*.

Сравнивая спектакли в Москве и Петербурге, Е. Н. Эдельсон писал: «Но как ни старательно и до известной степени успешно разыграна была она тамошними артистами, все-таки истинного сценического торжества ее ждали только в Москве. Причин тому много. Прежде всего, сама пьеса родилась здесь, есть произведение по преимуществу московской почвы 〈...〉 Кроме того, деятельность Островского вообще пользуется особенным сочувствием московской драматической труппы 〈...〉 Наконец 〈...〉 сочиняя свою комедию, обдумывая и воображая свои лица на сцене, автор поневоле должен был находиться под впечатлением тех самых актеров, которые теперь действительно принимали участие в его пьесе» *(БДЧ, 1861, № 2)*.

Премьера на сцене Малого театра в Москве состоялась 31 января 1861 г. в бенефис П. М. Садовского. Роли исполняли: Большов — М. С. Щепкин, Аграфена Кондратьевна — С. П. Акимова (после третьего спектакля — Н. В. Рыкалова), Липочка — В. В. Бороздина (Бороздина 1-я), Подхалюзин — П. М. Садовский, Устинья Наумовна — Е. В. Бороздина (Бороздина 2-я) (после третьего спектакля — С. П. Акимова), Рисположенский — В. И. Живокини, Фоминишна — Е. М. Кавалерова, Тишка — М. П. Садовский, квартальный — Н. П. Витнебен.

И спектакль оправдал ожидания. «Едва опустился занавес,— писал известный историк литературы М. Н. Лонгинов,— как единодушный крик зрителей, сопровождаемый дружными залпами рукоплесканий, стал требовать автора, который был вызван три раза» *(«Русский вестник», 1861, № 2)*.

Оценивая игру актеров, виднейший театральный обозреватель 60-х годов, А. Н. Баженов писал: «Г-н Щепкин понял, что Большов человек дрянной, бесхарактерный и безнравственный, с довольно грязненькой душонкой, плохой семьянин и гражданин, отребие общества, человек, способный при случае на все мерзкое, подлое; но при всем этом все-таки же человек. На этом основании зверя Большова г. Щепкин очеловечил» *(«Моск. вед.», 1861, 5 февраля)*. В целом с такой оценкой игры Щепкина соглашался и Эдельсон: «Мы вообще с удовольствием видели появление в этой роли почтеннейшего ветерана нашей сцены, хотя и не можем, конечно, причислить ее к числу самых блестящих в его репертуаре» *(БДЧ, 1861, № 2)*

Но были и отрицательные отзывы об игре Щепкина; по мнению некоторых рецензентов, Щепкину в роли Большова не хватало чисто купеческих черт (об этом, в частности, писал и Баженов), не было органического слияния актера с образом: «Ни в шелковых чулках, ни в мундире городничего г. Щепкин не в костюме; в бороде и русском долгополом сюртуке г. Щепкин — ряженый» (*«Северная пчела», 1861, 27 февраля*).

Зато, пожалуй, с единодушным одобрением было воспринято исполнение Садовским роли Подхалюзина. «С необыкновенною правдою и художественностью,— писал Баженов,— истолковал он нам личность Лазаря Елизарыча, не упустил ни одной черты, нужной для обрисовки его характера; показал этого хамелеона в разных обстоятельствах его жизни, в столкновении с разными лицами, словом, со всех сторон, и ни одной стороны мы не нашли слабой〈...〉 По-моему, исполнением этой роли г. Садовский вполне заслужил тот лавровый венок, который был ему кем-то поднесен». Поддержал это мнение и Эдельсон, отметивший, что в этой роли Садовский очень искусно изобразил «тонкого проходимца, умеющего принимать какой угодно тон и надевать всякую маску, знающего слабую струну в сердце каждого человека и ловко играющего на ней, когда нужно». А чтобы у зрителя не оставалось сомнений, что Подхалюзин выпутается из всех неприятностей, Садовский выходил с квартальным не в дверь на улицу, направляясь «к начальству», а увлекал его к себе в кабинет. Вспоминая об этом и по необходимости выражаясь туманно, Ап. Григорьев, высоко оценивший игру Садовского, писал в 1863 г.: «Даже форсированный поневоле автором конец пьесы Садовский умел истолковать последними своими жестами так, что намеренная форсировка почти пропала» (*«Якорь», 1863, № 6*).

О других исполнителях рецензенты писали мало; отмечалось только, что Бороздина была лучшей исполнительницей роли Липочки. Вместе с тем указывалось, что на московской сцене, в отличие от петербургской, актеры ударились в некоторых деталях в крайности натурализма. Так, недовольный игрой Живокини в роли Рисположенского, Баженов писал, например, что сапоги его «можно было подумать, настаивались несколько дней в грязи, чтобы явиться в таком виде на ногах его».

Настроенная против драматургии Островского, Дирекция императорских театров довольно быстро сняла пьесу со сцены, и после этого целый год ее не было в репертуаре. «Целый год! — с возмущением писал Ап. Григорьев.— Подумайте об этом. Целый год не давалось одно из капитальнейших созданий первого и единственного русского драматурга» (*«Якорь», 1863, № 6*).

При возобновлении пьесы 17 октября 1869 г. П. М. Садовский перешел на роль Большова, а его сын — М. П. Садовский, игравший в 1861 г. Тишку, дебютировал в роли Подхалюзина. Игрой последнего Островский также был очень доволен: «Хорошо... Бесподобно играешь, Миша» (*«Театр и искусство», 1911, № 22*).

Вторым важнейшим этапом в сценической истории комедии «Свои люди — сочтемся!» была постановка 1881 г., когда автору с помощью брата, М. Н. Островского, бывшего в это время министром государственных имуществ, удалось добиться разрешения поставить комедию в первой редакции, то есть без цензурных искажений.

Но значительно раньше, в январе 1869 г., Берг, служивший в это время в Варшаве, писал Островскому: «Здешняя труппа любителей-артиллеристов 〈...〉 намерена в настоящее время дать

твою ⟨...⟩ пьесу «Свои люди — сочтемся!», только в первоначальном виде, с тем *окончанием*, какое было в первом издании ⟨...⟩ и обращаются к тебе при моем посредстве с покорной просьбой: прислать, как можно скорее, этот кончик, *без квартального*» *(«Неизд. письма», стр. 32)*. Из письма того же Берга от 9 мая 1869 г. известно, что автор прислал любителям пьесу в первой редакции, но состоялся ли этот спектакль, сведений нет.

В Москве разрешение на постановку комедии в первой редакции было дано частному театру «Близ памятника Пушкину», основанному А. А. Бренко в Москве, на углу Тверской и Гнездниковского переулка. Пьесу ставил, по существу, сам автор, предварительно прошедший с актерами все роли и посещавший репетиции.

Премьера состоялась 30 апреля 1881 г. Роли исполняли: Большов — М. И. Писарев, Аграфена Кондратьевна —Е. П. Александрова, Липочка — Добрынина, Подхалюзин — В. Н. Андреев-Бурлак, Устинья Наумовна — Е. А. Красовская, Рисположенский — Н. Ф. Красовский, Фоминишна — Дубровская, Тишка — Валентинов.

Актер М. Писарев вспоминал: «...спектакль 30 апреля являл собою нечто выходящее из ряда вон, нечто грандиозное. Смотреть его съехался весь, так сказать, fine fleur образованного московского общества, собралась вся интеллигентная Москва в лице своих лучших представителей: литераторов, ученых, художников и пр. Места брались чуть не с бою, несмотря на то, что цены были значительно повышены ⟨...⟩ Вызовы автора начались с первого действия, однако он упорно отказывался выходить на них до конца пьесы. Когда же, после четвертого акта, по окончании комедии, вызовы возобновились с еще большею настойчивостью, чем раньше, и Островский показался на сцене, окруженный всеми участвующими, мгновенно вся публика, как один человек, поднялась с своих мест. Гром оглушительных аплодисментов и неистовых «браво» огласил зал. В один момент вся сцена была засыпана цветами. Большой золотой венок появился над рампой. Стоном застонал театр⟨...⟩ Вызовам и овациям, думалось, не будет конца. Публика ликовала. Она справляла поистине большой и знаменательный литературный праздник» *(«Просв.», т. X, стр. XXXVIII—XXXIX)*.

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 52 раза, в Петербурге, в Александринском театре,— 40 раз (последний спектакль в Москве состоялся 24 апреля 1883 г., в Петербурге — 25 января 1880 г.).

Среди выдающихся актеров, принимавших участие в спектаклях в последующие годы, могут быть отмечены: в Александринском театре — М. И. Писарев, К. А. Варламов (Большов), В. В. Стрельская (Устинья Наумовна), В. Н. Давыдов (Рисположенский); в Малом театре — К. Н. Рыбаков (Большов), О. О. Садовская (Устинья Наумовна).

Стр. 86

Собранье — купеческое собрание, клуб московского купечества.

Стр. 93

...подать бальсанцу... — испорченное от «бальзаму», ароматной водочной настойки.

Стр. 95

арабчик — червонец.

Стр. 98
экзекутор — чиновник, исполняющий полицейские или хозяйственные обязанности.
...к Троице ходил... — см. прим. к стр. 40.

Стр. 102
Ты из городу, что ль... — здесь: из Китай-города, торговой части Москвы.
По панской части — по части торговли фабричными тканями.

Стр. 103
«Ведомости» — «Московские полицейские ведомости», газета, где печатались казенные объявления.
Городская шестигласная дума — орган городского самоуправления, в нее выбирались шесть человек, называвшихся гласными.

Стр. 105
Дисконт — учет векселей; дисконтировать — досрочно оплатить вексель через третье лицо.
С городовыми лучше не связывайся... — здесь: с купцами из других городов.
Вязка — отступное, выплачиваемое конкуренту, чтобы не сбивал цену на торгах.

Стр. 107
Три листика — карточная игра.
Пристенок — уличная игра, в которой играющие бросают монеты в стену.

Стр. 110
...к Воскресенским воротам с Бутырок-то. — Воскресенские ворота находились до 1934 г. в нынешнем Историческом проезде. Рядом с Воскресенскими воротами были расположены Присутственные места — различные служебные и административные учреждения.

Стр. 113
Отымалка — тряпица для вынимания из печи горячих горшков.

Стр. 117
Голицы — кожаные рукавицы.
Панёвница — носящая панёву, домотканую юбку, простая крестьянка.
Преображенское — см. прим. к стр. 82.

Стр. 121
...имение-то все отнимут... — здесь: имущество, имений у купцов не было.

Стр. 123
Пахтать — сбивать.

Стр. 125
Ездить шестерней... Проедет и парочкой... — Шестерней могли ездить только дворяне, купцы не имели права иметь в упряжке больше одной пары лошадей.

Стр. 138
Уж и где же это видано — русская народная шуточная песня (см.: *А. И. Соболевский, Великорусские народные песни, т. VII, Спб., 1902, № 326—327.)*

Стр. 139
Арбатский — известный владелец магазина модных экипажей.
Сокольники — см. прим. к стр. 55.
...в Парк поедем... — см. прим. к стр. 55.

Стр. 142
...на четырнадцатом классе сижу... — низший класс чиновников по табели о рангах, коллежский регистратор.

Стр. 144
Яма — долговая тюрьма; помещалась во дворе дома губернского правления (ныне Исторический проезд, д. 1).
Конкурс — собрание заимодавцев для рассмотрения дел несостоятельных должников.

Стр. 147
Ильинка — главная торговая улица Москвы (ныне ул. Куйбышева).
Иверская — икона Иверской божьей матери, очень почитаемая в Москве, находилась в часовне возле Воскресенских ворот.

Стр. 148
Понедельничать — поститься не только в установленные церковью «постные дни» — среду и пятницу, но из особой набожности и понедельник.

Стр. 150
Хапанцы — взятка.

Е. И. Прохоров

УТРО МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

Впервые опубликовано в журнале «Москвитянин», 1850, № 22, ноябрь, стр. 149—168.

Рукописные источники:

цензурованный экземпляр с авторской правкой *(АПК)* и надписью цензора: «Одобряется к представлению. С-Петербург, 11-го ноября 1852 г.». Дейст. Стат. Советник Гедерштерн» *(ЛГТБ)*;

театральная писарская копия *(ТПК$_1$)* — режиссерский экземпляр Малого театра. Содержит полный текст пьесы, без подписи. На первом листе дата: «1853 года. Апреля 14 дня. К бенефису Г-на Ольгина». На листе с режиссерской монтировкой указан состав исполнителей первого спектакля в Малом театре (11 мая 1853 г.). Внизу листа подпись: «Помощник режиссера А. Понамарев» и дата: «$18\frac{4}{V}53$». В тексте рукописи много режиссерских помет *(ММТ)*;

театральная писарская копия *(ТПК$_2$)* — суфлерский экземпляр. Полный текст рукописи, без подписи. На первом листе надпись и дата: «С цензурованным экземпляром верно. Режиссер Яблочкин. С. П-Бург. 1853 Апреля 9 дня». В тексте рукописи — карандашные поправки ошибок кописта, но, видимо, не авторские *(ММТ)*;

театральная писарская копия *(ТПК$_3$)* с режиссерскими пометами *(ЛГТБ)*.

Печатается по тексту изд. Г. А. Кушелева-Безбородко, т. 1, со следующими исправлениями:

Стр. 154 строка 34
«тепп» *вместо* «темп» *(по «Москв.»).*

Стр. 155, строка 1
«а проспит» *вместо* «да проспит» *(по АПК, ТПК$_{1-3}$).*

Стр. 155, строка 19
«неравно» *вместо* «неровно» *(по АПК).*

Стр. 166, строка 14
«смешишь» *вместо* «смешить» *(по АПК, ТПК$_{1-3}$, «Москв.»).*

«Утро молодого человека» относится, по-видимому, к ранним замыслам Островского. Окончательную переработку пьесы писатель осуществил, как можно предполагать, в августе 1850 г., во всяком случае, в это время он сообщал М. П. Погодину, имея в виду «Утро молодого человека»: «Отдам Вам также пьеску, которую пишу для бенефиса П. М. Садовского» *(ПСС, XIV, 18).*

Эта пьеса прошла драматическую цензуру без осложнений, так как цензор А. К. Гедерштерн, судя по его заключению, увидел в ней нравоучительную цель и дал пьесе положительную оценку (см.: *ЦГИАЛ. Фонд драматической цензуры. Рапорты о пьесах, рассмотренных в 1852 г.).*

Сцены вызвали противоречивые отзывы критики, единодушно отметившей, однако, их литературную зависимость от Гоголя. А. В. Дружинин, назвав сцены «замечательной вещью», писал: «...каждый журнал с радостью поместил бы «Утро молодого человека» на своих страницах: так много в этих коротеньких сценах простодушной бойкости и наблюдательности 〈...〉 Сценки эти читаются так быстро и легко, что рука невольно тянется к прочитанным уже страницам и хочет перелистывать их сызнова...» *(«Совр.», 1851, № 1).* «Современник» поместил на своих страницах и другой отзыв об этой пьесе. «Утро молодого человека»,— писал рецензент,— бог знает по каким причинам напомнило нам «Утро делового человека» Гоголя и «Лакейскую» его же, несмотря на разницу лиц, действующих в этих сценах...» Автор рецензии, однако, отметил, что, «копируя сцены Гоголя, г. Островский не мог упустить одного чрезвычайно важного в художественном отношении обстоятельства: *места действия,*— и оно-то спасло эти сцены 〈...〉 прилив и отлив разных лиц в приемной Недопекина, разговор Лисавского с лакеем, потом разговор самого Недопекина с Лисавским — рисуют вам несколько сцен, которые, будучи взяты вместе, составляют нечто целое, но совсем бесцветное» *(«Совр.», 1851, № 5).*

Критик «Атенея» Н. П. Некрасов в своей обширной рецензии на первое Собрание сочинений Островского упомянул «Утро молодого человека», причислив сцены к разряду драматических картин, в которых подвергаются осмеянию разные стороны купеческого быта, в частности «несчастная страсть следовать во всем моде〈...〉не во гнев г. Островскому, мы скажем,— писал Н. П. Некрасов,— что он хорошо пишет картины, а дурно комедии и драмы» *(«Атеней», 1859, № 8).*

Автор статьи в «Отечественных записках», не подвергая пьесу специальному разбору, уделил, однако, достаточно внимания поднятой в ней теме. Говоря о типе молодых бездельников, проматывающих отцовские капиталы («Семейная картина») и рисуя затем характерную картину их образа жизни («Утро молодого человека»), критик связывал эти пьесы общим замыслом, давая и читателю

основания для такого объединения (см.: *«Отеч. зап.», 1859, № 7)*. Д. В. Аверкиев в «Письме к редактору журнала «Эпоха» за подписью «Один из почитателей Островского» отказал пьесе в сценичности. «...из произведений Островского,— отмечал Аверкиев,— на сцене успеха иметь не могут (разве только исключая Московской) единственно те сцены из замоскворецкой жизни (напр., «Утро молодого человека» 〈...〉), которые не возведены им на степень типической комедии, хотя, может быть, в них и заключены черты, весьма знакомые и потому любезные сердцам некоторых москвичей» *(«Эпоха», 1864, № 7)*.

Впервые пьеса была сыграна в бенефис Ф. А. Бурдина 12 февраля 1853 г. в Петербургском театре-цирке. Роли исполняли: Недопекина — В. В. Прусаков, Лисавского — П. И. Зубров, Смурого — П. Г. Григорьев (Григорьев 2-й), Васи — С. Я. Бойков, 1-го молодого человека — М. Т. Соколов, 2-го молодого человека — С. И. Горшенков (Горшенков 2-й), Сидорыча — А. Е. Мартынов (Мартынов 2-й), Ивана — Л. П. Фалеев, Гришки — В. Федоров.

Московской драматической труппой пьеса была поставлена 11 мая 1853 г. в бенефис Г. С. Ольгина. Роли исполняли: Недопекина — К. П. Колосов, Лисавского — С. В. Васильев, 1-го молодого человека — П. Я. Рябов, 2-го молодого человека — И. Е. Турчанинов, Смурого — П. М. Садовский, Васи — Ермолов (Ермолов 1-й), Сидорыча — В. Соколов, Ивана — В. А. Дмитриевский, Гришки — воспитанник театральной школы М. П. Садовский.

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 29 раз, в Петербурге, в Александринском театре,— 6 раз (последний спектакль в Москве состоялся 19 сентября 1875 г., в Петербурге — 9 февраля 1874 г.).

Стр. 156

«Пчела» — газета «Северная пчела», выходившая в Петербурге с 1825 по 1864 г.

«Библиотека для чтения» — журнал. Издавался в Петербурге в 1834—1865 гг.

Стр. 159

Шевалье — И. И. Шевалье — содержатель гостиницы и ресторана в Москве, в Старогазетном переулке (ныне улица Огарева).

Э. Л. Ефременко

НЕОЖИДАННЫЙ СЛУЧАЙ

Впервые опубликовано в альманахе «Комета», М., 1851, стр. 427—468.

Рукописные источники:

два ранних черновых наброска начала *(ПД)*;

писарская копия *(АПК)* с существенной и обширной авторской правкой. Текст рукописи близок к печатному *(ПД)*.

В прижизненные Собрания сочинений не включалась.

Печатается по тексту «Кометы» со следующими основными исправлениями по *АПК*.

Стр. 169, строка 14

«откроешься ей в любви» *вместо* «откроешься в любви».

Стр. 170, строка 37
«уж это значит, что рожа» *вместо* «уж это рожа».

Стр. 172, строка 9
«Экий дурак-то, господи!» *вместо* «Экий дурак-то!»

Стр. 175, строка 28
«пока ты еще» *вместо* «пока еще».

Стр. 176, строка 6
«размечтаешься-то» *вместо* «размечтаешься».

Стр. 179, строка 13
восстановлена ремарка «(показывает на часы)», *отсутствующая в печатном тексте.*

Стр. 186, строки 35—36
«(Показывает глазами на Дружнина») *вместо* «(показывает на Дружнина)».

Стр. 191, строка 35
«а должно быть» *вместо* «а должен быть».

Пьеса «Неожиданный случай» написана осенью 1850 г.

В письме к М. П. Погодину (конец апреля 1851 г.) Островский так объяснил цель, которую он ставил себе при создании «Неожиданного случая»: «О своей пьеске я Вам вот что скажу: я хотел показать только все отношения, вытекающие из характеров двух лиц, изображенных мною; а так как в моем намерении не было писать комедию, то я и представил их голо, почти без обстановки (отчего и назвал этюдом). Если принять в соображение существующую критику, то я поступил неосторожно: как вещь очень тонкую, им не понять ее, и они возьмут ее со стороны формы, принимая в основание те шаткие и условные положения, которые выработались при нынешнем литературном разврате во французской и петербургской литературе» *(ПСС, XIV, 23)*.

Резко критические, как и предполагал Островский, высказывания о «Неожиданном случае», появившиеся в прессе вскоре по выходе альманаха «Комета», глубоко огорчили драматурга, писавшего Погодину осенью 1851 г.: «Вы знаете, в какое положение я был поставлен в начале нынешнего лета критиками, и потому мне хочется выступить с чем-нибудь важным, совершенно доделанным» *(там же, стр. 25—26)*.

Резкость критических отзывов в какой-то степени определялась острой полемикой между «Москвитянином», в котором сотрудничал Островский, и петербургскими журналами западнического направления.

Рецензент «Современника», иронизируя над теорией «искренности таланта», выдвинутой на страницах журнала «Москвитянин», обвинял Островского в том, что он «подводит и свои произведения под эту теорию и находит в них эту искренность». В свою очередь и «Москвитянин», выдавая эту теорию за новую, «может найти в «Неожиданном случае»,— писал критик,— *искренность таланта, чистоту в непосредственной простоте и простоту в непосредственной чистоте...*».

Раскрывая содержание пьесы, автор рецензии прежде всего отметил медлительность действия и бесконечные повторения. «...Одна и та же фраза,— писал рецензент,— переворачивается

несколько раз, на несколько маперов ⟨...⟩ которое-нибудь из лиц или Розовый, или Дружнин говорит другому: «Ты уж верно сделал какую-нибудь глупость?» Другой обыкновенно отвечает вопросом: «Да какую же я сделал глупость?» — и потом вторично уже говорит утвердительно: «Я никакой глупости не сделал...». Рецензент утверждал, что лица, выведенные Островским в «Неожиданном случае», не бросаются, да и не могут бросаться в глаза, потому что лица эти сами по себе ничтожны, а характеры — избиты. «...Автор бесполезно трудится над самомалейшим их психологическим миром, — продолжал рецензент, — начинают они вздорным разговором и кончают вздором. Какую же занимательность может найти в этом читатель? Он будет в этом видеть одну пародию на искусство Гоголя, который так мастерски рисовал лица, всегда нам встречающиеся». Отмечены были в рецензии и «беспрестанные повторения, троекратные извращения фраз, которые напоминают «Бедных людей», — повторения, переслащенные, от которых отказался большею частию сам автор «Бедных людей», — при отдельном издании своего романа». Рецензент предостерегал автора: «...если г. Островский будет продолжать свои наблюдения только над психологическим состоянием лиц, подобных Розовому и Дружнину, а не над *обществом*, в котором мы живем, его сцены всегда будут одинаково бесцветны, потому что сам материал его наблюдений бесцветен» (*«Совр.», 1851, № 5*).

В следующем номере «Современника» (*1851, № 6*) была напечатана пьеса И. И. Панаева «Расстегаи (Драматический и психологический этюд)», зло пародировавшая «Неожиданный случай».

Рецензент «Отечественных записок» (*1851, № 5*) также отозвался о пьесе иронически: «Есть ли в «Неожиданном случае» положение, то есть характеры? — Есть: два мужские (Розовый и Дружнин) и два женские (Софья Антоновна и ее горничная). Если один из мужских характеров, Дружнин, чрезвычайно пошл, то он может утешиться тем, что другой характер, Розовый, еще одною ступенью пошлее. Эта низшая ступень есть вместе и предел пошлости, геркулесовские столпы ее. Когда бы дело касалось *только выбора пошлости*, как сюжета комедии, тогда, пожалуй, можно бы оградиться примером Гоголя, художественно изображающего пошлое жизни; но дело касается не одного выбора: нужно, по словам «Москвитянина», содержание, нужно, чтоб пошлое выражало идею. Где ж она?»

Рецензент «Библиотеки для чтения» (вероятно, О. И. Сенковский) отозвался о пьесе столь же неодобрительно (см.: *БДЧ, 1851, № 6*).

Е. Н. Эдельсон, сотрудник редакции «Москвитянина», защищал Островского от нападок критики. «Никто, конечно, не станет утверждать, — замечал он, — чтобы два главные лица в этюде г. Островского были задуманы полно и цельно; если хотите, Софья Антоновна обозначается рельефнее, в ней видишь тип известных женщин; никто не станет утверждать также, чтобы в пьесе было сильное драматическое движение, но зато Розовый и Дружнин и то, что между ними происходит, дали возможность автору выставить в них много черт и движений, часто встречающихся в жизни, и выставить, надобно сознаться, верно». Существенным недостатком пьесы Эдельсон считал то, что «драматический этюд может быть вполне понятен только для немногих». Другой недостаток критик видел в том, что характеры Розового и Дружнина «не дорисованы, показаны только немногими сторонами». Закончил Эдельсон свою рецензию признательностью драматургу:

«...мы получили несколько хорошего, за что и благодарим г. Островского» («*Москв.*», *1851*, *№ 11*, *июнь*).

«Неудачным этюдом» назвал «Неожиданный случай» И. С. Тургенев в своей рецензии на «Бедную невесту» (см.: «*Совр.*», *1852*, *№ 3*).

Ап. Григорьев в обзорной статье о творчестве Островского («*Москв.*», *1855*, *№ 3*, *февраль*) дал пьесе положительную оценку (*Григорьев*, *I*, *115*, *116*). Свое мнение Григорьев подтвердил и в следующей статье об Островском («*Русский мир*», *1860*, *№ 5*, *6*, *9*, *11*). «...Островский рассердил критику отсутствием всякой желчи, всякой резкости линий, всякой выпуклости в маленьких, простеньких и, надобно сказать правду, весьма милых сценах, известных под именем «Неожиданного случая»,— от которых совершенно напрасно отрекся автор, издавая полное собрание своих сочинений... Эту беспритязательно простую и между тем психологически тонкую шутку даровитого человека критика встретила воплями за бесцветность выведенных в ней характеров, упрекала за слабость пружин, двигающих в ней отношения, или в переводе на прямой язык, осердилась на то, что отношения сами по себе легкие художник очеркнул легко, характеры безосновные и бессодержательные изобразил в безосновности и бессодержательности, не выдумал гиперболического узла, не отнесся с ядовитою насмешкою к таким беззлобным и бескровным существам, как выведенные им Розовый и Дружнин» (*Григорьев*, *I*, *472—473*).

При жизни драматурга пьеса не игралась на сцене и впервые была поставлена в Александринском театре 1 мая 1902 г. в бенефис суфлеров и вторых режиссеров. Роли исполняли: Розового — Р. В. Аполлонский, Дружнина — А. А. Кидаль, Софьи Антоновны — В. А. Мичурина-Самойлова, Маши — А. Н. Селезнева.

Э. Л. Ефременко

БЕДНАЯ НЕВЕСТА

Впервые опубликовано отдельным изданием: «Бедная невеста», комедия в пяти действиях А. Островского, М., 1852 (цензурное разрешение — 1 января 1852 г.) и почти одновременно в «Москвитянине», 1852, № 4, февраль, стр. 259—384.

Для первого Собрания сочинений (Спб., изд. Г. А. Кушелева-Безбородко, 1859) Островский значительно переработал пьесу.

Рукописные источники первой редакции:

черновой автограф первоначального текста (*ГБЛ*);

рукописная копия с поправками и вставками на отдельных листах (текст близкий к первопечатному) (*ПД*).

Печатается по изд. Г. А. Кушелева-Безбородко, т. I, со следующими основными исправлениями по «Москвитянину»:

Стр. 205, *строка 18*
«у вас есть лучше» *вместо* «у вас лучше».

Стр. 220, *строка 6*
«так хлопочет» *вместо* «там хлопочет»; «одеться» *вместо* «одеваться».

Стр. 248, *строка 12*
«Разговаривают» *вместо* «Разговаривает».

Стр. 266, строки 27—28
«Барышни прислали» *вместо* «Барышня прислала».

Стр. 266, строка 29
«говорят» *вместо* «говорит».

Стр. 267, строка 36
«и не жаль» *вместо* «не жаль».

Работу над комедией «Бедная невеста» Островский начал, видимо, летом 1850 г., во всяком случае, 31 октября того же года автор читал М. П. Погодину отрывки из нее.

Один из отрывков (д. I, явл. 1—3 в ранней редакции) был опубликован в феврале 1851 г. в сборнике «Раут» *(изд. Н. В. Сушкова, М., 1851, стр. 206—211)*, и на эту публикацию откликнулся И. И. Дмитриев, отметивший, что, хотя по четырем страничкам трудно судить о достоинствах комедии, все же «отрывок отличается живостью и комизмом языка: качества и всегда придающие большое достоинство всякой комедии» *(«Москв.», 1851, № 9—10, май)*.

Но дальнейшая работа над пьесой, видимо, пошла труднее, и, вспоминая об этом, Островский писал Н. Я. Соловьеву 26 октября 1878 г.: «У меня была железная энергия, когда я учился писать, и то, проработав полтора года над «Бедной невестой» (2-я пьеса)[1], я получил к ней такое отвращение, что не хотел видеть ее на сцене 〈...〉 После «Бедной невесты» я надолго отказался от больших пьес и писал 3-х и 2-актные» *(ПСС, XV, 127)*.

От первого периода авторской работы над текстом до нас дошли два плана и неполная черновая рукопись *(ГБЛ)*. Из этих материалов видно, что первоначально в пьесе среди действующих лиц не было матери и сына Хорьковых, не было свах, но упоминались два жениха — купец Белугин, найденный матерью Марьи Андреевны, и чиновник, не имевший еще имени, рекомендованный Добротворовым (так эта фамилия дана в рукописи). Сама Марья Андреевна выглядела ветреной девушкой, мечтающей влюбиться в кого-нибудь и кокетничающей и с Милашиным и с Зоричем (первоначальная фамилия Мерича).

Но уже в процессе работы над вторым действием Островский отказался от этого плана. Он прервал работу над текстом, составил новый план и, переработав уже написанное, довел пьесу до конца. На этом этапе среди действующих лиц появились Хорьковы, остался лишь один жених, которому была дана фамилия Беневоленский, причем появление его в доме Марьи Андреевны пока совершенно не связывалось с его ходатайством по тяжбе Анны Петровны: он выступал именно как жених; среди действующих лиц еще не было свах. Вместе с тем в этой ранней редакции есть некоторые сцены, которые позже не вошли в печатный текст.

Но и на этом работа не закончилась: Островский пишет новый, третий план — «Расположение комедии», охватывающий все первое действие и восемь явлений второго, и в соответствии с ним дорабатывает текст. Здесь добавляются сцены со свахами, Беневоленский приезжает в дом Анны Петровны уже не только как жених ее дочери,

[1] Островский называет «Бедную невесту» второй, имея в виду, что это вторая большая пьеса после «Своих людей»; фактически это пятая пьеса.

но и как ходатай по тяжбе, появляется монолог Марьи Андреевны в пятом действии и т. п.

Вся эта работа продолжалась несколько месяцев: в мае 1851 г. были готовы два первых действия *(ПСС, XIV, 24)*, а летом в Щелыкове первая редакция пьесы была закончена, и в сентябре автор обещал ее «Москвитянину» *(ПСС, XIV, 25—26)*. Тогда же в журнале был дан анонс о пьесе (см.: *«Москв.», 1851, № 17, сентябрь*). Однако работа над пьесой продолжалась, и 2 ноября 1851 г. Островский писал Погодину: «Комедия моя позамешкалась несколькими днями, потому что я слышал комедию Писемского ⟨«Ипохондрик»⟩ и нашел нужным свою подкрасить несколько, чтобы после не краснеть за нее. Меня мучает ужасно переписка ее ⟨...⟩ Я на днях привезу ее к Вам почитать и потолкуем об ней» *(ПСС, XIV, 28)*.

Прослушав пьесу, Погодин остался ею неудовлетворен и высказал свои замечания в письме к автору: «Хорькова сделать лучше кандидатом из семинарии, а не универ⟨ситета⟩. Университетский не может так говорить с матерью об образовании.

Надо бы мотивировать, хоть одним словом, пояснее, почему Мар. Андр. приняла Мерича в день свадьбы.

И почему тот пришел к ней. Слишком длинен разговор и останавливает действие.

Странно или непонятно ей хотеть расстаться с друзьями. Ей довольно объяснения с Добротворским. Беневоленск⟨ому⟩ надо бы распорядиться сначала с Добротв⟨орским⟩, а не перед концом.

Разговор свах надо бы отделать получше в конце. Он должен изобразить всю трудность положения по идее их.

Надо бы финал как-нибудь. Музыка заиграла» *(«Неизд. письма», стр. 422)*.

Островский, видимо, прислушался к замечаниям Погодина: в тексте пьесы нет никакого упоминания об университете [1], сделаны некоторые добавления и сокращения.

Это опять задержало пьесу, и только в самом конце декабря 1851 г. комедия была закончена.

Отправляя копию пьесы в набор, Островский написал на ней: «Имена действующих лиц набрать египетским шрифтом и без сокращений. Курсив чтобы был один.— В корректуре оставлять поля. Первую корректуру я сам буду читать» *(ПД)*.

Критика встретила опубликование комедии весьма разноречиво (см. об этом далее). Но Островский, видимо, внимательно читал замечания рецензентов. В результате, готовя текст для издания Кушелева-Безбородко, он прежде всего несколько сократил отдельные явления, о которых критики писали как об излишне затянутых; по-видимому, под влиянием замечания И. С. Тургенева о том, что свахи в последнем действии хороши, но очень уж напоминают свах из «Женитьбы» Гоголя, Островский убрал их, а в ответ на замечание критика С. С. Дудышкина о неясности общественного положения Мерича и Милашина в реплике Милашина сделал соответствующую вставку.

Таким образом была создана новая редакция комедии, которая в дальнейшем перепечатывалась без каких-либо изменений во всех изданиях произведений Островского.

---

[1] В писарской копии *(ПД)* есть зачеркнутая автором реплика Хорьковой о сыне: «В университете учился...» (д. I, явл. 1).

Еще до опубликования «Бедной невесты» автор читал ее в московских домах. Первое чтение состоялось в декабре 1851 г., когда Островский прочел ее у себя дома для друзей *(ПСС, XIV, 28)*, а через несколько дней — в кружке Е. П. Ростопчиной. Последняя писала Погодину: «Бедная невеста» — картинка и этюд самого нежно-отчетистого фламандского рода ⟨...⟩ Характеры просты, обыкновенны даже, но представлены и выдержаны мастерски; девушка мила и трогательна до крайности, но, может быть, не вдруг и не все поймут это произведение, которое, впрочем, займет свое место.— У Островского комизм граничит всегда с драматическим элементом, а смех переходит в слезы: хоть тяжело — но не оставляет озлобления» *(Барсуков, XI, 392—393)*. Присутствовавший на этом чтении С. П. Шевырев также писал Погодину: «Я к тебе сам хотел писать о том приятном впечатлении, которое произвела на меня новая комедия Островского. Я рад за него и его дарование; это произведение рассеет все нелепые слухи, которые были на его счет[1]. Мне кажется, многие характеры здесь схвачены глубже из жизни — и приятно видеть то, что автор идет вперед и в понимании жизни и искусства...» *(там же, стр. 392)*.

Распространившиеся слухи о новой комедии дошли и до Петербурга, и Г. П. Данилевский писал Погодину, что здесь «ждут с нетерпением «Бедную невесту»,— даже стихи сатирические пишут на Москву в тревожном ожидании этой комедии» *(Барсуков, XII, 210)*.

Опубликование комедии усилило разговоры о ней, тем более что в том же номере «Москвитянина», где была опубликована «Бедная невеста», шла заключительная часть статьи Ап. Григорьева «Русская литература в 1851 году», в которой говорилось: «От кого именно ждем мы ⟨...⟩ нового слова, мы имеем право сказать уже прямо в настоящую минуту: «Бедная невеста» предстоит суду публики, и смешно было бы нам, из какого-то особенного рода журнального рыцарства, отрицаться от того, что в этом новом произведении автора комедии «Свои люди — сочтемся», мы видим новые надежды для искусства» *(Григорьев, I, 44)*.

А. Ф. Писемский, еще не прочитав «Бедной невесты», а только узнав мнение о ней Погодина, писал 21 декабря 1851 г. автору: «Погодин восторгался этой комедией: Ура! выдирай наши» *(«Неизд. письма», стр. 708)*. А после прочтения, 20 марта 1852 г., сообщил автору и свое мнение: «Комедию вашу я прочитал с неистовым удовольствием и нахожу, что она не только не уступает «Свои люди — сочтемся!», но даже выше, потому что комизм ее тоньше, задушевнее — выведенные лица до того живы, что мне снятся во сне ⟨...⟩ Последнее действие написано шекспировской кистью» *(там же, стр. 346)*.

Но такое отношение к комедии разделяли не все. Резко отрицательный отзыв содержался в письме актера и драматурга Д. Т. Ленского к А. Ф. Кони: «Дня три назад я прочел ее ⟨«Бедную невесту»⟩ и, признаюсь: чуть-чуть мне дурно не сделалось! Что за люди! что за язык!.. Разве только в кабаках, да неблагопристойных домах, так говорят и действуют!.. ⟨...⟩ Тьфу! Какая гадость! Другие, может быть, скажут мне: «Да разве в натуре этого не бывает?» Мало

[1] О том, что «Свои люди — сочтемся!» написаны будто бы Д. А. Горевым (см.: ПСС, XIV, 48—57).

ли что мы видим в натуре; нельзя однако же все это на театре представлять: сцена ведь не площадной рынок, или не задний двор, где и навоз валят и помои выливают... Ох уж эти юные гении, карикатурные подражатели великого мастера Гоголя!» (*«Русский архив», 1911, № 11*).

Даже те литераторы, которые высоко ценили талант Островского, к «Бедной невесте» отнеслись критически. Так, В. П. Боткин писал 27 февраля 1852 г., что, хотя «комедия Островского в настоящую минуту есть самое замечательное литературное произведение», все же он считает, что «на всей комедии лежит какой-то холодный и сухой колорит и, несмотря на дагерротипную меткость и верность языка, постоянно чувствуется бедность фантазии. Для меня — это произведение большого, почтенного труда, а не творчества 〈...〉 Если во всем этом иметь в виду только намерение автора, то надобно сказать, что пьеса очень умно задумана и *могла бы быть* трогательна. Я вижу эти намерения (вся пьеса сшита ими, как белыми нитками) и почтительно и с уважением кланяюсь автору,— но увы! для комедии — одни прекрасные намерения мало имеют цены,— ведь и l'enfer est pavé de bonnes intentions» (*«В. П. Боткин и И. С. Тургенев, Неизданная переписка. 1851—1869», М.—Л., «Academia», 1930, стр. 22—25*).

Отзыв Боткина был известен в кругу «Современника», и Тургенев одобрительно отнесся к нему. К тому времени он уже не только прочел пьесу, но даже написал о ней статью «Несколько слов о новой комедии г. Островского «Бедная невеста», опубликованную в мартовском номере «Современника» за 1852 г. Тургенев писал, что «талант у г. Островского есть, и замечательный», но для того, чтобы оправдать надежды, рожденные первой большой пьесой его — «Своими людьми», автору нужно «отказаться от ложной манеры, которую он себе как бы придал и которой не было заметно в «Своих людях» 〈...〉 Эта ложная манера,— по мнению Тургенева,— состоит в подробном до крайности и утомительном воспроизведении всех частностей и мелочей каждого отдельного характера, в каком-то ложно тонком психологическом анализе, который обыкновенно разрешается тем, что каждое лицо беспрерывно повторяет одни и те же слова, в которых, по мнению автора, и выражается его особенность». Но «такого рода мелочная разработка характера неистинна,— художественно неистинна, при всей своей внешней вероятности 〈...〉 Притом эта мелочная копотливая манера неуместна особенно в драматическом произведении, где она замедляет и охлаждает ход действия».

Не удовлетворил Тургенева и образ Марьи Андреевны: «...лицо решительно неживое; она вся сочинена 〈...〉 Она любит потому, что автору нужно заставить ее полюбить, чтобы на чувстве ее к Меричу завязать интерес пьесы, потом ввести обычную борьбу, которую разрешает, наконец, обычная жертва; но читателю не верится ни в эту любовь, ни в эту борьбу,— в самое существование Марьи Андреевны ему плохо верится; а жертва ее не возбуждает в нем ни сожаления, ни ропота». Заканчивая статью, Тургенев явно откликается на цитированное выше письмо Боткина, когда говорит, что «общий колорит» комедии «верен, хотя сух», что «пьеса действительно умно задумана, могла бы быть трогательной, возбуждает уважение к таланту, к уму автора — и только», потому что «внутренняя, драматическая, патетическая сторона «Бедной невесты» нам кажется вовсе не выдержанною».

Так писал Тургенев в 1852 г., а в 1879 г., готовя издание своих сочинений, он колебался, помещать ли статью в это издание и сделал к ней небольшое примечание: «Моя оценка «Бедной невесты», одного из лучших произведений нашего знаменитого драматурга, оказывается неверной, хотя некоторые отдельные замечания, быть может, и не лишены справедливости» *(И. С. Тургенев, Полн. собр. соч. и писем, т. V, М.—Л., Изд-во Академии наук СССР, 1963, стр. 387).*

Почти одновременно с Тургеневым о «Бедной невесте» отозвался Дудышкин. Кратко изложив содержание комедии, критик приходит к выводу, уже звучавшему в письме Боткина к Тургеневу: комедия «задумана очень хорошо», но «исполнение не отвечает тому, что задумано»; вместе с тем, хотя, по мнению критика, «Бедная невеста» «ни с какой стороны не может подходить к первой комедии» Островского, она — «серьезный плод труда и таланта вместе», и тут же Дудышкин бросает упрек Ап. Григорьеву: «Не видеть в ней таланта так же смешно, как видеть в ней *новое* и *сильное* слово» *(«Отеч. зап.», 1852, № 4).*

Ап. Григорьев остался верен себе: если статью о русской литературе 1851 г. он закончил «Бедной невестой», то оценку русской литературы 1852 г. (*«Москв.», 1853, № 1, январь)* он начал с этой комедии, поскольку, по его мнению, «из литературы 1852 года уцелеет и останется одно только: «Бедная невеста». Недостаток комедии — «отсутствие экономии в плане, в постройке... Сожми Островский свою драму в более тесные рамы 〈...〉— создание получило бы стройность и цельность» *(Григорьев, I, 59, 61).*

«Современник» отозвался на комедию также статьями И. И. Панаева и Н. Г. Чернышевского. Панаев отмечал, что Островский «бесспорно владеет замечательным талантом» и «Бедная невеста» «есть произведение таланта замечательного, но произведение неудавшееся, прекрасное в частностях, но не выдержанное художественно в целом» *(«Совр.», 1853, № 4).* Чернышевский в статье о «Бедность не порок» мельком затронул и «Бедную невесту»: «Комедия была очень хороша; ее все похвалили, но в восторг не привела она никого. Почему же так? Потому что она действительно не имела ни одного из блестящих достоинств первой комедии г. Островского. Идея в ней была, если хотите; а если хотите, то можете сказать, что и не было, потому что идея эта была вовсе не новая 〈...〉 г. Островский написал прекрасное, но вовсе не колоссальное по исполнению произведение. Мало того, что идея не имела достоинства новизны: она принадлежала слишком тесному кругу частной жизни» *(Чернышевский, II, 234).*

После выхода двух томов Сочинений Островского в 1859 г. Н. А. Добролюбов, отзываясь на это издание большой статьей «Темное царство», увидел в «Бедной невесте» те же черты и проявления самодурства, которые он отметил и в других комедиях Островского. Так Анна Петровна Незабудкина «выросла и прожила большую часть жизни тоже под каким-то гнетом, отнявшим у нее всякую способность и вкус к самостоятельной деятельности 〈...〉 Это уж такое ничтожество, что пред мужем или кем бы то ни было посильнее она, вероятно, и пикнуть не смела. Но воздух самодурства и на нее повеял, и она без пути, без разума распоряжается судьбою дочери, бранит, попрекает ее, напоминает ей долг послушания матери и не выказывает никаких признаков того, что она понимает, что такое человеческое чувство и живая личность человека. Все это — прямые

и несомненные признаки самодурной закалки 〈...〉 Для самодурства, как видно, нет ни пола, ни возраста, ни звания». Только в образе Дуни Добролюбов увидел попытку выхода из «темного царства»: «Есть еще в «Бедной невесте» одна девушка до такой степени симпатичная и высоко нравственная 〈...〉 Это Дуня 〈...〉 Здесь сила сознательной решимости проглядывает в каждом слове; все существо этой девушки не придавлено и не убито; напротив, оно возвышено, просветлено сознанием того добра, которое она приносит, отказываясь от прав своих на Беневоленского 〈...〉 Да, эта девушка сохранила в себе чистоту сердца и все благородство, доступное человеку» *(Добролюбов, V, 127, 135—136)*.

С большой статьей о сочинениях Островского *(БДЧ, 1859, №8)* выступил А. В. Дружинин, который писал: «Не смотря на то, что красоты «Бедной невесты» менее доступны массе, нежели красоты комедии «Свои люди — сочтемся», ее содержание ближе к общей жизни, ее лица типичнее. В создании действующих лиц, как типов, виден успех автора и несомненное движение вперед 〈...〉 В «Бедной невесте» почти все персонажи — всем нам сестры и братья. Частиц нашего собственного я 〈...〉 в них гораздо больше» *(Дружинин, VII, 536—538)*.

Представленная в январе 1852 г. в театральную цензуру, пьеса была запрещена, и только 15 сентября было получено разрешение, при условии, что из комедии полностью будут исключены роли Дуни и Паши как «шокирующие нравственное чувство» *(«Просв.», т. 1, стр. 500)*. Но, несмотря на разрешение, театры не спешили принять комедию в свой репертуар.

Впервые «Бедная невеста» была поставлена в Малом театре в Москве 20 августа 1853 г. Роли исполняли: Анна Петровна — А. Т. Сабурова, Марья Андреевна — Е. Н. Васильева, Васильева— 1-я), Мерич — Н. И. Черкасов, Милашин — С. В. Васильев, Добротворский — С. В. Шумский, Беневоленский — П. М. Садовский, Хорькова — С. П. Акимова, Хорьков — К. Н. Полтавцев, Карповна — Е. М. Кавалерова, Панкратьевна — Е. Д. Немчинова, Дарья — Т. П. Кашина, мальчик — М. П. Садовский, официант— П. А. Ермолов, кучер — Н. П. Витнебен.

Отзывы о спектакле были одобрительные. «Эта комедия,— писал один из рецензентов,— при всех сценических недостатках своих и растянутости, нравится партеру и долго удержится в репертуаре. Многие сцены комедии ведены прекрасно, многие положения хорошо очерчены и отличаются задушевностью, которой нельзя не сочувствовать» *(«Моск. вед.», 1853, 19 сентября)*. Рецензенты единодушно отмечали игру П. М. Садовского. «Уже одна грандиозная поступь,— вспоминал позже А. Н. Баженов,— при первом появлении его на сцену, вызвала громкие рукоплескания. Какую необыкновенную, чисто департаментскую важность сумел он придать себе от головы до ног! Как ловко фигурировал он перед Марьей Андреевной! С каким лукавством, слушая игру ее и кивая в такт головой, в то же время украдкой поглядывал он на принесенную закуску, пил и *повторял*! Как шло к Беневоленскому, желающему казаться ловким, это поджиманье коленки и пристукиванье ногой! Да невозможно и перечесть всех тонкостей исполнения г. Садовского. Вот комизм самой чистой, самой дорогой пробы!» *(«Искусства», 1860, № 2, октябрь)*.

Вспоминая об исполнении этой роли, В. И. Родиславский писал в некрологе Садовского: «Он создал не одно только внешнее обличие этого типа, нет, он открыл зрителю самую душу подобного рода людей 〈...〉 Да, это было живое, истинно художественное создание, а не безжизненный дагерротип с живого лица» *(«Русский вестник», 1872, № 7)*.

Также высоко оценили современники и игру Васильевой. Вспоминая об этом в 1864 г., Баженов писал: «Ее умным исполнением трудное для воспроизведения лицо бедной невесты было до такой степени оживлено и истолковано, что дальше и идти, казалось, было некуда в этом отношении; мы-таки, впрочем, и теперь остаемся при уверенности, что больше г-жи Васильевой никто ничего не даст в этой роли» *(«Антракт», 1864, 24 сентября)*.

На премьере Островский не присутствовал, и Н. В. Берг писал ему 21 августа 1853 г.: «Напрасно вы не были вчера в театре: все прошло как нельзя лучше. Играли все или почти все превосходно. У Е. Н. Васильевой расцелуйте ручки — прелесть, прелесть, прелесть! Ни жеста, ни слова рутинерского от начала до конца 〈...〉 Скажите Полтавцеву, чтобы не бухался на колени, как Грязной перед Марфой в «Царской невесте». У Васильева проглядывают комические ухватки, видимо, Бородкина. Нисколько любви, из-за которой все и дело,— и обидчивость, и упрямство, от чего он не так скоро уходит. Монолог Садовского — «значит уж... ах ты, Максим Беневоленец... вот чем пробьем дорогу...» — верх совершенства» *(«Неизд. письма», стр. 29)*.

Видимо, один из следующих спектаклей Островский посетил и был им удовлетворен. «Бедная невеста» прошла хорошо,— писал он Погодину 25 сентября 1853 г.,— исполнением почти доволен, публика совершенно довольна; успех первого представления был едва ли не больше, чем «Саней», актеров вызывали не только после действий, но и в продолжении действий по нескольку раз» *(ПСС, XIV, 38—39)*. Особенно доволен был Островский игрой Васильевой: «Талант Васильевой велик, она сделала из моей Марьи Андреевны то, о чем я сам никогда не мечтал» *(С. И. Танеев, Е. Н. Васильева и Московский театр конца 60-х годов, Спб., 1905, стр. 19)*.

В Петербурге пьеса была поставлена на сцене Александринского театра 12 октября 1853 г. в бенефис А. М. Читау. Роли исполняли: Анна Петровна — П. К. Громова, Марья Андреевна — А. М. Читау, Мерич — А. Е. Смирнов (Смирнов 1-й), Милашин — Ф. А. Бурдин, Добротворский — В. В. Прусаков, Беневоленский — А. Е. Мартынов, Хорькова — Ю. Н. Линская, Хорьков — П. С. Степанов, Карповна — О. А. Рамазанова, Панкратьевна — Е. Я. Сосницкая, Дарья — Шелихова.

Хотя Погодин писал Островскому, что он получил из Петербурга сообщение, что и там комедия «шла превосходно» *(«Неизд. письма», стр. 424)*, по-видимому, петербургский спектакль, в отличие от московского, был принят публикой и критикой довольно равнодушно. Так, Р. М. Зотов в «Северной пчеле» осуждал и пьесу и исполнение ролей: на эту тему можно было бы «написать прекрасный роман, но на сцене не вышло ничего 〈...〉 Смеем уверить, что нам самим и грустно и досадно, что такие драматические стихии, такие превосходные характеры пропали даром». Рецензент отмечает только удачную игру Мартынова, Громовой и Читау *(«Северная пчела», 1853, 30 октября)*. С такой оценкой игры актеров согласился в целом и другой рецензент: игру Мартынова «можно назвать, в полном смысле слова,

художественною», очень удачно исполнила, по его мнению, свою роль Линская; «необыкновенно хороша вышла у г-жи Читау 〈...〉 сцена, где Марья Андреевна заставляет свою мать писать записку к Беневоленскому» (*«Спб. вед.», 1853, 3 ноября*).

А в 1857 г., при возобновлении комедии, рецензенты особо отмечали удачное исполнение Линской: «...она *великолепно* исполнила роль вдовы-мещанки 〈Хорьковой〉, то и дело толкующей об образованности своего сына; особенно мастерски она *отпечатала* (слово в пьесе) Незабудкину, мать Марьи Андреевны, за что артистку и встретили громом рукоплесканий» (*«Музыкальный и театральный вестник», 1857, № 35*). В спектакле на Александринской сцене в роли Марьи Андреевны выступила провинциальная актриса Е. Н. Федорова, о которой Островскому сообщал Писемский: «Выискалась здесь презадушевная, говорят, актриса Федорова, которая в твоей «Бедной невесте» превосходна, и мне до сих пор не удалось ее видеть, потому что дали всего два раза и больше не дают по малому сбору» (*«Неизд. письма», стр. 372*).

Естественно, что и обе премьеры и возобновленный спектакль давались по первопечатному тексту, к тому же еще испорченному театральной цензурой исключением сцены, связанной с Дуней и Пашей. В 1859 г. появился новый текст комедии, а в 1860 г. актриса А. И. Шуберт сумела получить у шефа жандармов А. Е. Тимашева разрешение на восстановление этих ролей (см.: *А. И. Шуберт, Моя жизнь, Л., «Academia», 1929, стр. 215—217*).

В Москве первой — и блестящей — исполнительницей роли Дуни была В. В. Бороздина (см.: *«Просв.», т. I, стр. 500*).

В труппе Малого театра Шуберт исполняла роль Марьи Андреевны, и, несмотря на то, что ей помогал сам автор (см.: *А. И. Шуберт, Моя жизнь, стр. 218*), образ у нее не получился: «Игра г-жи Шуберт, правда, умна и обдуманна,— писал Баженов,— но зато в значительной степени лишена простоты, непринужденности, живости и душевной теплоты» (*«Искусства», 1860, № 2, октябрь*).

Как и предсказывали некоторые рецензенты первых спектаклей, пьеса действительно удержалась в репертуаре и московского и петербургского театров. В числе исполнителей основных ролей при последующих возобновлениях комедии можно назвать Г. Н. Федотову, П. А. Стрепетову (Марья Андреевна), О. О. Садовскую (Анна Петровна), В. В. Стрельскую (Хорькова), В. В. Самойлова (Беневоленский), К. А. Варламова (Добротворский), В. П. Далматова (Мерич). В частности, восторженную статью об игре П. А. Стрепетовой в роли Марьи Андреевны (Анна Петровна — А. И. Шуберт, Беневоленский — В. Н. Андреев-Бурлак) в 1881 г. в театре Бренко («Близ памятника Пушкину») опубликовал А. И. Урусов (*«Порядок», 1881, 12 февраля*).

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 33 раза, в Петербурге, в Александринском театре, — 47 раз (последний спектакль в Москве состоялся 30 октября 1877 г., в Петербурге — 19 апреля 1885 г.).

Стр. 195
«Ведомости» — см. прим. к стр. 103.

Стр. 201
Кранболь — см. прим. к стр. 82.
Прокуратят — проказят.

Стр. 222
Правительствующий сенат — высшее государственное учреждение, ведающее надзором за соблюдением законности и рассмотрением судебных апелляций.

Стр. 226
«Роберт-Дьявол» — опера Д. Мейербера.

Стр. 267
Чуйка — верхняя мужская одежда в виде длинного суконного кафтана.
...в Рогожскую...— окраинный район Москвы возле Рогожской заставы (ныне застава Ильича)
Олаберный.— Словарь В. И. Даля фиксирует слово «алабор» как костромское бранное слово, означающее «бестолковый», «косноязычный».

Е. И. Прохоров

НЕ В СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ

Впервые опубликовано в журнале «Москвитянин», 1853, № 5, март, стр. 3—74. В этом же году пьеса вышла отдельным изданием: «Не в свои сани не садись», М., тип. В. Готье, 1853.

Рукописные источники:

черновой автограф пьесы *(ГБЛ)*;

авторизованная писарская копия *(АПК)* с большой авторской правкой *(ПД)*;

авторизованная театральная копия *(АТК)* — режиссерский экземпляр Малого театра. Содержит полный текст пьесы, без подписи, но с авторскими поправками ошибок копииста: восстановление пропущенных слов, устранение искажений. На титульном листе надпись: «Представлена в первый раз в Москве в бенефис г-жи Никулиной-Косицкой в Большом театре, 14 января 1853 года» *(ММТ)*.

Печатается по изд. Г. А. Кушелева-Безбородко, т. 1, со следующими исправлениями:

Стр. 284, строка 29
«не подумайте» *вместо* «не думайте» *(по ЧА, АПК, АТК)*.

Стр. 285, строка 7
«сделай то-то» *вместо* «сделай то» *(по ЧА, АПК, АТК)*.

Стр. 286, строка 24
«примерно сказать тебе» *вместо* «примерно сказать» *(по ЧА, АПК, АТК)*.

Стр. 286, строки 36—37
Восстановлена ремарка: «(подпирает руки в боки и сидит с важной физиономией)» *(по ЧА)*.

Стр. 289, строки 12—13
«заходит иногда» *вместо* «ходит иногда» *(по ЧА, АПК, АТК)*.

Стр. 291, строки 16—17
«Половой ∽ откупоривает бутылку» *вместо* «половой откупоривает» *(по ЧА)*.

Стр. 299, строки 13—14
«прикидываться» *вместо* «притворяться» *(по ЧА)*.

Стр. 300, строка 39
«даст» *вместо* «велит» *(по ЧА)*.

Стр. 302, строка 25
«все боюсь» *вместо* «боюсь» *(по ЧА, АПК, АТК)*.

Стр. 302, строки 41—42
«право совсем» *вместо* «совсем» *(по ЧА, АПК, АТК)*.

Стр. 303, строки 18—19
«Решительно ∽ не вынесет. Мудрен ∽ народ» *вместо* «Мудрен ∽ народ. Решительно ∽ не вынесет» *(по ЧА)*.

Стр. 304, строка 5
«таков» *вместо* «такой» *(по ЧА)*.

Стр. 305, строка 4
«Был бы я сам» *вместо* «Был бы сам» *(по ЧА)*.

Стр. 305, строка 7
«Где они?» *вместо* «Где это?» *(по АПК, АТК)*.

Стр. 307, строки 2—3
«какая-нибудь возможность» *вместо* «какая возможность» *(по ЧА, АПК)*.

Стр. 307, строка 22
«кабы» *вместо* «как бы» *(по АПК, АТК)*.

Стр. 308, строка 26
«горе такое» *вместо* «горе там» *(по ЧА, АПК, АТК)*.

Стр. 311, строка 9
«тетенька» *вместо* «тятенька» *(по ЧА, АПК, АТК)*.

Стр. 313, строка 34
«об том» *вместо* «об этом» *(по ЧА, АПК, АТК)*.

Стр. 314, строка 36
восстановлена ремарка «(нетвердым голосом)», *пропущенная в первой публикации (по ЧА, АПК АТК)*.

Стр. 318, строка 27
«на погибель» *вместо* «на гибель» *(по ЧА, АПК, АТК)*.

Стр. 320, строка 41
«Поживешь» *вместо* «Поживи» *(по ЧА, АПК, АТК)*.

Стр. 322, строка 7
«А ты посмотри-ка» *вместо* «А посмотри-ка» *(по ЧА)*.

Стр. 323, строка 24
«идите к себе» *вместо* «идите себе» *(по ЧА, АПК, АТК)*.

Стр. 323, строка 29
«Будьте покойны» *вместо* «Будьте спокойны» *(по ЧА, АПК, АТК, «Москв.»)*.

Стр. 324, строка 21
«как хочет» *вместо* «как хочешь» *(по АПК, АТК)*.

Раннее название комедии — «От добра добра не ищут» — зафиксировано в черновом автографе *(ГБЛ)*.

Первая редакция пьесы содержится в нижнем слое этого автографа (написанном карандашом и более светлыми чернилами). В результате поправок, существенно изменивших первоначальный текст комедии, появилась вторая ее редакция (верхний слой автографа), а третью, последнюю редакцию отражает писарская копия, также испещренная многочисленными авторскими поправками.

В композиционном плане первая редакция мало чем отличается от последнего текста, если не считать завязки комедии — объяснения причин приезда Вихорева в город. Она не сразу удалась драматургу, и он упорно, четыре раза, переделывал этот сюжетный узел.

В списке действующих лиц автографа нет Баранчевского, но в комедии он действует, правда под фамилией «Петренков». Вместо «Виктора Аркадьевича Вихорева» здесь назван «Федор Федорович Ганц — проезжий офицер». Значится также «Антоновна — ключница Русакова», но отсутствует «Степан — слуга Вихорева». Действие должно было происходить в «уездном городе Малинове», хотя на страницах рукописи встречается уже название «Черемухин». В первой и второй редакциях видны поиски автором фамилий Вихорева и Баранчевского. «Федор Федорович Ганц» переименовывается в «Ф. Ф. Вольфова», потом в «Ф. Ф. Лихарева» и только в последней редакции он стал «Виктором Аркадьевичем Вихоревым».

Сохранившиеся рукописи свидетельствуют о кропотливой, тщательной работе драматурга над художественной формой произведения (см.: *Кашин, стр. 135—165)*.

Впервые о «новой комедии» и своем обещании «доставить» ее ранее сентября 1852 г. Островский сообщил М. П. Погодину 15 мая 1852 г. (см.: *ПСС, XIV, 31)*. 5 июня он писал тому же адресату: «Я сам сижу за работой пока прилежно, а дальше, что бог даст» *(там же, стр. 32)*. В начале августа 1852 г. Островский просил Погодина: «Пришлите мне какого-нибудь переписчика. Если я сам стану переписывать, то кончу не ближе будущего нового года; во 1-х, потому что 50 листов, а во 2-х, потому что я буду по часу думать над каждой строкой, нельзя ли ее как поправить. Это уж моя страсть» *(там же, стр. 33)*.

В конце августа Островский с удовлетворением уведомлял Погодина: «Бог мне помог написать хорошую комедию; по Вам я ее прочту только тогда, когда совершенно отделаю. Я дней 5 посижу дома и займусь ей...» *(ПСС, XIV, 34)*. В начале сентября драматург продолжал еще усиленно трудиться над пьесой. «Я должен еще дня три заняться своей комедией,— извещал он Погодина,— и прежде совершенной отделки ее не хочу к Вам являться, да и не могу, потому что болен» *(там же, стр. 34)*.

В сентябре 1852 г. пьеса в основном была завершена, так как 6 октября состоялось ее чтение автором. «Прослушал его комедию. Хорошие портреты, но все нет crescendo драматического»,— записал в своем дневнике Погодин *(ГБЛ, ф. 231, ед. хр. 34)*. Однако и в октябре и в ноябре автор, по-видимому, продолжал еще отделывать пьесу. Только в середине ноября Островский написал Ф. А. Бурдину: «Новую комедию я кончил и на днях отправляю в Петербург» *(ПСС, XIV, 35)*. 19 ноября, послав пьесу в театральную цензуру, Островский просил Погодина: «Если можно, то замолвите о ней сло-

вечко кому следует. Против нее, как мне известно, уже начинаются интриги» *(там же)*.

В конце декабря пьеса была затребована в Петербург к директору императорских театров А. М. Гедеонову. Встревоженный Островский вновь просил Погодина: «Михайло Петрович, похлопочите еще раз за меня, напишите к Гедеонову сыну, чтобы он походатайствовал у отца, чем Вы меня обяжете очень много» *(там же стр. 36)*. На письмо Погодина С. А. Гедеонов ответил 5 января 1853 г.: «О пьесе «Не в свои сани не садись» я узнал, что запрещена не будет» *(ГБЛ, ф. 231, разд. II, карт. 7, ед. хр. 115)*.

Островский внимательно следил за появлением первой публикации пьесы. При выходе в свет в марте 1853 г. «Москвитянина» писатель сразу обратил внимание на неудовлетворительное качество набора. «При отдельном издании,— писал он Погодину,— надобно будет приложить листок опечаток, которых много. Вы распорядитесь, а я займусь этим» *(ПСС, XIV, 36)*. В отдельном издании комедии многие опечатки были исправлены, но далеко не все, чем и объясняется большое количество поправок, внесенных в текст настоящего издания.

Узнав в мае 1853 г. о том, что К. А. Зедергольм — московский лютеранский пастор, переводчик, автор учебников латинского и немецкого языков — собирается переводить «Не в свои сани не садись» на немецкий язык для постановки в Берлинском театре [1], Островский написал к своей комедии интересный подробный комментарий с характеристиками действующих лиц (Русакова, Авдотьи Максимовны, Бородкина, Маломальского и других), описанием обстановки действия, декораций и реквизита (см.: *ПСС, XIV, 36—38)*.

14 января 1853 г., в бенефис актрисы Л. П. Никулиной-Косицкой, на сцене московского Большого театра состоялась премьера комедии. «Не в свои сани не садись» была первым произведением Островского, сыгранным в театре. О дне, когда его пьесы дойдут наконец до зрителя, драматург мечтал шесть лет. Потрясающее впечатление, произведенное комедией на сцене, давало автору все основания считать 14 января 1853 г. днем своего сценического рождения.

«Я счастлив, моя пьеса сыграна»,— писал драматург *(ЕИТ, сезон 1902—1903, вып. XIII, Спб., б. г., стр. 199)*.

«В бенефис Л. П. Косицкой, 14 января 1853 г.,— вспоминал Островский впоследствии,— я испытал первые авторские тревоги и первый успех. Шла моя комедия «Не в свои сани не садись»; она первая из всех моих пьес удостоилась попасть на театральные подмостки» *(ПСС, XIII, 302)*.

Блистательная первая постановка определила последующую сценическую судьбу не только данной комедии, но и других пьес Островского.

Роли в первом спектакле исполняли: Русакова — П. М. Садовский, Авдотьи Максимовны — Л. П. Никулина-Косицкая, Арины Федотовны — С. П. Акимова, Маломальского — П. Г. Степанов, Анны Антоновны — А. П. Сабурова, Бородкина — С. В. Васильев, Вихорева — С. В. Шумский, Баранчевского — К. П. Колосов, Степана — А. А. Кремнев, Полового — Е. А. Матвеев.

---

[1] Перевод пьесы вместе с рисунками декораций был сделан (см.: «Спб. вед.», 1853, 7 ноября).

Успех в Москве побудил театральное начальство поставить пьесу и в Петербурге. Драматург сам принимал участие в постановке комедии на сцене Александринского театра.

Первое представление состоялось 19 февраля 1853 г. при следующем составе исполнителей: Русаков — П. Г. Григорьев, Авдотья Максимовна — А. М. Читау, Арина Федотовна — П. И. Орлова, Маломальский — А. Е. Мартынов, Анна Антоновна — П. И. Громова, Бородкин — Ф. А. Бурдин, Вихорев — С. Я. Марковецкий, Баранчевский — П. А. Каратыгин (Каратыгин 2-й), Степан — Л. П. Фалеев, Половой — А. А. Рассказов.

После столичных премьер восторженная молва о комедии пошла по всей литературной России.

«Не в свои сани не садись» действительно превосходная комедия,— писал И. С. Тургеневу В. П. Боткин 17 февраля 1853 г. из Москвы.— Я видел ее три раза — и каждый раз не выходил из театра без слезы на глазах ⟨...⟩ Актеры стоят вполне в уровень с автором; более артистической игры я не видал нигде; правда, натура, жизнь — так и охватывают ⟨...⟩ Театр — вот уже 9-е представление — каждый раз полон, шумит, смеется, плачет, хлопает...» *«(В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка 1851—1869»*, *М.—Л., «Academia»*, *1930*, *стр. 34—36)*. В письме от 24 февраля 1853 г. Тургенев просил П. В. Анненкова: «Скажите мне Ваше мнение о новой комедии Островского — Боткин ее чрезвычайно хвалит» (*И. С. Тургенев*, *Полн. собр. соч. и писем*, *Письма*, *т. II*, *М.—Л.*, *Изд-во Академии наук СССР*, *1961*, *стр. 130)*. Анненков ответил Тургеневу, что комедия «имела огромный успех в обеих столицах — и совершенно заслуженный. В ней нет почти ничего. Не широка она и не глубока она, а только умна» *(ПД*, *ф. 7*, *№ 7*, *л. 16 об.)*. Вскоре Тургенев поделился с Анненковым собственным впечатлением от пьесы: «Комедию Островского прочел нам на днях М. С. Щепкин ⟨...⟩ Прочел ее он отлично, и впечатление она произвела большое—но у меня все из головы не выходил «Père de famille» и другие драмы Дидеро — с сильной начинкой естественности и морали — я не думаю, чтобы *эта* дорога вела к истинному художеству. У Островского нет сентиментальности, которая терзает Вас у Дидро — но сентиментальность, слава богу, кажется навсегда умерла. Словом — пиэса чрезвычайно умна, показывает в авторе замечательный *драматический* талант...» *(И. С. Тургенев*, *стр. 137—138)*.

Об успехе комедии в Москве и Петербурге сообщил Тургеневу в это же время и Е. М. Феоктистов, упомянув при этом, что он получил письма от П. Н. Кудрявцева и А. Д. Галахова, которые «не очень-то довольны ею в художественном отношении...» *(ПД*, *ф. 166*, *№ 1539*, *л. 65)*. 11 марта Тургеневу писал из Абрамцева И. С. Аксаков: «...впечатление, производимое этою пиэсою на сцене, не только силою своею побеждает все предубеждения, но едва ли с каким-либо прежде испытанным впечатлением сравниться может. Вполне понятна эта пиэса только в театре...» *(«Русское обозрение»*, *1894*, *№ 9)*.

В письме к А. Д. Блудовой от 4 марта 1853 г. высокую оценку пьесе дал А. С. Хомяков:

«...Москва нынешний год не без литературных новостей. Я говорю о замечательной драме «Не в свои сани не садись». Успех огромный и вполне заслуженный. Жаль только, в сцене на постоялом дворе нет этого развития и этой постепенности, которые должны были дать полноту художественному творению. Автор забыл, что купеческая

дочь представляет ее благородному жениху капитал во сто тысяч и что он не может и не должен вдруг терять надежду на аферу. Как бы то ни было, драма все-таки очень хороша и Островский оправдывает надежды, которые подал первыми своими произведениями» *(ЦГАЛИ, ф. 72, оп. 1, ед. хр. 20)*.

О триумфе драматурга на первых представлениях пьесы вспоминали многие современники Островского.

«С появлением на сцене комедии Островского «Не в свои сани не садись»,— писал И. Ф. Горбунов,— на московской сцене начинается новая эра. Я был на первом представлении этой комедии. Она была дана в бенефис Косицкой. Взвился занавес, и со сцены послышались новые слова, новый язык, до того не слыханный со сцены 〈...〉 Посреди глубокой тишины публика прослушала первый акт и восторженно, по нескольку раз, вызывала исполнителей. В коридорах, фойе, в буфете пошли толки о пьесе. Восторгу не было конца 〈...〉 Восторженный ментор наш Андрей Андреевич (учитель словесности.— *Э. Е.*) обтер выступившие на глазах его слезы и произнес: —«Это—не игра. Это—священнодействие! Поздравляю вас, молодые люди, вам много предстоит в жизни художественных наслаждений. Талант у автора изумительный. Он сразу встал плечо-о-плечо с Гоголем.

Под бурю аплодисментов, без апломба, застенчивый, как девушка, в директорской ложе показался автор и низко поклонился приветствовавшей его публике» *(Горбунов, т. III, ч. I, стр. 7—8)*. С. В. Максимов также вспоминал о том, как «по настойчивому требованию публики в директорской ложе появился и сам главный виновник и руководитель небывалого торжества. Он предстал зардевшимся, как красная девушка, с потупленным взором» *(Максимов, стр. 68)*.

Высокие художественные достоинства пьесы отметил в своем дневнике драматург Д. В. Аверкиев: «Не в свои сани не садись» является мне самой совершенной из пьес Островского по необыкновенно тщательной отделке подробностей, по их уместности и мерности» *(А. В. Аверкиев, Дневник писателя, Спб., 1886, стр. 314)*.

Значение сценического дебюта Островского в истории русской драматургии глубоко оценил М. П. Садовский: «...счастлива была русская сцена, в жизни которой наступила новая эра: правда,— глубокая народная правда, пришла на смену чужеземной лжи, и неподкрашенная простота заставила потускнеть мишурные блестки вычурности. Счастлива была публика, впервые услышавшая с театральных подмостков настоящую, неподдельную русскую речь и увидавшая реальную картину жизни обыкновенных людей. Счастливы были актеры: гением драматурга перенесенные в новую здоровую атмосферу, они сразу почувствовали себя свободными от тисков сухой, часто фальшивой, театральной условности; новое откровение наполнило их души сознанием, что свойственное их талантам стремление к естественности перестало быть платоническим и что наступило время, когда на сцене можно не только играть, но и жить...» *(ЕИТ, сезон 1902—1903, вып. XIII, Спб., б. д., стр. 199)*. П. Д. Боборыкин в своих мемуарах писал: «Никогда еще перед тем я не испытывал того особенного восхищения, какое дает общий *лад* игры, где перед вами сама жизнь. И это было в «Не в свои сани не садись» больше, чем в «Ревизоре» и в «Горе от ума» 〈...〉 Такого трио, как три купца в первом акте комедии Островского (*первой*

по счету попавшей на сцену), как Садовский (Большов[1]), С. Васильев (Бородкин) и Степанов (Маломальский), больше уже не бывало. По крайней мере мне за все сорок с лишним лет не приходилось видеть. Старуха Сабурова (жена трактирщика) и Косицкая (Авдотья Максимовна) дышали бытовой правдой: первая с прибавкой тонкого комизма, вторая — с чисто народным лиризмом». О «бытовой фигуре» Русакова Боборыкин заметил, что она «появилась решительно в первый раз, и создание ее было делом совершенно нового понимания русского быта, новой полосы интереса к тому, что раньше не считалось достойным художественной наблюдательности». Роль Вихорева, по мнению мемуариста, «несложная по авторскому замыслу и тону выполнения», выходила у актера С. В. Шумского «с тем чувством меры, которая еще более помогала удивительному ансамблю этой, по времени первой на московской сцене, комедии создателя нашего бытового театра» (*П. Д. Боборыкин, Воспоминания в 2-х томах, т. I, М., «Художественная литература», 1965, стр. 71, 78, 79—80)*.

«...Не в свои сани не садись» заслужила успех блистательный,— писал рецензент «Московских ведомостей» (*1853, 27 января*).— После бенефиса г-жи Никулиной-Косицкой, в который впервые дана была эта пьеса, было уже четыре представления, и каждый раз театр наполнялся сверху донизу, и каждый раз публика вызывала автора ⟨...⟩ На сцене пьеса идет превосходно. Каждый актер на своем месте и играет прекрасно. Первое место бесспорно принадлежит здесь г. Васильеву».

Тертий Филиппов — один из близких в ту пору к автору лиц — считал день «14 января текущего года днем памятным в летописях Московского театра», так как первое представление комедии «достойно вознаградило г. Островского за его труд, а московскую труппу покрыло новой славой, обнаружив в ней огромные средства, доселе не приведенные в известность». Садовский в роли Максима Федотовича «был так хорош, как мы и ожидали»,— писал Филиппов. Говоря об игре Васильева (купец Бородкин), он отметил, что актер превзошел все надежды: «...мы увидели, что он попал в тон роли, что следовательно он ее живо понял ⟨...⟩ Последняя сцена, когда он заступается за Дуню перед Максимом Федотовичем и настаивает, чтоб он отдал ее за него, как обещал, сыграна бесподобно. Одним словом, после представления этой комедии г. Васильев мгновенно вырос в нашем, надеемся,— что и в общем мнении». Степанов (трактирщик Маломальский), по мнению Филиппова, «одной своей костюмировкой вызвал бы громкие рукоплескания, если б даже не сказал ни слова». Однако критик счел нужным заметить, что сам Островский в чтении «давал этому лицу иную дикцию и вообще делал его суровее» ⟨...⟩

Артист Шумский (Вихорев) не удовлетворил строгому вкусу критика, так как и «наружным видом своим и костюмом не отвечал тому представлению, которое выносит из пьесы читатель. Приемы Вихорева должны быть солиднее и несколько медленнее, в дикции более важности и уверенности в своем достоинстве». Зато Никулина-Косицкая, по его убеждению, была превосходна. Правда, критик отметил, что главным недостатком в игре ее «была излишняя слезливость, которая сообщала ее дикции однообразие, вредное для

[1] Ошибка, следует читать Русаков.

роли 〈...〉 Мы считаем высоко драматическими местами в роли г-жи Никулиной, когда она обращается с воплем к Бородкину: «...да не пой ты, не терзай ты мое сердце», и в особенности несколько мгновений из последней сцены 〈...〉 В заключение хотелось бы крикнуть: «Всех! всех!» *(«Москв.», 1853, № 7, апрель)*.

Не менее восторженно вспоминали очевидцы о первой постановке комедии в Петербурге. Автор «Хроники петербургских театров» А. И. Вольф даже сравнивал значение первой постановки «Саней» на Александринской сцене 19 февраля 1853 г. с днем 19 февраля 1861 г. в истории русского народа: «...с этого дня риторика, фальшь, галломания начали понемногу исчезать из русской драмы. Действующие лица заговорили на сцене тем самым языком, каким они действительно говорят в жизни. Целый новый мир начал открываться для зрителей» *(Вольф, стр. 156)*. Друг Островского артист Бурдин писал: «Комедия имела громадный успех. На второе представление приехал государь (Николай I.— *Э. Е.*). Начальство трепетало... Посмотрев комедию, государь остался отменно доволен и соизволил так выразиться: «Очень мало пьес, которые бы мне доставляли такое удовольствие, как эта. Ce n'est pas une pièce, c'est une leçon»[1]. В следующее же представление опять приехал смотреть пьесу и привез с собой всю августейшую семью 〈...〉 а между тем усердные чиновники в то же время держали автора А. Н. Островского под надзором полиции за его комедию «Свои люди — сочтемся» *(«Исторический вестник», 1886, № 1)*. В других воспоминаниях Бурдин отметил: «На эту комедию нельзя было достать билетов ни в Москве, ни в Петербурге, пьеса прошла сотни раз, а автор не получил за нее ни копейки. Она была дана в бенефис Косицкой, а по авторскому положению того времени пьесы, шедшие в бенефис, делались достоянием дирекции бесплатно» *(«Вестник Европы», 1886, № 12)*.

Развернутую рецензию М. В. Авдеева[2] на петербургский спектакль поместил «Современник». «... Незадолго до масленицы,— писал автор рецензии,— тихо, без шуму, впрочем, не без ожидания со стороны предуведомленных слухами любителей, появилась пьеса, наделавшая шуму аплодисментами, ею возбужденными, замечательнейшая пьеса, которая займет важное место в ряду современных произведений литературных вообще и драматических в особенности. Я говорю о трехактной комедии г. Островского «Не в свои сани не садись». Характеризуя героев пьесы и их исполнителей на сцене, Авдеев отметил, что Дуня «изображена просто, верно и тепло», так же хорошо задуманы и выполнены: «...ничтожный, промотавшийся Вихорев 〈...〉 сестра Русакова и Маломальская...». По мнению критика, пошлость Вихорева не мешало бы «очертить еще посильнее; но, может быть, игра г. Марковецкого, который был недостаточно самодоволен, ослабила это лицо». Внешность Маломальского, «решительно лишенного способности выражаться сколько-нибудь толковым образом,— по мнению Авдеева,— чрезвычайно верна и тонко подмечена». Менее выдержанными казались критику характеры Бородкина и Русакова, так как мягкость и благонравность пер-

---

[1] Это не просто пьеса, это — урок *(франц.)*.

[2] Авторство Авдеева установлено В. Э. Боградом (см.: *В. Боград*, Журнал «Современник» 1847—1866, М.—Л., Гослитиздат, 1959, стр. 217).

вого в начале пьесы не позволяли зрителю «ожидать от него смелого и благородного порыва», а второй — «много резонерствует». «Вообще,— писал рецензент,— пьеса была разыграна очень хорошо: заметна была симпатия исполнителей к пьесе 〈...〉 Это сочувствие артистов и оценка ими произведений, на которых лежит печать таланта, весьма отрадны, особенно на петербургской сцене, на которой замечательнейшие артисты не так серьезно смотрят на свои роли и отчетливое понимание их характеров, как артисты московские» (*«Совр.», 1853, № 3*).

Критик Р. М. Зотов, передавая содержание пьесы, писал: «Покуда рецензент рассуждает о правилах искусства и изяществе, он еще руководствуется холодным рассудком. Но где сердце тронуто, там нет беспристрастия. Душевно благодарим автора за эту отрадную минуту слез; все пьесы на ходулях не производили их никогда. Весь театр плакал, и лучшей рецензии мы не знаем...» (*«Северная пчела», 1853, 9 марта*). «Г-н Островский не искал резких эффектов,— писал о комедии рецензент «Санктпетербургских ведомостей»,— он взял свою комедию из обыкновенной жизни и старался быть верным действительности 〈...〉 Прежде всего поражает в ней контраст внешней обстановки с внутренним содержанием: обстановка смешит, содержание трогает». Завязку и развязку комедии рецензент находил несколько непоследовательными и нелогичными. Лишней представлялась ему и фигура Баранчевского. «Что касается до исполнения комедии нашими артистами,— продолжал рецензент,— то оно во многих отношениях нас порадовало. Особенно благодарны мы г-же Читау, обнаружившей в роли Дуни большое дарование. Эта роль разом выдвинула ее на первый план». Отметил рецензент и игру Бурдина, исполнившего роль Бородкина «с замечательным искусством» (*«Спб. вед.», 1853, 10 марта*). С этой рецензией солидаризировался в своем отзыве и критик журнала «Пантеон» (вероятно, Ф. А. Кони). «Появление комедии г. Островского было для нас истинным праздником; мы наслаждались ею, как наслаждается человек при встрече с давно жданным другом 〈...〉 Создать роль Дуни на сцене было так же трудно, как написать ее, а г-жа Читау исполнила ее так, что автор не может желать лучшей артистки на эту трудную роль 〈...〉 Г-н Бурдин заслуживает также полную нашу благодарность за роль Бородкина; он с большим художественным тактом воспользовался всеми ее выгодами, показал много чувства, смешил и трогал. Язык пьесы передает он мастерски. Побольше бы таких пьес и исполнений» (*«Пантеон», 1853, т. VIII, кн. IV*).

Один из современников, говоря о первом представлении пьесы, отметил важную особенность постановки: «Когда впервые появилась на сцене его комедия «Не в свои сани не садись», публика была не только поражена, она была ошеломлена этою простотою, этою фотографическою типичностью изображения. Появление Островского составило эпоху, эпоху реализма на сцене 〈...〉 В пьесе «Не в свои сани» *впервые появилась героиня на сцену в ситцевом платье и гладкой прическе:* до тех пор кисея, шелк и французская прическа были обязательными принадлежностями главных ролей» (*«Спб. вед.», 1886, 8 июня*).

Среди актеров, позднее выступавших в этой пьесе, Островский особо выделял П. А. Стрепетову, оказавшуюся наряду с Л. П. Никулиной-Косицкой, на которую, по воспоминаниям современников, «вся Москва бегала смотреть» (*«Слово», 1878, № 8, август*), лучшей исполнительницей роли Авдотьи Максимовны.

В ноябре 1853 г. Островский сам сыграл в любительском спектакле в доме С. А. Пановой в Москве роль Маломальского.

Драматург называл «Не в свои сани не садись» «лучшей своей пьесой», «имевшей наибольший успех» (см.: *ПСС, XII, 327, 84*).

В трактовке идейной направленности пьесы сразу же наметились разные мнения. На страницах прессы развернулась острая полемика между демократической журналистикой и критиками самых разных направлений: славянофильского, либерально-эстетического, ультразападнического. Большинство рецензентов и критиков сходились, впрочем, в высокой оценке художественных достоинств пьесы и в признании за автором высокого драматического дарования.

«В репертуаре оригинальных русских пьес последнего времени,— писал критик «Отечественных записок» Кудрявцев[1],— новой комедии г. Островского бесспорно принадлежит первое место. На русской сцене обеих столиц она имела решительный успех 〈...〉 Теперь, когда она предана публичности, то есть появилась в печати, мы можем говорить о ней не только как о произведении сценическом, но и литературном 〈...〉 Новое драматическое произведение г. Островского также отличается необыкновенною простотою поэтической основы. Искусство автора состояло не в том, чтоб прикрасить данный простой материал и придать ему мнимое разнообразие выдумками своего изобретения, но в том, чтоб облечь его в художественную форму, то есть обставить его живыми лицами, мотивировать действие самою природою созданных характеров и провести его, согласно с поэтическою истиною, через все положения, требуемые драматическим развитием: и мы находим, что, где только автор был верен чисто художественным требованиям, там везде почти он достиг своей цели... ». Характеризуя далее действующих лиц пьесы, критик писал: «...откуда ни подойти к Русакову, отовсюду виден «человек». В упрек ему, как характеру, можно сказать разве одно, что он слишком идеален...» Идеальным представлялся Кудрявцеву и Бородкин. Относительно Вихорева критик писал: «...не видно, чем бы Вихорев новой пьесы отличался от других подобных ему, или что внесено с ним в литературу нового». Баранчевского и жену трактирщика Кудрявцев, как и другие критики, считал лишними в пьесе. Основную идею пьесы Кудрявцев сформулировал как идею «нравственного превосходства необразованного быта над... над образованным? Странно сказать, но по комедии выходит так».

В заключение критик отметил, что, с одной стороны, он не хотел бы ставить в вину автору ложных толков, которые может возбудить его пьеса, но, с другой, не считал за лишнее «обратить его внимание на это обстоятельство» *(«Отеч. зап.», 1853, № 4)*.

Многие положения, высказанные Кудрявцевым, оспорил И. И. Панаев, считавший, что Вихорев — лицо, верное действительности. «Мысль новой его комедии,— писал Панаев,— выступает ярко и рельефно. В ней люди грубые, простые, необразованные, но с душой и с прямым здравым смыслом, поставлены рядом

---

[1] Авторство установлено В. Э. Боградом на основании письма П. Н. Кудрявцева А. А. Краевскому от 13 марта 1853 г., в котором он сообщил: «По соглашению с г. Г〈алаховым〉 готовлю для «Журналистики» статейку о новой комедии Островского» (ГПБ, ф. 391, № 463, л. 18).

с людьми полуобразованными ⟨...⟩ Автор очень ловко воспользовался этим контрастом. Простые и грубые люди — этот Русаков и Бородкин являются у него чуть не гомерическими героями в сравнении с образованным г. Вихоревым ⟨...⟩ Русаков и Бородкин вовсе не подняты на ходули, вовсе не преувеличены, как думают некоторые. Это — живые лица, взятые из жизни, без всяких прикрас,— в особенности Бородкин. Они кажутся только героями в столкновении с таким лицом, каков г. Вихорев» *(«Совр.», 1853, № 4)*.

Через год, в мае 1854 г., в «Современнике» появилась рецензия Н. Г. Чернышевского на пьесу «Бедность не порок», в которой и комедия «Не в свои сани не садись» подверглась суровой оценке, поскольку критик уловил в этих пьесах стремление к некоторой идеализации патриархальных устоев. «В этой комедии,— писал Чернышевский,— ясно и резко было сказано: *полуобразованность хуже невежества*, но не прибавлено, что лучше и той и другого: *истинная образованность*. Вообще, эта комедия как бы служила переходным звеном между «Своими людьми» и «Бедность не порок» ⟨...⟩ В «Не в свои сани не садись» представитель (мнимо) русских по преимуществу понятий назывался уже Русаковым, представитель верности старинным обычаям — Бородкиным, представитель модной пустоты и ветрогонства — Вихоревым ⟨...⟩ В двух своих последних произведениях г. Островский впал в приторное прикрашиванье того, что не может и не должно быть прикрашиваемо. Произведения вышли слабые и фальшивые» (*Чернышевский, II, 235, 240)*.

Рецензия Чернышевского вызвала бурный протест критиков славянофильского и либерально-эстетического направлений. «Современник» обвинялся в противоречивости критических оценок, а последняя статья — в резкости и опрометчивости суждений (см.: *«Отеч. записки», 1854, № 6)*. Чернышевский в статье «Об искренности в критике» (*«Совр.», 1854, № 7)* отвел эти нападки критики, убедительно аргументировав последовательность позиции своего журнала (см.: *Чернышевский, II, 246—251)*. Вскоре в полемику включился Ап. Григорьев, писавший в «Москвитянине» (1855, № 3, *февраль*): «Комедия «Не в свои сани не садись» своим огромным сценическим успехом опять ошеломила критику. Долго не решалась она высказать своего негодования на существование Русакова и Бородкина и только в недавнее время объявила комедию слабою, лица Бородкина и Русакова невозможными ⟨...⟩ Так говорила критика в том же самом журнале, где хвалилась как нельзя больше комедия «Не в свои сани не садись...» *(Григорьев, I, 116—117)*. В позднейшем своем отзыве *(«Русский мир», 1860, № 5, 6, 9, 11)* Ап. Григорьев ставил под сомнение критическую направленность пьесы: «В комедии «Не в свои сани не садись» — никакими рассуждениями вы не добьетесь от массы ни понимания вреда от самодурства почтенного Максима Федотыча Русакова, ни сочувствия к чему-либо иному, кроме как к положению того же Русакова, к простой и глубокой любви Бородкина и к жестокому положению бедной девушки, увлеченной простотой своей любящей души — да советами протестантки тетушки» *(Григорьев, I, 462)*.

Новая волна полемики вокруг этой пьесы поднялась в критике в 1859 г. в связи с выходом в свет первого Собрания сочинений Островского. В «Отечественных записках» критик под инициалами Н. Н. писал, что автор своею комедией хотел «указать на преимущества патриархального быта пред бытом цивилизованным» и что

для выполнения этой задачи он «выбрал изо всего русского купечества отдельные черты и черточки, чтоб составилась из них светлая, но зато абстрактная личность Русакова, которую и ставит он в противоположность с пошлою личностью Вихорева ⟨...⟩ Только отдельные сцены тут прекрасны; в общем же нет цельности и строя: в ходе действия нет естественности; натяжки на каждом шагу; характеры исполнены несообразностей. Идеальные личности Русакова, Дуни, Бородкина были бы хороши, если б только уничтожить их идеальность; Баранчевский совершенно лишний в пьесе, Вихорев искусствен и бесцветен; личности: Маломальского, жены его Анны Антоновны и дуниной тетки Арины Федотовны, превосходны» *(«Отеч. зап.», 1859, № 7—8)*.

С язвительной иронией писал о героях комедии и критик «Атенея» Н. П. Некрасов, находивший, что в пьесе очень силен «дидактический элемент». «Маломальский один, действительно, лицо комическое и довольно оригинальное. Бородкин — это чудный герой в поддевке для нашей православной драмы. Какая покорность! Какая добрая душа у него! Одно слово: голубь!» *(«Атеней», 1859, № 8)*. Иного мнения придерживался А. В. Дружинин. «Написанная прежним превосходным языком,—писал критик,—простая и незамысловатая по интриге, исполненная жизни и драматических положений, новая комедия была прежде всего писана для сцены и до сих пор остается одной из любимейших пьес в русском репертуаре...». Беря под защиту комедию от критиков крайне «западнических» взглядов, Дружинин так объяснял смысл пьесы: «...замысел Русакова и Бородкина, честных русских людей, был новой ступенью правдивого сознания ⟨...⟩ симпатические и положительные стороны русского купеческого быта представляли свою завлекательную сторону для комика...» Дружинин не сомневался в том, что «изучение светлых сторон данной жизни для Островского не могло перейти в розовый цвет, односторонность или идилличность. Для этого наш автор был слишком поэтом,—утверждал критик,—то есть человеком по преимуществу зорким. Он мог иногда не доканчивать своих изображений, иногда не доходить до ясного воплощения своих замыслов (как, например, в Бородкине), но до сладкой идиллии, конечно, ему нельзя было унизиться» *(Дружинин, VII, 541, 544—545)*.

Объясняя причины резких, прямо противоположных суждений о творчестве драматурга вообще и о данной пьесе в частности, Н. А. Добролюбов писал, что Островского «хотели непременно сделать представителем известного рода убеждений и затем карали за неверность этим убеждениям или возвышали за укрепление в них, и наоборот. Все признали в Островском замечательный талант и вследствие того всем критикам хотелось видеть в нем поборника и проводника тех убеждений, которыми сами они были проникнуты. Людям с славянофильским оттенком очень понравилось, что он хорошо изображает русский быт ⟨...⟩ Островский действительно подал славянофилам много поводов считать его «своим», а они воспользовались этим так неумеренно, что дали противной партии весьма основательный повод считать его врагом европейского образования и писателем ретроградного направления. Но, в сущности, Островский никогда не был ни тем, ни другим, по крайней мере в своих произведениях».

Находя Русакова лучшим представителем старых начал жизни, критик в то же время подчеркивал, что он «случайное исключение,

и зато первый ничтожный случай разрушает все добро, которое в его семействе было следствием его личных достоинств». Заключение, к которому пришел Добролюбов, было следующим: «...комедиею «Не в свои сани не садись» Островский — намеренно или не намеренно, или даже против воли,— показал нам, что пока существуют самодурные условия в самой основе жизни, до тех пор самые добрые и благородные личности ничего хорошего не в состоянии сделать, до тех пор благосостояние семейства и даже целого общества — непрочно и ничем не обеспечено даже от самых пустых случайностей» *(Добролюбов, V, 16, 82, 84)*.

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 76 раз, в Петербурге, в Александринском театре, — 94 раза (последний спектакль в Москве состоялся 1 июня 1877 г., в Петербурге — 27 октября 1885 г.).

Комедия «Не в свои сани не садись» не сходила со сцены русских театров и после смерти драматурга. 14 января 1903 г. в московском Малом театре состоялся юбилейный спектакль в память 50-летия первой постановки комедии. Перед началом спектакля Михаил Провыч Садовский произнес речь, в которой определил большое значение сценического дебюта Островского: «Мы, русские актеры, и вы, русская публика, пришли сюда праздновать 50-летие того знаменательного дня, когда силою своего огромного таланта Островский вызвал искусство к новой жизни. Сознáем же всю важность, все великое значение этой заслуги перед русским обществом и преклонимся с глубоким уважением перед памятью великого преобразователя нашей сцены!» *(ЕИТ, сезон 1902—1903, вып. XIII, Спб., б. г., стр. 201)*.

Роли в юбилейном спектакле исполняли: Русакова — К. Н. Рыбаков, Авдотьи Максимовны — Е. М. Садовская (Садовская 2-я), Арины Федотовны — О. О. Садовская, Маломальского — М. П. Садовский, Анны Антоновны — Н. А. Никулина, Бородкина — Н. К. Яковлев, Вихорева — И. А. Рыжов, Баранчевского — А. Ф. Федотов, Степана — П. Е. Греков, Полового — С. И. Яковлев. В юбилейном спектакле Александринского театра приняли участие такие выдающиеся актеры, как К. А. Варламов — Русаков, В. Н. Давыдов — Маломальский, В. П. Далматов — Вихорев, и другие.

Стр. 295

Научить ли те, Ванюша... — широко известная русская народная песня (см.: *А. И. Соболевский, Великорусские народные песни, т. IV, Спб., 1898, стр. 313—314; П. И. Якушкин, Сочинения, Спб., 1884, стр. 603; К. П. Вильбоа, Сто русских песен, М., 1894, № 78)*.

Стр. 301

Вспомни, вспомни, моя любезная...— популярный народный романс, положенный на музыку А. Е. Варламовым (см.: *Соболевский, т. V, 1899, стр. 518—523; Д. Кашин, Русские народные песни, кн. 1, изд. 2, М., 1841, № 22; «Новый песенник», М., 1879, стр. 9)*.

Стр. 312

Ах, об чем ты проливаешь...— модный в XIX в. сентиментальный романс на слова Ф. Толстого «Кисейный рукав» (см.: «*Карманный песенник на 1860 г.», Спб., 1860, стр. 82)*.

Э. Л. Ефременко

БЕДНОСТЬ НЕ ПОРОК

Впервые опубликовано отдельным изданием «Бедность не порок. Комедия в трех действиях. Сочинения А. Н. Островского», М., тип. В. Готье, 1854 (цензурное разрешение — 23 декабря 1854 г.).

Рукописные источники:

черновые наброски первоначальной редакции *(ГБЛ)*;

черновой автограф *(ГБЛ)*;

писарская копия *(АПК)* с многочисленными авторскими поправками *(ПД)*;

писарская копия *(ЦПК)* — цензурованный экземпляр с надписью цензора: «Одобряются для представления в С. Петер⟨бурге⟩ 17 декабря 1853 г. Дейст⟨вительный⟩ ⟨стат⟩ский советник Гедерштерн» *(ЛГТБ)*;

театральная писарская копия (ТПК) — режиссерский экземпляр Малого театра. Содержит полный текст пьесы, без подписи с датой, проставленной рукой одного из переписчиков на последнем листе: «Москва, января 20 дня, 1854 г.» Авторских поправок не содержит. Рукопись готовилась специально к первому представлению в Малом театре (25 января 1854 г.). На листе с режиссерской монтировкой спектакля надпись: «Потребовано для Ком⟨итета⟩: «Бедность не порок, назнач⟨енной⟩ в 1-й раз к представлению, в Дирекцию, 22-го января сего 1854 года» *(ММТ)*.

Печатается по изд. Г. А. Кушелева-Безбородко, т. II, со следующими основными исправлениями:

Стр. 337, строка 21
«Митя подвигает стул и садится» *вместо* «Митя садится» *(по ЧА, АПК, ТПК)*.

Стр. 338, строка 37
«А вы должны сами» *вместо* «А должны были сами» *(по ЧА, АПК, ТПК)*.

Стр. 340, строка 12
«затворяет дверь и не пускает» *вместо* «затворяет и не пускает» *(по всем рукописным источникам)*.

Стр. 342, строка 24
«что это вы» *вместо* «что вы» *(по всем рукописным источникам)*.

Стр. 342, строка 37
«от своей от» *вместо* «от своей» *(по ЧА, АПК, ТПК)*.

Стр. 345, строка 19
«серебра больше не надо» *вместо* «серебра не надо» *(по ЧА, АПК, ТПК)*.

Стр. 345, строки 36—37
«Читает с расстановкой» *вместо* «Читает» *(по ЧА)*.

Стр. 350, строка 7
«в удовольствие» *вместо* «с удовольствием» *(по ЧА, АПК, ТПК)*.

Стр. 352, строка 1
«(Арине) А вино-то» *вместо* «Арина, а вино-то» (по *ЧА, АПК, ТПК)*.

Стр. 352, строка 1
«мадерки-то, мадерки-то» *вместо* «мадеры-то, мадеры-то» *(по ЧА, АПК, ТПК)*.

Стр. 356, строка 4
«попомни это» *вместо* «помни это» *(по ЧА, АПК, ТПК).*

Стр. 357, строка 25
«Раскланиваются со всеми и уходят» *вместо* «Раскланиваются и уходят» *(по ЧА).*

Стр. 358, строки 8—9
Восстановлена ремарка: «(подходит к Анне Ивановне)» *(по ЧА)*

Стр. 359, строка 2
«деньжонок-то» *вместо* «денег-то» *(по всем рукописным источникам).*

Стр. 360, строки 7—8
Восстановлены по ЧА две строки песни.

Стр. 364, строки 24—25
«думаю, может, до ночи-то» *вместо* «думаю до ночи» *(по ЧА).*

Стр. 367, строка 17
«вы, Пелагея Егоровна, все равно-с» *вместо* «вы, Пелагея Егоровна» *(по ЧА).*

Стр. 369, строка 28
«сиди дома одна, жди» *вместо* «сиди одна» *(по ЧА, АПК, ТПК).*

Стр. 369, строка 34
«вас та жена» *вместо* «вас-то жена» *(по ЧА, АПК, ТПК).*

Стр. 369, строка 42
«семейство ее призрел» *вместо* «семейство призрел» *(по ЧА).*

Стр. 370, строка 35
«скажи откровенно, что» *вместо* «скажи, что» *(по ЧА).*

Стр. 373, строки 24—25
«шутить, паясничать, ты думаешь» *вместо* «шутить, ты думаешь» *(по ЧА).*

Стр. 377, строки 3—4
«погубил было» *вместо* «погубил бы» *(по ЧА, АПК, ТПК).*

В ранней черновой рукописи комедия носила название «Гордым бог противится» и предполагалась всего в двух действиях.

Эта рукопись, по существу, является всего лишь черновыми набросками к будущей комедии. Она содержит первоначальный и более поздний планы — сценарии пьесы, много отрывочных заметок, сценок, монологов и отдельных выражений, не связанных сюжетной канвой. По этим наброскам автор создавал первую редакцию пьесы, сохранившуюся в черновом автографе *(ГБЛ)*. Вторую (последнюю) редакцию отражает писарская копия *(ПД)*, существенно исправленная автором.

В черновых набросках Гордей Карпыч носит фамилию Торцевой. Сначала Островский предполагал ввести в комедию еще одно действующее лицо — Устинью Наумовну, бедную вдову, мать Мити. По первоначальному плану-сценарию в ее доме и должно было происходить первое действие. Митя сначала не был приказчиком Торцевого. На ранней стадии работы он представлялся автору в образе поэта из народа, но уже в первой редакции Островский сделал Митю приказчиком богатого купца, изменив соответственно про-

стой спокойный строй его речи на сентиментально витиеватый, соответствующий приказчичьей психологии. Значительной шлифовке от редакции к редакции подвергся и образ Любима Торцова, в котором драматург, с одной стороны, стремился подчеркнуть человечность, мягкость, доброту, с другой, замаскировать их шутовством и балагурством. (Более подробное сравнение редакций смотри: *К а ш и н, стр. 165—193.)*

Последняя редакция пьесы была закончена осенью 1853 г. В черновой рукописи комедии автор пометил: «Задумана 10 июля 1853 г.; начата 22 августа». 30 сентября Островский сообщал М. П. Погодину: «...совершенно занят окончанием моего последнего труда» *(ПСС, XIV, 39)*. 24 октября он писал тому же адресату: «...комедия кончена, дело теперь только за перепиской, ее нужно будет поскорее печатать» *(там же, стр. 41)*. 2 ноября драматург извещал Ф. А. Бурдина: «Болезнь помешала мне окончить комедию, как я обещал, т. е. к октябрю, но теперь я ее кончил, и она переписывается. Я пошлю ее к Вам, а Вы похлопочите, чтоб цензура поскорее пропустила. Ставить я приеду сам, я уж решился» *(там же, стр. 42)*.

23 ноября Островский читал пьесу у себя дома в кругу друзей, среди которых были: Ап. Григорьев, Е. Н. Эдельсон, скульптор Н. А. Рамазанов, художник П. М. Боклевский, музыкант А. И. Дюбюк, поэт Б. Н. Алмазов и другие. «Чуть не каждый день,— вспоминал И. Ф. Горбунов,— Александр Николаевич уезжал куда-нибудь читать свою новую пиэсу. Толков и разговоров об ней по Москве было много» *(Г о р б у н о в, т. III, ч. I, стр. 13)*.

Первого декабря писатель уведомлял Бурдина: «Новая моя комедия «Бедность не порок», наконец, отправляется к Вам в Петербург вместе с сим письмом, а придет, вероятно, днем позже, потому что отправлена через контору. Уже в чтении эта пьеса имела в Москве такой успех, какого не имела до сих пор ни одна моя комедия. Похлопочите, чтобы мне из цензуры получить ответ поскорее. Если она пройдет, то я тотчас же приеду в Петербург сам ставить. Надобно будет списать другой экземпляр, чтобы один оставить у вас, а другой послать поскорее в Москву. Если бы это можно было сделать к Святкам, то пьеса имела бы особенный эффект, потому что действие в ней во время Святок. Там есть прекрасная для Вас роль — Мити» *(ПСС, XIV, 42)*. 2 декабря Островский делился с Погодиным своей радостью: «Вот и опять торжество, и торжество небывалое. Успех последней моей комедии превзошел не только ожидания, но даже мечты мои. Я очень рад такому сочувствию...» *(там же, стр. 43)*; а через день извинялся перед ним: «...я действительно виноват,—писал драматург.— Я не читал у Вас своей комедии. Но до сих пор у меня не было ни одного свободного вечера ⟨...⟩ Во всяком случае, я должен у Вас прочитать комедию, я это знаю и прочитаю» *(там же, стр. 43)*. В конце декабря, беспокоясь об участи пьесы, которая «что-то застряла» в Петербурге, Островский в письме к Бурдину дал указания относительно костюмов действующих лиц: «Маша и Лиза в пьесе — купеческие девушки, одетые очень хорошо. Анна Ивановна в темном шелковом платье с открытым воротом, на голове повязан цветной шелковый платочек. Гордей Карпыч с бородой, но в коротком сюртуке, Любим Карпыч в летнем триковом пальто. Коршунов без бороды, одет, как купцы из немцев; Митя в длинном сюртуке,

белый коленкоровый платок на шее, Гуслин так же, Разлюляев в кафтане, сапоги высокие, с кисточками. Девушки, поющие песни,— из купеческих горничных. В Петербург я ехать думаю; но не знаю будут ли деньги» *(там же, стр. 44)*. Через месяц он вновь писал Бурдину: «Комедию мою давали в первый раз 25 числа, успех небывалый! Напишите мне о судьбе моей комедии у вас» *(там же, стр. 45)*

Премьера комедии «Бедность не порок» состоялась в московском Малом театре 25 января 1854 года.

Роли исполняли: Гордея Карпыча Торцова — П. Г. Степанов, Пелагеи Егоровны — М. Д. Львова-Синецкая, Любови Гордеевны — А. В. Воропова, Любима Карпыча Торцова — П. М. Садовский, Африкана Савича Коршунова — М. С. Щепкин, Мити — И. В. Самарин, Гуслина — Е. И. Климовский, Разлюляева — С. В. Васильев, Анны Ивановны — Л. П. Никулина-Косицкая, Маши — Н. Н. Никифорова, Лизы — А. И. Колосова, Егорушки — М. П. Садовский, Арины — С. П. Акимова, 1-й гостьи — Т. И. Кашина, 2-й гостьи — А. И. Лилеева, Старика — О. О. Лазарев, Вожака — Бобовский.

Автор принимал активное участие в постановке. «Роли были розданы,— вспоминал Горбунов,— и автор прочел ее артистам в одной из уборных Малого театра ⟨...⟩ Мнения в труппе относительно новой пьесы разделились. Хитроумный Щепкин, которому была назначена роль Коршунова, резко порицал пиесу. Он говорил: «бедность не порок, да и пьянство — не добродетель». Шумский следовал за ним. Он говорил: «Вывести на сцену актера в поддевке да в смазных сапогах — не значит сказать новое слово». Самарин, принадлежавший к партии Щепкина, хотя и чувствовал, что роль (Митя) в новой пиэсе ему не по силам,— молчал. А Петр Гаврилович Степанов говорил: «Михайлу Семенычу с Шумским Островский поддевки-то не по плечу шьет, да и смазные сапоги узко делает — вот они и сердятся» ⟨...⟩ Начались репетиции, и мы с Александром Николаевичем бывали на сцене каждый день. Наконец пиеса 25 января 1854 года была сыграна и имела громадный успех. Садовский в роли Любима Торцова превзошел самого себя. Театр был полон. В первом ряду кресел сидели: гр. Закревский и А. П. Ермолов — большой почитатель Садовского ⟨...⟩ Вплоть до масленицы пьеса не сходила с репертуара, несмотря на то, что ее загораживала гостившая в то время в Москве знаменитая Рашель»[1] *(Горбунов, т. III, ч. I, стр. 13, 14, 17)*.

В Александринском театре комедия впервые была представлена 9 сентября 1854 г., в бенефис режиссера А. А. Яблочкина. Эта постановка также осуществлялась под наблюдением Островского. Находясь в декабре 1853 г. в Петербурге, драматург сам распределял и читал актерам роли, наблюдал за репетициями пьесы. Исполнителями были: Гордей Карпыч Торцов — П. Г. Григорьев, Пелагея Егоровна — Ю. Н. Линская, Любовь Гордеевна — А. М. Читау, Любим Торцов — В. В. Самойлов, Коршунов — А. Е. Мартынов, Митя — Ф. А. Бурдин, Гуслин — Е. И. Климовский, Разлюляев — С. Я. Марковецкий, Анна Ивановна — П. И. Орлова, Маша — А. П. Натарова, Лиза — А. А. Каратыгина, Егорушка — воспи-

---

[1] Элиза Рашель — известная французская актриса, гастролировавшая в то время в России.

танник Зимин, Арина — П. К. Громова, 1-я гостья — Смирнова, 2-я гостья — Волкова, Старик — И. К. Смирнов, Вожак — А. А. Рассказов.

Бурдин в своих воспоминаниях отметил: «Комедия «Бедность не порок» окончательно утвердила за ним громкое имя, и это была первая пьеса, за которую он получил поспектаклькую плату, впрочем мизерную: из $^2/_3$ сбора — двадцатую часть» (*«Вестник Европы», 1886, № 12*).

Островский хотел опубликовать «Бедность не порок» в «Москвитянине», но вследствие обострившихся отношений с Погодиным не осуществил своего намерения, и комедия вышла отдельным изданием.

Пьеса и ее первые постановки вызвали ожесточенную полемику в прессе. Пожалуй, ни одно из произведений Островского не знало таких восторженных похвал и таких осуждающих укоров, как эта комедия.

Критики, сотрудничавшие в журнале «Москвитянин», Ап. Григорьев, Е. Н. Эдельсон, Б. Н. Алмазов и другие встретили комедию с восторгом.

Ап. Григорьев, увлеченный жизненной и художественной правдой произведения, назвал его «новым словом» русской драматургии. Он откликнулся на первую постановку комедии (см. ниже) пространной одой «Искусство и правда» (*«Москв.», 1854, № 4, февраль*), где, сравнивая образы Шекспира в трактовке Мочалова с реалистическими, живыми героями Островского, отдал предпочтение последним. В рукописи ода называлась «Рашель и правда» и имела посвящение: «Славной памяти Павла Степановича Мочалова и живой славе Александра Николаевича Островского и Прова Михайловича Садовского посвящает Ап. Григорьев» (*А. А. Григорьев, Материалы для биографии. Под ред. Вл. Княжнина, изд. Пушкинского Дома при Росс. Академии наук, Пг., 1917, стр. XIX*). По воспоминаниям современников, Ап. Григорьев «под первым впечатлением новой комедии написал было статью под заглавием: «Шире дорогу — Любим Торцов идет!», которая, впрочем, по настоянию Островского, в печати не появилась. Здесь, между прочим, говорилось: «Идет Любим Торцов — идет на нашу сцену, опоганенную всяким переводным и никуда не годным хламом,— настоящая русская жизнь; зарождается русское национальное искусство. Шире дорогу народной правде на сцене» (*см. статью П. О. Морозова в «Спб. вед.», 1904, 12 июня*).

Эдельсон считал, что в новой комедии, как и в «Своих людях», Островский выступил обличителем, но «его поразило другое зло,— писал критик,— нередко встречаемое в том же быту. Это фальшивая цивилизация, подражание внешним формам и привычкам образованного класса, в свою очередь заимствованным...». Говоря о высокой художественной отделке образа Любима Торцова, Эдельсон отмечал, что, несмотря на пьяную, беспутную жизнь, «в этом человеке сохранилось еще много дорогих человеческих свойств, которые не допустили его дойти до преступлений и по временам, в торжественных случаях, вспыхивают с такою свежестью и яркостью, что способны дать урок иному весь век безукоризненному человеку». Главное достоинство пьесы критик видел в обилии типов, которые драматург «успел вызвать из купеческого быта и которыми прекрасно обставил светлую сторону своей комедии». Недостатком же считал непрочную связь между основной мыслью и интригой, так

как, по его мнению, полное развитие интриги «становится ненужным в конце пьесы, и она разрешается почти случайным образом...» *(«Москв.», 1854, № 5, март).*

Критика либерально-эстетического направления с возмущением обрушилась и на Любима Торцова, и на его создателя, и на его восторженных приверженцев. Наиболее воинственным тоном отличалась рецензия «Отечественных записок», принадлежащая, по-видимому, С. С. Дудышкину. «Это называется у кого-то «новое слово»,— иронически восклицал автор рецензии,— это поставляется на вид, как лучший цвет всей нашей литературной производительности за последние годы! За что же такая невежественная хула на русскую литературу? Действительно, такого «слова» еще не говорилось в ней, такого героя никогда и не снилось ей...». Рецензент писал о Любиме Торцове: «Рассматривая это действительно небывалое литературное явление в тесной связи с тем, что ему непосредственно предшествовало, мы скорее приходим к той мысли, что оно не первое, а разве «последнее слово» давно существовавшего направления в нашей литературе. Далее идти, кажется, уже нельзя: самые прямые стороны действительности не только списаны подлинными ее красками, но и возведены в достоинство идеалов. Все это могло случиться лишь при крайнем упадке чистого вкуса и при совершенном забвении лучших преданий доброго старого времени» *(«Отеч. зап.», 1854, № 6).*

Сурово оценил пьесу Н. Г. Чернышевский. Опасаясь, что Островский под влиянием своих друзей, многие из которых разделяли взгляды славянофилов, свернет с пути правдивого отображения действительности, Чернышевский выступил в «Современнике» *(1854, № 5)* с резкой статьей против последней пьесы драматурга и против ее восторженных поклонников, в частности Ап. Григорьева. В комедии он увидел прежде всего «апотеозу старинного быта» и резко протестовал против приторного прикрашивания того, «что не может и не должно быть прикрашиваемо».

Критик-демократ утверждал: «Ложные по основной мысли произведения бывают слабы даже в чисто художественном отношении», и так как идею пьесы он считал глубоко ложной, то и со стороны художественной «новая комедия г. Островского,— писал критик,— слаба до невероятности». По мнению Чернышевского, драматург, «не заботясь о цельности и стройности произведения, написал «не комедию», не художественное целое, а что-то сшитое из разных лоскутков на живую нитку».

В заключение Чернышевский напутствовал драматурга, считая, что он «не погубил еще своего прекрасного дарования, оно еще может явиться по-прежнему свежим и сильным, если г. Островский оставит ту тинистую тропу, которая привела его к «Бедность не порок» *(Чернышевский, II, 232—240).*

Споры в критике по поводу пьесы Островского «Бедность не порок» не утихали долгое время.

Комедия с успехом шла на столичных и периферийных сценах. В ней пробовали силы лучшие артисты того времени. В газетах и журналах продолжали появляться различные рецензии на новые постановки, в которых критики невольно возвращались к трактовке самой пьесы.

В отзывах на вышедшее в 1859 г. первое Собрание сочинений Островского комедии «Бедность не порок», естественно, уделялось немалое внимание.

Первым откликнулся на это издание московский журнал «Атеней» статьей Н. П. Некрасова, которого Н. А. Добролюбов назвал самым нелепым «из критиков так называемой западнической партии». Н. П. Некрасов ограничился разбором лишь двух героев пьесы: Мити и Любима Торцова. Митя, на его взгляд, всего лишь незначительное видоизменение образа Бородкина («Не в свои сани не садись»), отличается от последнего «только бедностью, да любовью к поэзии». О Любиме Торцове критик писал: «Кто не видал в этой роли славного нашего артиста г. Садовского? Кого он не растрогал до глубины души своей игрой? Г. Садовский сделал то, что все едут в театр смотреть не комедию г. Островского, а г. Садовского в роли Любима Торцова. Но следует ли отсюда заключать, что Любим Торцов — лицо истинно художественное? Нисколько. Любим Торцов, отделенный от игры г. Садовского, не имеет никакого драматизма, ничего комического в самом произведении». И Митю, и Любима Торцова, и Любовь Гордеевну критик выводил за пределы комедии и несколько раз ставил вопрос: «Где же комедия? Неужели в одной пошлой обстановке, а не в лицах, не в действии и не в идее произведения? Неужели весь комизм его заключается в глупых фразах и песнях Разлюляева, в разудалых манерах Анны Ивановны, в безобразнейшем маскараде медведя с козою? Все это гадко, отвратительно, но отнюдь не смешно» *(«Атеней», 1859, № 8)*.

Отзыв автора статьи, опубликованной в «Отечественных записках», во многом совпадал с высказываниями критика «Атенея». «В этой пьесе г. Островский задал себе очень сложную задачу,— писал критик,— на нескольких примерах, на главном действии и на эпизодических сценах, доказать преимущество патриархального быта перед всяким другим. Гордей Карпыч Торцов гонится за внешним лоском, за цивилизацией — и чуть не гибнет. Митя, приказчик Торцова, любит Любовь Гордеевну, дочь его, но им не удается сочетаться до тех пор, пока на место их личной воли, основанной на истинном чувстве, не становится воля Торцова, основанная на самодурстве...». Критик считал, что «вся пьеса держится одною ролью Любима Торцова, и то (в Москве, по крайней мере) благодаря удивительной игре г. Садовского. Следы прежней творческой способности автора сохранились только в двух-трех истинно комических сценах и в чрезвычайно типическом языке всех действующих лиц — в языке, созданием которого автор может по справедливости гордиться и который он выработал до поразительного совершенства и естественности» *(«Отеч. зап.», 1859, № 8)*.

Статья А. В. Дружинина о творчестве Островского с восторженным отзывом о комедии появилась в цитадели «чистого искусства» — «Библиотеке для чтения» (*1859, № 8*). По словам критика, пьеса поразила его поэзией. Предупредив внимательных судей, что они найдут в пьесе «неоспоримые недостатки постройки, слишком крутую и прихотливую развязку, некоторую бедность комических положений», Дружинин писал: «Во множестве сцен и подробностей разлита поэзия, нами указанная, поэзия здоровая и сильная, от которой Русью пахнет, в самом лучшем смысле этого выражения. Она сказывается в отношениях Любима Торцова к бедному мальчику, его пригревшему, в раздирающем душу прощании молодых любовников под глазами плачущей матери, в отдаленном уголку дома, в милом и симпатическом лице бойкой вдовы Анны Ивановны, и, наконец, в капитальной сцене всего произведения, которая обнимает собою святочный вечер в доме Торцова...» *(Дружинин, VII, 545)*.

Подводя итоги дискуссии об Островском вообще и об этой пьесе в частности, Добролюбов в статье «Темное царство» счел нужным указать на то, что литературная деятельность Островского «не совсем чужда была тех колебаний, которые происходят вследствие разногласия внутреннего художнического чувства с отвлеченными, извне усвоенными понятиями». Этими колебаниями Добролюбов и объяснял совершенно противоположные заключения критиков о смысле одних и тех же фактов, выставлявшихся в комедиях Островского. «Конечно, обвинения его в том, что он проповедует отречение от свободной воли, идиотское смирение, покорность и т. д.,— писал Добролюбов,— должны быть приписаны всего более недогадливости критиков: но все-таки, значит, и сам автор недостаточно оградил себя от подобных обвинений. И действительно в комедиях «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок» и «Не так живи, как хочется» — существенно дурные стороны нашего старинного быта обставлены в действии такими случайностями, которые как будто заставляют не считать их дурными. Будучи положены в основу названных пьес, эти случайности доказывают, что автор придавал им более значения, нежели они имеют в самом деле, и эта неверность взгляда повредила цельности и яркости самых произведений».

Анализируя комедию, Добролюбов отметил, что она «очень ясно представляет, как честная, но слабая натура глохнет и погибает под бессмыслием самодурства». Гордея Карпыча критик считал самодуром уже в полном смысле. Кроткие натуры Любови Гордеевны и Мити представляют собою, по Добролюбову, образец того, «до чего может доходить обезличение и до какой совершенной неспособности к самобытной деятельности доводит угнетение даже самую симпатичную самоотверженную натуру». Выводы Добролюбова по рассмотрении комедии сформулированы им следующим образом: «Преследование самодурства во всех его видах, осмеиванье его в последних его убежищах, даже там, где оно принимает личину благородства и великодушия,— вот, по нашему убеждению, настоящее дело, на которое постоянно устремляется талант Островского, даже совершенно независимо от его временных воззрений и теоретических убеждений» (*Добролюбов*, *V*, *24—25*, *85*, *89*, *93*).

О комедии «Бедность не порок» тепло отзывались великие современники драматурга — А. Ф. Писемский, И. А. Гончаров, Л. Н. Толстой.

Писемский писал драматургу: «Я прочел ее с большим нетерпением и с большим удовольствием и вот тебе мое замечание, если не побрезгуешь им: надобно бы было больше развить левую сторону — для этого стоило прибавить хоть одну задушевную сцену между Г⟨ордеем⟩ Кар⟨пычем⟩ Торцовым и Коршуновым, и в Г⟨ордее⟩ Карпыче выразить поярче тиранию в семействе; это бы осветило много и правую сторону, которую, пожалуй, можно бы было пожжать. Журнальные укоры в случайности развязки — вздор — в ней прекрасно выразился самодурный характер Торцова» (*А. Ф. Писемский. Материалы и исследования*, *изд-во Академии наук СССР*, *М.—Л.*, *1936*, *стр. 75*).

Гончаров в неоконченной статье об Островском, высказывая мысль о психологизме его пьес, сослался в качестве примера на героев комедии «Бедность не порок». «У Островского, конечно,

не сложен психический процесс — он отвечает степени развития его героев и также ограничивается условиями драматической формы. Но у него нет ни одной пьесы, где бы не был затронут тот или другой чисто человеческий интерес, чувство, жизненная правда. Рядом с самодурством, в такой же грубой форме, сквозит человечность (например, в Любиме Торцове).

Автор, даже вопреки строгим условиям критики, почти никогда не оставляет самодура кончить самодурством — он старается осмыслить и отрезвить его под конец действия — например, того же Торцова (брата) или Брускова,— не слушая голоса логической правды и увлекаясь симпатией ко всему этому своему люду» *(И. А. Гончаров, Собр. соч., т. 8, М., Гослитиздат, 1955, стр. 181).*

В. Ф. Лазурский в своем дневнике, приводя высказывание Льва Толстого, отметил: «Из пьес Островского Лев Николаевич особенно любит «Бедность не порок», называет ее веселой, сделанной безукоризненно, «без сучка и задоринки» *(«Восп.», стр. 308).*

История первой постановки комедии в Малом театре неразрывно связана с именем талантливого исполнителя образа Любима Торцова — П. М. Садовского, которому и посвящена эта пьеса. Все рецензии и отзывы, воспоминания и письма современников единодушны в оценке исключительного совершенства игры актера.

Именно игра Садовского привела в экстаз Ап. Григорьева, воспевшего первую постановку пьесы высокопарным слогом оды:

«Поэта образы живые
Высокий комик в плоть облек...
Вот отчего, теперь впервые
По всем бежит единый ток:
Вот отчего, театра зала
От верху до низу, одним
Душевным, искренним, родным
Восторгом вся затрепетала.
Любим Торцов пред ней живой
Стоит с поднятой головой,
Бурнус напялив обветшалый,
С растрепанною бородой,
Несчастный, пьяный, исхудалый,
Но с русской чистою душой...»

(«Москв.», 1854, № 4, февраль).

Вспоминая Садовского в этой роли, Д. А. Коропчевский писал: «Я, как теперь, вижу оборванного, небритого, съежившегося от холода человека ⟨...⟩ Он входит в комнату, приподняв плечи, и плотно прижав руки, засунутые в карманы, как жестоко иззябший человек; и в этой жалкой позе он умеет придать себе достоинство, вызвать одновременно и искренний смех, и глубокое участие, и живой интерес ⟨...⟩ Что-то истинно трагическое, величавое было в этом нищем...» *(ЕИТ, сезон 1894—1895 гг., Спб., 1896, Приложение 2, стр. 24, 27).*

Современники писателя восприняли Любима Торцова как явление типическое, разговор на злобу дня. Основываясь на воспоминаниях очевидцев, П. О. Морозов писал о созданном Садовским не-

забываемом и удивительно глубоком образе: «Выражаясь языком того времени, артист «возвел в перл создания» один из типов, довольно обычных в старой купеческой Москве. Не чуждые ни способностей, ни доброго сердца, эти люди, спившиеся с кругу, теряли всякое чувство приличия, не думали скрываться от публики в своем зазорном виде; напротив, любили появляться в людных местах, особенно в Гостином дворе, где проказили и юродствовали на потеху сидельцев и проходящих. Некоторые из них были грамотны и поэтому, встречаясь с прохожими, декламировали перед ними какие-нибудь стихи, например «Мужайся, стой и дай ответ!» (подражание «Иову» Ломоносова) ⟨...⟩.

В то время манера мочаловской дикции была усвоена многими, и тон трагика в стиле Мочалова был довольно распространен в Москве. Эту трагическую декламацию и усвоил Садовский для роли Л. Торцова: этим тоном он передавал свою исповедь Мите, и в его передаче удивительно соединялись и напускной трагический пафос, и паяснические выходки, и глубокое задушевное чувство...» *(«Спб. вед.», 1904, 12 июня)*.

С. В. Максимов в своих мемуарах отметил, что, по сведениям, полученным из достоверного источника, «основа того рассказа о похождениях купеческого брата, предавшегося загулу и потерявшегося, на которой возник высокохудожественный образ Любима Торцова», принадлежит И. И. Шанину, близкому знакомому драматурга в пору его молодости. Шанин был умный человек с бойким словом, своеобразным взглядом на купеческий быт и умением давать остроумные, меткие характеристики. «С его бойкого языка,— писал Максимов,— немало срывалось таких ловких и тонких выражений и прозвищ (вроде, например, «метеоров» для пропащих, пропойных людей), которые пригодились в отделке комедий...» *(Максимов, стр.* 58). В труде Н. М. Барсукова также есть указание на то, что тип Любима Торцова целиком вылился из рассказов И. И. Шанина *(*см.: *Барсуков, XI, 76)*.

Вспоминая первые спектакли Малого и Александринского театров, Ап. Григорьев писал: «В Москве Гуслина играл даровитый как певец и как актер Евгений Климовский, Анну Ивановну — Никулина-Косицкая, создавшая из нее лицо дивно поэтическое в русском смысле, Разлюляева — незабвенный великий комик С. Васильев. И что за красота, соединенная с юмором, была в пляске Разлюляева с Анной Ивановной!.. Все второстепенное было изумительно хорошо, от Егорушки до вожака медведя и песенника. Какие старухи там были и как вся сцена пирушки шла так полно и жизненно!» Из главных героев пьесы критику не понравилось исполнение роли Мити И. В. Самариным и Любови Гордеевны А. В. Вороновой *(«Якорь», 1863, № 11)*.

Первые спектакли в Петербурге, хотя и были приняты зрителями горячо, не оставляли того целостного впечатления ансамбля, которым характеризовалась постановка в Москве. На петербургской сцене было значительно меньше и оригинальных дарований. По мнению Ап. Григорьева, большинство из актеров Александринской сцены в этом спектакле не сумели по-настоящему войти в роль. Ф. А. Бурдин — Митя «злоупотреблял приказчичьей героикой», С. Я. Марковецкий — Разлюляев вообще «убил» свою роль полным непониманием русского юмора. В исполнении Ю. Н. Линской роли Пелагеи Егоровны, «кроме хныканья», ничего не было *(«Якорь», 1863, № 11)*.

Об игре В. В. Самойлова П. Д. Боборыкин писал следующее: «Его Любим Торцов был найден деланной фигурой. Самойлова упрекали — особенно поклонники Садовского — в том, что он играл это лицо слишком по-своему, без всякого знания купеческого быта, и даже позволял себе к возгласу Торцова: «Изверги естества» — прибавлять слово «анафема» и при этом щелкать пальцами» *(П. Д. Боборыкин, Воспоминания в 2-х томах, т. 1, М., «Художественная литература», 1965, стр. 217)*.

Однако, по отзывам многих лиц, первый спектакль в Александринском театре был достаточно интересен. В письме к драматургу от 11 сентября 1854 г. М. Н. Островский отметил, что Бурдин в роли Мити был выше Самарина и первый акт комедии «решительно вынес на своих плечах». Только в последнем действии он несколько испортил роль «чересчур плача и приходя в отчаяние» *(ГЦТМ)*. Артист Климовский в письме к Островскому от 23 сентября того же года высоко оценил игру Читау: «Любушка была хороша... чувства бездна» *(ГЦТМ)*. По мнению рецензента «Библиотеки для чтения» *(1854, № 10)*, «постановка 9 сентября 1854 г. на сцене Александринского театра комедии «Бедность не порок» снова выдвинула молодого артиста. Г-н Бурдин очень хорошо исполнял роль Мити, несмотря на то, что наружность его не совсем соответствовала этой роли. В игре его от начала до конца было достаточно простоты, чувства и художественной обработки». Рецензент «Санктпетербургских ведомостей» *(1854, 22 сентября)*, называя комедию с литературной точки зрения «несостоятельною», в то же время писал, что, если смотреть на пьесу как на произведение сценическое, «достоинства ее в этом отношении несомненны, чем вполне объясняется и успех ее». Из актеров он выделил Самойлова, игра которого ему представлялась «удовлетворяющею самым строгим требованиям». Орлова и Линская, на его взгляд, «были бесподобны», одна в роли вдовы Анны Ивановны, характер которой был передан типически верно до мельчайших подробностей, а другая в роли купчихи Пелагеи Егоровны. Ролью Мити, исполненной Бурдиным, рецензент также остался доволен, отметив, что «он во многих сценах играл с большим чувством».

«Любезный Федор Алексеевич,— писал Островский Бурдину 4 октября 1854 г.,— по дошедшим до меня известиям, Вы прекрасно исполнили роль Мити, за что примите от меня сердечную благодарность. Поклонитесь от меня г. Яблочкину и поблагодарите его за постановку пьесы и всем, всем 〈...〉 Поклонитесь от меня Леонидову и Климовскому, которого я очень благодарю за память обо мне, и попросите его прислать мне музыку, написанную Кажинским на мой романс «Нет то злей, постылей» *(ПСС, XIV, 46—47)*. По отзывам современников, Островский остался недоволен исполнением роли Мити Самариным. Вспоминая впоследствии первый спектакль, он говорил: «... я ужасно боялся, когда он стал читать монолог, стоя у окна и как-то по-французски поджав ногу. Вот-вот, думаю, упадет, потому что так стоять человек обыкновенный не может. Думал, упадет он, опустится занавес, и пиеса не пойдет. Но, слава богу, кончилось благополучно» *(«Восп.», стр. 374)*.

В апреле 1857 г. в Петербург на гастроли приехал Садовский. О громадном успехе актера в роли Любима Торцова сразу же сообщил писателю Эдельсон: «Садовский дебютировал в «Бедности не порок» во вторник 23 апреля. Несмотря на дурную погоду в этот день, театр был почти полон...» Эдельсон писал: «...его игра была рядом торжеств. Уж и постарался же он! Я спрашивал его на другой

день, что он делал особого в этот раз и почему игра его была так особенно рельефна, всякое слово так хлестко? Он отвечал мне, что хотел повнятнее передать публике точные слова роли, которые здесь безжалостно коверкаются 〈...〉 Впечатление, произведенное на всех незнакомою петербургской публике игрою Садовского, новость и неожиданность смысла, который он придал знакомой всем роли, были так сильны, что сами актеры поддались этому обаянию и сделались тоже как будто публикой» *(«Неизд. письма», стр. 675—676).*

Рецензент «Северной пчелы» *(1857, 29 апреля)*, скрывшийся за псевдонимом «Эрмион», писал: «Г-н Садовский понял и дивно решил задачу автора. Он представил не пошлого пьяницу, негодяя, шута, а несчастного человека, увлеченного в разврат легкомыслием, дурным обществом и злобою других. В нем говорила горечь безотрадного раскаяния, в котором отзывались звуки светлого ума и доброго сердца. Другие артисты (и с большими дарованиями) в этой роли смешили нас, Садовский извлекал слезы простотою, истиною, глубоким чувством». С обстоятельной статьей «Садовский в Петербурге» выступил И. И. Панаев. «Роль Любима Торцова есть торжество Садовского,— писал критик,— вся сила, глубина и широта его таланта являются здесь во всем величии». С большим воодушевлением критик отмечал: «...счастлив писатель, нашедший такого истолкователя и исполнителя своих произведений, такое счастье не всем выпадает на долю; счастлив в свою очередь и актер, нашедший писателя, доставившего ему возможность обнаружить перед публикою всю силу, великость и разнообразие своего таланта!» *(«Совр.», 1857, № 6).*

В 1855 г. роль Любима Торцова впервые сыграл знаменитый русский актер М. С. Щепкин. Он выступил в Нижнем Новгороде на летней ярмарке и, по его собственным словам, «играл 19 спектаклей и из них 14-ть сряду каждый день...». В письме к сыну 22 августа 1855 г. Щепкин объяснил причины, которые заставили его взяться за эту роль: «Живя на даче нынешнее лето, я от скуки выучил роль Любима Торцова из комедии «Бедность не порок», в которой Садовский так хорош, но сама по себе роль при его игре грязна. Чем более я вникал в оную, тем более убеждался, что в ней можно отыскать чисто человеческую сторону, и тогда самая грязь не будет так отвратительна, но как я не слишком доверяю моей старой голове, то мне нужно было для полного убеждения ее сыграть где-нибудь. В Москве играть ее было неловко 〈...〉 а сыграть мне было нужно эту роль. Это была потребность души, и вот причина моей поездки...» (*Т. С. Гриц, М. С. Щепкин, Летопись жизни и творчества, М., «Наука», 1966, стр. 553).*

Впечатления современников артиста о первом спектакле с его участием передал Е. И. Якушкин: «Щепкина, разумеется, принимали отлично... Игра Щепкина была, по моему мнению, слаба: во 1-х, он с самого начала расчувствовался и беспрестанно плакал, во 2-х, он произносил свою роль как-то нараспев — чего я прежде за ним не замечал 〈...〉 Тотчас после окончания комедии я пошел в уборную к М. С. Там уже сидели Боткин и Анненков. Оба превозносили до неба игру Щ〈епкина〉. В. П. Боткин беспрестанно повторял: «Прекрасно, прекрасно, превосходно», а П. В. 〈Анненков〉 уверял, что М. С. создал совершенно новое лицо. «Видите ли что,— сказал М. С.,— Садовский не дает никакой жизни этому лицу, поэтому прекрасная роль пропадает, а лицо это мне знакомое; я вам расска-

зывал про Пантелей Иваныча, мне стоило только вспомнить о нем, чтобы понять роль. Это не простой пьяница,— а прекрасный, добрый, благородный человек, который по несчастью спился...» *(там же, стр. 550—551)*.

Присутствовавший на спектакле рецензент «Санктпетербургских ведомостей» А. Чужбинский писал: «Первый раз удалось мне видеть Щепкина в роли Любима Торцова, и хотя он задумал ее совершенно иначе, чем Самойлов, однако, исполнил очень хорошо. Щепкин даже более похож на Любима Торцова, сколько я понимаю эту роль» *(там же, стр. 449—550)*.

Достойного исполнителя роли Любима Торцова петербургский зритель нашел в лице еще одного замечательного русского актера — П. В. Васильева, сменившего на Александринской сцене В. В. Самойлова. О гастролях Васильева в Москве писал А. Н. Баженов: «...актер передал роль Л. Торцова необыкновенно отчетливо, сильно прочувствовал и особенно хорош был в сценах с братом: тут у него вырывались иногда такие правдивые задушевные ноты, которые шли прямо к сердцу. Строгость, с которой отнесся молодой исполнитель к роли, делает честь ему и свидетельствует об его серьезном взгляде на искусство: в нем ни разу не заметно было желания посмешить публику, он не позволил себе ни одного фарса». Сравнивая, однако, игру Васильева с исполнением Садовским этой роли, критик отдавал предпочтение последнему: «...разница между тем и другим исполнением заключается в том, что Торцов—Васильев легче относится к своему положению, а потому как будто и добрее и не так зол на брата, тогда как Торцов—Садовский глубже горюет о своей печальной доле, подавлен ею, в брате видит заклятого врага своего, а потому шутка его злее и более отзывается сарказмом, а сам он флегматичнее» *(«Моск. вед.», 1861, 2 декабря)*.

Об игре Васильева драматург Д. В. Аверкиев говорил, что он «досказывал автора» и стремился, «как можно глубже, как можно человечнее изобразить данное лицо». Аверкиев писал: «В Любиме Торцове он плакать вас заставлял 〈...〉 Да, горька эта глубокая ирония над самим собою; горько это самоочищение; эта трудная дорога, чтоб «человеком стать». Такой актер, по мнению Аверкиева,— «это наука, это воспитание, это правда, это польза» *(«Эпоха», 1864, № 10)*.

Проникновенно писал о Торцове — Васильеве и Ап. Григорьев: «Анализировать по частям создание этого лица П. Васильевым невозможно. Это — мочаловское, всю душу вашу захватывающее создание. Перед вами является человек разбитый, пропившийся, чуть не помешавшийся,— но вы чувствуете, какой огонь кипит в этой необузданно страстной натуре,— вы в этой измятой, изрытой жизнью физиономии видите еще следы благородства и красоты, в этих потухших, посоловелых глазах вспыхивает еще огонь вулкана,— этот дребезжащий голос разрешается диким, но трагическим воплем при воспоминании о Ляпунове театра... А горе-то, горе какое безысходное звучит в каждом слове его исповеди... Откуда взялся у П. Васильева даже мочаловский шепот, отдавшийся во всех слоях театральной залы на словах «Эх! Срамота, срамота!», произносимых им совершенно своеобразно... И за этими взрывами вулкана — тупая улыбка пьяного человека, с которой он засыпает на мысли, что он с братом штуку выкинет» *(«Якорь», 1863, № 11)*.

По воспоминаниям артиста К. В. Загорского, Островский всегда с похвалою отзывался о П. В. Васильеве, а на вопрос: «Кто лучше

исполнил роль Торцова: П. В. Васильев или П. М. Садовский?» — отвечал: «Оба играют очень хорошо» («*Восп.*», *стр. 375*).

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 140 раз, в Петербурге, в Александринском театре, — 109 раз (последний спектакль в Москве состоялся 5 сентября 1883 г., в Петербурге — 15 мая 1886 г.).

Стр. 330

Красоты ее не можно описать!.. — слова из старинной народной песни «Как за реченькой слободушка стоит...» (см.: *А. И. Соболевский, Великорусские народные песни, т. II, Спб., 1896, № 440*).

Стр. 333

Любить друга можно, нельзя позабыть!.. — слова из песни «Никак невозможно без печали жить» (см.: *П. И. Якушкин, Сочинения, Спб., 1884, стр. 604; П. В. Киреевский, Песни в 2-х частях, ч. 2, М., 1929, стр. 62*).

Что на свете прежестоко?.. — вариант песни (см.: *Соболевский, т. III, 1897, № 386*). По мнению Г. Т. Синюхаева[1], Островский мог записать эту песню у Л. П. Никулиной-Косицкой, которая утверждала, что «эту песню тогда все пели» (см.: *А. С. Гацисский, Люди Нижегородского Поволжья, Нижний Новгород, 1887, стр. 66*).

Стр. 334

Одна гора высока... — плясовая песня (см.: *Соболевский, т. IV, 1898, стр. 25—26*; *Ф. Студитский, Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний, Спб., 1841*).

Нет-то злей, постылее... — Слова песни принадлежат А. Н. Островскому; музыку к ней написал композитор В. М. Кажинский — капельмейстер Александринского театра (*ПСС, XIV, 46*).

Стр. 335

Ух! Как гусара не любить!.. — плясовая припевка (*см.: Полный песенник..., ч. II, М., 1880, стр. 105*).

Размолодчики вы молоденькие... — Близкие варианты этой песни см. у «П. В. Шейна «Великорусс» (*т. I, Спб., 1900, стр. 187, 190*) и у Соболевского (*т. II, стр. 59—64*). Вариант, буквально совпадающий с текстом Островского, сохранился в записи Г. И. Успенского («*Минувшие годы*», *1915, № 5, стр. 217*).

Стр. 339

Уж и как это видно... — Песня напечатана в собрании И. Сахарова «Сказания русского народа» (*т. I, кн. 3, изд. 3, Спб., 1841, стр. 210—211*). Островский мог записать ее с голоса Л. П. Косицкой или Т. Филиппова.

Летал медведь по поднебесью... — Эту шуточную песню Островский вспоминал в письме к друзьям (см.: *ПСС, XIV, 64*). *Ах, бей в доску...* — первая часть песни — веселые плясовые стихи о свадьбе городов (см.: «*Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым*», *М., Гослитиздат, 1938, стр. 290*). Вторая часть — шуточная припевка о хлебных злаках (см.: «*Смоленский этнографический сборник*», *т. IV, Спб., 1898, стр. 497*).

---

[1] См. сноску на стр. 497.

Стр. 340
Вечор девки...— Песня есть в записи Шейна (*т. I*, *стр. 250*) и Соболевского (*т. VII*, *1902*, *стр. 43—46*).

Стр. 341
Не цветочек в поле вянет, не былинка...— По мнению Г. Синюхаева, песня сочинена самим Островским под влиянием песен А. В. Кольцова (см.: «*Известия ОРЯС 1923 г.*», т. XXVIII, стр. 24).

Стр. 342
Бурнус — род женского пальто в виде накидки.

Стр. 343
...в частном доме не ночевывал...— Частный дом — место заключения при городской полиции.
«*Пей под ножом Прокопа Ляпунова!*» — Цитата из пьесы Н. В. Кукольника «Князь Михаил Васильевич Шуйский», акт пятый.
Заторщик из бражного — человек, затирающий, т. е. ставящий затор, замешивающий пиво; здесь — в переносном смысле вовлекающий в пьянство.
... на лихачах с градом закатывал...— с шумом, треском, со стуком колес по мостовой.

Стр. 351
За реченькой за быстрою...— народная песня, начинающаяся словами: «Калинушка с малинушкой лазоревый цвет» (см.: *Соболевский*, *т. II*, *стр. 216)*. Песня записана Т. Филипповым в Ржевском уезде Тверской губернии и помещена в сборнике К. П. Вильбоа «Русские народные песни». Текст под редакцией Ап. Григорьева при содействии А. Н. Островского, Т. И. Филиппова и П. И. Якушкина *(Спб.*, *1860)*.

Стр. 352
Эх, тряхону ль я старину...—популярный в дореволюционное время стих о Фоме и Ереме, переделанный из «Повести о двух братьях Ереме и Фоме» конца XVIII в. В начале XIX в. перешел в лубок (см.: «*Русская песня*», *ч. I*, «*Лубок*», *М.*, *Гослитиздат*, *1939*, *стр. 54*). У Соболевского есть 14 вариантов этой песни *(т. VII*, *1902*, *№ 1—12)*.
Ах, вожжи во Калуге...— плясовая припевка (варианты см.: «*Новейший российский избранный песенник*, *1819*»).

Стр. 353
Сей, мати, мучицу...— обрядовая народная песня (подблюдная) (см.: *Сахаров*, *Сказания русского народа*, *стр. 13; П. В. Шейн*, *Великорусс*, *т. I*, *1900*, *стр. 326)*.
Сидит воробей...— святочная песня (см.: *Сахаров*, *стр. 15)*.

Стр. 354
Как уж наши молодцы...— видоизмененная скоморошечья юмореска (см.: *А И. Орлов*, *А. Н. Островский и фольклор Ивановской области*, *Иваново*, *Огиз*, *1948*, *стр. 26—28)*.
Ах, патока, патка...— см. прим. к стр. 46.

Стр. 355
Как у нас-то козел...— Песня записана А. Н. Островским. П. В. Шейн говорил, что она сообщена была ему самим драматургом в 60-х годах вместе с другими ценными песнями (см.: *П. В. Шейн*, *Народная песня и Пушкин.* — «*Ежемесячные сочинения*», *1900*, *№ 5—6*, *стр. 93)*.

Стр. 360
А кто у нас холост... — Начало песни сходно с записью Сахарова *(стр. 120)*, а конец — с записью Шейна («*Великорусс*», *т. I*, *1900*, *стр. 712)*. Песня с закрепленным текстом принадлежит к числу популярных старинных песен. С. В. Максимов дает полный ее вариант в журнале «Ласточка» *(1884*, *№ 4*, *стр. 34)*.

Стр. 361
Поблекнут все цветики во саду... — Песня записана Островским и помещена в сборнике Вильбоа *(№ 1*, «*Свадебная*»*)*. Другие редакции есть в «Сборнике песен Самарского края. Сост. В. Варенцовым».
Ты родимая моя матушка!.. — Песня записана самим А. Н. Островским. Помещена в сборнике песен Вильбоа *(№ 2*, «*Свадебная*»*)*.

Стр. 362
... в хлопочках берегла... — хлопочки — пакля, мягкие очески льна, конопли. В данном контексте: оберегая, пестуя.

Стр. 372
С пальцем девять, с огурцом пятнадцать! — Выражение, ведущее начало от старого обычая в московских парикмахерских. Цирюльник обычно узнавал у клиента, как тот желает бриться: с огурцом за щекой, для удобства бритья, что стоило 15 копеек, или с пальцем цирюльника — 9 копеек.

Стр. 378
У нас дело-то сделано... — Конец свадебной песни: «Кони вы мои кони, кони вороные» (см.: «*Песенник*», *ч. 1*, *Пб.*, *1819*, *стр. 20)*.

Э. Л. Ефременко

НЕ ТАК ЖИВИ, КАК ХОЧЕТСЯ

Впервые опубликовано в журнале «Москвитянин», 1855, № 17 и 18, сентябрь, стр. 18—70.

Рукописные источники:

неполный черновой автограф *(ЧА)* пьесы. Первоначальный заголовок — «Божье крепко, а вражье лепко: масленица». Судя по разноформатной бумаге, дублирующимся сценам и репликам, *ЧА* составлен из отдельных листов, отражающих разные стадии работы, текст его во многом отличен от первопечатного *(ГБЛ)*. Исследователь рукописей Островского Н. П. Кашин считает, что *ЧА* отражает две редакции драмы: первая была задумана в пяти актах. Действие происходит в XVII веке в большом волжском городе. Действующие лица: «Григорий Ив., купец, и Геннадий Потап., мужик», «хор». Согласно этому замыслу драматург успел написать лишь первое явление первого действия и начальную реплику второго явления. Вторая редакция, зафиксированная в этом же автографе, дает знакомый нам по окончательному тексту список персонажей. Действие переносится в Москву, сначала в XVI столетие, потом отнесено к концу XVIII века (см.: *К а ш и н*, *II*, *193—235*);

театральная писарская копия *(ТПК)*, режиссерский экземпляр Александринского театра. Полный текст драмы. На первом листе два заглавия: «Не так живи, как хочется» и ниже: «Божье крепко, а вражье лепко». На рукописи множество режиссерских пометок. Есть реплики, вписанные карандашом, но не рукой Островского. Однако

эти реплики несомненно авторского происхождения, так как они вошли в печатный текст *(ЛГТБ)*;

две авторизованные театральные писарские копии: *$АТК_1$*— цензурованная рукопись, которой пользовался режиссер Малого театра. Полный текст пьесы, без подписи, но с датой на последнем листе: «1854 год. Октября 31 дня», написанной рукой Островского. В этой копии автором исправлены некоторые описки и пропуски слов, сделанные переписчиком. На *$АТК_1$* имеется помета цензора Нордстрема: «Одобряется к представлению. С. Петербург 18 ноября 1854 г.» — и множество служебных режиссерских записей, в частности надпись на первом листе: «Для бенефиса актера Полтавцева в конце декабря 1854. 18 3/XII 54» *(ММТ)*. *$АТК_2$*— экземпляр суфлера Малого театра, писарская копия, наиболее близкая к основному тексту. Уже в слое писца в *$АТК_1$* и *$АТК_2$* есть реплики, которые отсутствуют в *ТПК*. Кроме того, в *$АТК_2$* Островский вносил множество исправлений, уточнений и новых реплик, которые вошли в первопечатный текст. Правка продолжалась и после публикации пьесы в «Москвитянине», так как многие реплики отменяют журнальный текст и совпадают с текстом изд. Г. А. Кушелева-Безбородко. По-видимому, исправления на *$АТК_2$* переносились самим Островским в разное время с неизвестного экземпляра, который он готовил для печати. Неотчетливые карандашные исправления автора на *$АТК_2$* позднее обведены более черным карандашом, что исказило графику Островского *(ММТ)*.

Сопоставление текстов театральных копий, в основе совпадающих с печатным, помогает выявить ошибки и искажения переписчиков и наборщиков.

Островский работал над драмой с августа (на *ЧА* есть помета автора: «Августа 4-го, в 6 час. веч.») по ноябрь 1854 г. 22 ноября он читает пьесу в салоне графини Е. П. Ростопчиной («Письма к А. В. Дружинину», М., Гослитмузей, 1948, стр. 279).

Для Собрания сочинений изд. Г. А. Кушелева-Безбородко текст заново готовился автором, в пьесе были сделаны значительные исправления. Так, например, в действии первом Островский дополняет монолог Ильи (явл. 2), усиливая обличение мирской суеты и скверны. Из монолога Петра (явл. 6), напротив, убирает повторы, сокращает его жалобы на жену. В действии втором автор «сжимает» многие реплики Петра, что делает его речь более страстной, экспрессивной. В действии третьем драматург дописывает сцену галлюцинаций Петра, подчеркивая пагубные последствия его пьяного загула.

Текст изд. Г. А. Кушелева-Безбородко воспроизводился во всех последующих прижизненных изданиях без изменений.

Печатается по тексту изд. Г. А. Кушелева-Безбородко, т. II, с устранением опечаток и искажений по рукописям и первопечатному тексту:

Стр. 380, строка 7
«Чует, чует мое сердце» *вместо* «Чует мое сердце» *(по ЧА, ТПК, «Москв.»)*.

Стр. 380, строка 8
«чему и быть-то» *вместо* «чему и быть» *(по ЧА)*.

Стр. 382, строка 15
«мне и не жить» *вместо* «мне не жить» *(по ЧА, $АТК_{1-2}$, «Москв.»)*.

Стр. 395, строка 27
«да и прозябла» *вместо* «да прозябла» *(по ЧА, $АТК_{1-2}$, ТПК).*

Стр. 397, строка 15
«Да уж мне» *вместо* «Да мне» *(по ЧА, ТПК).*

Стр. 400, строка 39
«человек не разлучит» *вместо* «человек не разлучает» *(по ЧА).*

Стр. 406, строка 7
«в ногах валяться» *вместо* «в ногах кланяться» *(по ЧА).*

Стр. 411, строка 21
«на белом на свете» *вместо* «на белом свете» *(по ЧА).*

Стр. 411, строка 33
«из земли выкопаю» *вместо* «из земли вытащу» *(по ЧА, $АТК_{1-2}$, ТПК).*

Стр. 413, строка 2
«Дело ты сделала» *вместо* «Дело сделала» *(по ЧА).*

Пьеса «Не так живи, как хочется» написана в пору увлечения Островского и всей молодой редакции «Москвитянина» патриархальным бытом, традициями, русской стариной, песнями, сказами. Если драматическая коллизия первых произведений, впитавших в себя живые наблюдения за повадками и нравами купечества, определялась социальными причинами, то в этой пьесе, основой которой является фольклор, автор обращается преимущественно к морально-этическим проблемам.

Основная мысль драмы так сформулирована самим Островским в его черновой заметке: «Идея пьесы «Божье крепко, а вражье лепко». Брак — дело божье.— Любовь и сожитие только крепки в браке, только над браком благословение, в браке мир и тишина, несчастие легче переносится, счастие усторяется. Нелюбовь между супругами всегда приводит к дурному и показывает на отсутствие нравственных начал по крайней мере в одном из супругов» *(ПД).*

Пьеса строится на конфликте в душе героя идеи долга и человеческого желания, заостренного драматургом до степени своеволия. При этом априорно, уже в названии декларируется безусловное подчинение долгу, смирение перед «заветами».

Критики из молодой редакции «Москвитянина» высоко оценивали драму, которая родилась в их кружке, была вдохновлена их беседами, их симпатиями, всей той духовной атмосферой, которой дышали и жили младославянофилы.

Один из первых печатных откликов принадлежит Тертию Филиппову. В «Русской беседе» он поместил большую статью, в которой оценивал пьесу с ретроградных, ветхозаветных позиций, превознося все то, что представляет самые слабые ее стороны. «Мысль этого произведения,— писал критик,— прекрасно выражается его заглавием: «Не так живи, как хочется», особенно если прибавить другую половину пословицы: «а как бог велит»; но еще лучше можно бы выразить ее другой пословицей, тут же употребленной: «божье-то крепко, а вражье-то лепко». Здесь под божьим должно разуметь начало закона, под вражьим начало страсти, воюющей противу закона». По мнению Филиппова, Островский проповедует «кроткую покорность судьбе», терпение — качества, за которые он особенно хвалит автора.

Вместе с тем, Филиппов считает, что «это произведение, так прекрасно задуманное 〈...〉 по исполнению слабее всех других, дотоле писанных произведений г. Островского». Главным недостатком пьесы критик называет «слабость в создании характеров», в частности неудачное исполнение фигур Петра и Еремки. Петру следовало придать больший размах, разгул; у Островского же Еремка «похож более на шута, чем на колдуна и вовсе уж не производит на читателя того околдовывающего впечатления, какое всегда есть в народном изображении этих лиц». Еремка пошл, вызывает своими словами скуку и досаду.

Не удовлетворяет критика и развязка драмы: «..здесь г. Островский показал свою обычную слабость; он не умеет никогда свести своего действия к круглому заключению, которое удовлетворило бы чувству читателя».

Причины недостатков пьесы Филиппов усматривает в неизжитом влиянии на Островского натуральной школы: «...ему как будто мешает ложный стыд и робкие привычки, воспитанные в нем *натуральным* направлением» (*«Русская беседа», 1856, № 1*).

Сходное с этим мнение высказывал Ап. Григорьев. Еще до публикации пьесы в журнале он писал в «Москвитянине» (*1855, № 3, февраль*): «Последняя драма Островского, еще более смелая по мысли, широкая по содержанию, новая по характерам, и еще более небрежная по формам, или, лучше сказать, пренебрегающая формами...» Именно после появления «Не так живи, как хочется» Ап. Григорьев объявил Островского «народным поэтом».

И позднее Ап. Григорьев неоднократно обращался к оценке этой пьесы. Так, в статье «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» (*«Русское слово», 1859, № 2 и 3*) есть любопытное высказывание, из которого очевидно, что критик не верил всерьез в раскаяние Петра, находя, что его смирения достанет лишь «до новой масляницы и до новой Груши». Образ Петра в целом он считал, однако, удачным и отмечал мастерское художественное изображение несколькими чертами размашистой до беспутства широкой русской натуры.

В статье «После «Грозы» Островского» (*«Русский мир», 1860, № 5, 6, 9, 11*) критик, отрицая сатирический элемент в творчестве Островского, писал, что и эта пьеса «столь мало—сатира, что в изображении главного самодура, старика Ильи Ильича, нет и тени комизма». Ап. Григорьев подчеркивает, что Островский изобразил здесь положительных героев. «Груша в особенности есть лицо, изображенное положительно, а не отрицательно, изображенное как нечто живое и долженствующее жить». Несмотря на это, критик здесь же признает, что «выполнение» пьесы стоит «ниже гениального замысла» (*Григорьев, I, 117, 252, 463, 473*).

Особое восхищение Григорьева вызывали сцены, где описывается древний праздник масленицы: «... в драме — кроме ее осязаемых и видимых лиц царит над всем лицо невидимое, жирное, плотское,— загулявшая совсем масляница 〈...〉 наиболее уцелевший остаток нашего старого и доселе еще присущего нам язычества, пора полнейшей плотской разнузданности», когда загул, «дикий до беснования, достигает своих крайнейших пределов» (*«Эпоха», 1864, № 3*). Именно в этой статье Ап. Григорьев высказал уверенность, что композитор Серов напишет музыкальную поэму на сюжет драмы.

Восторженным было мнение о пьесе третьего критика из кружка молодой редакции «Москвитянина» — Е. Н. Эдельсона. Через де-

сять лет по выходе пьесы он писал: «В драме ⟨...⟩ «Не так живи, как хочется» на вас отовсюду веет широко схваченною русскою жизнью, русским духом. В герое Петре Ильиче вы видите чисто русского удалого молодца с его отчасти дикою наклонностью к восторгам самозабвенья или попросту к загулу. Вы чувствуете, как бьется эта сильная натура среди стеснительных для ее воли принципов, жизненных условий и т. п. Вы видите в лицо те силы, которые борются в душе этого страстного человека, и автор до такой степени проникся народным миросозерцанием, что даже олицетворил эти силы почти в том виде, как представляет их себе народ наш. Еремка — почти нечистая сила, мещане Агафон и Степанида представители начала порядка, семейности, одним словом, добра, по народному представлению ⟨...⟩ все, решительно все в этой драме льет яркий свет на характер нашего народа, его религиозные, бытовые и т. п. воззрения» *(БДЧ, 1864, № 1)*.

Воспевание Островским смирения и покорности, возведение этих черт в идеал импонировало и либералу А. В. Дружинину, который считал пьесу «одним из самых поэтических созданий Островского». В статье, опубликованной в «Библиотеке для чтения», он подчеркивал право Островского выразить положительные стороны русской жизни. Особенно его восхищает образ Груши — «верх художественного совершенства и пленительнейшее женское создание изо всех женщин нашего автора». В ней сосредоточены черты «русской девушки всех лучших наших сказок и песен: простота, бойкость, сила физическая и душевная, горячность, ласковость, веселость, наконец, какая-то особенная удалая грация...» Вместе с тем Дружинин отмечает несценичность развязки и соглашается с предыдущими критиками в том, что колдун Еремка «мелок и нестрашен» *(БДЧ, 1859, № 8)*.

В печати раздавались и суровые критические голоса. В «Русском вестнике» была помещена статья Ф. Д., в которой рецензент, опровергая основные посылки и выводы Филиппова, утверждает, что Островский обратил внимание лишь на одну сторону русского быта и отнюдь не самую характерную. Критик саркастически замечает: «В том быту, который старается изобразить нам автор, мы не видим ничего, кроме крепости, качество, положим, драгоценное, но конечно не единственное в христианском семействе. Мы убеждены, что на этом начале русская жизнь не остановилась и продолжает, в духовном общении с остальными народами, вырабатывать в себе и другие хорошие стороны» *(«Русский вестник», 1856, май, кн. 2)*.

Резкое суждение о пьесе высказал в «Атенее» критик Н. П. Некрасов. Он отвергает идею драматурга: «...кто слепо повинуется закону, старому обычаю, как бы они ни были жестоки, тот вознаграждается за свое терпение, за свою покорность!..» Даже мягкий и добрый Агафон, отмечает рецензент, выступает проповедником жестокости. В нем нет теплого чувства к дочери, «суровый закон, мертвая буква разбили человека, подавили в нем все свободные чувства человеческие...». Поведение Петра, по мнению критика «Атенея», не имеет достаточного психологического основания: «...превращение негодяя в православно-добродетельного человека все-таки остается чудом в драме г. Островского» *(«Атеней», 1859, № 7—8)*.

Суровым и пристрастным был отзыв «Отечественных записок». Рецензент Н. Н. (Н. С. Назаров) объявил пьесу «пародией на драму» и закончил статью свою выводом о неуклонном падении таланта драматурга *(«Отеч. зап.», 1859, № 8)*.

Особый интерес представляют оценки критиков революционно-демократического лагеря — Н. А. Некрасова и Н. А. Добролюбова. В «Заметках о журналах за декабрь 1855 года...» (*«Совр.», 1856, № 2*) Некрасов отмечает в пьесе «живые и мастерски очерченные лица 〈...〉 верность языка, русский склад и в жизни и в речи 〈...〉 от всех его лиц действительно веет русским духом». «Лучше и выдержаннее всех лиц — Груша. Кажется, так и видишь ее, слышишь ее смех. Это настоящая русская девушка, смышленая, даже лукавая, но с душой,— беззаботно веселая, но с характером».

Следует иметь в виду, что эти «Заметки» писались в то самое время, когда Некрасов старался привлечь на сторону «Современника» все лучшее, талантливое, что было тогда в русской литературе. С Островским уже велись предварительные переговоры о его участии в журнале. Поэтому редактор «Современника» осторожно говорил о недостатках пьесы, но это не помешало ему отметить ее слабые стороны. Так, Некрасов считает, что сцена на постоялом дворе, где автор свел всех своих героев, неправдоподобна; возражает против «крутой развязки». «Внутреннее чувство зрителя не может не смутиться при внезапной перемене возвращающегося Петра, и никакая игра актера тут помочь не может».

Основной недостаток Островского Некрасов видит в том, что драматург преднамеренно сужает себя, подчиняет «системе», приступает к изображению русской жизни «с наперед принятым воззрением». Нетрудно уловить здесь намек на славянофильские увлечения Островского. «Нам остается желать,— заключает Некрасов,— чтобы г. Островский шел вперед своею дорогой, не стесняя и не задерживая самого себя...» *(Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч., т. IX, М., Гослитиздат, 1950, стр. 375—378)*.

Наиболее глубокое истолкование идейного смысла драмы дал Добролюбов в статье «Темное царство». Анализируя более чем десятилетний период творчества Островского, критик рассматривал пьесу в системе произведений, написанных к этому времени, как драму, разоблачающую социальный порок — самодурство. Именно с этой точки зрения оценивал он коллизию драмы, характеры и поступки действующих лиц. Петр ведет себя как самодур, который «считает себя вправе нарушить, когда ему угодно, даже те правила, которые им самим признаны...». «Самодурный быт» вытравляет в человеке все человеческие черты, если даже от рождения он наделен мягким и отзывчивым характером, как, например, отец Дарьи Агафон: «...как добр и чувствителен этот старик и как он в то же время жестокосерд, единственно потому, что не имеет никакого сознания о нравственном значении личности и все привык подчинять только внешним законам, установленным самодурством».

О художественных недостатках пьесы Добролюбов говорил осторожно, ссылаясь на предыдущую критику. «В литературном отношении пьесу эту признают незамечательною, упрекают в слабости концепции, находят натяжки в некоторых сценах и пр.» *(Добролюбов, V, 109—111)*.

И сам Островский сознавал, что пьеса не имела большого успеха. В статье «Литературная заметка» (конец июля 1856 г.) он писал: «Холоднее других была принята только драма «Не так живи, как хочется». Но укажите нам хоть одного драматического писателя, которого бы все пьесы имели одинаковый успех» *(ПСС, XIV, 57)*.

Художественные достоинства пьесы критики разных направлений оценивали сдержанно или даже скептически. Лишь немногие

литераторы принимали пьесу безусловно. К числу их относился Лев Толстой. А. А. Стахович записал разговор с Толстым, бывший в ноябре 1886 г.: «Л. Н. вспомнил, что, когда появилась драма Островского «Не так живи, как хочется», он, получив номер журнала, в котором она была помещена, прочел ее вслух при Тургеневе, очень хорошо и особенно удалась ему роль Груши — ее молодое, разудалое веселье и поразившее ее неожиданное горе» (*«Толстовский ежегодник», 1912, М., изд. Об-ва Толстовского музея, стр. 28*). Возможно, что «Власть тьмы» была навеяна драмой Островского. Из слов Стаховича известно, что он читал больному Толстому пьесы Островского и Гоголя в октябре 1886 г., после чего Толстой энергично начал писать «Власть тьмы» *(там же, стр. 27)*.

Впервые публика познакомилась с драмой в постановке Малого театра: 3 декабря 1854 г. пьеса была показана в бенефис актера К. Н. Полтавцева. К этому дню Островский спешно дописывал свою драму. Кроме Полтавцева — Петра роли исполняли: Илья — В. А. Дмитревский, Даша — Н. М. Медведева, Афимья — С. П. Акимова, Агафон — П. М. Садовский, Степанида — М. Д. Львова-Синецкая, Вася — С. В. Васильев, Спиридоновна — Е. М. Кавалерова, Груша — Л. П. Никулина-Косицкая, Еремка — П. Г. Степанов и другие.

Спектакль не имел большого успеха, хотя рецензент «Санкт-петербургских ведомостей» Н. Назаров в своем отчете высоко оценивал игру московского ансамбля: «...не нахожу достаточно слов, чтоб хвалить их. И г-жа Акимова в роли тетки Афимьи, и г. Дмитревский (Илья), и г-жа Никулина-Косицкая (Груня), и г. Степанов в роли Еремки — все были превосходны». Особо выделял Назаров Садовского. «Из второстепенной роли Агафона он сделал резкий тип живого человека 〈...〉 Ест ли Садовский лепешку дорожную, говорит ли он жене, что не след торопиться и сокрушаться по-пустому, высказывает ли он свою задушевную мысль,— вы так и видите перед глазами сухого и несколько простоватого старичка, который давным-давно забыл свою молодость; но все это без суровости, без гнева, с кротостью...».

Сам бенефициант заслужил серьезный упрек. Полтавцев (Петр) «следует трагической рутине, встряхивает поминутно головою, таращит глаза, особенным образом вскрикивает 〈...〉 ни манеры его, ни дикция не соответствуют ролям купцов».

«... Автора этой драмы,— заканчивает Назаров свою корреспонденцию,— вызывали по окончании пьесы три раза (т. е. он три раза появлялся в ложе), но (увы) далеко не единодушно...» *(«Спб. вед.», 1854, 18 декабря)*.

Пьеса продержалась на сцене недолго. В середине февраля 1855 г. по случаю смерти Николая I театры были закрыты на полгода. По окончании траура она не была включена в репертуар.

В 1860 г. П. Г. Степанов возобновил ее в свой бенефис. Драма была сочувственно встречена московской публикой. Театральный рецензент «Московских ведомостей» А. Н. Баженов писал: «Публика, как видно, дала себе труд пристальнее всмотреться в Илью, Дашу и Грушу; она увидела в них живых людей, которым не чуждо все человеческое; словом, она поняла их, а поняв, не могла отказать им в сочувствии» *(А. Н. Баженов, Сочинения и переводы, т. I, М., 1869, стр. 66)*.

В течение последующих пяти лет драма прошла десять раз. Она шла в том же составе, что и при первой постановке, поэтому суждения об отдельных ее исполнителях такого тонкого знатока театра, каким был Баженов, представляют большой интерес. Особенно нравилась ему мастерская, богатая нюансами и полутонами игра Никулиной-Косицкой. В сцене с Петром «у нее не пропало ни одно слово». Когда Груша узнает, что Петр женат, она произносит одно только выразительное «А-а-а!», в котором «сквозь принужденную радость, вылилась вся желчь оскорбленной души бедной девушки».

Видимо, Полтавцев, так неудачно выступивший в премьере, учел замечания рецензентов. Теперь Баженов отзывается о его исполнении весьма похвально: «...г. Полтавцев довольно полно и живо передал роль Ильи[1]; он показал его нам со всех сторон, во всех главнейших психических фазах: перед нами был то тиран — муж, то нежный, то отчаянный, то одумавшийся любовник, но всегда прямой и добрый человек». Критик находит, однако, что Полтавцеву не удалась заключительная сцена, где он слишком утрировал свое «хмельное состояние».

«Остальные роли довольно бледные ⟨...⟩ нашли себе хороших исполнителей и не пропали» *(там же, стр. 55—56)*.

В Петербурге драма впервые была поставлена в Александринском театре 12 января 1855 г., в бенефис А. Е. Мартынова. Роли исполняли: Илья—М. И. Григорьев, Петр—П. С. Степанов, Даша—А. М. Читау, Афимья — Ю. Н. Линская, Агафон — В. В. Самойлов, Степанида — П. К. Громова, Вася — П. И. Зубров, Спиридоновна — О. А. Рамазанова, Груша — Е. М. Левкеева, Еремка — А. Е. Мартынов.

«Санктпетербургские ведомости» поместили очень суровый отчет об этом спектакле за подписью W. Объявив, что вся пьеса написана поспешно, сшита на живую нитку, критик нашел в ней одну сцену, верную действительности,— сцену Даши и Васи в первом действии. Узнав об измене мужа, «Даша, едва держась на ногах, тащится до двери, призывает тетку и для выражения своей горести находит только слово: «Променял!». Г-жа Читау вела всю эту сцену превосходно и была вызвана; напрасно только она так много размахивала руками, чтобы выразить отчаяние Дарьи...».

Рецензент умолчал об игре Мартынова, ограничившись замечанием, что кузнец Еремка «нисколько не нужен для хода драмы, а вставлен только для наполнения сцены». Самой неудачной критик называл сцену на постоялом дворе, когда раскрывается обман Петра. Груша пьет, объявляет, что пьяна, и это, по мнению критика, отвратительно. Левкеева, считает он, неудачно воспроизвела на сцене неудачно же выполненный автором характер *(«Спб. вед.», 1855, 22 января)*. Тот же упрек Левкеевой делает в «Хронике Петербургских театров» и А. И. Вольф. Несмотря на многие патетические сцены,— пишет хроникер,— пьеса поразила публику своим реализмом. Драма в кабаке и пьяная героиня показались многим профанацией искусства (см.: *В о л ь ф, ч. I, стр. 175)*.

До закрытия театров по случаю смерти Николая I пьеса была сыграна всего три раза.

В октябре 1864 г. Левкеева возобновила драму на сцене Александринского театра в свой бенефис. Отзывы современников об

---

[1] Ошибка А. Баженова — имеется в виду Петр.

этом спектакле противоречивы. Рецензент «Санктпетербургских ведомостей» В. Александров, отмечая, что театр был полон, считает все же, что «пьеса вторично пала». Причину этого он видит в плохом актерском исполнении. Вольф же находит постановку удачной: Левкеева «по-прежнему играла Грушу и играла хорошо ⟨...⟩ В этот раз драма с пьяною Грушею не показалась уже слишком реальною, и молодое поколение смотрело ее с удовольствием. Как видно, в течение десяти лет вкус публики значительно изменился под влиянием новых идей, проникших в литературу и в общество» *(Вольф, ч. 3, стр. 29)*.

Летом 1872 г. драма дважды была дана в Московском народном театре на Политехнической выставке. В роли Петра дебютировал замечательный русский актер Модест Писарев.

Петербургская газета «Голос» поместила довольно резкий отзыв о спектакле, приписывая дебютанту неуспех пьесы. Рецензент признавал, правда, что при повторении артист исправил все недостатки и был местами очень хорош. В корреспонденции «Голоса» отмечалась также своеобразная трактовка образа Агафона. Актер К. Ф. Берг, по мнению критика, создал новый тип Агафона, не похожий на тип Садовского, противопоставив физическую мощь героя его нравственной немощи, бессилию воли. У его Агафона — апатичный мир души и совести (см.: *«Голос», 1872, 11 июля)*.

С подробным разбором игры каждого исполнителя выступил в «Московских ведомостях» Д. В. Аверкиев. Спектакль в целом он считал удачным и высказал множество интересных и тонких замечаний об исполнении Писарева. «...Удальство Петра, его тоска и бред (в третьем акте), страстность его натуры, переходящая порой в дикость, были выражены мастерски. Отдельные штрихи ⟨...⟩ поражали своей смелостью, силой, твердостью и оригинальностью». По мнению Аверкиева, Писарев обнаружил здесь крупное дарование на исполнение сильных драматических ролей *(«Моск. вед.», 1872, 12 июля)*.

В январе 1890 г. пьеса была показана в Обществе искусства и литературы. Роль Петра исполнял К. С. Станиславский. Позже он писал, что роль совершенно не удалась ему, и анализировал причину провала. «В роли и пьесе большая широта, разгул, сильные страсти, психологическое нарастание и трагический подъем». Станиславский считал, что не сумел передать внутреннего образа богатыря Петра «с широкой русской душой, стихийным темпераментом, большой любовной страстью, переходящей в ревность, отчаяние, безумие» *(К. С. Станиславский, Моя жизнь в искусстве, М., «Искусство», 1962, стр. 166—167)*. Характерно, что Станиславский всю вину за неудачу брал на себя, признаваясь, что внутренне не вжился в образ, и свой неуспех не пытался объяснить несовершенством пьесы.

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 18 раз, в Петербурге, на сцене Александринского театра, — 10 раз (последний спектакль в Москве состоялся 30 апреля 1882 г., в Петербурге — 6 февраля 1883 г.).

Идея создать музыкальное произведение на тему драмы принадлежит Ап. Григорьеву. Эту мысль он неоднократно высказывал А. Н. Серову, которому импонировали широкая песенная стихия драмы, элементы народного сказа. Жена композитора вспоминает,

что, перечитывая драму в 1867 г., он пришел в восхищение. «Какой музыкальный сюжет! — вырвалось у него невольно» *(В. С. Серова, Серовы А. Н. и В. А., Спб., «Шиповник», 1914, стр. 102).*

23 апреля 1867 г. композитор обратился к драматургу с предложением написать либретто будущей оперы. «Еще с покойным Аполлоном Григорьевым,— писал Серов,— мы много раз толковали, что это отличный сюжет для русской народной оперы, где кроме действующих лиц пьесы будет еще одно, для драмы невозможное: это — «сама широкая масляница», во всем ее русском разгуле,— попойка, песни, катанье на тройках с бубенчиками и т. д., будет и ново, и живо, и все как следует...» *(«Островский и русские композиторы. Письма», М.—Л., «Искусство», 1937, стр. 102).*

Островский ответил уклончиво. Писал, что сюжет «неудобен» для оперы, «мелок, весь интерес вертится на загуле ⟨...⟩ в этом сюжете мало картинности для сцены», рекомендовал искать сюжет у других писателей *(ПСС, XIV, 154).*

Серов продолжал настаивать. 26 мая 1867 г. он вновь пишет Островскому, что пьеса его обладает внутренним драматизмом, необходимым для оперы, и дает возможность создать чисто русскую народную оперу *(«Островский и русские композиторы», стр. 105).*

Островский соглашается писать либретто. 4 июня в Щелыкове он принимается за работу, а уже к 20-му оканчивает первый акт. Серов был очень доволен началом. Получив из Щелыкова первую картину, он писал Островскому: «...Вы *хорошо* понимаете, что именно требуется *музыкально-сценическими* условиями». К январю 1868 г. Островский закончил либретто и передал его Серову. 8 января композитор в письме благодарит писателя за присылку либретто, называя его «образцовой вещью» *(там же, стр. 112 и 123).*

Однако в дальнейшем Серов изменил свое отношение к присланному драматургом материалу. Через полгода, 28 июня 1868 г., он пишет Островскому, что считает либретто неоконченным, требует дать опере «кровавую развязку» — Даша в исступлении должна сама броситься на нож Петра. Серов намечает совершенно иной план либретто, требует изменения характеров и коллизии (см.: *там же, стр. 124—125).* Жена Серова писала: Островский «к сцене масленичного загула примешал бесов — настоящих, с хвостами, рогами и проч. чертовскими атрибутами,— якобы смущающих толпу загулявших; а Еремку выставил ⟨...⟩ полудиаволом в зипуне». К тому же Серову «чуялась неизбежная роковая катастрофа в конце» *(В. С. Серова, Серовы А. Н. и В. А., стр. 111 и 112).*

Актер А. Н. Витмер вспоминает свой разговор с Серовым о либретто оперы. «Когда Серов говорил о предположенном им изменении сюжета комедии Островского и я спросил его, зачем он хочет это сделать, тем более, что звон колокола казался мне, профану, хорошей темой для музыканта, А. Н. Серов отвечал, что так кончить, кончить по Островскому, значило бы кончить ничем: драма назревала и должна была привести к трагическому концу, а иначе «зачем бы было и огород городить» *(«Исторический вестник», 1915, № 5).*

Островский настаивал на своей концовке. Дело кончилось тем, что Островский перестал отвечать на письма. Серов привлек к работе над либретто оперного переводчика П. И. Калашникова, потом занялся им сам совместно со своим знакомым А. Ф. Жоховым. Либретто было написано, финальная сцена его резко отличалась от развязки драмы. Название оперы «Вражья сила» было взято из

либретто, написанного драматургом (эти слова — «вражья сила» — произносит у Островского одно из действующих лиц). Работу над оперой Серов закончить не успел. Вступление и пятое действие были оркестрованы Н. Ф. Соловьевым уже после смерти композитора (подробнее о сотрудничестве Островского и Серова см.: *А. И. Ревякин, Москва в жизни и творчестве А. Н. Островского, М., «Московский рабочий», 1962, стр. 382—391).*

Первая постановка «Вражьей силы» состоялась в Мариинском театре в Петербурге 19 апреля 1871 г. Дирижировал Э. Ф. Направник.

В Большом театре в Москве опера была исполнена 15 ноября 1881 г.

Стр. 383
Нонче дни прощеные...— Прощеный день — последний день масленичной недели, воскресенье, накануне великого поста. По традиции в этот день близкие родственники и друзья испрашивают прощение за прегрешение друг у друга и с поцелуем прощают обиды.

Стр. 386
Удалая голова...— русская народная песня. Текст ее был широко известен (см.: *«Песенник. 1808», № 307, «Песни, собранные Н. В. Гоголем», изд. Г. П. Георгиевским. — «Издание ОРЯС импер. АН», Спб., 1908, стр. 36—37).*

Стр. 387
Востоскуйся ты моя, ты моя сударушка...— Песня записана А. Н. Островским и передана им К. П. Вильбоа, который и поместил ее в сборнике «Русские народные песни» *(1860, № 16).* Текст песни есть также в собрании «Сорок народных песен, собранных Тертием Филипповым» *(М., 1882, № 23)* с пометой: «Записано в Москве».

Стр. 390
Поеду в Рогожскую, найму лошадей.— Имеется в виду Рогожская ямская слобода, одна из пяти московских ямских слобод, основанных в XVI в.
Изба на постоялом дворе.— В *ТПК* после этих слов идет дальнейшее описание: «...на задней стене дверь и русская печь, на левой окно, подле печки скамья, на левой стороне на авансцене русский стол и скамья, направо шкаф».

Стр. 391
...метать промеж себя ∽ супротив говорить не смели. — По свидетельству И. А. Шляпкина, эти слова составляли надпись на постоялом дворе Коровина на Тележной улице (Рогожской) и списаны И. Ф. Горбуновым по просьбе Островского *(«Русская литература», 1960, № 1, стр. 155).*

Стр. 393
Как у молодца, у удалого...— Вариант песни есть в сборнике А. И. Соболевского «Великорусские народные песни» *(т. III, 1897, № 528, 530).* Но текст, использованный Островским, по-видимому, записан им самим.

Стр. 394
Мне не дорог твой подарок...— отрывок из очень распространенной русской песни «По улице мостовой» (см.: *«Песенник. 1808», № 324;*

Соболевский, т. IV, 1898, № 740—741). Островский, видимо, сам записал эту песню во Владимирской губернии, так как только там бытовал вариант, который использован в драме.

Стр. 399
Полечу я пташечкой, кукушечкою...— Песня начинается словами «Калину с малиною вода поняла» (см.: *И. Сахаров, Песни русского народа, ч. 4, Спб., 1838, стр. 43; Ап. Григорьев, Русские народные песни.— Собр. соч., вып. 14, М., 1915, стр. 10—11*).

Стр. 403
Я на камушке сижу...— песня из разряда удалых. Записана А. Н. Островским и помещена в сборнике Вильбоа. Близкие варианты есть в собрании П. И. Якушкина *(Сочинения, Спб., 1884, стр. 704)* и у Т. Филиппова под № 37. Сходный с этим вариант есть у Соболевского *(т. III, № 340 и т. VII (начало песни) № 290)*.
Исходила младенька все луга и болота...— Текст песни записан А. Н. Островским от цыгана Антона Сергеева *(Кашин, II, 399)*. Тождественный текст есть в сборнике Вильбоа «Сто русских песен» *(Спб., 1894, № 7)*, в собрании Якушкина *(стр. 602)* с пометой: «Записано А. Н. Островским», и у Соболевского *(т. III, № 223, 224)*.

Стр. 404
Сирота ль ты моя, сиротинушка...— Два варианта этой песни есть в собрании Соболевского *(т. IV, № 393 и 394)*, два — у В. Н. Добровольского *(«Смоленский этнографический сборник», ч. 4, М., 1903, стр. 295 и 297)*.

Стр. 407
Куманечек, побывай у меня...— Очень распространенная плясовая песня. Есть в собрании Соболевского *(т. IV, № 346)*. Фольклорист А. И. Орлов сообщает, что эта песня встречается во многих районах Ивановской области, в частности в Кинешемском, недалеко от усадьбы Щелыково (см.: *А. И. Орлов, А. Н. Островский и фольклор Ивановской области, Иваново, 1948, стр. 10)*.
...обморóк — то есть способный обморочить кого-либо. В материалах для словаря русского народного языка Островский дает такое объяснение: «Обморóк, м. Обманщик. От морочить, мрачить (от мрак?).— *Из старых нищих молодой — обморок. — Прежде были пророки, а теперь обмороки.* Волга, твер., Яросл.» *(ПСС, XIII, 333)*.

Стр. 408
Приворот — по народному поверью, заклинания или магические действия, могущие приворотить к кому-нибудь, вызвать приворотную любовь.

Стр. 411
Горюч камень алатырь...— По народному поверью, чудодейственный и целительный камень, обладающий способностью исполнять желания.

Л. Н. Смирнова

ДВЕ БИОГРАФИИ

При жизни автора очерк напечатан не был. Впервые опубликован М. Беляевым в сб. «Островский. Новые матерьялы. Письма. Труды и дни. Статьи», Л., ГИЗ, 1924.

Печатается по черновому автографу *(ПД)* с небольшими исправлениями по смыслу.

Как уже говорилось, очерк, начатый автором, видимо, в 1844 г., остался незаконченным: биография Яши не доведена до логического конца, а вторая биография вообще не написана. Кроме того, из уже написанного материала автор изъял вторую половину, начиная со смерти отца Яши, и перенес ее в очерк «Иван Ерофеич», а образ Максимки, занимающий в «Двух биографиях» довольно большое место, использовал в очерке «Кузьма Самсоныч».

По этим причинам очерк «Две биографии» печатается в настоящем издании в «Приложениях».

Стр. 417
На Зацепе — см. прим. к стр. 26.

Стр. 420
Кошанский — Н. Ф. Кошанский (1731—1831), профессор Царскосельского лицея, автор известного в свое время учебника риторики.
Франкер — Л.-Б. Франкёр (1773—1849), французский математик, академик; перевод его учебника «Полный курс чистой математики» (Спб., 1827) широко использовался в России и был принят за образец при создании русских учебников.

Стр. 421
...сходил к Троице, в Косино, в Новый Ерусалим.— Троица — см. прим. к стр. 40; Косино— село под Москвой с церковью, в которой находилась вывезенная из Италии икона Моденской божьей матери; Новый Ерусалим — монастырь под Москвой с храмом, повторяющим Иерусалимский храм в Палестине. Все это места паломничества московских богомольцев.

Е. И. Прохоров

СОДЕРЖАНИЕ

Островский А. Н.

О-77 Полное собрание сочинений. В 12-ти т. Под общ. ред. Г. И. Владыкина и др. Вступит. статья А. Салынского. Т. 1. Художественная проза.— Пьесы. 1843—1854. М., «Искусство», 1973.

576 с.; 1 л. портр.

В первый том настоящего издания вошли пьесы и художественная проза, написанные писателем с 1843 по 1854 год. Тексты заново выверены специалистами-текстологами по всем рукописным и печатным источникам. В комментарии даны сведения по истории создания произведений, отзывы современной Островскому критики, краткая сценическая история прижизненных постановок.

Р1

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ.

ТОМ 1

Редактор З. М. Пекарская

Художественный редактор Л. И. Орлова

Технический редактор В. Ф. Богданова

Корректор З. Д. Гинзбург

Сдано в набор 8/XII—1972 г. Подписано к печати 8/VIII—1973 г. Формат бумаги 84×108 1/32. Бумага типографская № 1. Усл. п. л. 30,346. Уч.-изд. л. 31,223. Изд. № 12969. Тираж 80 000 экз. Заказ № 3449. Цена 1 р. 60 к. Издательство «Искусство», Москва, К-51, Цветной бульвар, 25. Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

1 р. 60 к.